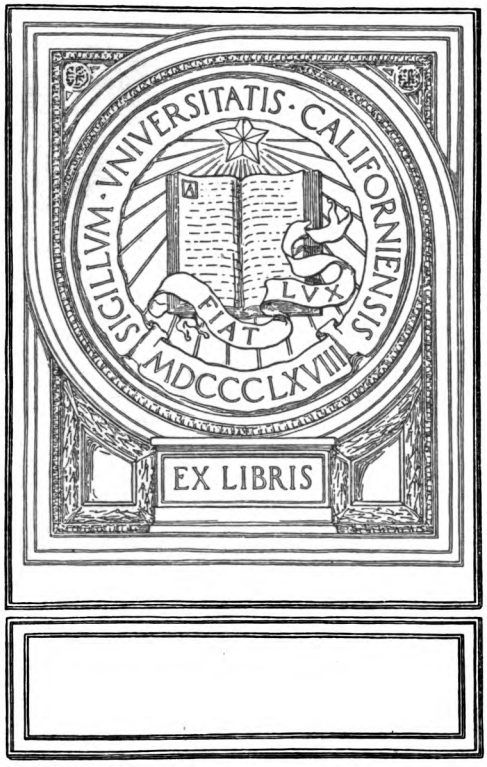
18213
M.S.
1901 - III



13
8.
111 - 14

Годъ X-й. м.с, № 3-й

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

МАРТЪ

1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. ФИЛОСОФІЯ КАНТА. Статья 1-я. (Теоретическая философія). Проф. Г. Челпанова 1
2. СТИХОТВОРЕНІЯ. ИЗЪ РИЧАРДА ГАРНЕТТА. 1) Пѣсни Сіона. 2) Жизнь и смерть. 3) Пѣвцамъ вѣка. О. Чюминой. . . 24
3. СИРОТА. (Изъ исторіи одной сѣренькой жизни). Повѣсть М. Альбова. (Продолженіе) 26
4. ГЕНРИКЪ ИБСЕНЪ, КАКЪ ЧЕЛОВѢКЪ И ПИСАТЕЛЬ. По «Воспоминаніямъ» норвежскаго писателя Джона Паульсона. П. Ганзена. 57
5. РАЗНЫМИ ПУТЯМИ. Разсказъ Элизы Ожешко. Переводъ съ польскаго М. Троповской. 87
6. ЗАПИСКИ ВРАЧА. В. Вересаева. (Продолженіе). 103
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. СОНЕТЪ. Сергѣя Маковскаго 134
8. РАЗВИТІЕ БІОЛОГІИ ВЪ XIX СТОЛѢТІИ. Переводъ съ нѣмец. В. Вихерскаго 135
9. СОВРЕМЕННАЯ ПОМѢЩИЦА КОРОБОЧКА И ЕЯ ХОЗЯЙСТВО. Деревенскіе очерки Л. Нелидовой. (Окончаніе) . . 153
10. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Гл. III. Промышленная революція. М. Туган-Барановскаго. (Продолженіе) 187
11. НЕУДАЧНИКЪ. (Фостэ Форландъ). Романъ Іонаса Ли. Перев. съ норвежскаго З. Зенковичъ. (Продолженіе) 202
12. РУССКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ НА ШПИЦБЕРГЕНЪ. Акад. О. Н. Чернышева (Окончаніе). 223
13. ОЧЕРКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВЪ XIX ВѢКѢ. Либерализмъ и первая историческая формула борьбы классовъ. Проф. Р. Виппера. 246
14. СТИХОТВОРЕНІЕ. ЗИМОЙ. Г. Галина. 274

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

15. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Сибирскіе разсказы» г. Короленки.—Повѣсть о замерзшей совѣсти.—«Искорки» г. Рубакина.—Могутъ ли найденныя имъ «искорки» разгорѣться въ большое пламя.—Сорокалѣтіе смерти Тараса Шевченки.—Памяти В. А. Манасеина. А. Б. 1
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Финляндская манифестація въ Гельсингфорсѣ.—Полицейская расправа.—Бакинское пожарище.—Деревня безъ земства.—За мѣсяцъ. 13

Годъ X-й. № 3-й.

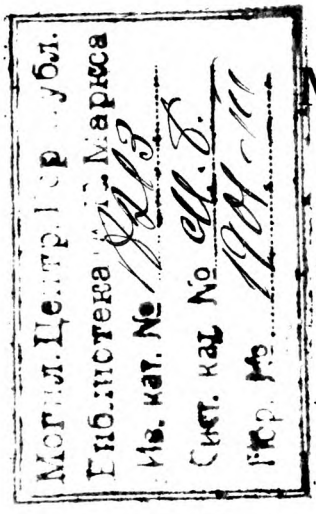
МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.



МАРТЪ

1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.

Дозволено цензурою 26-го февраля 1901 года. С.-Петербургъ.

АРСО
М-17
1901:3
МАМ

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. ФИЛОСОФІЯ КАНТА. Статья 1-я. (Теоретическая философія). Проф. Г. Челпанова 1
2. СТИХОТВОРЕНІЯ. ИЗЪ РИЧАРДА ГАРНЕТТА. 1) Пѣсни Сіона. 2) Жизнь и смерть. 3) Пѣвцамъ вѣка. О. Чюминой. . . 24
3. СИРОТА. (Изъ исторіи одной сѣренькой жизни). Повѣсть М. Альбова. (Продолженіе) 26
4. ГЕНРИКЪ ИБСЕНЪ, КАКЪ ЧЕЛОВѢКЪ И ПИСАТЕЛЬ. По «Воспоминаніямъ» норвежскаго писателя Джона Паульсона. П. Ганзена. 57
5. РАЗНЫМИ ПУТЯМИ. Разсказъ Элизы Ожешко. Переводъ съ польскаго М. Троповской. 87
6. ЗАПИСКИ ВРАЧА. В. Вересаева. (Продолженіе). 103
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. СОНЕТЪ. Сергѣя Маковскаго 134
8. РАЗВИТІЕ БІОЛОГІИ ВЪ XIX СТОЛѢТІИ. Переводъ съ нѣмец. В. Вихерскаго 135
9. СОВРЕМЕННАЯ ПОМѢЩИЦА КОРОБОЧКА И ЕЯ ХОЗЯЙСТВО. Деревенскіе очерки Л. Нелидовой. (Окончаніе) . . 153
10. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Гл. III. Промышленная революція. М. Тугана-Барановскаго. (Продолженіе) 187
11. НЕУДАЧНИКЪ. (Фостэ Форландъ). Романъ Іонаса Ли. Перев. съ норвежскаго З. Зенковичъ. (Продолженіе) 202
12. РУССКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ НА ШПИЦБЕРГЕНЪ. Акад. Ѳ. Н. Чернышева (Окончаніе). 223
13. ОЧЕРКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВЪ XIX ВѢКѢ. Либерализмъ и первая историческая формула борьбы классовъ. Проф. Р. Виппера. 246
14. СТИХОТВОРЕНІЕ. ЗИМОЙ. Г. Галина. 274

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Сибирскіе разсказы» г. Короленки.—Повѣсть о замерзшей совѣсти.—«Искорки» г. Рубакина.—Могутъ ли найденныя имъ «искорки» разгорѣться въ большое пламя.—Сорокалѣтіе смерти Тараса Шевченки.—Памяти В. А. Манасеина. А. Б. 1
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Финляндская манифестація въ Гельсингфорсѣ.—Полицейская расправа.—Бакинское пожарище.—Деревня безъ земства.—За мѣсяцъ. 13

884323

стр.

17. ВОПРОСЪ ОБЪ ОРГАНИЗАЦІИ ОБЩЕСТВЕННАГО ПРИЗРѢНІЯ ВЪ ЧЕРНИГОВСКОМЪ ГУБ. ЗЕМСТВѢ. (Письмо изъ Чернигова). М. Д—ва. 22
18. БОРЬБА ВЯТСКАГО ЗЕМСТВА СЪ ЛУБОЧНЫМИ ИЗДАНІЯМИ. (Письмо изъ Вятки). Вятича. 25
19. Изъ русскихъ журналовъ. Педагогическіе идеалы буржуазіи.—Заброшенныя учебныя заведенія.—Новѣйшая польская литература.—Самая передовая страна въ мірѣ.—Положеніе русской кустарной промышленности.—Итоги парижской выставки 1900 г. 27
20. За границей. Перемѣна царствованія въ Англіи.—Максъ фонъ-Петтенкоферъ.—Вопросы общественной жизни и воспитанія во Франціи.—Въ Швеціи.—Изъ жизни въ Америкѣ.—Испанскій кризисъ.—Китайскій посланникъ въ роли публичнаго лектора.—Изъ области женскаго движенія. 36
21. Изъ иностранныхъ журналовъ. Гаремъ султана.—Союзъ матерей.—Бурскія характеристики.—Воспоминанія объ Андре.—«Цивилизованные» европейцы и «нецивилизованный» Китай. 51
22. ДЖУЗЕППЕ ВЕРДИ. (1813—1901 г.). Виктора Вальтера. . . 55
23. ФАНТАЗІЯ ВЪ XIX СТОЛѢТІИ. М. Г. 60
24. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ О физическомъ строеніи планетъ. К. Покровскаго. 63
25. НАУЧНЫЯ НОВОСТИ. Внезапное появленіе новой блестящей звѣзды «Nova Persei».—Силы давленія лучистой энергіи.—О слезахъ и смѣхѣ животныхъ.—О симбіозѣ муравьевъ и гусеницъ.—Химія въ археологіи. В. Агафонова. 74
26. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ» Содержаніе: Беллетристика.—Публицистика.—Исторія русская.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Біологія и ботаника.—Гигіена и медицина.—Народныя изданія.—Справочныя изданія.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію 79
27. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 105
28. НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ. Русскій демократъ г. Сурковъ и прусскій монархистъ Лассаль. (Къ характеристикѣ Лассаля).—Въ чемъ смыслъ моего «нризыва». П. Струве. 108
29. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. Д-ра Орѣчкина. 114

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

30. ВЪ СТРАНУ ЛАМЪ. Путешествіе по Китаю и Тибету. В. В. Рокхиля. Перев. съ англійскаго подъ редакціей В. К. Агафонова съ предисловіемъ и примѣчаніями Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Съ рисунками и картой 61
31. ОБЕЗДОЛЕННЫЕ. Романъ Самуэля Гордона. Перев. съ англ. А. Каррикъ. (Продолженіе) 67

Могил. Центр. Гор. Публ.
Библиотека им. К. Маркса
Ив. кат. № 18213
Сист. кат. № М. Т.
Пор. № 1901-III

ФИЛОСОФІЯ КАНТА.

СТАТЬЯ 1-я.

(Теоретическая философія)

Проф. **Г. Челпанова**.

«Что все наше познаніе начинается вмѣстѣ съ *опытомъ*, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія» («Критика Чистаго Разума»).

Въ настоящей статьѣ я предполагаю познакомить нашихъ читателей съ философскимъ ученіемъ Канта. Знакомство съ нимъ представляется важнымъ не только потому, что оно имѣло такое огромное вліяніе на философію XIX вѣка вообще, но и потому, что современныя важнѣйшія философскія ученія всецѣло проникнуты взглядами Канта.

Это воздѣйствіе кантовской философіи произошло въ 60-хъ годахъ послѣ того, какъ разочарованіе и въ крайнемъ идеализмѣ, и въ крайнемъ матеріализмѣ привело къ лозунгу: «Надо вернуться къ Канту». Требованіе это сдѣлалось началомъ развитія одной философской дисциплины, занимающей въ современной философіи главное мѣсто, именно *теоріи познанія* или *гносеологіи*. Теорія познанія занимаетъ въ философіи настолько важное мѣсто, что многіе изъ современныхъ философовъ отождествляютъ основныя задачи философіи съ задачами теоріи познанія. По ихъ мнѣнію, задача философіи въ настоящее время можетъ сводиться только лишь къ изслѣдованію границъ и предѣловъ человѣческаго познанія, къ изслѣдованію того, что́ человѣческій умъ въ состояніи познать и отъ познанія чего онъ долженъ отказаться навсегда. По ихъ мнѣнію, нужно считать химерными попытки философіи рѣшать такіе вопросы, какъ вопросъ о безсмертіи души, о свободѣ воли и т. п. *).

Въ наши дни мы видимъ, какъ требованіе «вернуться къ Канту» вновь возникаетъ въ лагерѣ марксистовъ. Они, убѣдившись въ томъ, что матеріалистическая философія не можетъ дать прочнаго базиса для

*) См., напр., *Риль*. «Теорія науки и метафизика». М. 1887. Гл. 1-я.

обоснованія ихъ соціологическихъ теорій, или, вѣрнѣе сказать, убѣдившись въ томъ, что безъ философіи нельзя обойтись въ построеніи соціологическихъ теорій, произнесли требованіе о необходимости «вернуться къ Канту» *).

Изъ этого ясно, что ознакомленіе съ философскими взглядами Канта не лишено важности для современнаго читателя.

Приступая къ изложенію ученія Канта, я долженъ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній относительно самого изложенія. Едва-ли въ новѣйшей философіи былъ другой философъ, который оказалъ бы большее вліяніе на послѣдующихъ философовъ, чѣмъ Кантъ, но въ то же время, едва-ли чье-нибудь философское ученіе подвергалось большему искаженію, чѣмъ кантовское. Утвердилось мнѣніе, что Кантъ не доступенъ для пониманія, что его ученіе темно, непонятно. Но съ этимъ нельзя согласиться. По моему мнѣнію, его ученіе можетъ быть понято всякимъ образованнымъ человѣкомъ. Если же говорятъ, что его ученіе непонятно, то это происходитъ отъ того, что многіе приступаютъ къ изученію собственныхъ произведеній Канта безъ предварительной подготовки. Ученіе же его изложено дѣйствительно крайне неясно, сбивчиво, запутано. Кромѣ того, значительныя трудности для пониманія представляетъ его терминологія. Термины, которые онъ употребляетъ, по большей части имѣютъ историческое значеніе и могутъ быть понятны только тому, кто знакомъ съ философскими теченіями его времени. Надо принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что и въ научной литературѣ до послѣдняго времени кантовское ученіе понималось обыкновенно не вполнѣ точно, и только благодаря возникновенію въ 60-хъ годахъ школы неокантіанцевъ, мы имѣемъ въ настоящее время болѣе или менѣе отчетливое объясненіе различныхъ сторонъ кантовскаго ученія. Поэтому предварительное ознакомленіе съ комментаторами Канта есть необходимое условіе для тщательнаго изученія Кантовской философіи.

Предполагая дать общедоступное изложеніе системы Канта, я не всегда буду придерживаться терминологіи самого Канта, а по мѣрѣ возможности постараюсь изложить его ученіе въ терминахъ современной философіи. Моя задача—дать руководящія точки зрѣнія для пониманія ученія Канта, указать въ общихъ чертахъ на сущность его ученія, чтобы сдѣлалось яснымъ, что́ собственно сдѣлалъ для философіи Кантъ, причемъ я, разумѣется, буду совершенно отвлекаться отъ различныхъ подробностей. Я не имѣю въ виду дать исчерпывающаго изложенія ученія Канта. Кто желаетъ ознакомиться съ нимъ въ боль-

---

*) См., напр., *Woltmann.* «Der historische Materialismus». 1900. Русск. пер. *Вольтманнъ.* «Историческій матеріализмъ». Спб. 1901. О всемъ этомъ движеніи см. «*Vorländer.* «Kant und der Socialismus. Berl. 1900.

шей полнотѣ, тотъ долженъ обратиться къ спеціальнымъ монографіямъ и къ сочиненіямъ самого Канта *).

Для того, чтобы философія Канта сдѣлалась понятной, намъ необходимо предварительно разсмотрѣть, какія существовали до него главныя направленія въ постановкѣ философскихъ вопросовъ.

Какъ я уже указывалъ, главная заслуга Канта состоитъ въ томъ, что онъ придалъ особенно-важное значеніе теоріи познанія.

Но что такое теорія познанія?

Мы желаемъ понять сущность мірового процесса, мы желаемъ дать отвѣты на вопросы, что̀ такое душа, безсмертіе, свобода воли. Мы желаемъ разрѣшить эти вопросы при помощи нашего ума, мы желаемъ постигнуть при помощи нашего ума вещи, которыя намъ не даны въ нашемъ чувственномъ опытѣ, которыя недоступны нашему чувственному воспріятію. Философы до Канта строили свое міропониманіе, не подвергая сомнѣнію того, возможно ли оно. Но вотъ Кантъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые впервые поставили вопросъ о томъ, возможно ли такого рода познаніе **). Мы пытаемся разрѣшить различные вопросы, не отдавая себѣ отчета въ томъ, дѣйствительно ли мы въ состояніи разрѣшить ихъ. Можетъ быть, они неразрѣшимы, можетъ быть, умъ нашъ по самой природѣ своей не можетъ разрѣшить этихъ вопросовъ. Изслѣдованіе того, что̀ нашъ умъ можетъ познавать и чего не можетъ познавать по самой своей природѣ, и есть задача той философской дисциплины, которая называется теоріей познанія.

Въ постановкѣ этого вопроса состоитъ главная заслуга Канта. Кантъ поставилъ вопросъ о необходимости изслѣдовать нашу способность познанія, подвергнуть ее, такъ сказать, критикѣ, а потому и философія его называется *критической* ***). По той же причинѣ и главное его сочиненіе называется «Критика Чистаго Разума». Въ предисловіи этого сочиненія онъ говоритъ: «я подъ критикой понимаю не критику книгъ и системъ, но способности разума вообще по отношенію ко всѣмъ тѣмъ познаніямъ, къ которымъ разумъ можетъ стремиться независимо отъ всякаго опыта» ****), а вмѣстѣ съ этимъ критика имѣетъ

---

*) Лучшими изъ пояснительныхъ сочиненій о Кантѣ нужно считать: *Riehl.* «Der philosophische Kriticismus und seine Bedeutung für die positive Wissenschaft». B. I—II. 1876—1887. *Paulsen.* «Versuch einer Entwickelungsgeschichte d. Kantischen Erkenntnisstheorie». 1875. *Cohen.* «Kant's Theorie d. Erfahrung». 1885. (Это сочиненіе для начинающаго представляетъ много трудностей для пониманія). *Vaihinger.* «Commentar zu Kant's Kritik d. reinen Vernunft». B. I. 1881 и B. II. 1892. На русскомъ языкѣ имѣются два прекрасныхъ сочиненія о Кантѣ: *Паульсенъ.* «Кантъ, его жизнь и ученіе». 1899. *Виндельбандъ.* «Философія Канта». 1895.

**) До Канта на значеніе теоріи познанія указывалъ англійскій философъ Локкъ.

***) О прежнихъ философахъ, которые строили свое міропониманіе, не останавливаясь на вопросѣ о томъ, можетъ ли нашъ умъ познавать то, что ему приписывали, можно сказать, что они дѣйствовали *догматически*.

****) «Kritik d. reinen Vernunft», изд. Kehrbach'a, стр. 5—6.

въ виду рѣшить вопросъ о «возможности или невозможности матафизики вообще».

Прежніе философы думали, что при помощи *чистаго* разума, т.-е. разума, не пользующагося никакими опытными данными, можно построить метафизику, или науку о сверхчувственныхъ явленіяхъ. Кантъ хочетъ подвергнуть критикѣ именно чистый разумъ, т.-е. изслѣдовать, можетъ ли въ самомъ дѣлѣ чистый разумъ познавать что-либо не данное въ чувственномъ опытѣ.

Но какія вообще могутъ существовать основныя точки зрѣнія на нашу способность познанія?

Самый вопросъ о познаніи возникаетъ вотъ почему. Мы изъ повседневнаго наблюденія замѣчаемъ, что существуютъ вещи внѣ насъ и существуетъ умъ, который ихъ познаетъ. Мы отличаемъ наши *мысли* отъ *вещей*. Мы, напр., можемъ сказать, что дерево, которое находится внѣ насъ, и наша мысль о деревѣ—это суть двѣ различныя вещи. Въ самомъ дѣлѣ, дерево, которое растетъ около моего окна, могутъ вырубить. Дерево, какъ *вещь*, перестанетъ существовать, но моя *мысль* о деревѣ можетъ продолжать существовать. И наоборотъ, я могу въ настоящее время не думать о деревѣ, растущемъ возлѣ моего окна, у меня не будетъ дерева, какъ мысли, но дерево, какъ вещь, будетъ продолжать существовать. Слѣдовательно, можно сказать, что дерево, какъ мысль, и дерево, какъ вещь, это суть двѣ различныя вещи. Но спрашивается, есть ли на самомъ дѣлѣ дерево и мысль о деревѣ одна и та же вещь, или же, можетъ быть, это суть двѣ вещи? Можетъ быть, это суть двѣ кореннымъ образомъ отличающіяся другъ отъ друга вещи, между которыми не существуетъ ничего общаго, а можетъ быть, въ дѣйствительности они суть одно и то же. Можно сказать, что вопросъ о томъ, какимъ образомъ дерево-вещь становится мыслью—есть самый основной вопросъ теоріи познанія.

Самый простой отвѣтъ на этотъ вопросъ давали древніе матеріалисты. Они именно предполагали, что отъ вещей отдѣляется нѣчто вродѣ изображеній, которыя черезъ органы чувствъ попадаютъ въ нашу душу или мозгъ, и тамъ даютъ начало нашимъ мыслямъ о тѣхъ или другихъ вещахъ внѣшняго міра *). Аналогичный взглядъ нѣкоторые изъ современныхъ матеріалистовъ выражали такимъ образомъ, что «нашъ умъ есть какъ бы отраженіе того, что имѣется во внѣшнемъ мірѣ» **). При такомъ взглядѣ на отношеніе между внѣшнимъ міромъ и мыслью становится, повидимому, понятнымъ существованіе вещей въ видѣ вещей въ обыкновенномъ смыслѣ и въ видѣ вещей, какъ мыслей, но въ дѣйствительности эта теорія имѣетъ только видъ тео-

*) Объ этомъ см. мою книгу: «Мозгъ и душа». Спб. 1900 г., стр. 30.

**) Напр., см. *Энгельсъ*. «Ludwig Feuerbach und der Ausgang der Klassischen deutschen Philosophie». 1895 г., стр. 4, 15 и др. а также «Herrn Eugen Dührings Umwälzung d. Wissenschaft», 1894 г., стр. 8 и др.

ріи, на самомъ же дѣлѣ она представляетъ собою только образное сравненіе съ отражающимъ зеркаломъ, ничего въ дѣйствительности не объясняющее. Если бы даже признать правильность этой теоріи, то все-таки вопросъ, какимъ образомъ дерево-вещь можетъ сдѣлаться деревомъ-мыслью, остается по прежнему нерѣшеннымъ.

Итакъ, съ точки зрѣнія теоріи познанія нужно дать отвѣтъ на вопросъ, какимъ образомъ происходитъ то, что вещи или такъ-называемый объективный міръ становится предметомъ познанія. Эта проблема еще иначе называется проблемой *объ отношеніи между бытіемъ и мыслью.*

Въ самой тѣсной связи съ этимъ вопросомъ находится вопросъ о *происхожденіи познанія.*

Если сказать, что наше познаніе есть не что иное, какъ просто изображеніе или копія того, что имѣется въ объективномъ мірѣ, тогда мы получимъ особенную теорію познанія, которую можно назвать *сенсуалистической*. Эта теорія объясняетъ происхожденіе нашего познанія, исходя изъ того положенія, что наши органы чувствъ вполнѣ точно отражаютъ то, что имѣется въ объективномъ мірѣ. Наше познаніе вообще простирается только лишь настолько, насколько наши органы чувствъ отражаютъ внѣшнія явленія. Все, что мы имѣемъ въ нашемъ познаніи, есть продуктъ дѣятельности органовъ чувствъ. Всѣ наши мысли, даже самыя сложныя и самыя возвышенныя суть не что иное, какъ преобразованныя ощущенія.

Слѣдовательно, по этой теоріи есть только одинъ способъ познанія, именно познаніе при помощи чувствъ, а изъ такого взгляда на познаніе слѣдуетъ, что познаніе о сверхчувственномъ невозможно. Мы можемъ познавать только то, что прямо или косвенно подлежитъ вѣдѣнію нашихъ чувствъ, а то, что не можетъ такъ или иначе быть воспринято ими, то не подлежитъ нашему познанію. Поэтому человѣкъ долженъ отказаться отъ надежды познать сверхчувственное. Если такимъ образомъ признать, что познаніе при помощи органовъ чувствъ или *опыта* *), есть единственный источникъ познанія, т.-е. стоять на точкѣ зрѣнія сенсуалистической, то мы необходимо приходимъ къ признанію невозможности сверхчувственнаго познанія, т.-е. мы приходимъ къ *позитивизму.*

Тотъ взглядъ, что всѣ наши познанія получаютъ начало изъ чувствъ или изъ опыта, мы находимъ уже въ древности, напр. у софистовъ. Но правильно ли это ученіе? Дѣйствительно ли все, что ни есть въ нашемъ познаніи, можетъ быть выведено изъ дѣятельности органовъ чувствъ? Нѣтъ ли въ нашемъ познаніи такихъ элементовъ, которые нельзя вывести изъ дѣятельности чувствъ?

---

*) Обращаю вниманіе читателя на то, что я отождествляю такіе термины, какъ «чувственное познаніе», «познаніе при помощи органовъ чувствъ» и «*опытъ*». Этотъ послѣдній терминъ, какъ мы увидимъ ниже, употребляется еще и въ другомъ значеніи.

Платонъ, подвергавшій критическому изслѣдованію сенсуалистическое ученіе, пришелъ къ тому заключенію, что есть элементы познанія или понятія, относительно которыхъ нельзя утверждать, что они происходятъ изъ чувственнаго опыта. Напр. понятія: «бытія», «небытія», «тождества», «сходства», «равенства». Можно ли сказать, что мы, напр., идею «равенства» получаемъ изъ опыта, подобно тому, какъ мы получаемъ изъ опыта идеи «цвѣта», «звука» и т. п? Кажется, что было бы всего проще, если бы мы сказали, что идея «равенства» получается изъ созерцанія и сравненія равныхъ вещей, такъ какъ вообще тѣ или другія понятія получаются изъ сравненія тѣхъ или другихъ вещей, данныхъ намъ въ чувственномъ опытѣ. Платонъ съ этимъ не согласенъ. По его мнѣнію, мы не можемъ получить идею равенства изъ сравненія равныхъ вещей потому, что само сравненіе равныхъ вещей уже предполагаетъ идею равенства. Для того, чтобы мы могли приступить къ сравненію равныхъ вещей, чтобы находить въ нихъ равенство, мы уже должны обладать идеей равенства. Слѣдовательно, идея равенства должна получаться не изъ опыта *).

Такимъ образомъ, Платонъ долженъ былъ придти къ признанію, что существуютъ познанія, которыя не могутъ быть объяснены обыкновеннымъ чувственнымъ опытомъ. Но какой же существуетъ источникъ для познаній этого рода? По мнѣнію Платона, они получаются изъ самого духа. Какъ понять это утвержденіе? Кажется, что Платонъ признаетъ познанія, которыя находятся готовыми въ нашемъ умѣ. Повидимому, и объясненія Платона заставляли думать, что онъ именно это признаетъ. На самомъ дѣлѣ, онъ связывалъ вопросъ о происхожденіи познанія съ миѳологической теоріей о судьбѣ души до ея воплощенія. Человѣческая душа до ея соединенія съ тѣломъ жила въ особенномъ мірѣ, который онъ называетъ занебеснымъ. Этотъ міръ занебесный есть истинная дѣйствительность, это есть міръ «идей». Міръ, въ которомъ мы живемъ, собственно не есть истинный, а есть только лишь тусклое отраженіе того истиннаго міра. Наша душа, находясь въ занебесномъ мірѣ, созерцала эти истинныя реальности, она познакомилась съ ними до своего воплощенія. Въ моментъ своего воплощенія душа позабыла эти нѣкогда пріобрѣтенныя познанія, и они стали сохраняться въ ней въ неясномъ видѣ. И когда она теперь, въ своей земной жизни, созерцаетъ какія-либо вещи; то она вспоминаетъ, о томъ, что она раньше созерцала. Этимъ объясняется то обстоятельство, что душа можетъ имѣть идеи, которыхъ она по самому существу не можетъ воспринимать при помощи чувствъ. Это именно суть тѣ идеи, которыя она приноситъ съ собою при рожденіи. Оттого, по выраженію Платона, «наше познаніе есть воспоминаніе», именно воспоминаніе о тѣхъ идеяхъ, которыя душа нѣкогда созерцала до своей

*) См. его діалогъ «Теэтетъ». 186 и д. Ср. *Laas*, «Idealismus und Positivismus». B. I, стр. 56—57.

земной жизни. Это суть идеи прирожденныя или, какъ ихъ чаще называютъ, *врожденныя*.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ теоріи врожденныхъ идей. Терминъ «врожденныя идеи» очень многихъ вводилъ въ заблужденіе. Именно врожденными идеями въ настоящее время считаютъ всѣ тѣ идеи, которыя происходятъ не изъ чувственнаго опыта. Очень многіе думаютъ, что если философы признаютъ, что въ человѣческомъ познаніи есть элементы, которыхъ нельзя вывести изъ дѣятельности органовъ чувствъ, то это значитъ, что они признаютъ, что душа приноситъ ихъ съ собою *готовыми* при рожденіи. Всѣ при словахъ «врожденныя понятія» думаютъ, что дѣло идетъ о представленіяхъ, которыя въ такомъ же родѣ находятся въ человѣческомъ умѣ, въ какомъ вещи могутъ находиться въ какомъ-либо ящикѣ. Такъ какъ по отношенію къ представленіямъ это было бы нелѣпо, то и самое ученіе о врожденныхъ идеяхъ кажется такимъ же нелѣпымъ.

На мой взглядъ, и самъ Платонъ не такъ себѣ представлялъ врожденныя идеи. Если отбросить его миѳологическій способъ выраженія, то изъ его теоріи останется только убѣжденіе, что *есть элементы познанія, которые не могутъ быть выведены изъ чувственнаго опыта*.

Это ученіе о врожденныхъ идеяхъ въ новѣйшей философіи, именно у *Декарта*, приняло слѣдующую форму.

Декартъ исходилъ изъ того убѣжденія, что всякая наука, если она желаетъ считаться наукой въ собственномъ смыслѣ, должна ставить себѣ за образецъ математику, выводы которой обладаютъ полной достовѣрностью или аподиктической достовѣрностью.

Но почему собственно математика, этотъ образецъ всѣхъ наукъ, обладаетъ абсолютной достовѣрностью? Потому, что предметы, съ которыми она оперируетъ, не заимствуются нами изъ внѣшняго опыта, а суть построенія нашего ума. Въ самомъ дѣлѣ, въ геометріи и ариѳметикѣ мы не заботимся о томъ, существуетъ ли въ природѣ что-нибудь похожее на ихъ построенія. Мы, напр., опредѣляя свойства треугольника, имѣемъ дѣло не съ тѣми треугольниками, которые реально существуютъ въ природѣ, а съ идеальными, которые составляютъ продуктъ построеній нашего ума. По мнѣнію Декарта, *все, что мы мыслимъ ясно и отчетливо, то истинно*, а математическія положенія мы именно мыслимъ ясно и отчетливо. Слѣдовательно, намъ нѣтъ надобности искать оправданія правильности нашихъ математическихъ построеній въ соотвѣтствіи ихъ съ дѣйствительностью. Мы не должны искать критерія достовѣрности математическихъ построеній въ чувственномъ опытѣ, а должны искать обоснованія ихъ въ умѣ. Положенія математики получаютъ свою достовѣрность не изъ опыта, а изъ дѣятельности самого ума.

Эти идеи Декартъ, въ отличіе отъ просто опытныхъ идей, назы-

ваетъ *врожденными*, и къ числу ихъ относитъ общелогическіе принципы, математическія основныя понятія и т. п. *).

Но чтобы видѣть, до какой степени этотъ способъ выраженія можетъ вводить въ заблужденіе, я напомню о возраженіяхъ, которыя приводилъ *Локкъ* **) противъ этого ученія. Онъ именно говорилъ, что если бы было правильно то ученіе, по которому въ нашей душѣ существуютъ врожденныя идеи, по которому душа при рожденіи приноситъ какія-либо готовыя идеи, то нужно было бы, чтобы ребенокъ, когда у него является сознаніе, понималъ такія положенія, какъ «двѣ величины, порознь равныя третьей, равны между собою». Но вѣдь всякій знаетъ, что этого относительно ребенка никакъ нельзя утверждать. У него не только нѣтъ идей, но даже если бы мы захотѣли ему внушить ихъ, то онъ ихъ не понялъ бы. Пониманіе такихъ положеній предполагаетъ продолжительный опытъ. А изъ этого ясно, что эти идеи не могутъ быть признаны врожденными, а должны быть признаны пріобрѣтенными.

Но Локкъ, приводя возраженія этого рода, былъ совершенно неправъ, потому что Декартъ вовсе не признавалъ, что въ человѣческомъ умѣ находятся какія-нибудь *готовыя* идеи. Онъ, употребляя выраженіе «врожденныя» идеи, хотѣлъ только сказать, что эти идеи вырабатываются *независимо* отъ опыта, а это вовсе не значитъ, что эти идеи представляютъ что-либо готовое, приносимое человѣкомъ при рожденіи.

Мысль Декарта простѣйшимъ образомъ можно такъ выразить. Въ нашемъ познаніи есть нѣчто такое, что мы познаемъ черезъ посредство самого ума, независимо отъ дѣятельности нашихъ органовъ чувствъ. Критеріемъ достовѣрности является не соотвѣтствіе ихъ съ дѣйствительностью, а то обстоятельство, что мы ихъ мыслимъ ясно и отчетливо.

Признаніе существованія такихъ элементовъ познанія имѣло важное значеніе въ философіи. Философы стали говорить, что у насъ есть особый источникъ познанія, именно познаніе изъ самого разума, безъ участія дѣятельности органовъ чувствъ. Такихъ философовъ называли *раціоналистами*.

Раціоналисты, напримѣръ, Спиноза, разсуждали слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ мы въ математикѣ оперируемъ съ нашими идеями при помощи чистаго ума, независимо отъ воздѣйствія органовъ чувствъ, то каждая наука должна уподобиться ей въ этомъ отношеніи. Въ каждой наукѣ мы должны были бы также познавать при помощи только ума, безъ участія дѣятельности органовъ чувствъ.

Поясникъ это при помощи какого-либо примѣра. Между *вещами* существуетъ причинная связь. Въ причинной связи А есть причина,

---

*) См., напр., *Декартъ*, «Метафизическія размышленія». Спб. 1901, стр. 68—70.

**) См. его «Essay of human Understanding». Book. I. Ch. II.

В есть дѣйствіе. Между *понятіями* существуетъ отношеніе основанія и слѣдствія. По мнѣнію раціоналистовъ, если мы раскроемъ связь между понятіями и найдемъ, что логически они находятся другъ къ другу въ отношеніи основанія къ слѣдствію, то мы въ то же время раскроемъ причинную связь между вещами, имъ соотвѣтствующими, и можемъ сказать, что А есть причина В. Другими словами, по мнѣнію раціоналистовъ, намъ нѣтъ надобности смотрѣть на *вещи* А и В для того, чтобы открыть между ними причинную связь. Будетъ вполнѣ достаточно, если мы возьмемъ соотвѣтствующія этимъ вещамъ *понятія a* и *b* и поищемъ, нѣтъ ли между ними отношенія основанія къ слѣдствію. Если такое отношеніе окажется, то мы можемъ сказать, что А есть причина В.

Такъ разсуждали раціоналисты, которые думали, что не все наше познаніе получается изъ опыта, и что мы имѣемъ еще высшій родъ познанія, именно познаніе изъ одного разума.

Противъ этой теоріи раціоналистовъ возражали *эмпиристы*, лучшимъ представителемъ которыхъ является *Юмъ*, слѣдующимъ образомъ.

По мнѣнію Юма, у насъ нѣтъ никакого познанія, кромѣ того, которое мы можемъ имѣть, благодаря дѣятельности органовъ чувствъ. Всякое познаніе, которое мы имѣемъ, сводится на познаніе при помощи чувствъ, и только то познаніе можетъ быть признано настоящимъ познаніемъ, которое мы можемъ свести на ощущенія. Всѣ наши познанія сводятся въ концѣ концовъ на воспріятія при помощи органовъ чувствъ. Всякому познанію должно соотвѣтствовать что-нибудь въ ощущеніи. Если бы оказалось, что въ нашемъ познаніи есть что-нибудь такое, чему нельзя указать соотвѣтствующаго впечатлѣнія, то мы должны признать, что такое познаніе не есть истинное познаніе.

Возьмемъ взглядъ Юма на причинность. По его мнѣнію, неправы раціоналисты, когда они думаютъ, что можно узнать причинную связь вещей изъ познанія отношенія соотвѣтствующихъ имъ понятій. Въ дѣйствительности причинную связь между вещами можно узнать только изъ созерцанія реальной связи именно между вещами. Если бы мы не видѣли этой связи, то мы никогда не знали бы о существованіи между ними причинной связи. «Дайте,—говоритъ Юмъ,—человѣку съ самымъ выдающимся умомъ и способностями какой-нибудь предметъ, который для него является новымъ, и онъ при самомъ тщательномъ изслѣдованіи его свойствъ не будетъ въ состояніи открыть какую-либо изъ его причинъ или дѣйствій. Адамъ, о которомъ говорятъ, что его разсудочныя способности вначалѣ были совершенными, изъ прозрачности и жидкаго состоянія воды не могъ бы сдѣлать заключенія, что онъ можетъ въ ней задохнуться». Нужно, чтобы въ опытѣ мы видѣли соединеніе причины А съ дѣйствіемъ В, въ противномъ случаѣ мы не будемъ въ состояніи открыть причинной связи. Нашъ разумъ безъ помощи опыта не можетъ сдѣлать никакого заключенія о реальныхъ отношеніяхъ. Слѣдовательно, раціоналисты неправы, когда они гово-

рятъ, что мы можемъ познать причинную связь вещей изъ простого раскрытія связи между понятіями *).

Раціоналисты въ защиту аподиктической достовѣрности познанія, приводили въ доказательство то, что въ причинной связи между причиной и дѣйствіемъ существуетъ *необходимая* связь. Юмъ это оспариваетъ.

Если говорятъ, что въ причинной связи между A и B, кромѣ временной послѣдовательности, есть еще и необходимость, то, по мнѣнію Юма, это неправильно. Необходимости въ вещахъ нѣтъ. Ея реальность можно было бы признать только въ томъ случаѣ, если бы мы могли указать, какое впечатлѣніе ей соотвѣтствуетъ, но такъ какъ мы такого впечатлѣнія указать не можемъ, то ясно, что и самой необходимости реально не существуетъ.

Необходимость, о которой говорятъ раціоналисты, есть только видимость. Если говорятъ, что въ причинной связи A *необходимо* вызываетъ B, то это нужно понимать такимъ образомъ, что A въ нашемъ опытѣ часто связывалось съ B, такъ что когда является A, то за нимъ вслѣдъ является и B; при появленіи A мы привыкли ожидать B. Поэтому намъ кажется, что A необходимо вызываетъ B.

Не слѣдуетъ говорить, что A созидаетъ B необходимо, а слѣдуетъ говорить, что намъ *кажется*, что A необходимо созидаетъ B.

Изъ этого ясно, что мы вообще не можемъ быть увѣрены, что въ самомъ дѣлѣ между вещами существуетъ необходимая причинная связь; а изъ этого вытекаютъ слѣдующія важныя послѣдствія.

Если мы должны утверждать, что намъ только кажется, что A необходимо вызываетъ B, въ дѣйствительности же мы въ этомъ не можемъ быть увѣрены, то мы должны распространить это на всѣ причинныя связи и сказать, что вообще нельзя утверждать, что какая-нибудь причина *необходимо* вызываетъ какое-нибудь дѣйствіе. По мнѣнію Юма, общепринятое правило, что «все то, что начинаетъ существовать, должно имѣть *причину* существованія», не можетъ быть признано достовѣрнымъ. Другими словами: то, что мы именно называемъ закономъ причинности, вовсе не можетъ быть доказано, т.-е. вполнѣ мыслимо, что что-либо начинающее существовать можетъ получить существованіе безъ причины.

Но если мы станемъ утверждать, что законъ причинности не имѣетъ всеобщности, то что́ станетъ съ нашимъ научнымъ познаніемъ? что тогда сдѣлается со всѣми нашими законами природы? Вѣдь законъ природы называется нами необходимымъ, именно въ томъ смыслѣ, что онъ всегда и вездѣ дѣйствуетъ съ одинаковою необходимостью. Напримѣръ, мы утверждаемъ, что вода при опредѣленныхъ данныхъ условіяхъ затвердѣваетъ. Такъ было при Аристотелѣ, такъ оно совершается въ наше время, такъ оно должно быть и завтра, и черезъ сто лѣтъ. Такъ этотъ процессъ совершается у насъ на землѣ, такъ онъ

*) См. его «Inquiries concerning human Understanding». Sect. IV. Part. 1.

совершается на Марсѣ и вездѣ, гдѣ только есть вода и есть пониженіе температуры. Мы увѣрены, что то, что есть сегодня, будетъ и завтра, по той причинѣ, что мы увѣрены, что *законы природы дѣйствуютъ однообразно*. Мы увѣрены, что они завтра будутъ дѣйствовать такъ же, какъ они дѣйствуютъ сегодня. Если бы у насъ не было такой увѣренности, то у насъ не могло бы быть науки. Въ самомъ дѣлѣ, если бы я не былъ увѣренъ въ томъ, что существуетъ однообразіе природы, если бы я не былъ увѣренъ въ томъ, что тотъ законъ природы, который я открылъ сегодня, будетъ дѣйствовать и завтра, то наука не могла бы существовать.

Юмъ именно утверждалъ, что мы не можемъ доказать, что существуетъ однообразіе законовъ природы, мы не можемъ доказать, что *будущее похоже на настоящее*. И этимъ онъ подвергъ сомнѣнію возможность науки и пришелъ къ тому, что обыкновенно называютъ *скептицизмомъ*.

Былъ еще одинъ вопросъ, въ которомъ Юмъ оказался скептикомъ. Это именно въ вопросѣ о реальности математики. Дѣло въ томъ, что раціоналисты считали математику образцовой наукой, которой всѣ остальныя науки должны подражать. Но Юмъ по отношенію къ достовѣрности этой науки держится совершенно особеннаго мнѣнія. Онъ находитъ, правда, что положенія математики отличаются аподиктической, т.-е. абсолютной достовѣрностью, но онъ и здѣсь пытается примѣнить свой критерій соотвѣтствія дѣйствительности и думаетъ, что въ этомъ отношеніи математика не имѣетъ того признака, который характеризуетъ науку въ собственномъ смыслѣ слова. Въ ней именно мы не имѣемъ соотвѣтствія съ дѣйствительностью. Всѣ положенія геометріи оставались бы истинными даже въ томъ случаѣ, если бы въ мірѣ не было ни одного треугольника, ни одного круга и т. д. Хотя всѣ положенія математики имѣютъ абсолютную достовѣрность, но они не соотвѣтствуютъ дѣйствительности и не могутъ быть доказаны при помощи соотвѣтствія съ дѣйствительностью. Возьмемъ примѣръ. Обыкновенно принято говорить, что линіи равны въ томъ случаѣ, когда онѣ совпадаютъ другъ съ другомъ. Это правда, но мы не имѣемъ никакой возможности доказать самаго совпаденія. Юмъ не соглашался съ общепринятымъ взглядомъ, по которому линія состоитъ изъ безконечнаго множества *непротяженныхъ* (математическихъ) точекъ, онъ именно думалъ, что линія дѣлима на конечное число точекъ, обладающихъ протяженностью, хотя и очень незначительной. Чтобы показать, что одна линія равна другой, мы должны были бы показать, что тѣ числа элементовъ, изъ которыхъ состоитъ одна и другая линія, равны между собою, но такъ какъ мы не можемъ, опредѣлить числа точекъ въ одной и другой линіи вслѣдствіе чрезмѣрной малой величины этихъ точекъ, то мы и не можемъ доказать равенства линій *).

*) См. его «A Treatise of human nature», изд. Selby-Bigge. Part. II. Sect I. и д.

Такимъ образомъ, оказывается, что хотя математика и абсолютно достовѣрна, однако, она не есть наука о предметахъ, она не есть наука о реальной дѣйствительности, поэтому она не есть настоящая наука. Вотъ другое скептическое положеніе, къ которому пришелъ Юмъ. Онъ къ этому необходимо долженъ былъ придти, потому что при оцѣнкѣ знаній повсюду пользовался своимъ эмпирическимъ критеріемъ, именно соотвѣтствіемъ съ дѣйствительностью. Онъ считалъ истиннымъ познаніемъ только то познаніе, для котораго можно было указать соотвѣтствующее впечатлѣніе. Такимъ образомъ его эмпиризмъ необходимо приводилъ къ скептицизму.

Вотъ положеніе гносеологическихъ вопросовъ во времена Канта. Ему нужно было занять опредѣленное положеніе въ этихъ философскихъ направленіяхъ. Онъ долженъ былъ стать или на сторону эмпиризма, или на сторону раціонализма. Онъ долженъ былъ отвѣтить на вопросъ, откуда получаются наши познанія, дѣйствительно ли только изъ опыта или также изъ ума. Дѣйствительно ли все человѣческое познаніе получается цѣликомъ изъ опыта, или, можетъ быть, въ немъ есть такіе элементы, которые получаются изъ другого источника.

Какъ я уже сказалъ, теорія познанія нужна была Канту для того, чтобы рѣшить другой вопросъ, именно вопросъ о томъ, возможно ли сверхчувственное познаніе о Богѣ, душѣ, безсмертіи и т. п., т.-е. возможна ли метафизика, какъ познаніе изъ чистаго разума.

Какъ мы уже видѣли, философы-раціоналисты думали, что вообще существуетъ познаніе изъ чистаго разума; изъ чистаго же разума можно познать то сверхчувственное, что составляетъ предметъ метафизики. Они, какъ я сказалъ, основывались на томъ, что математика есть наука, которая строится независимо отъ данныхъ чувственнаго опыта. Для нихъ то обстоятельство, что мы можемъ познавать нѣчто, не данное въ чувственномъ опытѣ, какъ это мы имѣемъ въ математикѣ, было единственнымъ основаніемъ признавать возможность метафизики. Такое познаніе, которое, по предположенію, получалось *не* изъ чувственнаго опыта, называлось *апріорнымъ* познаніемъ, въ противоположность познанію *апостеріорному*, получающемуся изъ чувственнаго опыта.

Кантъ долженъ былъ рѣшить, дѣйствительно ли возможно такое познаніе изъ чистаго разума, и дѣйствительно ли это познаніе имѣетъ такой характеръ, какъ математическое познаніе.

Замѣтивъ это, мы легко поймемъ нѣсколько своеобразную постановку главнаго вопроса «Критики чистаго разума».

Желая рѣшить вопросъ о томъ, возможна ли метафизика, Кантъ ставитъ вопросъ, на первый разъ кажущійся совершенно непонятнымъ. Именно онъ спрашиваетъ: «какъ возможны синтетическія апріорныя сужденія?»

Разберемъ ближе смыслъ этого вопроса.

Такія сужденія, въ которыхъ раскрывается содержаніе подлежащаго, Кантъ называлъ *аналитическими* сужденіями, а такія сужденія, въ которыхъ къ подлежащему присоединяется нѣчто новое, Кантъ называлъ

синтетическими сужденіями. Такъ, напримѣръ, сужденіе: «всѣ тѣла протяженны» нужно считать аналитическимъ сужденіемъ, потому что въ этомъ сужденіи, въ сказуемомъ высказывается только то, что уже содержится въ подлежащемъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы произносимъ подлежащее, «тѣло», то въ немъ уже содержится понятіе «протяженности». Слѣдовательно, въ сужденіи «всѣ тѣла протяженны» мы не высказываемъ ничего больше того, что было въ подлежащемъ. Въ дѣйствительности въ этомъ сужденіи мы только раскрываемъ содержаніе подлежащаго. Сужденіе «воздухъ эластиченъ» *) содержитъ въ сказуемомъ нѣчто такое, чего въ подлежащемъ не содержится. Это сужденіе расширяетъ наше познаніе, прибавляя нѣчто новое къ понятію, содержащемуся въ подлежащемъ. Это сужденіе синтетическое.

Канту нужно было рѣшить вопросъ о томъ, возможна ли философія, какъ познаніе о сверхчувственномъ мірѣ, при помощи чистаго разума, при помощи аналитическихъ сужденій, т.-е. при помощи простого раскрытія понятій, какъ это было признано въ современной ему метафизикѣ.

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, Канту нужно было сначала рѣшить, возможно ли вообще познаніе при помощи простого раскрытія понятій. Онъ находитъ, что раскрытіе понятій не даетъ настоящаго познанія, что оно не расширяетъ нашего познанія, не подвигаетъ насъ впередъ, въ аналитическихъ сужденіяхъ мы узнаемъ не больше того, что мы имѣемъ въ подлежащемъ. Настоящее познаніе содержится въ синтетическихъ сужденіяхъ. Слѣдовательно, если метафизика претендуетъ на настоящее познаніе, то она должна содержать синтетическія сужденія, но при этомъ должна быть апріорной, такъ какъ предметомъ ея является сверхчувственный міръ. Вотъ почему Кантъ ставитъ вопросъ о возможности апріорныхъ синтетическихъ сужденій.

Конечно, подъ «возможностью» сужденій въ данномъ случаѣ отнюдь не слѣдуетъ понимать возможность сопоставленія или соединенія подлежащаго со сказуемымъ. Что мы можемъ строить синтетическія апріорныя сужденія, въ этомъ едва ли кто-нибудь сомнѣвался. Вопросъ въ томъ, при какихъ условіяхъ этимъ субъективнымъ построеніямъ соотвѣтствуетъ что-либо объективно реальное. Вотъ о такой *возможности* говорилъ Кантъ.

Такимъ образомъ кантовскій вопросъ, «какъ возможны апріорныя синтетическія сужденія», нужно понимать такъ. При какихъ *условіяхъ* апріорнымъ синтетическимъ сужденіямъ соотвѣтствуетъ объективная реальность, другими словами, при какихъ условіяхъ апріорныя субъективныя построенія вообще могутъ пріобрѣсти объективный характеръ?

Для разрѣшенія вопроса объ условіяхъ объективной реальности апріорныхъ синтетическихъ сужденій вообще, Канту нужно было взять такія науки, которыя содержатъ апріорныя синтетическія сужденія и объективную дѣйствительность которыхъ легко доказать, и посмотрѣть,

*) См. «Prolegomena», § 2.

какимъ условіямъ они удовлетворяютъ. Тогда можно рѣшить, при какихъ *вообще* условіяхъ апріорныя синтетическія сужденія пріобрѣтаютъ объективную дѣйствительность.

Къ числу такихъ наукъ относятся *математика* съ ея отдѣлами: геометріей, ариѳметикой и механикой, (т.-е. наукой о движеніи) и *чистое естествознаніе* *). Главное понятіе, съ которымъ оперируетъ геометрія, есть понятіе *пространства*; главное понятіе, съ которымъ оперируетъ механика, есть *время* (то же нужно сказать и объ ариѳметикѣ). Канту нужно было рѣшить вопросъ, при какихъ условіяхъ возможны апріорныя синтетическія сужденія въ такихъ понятіяхъ, какъ пространство и время.

Если опредѣлить, при какихъ условіяхъ возможны апріорныя синтетическія сужденія въ математикѣ и въ чистомъ естествознаніи, то тогда можно рѣшить вопросъ, возможна ли метафизика, какъ наука. Для этого нужно только показать, удовлетворяетъ ли метафизика тѣмъ условіямъ, которымъ удовлетворяютъ математика и чистое естествознаніе.

Прежде всего замѣтимъ, что Кантъ считаетъ ошибочнымъ взглядъ раціоналистовъ на то, что будто метафизику возможно отождествлять съ математикой. Между ними въ дѣйствительности есть огромное различіе. Метафизика есть познаніе изъ понятій, т.-е. она дѣйствуетъ путемъ простого разложенія понятій, другими словами, она строитъ исключительно аналитическія сужденія; математика же, напротивъ, «конструируетъ понятія», какъ выражается Кантъ. «Конструировать» какое-нибудь понятіе, значитъ построить соотвѣтствующую этому понятію *интуицію* **). Метафизика просто беретъ понятіе и разлагаетъ его, и такимъ образомъ составляетъ аналитическія сужденія. Въ математикѣ этимъ довольствоваться нельзя. Напр., чтобы опредѣлить свойства треугольника, было бы недостаточно, если бы мы просто стали разлагать понятіе треугольника. Намъ нужно *построить* предметъ, соотвѣтствующій этому понятію, т.-е. построить на бумагѣ или въ воображеніи треугольникъ. Въ аналитическихъ сужденіяхъ мы остаемся при одномъ и томъ же понятіи, въ математическихъ сужденіяхъ мы выходимъ за предѣлы даннаго понятія къ тому, что содержится въ интуиціи, соотвѣтствующей данному сужденію.

Отсюда ясно, что математическія сужденія должны имѣть характеръ синтетическій, что они не могутъ получаться путемъ простого разложенія понятій ***).

Итакъ, чтобы рѣшить вопросъ, «какъ возможны синтетическія

---

*) Подъ этимъ послѣднимъ Кантъ понимаетъ совокупность такихъ положеній, какъ «субстанція пребываетъ неизмѣнною и постоянною», «все, что совершается, опредѣлено извѣстною причиною» и т. под. (Объ этомъ см., напр., *Vaihinger* «Commentar zu Kant's Kritik der reiner Vernunft». B. I, стр. 204. Пролегомены § 15).

**) Интуиціей я перевожу кантовскій терминъ Anschauung. Другіе переводятъ этотъ терминъ посредствомъ «созерцаніе», «воззрѣніе».

***) Пролегомены § 4. «Kritik d. reinen Vernunft», стр. 548.

апріорныя сужденія», Канту нужно было взять прежде всего математику, которая содержитъ именно синтетическія апріорныя сужденія, и показать, какимъ образомъ ея сужденія, субъективныя умственныя построенія, пріобрѣтаютъ объективный характеръ, т.-е. дѣлаются построеніями, имѣющими отношеніе къ реальному міру.

Чтобы рѣшить вопросъ объ объективномъ характерѣ математики, нужно было предварительно изслѣдовать само понятіе пространства и времени. Прежде всего Кантъ утверждаетъ, что понятія пространства и времени имѣютъ *апріорный* характеръ, т.-е. что это не суть обыкновенныя эмпирическія понятія, полученныя изъ чувственнаго опыта путемъ обыкновенной абстракціи.

Этотъ самый главный аргументъ Канта нужно понимать слѣдующимъ образомъ.

Когда мы произносимъ слово *пространство*, или думаемъ о пространствѣ, именно о пространствѣ, какъ оно употребляется, напр., въ математикѣ, то мы его себѣ представляемъ чѣмъ-то *единымъ*, *безконечнымъ*, въ видѣ вмѣстилища, въ которомъ содержатся отдѣльныя разрозненныя вещи. Пространство это мы представляемъ себѣ чѣмъ-то вполнѣ *однороднымъ*, вездѣ обладающимъ одними и тѣми же свойствами.

Теперь спросимъ себя, можетъ ли понятіе пространства съ такими свойствами быть получено изъ опыта? т.-е., есть ли въ опытѣ что-нибудь такое, что ему вполнѣ соотвѣтствовало бы? Конечно, нѣтъ. Все, что мы воспринимаемъ, все, что мы можемъ воспринимать при помощи органовъ чувствъ, не можетъ намъ дать того, что содержится въ нашемъ понятіи пространства. Мы при помощи нашего глаза, напр., можемъ воспринимать цвѣта, можемъ воспринимать ихъ различное расположеніе. Мы можемъ воспринимать протяженность этого стола, протяженность этого камня, этого лѣса, этого дома, мы можемъ воспринимать эту линію, этотъ треугольникъ. Однимъ словомъ, мы воспринимаемъ цѣлый рядъ различныхъ протяженностей, но одна протяженность не похожа на другую, она различно направлена, имѣетъ различное положеніе и въ концѣ концовъ совсѣмъ не похожа на ту протяженность, которую мы называемъ пространствомъ, и свойства котораго я только что описалъ, и потому можно сказать, что воспріятіе этихъ видовъ протяженностей не можетъ дать начала понятію пространства съ указаннымъ содержаніемъ, потому что мы, вѣдь, изъ психологіи знаемъ, что для полученія какого-либо абстрактнаго понятія необходимо, чтобы воспринимаемыя вещи были сходными. Когда мы, напр., созидаемъ отвлеченное понятіе краснаго цвѣта, то мы созерцаемъ различные предметы, имѣющіе то общее, что въ нихъ при всемъ различіи есть красный цвѣтъ. Въ данномъ случаѣ, въ единичныхъ протяженностяхъ нѣтъ тѣхъ элементовъ: единичности, однородности и т. под., которыя характеризуютъ пространство *).

*) Ср. то, что говоритъ о пространствѣ *Sigwart*. «Logik». B. II. § 67.

Отсюда мы можемъ сдѣлать выводъ, что означенное понятіе пространства не могло получиться путемъ обыкновенной абстракціи, что оно не могло получиться при помощи абстракціи изъ воспріятія предметовъ чувственнаго опыта. Вотъ эту именно мысль хотѣлъ выразить Кантъ, когда говорилъ, что «пространство не есть эмпирическое понятіе, которое можетъ быть извлечено изъ внѣшняго опыта» *). Это понятіе не только не можетъ быть извлечено изъ внѣшняго опыта, а напротивъ, для того, чтобы мы могли воспринять какой-нибудь цвѣтъ, чтобы мы могли воспринять какой-либо звукъ, исходящій изъ какой-либо части пространства, какую-нибудь частную протяженность, нужно, чтобы мы имѣли то понятіе пространства, о которомъ я только что говорилъ. Мы не можемъ, напр., сказать, что этотъ столъ находится тамъ-то, что это пятно такой-то величины находится тамъ-то, что этотъ звукъ исходитъ оттуда-то, безъ того, чтобы при этотъ мы не мыслили указанное понятіе пространства. *Безъ мышленія этого пространства я не могу мыслить о какихъ бы то ни было пространственныхъ отношеніяхъ.* Это Кантъ выражаетъ такимъ образомъ, что понятіе пространства не только не получается изъ опыта, а, напротивъ, самъ опытъ дѣлается возможнымъ только благодаря этому понятію. Это понятіе дѣлается необходимымъ условіемъ внѣшняго воспріятія. Оно обладаетъ такимъ свойствомъ, что мы ничего не можемъ мыслить изъ того, что находится въ объективномъ мірѣ, безъ этого понятія. Пространство въ вышеуказанномъ смыслѣ мы можемъ мыслить не имѣющимъ цвѣта, или вообще не имѣющимъ какого бы то ни было содержанія, между тѣмъ какъ мы не можемъ мыслить чего-либо, принадлежащаго къ объективному міру, безъ того, чтобы не мыслить при этомъ пространства **).

Понятіе, которое обладаетъ такимъ свойствомъ, Кантъ называетъ *апріорнымъ*, въ отличіе отъ обыкновенныхъ понятій, которыя получаются путемъ абстракціи изъ воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній.

Само собою разумѣется, что, дѣля понятія на двѣ группы (апріорныя и апостеріорныя), Кантъ вовсе не желалъ сказать, что апріорныя понятія, какъ что-нибудь *готовое*, находятся въ нашемъ умѣ при рожденіи. Эти понятія, какъ и всякія другія понятія, пріобрѣтаются нашимъ сознаніемъ. Оно, конечно, не было у ребенка при рожденіи, оно является продуктомъ логической переработки. Выдѣляя эти понятія въ особую группу, Кантъ хотѣлъ только сказать, что понятія эти имѣютъ совершенно особенный характеръ, что имъ въ дѣйствительности не соотвѣтствуетъ что-либо опредѣленное въ томъ смыслѣ, въ какомъ что-либо опредѣленное соотвѣтствуетъ, напр., понятію камня или растенія.

Какимъ путемъ это понятіе могло получиться, при помощи какихъ психологическихъ процессовъ оно вырабатываются, мы разсматривать не ста-

*) «Kritik d. reinen Vernunft», стр. 51.

**) Тамъ же, 51—53.

немъ, это для насъ важности не представляетъ. Для насъ важно замѣтить только, что оно отличается отъ другихъ понятій, что его происхожденіе должно быть инымъ, что оно не получается путемъ обыкновенной абстракціи и что, кромѣ того, это понятіе въ нашемъ познаніи играетъ совершенно особенную роль, именно оно обусловливаетъ собою познаніе внѣшняго міра. Такія понятія, которыя обусловливаютъ собою познаніе вообще, Кантъ и называетъ *апріорными*. Слѣдовательно, Кантъ, называя понятіе пространства апріорнымъ, вовсе не имѣлъ въ виду признать его чѣмъ-то имѣющимъ сверхъестественное происхожденіе, оно разумѣется, имѣетъ вполнѣ естественное происхожденіе, но функція его совершенно особенная. Оно имѣетъ *обусловливающее* значеніе: безъ этого понятія не могло бы быть никакого познанія объективнаго міра.

Послѣ этого намъ немного придется говорить объ апріорности понятія *времени*. Время тоже мыслится нами, какъ нѣчто единое, безконечное, однородное. И относительно понятія времени мы должны сказать, что его свойства самымъ яснымъ образомъ показываютъ, что оно не могло получиться изъ чувственнаго опыта, какъ понятіе «звука», понятіе «человѣка» получается изъ сравненія сходныхъ вещей, потому что тѣ явленія или событія, которыя даютъ начало понятію времени, отличаются прерывистымъ характеромъ и не содержатъ въ себѣ тѣхъ элементовъ единичности, безконечности и однородности, которыя характеризуютъ понятіе времени.

При этомъ понятіе времени играетъ совершенно такую же роль, какъ и понятіе пространства. Подобно тому, какъ пространство обусловливаетъ воспріятіе внѣшнихъ вещей, такъ и время обусловливаетъ воспріятіе внутреннихъ явленій. Мы не можемъ воспринимать нашихъ чувствъ, желаній и т. п. безъ того, чтобы не мыслить ихъ совершающимися во времени; воспріятіе внутреннихъ явленій *предполагаетъ* указанное понятіе времени. Слѣдовательно, время не есть копія чего-либо объективно даннаго.

Кромѣ того, пониманіе, напр., *движенія* было бы невозможно безъ вышеуказаннаго понятія времени. Чтобы мы могли мыслить движеніе, мы должны имѣть понятіе времени, какъ чего-то текущаго равномѣрно, обладающаго однородными свойствами и т. п. Поэтому-то Кантъ и говоритъ, что указанное понятіе времени дѣлаетъ возможнымъ *фороно́мію* или общее ученіе о движеніи.

Замѣтимъ, что эти два понятія: пространства и времени являются необходимымъ условіемъ нашего воспріятія вещей внутренняго и внѣшняго міра, т.-е. всего того, что вообще можетъ подлежать нашему воспріятію или познанію, или опыту въ широкомъ смыслѣ слова.

Тѣ понятія, которыя служатъ условіями нашего опыта вообще, по терминологіи Канта, называются *апріорными* понятіями.

Но существуетъ-ли объективно что-нибудь такое, что соотвѣтствовало бы указаннымъ понятіямъ пространства и времени? Существуетъ

ли что нибудь такое объективно, для чего наше понятіе пространства и времени являлось бы копіей, отраженіемъ.

Какъ я уже сказалъ выше, ничего такого нѣтъ. Пространство, напр., обладаетъ такими свойствами, которымъ въ объективномъ мірѣ нѣтъ ничего соотвѣтствующаго. Если мы признаемъ, что понятіе пространства содержитъ въ себѣ нѣчто такое, чего нѣтъ во внѣшнемъ мірѣ, то мы можемъ сказать, что оно въ извѣстномъ смыслѣ есть продуктъ творчества нашего сознанія, т.-е. что наше сознаніе созидаетъ понятіе пространства и времени изъ собственныхъ средствъ; а отсюда выводъ понятенъ.

То, что мы воплощаемъ въ понятіяхъ пространства и времени, не есть что-нибудь такое, что обладаетъ объективною реальностью: оно имѣетъ только субъективную реальность. Пространство и время, какъ мы ихъ мыслимъ, имѣютъ только субъективное существованіе. Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы признали ихъ объективно существующими, то мы пришли бы къ ряду противорѣчій. Мы мыслимъ себѣ пространство, какъ что-либо безконечное, но можно ли сказать, что безконечное пространство имѣетъ реальность?

Поэтому слѣдуетъ сказать, что пространство не имѣетъ абсолютнаго существованія, но что оно есть продуктъ нашего сознанія, имѣющій только *субъективное* существованіе. Такъ какъ мы все объективно существующее познаемъ не иначе, какъ въ связи съ понятіемъ пространства, которое является, такъ сказать, фономъ при воспріятіи ихъ, то ясно, что мы пространство можемъ назвать *субъективной формой* сознанія.

Названіе *формы* въ данномъ случаѣ вполнѣ умѣстно, потому что понятія пространства и времени какъ бы на самомъ дѣлѣ придаютъ нашему воспріятію извѣстную форму. Безъ этихъ понятій не могло бы быть никакой мысли о внѣшнемъ или внутреннемъ мірѣ. Это былъ бы полный хаосъ. Между нашими ощущеніями не было бы никакой связи. Пространство, напр., въ этомъ случаѣ является какъ бы фономъ, на которомъ располагаются различные элементы воспріятія, а также различные виды протяженности.

Только въ этомъ смыслѣ эти понятія и могутъ быть названы формами сознанія и притомъ апріорными.

Но отнюдь нельзя думать, что подъ этими «формами» Кантъ понималъ что-то вродѣ пустыхъ сосудовъ, которые на подобіе чего-либо матеріальнаго придаютъ опредѣленный видъ тому, что мы воспринимаемъ.

Кантъ вовсе не думалъ, что эти формы заранѣе находятся въ нашемъ сознаніи при рожденіи человѣка и что они при соприкосновеніи съ предметами опыта придаютъ ему извѣстную форму. Такого предшествованія формъ въ процессѣ познанія онъ вовсе не признавалъ. Говоря объ обусловливаніи, онъ имѣлъ въ виду только лишь *логиче-*

ское отношеніе между понятіями. Поэтому читатель долженъ совершенно отрѣшиться отъ пониманія формы, какъ чего-либо аналогичнаго матеріальной формѣ.

Замѣтивъ, что Кантъ пространство и время называетъ субъективными формами сознанія, мы можемъ перейти къ разбору кантовскаго вопроса: «какъ возможны синтетическія апріорныя сужденія» въ математикѣ.

Разрѣшеніе этого вопроса, какъ мы сейчасъ увидимъ, находится въ тѣсной связи съ доказательствомъ существованія апріорныхъ познаній *).

Какъ мы уже видѣли, Юмъ соглашался съ тѣмъ, что математика есть наука абсолютно достовѣрная, но при этомъ думалъ, что она не есть наука о предметахъ, она не есть объективная наука. Канту нужно было показать, что математика есть наука объективная, что она есть наука о предметахъ. Это доказательство онъ ведетъ слѣдующимъ образомъ.

Мы имѣемъ извѣстныя сужденія относительно свойствъ пространства, которыя мы считаемъ аподиктически достовѣрными. Напр., что сумма угловъ въ треугольникѣ равняется двумъ прямымъ. Можетъ быть, субъективно это правильно, но можемъ ли мы доказать, что такъ должно быть и объективно? На этотъ вопросъ Кантъ отвѣчаетъ утвердительно.

Разберемъ сначала, что значитъ быть *объективнымъ*? Что нужно для того, чтобы понятіе было объективно? Для этого нужно, чтобы понятіе и соотвѣтствующій ему предметъ находились въ полномъ *соотвѣтствіи* другъ съ другомъ. При этомъ условіи мы можемъ сказать, что то, что есть у насъ въ умѣ, справедливо и относительно объективнаго міра.

Такого рода соотвѣтствіе можетъ осуществиться при слѣдующихъ двухъ условіяхъ: или 1) если предметъ опредѣляетъ понятіе, или 2) если понятіе опредѣляетъ предметъ. Спрашивается, благодаря чему устанавливается искомое соотвѣтствіе между геометрическими **) построеніями и предметами, благодаря чему геометрія дѣлается наукой о предметахъ?

Предположимъ первый случай, именно, что предметы внѣшняго міра опредѣляютъ наши геометрическія понятія. Можетъ ли это быть? Нѣтъ, этого не можетъ быть, потому что, какъ мы видѣли, наше понятіе пространства обладаетъ именно такими свойствами, что реальные предметы не могутъ его опредѣлять. Геометрическія построенія предполагаютъ пространство съ такими свойствами, которыхъ въ реальныхъ

*) Это доказательство существованія апріорныхъ «познаній» Кантъ называетъ «*трансцендентальнымъ* объясненіемъ», въ отличіе отъ «*метафизическаго* объясненія», подъ которымъ онъ понимаетъ просто доказательство апріорности пространства и времени.

**) Или математическими вообще

предметахъ не имѣется, а потому естественно, что предметы не могутъ въ нашемъ сознаніи создать понятія пространства, какъ оно употребляется въ геометріи.

Слѣдовательно, остается вторая возможность, именно остается предположить, что въ геометрическихъ построеніяхъ понятіе опредѣляетъ предметъ.

Но какъ понять утвержденіе, что *понятіе опредѣляетъ предметъ*? Вѣдь сказать это, значитъ сказать, что нашъ умъ создаетъ самые предметы. На первый взглядъ это утвержденіе кажется очень парадоксальнымъ, но парадоксальность тотчасъ исчезнетъ, если мы разберемъ сущность разсужденій Канта, а главнымъ образомъ обратимъ вниманіе на его утвержденіе, что *пространство есть апріорная форма сознанія*.

Мы видѣли, что всѣ познаваемые нами предметы становятся познаваемыми только въ этихъ формахъ пространства и времени. Слѣдовательно, эти *формы* познанія и въ сознаніи, и въ предметахъ тождественны, а потому и математика, которая кладетъ въ основаніи своихъ построеній именно представленія этихъ формъ и есть наука о предметахъ. Пусть читателю не покажется страннымъ, если мы этотъ выводъ такъ формулируемъ: «Математика объективна потому, что она имѣетъ своимъ предметомъ именно субъективныя формы нашего сознанія».

Мы видѣли, что, по мнѣнію Канта, математика обладаетъ интуитивнымъ характеромъ, т.-е. что геометрическія построенія получаются не путемъ раскрытія понятій, а путемъ интуиціи, т. е. нагляднаго построенія. Напр., если мы желаемъ строить какія-нибудь сужденія относительно линіи, то мы эту линію должны провести, если мы желаемъ разсуждать о свойствахъ треугольника, то мы должны построить его, т. е. изобразить реально или въ воображеніи соотвѣтственный треугольникъ. Это именно Кантъ и имѣлъ въ виду, когда говорилъ, что математика обладаетъ интуитивнымъ характеромъ. Но здѣсь получается, повидимому, противорѣчіе. Съ одной стороны утверждается, что математика обладаетъ интуитивнымъ характеромъ, съ другой стороны утверждается, что она имѣетъ дѣло съ апріорными формами. Какъ соединить два такихъ понятія, какъ интуитивный и апріорный? Кажется, что апріорное созерцаніе или *апріорная интуиція* есть нѣчто совершенно невозможное. Вѣдь объ интуиціи можно говорить только въ томъ случаѣ, когда предметъ созерцанія находится на лицо, между тѣмъ терминъ «апріорное созерцаніе» какъ будто предполагаетъ, что должно происходить какое-то созерцаніе въ то время, когда нѣтъ предмета созерцанія на лицо. Поэтому-то и кажется, что «апріорное созерцаніе» невозможно.

По мнѣнію Канта, въ дѣйствительности апріорное созерцаніе возможно, но только мы должны предположить, что это есть такое созерцаніе, которое не содержитъ ничего, кромѣ *формы* пространства, а

подъ формой пространства Кантъ, очевидно, понималъ то понятіе пространства, которое мы освобождаемъ отъ всякаго конкретнаго содержанія и о которомъ я говорилъ выше. О такомъ пространствѣ можно сказать, что оно какъ форма предшествуетъ въ субъектѣ всѣмъ дѣйствительнымъ впечатлѣніямъ. Когда Кантъ говоритъ, что геометрія имѣетъ своимъ предметомъ чистое созерцаніе, то онъ имѣетъ въ виду сказать, что она имѣетъ своимъ предметомъ *формы* нашего познанія.

Подъ *чистымъ созерцаніемъ* Кантъ понимаетъ то созерцаніе, въ которомъ не содержится ничего такого, что относится къ ощущенію.

Теперь ясно, какъ можетъ быть объяснена та мысль, что математика пріобрѣтаетъ объективный характеръ потому, что она имѣетъ дѣло съ субъективными формами.

По мнѣнію Юма, между положеніями математики и реальными предметами есть пропасть. Можно, конечно, себѣ представить, что существуютъ построенія математическія, обладающія аподиктическою достовѣрностью, но они не имѣютъ приложенія къ дѣйствительности. Напр. можно сказать, что площадь треугольника равняется произведенію половины основанія на высоту. Въ математикѣ это такъ, но мы не можемъ сказать, что такъ должно быть и въ данномъ треугольникѣ, который изображенъ на бумагѣ. Здѣсь эта сумма можетъ быть больше или меньше. Юмъ соглашался съ тѣмъ, что въ математикѣ всѣ положенія обладаютъ абсолютною достовѣрностью, но думалъ, что о реальныхъ треугольникахъ, о реальныхъ кругахъ нельзя утверждать того, что о нихъ утверждаютъ математики. Т.-е. другими словами, Юмъ хочетъ сказать, что есть различіе между субъективно-математическими построеніями и объективно-математическими данными. Между ними есть коренное различіе.

Задача Канта состояла просто въ томъ, чтобы показать, что этого различія нѣтъ, потому что то, что мы считаемъ *объективно* математическимъ, и есть *субъективно*-математическое. Между ними нѣтъ той разницы, на которую указывали эмпирики. Если субъективно-математическое и объективно-математическое одно и то же, то, само собою разумѣется, что не можетъ быть и рѣчи о несоотвѣтствіи между ними.

Ясно, слѣдовательно, что математика объективна потому, что она имѣетъ своимъ предметомъ субъективныя формы.

Поясникъ это примѣромъ. Положимъ, что кто-нибудь галлюцинируетъ. У него разумѣется, есть субъективная идея, но эта идея только субъективна, она не имѣетъ объективнаго характера. Разсмотримъ процессъ мысли геометра, опредѣляющаго свойства круга. Онъ изображаетъ на доскѣ или бумагѣ кругъ, относительно котораго, разумѣется, никакъ нельзя утверждать, что у него всѣ радіусы равны. Созерцая такой несовершенный кругъ, математикъ однако мыслитъ о совершенномъ, идеальномъ кругѣ, у котораго всѣ радіусы равны. Онъ оперируетъ въ дѣйствительности съ субъективнымъ построеніемъ.

Если принять во вниманіе, что онъ оперируетъ съ кругомъ, нахо-

дящимся у него въ умѣ, то можно было бы думать, что его идея круга не имѣетъ объективной дѣйствительности, но стоитъ намъ предположить, что когда онъ смотритъ на кругъ, то онъ имѣетъ дѣло не съ тѣмъ кругомъ, который онъ изобразилъ, а съ тѣмъ, который у него находится въ умѣ, тогда сдѣлается понятнымъ, отчего у него устанавливается соотвѣтствіе между тѣмъ, что у него есть въ умѣ и тѣмъ, что есть въ дѣйствительности. Такимъ образомъ его идея принимаетъ объективный характеръ.

Отсюда понятно также, отчего Кантъ рѣшеніе своей задачи сравниваетъ съ тѣмъ переворотомъ, который создалъ Коперникъ въ астрономіи. Коперникъ пытался объяснить движенія небесныхъ свѣтилъ, исходя изъ предположенія, что весь звѣздный міръ вращается около наблюдателя, но потерпѣлъ въ этомъ неудачу. Онъ перемѣнилъ точку зрѣнія и сталъ исходить изъ предположенія, что наблюдатель движется, а что звѣзды находятся въ покоѣ. Тогда все получило удовлетворительное объясненіе. Такую же перемѣну точки зрѣнія произвелъ и Кантъ. Прежніе философы предметность науки хотѣли объяснить свойствами объекта, думали, что все опредѣляетъ *объектъ*. Кантъ обратилъ точку зрѣнія и вмѣсто того, чтобы говорить, что объектъ опредѣляетъ наше познаніе, стали говорить, что мы сами, нашъ *субъектъ* опредѣляетъ предметъ нашего познанія *).

Изъ признанія того, что пространство и время суть субъективныя формы сознанія, слѣдуетъ весьма важный выводъ. Уже до Канта въ философіи признавалось, что мы не можемъ познавать вещей такъ, какъ онѣ есть въ дѣйствительности. Такъ называемыя первичныя свойства вещей (т.-е. цвѣтъ, звукъ, твердость, шероховатость и т. п.) не имѣютъ абсолютнаго существованія. Если, напр., существуетъ цвѣтъ, звукъ, то только потому, что у насъ есть органы, соотвѣтственнымъ образомъ устроенные. Если бы мы этихъ органовъ не имѣли, то для нашего познанія не существовало бы ни цвѣта, ни звука и т. п.

Послѣ Канта то же самое нужно было сказать и относительно пространства и времени. Они нами и воспринимаются такъ, какъ мы ихъ воспринимаемъ, только благодаря тому, что у насъ есть опредѣленныя *формы* сознанія. Такимъ образомъ пространство и время представляютъ не абсолютное, а относительное существованіе.

Отсюда слѣдуетъ, что такъ какъ всѣ свойства вещей, которыя мы воспринимаемъ, исчерпываются указанными качествами, то мы должны сказать, что все то, что мы воспринимаемъ, находится въ зависимости какъ отъ наличности у насъ тѣхъ или другихъ органовъ, такъ и формъ сознанія, а отсюда ясно, что мы воспринимаемъ вещи не такъ, каковы они суть въ дѣйствительности. Вслѣдствіе этого у Канта получается раздѣленіе всего существующаго какъ бы на двѣ стороны, на *вещи въ себѣ* и на *явленія*. Во всемъ, что существуетъ.

*) См. Krit. d. r. V. 16.

имѣется какъ бы двѣ стороны: вещь въ себѣ, совершенно недоступная для нашего познанія, и другая часть — явленіе, которое обусловливается нашей организаціей и формами нашего сознанія.

Это ученіе Канта можетъ быть названо *субъективнымъ идеализмомъ* или иначе *феноменализмомъ*.

Теперь подведемъ итоги кантовскому ученію объ апріорности пространства и времени.

Мы видѣли, что, по мнѣнію Канта, въ нашемъ познаніи есть элементы, которые не могутъ быть выведены изъ внѣшняго опыта. Такими элементами нужно было признать пространство и время. Они субъективнаго происхожденія. Внѣшній опытъ доставляетъ намъ только извѣстныя ощущенія; что же касается пространственнаго и временного порядка, то внѣшній опытъ его намъ не даетъ, а такъ какъ въ то же время этотъ порядокъ въ нашемъ познаніи имѣется, то остается предположить, что онъ представляетъ прибавку самого нашего сознанія. Въ этомъ смыслѣ пространство и время не суть реальности, а представляютъ нѣчто идеальное, они имѣютъ только субъективное существованіе, но тѣмъ не менѣе математика, имѣющая своимъ предметомъ именно пространство и время, объективна, но только потому, что она имѣетъ своимъ предметомъ субъективныя формы. Слѣдовательно, субъективность пространства есть главная причина объективной реальности математики.

Такъ какъ формы пространства и времени приложимы только къ чувственнымъ предметамъ, то можно сказать, что пространство и время лишь постольку имѣютъ реально объективный характеръ, поскольку они прилагаются къ предметамъ чувственнымъ, и поэтому на вопросъ, «какъ возможны синтетическія апріорныя сужденія» въ математикѣ, Кантъ отвѣчаетъ, они возможны только лишь постольку, поскольку они прилагаются къ предметамъ опыта, а внѣ этого они не имѣютъ никакой дѣйствительности *).

Таковъ отвѣтъ Канта на вопросъ о томъ, «какъ возможны синтетическія апріорныя сужденія» въ математикѣ.

Но кромѣ пространства и времени у насъ еще есть апріорные элементы познанія, которые у Канта называются *категоріями* и изъ которыхъ мы разсмотримъ только понятіе причинности, чтобы не усложнять изложенія. Разсмотрѣніе значенія категорій приведетъ насъ къ разсмотрѣнію второго вопроса, который поставлялъ Кантъ, именно вопроса, «какъ возможны синтетическія апріорныя сужденія» въ области чистаго естествознанія, какова функція категорій въ нашемъ познаніи?

Это мы разсмотримъ въ слѣдующей статьѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

*) «Kritik d. r. V», стр. 75. Пролегомены § 11.

ИЗЪ РИЧАРДА ГАРНЕТТА.

1) Пѣсни Сіона.

Я арфу не вѣшалъ на ивѣ прибрежной,
Не будетъ священный напѣвъ позабытъ,
Пусть люди ей внемлютъ толпою небрежной—
Сіонская пѣсня, какъ прежде, звучитъ.

Чѣмъ горше плѣненье и гнетъ Вавилона—
Тѣмъ болѣе пѣсни святыя нужны;
Величье Солима—въ напѣвахъ Сіона,
И мы, какъ святыню, хранить ихъ должны.

Не вѣшай священную арфу на ивахъ—
Игралищемъ вѣтра и волнъ прихотливыхъ,
Но самъ по завѣтнымъ струнамъ ударяй,
И пѣсни, плѣнявшія душу когда-то—
Не только храни вдохновенно и свято,
Но самъ, полный вѣры, другимъ повторяй.

---

2) Жизнь и смерть.

Снѣжинка падаетъ и таетъ безъ слѣда,
Поглощена волной,
И лебедь царственный, скользя надъ глубиной,
Не знаетъ, что найдетъ въ пучинѣ водяной
Успокоенье навсегда.

Среди могилъ воздушнѣй и пышнѣй
Лилея расцвѣла,
Не думая о томъ, что у ея корней
Ютится тлѣніе—и радостно надъ ней
Жужжитъ пчела.

3) Пѣвцамъ вѣка.

Я видѣлъ юношей, идущихъ на зарѣ
Въ храмъ славы, гдѣ сіялъ огонь на алтарѣ;
Тропою шли они, усѣянной цвѣтами,
И смѣло звонкихъ струнъ касалися перстами.

Но истомилъ однихъ полдневный тяжкій зной
И прилегли они на отдыхъ у дороги,
Другіе же пошли дорогою иной,
А нѣкоторыхъ смерть взяла въ свои чертоги.

Теперь настала ночь, но гдѣ огонь горитъ
На дивномъ алтарѣ—туда, неутомимы,
Идутъ послѣдніе поэты-пилигримы;
Отъ ихъ усталыхъ глазъ конецъ пути сокрытъ,
И вамъ, грядущее поэтовъ поколѣнье,
Вамъ суждено найти загадки разрѣшенье.

О. Чюмина.

СИРОТА.

(ИЗЪ ИСТОРІИ ОДНОЙ СѢРЕНЬКОЙ ЖИЗНИ).

Повѣсть М. АЛЬБОВА.

(*Продолженіе* *).

XV.

Погода стоитъ превосходная. Пасха выдалась поздняя, и солнце уже не по зимнему расточаетъ потоки лучей своихъ на пестрыя и оживленныя толпы людей, наполняющихъ непрерывнымъ гуломъ и грохотомъ петербургскія улицы. Во всемъ этомъ чуется что-то беззаботное, праздничное—пока протяжная нота великопостнаго благовѣста, какъ строгій укоръ, не прорѣжетъ внезапно весь хаосъ суетныхъ звуковъ, напоминая о томъ, что нынѣ идутъ скорбные дни покаянія...

Павля, совсѣмъ готовый отправиться въ церковь, стоитъ передъ зеркаломъ и, въ потѣ лица, возится надъ красивенькимъ, свѣтлымъ, въ красныхъ горошинкахъ, галстухомъ, стараясь придать ему форму пышнаго банта. Послѣ того, какъ труды его увѣнчались успѣхомъ, и Павля, бросивъ послѣдній взглядъ на свое отраженіе и оставшись вполнѣ имъ довольнымъ, повертывается спиной къ зеркалу, онъ встрѣчается неожиданно, лицомъ къ лицу, съ маменькой, которая его повергаетъ въ смущеніе, громко воскликнувъ:

— Это что?! Это еще что за пестрятину на себя навертѣлъ? На балъ собрался?

— Сегодня стоятъ со свѣчками, маменька...

— Такъ что-жъ? Праздникъ, по твоему? Забылъ, что Спаситель нынче страдаетъ? Скинуть сейчасъ! Черный надѣть!

И прежде чѣмъ юноша успѣваетъ опомниться, весь эффектъ великолѣпнаго банта разрушенъ, и моментально развязанный

---

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль 1901 г.

однимъ властнымъ движеніемъ галстухъ оказывается во владѣніи маменьки.

— Ишь, франтъ!—ворчитъ она, въ то время какъ ея никогда и ни въ чемъ ей непрекословящій сынъ, доставъ другой галстухъ—старенькій, черный—приступаетъ къ новой вознѣ передъ зеркаломъ.—Напомадился даже... Совсѣмъ очумѣлъ!

Павля, пряча лицо отъ проницательнаго взора родительницы, ибо онъ чувствуетъ, что щеки его заливаетъ жгучая краска, спѣшитъ въ прихожую, облекается въ верхнее платье и исчезаетъ въ одно мгновеніе ока.

Нѣкоторое время онъ шагаетъ по улицѣ подъ вліяніемъ испытанныхъ имъ ощущеній по поводу галстуха, пока мало-по-малу приходитъ въ себя. Уличный шумъ и мельканіе идущихъ и ѣдущихъ дѣйствуютъ на него развлекающимъ образомъ, но все же онъ чувствуетъ себя неспокойно...

Нужно же было ему такъ глупо влопаться!.. Въ сущности, галстухъ тутъ не при чемъ, галстухъ—вздоръ, чепуха, и не это заставляло юношу горячо покраснѣть... Причина гораздо серьезнѣе, глубже.

Съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ замѣчать, что маменька посматриваетъ на него подозрительно. Это бываетъ, когда онъ собирается въ церковь, а также, когда приходитъ оттуда домой. Она не говоритъ ему ничего, не дѣлаетъ никакихъ замѣчаній, но онъ убѣжденъ, всѣмъ нутромъ ему это чуется, что она кое-что прозрѣваетъ... Бѣда именно въ томъ, что онъ не умѣетъ хорошо собою владѣть и самъ себя иногда выдаетъ... Это онъ чувствуетъ, въ этомъ онъ убѣжденъ, ибо онъ самъ понимаетъ свое состояніе, въ коемъ онъ обрѣтается въ послѣднее время, и сознаетъ, что это должно иногда отражаться у него на лицѣ. Въ такія минуты онъ обыкновенно встрѣчаетъ устремленный на него маменькинъ взглядъ, и ему такъ вотъ и кажется, что она прочитала на этомъ, густо и моментально покраснѣвшемъ лицѣ, что съ нимъ, съ Павлей, творится... Что онъ сталъ одѣваться въ послѣднее время болѣе тщательно—онъ самъ это знаетъ. И вотъ маменька, какъ разъ, сейчасъ его изловила, въ моментъ, когда онъ прихорашивался, и это отмѣтила, ибо онъ еще разъ подтвердилъ этимъ самымъ, что дѣло не чисто, что у него лежитъ на душѣ нѣкая сокровенная тайна... Дѣйствительно, таковая тайна имѣется, онъ постоянно носится съ нею, бережетъ ее про себя и втихомолку лелѣетъ... Вотъ почему онъ все чаще и чаще застаетъ самъ себя передъ зеркаломъ, вотъ почему онъ раньше всѣхъ забирается въ церковь, а оттуда не ворочается тотчасъ же домой, но проходитъ предъ этимъ нѣкое пространство по улицамъ, совсѣмъ въ обратную сторону, и дома, сидя за чаемъ, вдругъ погружается

такъ глубоко въ задумчивость, что часто даже не слышитъ, когда маменька обратится къ нему съ какой-нибудь фразой, причемъ онъ вздрагиваетъ всѣмъ своимъ существомъ при ея рѣзко повторенной рѣчи, а ночью, лежа въ постели, долго не можетъ заснуть, ворочается на ней, какъ на угольяхъ, и глубоко и тяжко вздыхаетъ... Да, да, все это маменька видитъ и понимаетъ прекрасно, что дѣло не чисто!

Онъ отрывается отъ своихъ мучительныхъ думъ, вдругъ замѣтивъ, что стоитъ уже въ церкви, на обычномъ мѣстѣ своемъ, недалеко отъ входныхъ дверей.

Тамъ есть уже нѣсколько лицъ, коихъ привыкъ онъ встрѣчать постоянно. Это тоже говѣльщики, появляющіеся всегда съ таковой же, какъ онъ, аккуратностью. Между ними онъ особенно помнитъ старуху мѣщанскаго типа, въ платочкѣ, которая все время очень усердно и сосредоточенно молится, затѣмъ не особенно стараго, но обладающаго разслабленнымъ видомъ субъекта, съ трудомъ сгибающаго, при помощи палки, колѣни, когда нужно дѣлать земные поклоны, и, наконецъ, длиннаго, чопорнаго, съ выпяченной грудью господина, коего можно почесть за чиновника.

Публики набирается все больше и больше, а Павлѣ становится все труднѣе и труднѣе слѣдить за вновь приходящими лицами. Но онъ смотритъ и слѣдитъ напряженно, можно сказать, изъ всѣхъ силъ.

Дѣлается почти уже тѣсно... И вотъ, наконецъ, въ толпѣ промелькнуло женское личико, въ свѣтло-лиловой шелковой шляпкѣ съ синимъ перомъ...

Она!

Павлино сердце сладостно вздрагиваетъ. Онъ стремительно срывается съ мѣста и начинаетъ протискиваться слѣдомъ за нею.

Павля останавливается невдалекѣ отъ нея, нѣсколько сбоку, такъ что ему виденъ дѣвушкинъ профиль. Помѣститься совсѣмъ рядомъ съ нею, даже тотчасъ же у нея за спиною, онъ не можетъ рѣшиться. Ему нужно быть подъ прикрытіемъ, т.-е., чтобы кто-нибудь его заслонялъ. Пусть все время торчитъ передъ нимъ спина и плечи сосѣда, онъ не покидаетъ ни на минуту предмета своего наблюденія, ловя его взглядомъ, тѣмъ болѣе, что сосѣдъ стоитъ неспокойно и даетъ такимъ образомъ Павлѣ возможность увидѣть, что ему нужно. Павлѣ достаточно знать, что она тутъ, вблизи отъ него.

Сегодня читается двѣнадцать евангелій. Въ переднихъ рядахъ заискрилось нѣсколько огненныхъ точекъ, а отъ нихъ поползли по всѣмъ направленіямъ, зарождаясь одна отъ другой, новыя и новыя блестящія точки, и скоро вся церковь усѣялась огоньками мерцающихъ свѣчекъ. И Павля успѣлъ уловить, какъ головка

въ свѣтло-лиловой шляпкѣ съ синимъ перомъ слегка пригнулась къ сосѣду, чтобы зажечь у него свою свѣчку. На нѣжно блѣдномъ лицѣ ея теперь заигралъ слабый румянецъ и въ глазахъ тоже какъ бы зажглись огоньки. Все это было Павлѣ явственно видно, ибо свѣчка ея потухала два раза, и дѣвушка, пока разожгла ее совершенно, стояла повернувшись лицомъ къ тайному своему наблюдателю. Затѣмъ опять заслонили ее спина и плечи сосѣда и заслоняли все время, пока читалось евангеліе.

„*Слава долготерпѣнію Твоему, Господи, слава!*“—раздается, отъ времени до времени, пѣніе клира, въ заключеніе каждаго изъ прочтенныхъ евангелій.

И по мѣрѣ того, какъ тянется дальше повѣствованіе о страстяхъ Искупителя, что читаетъ на распѣвъ своимъ дребезжащимъ голосомъ старенькій попикъ, при благоговѣйномъ безмолвіи всей этой, тѣсно наполнявшей церковь толпы, въ душѣ Павла разростается трогательно-умиленное чувство, и мысли его далеки отъ земного, житейскаго.

Свѣчи погашены и чадятъ въ духотѣ. Служба окончилась и толпа двинулась къ выходу. А затѣмъ всѣ эти люди, только что бывшіе связанными однимъ общимъ для всѣхъ настроеніемъ, разсыпаются въ разныя стороны. Разслабленный баринъ кличетъ извозчика. Старушка мѣщанскаго типа бредетъ неторопливой походкой: она, вѣроятно, живетъ въ этомъ приходѣ. Большинство поспѣшно шагаетъ по всѣмъ направленіямъ, обгоняя другъ друга, ибо у всѣхъ очевидно, давно уже пересохло во рту.

Вдоль окутанныхъ вечернимъ сумракомъ стѣнъ мелькаетъ неслышно, какъ тѣнь, очеркъ женской фигуры. Позади, въ нѣкоторомъ отъ нея отдаленіи, движется фигура мужчины. Судя по тому, что обѣ онѣ держатся одного и того же пути, огибая углы и переходя перекрестки, причемъ разстояніе между ними не перестаетъ все время быть одинаковымъ, можно подумать, что мужчина является въ роли преслѣдователя...

Но вотъ женская фигура поровнялась съ высокимъ каменнымъ домомъ, облѣпленнымъ сверху до низу вывѣсками, и исчезла въ воротахъ. Мужчина стоитъ неподвижно, какъ вкопанный, и нѣсколько времени глядитъ ей въ слѣдъ. Затѣмъ онъ медленно поворачивается налѣво кругомъ и бредетъ, понуривъ голову, въ обратную сторону, по тѣмъ же самымъ, только что имъ пройденнымъ мѣстамъ.

XVI.

Онъ не только не знакомъ съ этой дѣвушкой, но даже совсѣмъ не знаетъ ея. Первый разъ онъ ея увидалъ въ этой церкви

въ началѣ поста. (Надо прибавить, онъ потому избралъ для хожденія эту именно церковь, что родители посѣщали ближайшую къ дому, а эта была нѣсколько дальше).

Особенно она ему врѣзалась въ памяти, когда онъ увидѣлъ ее за причастіемъ. Она была тогда въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, убранномъ голубыми атласными бантами. Голубая же лента была у нея и въ волосахъ. У дѣвушки были свѣтло-русые волосы, со всѣмъ просто причесанные, но съ одной упрямой прядкой, фестончикомъ сбѣгавшей на лѣвое ухо, что придавало лицу ея милый видъ шаловливости. Тонкія, словно нарисованныя нѣжной кисточкой брови изгибались надъ темными глазками и между ними лежала морщинка.

Дѣвушка сперва находилась въ группѣ отдѣльно стоявшихъ причастниковъ, но по принятіи Св. Даровъ замѣшалась въ толпу, и тутъ къ ней приблизилась невысокая, полная, среднихъ лѣтъ, дама и молодой человѣкъ, довольно красивой наружности.

— Поздравляю тебя, Лиза,—сказала полная дама и поцѣловала причастницу. То же сдѣлалъ и молодой человѣкъ и тоже сказалъ:

— Поздравляю.

— Вѣроятно, мамаша и братъ,—подумалось Павлѣ.

Молитву, которую читаетъ дьячокъ послѣ причастія, они выслушали, стоя рядомъ, всѣ трое, а по ея окончаніи, вмѣстѣ со всѣми, двинулись къ выходу. При этомъ Павля замѣтилъ, что молодой человѣкъ (т.-е. братъ) помогъ надѣть дѣвушкѣ темный, на ватѣ, салопъ, ибо стояли послѣдніе дни зимней погоды.

Выйдя изъ церкви, Павля пошелъ во свояси, она повернула въ противоположную сторону.

Втеченіе нѣсколькихъ дней послѣ этого случая Павлѣ неоднократно приходила на мысль незнакомка—совершенно такъ, безотчетно, безъ всякой причины. Побывавъ послѣ того нѣсколько разъ у утрени, онъ даже искалъ ее взорами—и опять-таки совсѣмъ безотчетно, безъ всякой причины. Но ему не пришлось ее тогда увидѣть опять, и онъ пересталъ о ней думать.

И вотъ, ужъ на пятой недѣлѣ поста, совсѣмъ неожиданно, передъ нимъ мелькнуло въ толпѣ богомольцевъ знакомое личико дѣвушки... На этотъ разъ на головѣ у нея была свѣтло лиловая шляпка съ синимъ перомъ, но онъ тотчасъ же узналъ ее... Узналъ—и обрадовался... Мало того—даже почувствовалъ на лицѣ своемъ жгучую краску...

То былъ моментъ знаменательный! Начиная съ него, Павля вступилъ въ нѣкую особую стадію жизни.

Сперва слабо, безсознательно для него самого, но потомъ все сильнѣе, настойчивѣе образъ молодой незнакомки въ лиловой

шляпкѣ съ синимъ перомъ водворился въ мысляхъ его, считался, можно сказать, его постояннымъ сопутникомъ. Павля только и зналъ про нее, что ее зовутъ Лизой и что у нея есть мамаша и братъ. Но этого было достаточно. Павля чувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ, что онъ теперь связанъ съ нею какою то незримою, но крѣпкою нитью, что она влечетъ его къ себѣ неотступно и что онъ не въ силахъ отъ нея отрѣшиться.

Особенно она надъ нимъ властвуетъ ночью, когда вокругъ тихо, и Павля, одиноко лежа въ постели, при свѣтѣ лампадки, подложивъ руки подъ голову и созерцая безсоннымъ взоромъ своимъ черное изображеніе на потолкѣ паука съ распростертыми лапами, можетъ витать безпрепятственно въ мірѣ своихъ сокровенныхъ мечтаній.

Нельзя обозначить ихъ видъ и послѣдовательность, ибо они внѣ мѣста и времени. Они неуловимы и смутны, въ нихъ нѣтъ ни дѣйствій, ни словъ, но въ нихъ постоянно присутствуютъ лишь двѣ неразрывныхъ фигуры—Лизы и Павли.

Но самое сладостное бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда сонъ смежитъ, наконецъ, его утомленныя вѣки, и оба они переходятъ въ міръ грёзъ. Вокругъ нихъ пестрый хаосъ разныхъ фигуръ и явленій, возможныхъ и логичныхъ, въ періодѣ сна, и сумбурныхъ, въ воспроизведеніи ихъ въ состояніи бодрствованія, возникающихъ и исчезающихъ подобно слѣду отъ дыханія на зеркальномъ стеклѣ, но они, эти двое, всегда ясны и понятны другъ другу.

И часто случается тоже, что весь этотъ фантастическій міръ улетаетъ въ одно мгновеніе ока, а Павля ощущаетъ себя на постели, въ прежнемъ своемъ одиночествѣ, среди ночной тишины и безмолвія... Лампадка чуть брежжится и скоро погаснетъ, окно побѣлѣло предъ приближающимися лучами разсвѣта, а онъ лежитъ, разметавшись, весь горя, какъ въ огнѣ, и страстно къ себѣ прижимая подушку...

XVII.

Близкое наступленіе Свѣтлаго праздника проявляется все ощутительнѣе. Всюду моютъ, чистятъ, скребутъ... У Елкиныхъ грохотъ передвигаемой мебели, стуки и крики. Степанида ходитъ вся перемазанная. Она производитъ въ квартирѣ цѣлый потопъ, среди коего носится маменька, поднимая то и дѣло подолъ и шагая чрезъ струящіеся повсюду потоки воды.

Она зла непрерывно, начиная съ утра, и ругается поминутно съ кухаркой, которая отвѣчаетъ ей тѣмъ же, ибо она тоже зла, не меньше хозяйки. Павля съ отцомъ находятъ себѣ облегченіе

отъ тягостной жизни только на службѣ. Возвратившись домой, они обязаны ѣсть какую-нибудь постную гадость, въ подавленномъ состояніи духа людей, которые должны сознавать, что они ни къ чему не нужны, безполезны и служатъ только досадной помѣхой всему. Вокругъ нихъ кавардакъ изъ опрокинутыхъ стульевъ, разставленныхъ по полу цвѣточныхъ горшковъ и тамъ и сямъ попадающихся, на самыхъ неподходящихъ мѣстахъ, разныхъ, доселѣ невиданныхъ предметовъ чайной посуды, ожидающихъ въ свой чередъ генеральнѣйшей мойки, а въ ушахъ оглушительно стучитъ молотокъ, коимъ маменька прибиваетъ на палку, распростертую тутъ же, гдѣ обѣдаютъ оба вернувшихся къ своимъ пенатамъ чиновника, чисто вымытую оконную штору. Всѣ стуки и крики угомоняются къ вечеру, когда, въ тишинѣ, кротко сіяютъ по всей квартирѣ лампадки и утомленные послѣ стоянія въ церкви родители Павли ведутъ за самоваромъ, съ длинными паузами, дѣловую бесѣду о творогѣ и сметанѣ для пасхи или о гадательныхъ качествахъ пріобрѣтеннаго окорока.

Передъ свѣтлой заутреней, вся семья, подкрѣпленная сномъ, приводитъ себя, по разнымъ угламъ, въ торжественный видъ. Павля сшилъ себѣ новый сюртукъ и охорашивается на всѣ лады передъ зеркаломъ. Тамъ отражается толстенькій молодой человѣкъ, съ пухлыми, румяными щеками и носомъ картошкой. Его подбородокъ и мѣсто надъ верхней губою нѣжны и бѣлы, какъ атласъ, послѣ недавняго по нимъ прохожденія бритвой, а отъ висковъ тянутся книзу двѣ золотистыхъ полоски волосъ, которыя Павля тщательно холитъ, какъ залогъ будущихъ бакъ. Въ концѣ концовъ, Павля недоволенъ до крайности своею наружностью. Въ видѣ одного утѣшенія онъ оскаливаетъ передъ зеркаломъ зубы. Нужно отдать справедливость: зубы у него превосходные—ровные, чистые, бѣлые—но что изъ того?.. Все же онъ некрасивъ, совсѣмъ некрасивъ—и долженъ, съ великимъ сокрушеніемъ сердца, въ этомъ сознаться!

— Ну, кончилъ ты на себя любоваться?—слышится изъ другой комнаты маменькинъ возгласъ.

Она только что сдѣлала свой туалетъ. Папенька давно ужъ готовъ. Онъ тоже имѣетъ праздничный видъ и тихо слоняется изъ комнаты въ комнату, не зная, что съ собой дѣлать, и повертывая съ большой осторожностью шею, которую держатъ въ тискахъ и колютъ съ обѣихъ сторонъ, подобно кинжаламъ, острые кончики воротничка его новой накрахмаленной сорочки.

— Готовы?!—волнуется маменька.

Отецъ съ сыномъ поспѣшно даютъ отвѣтъ утвердительный.

Всѣ трое выходятъ въ прихожую, гдѣ Степанида протягиваетъ имъ узелокъ, заключающій въ себѣ маленькій куличикъ и

пасху, долженствующіе быть окропленными послѣ заутрени святою водою. Очевидно, его долженъ нести, по примѣру прежнихъ годовъ, не иной кто, какъ Павля, между тѣмъ какъ онъ ожидалъ, что это поручено будетъ кухаркѣ, и приходитъ въ большое смущеніе.

— Что же стоишь-то? Бери,—говоритъ ему маменька.

— Но, маменька, я полагалъ, Степанида...

— Ну, да, когда еще розыщешь ее въ толкотнѣ! Мы попросимъ попа освятить поскорѣй.

— Но я, маменька, думалъ идти въ свою церковь...—протестуетъ несмѣлымъ голосомъ Павля...

— Что-о? Это еще что за новости?—возражаетъ запальчиво маменька, готовая уже разсердиться, и Павлѣ остается лишь покорно склонить голову предъ волей неумолимой судьбы.

Отдавъ послѣднія распоряженія кухаркѣ, хозяйка властной стопою открываетъ шествіе въ церковь.

На улицахъ пылаютъ плошки и шкалики, въ окнахъ видны огни, всюду спѣшно снуютъ пѣшеходы, мчатся извощики—и весь этотъ видъ оживленія, необычный для глухого, полночнаго часа, долженъ охватывать каждаго особеннымъ чувствомъ какого-то сладкаго трепета. Но для Павли все это не имѣетъ никакого значенія. Въ его душѣ печаль и досада, и предвкушеніе Свѣтлаго праздника для него совершенно испорчено.

Скучный и пасмурный, стоитъ онъ среди нарядной толпы, въ празднично-яркомъ освѣщеніи церкви, бокъ-о-бокъ съ родителями. Исполняя формальность, онъ съ ними христосуется, и все время желаетъ лишь одного: чтобы пасхальная служба поскорѣе окончилась. Попалось не мало знакомыхъ, приходится со всѣми ими христосоваться—и это приноситъ ему еще пуще досады... Нѣтъ, не о томъ, совсѣмъ не о томъ онъ мечталъ!

Но вотъ, слава Богу, конецъ.

— Христосъ воскресе!—вступая въ квартиру, привѣтствуетъ маменька бросившуюся навстрѣчу имъ Степаниду, неузнаваемую въ ея новомъ гремучемъ ситцевомъ платьѣ и издающую даже благоуханіе гвоздичной помады. Кухарка, съ выраженіемъ радостной преданности, отвѣчаетъ: „во истину!“ и лобызается троекратно съ хозяевами, снабжая каждаго особымъ яйцомъ.

— Эхъ, совсѣмъ я безъ ногъ!—объявляетъ страдальческимъ голосомъ маменька, когда всѣ, переодѣвшись изъ параднаго платья въ домашнее, садятся за столъ.

Покрытый бѣлоснѣжною скатертью и уставленный вкусными яствами, онъ имѣетъ чрезвычайно соблазнительный видъ.

Всѣ разговляются. Всѣ до нельзя измучены, но каждый старается быть весело и благодушно настроеннымъ. Маменька съ

необычайною кротостью отдаетъ то или другое приказаніе кухаркѣ, которая, гремя непрерывно своимъ новымъ ситцевымъ платьемъ и сохраняя все время выраженіе радостной преданности, снуетъ какъ на ярмаркѣ. Папенька говорливъ и развязенъ какъ никогда. Онъ съ аппетитомъ вознаграждаетъ себя за прошлыя лишенія въ пищѣ, отвѣдывая, безъ малѣйшихъ изъятій, отъ каждаго яства, причемъ выпиваетъ, въ короткое время, цѣлыхъ пять рюмокъ водки... Онъ тянется налить себѣ и шестую, но маменька неожиданно отставляетъ графинъ, несетъ его въ шкафчикъ и объявляетъ присутствующимъ:

— Ну, теперь пора спать.

Павля давно уже этого ждетъ и тотчасъ же уходитъ къ себѣ. Онъ уныло совлекаетъ верхнее платье, ложится въ постель и принимается изъ всѣхъ силъ себя усыплять.

Стоитъ совсѣмъ уже бѣлое утро.

XVIII.

Прошла веселая, шумная Святая недѣля, и идутъ дни Ѳоминой. Жизнь вступила въ свое привычное русло и все установилось опять въ своихъ прежнихъ рамкахъ.

Павля не ждетъ уже съ нетерпѣніемъ нѣкоего, для него одного интереснаго вечерняго часа, и некуда уже ему торопиться... Все это окончилось въ прошломъ и повториться больше не можетъ. Теперь его жизнь наполнена нѣсколько иначе.

Вернувшись со службы и пообѣдавъ, онъ, какъ всегда, уходитъ къ себѣ, но спать не ложится. Эта привычка давно уже оставлена. Вмѣсто того, онъ берется за флейту, садится къ окну и играетъ.

Съ полгода уже, какъ онъ пріобрѣлъ эту вещь и въ какихъ-нибудь два-три мѣсяца научился ею владѣть въ совершенствѣ. Въ посту онъ совсѣмъ забросилъ ее, но на-дняхъ разыскалъ и принялся опять на ней упражняться,—вполнѣ невозбранно и даже встрѣчая сочувствіе.

Случается, сидитъ онъ у себя, въ одиночествѣ, и выводитъ, со всевозможною тщательностью, какую-нибудь меланхолически-нѣжную ноту... Вдругъ дверь отворяется и появившаяся въ его комнатѣ маменька заявляетъ ему:

— Что ты все печальное тянешь? Сыграй мнѣ что-нибудь такое веселенькое.

Павля отнимаетъ флейту отъ губъ и, отдувшись, вслѣдствіе напряженныхъ усилій дыханія, спрашиваетъ:

— Что же сыграть вамъ?

Маменька начинаетъ молча придумывать, но такъ какъ свѣ-

дѣнія ея по этой части до крайности скудны, то она машетъ рукой и уходитъ, сказавъ:

— Играй, что знаешь, только не тяни ты мнѣ душу.

Такъ какъ Павля тоже не зналъ ничего такого „веселенькаго", кромѣ „Камаринской", то онъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ размышленія, принимается выдувать „Соловья". Выборъ оказывается совершенно удаченъ.

— Это вотъ хорошо! Вотъ это отлично!—кричитъ ему изъ другой комнаты маменька.

— А потомъ сыграй мнѣ „Коль славенъ"!—заявляетъ, въ свою очередь, папенька, склонный болѣе къ духовной и торжественной музыкѣ.

И Павля, доведя до конца „Соловья", играетъ „Коль славенъ".

— Вотъ это тоже мнѣ нравится!—выражаетъ свое одобреніе маменька.

Но Павлины вкусы склоняются исключительно къ грустнымъ мелодіямъ. Онъ предпочитаетъ играть для себя „Среди долины ровныя", „Выхожу одинъ я на дорогу", и тому подобныя вещи, какъ вполнѣ соотвѣтствующія нынѣшнему его настроенію.

Наконецъ, совершенно задохшись, Павля прерываетъ музыкальныя свои упражненія и ощущаетъ потребность выйти на воздухъ.

Хотя Нева лишь недавно прошла, а ладожскій ледъ еще и не думаетъ трогаться, и на бульварахъ и скверахъ деревья стоятъ пока совсѣмъ голыя, но солнце уже горячо и радостно свѣтитъ, а въ тепломъ, словно разнѣженномъ воздухѣ трепещутъ и льются новыя, бодрящія струны, что знаменуютъ шествіе все болѣе и болѣе близкой весны и возрожденіе природы.

Павля сдѣлалъ привычку, въ послѣдніе дни, посвящать свое свободное время, остающееся послѣ упражненій на флейтѣ до вечерняго чая, прогулкѣ. Но при этомъ у него существуетъ нѣкая особая цѣль, которая, каждый разъ, раньше иль позже, приводитъ его неизбѣжно къ одному извѣстному пункту.

Это большой каменный домъ, снаружи облѣпленный разными вывѣсками и биткомъ набитый жильцами. Въ немъ существуютъ два дворника. Съ однимъ изъ нихъ Павля даже знакомъ.

Знакомство это произошло такимъ образомъ.

Въ половинѣ Святой Павля проходилъ мимо этого самаго дома... т.-е. не случайно онъ здѣсь очутился, а съ нѣкоторымъ намѣреніемъ, ибо привыкъ это дѣлать во время своихъ ежедневныхъ прогулокъ... Когда онъ приближался къ воротамъ, оттуда вышелъ господинъ красивой наружности, и съ нимъ была молодая особа женскаго пола, въ свѣтломъ весеннемъ костюмѣ.

*

Онъ тотчасъ же узналъ въ ней свою незнакомку, которую привыкъ раньше видѣть въ лиловой шляпкѣ съ синимъ перомъ. Теперь шляпка на ней была изъ соломы, съ бѣлыми лентами, и это дѣлало ее еще интереснѣе. Въ господинѣ онъ узналъ ея брата.

Павлино сердце такъ сильно забилось, что онъ даже остановился, какъ вкопанный.

Пропустивъ мимо себя эту пару, онъ двинулся было слѣдомъ за ними, на нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи, но потомъ вернулся обратно и прошелъ опять мимо воротъ. Тамъ стоялъ дворникъ, который, какъ Павля замѣтилъ, былъ здѣсь и въ то время, когда они выходили на улицу.

Пройдя два-три дома, Павля снова вернулся къ воротамъ. Дворникъ продолжалъ все стоять на своемъ прежнемъ мѣстѣ.

Павля испытывалъ большое волненіе... Преодолѣвъ его, наконецъ, сильнымъ напряженіемъ воли, онъ приблизился къ дворнику. Тотъ стоялъ и глядѣлъ на прохожихъ, луща и выплевывая безпечно подсолнухи. Это былъ молодой, совсѣмъ еще безбородый мужикъ, добродушнаго и простоватаго вида. Послѣднее на Павлю подѣйствовало ободряющимъ образомъ. Онъ тронулъ за локоть дворника и задалъ ему храбро вопросъ:

— Послушай-ка, братецъ... Кто эти господа, что сейчасъ проходили?

Дворникъ выплюнулъ шелуху отъ подсолнуха и медленно спросилъ въ свою очередь:

— А вамъ кого надыть?

— Видишь ли, братецъ...—продолжалъ ужъ несмѣлымъ голосомъ, Павля, густо краснѣя, — тутъ вышелъ сейчасъ изъ воротъ одинъ господинъ съ барышней въ соломенной шляпкѣ... Замѣтилъ?

— Да вамъ, сударь, что же собственно надыть?—уже испытующе на него уставился дворникъ.

Павля почувствовалъ, что совсѣмъ ужъ постыдно робѣетъ, и пролепеталъ, мѣшаясь и путаясь:

— То-есть, видишь ли, братецъ... Я ихъ не разсмотрѣлъ хорошенько... Мнѣ показалось, какъ будто они похожи на моихъ прежнихъ знакомыхъ.

— Вишь оно что...—молвилъ задумчиво дворникъ и прибавилъ:—Ну, ужъ мы этого не знаемъ... то-есть, какъ вамъ, значитъ, отвѣтить...

— Да ты мнѣ только скажи: ты ихъ знаешь?

— То-есть, барышню-то?

— Ну, да, барышню, барышню! Ты ее знаешь?

— А то какже? На то мы и дворники, чтобы знать всѣхъ жильцовъ!

— Значитъ, она здѣсь живетъ?

— Извѣстно, живетъ. А то какже? При мамашѣ живетъ.

Дворникъ полѣзъ въ свой бездонный карманъ за новою горстью подсолнуховъ, не обнаруживая никакого желанія продолжать дальше бесѣду. Павля сознавалъ себя до крайности глупо, словно онъ уперся въ какую-то стѣну, которая ему преграждала дорогу. Запасъ вопросовъ окончательно истощился у него въ головѣ и ему показалось за лучшее теперь же отступиться отъ дворника. Но тотъ вдругъ неожиданно поразилъ его страннымъ вопросомъ:

— Да вы, можетъ, комнату ищете?

— Какъ, т.-е., комнату?—переспросилъ, опѣшенный, Павля.

— Отъ жильцовъ, значитъ, комнату... Такъ они тоже сдаютъ отъ себя... Вонъ и билетикъ ихній виситъ!

И дворникъ ткнулъ пальцемъ на полоску бумаги, прилѣпленную у самыхъ воротъ.

Павля машинально приблизился и прочелъ слѣдующее, написанное красивымъ и четкимъ, почти каллиграфическимъ почеркомъ:

„Отдается комната съ мебелью и прислугой. Можно по желанію со столомъ“.

— Коли, значитъ, желательно, можемъ сейчасъ указать, — продолжалъ, сдѣлавшись совсѣмъ словоохотливымъ, дворникъ. — Потому намъ отъ нихъ это велѣно, чтобы, значитъ, указывать... Чудесная комната. И никакихъ, то-есть безпокойствъ! Сейчасъ и укажемъ. Указать, что ли, сударь?

— Да... то-есть нѣтъ.. — залепеталъ быстро Павля. Вся кровь ему бросилась въ голову и даже въ вискахъ застучало... Ему вдругъ потребовалось поскорѣе уйти и разобраться наединѣ, на свободѣ, въ какихъ-то новыхъ, неясныхъ и жуткихъ мысляхъ, которыя вихремъ закрутились у него въ головѣ, при этомъ внезапномъ открытіи.—Я приду... я еще разъ приду... можетъ завтра, на-дняхъ... А теперь мнѣ нельзя... До свиданія, братецъ... Погоди, какъ тебя звать?

— Какъ звать-то меня?.. Герасимомъ звать...

— Такъ вотъ, Герасимъ, возьми...—Павля торопливо досталъ портмонэ, изъ коего вынулъ и подалъ ему пятіалтынный.

— Благодаримъ покорнѣйше, сударь...

— Это хорошо, что ты сказалъ мнѣ про комнату... Я приду... Скоро приду... До свиданья, Герасимъ!

— Просимъ прощенья, сударь,—отвѣсилъ поклонъ ему дворникъ, снимая картузъ.

Павля шагалъ въ большой ажитаціи... Онъ дивился самъ своей смѣлости, съ которою ему удалось завязать полезное знакомство съ Герасимомъ, открывшимъ предъ нимъ важныя перспективы на будущее. Пока Павля совершенно не зналъ послѣ-

дующихъ дѣйствій своихъ, но извѣстіе о томъ, что „они“ ищутъ жильца, сулило ему цѣлую массу какихъ-то неясныхъ, но смѣлыхъ надеждъ...

Когда онъ вернулся домой, должно быть, у него на лицѣ было что-то особенное, ибо маменька, которая ему первымъ дѣломъ, попалась навстрѣчу, остановила на немъ испытующій взглядъ и спросила:

— Ты гдѣ-нибудь былъ?..

— Нѣтъ, нигдѣ не былъ... Почему вы это, маменька, думаете?—развязно освѣдомился, въ свою очередь, Павля.

— Такъ... ничего... Гулялъ все по улицамъ только?

— Только по улицамъ, маменька... Ахъ, какъ чудесно на воздухѣ!..—прибавилъ восторженно Павля и поспѣшилъ скрыться къ себѣ.

Послѣ чаю, онъ игралъ долго на флейтѣ, а ночью томился безсонницей, вплоть до утра...

Съ этого самаго случая его уже каждый вечеръ стало тянуть къ знакомымъ воротамъ. Если тамъ встрѣчался Герасимъ, они, размѣнявшись привѣтствіями, вступали въ бесѣду. Первоначальною темой служили для Павли разспросы о комнатѣ, такъ какъ Павля успѣлъ сочинить про себя для успокоенія Герасима, будто онъ хочетъ нанять эту комнату, но только никакъ ему невозможно переѣхать теперь же. Билетикъ висѣлъ все по прежнему, но Герасимъ выражалъ опасеніе, что можетъ явиться жилецъ, и каждый разъ предлагалъ ему „указать“.

— Да, да, посмотрю непремѣнно... — торопливо возражалъ ему Павля.—Мнѣ теперь недосугъ, а я это завтра, или, можетъ, на дняхъ...

И Павля съ озабоченнымъ видомъ разставался съ Герасимомъ, вручая ему, какъ бы дань, пятіалтынный.

Дѣло въ томъ, что, отправляясь сюда, каждый разъ Павля задавался смѣлымъ намѣреніемъ воспользоваться предложеніемъ дворника „указать“ эту комнату, но когда доходило до дѣла, вдругъ падалъ духомъ и спѣшилъ разстаться съ Герасимомъ, а затѣмъ, по дорогѣ домой, страшно казнился своимъ малодушіемъ.

Какъ бы то ни было, онъ все же узналъ отъ Герасима коечто про этихъ жильцовъ. Фамилія ихъ — „Ивановы“. Мамаша сама—„изъ полковницъ“, вдова, живетъ „пенсіономъ“. „Добрая, хорошая барыня, и платитъ всегда аккуратно“. Живетъ одна, съ дочкой. И дочка тоже хорошая барышня. „Музыкѣ учится и ходитъ куда-то на фортупьянахъ играть“. Жильцы тихіе, скромные. И гости у нихъ рѣдко бываютъ.

— А братъ часто бываетъ?

— Тотъ часто бываетъ,—отвѣтилъ Павлѣ Герасимъ.

— Почему онъ не живетъ вмѣстѣ съ ними, скажи мнѣ пожалуйста?

— А Господь его вѣдаетъ... Знать, что-нибудь есть.

— Онъ, вѣроятно, женатый?

— Ну, вотъ ужъ это не знаю... Надо такъ полагать, что женатый.

Пробѣлы въ свѣдѣніяхъ новаго знакомаго Павли происходили благодаря тому обстоятельству, что Герасимъ жилъ здѣсь всего первый мѣсяцъ, пріѣхавъ въ посту изъ деревни.

— А у насъ вишь сколько народу живетъ! Не проворотишь коломъ, надо прямо сказать!

Но даже и эти скудныя свѣдѣнія достались Павлѣ лишь исподволь, ибо ему далеко не всегда удавалось застать знакомца своего у воротъ. Кромѣ Герасима, былъ въ домѣ еще другой дворникъ, Никита, мужикъ пожилой и, въ противоположность Герасиму, мрачнаго и даже нѣсколько свирѣпаго вида. Павля не только не имѣлъ къ нему ни малѣйшихъ симпатій, но даже его избѣгалъ. Если Павлѣ случалось видѣть Герасима вмѣстѣ съ Никитой, то онъ принимался прохаживаться по другой сторонѣ, въ ожиданіи, когда Никита отъ него отойдетъ. Павля былъ убѣжденъ, что тотъ относится къ нему подозрительно и даже враждебно. Никита какъ-то разъ подошелъ, во время бесѣды Павли съ Герасимомъ. Онъ ничего не сказалъ, только мрачно и дерзко обозрѣлъ Павлю отъ макушки до пятокъ и отвернулся презрительно... Такъ, по крайней мѣрѣ, ему показалось. Ему тоже послышалось, когда онъ поспѣшилъ отойти отъ Герасима, что Никита промолвилъ послѣднему, по адресу Павли:

— Чего этотъ стрекулистъ тутъ повадился.

И каждый разъ, когда, вмѣсто Герасима, у воротъ онъ видѣлъ Никиту, онъ старался поскорѣй пройти мимо. Павля положительно чувствовалъ, какъ тотъ обволакиваетъ всю фигуру его, отъ макушки до пятокъ, своимъ мрачнымъ взглядомъ и готовъ даже въ эту минуту причинить ему пакость... Павля сталъ ощущать къ нему положительно ненависть.

За то съ Герасимомъ у него отношенія были самыя дружественныя. Въ послѣднее время Герасимъ, при приближеніи Павли къ воротамъ, даже сталъ оскабляться...

— Такъ какъ же на счетъ комнатки, сударь? Когда-жъ посмотрите, значитъ?—освѣдомлялся постоянно Герасимъ.

— На-дняхъ, на-дняхъ, непремѣнно,—обязательно отвѣчалъ ему Павля.

— Эхъ, проморгаете, сударь...—вздыхалъ зловѣще Герасимъ.

— Ну, такъ я уже завтра... Завтра уже я непремѣнно! — бормоталъ испуганно Павля, спѣша достать портмонэ и вручая пріятелю обычную дань—пятіалтынный.—До свиданья, Герасимъ!

— Покорнѣйше благодарствуемъ! Прощенья просимъ! — напустовалъ Павлю обычною фразой Герасимъ...

XIX.

Но этому „завтра", знать, не суждено было случиться...

На другой день, Павля проснулся съ твердымъ намѣреніемъ сдержать свое слово, на этотъ разъ уже неотложно, и потому съ самаго утра принялся волноваться. Это рѣшеніе не поколебали даже холодъ и дождь, которые сегодня, съ разсвѣтомъ, вдругъ круто смѣнили-таки долго стоявшіе ясные весенніе дни. Двинулся ладожскій ледъ.

Немного спустя послѣ обѣда, дождавшись, когда маменька улеглась отдохнуть, Павля отправился изъ дому.

Погода была совсѣмъ отвратительная. Косой дождь, пополамъ съ какой-то крупою, больно хлесталъ прямо въ лицо, словно розгами. Сильный и порывистый вѣтеръ валилъ положительно съ ногъ.

Врядъ ли въ такую погоду можно было разсчитывать найти на привычномъ мѣстѣ Герасима. Павля былъ такого же мнѣнія, разсуждая при этомъ, что ему ничто не препятствуетъ дѣйствовать вполнѣ самостоятельнымъ образомъ... Настолько рѣшимость его была непреклонна!

Конечно, у воротъ Герасима не было, и Павля прошелъ дальше, во дворъ.

Ему былъ извѣстенъ № квартиры Ивановыхъ: тридцать восьмой. Слѣдовало только найти тотъ самый подъѣздъ, гдѣ помѣщалась эта квиртира. Подъѣздовъ было пять, и всѣ они выходили во дворъ. Спросить было не у кого. Дворъ казался совершенно пустыннымъ. Дождь лилъ, какъ изъ бочки, и на мостовой стояли цѣлыя озера воды.

Павля принялся бродить отъ одного подъѣзда къ другому. Въ первомъ изъ нихъ по порядку помѣщались квартиры съ № 1 по № 10. Значитъ, № 38 слѣдовало искать въ четвертомъ подъѣздѣ.

Павля уже миновалъ два подъѣзда, какъ вдругъ неожиданно увидѣлъ Никиту... Мрачный мужикъ стоялъ неподвижно, какъ столбъ, въ пространствѣ узенькой двери какой-то деревянной пристройки, и наблюдалъ поведеніе Павли... Павля, положительно былъ убѣжденъ, что Никита подкараулилъ съ самаго начала его появленіе здѣсь и коварно слѣдилъ за нимъ все время, пока онъ слонялся отъ подъѣзда къ подъѣзду...

И въ ту же минуту Павля созналъ всю нелѣпость своего положенія. Что долженъ думать о немъ этотъ мерзавецъ? Дѣй-

ствительно, прекрасное время онъ выбралъ—что и говорить! Что подумаютъ тоже тѣ, разыскиваемые имъ, незнакомые люди, къ коимъ явится онъ въ такую погоду въ видѣ лица, желающаго нанять у нихъ комнату?... Вотъ, скажутъ, бродяга!

— Эхъ, свалялъ дурака!—бормоталъ, совсѣмъ разстроенный, Павля, удивляясь самъ на себя, какъ все это раньше не пришло ему въ голову, и выбираясь въ то-же время обратно на улицу. А Никита все стоялъ неподвижно въ дверяхъ и ехидно слѣдилъ, какъ онъ со стыдомъ удалялся...

Павля вернулся домой въ скверн**ѣ**йшемъ настроеніи духа.

Но это еще было не все. На другой день у него принялись болѣть зубы. Очевидно, эту напасть нужно было считать послѣдствіемъ его похожденій. Павля невыносимо страдалъ двое сутокъ подъ рядъ, не спалъ одну ночь, всю, на пролетъ, а во вторую забылся отъ мучительной боли только подъ утро. Проснувшись, Павля нашелъ, что боль облегчилась, но за то, когда онъ взглянулъ на лицо свое въ зеркалѣ, то съ ужасомъ долженъ былъ убѣдиться, что одна щека у него раздулась чуть не съ добрый арбузъ, а надъ ней, вмѣсто глаза, виднѣлась просто какая-то щелка... Словомъ, онъ могъ поздравить себя съ великолѣпн**ѣ**йшимъ флюсомъ!

Нѣсколько дней ходилъ онъ повязанный, вслѣдствіе чего имѣлъ препротивн**ѣ**йшій видъ, съ коимъ было немыслимо показаться на улицу, не говоря уже про опасность застудить свою опухоль, ибо погода стояла отчаянная.

Сидя безвыходно дома, Павля изнывалъ отъ тоски. Еще никогда не казались ему такими постылыми стѣны квартиры, даже можно сказать—ненавистными... И вмѣстѣ съ тѣмъ еще никогда не роились въ его головѣ мысли и планы, подобные тѣмъ, которые теперь его сводили съ ума...

Что, если дѣйствительно „проморгалъ“ эту комнату, какъ пророчилъ Герасимъ? Какой тогда останется смыслъ туда появляться?

Сперва, когда еще только что народилось въ немъ это намѣреніе, Павля не смотрѣлъ на него, какъ на что-либо такое, отъ чего можно было бы ждать серьезныхъ послѣдствій. Его просто влекло увидѣть опять эту милую дѣвушку, услышать ея голосъ, удостоиться счастья получить отъ нея нѣсколько словъ, можетъ быть, даже, пожать ея ручку... И только. Но и на это у него не хватало рѣшимости преодолѣть свою робость и чувство стыда предъ обманомъ... И вдругъ теперь его поразила новая мысль, которую онъ въ другое время счелъ бы дикой, нелѣпой, чудовищной... *Что, если онъ, въ самомъ дѣлѣ, наймета у нихъ комнату?*... Да, да, такъ-таки вотъ наймета самымъ серьезн**ѣ**й-

шимъ образомъ и водворится заправскимъ жильцомъ!... Его даже бросило въ дрожь отъ такого безумнаго плана... Затѣмъ, разъ эта мысль зародилась въ его головѣ, онъ постепенно увѣрился, что въ этомъ нѣтъ ничего неестественнаго. Почему, въ самомъ дѣлѣ, онъ не смѣетъ этого сдѣлать?... Кто можетъ ему запретить? Несовершеннолѣтній онъ, что ли? Какія препятствія? Разсердится маменька?... Ну, и пусть! Онъ уже не мальчишка! Пора, наконецъ, поступать ему по собственной волѣ!... Правда, это достанется ему не легко... Маменька совсѣмъ одурѣетъ отъ злости... Что-же подѣлаешь? Нужно будетъ все претерпѣть... За то, если это устроится... О!!

Дойдя до этого пункта въ своихъ размышленіяхъ, Павля вскакивалъ въ восторгѣ съ кровати, гдѣ обыкновенно предавался своимъ завѣтнымъ мечтамъ, и прохаживался взадъ и впередъ, словно носимый какой-то новою силою... Затѣмъ, приблизившись къ зеркалу, приподнималъ повязку на опухоли и, найдя, что она уже опала значительно, валился опять на кровать и предавался новымъ мечтамъ.

Вотъ онъ поселился у нихъ. Онъ видится съ ней ежедневно. Онъ дѣлаетъ все, что ей можетъ понравиться въ немъ. О, онъ готовъ на все, рѣшительно на все для нея! Напр., они идутъ вмѣстѣ по улицѣ... (Вѣдь можно же будетъ ему иногда вмѣстѣ съ нею выходить со двора?) Вотъ имъ нужно перейти на ту сторону... Вдругъ мчится извозчикъ на взбѣсившейся лошади—и прямо на Лизу!... Она, понятно падаетъ въ обморокъ... Ее ужъ должно задавить колесо... Но Павля бросается отважно впередъ, хватаетъ лошадь сильной рукой подъ уздцы и останавливаетъ ее сразу на мѣстѣ!... Лиза приходитъ въ себя, медленно открываетъ глаза—и видитъ предъ собою его—своего спасителя отъ неминуемой смерти!...

Предаваясь такимъ и инымъ, въ подобномъ же вкусѣ, мечтаніямъ, Павля возвращался опять и опять все къ тому же смѣлому плану, все сильнѣе укрѣпляя его въ головѣ, пока этотъ планъ не получилъ, наконецъ, твердую форму неизбѣжнаго факта, относительно коего не можетъ уже быть никакихъ колебаній.

Эта мысль наполняла его постоянно. Съ нею онъ ложился ночью въ постель, съ нею встрѣчалъ наступающій день.

На шестой уже день своего заточенія Павля могъ, наконецъ, показаться на улицу.

Съ страшно бьющимся и замирающимъ сердцемъ входилъ онъ во дворъ знакомаго дома... Если бы ему попался Герасимъ — Павля къ нему бросился бы, какъ къ своему задушевному другу. Но Герасима не было. Также не было видно Никиты.

Павля вошелъ въ четвертый подъѣздъ и сталъ подниматься по

лѣстницѣ. На ней было довольно темно, такъ что номера надъ дверями квартиръ было трудно прочесть, а Павлѣ, при его близорукости, и совсѣмъ невозможно. По его разсчету, № 38 долженъ былъ находиться въ третьемъ этажѣ... Вотъ, кажется, и онъ, третій этажъ... На площадку выходила всего одна дверь, да и та была растворена настежъ. Въ нее виднѣлись пустыя, голыя стѣны, совершенно ободранныя, полъ былъ закапанъ бѣлою краской и тамъ бродили два мужика, причемъ одинъ былъ съ ведромъ и мазилкой... Значитъ, № 38 долженъ былъ находиться надъ нею. И Павля полѣзъ еще выше.

Здѣсь было совсѣмъ ужъ темно, такъ что Павля прямо уткнулся въ какую-то холодную стѣну и сталъ шарить руками. Онъ нащупалъ ручку отъ двери, которая тотчасъ же поддалась отъ напора, и Павля двинулся дальше, осторожно ступая во мракѣ...

— Кто это? Стой! Какой дьяволъ тутъ бродитъ?—раздалось вдругъ совсѣмъ близко отъ Павли.

Голосъ былъ грубый мужской. Онъ послышался такъ неожиданно, что Павля былъ страшно испуганъ и замеръ на мѣстѣ.

— Кто? Отвѣчай!

И прежде чѣмъ Павля успѣлъ собраться съ мыслями, онъ почувствовалъ себя въ чьихъ-то дюжихъ объятіяхъ.

— Пустите! Кто это? Господи! Что вамъ нужно? Оставьте меня! — пролепеталъ въ отчаянномъ ужасѣ Павля и сталъ изъ всѣхъ силъ вырываться.

— Нѣтъ, погоди! Ты посто-ой! — храпѣлъ надъ ухомъ его грубый голосъ, еще крѣпче сжимая въ объятіяхъ, такъ что Павля сталъ задыхаться.—Надо еще посмотрѣть, кто ты таковъ!

Въ то же время невидимый въ темнотѣ незнакомецъ стащилъ его внизъ по ступенькамъ, и Павля увидѣлъ передъ собою Никиту.

Тотъ, въ свою очередь, тоже узналъ его, и, выпустивъ изъ объятій, протянулъ изумленно:

— Э-э... Такъ вотъ это кто!

И тотчасъ же схвативъ его за руки, прибавилъ свирѣпо:

— Ну, нѣтъ, братъ, ужъ теперь не уйдешь! Ишь ты! Ловокъ! Ужъ и на чердакъ забрался!

Павля, совершенно растерянный, сталъ объяснять, что онъ здѣсь очутился нечаянно, что онъ искалъ № 38, что онъ думалъ нанять себѣ комнату...

— Комнату-у? — протянулъ съ презрительнымъ недовѣріемъ, дворникъ.—Знаемъ мы, каку-таку комнату! Меня не надуешь... „Комнату...“ Ха!.. Ишь, ловкій молодчикъ... То-то, смотрю шляется все...

— Да говорятъ же тебѣ, дуракъ эдакій...—кричалъ въ отчаяніи Павля, стараясь вырвать отъ него руку.

Но Никита сжалъ его локоть словно тисками и, ведя его внизъ по лѣстницѣ, тоже кричалъ:

— „Дуракъ“? Ладно! За это тоже отвѣтишь! Отправлю-ка я тебя сейчасъ въ полицію, тамъ узнаешь, какъ гладятъ вашего брата!

Такъ какъ Никита продолжалъ кричать и тогда, когда уже вышли во дворъ, то ихъ окружило, привлеченныя шумомъ, нѣсколько лицъ, коимъ Никита горячо сталъ разсказывать, какъ ему удалось сцапать на чердакѣ „этого гуся“.

— То-то, смотрю, повадился шляться... Давно ужъ я за нимъ примѣчаю!

— Совсѣмъ еще молодой паренёкъ... — замѣтила какая-то женщина, смотря съ сожалѣніемъ на Павлю.

Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, какъ Павля увидѣлъ подходившаго къ ихъ кучкѣ Герасима. Павля обрадовался ему, какъ своему избавителю.

— Герасимъ! — закричалъ ему Павля. — Ты, вѣдь, знаешь меня! Скажи ты, ради Христа, этому олуху, что онъ ошибается. Ты, вѣдь, знаешь, зачѣмъ я сюда приходилъ!

— Ну, да! Ну, да!—повторялъ, въ страшномъ волненіи Павля, подтверждая Герасима, который объяснялъ всѣмъ присутствующимъ, какъ онъ познакомился съ Павлей и съ какой цѣлью тотъ сюда часто показывался.—Именно, да! Я хотѣлъ нанять комнату! Я и сегодня пришелъ, чтобы нанять! Я и теперь даже хочу, чтобы ты меня свелъ на эту квартиру!

— Теперь ужъ нечего, сударь, смотрѣть...—усмѣхнулся Герасимъ.—Теперича та квартира пустая.

И Герасимъ ему сталъ объяснять, причемъ Павля слушалъ рѣчь его словно сквозь сонъ, что жильцы, два дня назадъ, выѣхали, отмѣтившись за городъ, а прислуга ихъ разсказала, что они уѣзжаютъ въ Москву, такъ какъ барышня выходитъ тамъ замужъ за этого самаго барина, который къ нимъ часто ходилъ, что у нихъ все давно уже было слажено, и свадьба должна была быть еще на Красную горку, да мамаша, вишь, заболѣла на праздникахъ, а теперь, какъ только поправилась, всѣ и уѣхали. А жить они теперь будутъ въ Москвѣ, потому что зятю выходитъ тамъ новая служба...

Павля слушалъ все это, въ конецъ уничтоженный, и ему казалось, что земля плыветъ у него изъ-подъ ногъ...

Должно быть, отчаяніе его было такъ выразительно, что никто уже его не удерживалъ, и онъ, по прежнему, словно во снѣ, медленно побрелъ во свояси.

Какъ во снѣ, очутился онъ дома, какъ во снѣ, взглянулъ молча на маменьку и прошелъ въ свою комнату.

Первое, что попалось ему на глаза, была флейта — подруга его завѣтныхъ думъ и мечтаній... Спокойно лежала она на комодѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, куда привыкъ всегда класть ее Павля... И вдругъ теперь, въ эту минуту, ему показалось въ ней, въ этомъ неодушевленномъ предметѣ, что-то глубоко-насмѣшливое...

Онъ схватилъ флейту съ комода, размахнулся и ненавистно швырнулъ ею объ стѣну...

— Что такое? Чѣмъ ты тамъ грохнулъ?! — вскричала испуганно въ другой комнатѣ маменька.

Такъ какъ сынъ не откликнулся, то она подошла къ его двери, и, отворивъ ее, заглянула. Павля лежалъ на кровати, уткнувъ въ подушку лицомъ. На полу, рядомъ съ нимъ, валялась и флейта...

Маменька тронула его за плечо.

— Что ты? Никакъ ошалѣлъ?

Сынъ не отвѣтилъ ни слова. Онъ продолжалъ лежать, уткнувшись въ подушку, и не шевелился, какъ каменный...

. . . . . .

Вотъ она, старая, забытая флейта...

Она попалась Павлу Ивановичу среди разныхъ старыхъ вещей, которыя разбиралъ онъ въ комодѣ. Много тутъ было разнаго ненужнаго хлама—и между ними лежала она, эта флейта... Во всю длину ея шла глубокая трещина, и на ней уже нельзя играть. И Павелъ Ивановичъ съ тѣхъ поръ не игралъ уже ни разу... Онъ совсѣмъ забылъ про нее, и вотъ она сегодня ему вдругъ попалась...

Онъ сидѣлъ и держалъ въ рукахъ эту старую флейту, а предъ нимъ проплывали, одна за другой, связанныя съ нею картины изъ забытаго прошлаго... Что-то теплое, влажное проползло у него по щекѣ...

— Какой я дуракъ былъ тогда... — прошепталъ Павелъ Ивановичъ и бережно спряталъ старую негодную флейту на прежнее мѣсто...

XX.

Длинный рядъ скучныхъ, безцвѣтныхъ годовъ... Трудно уловить среди нихъ что-либо отчетливое, какъ бываетъ, когда смотришь изъ окна петербургскаго дома на улицу, повитую мглою туманнаго дня, въ которой нельзя разобрать, что такое въ сущности тамъ происходитъ: можетъ быть, сѣется дождь, а не то начинаетъ морозить, Богъ вѣсть, когда выглянетъ солнце, а пока ничего не видать, кромѣ смутныхъ призраковъ зданій, и ничего не слыхать, кромѣ глухого, непрерывнаго гула, который свидѣтельствуетъ о какой-то невнятной и чуждой, но неудержимо несущейся и ни на минуту не отдыхающей жизни...

Сквозь сумракъ этихъ годовъ колеблясь яснѣется фигура отца. По временамъ она уходитъ въ туманъ и расплывается въ тусклую муть, то вдругъ вырѣзывается въ яркихъ чертахъ, и сердце Павла Иваныча сжимается отъ жалостной боли...

— Прочь съ моихъ глазъ! Погубительница! Ненавижу тебя! Извела ты меня, кровь мою высосала! Хочешь, зарѣжусь? На твоихъ глазахъ, сейчасъ вотъ зарѣжусь! А? Что взяла? Ну-ка? Отвѣчай, змѣя! ехидная тварь!

Эти дикія и безобразныя рѣчи несутся изъ устъ блѣднаго какъ смерть человѣка, съ мутнымъ, остекловившимся взоромъ, въ которомъ трудно узнать вѣчно тихаго и робкаго родителя Павла. Онъ второй день уже пьянъ.

И сынъ, и жена заранѣе знаютъ уже, что это должно съ нимъ случиться. Не даромъ онъ въ послѣдніе дни сталъ вертѣться у шкапчика, гдѣ стоитъ графинъ съ водкой... Это—*запой*. И ничто противъ этого не въ силахъ помочь. Водку можно убрать. и ее не отыскать ему во всемъ домѣ, но это не измѣнитъ порядка вещей. Онъ уйдетъ въ свое время на службу, а вернется не ранѣе ночи и пьянѣе вина. Завтра, съ утра, онъ опять примется пить. Онъ будетъ требовать водки, и ему нельзя отказать. Если ему не дадутъ, онъ уйдетъ съ утра и напьется. И даже нельзя его удержать, потому что онъ можетъ разбить окошко въ квартирѣ и заорать на весь дворъ...

И онъ пьетъ, не ходитъ на службу, сидитъ и ругается, отводя себѣ душу. Какъ будто для него въ этомъ существуетъ потребность и онъ долженъ выложить наружу все то, что у него копится въ сердцѣ въ теченіе всего того времени, когда онъ молчитъ и не заявляетъ ничѣмъ, что онъ мыслитъ и чувствуетъ... Это дни его торжества.

Въ эти дни роли обоихъ супруговъ мѣняются. Мать ходитъ боязливая, мрачная и не разжимаетъ плотно стиснутыхъ губъ. Она терпѣливо выноситъ этотъ необычный порядокъ вещей, ибо знаетъ, что это должно въ свое время окончиться. Она не говоритъ мужу ни единаго слова, давая ему полную волю дѣлать, что хочетъ. Она молчалива и съ сыномъ, но онъ понимаетъ, что она все время непрерывно наблюдаетъ за ними обоими.

Положеніе его становится совсѣмъ отвратительнымъ. Отецъ ему страшенъ, и въ то же время Павлѣ его до безконечности жалко. Онъ старается не попадаться ему на глаза, ибо сейчасъ же начнется одна и та же исторія.

— Выпей, дурашка!—говоритъ пьяный папенька Павлѣ, наливая ему рюмку водки, и тянетъ его къ столу за рукавъ.—Пей! Говорятъ тебѣ, пей! Что жъ ты? Не хочешь выпить съ отцомъ? А? Съ родителемъ-то?

— Не могу, папенька, увольте меня,—противится Павля.

— Съ отцомъ-то не можешь? А если приказываю? Могу я тебѣ приказать?

Павля сидитъ и мается молча, не зная, какъ отъ него отбояриться. Встать и уйти дѣлается уже совсѣмъ невозможно, потому что отецъ положилъ обѣ руки ему на плечи и, близко придвинувшись, дышитъ спиртнымъ дыханіемъ прямо въ лицо.

— Га! Понимаю... Матери трусишь?.. А намъ на нее наплевать! Кого долженъ ты больше всего почитать? Отца, вотъ кого! Отецъ—всему дому глава. Кто васъ всѣхъ кормитъ и поитъ? О комъ онъ заботится? Ну, говори! Что же ты молчишь? Отвѣчай, коли отецъ тебя спрашиваетъ!

Павля радъ бы провалиться сквозь землю, между тѣмъ какъ отецъ продолжаетъ его изводить, переходя къ изліяніямъ родительской нѣжности и поцѣлуямъ. При этомъ онъ таинственно шепчетъ на ухо сыну:

— Мы съ тобой за одно? Такъ? За одно? Чего намъ бояться ее? Мы ей оба покажемъ! Погоди, какъ она еще запляшетъ у насъ!

И зловѣще погрозивъ въ ту сторону, гдѣ можетъ въ это время находиться жена, отецъ возглашаетъ:

— Супруга! Мамаша! Пожалуйте-ка сюда на расправу!

Мать не заставляла себя долго ждать, ибо теперь наступила какъ разъ ей пора вмѣшаться въ эту бесѣду. Сурово-спокойная, не глядя на мужа, она подходитъ къ столу, твердой и властной рукой освобождаетъ Павлю изъ объятій отца и уводитъ изъ комнаты, не проронивъ, при всемъ этомъ ни единаго слова.

Спустя нѣсколько дней, отецъ бродитъ больной, угрюмый, словно пришибленный, и совсѣмъ уже трезвый. Въ это время на него тяжело и больно глядѣть. Онъ кашляетъ, ежится, вздрагиваетъ, не глядитъ на жену и молча, но жестоко казнится. Жена тоже на него не глядитъ и попрежнему не говоритъ ему ни единаго слова... Еще жутче, томительнѣе становится въ домѣ.

Обычная жизнь входитъ опять въ свою колею.

XXI.

Бѣломолочный свѣтъ зимняго дня озаряетъ сквозь ледяные узоры на окнахъ малиновый гробъ и лежащую въ немъ бездыханную фигуру отца.

Мертвый, онъ сдѣлался значительно больше. Словно онъ выросъ. И лицо у него стало другое, съ инымъ совсѣмъ выраженіемъ, какого у него никогда не замѣчалось при жизни. Въ его плотносомкнутыхъ губахъ чудится присутствіе затаеннаго лукаваго смѣха,

словно онъ выкинулъ какую-то замысловатую штуку и чрезвычайно этимъ доволенъ. Кажется даже, что вотъ онъ, того и гляди, открывъ вдругъ глаза, подмигнетъ всѣмъ предстоящимъ у гроба и скажетъ по адресу своей овдовѣвшей жены:

„А что, ловко придумано? Пусть-ка она вотъ теперь достанетъ меня... Хе-хе-хе! Нѣтъ, братъ, ау! Еще попляшетъ она у меня... Ого-го, какъ попляшетъ!“

И еще долго послѣ того, какъ отца опустили въ могилу и насыпали надъ нею холмикъ земли, его осиротѣлому сыну продолжало мерещиться, какъ покойникъ лежитъ тамъ теперь, въ своемъ темномъ и тѣсномъ углу и смѣется тамъ изподтишка про себя:

„Хе-хе-хе... Еще попляшетъ, попляшетъ она у меня!“

„Кто васъ кормилъ и поилъ? Ага, теперь небось раскусила?“— смѣется онъ, лежа спокойно въ землѣ, и торжествуетъ, смотря съ того свѣта на отчаяніе и тревоги вдовы, которая суетится и мечется, хлопочетъ о пенсіи и убивается мыслью о томъ, что приходится переѣзжать на другую квартиру, въ двѣ маленькихъ комнаты... Страшно подумать, куда придется дѣвать все хозяйство, все то, что здѣсь копилось и наживалось годами!

И она вздыхаетъ и ноетъ, со всѣми совѣтуется и втихомолку даже поплакиваетъ... Но сдаваться она никакъ не согласна, и вотъ, помолившись, она идетъ къ „генералу“.

— Ваше превосходительство! Въ уваженье службы покойника!

— Не могу, сударыня. Квартиры по штату назначены.

— Но, вѣдь, сынъ у меня... Онъ тоже, вѣдь, служитъ!

— По должности, имъ занимаемой, онъ не имѣетъ права на эту квартиру.

— Но онъ дослужится, ваше превосходительство! Онъ непремѣнно дослужится!..

— Да, но по штату...—старается ей объяснить генералъ...

Вдова вдругъ опускается передъ нимъ на колѣни и объявляетъ, заливаясь слезами:

— Умру, а не выйду! Дѣлайте со мной, что хотите!

— Сударыня! Сударыня! Помилуйте, что вы дѣлаете? Встаньте, пожалуйста!—лепечетъ, совсѣмъ растерявшись, непреклонный начальникъ, подбѣгая къ просительницѣ и стараясь поднять ее на ноги.

— Умру, а не выйду!—повторяетъ вдова продолжая рыдать въ три ручья.

Что станешь дѣлать съ такою просительницей? Поневолѣ приходится нарушить узаконенныя правила.

— Ну, и молодецъ же Людмила Герасимовна!—удивляются всѣ, слушающіе эту исторію.—Какова? Съ такой не пропадешь!

— Нѣтъ, съ такой не пропадешь!—подтверждаетъ весь бурый домъ.

Весь бурый домъ знаетъ эту исторію, ибо Людмила Герасимовна сама повсюду разсказываетъ ее со всѣми подробностями.

Она ходитъ, гордая и торжествующая, и ея почтительный сынъ еще разъ убѣждается, что нѣтъ такой силы на свѣтѣ, которая могла бы сломить волю маменьки... Что̀ можетъ противиться маменькѣ? Ничто не можетъ противиться! Она все одолѣетъ и ни предъ чѣмъ не отступитъ.

XXII.

А дни неизмѣнно идутъ своимъ чередомъ, сплываясь въ мѣсяцы, въ годы... Мелькаютъ и проходятъ на фонѣ ихъ разныя лица, появляясь и исчезая, какъ китайскія тѣни, но среди нихъ все время стоитъ неизмѣнно одна фигура Скворешникова.

Кто могъ бы узнать въ нынѣшнемъ Семенѣ Семенычѣ, солидномъ смотрителѣ бураго дома, прежняго Сеньку?

Дни его протекали въ тѣхъ же стѣнахъ, какъ и его друга дѣтства, но и тотъ и другой жили все это предыдущее время словно въ отдѣльныхъ мірахъ.

Имъ приходилось встрѣчаться на общемъ дворѣ, но дѣло ограничивалось обмѣномъ холодныхъ привѣтствій, пока, наконецъ не удалось имъ столкнуться на вечерѣ у одного сослуживца.

— Что, братъ, ты никакъ загордился?—обратился Скворешниковъ къ Елкину.—Забылъ стараго друга?

Елкинъ смущенно пробормоталъ, что онъ ни чуть не забылъ, что онъ очень радъ его видѣть, что онъ всегда его помнилъ, и проч.

Ледъ былъ окончательно сломленъ, и Павелъ Иванычъ даже далъ обѣщаніе Семену Семенычу его посѣтить.

— Вотъ и отлично! Приходи въ воскресенье къ намъ на пирогъ.

Собираясь къ нему въ назначенный день, Павелъ Иванычъ объявилъ матери, куда онъ намѣренъ отправиться. На это она отвѣчала холоднымъ молчаніемъ.

Скворешниковъ встрѣтилъ его очень радушно. Отца его уже не было въ живыхъ нѣсколько лѣтъ, и Семенъ Семенычъ жилъ вдвоемъ съ матерью, маленькой сухощавой старушкой, которую Павелъ Иванычъ, кажется, въ дѣтствѣ никогда не видалъ, а если и видѣлъ, то совершенно не помнилъ.

Время было проведено очень пріятно. Оба они припомнили прошлое и разсказали другъ другу, что̀ съ ними за это время случилось. Кончилось это свиданіе трогательными изліяніями въ неизмѣнной любви, причемъ Скворешниковъ, на прощанье, сказалъ:

— Всегда буду радъ тебя видѣть. А только къ тебѣ—ужъ ты меня извини!—къ тебѣ я не пойду!..

И такъ какъ Павелъ Иванычъ принялъ видъ огорченія, то Семенъ Семенычъ прибавилъ:

— Твоя мать никогда меня не любила... Я, вѣдь, знаю отлично... Врядъ ли она и теперь мнѣ обрадуется!

Елкинъ хотѣлъ было отвѣтить сперва возраженіемъ, но предпочелъ промолчать, ибо подумалъ, что пріятель, пожалуй, и правъ...

Какъ бы то ни было, старая дружба возникла на новыхъ началахъ, скрѣпленная болѣе прочными узами. Такъ бываетъ съ огнемъ, который тлѣлъ долго подъ пепломъ. Кажется, угли совсѣмъ уже потухли, но разворошите ихъ, и они загорятся опять прежнимъ жаромъ.

Елкинъ отдыхалъ душой у Скворешниковыхъ.

Дома царствовала вѣчная скука, и все тамъ давило его, словно холоднымъ кольцомъ. Мать, съ годами, становилась все тяжелѣе, угрюмѣе. Давно уже она выходила со двора только въ церковь, къ ранней обѣднѣ, но затѣмъ и это замѣнилось хожденіемъ лишь по субботамъ ко всенощной. Она все больше тучнѣла и все труднѣе становилось ей двигаться. Въ гостяхъ она ни у кого не бывала, и ихъ тоже рѣдко кто посѣщалъ, а потомъ и всѣ перестали ходить.

Къ этому еще присоединились недуги. Съ нѣкоторыхъ поръ она стала жаловаться, что въ лѣвой рукѣ у нея „бѣгаютъ мурашки". Потомъ ощущеніе это перешло на лѣвую ногу. Одновременно съ этимъ, въ нихъ ощущалась и слабость движеній. Однажды утромъ, сидя за самоваромъ, она поднесла было ко рту блюдечко съ кофеемъ и не могла удержать его въ пальцахъ... Блюдечко выпало и разлетѣлось на части.

Вскорѣ она перестала ходить даже по комнатѣ, какъ бы поселившись совсѣмъ въ большомъ кожаномъ креслѣ, куда ея сынъ, вмѣстѣ съ кухаркой, переводили ее изъ постели и откуда отводили обратно въ постель. Кресло стояло всегда у окна, чрезъ которое она, въ видѣ единственнаго своего развлеченія, смотрѣла во дворъ, и подкатывалось къ столу на время обѣда.

Она стала еще скупѣе, еще подозрительнѣе. Несмотря на то, что сыну ея перевалило уже значительно за тридцать, онъ оставался въ глазахъ ея прежнимъ Павлей, за поведеніемъ коего она строго слѣдила. Хоть у него уже округлялось брюшко и на темени замѣтно свѣтлѣлась уже лысина, онъ передъ матерью по временамъ такъ же робѣлъ и терялся, какъ и въ годы давно прошедшаго дѣтства...

Странное отношеніе осталось у нея къ Семену Семенычу. Онъ такъ у нихъ и не былъ ни разу, и она никогда не заводила рѣчи объ этомъ пріятелѣ сына, но кажется, смотритель бураго дома остался въ ея представленіи прежнимъ „разбойникомъ

Сенькой". Когда Павелъ Иванычъ объявлялъ ей, что уходитъ къ Скворешникову, она молча его провожала глазами и никогда не разспрашивала, что тамъ между ними говорилось и дѣлалось.

Разъ какъ-то ей показалось, что онъ пришелъ домой подъ хмѣлькомъ. Несмотря на клятвенное его завѣреніе, что онъ не выпилъ ни одной рюмки водки, она нѣсколько времени смотрѣла на него недовѣрчиво, потомъ сказала:

— А ну, подойди...

Сынъ подошелъ къ ея креслу.

— Ну-ка, дыхни...

Павелъ Иванычъ „дыхнулъ".

— То-то, смотри!—замѣтила мать.—Лишь узнаю, что ты у нихъ пьянствуешь—только ты ихъ и видѣлъ!

Разъ какъ-то случилось, что онъ выпилъ у нихъ стаканъ пива. Уйдя отъ Скворешниковыхъ, онъ, прежде чѣмъ вернуться къ себѣ, обошелъ вокругъ дома, стараясь держать ротъ открытымъ, и, уже стоя передъ дверью квартиры, „дыхнулъ" нѣсколько разъ себѣ въ руку, пока убѣдился, что все обстоитъ благополучно...

Время препровожденье у Скворешниковыхъ всегда протекало въ одномъ и томъ же порядкѣ. Бесѣда начиналась каждый разъ, неизмѣнно, съ разспросовъ старушки Анны Гавриловны о состояніи здоровья „мамаши", какъ того требовалъ долгъ вниманія къ гостю, и, послѣ приличествующихъ случаю вздоховъ, переходила на другіе предметы, пока Семенъ Семенычъ не прерывалъ этой бесѣды предложеніемъ Павлу Ивановичу „сразиться" съ нимъ въ шашки. Игра прекращалась предложеніемъ старушки Скворешниковой пожаловать ужинать, причемъ Павелъ Ивановичъ былъ усаживаемъ на одно, навсегда для него опредѣленное мѣсто. И вотъ Павелъ Иванычъ сидѣлъ, погрузившись въ мягкое и удобное кресло, и слушалъ разговоры хозяевъ. Случалось и такъ, что переговорятъ обо всемъ, заключающемъ мало-мальски въ себѣ интересное, и сидятъ всѣ трое безмолвно. Но даже и въ этомъ имѣлось для Павла Иваныча много пріятности, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ не охотникъ былъ разговаривать. Для него было уже и то хорошо, что онъ могъ сидѣть среди этихъ двоихъ, тепло къ нему расположенныхъ людей, слушать ихъ мирныя, свободныя отъ всякаго гнѣва и раздраженія рѣчи, или даже совсѣмъ ихъ не слушать, а думать свои особыя думы — дѣло отъ этого ничуть не теряло въ пріятности... Случалось, что у Павла Иваныча было особенно тяжело на душѣ, благодаря какой-нибудь происшедшей въ этотъ день непріятности съ матерью. Тогда онъ дѣлился здѣсь своимъ огорченіемъ. Скворешниковы съ участіемъ выслушивали его скорбныя жалобы, и Павелъ Иванычъ облегчалъ свою душу. Неохотно,

чрезъ силу, поднимался онъ съ мягкаго кресла и, уныло попрощавшись съ хозяевами, брелъ во свояси, въ стѣны своей мрачной, постылой квартиры, гдѣ все цѣпенѣло въ угрюмомъ безмолвіи, словно боясь нарушить какимъ-нибудь звукомъ покой неизлѣчимо больной и капризной старухи...

А той, между тѣмъ, становилось все хуже и хуже. Требовалось все больше усилій для обычныхъ перемѣщеній ея изъ постели въ кресло и обратно изъ кресла въ постель, все болѣе и болѣе нуждалась она въ постороннихъ услугахъ, и все труднѣе становилось ей угодить. Прислуга не долго уживалась у Елкиныхъ при такихъ обстоятельствахъ и обыкновенно къ концу перваго мѣсяца своего пребыванія спрашивала разсчетъ и уходила. Въ такихъ случаяхъ, до пріисканія новой кухарки, обращались къ услугамъ нѣкоей Лукерьюшки, знакомой старушки Скворешниковой и проживавшей въ какомъ-то пріютѣ для вдовъ. Анна Гавриловна подавала ей вѣсть, и та водворялась на время у Елкиныхъ, до появленія новой кухарки, тоже вскорѣ прекращавшей у нихъ свое пребываніе, по примѣру предшественницъ.

Часто Павелъ Иванычъ впадалъ въ полнѣйшее уныніе духа. Дома, на глазахъ примѣтчивой и подозрительной матери, онъ воздерживался отъ всякихъ проявленій отчаянія, ибо достаточно было съ его стороны одного лишь неосторожнаго вздоха, чтобы старуха принялась „пилить“ его:

— Чего завздыхалъ?.. Знаю, знаю, что давно ужъ надоѣла тебѣ... Ну, что жъ, не долго ужъ тебѣ потерпѣть. Вотъ, Богъ дастъ, скоро умру, тогда будетъ полегче... То-то радости будетъ! Разныхъ пріятелей къ себѣ наведешь... Весело будетъ!.. Погоди, погоди, не долго уже... Ослобоню въ свое время, не бойся...

Эти рѣчи обыкновенно заключались слезами. Павелъ Иванычъ, въ видахъ облегченія, украдкой рвалъ себя за волосы и, если представлялась возможность, уходилъ ненадолго къ Скворешниковымъ, гдѣ могъ предаться вполнѣ безпрепятственно изліянію своихъ отчаянныхъ чувствъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины старухи, на мѣсто послѣдней отошедшей кухарки поступила Максимовна. Никто ея не отыскивалъ, она явилась сама, заявивъ, что случайно прослышала отъ кого-то изъ здѣшней прислуги, что Елкины ищутъ кухарку.

Водвореніе Максимовны было въ нѣкоторомъ родѣ цѣлымъ событіемъ. Павелъ Иванычъ считалъ это прямо-таки проявленіемъ надъ нимъ милосердія Господа Бога.

Въ паспортѣ Максимовна значилась солдатской вдовой. Раньше она служила на табачной фабрикѣ и до того никогда на мѣстахъ не живала. Она умѣла готовить лишь самыя простыя блюда, но, тѣмъ не менѣе, оказалась для Елкиныхъ настоящимъ сокровищемъ.

Ни одна изъ всѣхъ ранѣе бывшихъ кухарокъ не съумѣла такъ примѣниться къ порядку вещей, какъ Максимовна. Начать ужъ съ того, что она совершенно, какъ говорится, пришлась ко двору. Даже самая внѣшность ея подходила, какъ разъ, ко всей обстановкѣ. Носила она постоянно темныя платья, а голову повязывала таковымъ же темнымъ платкомъ, низко надвинутымъ на лобъ и закрывавшимъ обѣ щеки, такъ что трудно было узнать, дурна ли она, или красива, а также—сколько ей можетъ быть лѣтъ, хотя приблизительно... Изъ подъ этого нависшаго на лобъ платка виднѣлась лишь пара строгихъ сѣрыхъ глазъ да рѣзко очерченный носъ. Говорила она тихимъ, размѣреннымъ голосомъ, никогда не смѣялась и отличалась большою молчаливостью. Движенія ея были чрезвычайно спокойны, увѣренны, безъ малѣйшаго слѣда суетливости. Вдобавокъ, она была богомольна.

Съ первыхъ же дней водворенія Максимовны, Павелъ Иванычъ возымѣлъ къ ней нѣкое особое чувство, сродное почти уваженію, даже почтительности... Даже старуху нельзя было во многомъ узнать. Ея раздражительность и капризныя выходки всегда встрѣчали кроткій отпоръ въ видѣ безмолвія, и это немедленно дѣйствовало на больную успокоительнымъ образомъ. При Максимовнѣ она становилась значительно сдержаннѣе, и можно было даже подумать, что она какъ будто ея немного побаивается...

Теперь, возвращаясь мыслями къ тому трудному времени, предшествовавшему послѣдней болѣзни и смерти матери, Павелъ Иванычъ задавалъ себѣ неоднократно вопросъ: что сталъ бы онъ дѣлать тогда безъ Максимовны?..

И когда онъ смотрѣлъ, въ эти минуты, на высокую темную фигуру этой превосходнѣйшей женщины, все въ томъ же самомъ, низко надвинутомъ на лобъ платкѣ, безшумно, какъ тѣнь, проходящую мимо, по комнатѣ, ему казалось, будто вокругъ нея носится призракъ покойницы, и что пока Максимовна останется здѣсь, у него, съ нею неразрывно будетъ присутствовать цѣлый міръ сценъ и событій изъ той, никогда неизгладимой изъ памяти полосы его жизни и возникать каждый разъ, какъ во-очію...

. . . . . .

— А вы, сударь, помните, какой завтра день-то?—какъ будто въ отвѣтъ на эти размышленія Павла Иваныча, раздается въ столовой, совсѣмъ неожиданнымъ образомъ, строгій голосъ Максимовны.

Ея высокая фигура, какъ призракъ, вырисовывается темнымъ силуэтомъ на полуотворенной двери. Изъ подъ низко надвинутаго на лобъ платка тяготѣетъ на Павлѣ Иванычѣ все тотъ же, знакомый, загадочный взоръ сѣрыхъ глазъ да рѣзко вычерчивается длинный, съ горбинкою, носъ...

— А? что такое?—спрашиваетъ Павелъ Иванычъ, нервически вздрагивая.

— Завтра девятый день маменькѣ... Нешто забыли?

Павелъ Иванычъ молчитъ и внутренно, со стыдомъ, сознается, что, дѣйствительно, онъ объ этомъ забылъ...

— На могилку поѣдете?—освѣдомляется дальше Максимовна.

— Да, да, непремѣнно, какже, поѣду!—съ величайшей готовностью соглашается Павелъ Иванычъ.—И вотъ что, Максимовна... я полагаю... тово... надо поминки...

— Какія же, сударь, поминки?.. Кутью, это точно что, надо...

— Ну, да, и кутью... Это само собой уже... И обѣдъ надо получше... Вѣроятно, будутъ Семенъ Семенычъ и Анна Гавриловна.

Павелъ Иванычъ встаетъ вдругъ, съ рѣшимостью, и прибавляетъ, совсѣмъ неожиданно, уничтожая въ зародышѣ готовое сейчасъ же начаться обсужденіе обѣда:

— Ну, и ладно, отлично! Дѣлай, какъ знаешь, Максимовна, я на тебя полагаюсь, а я сейчасъ вотъ долженъ пойти...

И такъ какъ Максимовна съ недоумѣніемъ смотритъ на своего хозяина, то онъ поясняетъ:

— Я пойду къ Семену Семенычу.

И не прибавивъ больше ни слова, онъ направляется въ спальню и принимается тамъ одѣваться. Черезъ короткое время онъ сбѣгаетъ поспѣшно по лѣстницѣ, бормоча самъ съ собою, точно передъ кѣмъ-то оправдываясь:

„Нѣтъ, да что, въ самомъ дѣлѣ! Эдакъ, дѣйствительно, и съ ума можно спятить!!“

XXIII.

На другой день Павелъ Иванычъ съѣздилъ на Смоленское кладбище и заказалъ отслужить панихиду на могилѣ покойницы. Обѣдъ въ этотъ день былъ устроенъ пораньше, съ блинами и киселемъ, издѣлія рукъ Максимовны, удостоившейся единодушныхъ похвалъ со стороны Семена Семеныча и Анны Гавриловны, приглашенныхъ къ обѣду.

Бесѣда троихъ сотрапезниковъ, какъ приличествовало обстоятельствамъ даннаго случая, носила торжественно-грустный характеръ. Говорили преимущественно о разныхъ смертяхъ. Анна Гавриловна разсказала нѣсколько замѣчательныхъ эпизодовъ, сопровождавшихъ смерть мужа. Павелъ Иванычъ сообщилъ, насколько былъ въ состояніи припомнить, тоже нѣсколько любопытныхъ подробностей, соединенныхъ съ кончиной Людмилы Герасимовны... Отсюда, естественнымъ образомъ, бесѣда коснулась и будущей жизни, ожидающей насъ на томъ свѣтѣ, послѣ чего всѣ впали въ уныло-подавленное настроеніе духа и сидѣли въ глубокомъ молчаніи.

Это молчаніе прервала Анна Гавриловна, заявивъ, что ей нужно домой. Несмотря на просьбы хозяина выпить у него чашечку чаю, въ виду того, что самоваръ сейчасъ будетъ поданъ, Анна Гавриловна не согласилась остаться. Семенъ Семенычъ сдѣлалъ-было попытку тоже подняться, чтобы отправиться съ матерью, но Павлу Иванычу удалось его удержать.

Когда пріятели остались одни и поданъ былъ самоваръ, Павелъ Иванычъ подошелъ къ шкапчику съ чайной посудой и досталъ оттуда бутылку.

— Ну-ка, прочти, что тутъ написано?—спросилъ онъ, подставляя ее ярлыкомъ къ глазамъ Семена Семеныча.

— „Ромъ ямайскій, лучшій“,—прочелъ тотчасъ Скворешниковъ.

— Что ты скажешь на это?—подмигнулъ ему Елкинъ.

— Пуншъ? Дѣло хорошее!—одобрилъ Скворешниковъ и устремилъ на Павла Иваныча продолжительный взоръ...

— Что ты такъ смотришь?—спросилъ его Елкинъ.—„Мертвый въ гробѣ мирно спи“, а мы вотъ съ тобой пуншику выпьемъ... Такъ? Правильно я говорю?

— Гм!—сдѣлалъ Скворешниковъ.

— Наша жизнь коротка... Вѣрно я говорю?

Съ этими словами, Павелъ Иванычъ завинтилъ штопоръ въ бутылку, звучно вытащилъ пробку и поставилъ бутылку на столъ...

Надо замѣтить, что за обѣдомъ онъ выпилъ цѣлыхъ три рюмки водки и, вѣроятно, вслѣдствіе этого, на щекахъ его заигралъ необычный румянецъ. Необходимо прибавить еще, что подъ конецъ предыдущей бесѣды, настроенной на грустно-торжественный тонъ, онъ совсѣмъ замолчалъ и казался разсѣяннымъ. Теперь, оставшись глазъ на глазъ съ пріятелемъ, онъ сразу вдругъ оживился. Ясно можно было замѣтить, что въ душѣ его происходило броженіе какихъ-то новыхъ чувствъ и желаній, требовавшихъ для себя выраженія... Для этого-то онъ и придумалъ чай съ ромомъ.

На этотъ разъ, вопреки обычному порядку вещей, Скворешниковъ больше безмолвствовалъ. Онъ только курилъ трубку за трубкой и прихлебывалъ чай, обильно сдобренный ромомъ. Павелъ Иванычъ, угощая пріятеля, не забывалъ и себя, подливая изъ бутылки въ свою аппетитную чашку, и при этомъ говорилъ почти неумолчно.

Было бы затруднительно передать его рѣчи во всей ихъ логической связи. Это была какая-то пестрая путаница воспоминаній минувшаго и плановъ на будущее, лирическихъ изліяній, сопровождавшихся глубокими вздохами, сожалѣній о погубленной молодости и горькихъ признаній...

— Я дуракъ!—восклицалъ Павелъ Иванычъ, ударяя себя въ лобъ кулакомъ.—Вѣдь, правда? Дуракъ?

Такъ какъ онъ ждалъ при этомъ отвѣта отъ Семена Семеныча, то пріятель ему возражалъ:

— Полно врать. Ты лучше разскажи что-нибудь.

— Нѣтъ, я дуракъ,—повторялъ настойчиво Елкинъ.—Ну, и что же? Дураковъ развѣ мало на свѣтѣ?.. Сеня, голубчикъ, скажи мнѣ по истинной правдѣ: много, вѣдь, есть дураковъ?

— Ну, еще бы! Сколько угодно!—подтверждалъ успокоительнымъ тономъ Скворешниковъ.

— А, вѣдь, никто же не мѣшаетъ имъ жить? А? Какъ тебѣ кажется? Живутъ, вѣдь, какъ всѣ?.. Ну, что жъ, и мы поживемъ!.. пока-а-ажемъ!!—впадалъ вдругъ въ задирательный тонъ Павелъ Иванычъ.—„Мертвый въ гробѣ мирно спи“... Правда?.. А? Сеня?.. Маменька, вѣчная память ей, пожила и поцарствовала... Ну, и мы поживемъ и поцарствуетъ!.. Такъ, вѣдь, а? Поцарствуемъ, Сеня?

— Поцарствуемъ, — соглашался безпрекословно Скворешниковъ.

— А только я все же—подлецъ!—восклицалъ вдругъ горько Павелъ Иванычъ. — Она теперь въ могилкѣ лежитъ... А я вотъ сижу... пьянствую... Эхъ!

И Елкинъ залился слезами.

— Вотъ что, братъ, ложись-ка, съ Богомъ, ты спать! — съ неожиданной суровостью замѣтилъ Скворешниковъ и поднялся со стула.—Прощай, я ухожу.

И несмотря на то, что Павелъ Иванычъ, продолжая заливаться слезами, умолялъ его остаться у него ночевать, Семенъ Семенычъ простился съ хозяиномъ. Передъ уходомъ онъ предложилъ Павлу Иванычу проводить его въ спальню и уложить, но на это Елкинъ съ таковымъ же упорствомъ, съ какимъ его гость не согласился остаться, и даже съ выраженіемъ обиды отвѣтилъ отказомъ.

Онъ такъ и остался на мѣстѣ, пока Семенъ Семенычъ, при помощи Максимовны, одѣлся въ прихожей и удалился домой.

Немного спустя, Максимовна вошла въ столовую, чтобы прибрать со стола. Павелъ Иванычъ сидѣлъ, развалившись локтями и положивъ на нихъ свою побѣдную голову. Онъ спалъ праведнымъ сномъ и храпѣлъ на всѣ комнаты.

Тѣмъ и заключился девятый день по кончинѣ Людмилы Герасимовны.

М. Альбовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ГЕНРИКЪ ИБСЕНЪ, КАКЪ ЧЕЛОВѢКЪ И ПИСАТЕЛЬ.

По «Воспоминаніямъ» норвежскаго писателя

Джона Паульсона.

Недавно въ Копенгагенѣ вышли въ свѣтъ интересныя «Воспоминанія» талантливаго норвежскаго писателя Джона Паульсона. Наиболѣе же интересными для русскихъ читателей главами изъ этихъ «Воспоминаній» являются главы, посвященныя Ибсену, съ которымъ авторъ былъ лично близко знакомъ. До сихъ поръ единственныя данныя для біографіи Ибсена содержала книга проф. Іегера, который, однако, поставивъ себѣ главной задачей дать характеристику творчества, а не личности Ибсена, затрагиваетъ въ своемъ трудѣ лишь дѣтство и юность писателя до его добровольнаго изгнанничества.

Воспоминанія Паульсона объ Ибсенѣ и могутъ послужить цѣннымъ добавленіемъ, благодаря которому является возможность возсоздать себѣ довольно цѣльный образъ личности «великаго минуса», какъ величаютъ Ибсена его соотечественники.

I.

Публика всегда живо интересуется частною жизнью знаменитостей. Ей хочется знать, каковъ знаменитый человѣкъ въ тѣсномъ домашнемъ кругу, гдѣ онъ становится самимъ собой, какъ актеръ, сыгравшій роль и сошедшій съ подмостковъ; ей хочется знать, каковъ онъ въ халатѣ и туфляхъ, какія его любимыя блюда, какъ онъ «сморкается и откашливается» и т. п.

Но для того, кто имѣлъ счастье стоять близко къ такой знаменитости, не легко держаться золотой середины. Если онъ будетъ слишкомъ скроменъ въ своихъ описаніяхъ, онъ рискуетъ, что разсказъ его покажется скучнымъ, если будетъ выкладывать все начистоту, безъ всякой ретуши, его обвинятъ въ недостаткѣ уваженія къ великому человѣку, да и самъ великій человѣкъ, того и гляди, обидится. Это, вѣдь, можетъ сбить его съ той позиціи, въ которую онъ самъ всталъ и въ которой желаетъ увѣковѣчиться въ памяти потомства!..

Съ Ибсеномъ я познакомился впервые въ 1876 г., въ мою первую заграничную поѣздку.

Я находился въ Байрейтѣ. Въ одинъ прекрасный день Григъ вдругъ говоритъ мнѣ:

— А не махнуть ли намъ къ Ибсену?

— Къ Ибсену? Къ Генрику Ибсену?

— А-то къ какому же еще?.. Онъ недавно поселился въ Госсенсасѣ. Всего полдня пути по желѣзной дорогѣ и — мы тамъ.

— Ты думаешь, онъ насъ приметъ?—спросилъ я, затаивъ дыханіе.

Григъ улыбнулся моему волненію. Онъ на поѣздку эту смотрѣлъ до нѣкоторой степени, какъ на дѣловую. Ему надо было поговорить съ Ибсеномъ о музыкѣ, написанной имъ къ «Перу Гюнту». Пьесу какъ разъ готовились тогда поставить въ Христіаніи съ музыкой Грига.

На слѣдующій день мы уже сидѣли въ купэ. Я большую часть дороги просидѣлъ молча, равнодушно пропуская мимо себя смѣняющіеся ландшафты, занятый думами объ Ибсенѣ. Я былъ хорошо знакомъ съ его произведеніями, читалъ и перечитывалъ ихъ много разъ, но не всегда могъ проникнуть въ ихъ сокровенныя глубины... Сколько воскресеній просидѣлъ я одинъ-одинешенекъ въ своей каморкѣ съ «Перомъ Гюнтомъ» въ рукахъ, увлекаясь глубиной мысли и поэзіи этой драмы-поэмы, ломая голову надъ какимъ-нибудь темнымъ мѣстомъ!.. А теперь, такъ вдругъ, безъ всякой подготовки, предстать передъ моимъ знаменитымъ, нелюдимымъ землякомъ, голову котораго разстояніе, геній и изгнаніе окружили тройнымъ ореоломъ!.. Я какъ будто находился во снѣ...

Мы подъѣхали къ Бреннеру.

— Теперь скоро будемъ и въ Госсенсасѣ,—сказалъ Григъ, который уже раньше бывалъ здѣсь.

Медленно, пыхтя, взбирался локомотивъ на крутизну. Мы достигли вершины Бреннера.

— Внизу лежитъ Госсенсасъ!—сказалъ Григъ и указалъ мнѣ на долину, лежавшую у моихъ ногъ. Я быстро спустилъ окно и высунулся.

Я увидалъ деревушку, хижины, домики, зданіе желѣзнодорожной станціи, церковь, живописно расположенную въ долинѣ, окруженной высокими, поросшими лѣсомъ горами. «Въ одномъ изъ этихъ домовъ живетъ онъ! Черезъ нѣсколько минутъ ты встрѣтишь его, будешь говорить съ нимъ... Что ты ему скажешь? Комплименты по поводу его произведеній, одну изъ тѣхъ банальныхъ фразъ, которыхъ онъ столько наслышался и которыя такъ ему наскучили?».

Поклонники Гёте, совершавшіе въ старые годы паломничество въ Веймаръ, не могли приближаться къ мѣстопребыванію великаго олимпійца съ большимъ благоговѣніемъ, нежели я къ Госсенсасу.

Поѣздъ остановился. Мы были у цѣли. Передъ маленькимъ стан-

ціоннымъ домикомъ мы увидали игравшаго съ другимъ мальчикомъ подростка, итальянскаго типа, застѣнчиваго на видъ. Мы спросили его, гдѣ живетъ Ибсенъ. Случай намъ благопріятствовалъ. Смуглый, застѣнчивый подростокъ съ удивительными темными глазами, оказался единственнымъ сыномъ писателя, Сигурдомъ. Онъ выразилъ готовность проводить насъ къ отцу.

Вдругъ, мы увидали приземистаго, пожилого господина, который медленно, чопорно, въ глубокой задумчивости шелъ по дорогѣ. Я сразу узналъ его по фотографіямъ. Это былъ самъ Ибсенъ.

Какъ хорошо я помню эту первую встрѣчу съ нимъ, окружающую обстановку, мое собственное подавленное состояніе, причудливыя облака на небѣ... Недавно шелъ дождь, августовскій вечеръ былъ такой сырой, сѣрый, земля мокрая, такъ что наши шаги оставляли на ней замѣтные слѣды. Ближайшія горы были темно-зеленаго цвѣта, дальнія кутались въ голубоватыя облака и туманы. Крыши хижинъ блестѣли отъ мокроты, дорожка была въ грязи...

Среди этой обстановки безукоризненность и изысканность костюма и всего облика писателя производили тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе. Онъ напоминалъ жениха, нарядившагося, чтобы идти встрѣчать свою невѣсту...

Его черная бархатная визитка съ орденской ленточкой въ петлицѣ, ослѣпительной бѣлизны и свѣжести бѣлье, галстухъ, завязанный изящнымъ бантомъ, черная, плюшеваго кастора шляпа, размѣренныя движенія, сдержанныя манеры и выраженіе лица—все это заставило меня вспомнить его стихи:

«Я боюсь толпы, не хочу быть забрызганнымъ грязью; хочу дождаться будущаго въ свадебномъ нарядѣ, безъ единаго пятнышка».

Григъ представилъ меня. Мы обмѣнялись обычными привѣтствіями. Лицо Ибсена не выразило при видѣ насъ ни удовольствія, ни неудовольствія. Оно было невозмутимо спокойно. Я украдкой изучалъ эту замѣчательную физіономію: маленькіе, свинцово-сѣрые глаза, прикрытые очками въ золотой оправѣ, высокій, необыкновенно широкій, съ выпуклостями—словно «съ наростами мысли»—лобъ, длинныя, подернутыя просѣдью баки, тонкій, сжатый ротъ, сомкнутыя губы котораго обрисовывали полоску не шире лезвія ножа, но все не могъ разобрать—что же собственно придавало характерность этому лицу, и опредѣлить свое собственное впечатлѣніе... Передо мной была глухая скалистая стѣна, непроницаемая загадка...

Вечеромъ мы ужинали вмѣстѣ съ Ибсеномъ въ гостинницѣ, единственной въ мѣстечкѣ. За ужиномъ я познакомился съ его женой, Сусанной Ибсенъ, сердечной, благородной женщиной, вдохновившей его къ созданію многихъ изъ его знаменитыхъ произведеній. Ибсенъ и высказалъ ей свою признательность въ посвященномъ ей стихотвореніи.

Г-жа Ибсенъ была моей землячкой, родомъ изъ Бергена, у насъ

нашлись общіе друзья и знакомые, и скоро бесѣда наша пошла какъ нельзя лучше.

Ибсенъ, напротивъ, сидѣлъ молча, не принимая прямого участія въ разговорѣ. Только острый взглядъ его свидѣтельствовалъ, что онъ внимательно слѣдитъ за бесѣдой.

Въ юности же Ибсенъ былъ такимъ говоруномъ, что товарищи въ шутку дали ему прозвище «Гертъ Вестфалеръ» *). Я снова сталъ вглядываться въ это удивительно неподвижное лицо и подумалъ: «Какой ужасный, болѣзненный переломъ долженъ былъ совершиться въ душѣ человѣка, чтобы онъ изъ словоохотливѣйшаго превратился въ молчаливѣйшаго, въ самаго замкнутаго въ себѣ человѣка?»

Да, у несправедливости и связанной съ нею горечи ледяныя руки, которыя сумѣютъ задушить на губахъ человѣка всѣ теплыя, сердечныя слова... Ибсенъ могъ бы разсказать насчетъ этого цѣлую исторію, если бы захотѣлъ. Во многихъ изъ его стиховъ слышится крикъ наболѣвшей души, перенесшей столько страданій въ молодости. Такъ, въ стихотвореніи «Сила воспоминанія» Ибсенъ сравниваетъ себя съ медвѣдемъ, пріобрѣтшимъ цѣною сильныхъ мученій умѣнье плясать подъ веселую музыку, и заканчиваетъ стихотвореніе слѣдующими горькими строками: «И всякій разъ, когда мнѣ слышится отзвукъ съ тѣхъ временъ, меня какъ будто ставятъ на раскаленную плиту, я чувствую мучительные уколы подъ ногтями и принужденъ плясать стихотворными стопами».

Въ то время, когда Ибсенъ писалъ свои раннія, великолѣпныя произведенія, вылившіяся прямо изъ души, согрѣтыя теплотой юности, онъ имѣлъ несчастье жить въ Христіаніи, этомъ большомъ провинціальномъ городѣ, который былъ столицей лишь по имени, обладая всѣми претензіями столичныхъ городовъ, но отнюдь не являясь столицей въ смыслѣ центра культуры и руководителя художественныхъ вкусовъ страны. Литературно-образованной публики въ Христіаніи еще не было, не было ни кружковъ, ни салоновъ, гдѣ бы вращались тонкіе, образованные цѣнители литературы или искусствъ. О критикѣ и говорить нечего. Всѣ тогдашніе литературные критики являлись только слабыми эхо «великаго» Гейберга **) въ Копенгагенѣ.

Какъ примѣръ тогдашней жалкой несамостоятельности норвежской публики, приведу чисто анекдотическій случай, въ которомъ дѣйствующимъ лицомъ явился Вельгавенъ ***).

---

*) Дѣйствующее лицо въ одной изъ комедій Гольберга, которое изводитъ всѣхъ своей болтливостью. *Примѣч. перев.*

**) І. Л. Гейбергъ—выдающійся датскій писатель и литературно-художественный критикъ. *Примѣч. перев.*

***) Вельгавенъ—даровитый норвежскій поэтъ, представитель приверженцевъ литературной партіи, тяготѣвшей къ датской культурѣ, въ противоположность строго-національной норвежской партіи, представителемъ которой былъ другой даровитѣйшій норвежскій поэтъ Вергеландъ. *Примѣч. перев.*

Онъ былъ когда лебедемъ на нашемъ родномъ утиномъ дворѣ, единственнымъ, дерзавшимъ «смѣть свое сужденіе имѣть». Взгляды всѣхъ были устремлены на него.

Однажды въ театрѣ выступила молодая шведская пѣвица. Вельгавенъ случайно зналъ, что она уже имѣла имя за-границей, но для христіанійской публики она являлась полнѣйшимъ иксомъ, и поэтому была принята крайне сдержанно.

Пѣвица пѣла изумительно, но ни одна рука не поднималась для хлопка. Она пѣла одну народную пѣснь за другой съ такимъ искусствомъ и душой, что камень тронулся бы этими волшебными звуками, но христіанійская публика перещеголяла камни, оставалась безчувственной. Нѣкоторые изъ публики косились въ сторону Вельгавена, который съ страннымъ выраженіемъ лица, словно окаменѣлый, стоялъ въ партерѣ.

— Они ждутъ, чтобы я подалъ сигналъ! — шепнулъ онъ своей сосѣдкѣ, подругѣ дѣтства, отъ которой я и слышалъ эту исторію. — Придется захлопать. Не то, эти скоты не шевельнутъ рукой весь вечеръ!..

И оглушительный взрывъ апплодисментовъ потрясъ залу, едва замѣченъ былъ легкій взмахъ бѣлыхъ лайковыхъ перчатокъ Вельгавена. Публикѣ былъ поданъ знакъ, что она можетъ довѣриться своему впечатлѣнію и дать исходъ чувству восхищенія!

И въ такой-то ледяной, печальной, вдвойнѣ тягостной для писателя атмосферѣ жилъ Ибсенъ годъ за годомъ. Незамѣченный, непризнанный ходилъ онъ среди почтенныхъ христіанійскихъ гражданъ, а между тѣмъ имъ уже были написаны «Витязи на Гельгеландѣ», «Фру Ингеръ» и «Претенденты на престолъ», эта мощная національная драма, при чтеніи который невольно напрашивается на языкъ имя Шекспира.

Въ тѣ времена часто можно было видѣть Ибсена,—разсказывалъ мнѣ одинъ его старый другъ,—одиноко сидящимъ за столикомъ въ простенькомъ кафе, подперевъ щеку рукой, съ горько-скорбной чертой около рта, запущенной бородой и безпорядочной гривой волосъ, прикрытыхъ старой мягкой шляпой.

— Это Ибсенъ! — какъ-то робко шептали христіанійцы пріѣзжему человѣку.—Тотъ, что пишетъ для театра!

Что же удивительнаго, если этотъ человѣкъ проникся горечью, если дорогой цѣной купленное знаніе людей пошло у него рука объ руку съ презрѣніемъ къ нимъ? «Научиться познавать людей и не презирать ихъ—вотъ что трудно», говоритъ гдѣ-то Гёте. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ибсену приходилось переживать торжество своего счастливаго литературнаго соперника (Бьёрнстьерне-Бьёрнсона), писавшаго разсказы изъ крестьянскаго быта въ національно-романтическомъ вкусѣ того времени, за которые его и прославляли, какъ полубога. Самъ же Ибсенъ, безсмертный творецъ «Претендентовъ на престолъ», оставался

одинокимъ, забытымъ, непонятымъ со всѣмъ своимъ колоссальнымъ честолюбіемъ и великими скорбными мыслями.

Нашъ національный норвежскій театръ уже возникъ тогда, но еще боролся съ датскими симпатіями за право самостоятельнаго существованія. Ибсенъ послалъ дирекціи театра одну изъ своихъ впослѣдствіи столь знаменитыхъ пьесъ, но ему вернули ее обратно съ отвѣтомъ, что дирекція рѣшила пока воздерживаться ставить пьесы *норвежскихъ* авторовъ.

Нечего сказать, большое поощреніе для писателя, всѣ произведенія котораго были предназначены для сцены, который готовился посвятить всю свою жизнь норвежской драмѣ и завоевать ей почетное мѣсто въ европейской литературѣ!

Кстати о «Претендентахъ на престолъ». Говорили, что Ибсенъ написалъ этотъ шедевръ всего въ шесть недѣль, тогда какъ «Комедію любви» разрабатывалъ много лѣтъ. На самомъ дѣлѣ, какъ говорилъ мнѣ однажды самъ Ибсенъ, онъ обдумывалъ «Претендентовъ» въ теченіе десяти лѣтъ. Идея этого произведенія зародилась у него еще въ самые молодые годы, когда онъ впервые прочелъ «Исторію норвежскаго народа» Мунка.

Каждый вечеръ сходились мы къ ужину въ «Браухаузѣ», и этихъ вечеровъ мнѣ не забыть. Они встаютъ въ моей памяти такъ живо, словно я переживаю ихъ снова, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Маленькая, уютная комнатка съ образомъ Мадонны на стѣнѣ, хозяинъ, молодой, добродушный, веселый тиролецъ, знавшій латинскій и итальянскій языки (онъ прошелъ курсъ гимназіи), ужинъ, состоявшій обыкновенно изъ глазуньи съ ветчиной, домашняго пива или простого деревенскаго вина и кисти винограда на десертъ, странствующіе музыканты съ цитрами, звуки которыхъ радовали меня и приводили въ ужасъ Грига, и наши бесѣды, которыя отъ самыхъ обыденныхъ тэмъ переходили къ самымъ возвышеннымъ и превращались въ жаркіе дебаты о величайшихъ проблемахъ жизни! Я отлично помню, что мы однажды цѣлый вечеръ проговорили о безсмертіи, если оно вообще есть. Съ какимъ благоговѣніемъ прислушивался я къ мнѣнію Ибсена, которымъ онъ разрѣшался послѣ долгаго молчанія!

Ибсенъ весь день бывалъ молчаливъ и непроницаемъ. Онъ часто приглашалъ меня съ собою на прогулки, но во время прогулки не обмѣнивался ни единымъ словомъ. Изъ уваженія къ нему, я тоже не открывалъ рта, довольствуясь сбиваньемъ концомъ моей палки головокъ съ попадавшихся по краю дороги, ни въ чемъ неповинныхъ цвѣтовъ. Тѣмъ не менѣе, Ибсенъ никогда не забывалъ на прощанье поблагодарить меня за «пріятную компанію», что я выслушивалъ съ улыбкой.

По вечерамъ же онъ обыкновенно оттаивалъ, становился сообщительнымъ и веселымъ. Григъ имѣлъ особенную способность расшеве-

ливать его. Умѣлъ это и Лоренцъ Дитрихсонъ *), который присоединился съ женой и дочерью къ нашей маленькой колоніи.

Когда Ибсенъ приходилъ въ такое расположеніе духа, онъ становился бо́льшимъ юмористомъ, разсказывалъ съ тихимъ, клокочущимъ смѣшкомъ свои житейскія впечатлѣнія, анекдоты или забавныя приключенія изъ своего путешествія въ Египетъ. Его разсказы живо напоминали намъ, что передъ нами богатый фантазіей авторъ «Пера Гюнта», въ которомъ такъ причудливо перемѣшаны самая необузданная фантазія съ блестящимъ юморомъ, національная рѣзкость съ геніальностью...

Однажды вечеромъ онъ описывалъ намъ открытіе Суэцкаго канала, на которомъ самъ присутствовалъ. И, слушая его разсказъ, я какъ будто воочію видѣлъ всѣ эти пестрыя сцены и фигуры... Особенно живо рисовалась въ моей фантазіи очаровательная императрица Евгенія, подобно новой Клеопатрѣ «въ золоченой ладьѣ съ пурпуровыми парусами» плывущая по Нилу...

Ибсенъ отличался особою душевною стыдливостью, не всегда свойственной писателямъ, отвращеніемъ къ разговорамъ на эротическія темы. Любовно-чувственный элементъ, играющій такую незначительную роль въ его произведеніяхъ, не выступалъ и въ его разговорахъ. Самые чопорные люди могли бы слушать его разсказы о пережитомъ, не краснѣя.

Не могу также припомнить случая, чтобы у Ибсена когда-либо вырывались восторженныя выраженія, пылкія слова, которыя указывали бы на то, что въ его душевной жизни играетъ особенную роль чувство. Онъ являлся воплощеннымъ отрицаніемъ. А между тѣмъ, по свидѣтельству товарищей студентовъ, въ юности онъ былъ мягкой, чувствительной, почти сентиментальной натурой. Его ненапечатанныя письма и стихотворенія того періода подтверждаютъ это свидѣтельство. Но та-же самая ледяная рука, которая наложила печать на его общительныя уста, рано сковала морозомъ и его горячее сердце. Самъ онъ пишетъ въ одномъ стихотвореніи: «Мнѣ кажется, я замѣчаю въ своей груди всѣ признаки окаменѣнія».

Чтобы защитить себя отъ дальнѣйшихъ ранъ, наносимыхъ людьми онъ окружилъ оболочкой сатиры свои наиболѣе слабыя, чувствительныя мѣста. Сердце мало-по-малу умерло въ немъ вмѣстѣ съ мечтами о счастьѣ, его душа наглухо захлопнулась для любви и дружбы людской. Дѣти, цвѣты, музыка, все, что любятъ другіе, стало для него безразличнымъ, зато *мысль* его поднималась все выше и выше къ безконечнымъ «высотамъ» **)... Никакая проблема не могла испугать его пытливаго ума. Изъ своихъ мыслей онъ ткалъ себѣ оболочку, въ

*) Извѣстный норвежскій ученый, историкъ искусства и литературы и поэтъ. *Прим. перев.*

**) Намекъ на прекрасное стихотвореніе Ибсена «На высотахъ». *Прим. перев*

которую ушелъ, какъ шелковичный червь въ свой коконъ, и могъ въ своемъ одиночествѣ сказать вмѣстѣ съ Платеномъ:

«Thätig unter Menschen
lebt ich ehmals, aber mein Gedanke
Wuchs in mir von Jahr zu Jahr, bis endlich
dieser Schatz mir ganz allein genügte».

Уже въ сентябрѣ въ Госсенсасѣ выпалъ первый снѣгъ. Григъ отправился въ Норвегію, Ибсенъ же съ женой и сыномъ, а съ ними и я, перебрались южнѣе въ Кальтернъ, маленькую, согрѣваемую солнцемъ деревушку, близъ итальянской границы. Туда было всего 6—8 часовъ по желѣзной дорогѣ отъ Госсенсаса.

Но какъ велика была разница! Теплая солнечная погода вмѣсто снѣжной вьюги, виноградъ и вино вмѣсто ветчины и пива. Тутъ все уже отзывалось Италіей!

Ибсенъ часто бралъ меня съ собою на рыбную ловлю. Боясь, что я просплю, онъ самъ являлся на зарѣ въ мою убогую коморку будить меня.

Мы садились въ лодку. Солнце еще не вставало. Прудъ лежалъ такой темный, холодный. На востокѣ, на безоблачномъ небѣ, обѣщавшемъ ясный день, пробивалась блѣднозолотистая полоска, и въ той же сторонѣ виднѣлись въ полусвѣтѣ сѣрыя, безформенныя очертанія виноградниковъ.

Ибсенъ, повидимому, былъ страстнымъ рыбакомъ, и ему удивительно везло. Всякій разъ, какъ онъ небрежно, словно въ разсѣянности забрасывалъ удочку, на крючокъ тотчасъ же наклевывалась крупная рыба. Въ какіе нибудь полчаса онъ налавливалъ ихъ съ десятокъ.

Мои собственныя попытки, напротивъ, оставались безрезультатными.

Ибсенъ подъ конецъ приходилъ въ отличнѣйшее настроеніе. Этотъ успѣхъ въ любимомъ спортѣ, пожалуй, радовалъ его больше, чѣмъ литературное торжество!

На обратномъ пути Ибсенъ погружался въ глубокую задумчивость. Онъ тогда работалъ надъ «Столпами общества».

Къ сожалѣнію, намъ скоро пришлось покинуть Кальтернъ, становившійся все болѣе и болѣе живописнымъ, богатымъ красками, чѣмъ дальше подвигалась осень. 1-го октября сыну Ибсена надо было вернуться въ Мюнхенъ, чтобы продолжать курсъ въ гимназіи, и въ концѣ сентября, въ ясный, солнечный, чисто лѣтній день мы покинули этотъ идиллическій уголокъ южнаго Тироля, прекрасная природа и славное сердечное населеніе котораго произвели на всѣхъ насъ глубокое впечатлѣніе.

Я поѣхалъ съ Ибсеномъ въ Мюнхенъ. Не видавъ тогда еще ни Парижа, ни Рима, я былъ пораженъ величиной и внушительнымъ видомъ города, представившимся мнѣ изъ окна вагона.

— Какой огромный городъ!—вырвалось у меня.

— Въ меньшемъ нельзя и жить! — отвѣчалъ Ибсенъ съ выраженіемъ усталости на лицѣ.

Во время моего пребыванія въ Мюнхенѣ Ибсенъ выказалъ мнѣ много доброты и расположенія. Онъ представилъ меня, между прочимъ, барону ф. Перфаль, директору королевскихъ театровъ, который и пригласилъ меня быть гостемъ на всѣхъ представленіяхъ въ драматическомъ театрѣ и оперѣ. Въ этотъ сезонъ давались, между прочимъ, «Витязи на Гельгеландѣ». Сыграна пьеса была превосходно; особенно блестящую исполнительницу нашла роль Іордисъ. Обстановка была тоже великолѣпная, такъ что я съ грустью вспоминалъ нашъ бѣдный, родной театръ.

Рѣшивъ встрѣтить Рождество въ Римѣ, я сталъ готовиться къ отъѣзду. Г-жа Ибсенъ, олицетворенная доброта, напротивъ, настойчиво уговаривала меня провести праздники въ Мюнхенѣ съ ними и другими моими земляками. Я, однако, устоялъ. Лавровыя и апельсинныя деревья Италіи манили меня больше родной елки у очага Ибсеновъ.

Послѣдній свой вечеръ въ Мюнхенѣ я провелъ у нихъ. Это былъ прощальный вечеръ. Я былъ огорченъ, но не въ такой степени, какъ можно было бы ожидать. Мои мысли уже нетерпѣливо неслись въ Италію, до которой былъ всего день пути...

— Прощайте, дорогой другъ, — сказалъ Ибсенъ, проводивъ меня до дверей на улицу и въ послѣдній разъ сердечно пожавъ мнѣ руку.

Итакъ, на мою долю выпало счастье, котораго тщетно добивались многіе талантливые мои земляки: я пріобрѣлъ расположеніе этого важнаго, нелюдимаго, молчаливаго писателя, которому было нанесено столько ранъ свѣтомъ и имъ самимъ...

Молчаливѣйшій изъ людей, какихъ я зналъ, явился для меня богатѣйшимъ источникомъ мыслей и свѣдѣній. Онъ наложилъ печать на мою жизнь, явился однимъ изъ тѣхъ путевыхъ знаковъ на жизненномъ пути, на который оглядываешься, съ грустью измѣряя разстояніе между мечтой и жалкой достигнутой дѣйствительностью.

Убѣдившись, что Ибсенъ вѣритъ въ мой талантъ, я твердо рѣшился посвятить всю свою жизнь литературѣ, не боясь лишеній и жертвъ, какими обыкновенно бываетъ усѣянъ у насъ путь писателя.

II.

Зима 1879—1880 г. была самой прекрасной и содержательной въ моей жизни. Я провелъ ее въ Мюнхенѣ, въ кругу веселыхъ земляковъ, художниковъ и студентовъ политехникума, и почти въ ежедневномъ общеніи съ Ибсеномъ. Онъ-то и посовѣтовалъ мнѣ въ дружескомъ письмѣ оставить Парижъ и пріѣхать пожить въ баварскихъ Аѳинахъ, гдѣ столько можно было видѣть, столькому научиться.

Вечера я обыкновенно проводилъ у гостепріимнаго очага Ибсеновъ. Днемъ же иногда встрѣчался съ Ибсеномъ въ «Ахазѣ», одномъ изъ лучшихъ ресторановъ Мюнхена, гдѣ, кромѣ Ибсена, часто собирались распить кружку пива и поболтать о событіяхъ дня и Пауль Гейзе, и профессоръ Каррьеръ, и старый поэтъ и охотникъ Францъ Коббель, и докторъ Освальдъ Шмидтъ, и многія другія мюнхенскія знаменитости— ученые и литераторы.

Ибсенъ мало принималъ участія въ разговорѣ, но былъ весь слухъ и вниманіе. Можно было бы заподозрить, что онъ втихомолку производитъ наблюденія.

Пауль Гейзе былъ большимъ почитателемъ Ибсена, произведенія котораго, хотя и не безъ труда, читалъ въ подлинникѣ. Особенно пришлось ему поломать себѣ голову надъ «Перомъ Гюнтомъ».

Послѣ перваго представленія въ Мюнхенѣ «Витязей на Гельгеландѣ» Пауль Гейзе пришелъ «поблагодарить» Ибсена, обнялъ его съ чисто южно-нѣмецкою горячностью и восторженно высказался о языкѣ драмы:

— Такъ должны говорить боги въ Валгаллѣ!

Въ эту же зиму была поставлена въ первый разъ въ мюнхенскомъ театрѣ знаменитая пьеса Ибсена «Кукольный домикъ» (въ нѣмецкомъ переводѣ «Нора»). Ибсенъ любезно подарилъ мнѣ экземпляръ новой пьесы съ дружескимъ посвященіемъ. Я перечитывалъ ее разъ за разомъ, захваченный смѣлостью идеи и мрачной поэзіей пьесы. Я предугадывалъ, что предо мной великое произведеніе, которое выведетъ женщину изъ ея пассивнаго спокойствія, открывъ ей глаза на ея ненормальное положеніе въ обществѣ. Конечно, я писалъ въ разныя газеты длинныя восторженныя статьи по поводу «Кукольнаго домика».

Ибсенъ наканунѣ прислалъ мнѣ билетъ на первое представленіе, и въ день представленія я зашелъ къ нему поблагодарить за вниманіе. Прощаясь со мной, Ибсенъ вручилъ мнѣ порядочную сумму для одного проживавшаго въ Мюнхенѣ молодого, больного норвежскаго художника, о тяжеломъ положеніи и нуждѣ котораго я разсказывалъ Ибсену.

Прежде, чѣмъ переодѣваться для театра (разумѣется, слѣдовало быть во фракѣ и бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ), я поспѣшилъ къ моему бѣдному земляку, жившему далеко отъ меня, на окраинѣ города. И всю дорогу я думалъ объ Ибсенѣ. Эта прекрасная черта въ немъ глубоко трогала меня. Я былъ молодъ и суевѣренъ и потому думалъ: «Этотъ даръ принесетъ ему счастье! Пьеса будетъ имѣть успѣхъ!»

Переходъ изъ печальнаго жилища больного художника въ блестящую, нарядную театральную залу, наполненную оживленнымъ многочисленнымъ обществомъ, произвелъ на меня сильное впечатлѣніе и пробудилъ много разныхъ мыслей...

Я сидѣлъ вмѣстѣ съ Сигурдомъ Ибсеномъ въ одной изъ ближайшихъ къ сценѣ ложъ, предоставленной автору. Во время увертюры на насъ было направлено множество биноклей. Публика все ждала, что въ

ложѣ появится самъ Ибсенъ, но онъ благоразумно оставался за кулисами. Напрасно искали и г-жу Ибсенъ; нервы ея не выдержали бы напряженной атмосферы перваго представленія.

Самъ я былъ, какъ въ лихорадкѣ, словно отдавалась на судъ публики моя собственная пьеса... Слава и честь моего великаго земляка были мнѣ близки, какъ мои собственныя. Сердце мое билось, я безпокойно ёрзалъ на стулѣ... Г-жа Ибсенъ, сидѣвшая дома, далеко отъ арены наступавшаго торжества или пораженія своего мужа, не могла волноваться больше моего.

«Ахъ, только бы сошло благополучно!» Вкусы нѣмцевъ во многомъ такъ расходились съ нашими, нѣмцы были въ общемъ гораздо консервативнѣе насъ, особенно же въ сферѣ мысли по отношенію къ женскому вопросу. Теоріи Стюарта Милля, къ сожалѣнію, нашли мало отголосковъ въ «das grosse Vaterland», гдѣ женщина продолжала занимать болѣе подчиненное положеніе, нежели у насъ на сѣверѣ. Всѣ университеты въ Германіи были тогда еще закрыты для женщинъ.

Я апплодировалъ при малѣйшемъ удобномъ случаѣ съ такимъ увлеченіемъ, что мои бѣлыя перчатки лопнули, и со злобою поглядывалъ на господъ военныхъ въ сосѣдней ложѣ, сохранявшихъ, на мой взглядъ, оскорбительно сдержанный видъ. Молодой Ибсенъ, который ко многимъ другимъ хорошимъ качествамъ присоединялъ необыкновенное умѣнье владѣть собою, старался успокоить меня. Съ нѣмецкими военными, вѣдь, шутки плохи,—убѣждалъ онъ меня,—сейчасъ къ баррьеру потребуютъ.

Первое дѣйствіе не имѣло полнаго успѣха, не смотря на геніальную игру г-жи Рамло. Видно было, что мнѣнія раздѣлились. Удивленіе публики передъ всѣмъ новымъ и чуждымъ ей въ пьесѣ брало верхъ надъ удовольствіемъ, испытаннымъ отъ того, что было доступно для пониманія.

Молодой Ибсенъ сбѣгалъ въ антрактѣ домой, чтобы сообщить матери, какъ идетъ дѣло.

Послѣ второго дѣйствія Ибсена вызывали, а послѣ заключительнаго апплодисментамъ конца не было. Побѣда была полная. Къ восторженнымъ возгласамъ примѣшивалось, впрочемъ, и пиканье недовольныхъ смѣлою развязкою. Шиканье, однако, смолкло, когда авторъ показался у рампы. Его привѣтствовали громомъ единодушныхъ апплодисментовъ. Ибсенъ кланялся, прижимая руку къ сердцу.

Сигурдъ помчался домой сообщить матери окончательный результатъ. Я долго ходилъ взадъ и впередъ около бокового выхода изъ театра, поджидая Ибсена. Наконецъ, онъ явился. Онъ вышелъ одинъ, видимо, сильно взволнованный. Я горячо поздравилъ его. Онъ молча взялъ меня подъ руку и такъ, опираясь на меня, дошелъ до дому. Я замѣтилъ, что онъ весь дрожитъ. Онъ былъ сильно разстроенъ, какъ онъ самъ сказалъ. Происходило это не отъ одного нервнаго напряженія, свойственнаго автору, но и отъ долгаго утомительнаго пребыванія за кулисами,

*

гдѣ воздухъ такъ тяжелъ. Я проводилъ Ибсена до самыхъ дверей его дома, но не зашелъ къ нимъ пить чай, какъ обыкновенно.

На другой день я зашелъ въ одно изъ лучшихъ кафе Мюнхена, и тамъ только и разговору было, что о пьесѣ Ибсена. Всюду слышалось имя «Нора», произносимое, съ мюнхенскимъ раскатистымъ р, болѣе или менѣе восторженнымъ тономъ. Постановка этой пьесы явилась настоящимъ событіемъ въ тихомъ центрѣ художественной жизни Германіи.

Лѣто приближалось. Люди стали строить планы поѣздокъ и путешествій. Я подумывалъ отправиться въ Берхтесгаденъ, гдѣ, я зналъ, проведетъ лѣто со своей семьей милѣйшій Іонасъ Ли. Жена Ибсена съ сыномъ собирались въ Норвегію, Ибсенъ же не рѣшилъ, куда отправиться. Похоже было, что онъ останется въ Мюнхенѣ.

Г-жа Ибсенъ съ Сигурдомъ уѣхали. Послѣдній вечеръ передъ ихъ отъѣздомъ я провелъ у нихъ. Г-жа Ибсенъ еще разъ убѣдительно стала уговаривать мужа поѣхать съ ними въ Норвегію, гдѣ «такъ дивно хорошо». Онъ съ минуту колебался. Видно было, что горячій призывъ жены производилъ на него свое дѣйствіе, но или остатокъ горечи противъ отечества или нежеланіе разставаться съ милымъ, старымъ Мюнхеномъ и нарушать заведенный порядокъ жизни и привычки, заставили-таки его въ концѣ концовъ рѣшительно отказаться.

Ибсенъ не особенно любилъ сельскую жизнь. Онъ былъ типичный горожанинъ, острый наблюдатель и психологъ, для котораго сердце человѣческое, а не природа, представлялось наиболѣе заманчивымъ объектомъ для изученія. Какъ писатель исключительно драматическій онъ, кромѣ того, и не нуждался въ описаніяхъ природы, предоставляя ихъ беллетристамъ.

Однажды онъ и высказалъ мнѣ свое удивленіе по поводу того, что люди, имѣющіе удобное, уютное гнѣздо, такъ торопятся, едва повѣетъ первымъ теплomъ въ воздухѣ, покинуть городъ, чтобы ютиться кое-какъ въ деревнѣ, торопятся отказаться отъ повседневныхъ удобствъ жизни, отъ привычекъ комфорта, отъ тишины рабочаго кабинета, отъ удобной постели, отъ кафе съ ихъ газетами, отъ обычнаго кружка знакомыхъ и пр., и пр., чтобы засѣсть въ скверномъ отелѣ въ какой-нибудь трущобѣ, гдѣ къ прочимъ напастямъ часто присоединяется еще дурная погода, заставляющая людей сидѣть взаперти, въ четырехъ стѣнахъ, лишенными всѣхъ городскихъ рессурсовъ для заполненія времени!

Своею нелюбовью къ жизни «на лонѣ природы» Ибсенъ походилъ на Камиллу Коллетъ, которая предпочитала лѣтомъ посѣщать Парижъ вмѣсто того, чтобы отправляться въ горы. «Парижъ—моя санаторія!» говаривала она.

Однажды Ибсенъ сталъ описывать мнѣ, какъ прекрасна и своеобразна жизнь большого города въ лѣтніе мѣсяцы, несмотря, или вѣрнѣе, благодаря тому, что его покидаетъ бо́льшая часть жителей.

Слушая Ибсена, я невольно вспомнилъ о Римѣ, откуда я бѣжалъ на лѣто, хотя одинъ норвежскій скульпторъ, обреченный жить тамъ круглый годъ, описывалъ мнѣ житье въ Римѣ лѣтомъ въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ. «Кто не видалъ Рима лѣтомъ, когда всѣ иностранцы разъѣзжаются, въ сущности и не знаетъ ни Рима, ни римской народной жизни!»—говорилъ онъ мнѣ восторженно.

Когда я уже готовъ былъ уѣхать изъ Мюнхена, Ибсенъ сообщилъ мнѣ, что и онъ думаетъ отправиться въ Берхтесгаденъ, гдѣ уже бывалъ раньше, и со своей обычной любезностью предложилъ мнѣ, если я ничего не имѣю противъ, ѣхать вмѣстѣ.

Я, разумѣется, очень обрадовался рѣшенію Ибсена, заранѣе предвкушая, какой содержательной окажется для меня совмѣстная поѣздка съ Ибсеномъ. Провести съ нимъ цѣлое лѣто!..

Въ чудесное, солнечное іюльское утро я съ легкимъ сердцемъ катилъ къ вокзалу, гдѣ мы уговорились встрѣтиться. Я прибылъ заблаговременно, но Ибсенъ все-таки опередилъ меня. Аккуратность его въ этихъ случахъ доходитъ до щепетильности. На немъ былъ элегантный дорожный костюмъ и широкополая фетровая шляпа, которая дѣлала его почти неузнаваемымъ.

Въ дорогѣ я получилъ впечатлѣніе, что Ибсенъ смотрѣлъ на меня, какъ на весьма непрактичное существо. Онъ не отпускалъ меня отъ себя ни на шагъ и, когда я на одной станціи хотѣлъ на минуту выйти изъ душнаго вагона на платформу, онъ прямо-таки не позволилъ мнѣ этого, опасаясь, что я не попаду во-время обратно въ вагонъ и т. д.

Когда мы прибыли въ Берхтесгаденъ, отель оказался переполненнымъ. Оставалась свободной одна маленькая комнатка, которую намъ и пришлось подѣлить на первую ночь.

Немного надобно было времени для открытія, что Ибсенъ со всѣми своими превосходными качествами былъ изъ тѣхъ, кого мы называемъ «утренними брюзгами». Расположеніе его духа, какъ и утреннее солнце, подымалось съ каждымъ часомъ.

Если мнѣ утромъ, тотчасъ послѣ вставанія, приходило на умъ обратиться къ нему съ какимъ-нибудь самымъ невиннымъ вопросомъ, въ отвѣтъ слышалось лишь предостерегающее кряхтенье. Онъ словно хотѣлъ этимъ сказать: «Какъ можетъ придти въ голову цивилизованному человѣку разговаривать съ другимъ въ такую рань!»

Попозже, днемъ, онъ начиналъ понемногу разговаривать, послѣ обѣда становился сообщительнымъ и привѣтливымъ, а вечеромъ уже въ высшей степени добродушнымъ и обходительнымъ.

Но, если Ибсенъ вообще мало говорилъ, то его улыбки, рукопожатіе, или его манера похлопывать гостя по плечу, выражали много. Мое впечатлѣніе было таково, что Ибсенъ просто страдалъ душевною застѣнчивостью, которая мѣшала ему выражать свои чувства словами.

Вотъ маленькое подтвержденіе этого.

Одинъ изъ моихъ друзей, норвежскій художникъ, провелъ цѣлый вечеръ въ гостяхъ у Ибсена. Я потомъ спросилъ его, какъ сошло его посѣщеніе и что говорилъ Ибсенъ. Другъ мой отвѣтилъ:

— Да, видишь-ли, въ сущности онъ ничего не говорилъ, но его манера, какъ онъ набивалъ мнѣ трубку, его взглядъ, когда онъ подавалъ мнѣ ее, прямо-таки растрогали меня!

Въ первое время мнѣ не очень-то нравилось въ Берхтесгаденѣ. Дождь лилъ безъ перерыва, хуже чѣмъ въ Бергенѣ, а это что-нибудь да значитъ. Кромѣ того, я чувствовалъ себя одинокимъ. Ибсенъ по большей части сидѣлъ у себя въ комнатѣ за работой, а ни съ кѣмъ больше изъ пріѣзжихъ въ отелѣ я не былъ знакомъ.

Ибсенъ, вскорѣ по нашемъ прибытіи въ Берхтесгаденъ усвоилъ себѣ тотъ же строго размѣренный порядокъ жизни, какъ въ Мюнхенѣ. Работа, прогулки, трапезы и т. д. и т. д. смѣнялись ровной чередой.

По утрамъ онъ работалъ за письменнымъ столомъ. (Я зналъ, что онъ послѣ кратковременнаго отдыха по окончаніи «Кукольнаго домика» принялся за новое произведеніе). Потомъ гулялъ, послѣ обѣда позволялъ себѣ немножко вздремнуть на диванѣ, затѣмъ принимался за корреспонденцію и т. д.

Не знаю, былъ ли Ибсенъ въ молодости хорошимъ туристомъ, теперь же онъ не любилъ карабкаться по горамъ, въ противоположность своей супругѣ, которая была смѣлой альпинисткой. Мы подымались съ ней въ Тиролѣ на высоту 8.000 фут.

Ибсенъ на прогулкахъ придерживался широкой, удобной дороги въ долинѣ, гулялъ въ опредѣленные часы и всегда медленнымъ шагомъ, предаваясь глубокому размышленію.

Крестьянскіе ребятишки обыкновенно оборачивались вслѣдъ этому удивительному господину... Изъ дѣвочекъ многія знали, что это «знаменитый писатель изъ Норвегіи», и почтительно присѣдали передъ нимъ при встрѣчахъ. Мальчики были болѣе тупоголовы.

Ибсенъ, слывшій вообще такимъ суровымъ и недоступнымъ, по отношенію ко мнѣ былъ воплощенной добротой и привѣтливостью. Но его молчаливость—бывали дни когда онъ почти не раскрывалъ рта—дѣйствовала на меня удручающе, особенно за долгими трапезами.

Ибсенъ и я обѣдали за отдѣльнымъ столомъ, особо отъ прочихъ гостей. Вставъ изъ за такого молчаливаго обѣда я чувствовалъ настоящее облегченіе, когда могъ замѣшаться въ толпу гостей, и отъ всего сердца смѣялся и болталъ съ моими сверстниками, молодыми баварцами.

Въ сущности требовалось не мало дипломатическаго такта при ежедневномъ общеніи съ Ибсеномъ. Я не позволялъ себѣ никого представлять ему, и не рѣшался самъ заводить новыхъ знакомствъ или возобновлять старыхъ изъ боязни, что это будетъ непріятно тому, чьимъ обществомъ я имѣлъ честь пользоваться.

Въ общемъ мы съ нимъ жили въ какомъ-то аристократическомъ одиночествѣ!

Однажды въ отель прибылъ изъ Мюнхена одинъ молодой художникъ, мой знакомый. Явился онъ какъ разъ во время ужина и безъ всякихъ церемоній прямо подсѣлъ къ нашему столу. Зато Ибсенъ и принялъ его болѣе, чѣмъ не любезно. Съ нимъ шутки были плохія, когда онъ сердился. Голосъ его переходилъ тогда въ какой-то шопотъ, который пугалъ больше всякихъ громовыхъ упрековъ.

Неудовольствіе Ибсена, вызванное невоспитанностью художника, скоро, однако, улеглось, но мнѣ приходилось при другихъ обстоятельствахъ видѣть Ибсена разгнѣваннымъ не на шутку, и тогда онъ бывалъ страшенъ.

Въ это лѣто Ибсенъ былъ замкнутѣе и задумчивѣе обыкновеннаго. Онъ какъ разъ началъ тогда «Призраки». Черезъ годъ эта драма уже шла въ Сорренто.

Немудрено, что, переживая трагическую судьбу Освальда, онъ не былъ расположенъ вести веселые и непринужденные разговоры.

Ибсенъ ни словомъ не обмолвился мнѣ о томъ, что такъ поглощало всѣ его мысли и что—невѣдомо для него—такъ сильно интересовало меня. Только разъ онъ намекнулъ на сюжетъ своего новаго произведенія.

Въ одинъ туманный, сырой день, какіе нерѣдки въ горахъ, мы гуляли по долинѣ, по теченію пѣнящагося ручья, и я позволилъ себѣ нескромное замѣчаніе насчетъ труда, который вотъ уже нѣсколько времени, повидимому, занималъ всѣ его мысли.

— Это семейная драма, сѣрая и грусгная, какъ этотъ туманный день!—спокойно сказалъ мнѣ Ибсенъ,

Впослѣдствіи, читая съ напряженнымъ вниманіемъ «Призраки» (эту драму и «Дикую утку», въ которой выведена несказанно трогательная фигура Гедвиги, я считаю геніальнѣйшими произведеніями послѣдняго періода творчества Ибсена), я не могъ не вспомнить этихъ словъ—такъ вѣрно они рисовали гнетущее впечатлѣніе, производимое драмой.

Работая надъ новымъ произведеніемъ, Ибсенъ нуждался въ полнѣйшей тишинѣ и уединеніи. Въ моменты совершавшагося въ немъ творческаго процесса довольно было дуновенья вѣтра, бездѣлицы, чтобы нарушить равновѣсіе его духа. Онъ охотнѣе всего совсѣмъ ушелъ бы на это время отъ міра, заперся въ монастырь—въ духовномъ смыслѣ.

Какъ шелковичный червь прядетъ свою шелковую нить, неустанно прялъ онъ въ одиночествѣ свою мысль, слѣдя за малѣйшими ея оттѣнками, связывая обрывки нити изо дня въ день...

Отрываться отъ этой работы фантазіи для отбытія обыденныхъ повинностей было для него настоящимъ мученіемъ.

Какое-нибудь дѣловое письмо, требовавшее отвѣта, визитъ, который надо было отдать, оказывали на него въ его тогдашнемъ настроеніи такое же дѣйствіе, какъ если-бы въ тонкую кружевную ткань его мысли запустили булыжникомъ.

Особенно затрудняли его отвѣты на дѣловыя письма издателей и театральныхъ директоровъ. Я часто предлагалъ замѣнить ему секретаря, взять на себя эту хлопотливую часть его корреспонденціи, но онъ всякій разъ посмѣивался и ласково отказывался. Пожалуй, мнѣ не хватало необходимыхъ для этой работы практичности и дѣловитости.

Однажды мы разговорились объ одномъ извѣстномъ писателѣ, который постоянно принималъ участіе въ разныхъ торжественныхъ обѣдахъ, гдѣ за нимъ ухаживали и чествовали его.

— Какъ только этотъ человѣкъ находитъ еще время сосредоточиваться и писать что нибудь путное!—высказалъ Ибсенъ.—Совершенно не понимаю.

Ему подобный образъ жизни казался нелѣпостью.

Однажды утромъ, вскорѣ по нашемъ прибытіи въ Берхтесгаденъ, Ибсенъ сказалъ мнѣ:

— Ну, пойдемъ навѣстить Іонаса Ли съ женою.

Я очень обрадовался. Мнѣ всегда страстно хотѣлось лично познакомиться съ авторомъ «Прозорливца». Сколько разъ я перечитывалъ это задушевное оригинальное произведеніе, въ которомъ открылась намъ мистическая поэзія нашего сѣвера.

Ли занималъ маленькій, привѣтливый бѣлый домикъ съ садикомъ, недалеко отъ нашего отеля, и встрѣтилъ насъ еще на лѣстницѣ громкими сердечными привѣтствіями. Ибсенъ представилъ меня, и на мою долю немедленно выпало крѣпкое норвежское рукопожатіе. Я полюбилъ Ли съ перваго взгляда.

Передъ отъѣздомъ изъ Норвегіи я видѣлъ въ одномъ изъ иллюстрированныхъ журналовъ портретъ Ли, на которомъ онъ былъ изображенъ молодымъ, нѣсколько тщедушнымъ на видъ человѣкомъ съ длинными волосами и цвѣткомъ въ петлицѣ. Поэтому я былъ не мало удивленъ, встрѣтивъ пожилого господина въ черной шелковой шапочкѣ, плотно надвинутой на голову.

Его оригинальное лицо съ неправильными чертами и темными глазами съ острымъ, иногда точно колющимъ взглядомъ, напоминало финновъ, которыхъ онъ такъ часто и съ такимъ мастерствомъ изображаетъ. По всей вѣроятности, въ жилахъ писателя и есть нѣкоторая доза финской крови. Онъ самъ высказываетъ такое предположеніе въ стихотвореніи «Финскій ростокъ».

Съ тѣхъ поръ каждый субботній вечеръ Ибсенъ и я неизмѣнно проводили у Ли. Это былъ ихъ пріемный день. Все остальное время

Ли былъ поглощенъ трудомъ. Онъ лихорадочно писалъ тогда свой романъ изъ быта моряковъ «Рутландъ», который надо было окончить къ Рождеству въ видѣ рождественскаго привѣта родинѣ.

Каждый такой вечеръ доставлялъ мнѣ радости на цѣлую недѣлю. Къ рѣдкому радушію и любезности Ли и его жены присоединялось еще удивительное ихъ умѣнье сдѣлать свой домъ пріятнымъ и уютнымъ уголкомъ для каждаго гостя.

Сидя въ маленькой уютной комнатѣ, выходившей въ садъ, въ обществѣ Ли, его славной жены и способныхъ, прекрасно воспитанныхъ дѣтей, всѣ мы чувствовали себя какъ будто на родинѣ, въ нашей милой Норвегіи.

Все въ домѣ Ли носило норвежскій отпечатокъ, начиная съ обстановки, стола и служанки, прислуживавшей за столомъ.

Подобно нашимъ древнимъ предкамъ, отплывавшимъ въ Исландію, семья Ли взяла съ собою на чужбину характерные предметы домашняго очага.

И норвежскій флагъ, водруженный «мальчиками» Ли и привѣтствовавшій своими яркими цвѣтами гостей еще на самомъ порогѣ дома, былъ тутъ не пустымъ символомъ.

Послѣ солиднаго ужина,—въ родномъ норвежскомъ вкусѣ,—изъ жаренаго мяса съ картофелемъ и зеленью, подавались пуншъ и сигары, и настроеніе сильно подымалось. Маленькая норвежская колонія въ Берхтесгаденѣ въ эти минуты, повидимому, не чувствовала тоски по родинѣ.

Въ тѣсномъ кружкѣ у Ли, гдѣ все дышало такою сердечностью, откровенностью и доброжелательностью къ ближнему—кто бы онъ ни былъ, великій мужъ или маленькій человѣчекъ—Ибсенъ становился совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Я едва узнавалъ его. Молчальникъ становился разговорчивымъ, скрытный—откровеннымъ. Осадокъ горечи и подозрительности, скопившійся въ его душѣ со временъ тяжелой борьбы со свѣтомъ, какъ будто совсѣмъ исчезалъ.

Ли былъ старымъ другомъ и товарищемъ Ибсена по школѣ. Ихъ связывало много добрыхъ, дорогихъ воспоминаній. Довольно было маленькой искры—слова, чтобы освѣтить передъ ними яркимъ свѣтомъ все прошлое.

Ибсенъ смѣялся самъ и смѣшилъ другихъ, разсказывалъ забавныя исторіи, не выпуская при этомъ изо рта сигары, и совсѣмъ уничтожалъ тотъ суровый образъ, который создали себѣ многіе, прочитавъ «Бранда».

Между прочимъ, онъ разсказывалъ забавный случай изъ своей поѣздки въ Египетъ на открытіе Суэцкаго канала, гдѣ онъ явился гостемъ хедива.

Щедрый хедивъ, въ числѣ прочихъ доказательствъ своего милостиваго расположенія къ Ибсену, осчастливилъ его молодой красивой, не-

вольницей-негритянкой. Ибсенъ, примѣрнѣйшій семьянинъ, былъ очень смущенъ такимъ подаркомъ. Куда ему было дѣваться съ нею! Кое-какъ онъ сбылъ ее съ рукъ, а самъ все-таки написалъ женѣ письмо, которымъ перепугалъ добрую женщину на смерть, извѣщая, что скоро пріѣзжаетъ съ «черной второй женой».

Я былъ свидѣтелемъ, какъ Ибсенъ иногда поддразнивалъ жену этимъ подаркомъ хедива. Посмѣиваясь, онъ заявлялъ женѣ, что она обязана ему вѣчною благодарностью за то, что онъ оставилъ «эту вторую жену» въ Египтѣ между сфинксами и пирамидами, вмѣсто того, чтобы привезти ее съ собой домой въ качествѣ законной своей собственности. Госпожа Ибсенъ только молча улыбалась на это и покачивала головой.

Ибсена забавляло также выступать въ разговорѣ съ какимъ-нибудь отчаяннымъ парадоксомъ, который неминуемо вызывалъ ожесточенныя возраженія и сразу придавалъ разговору характеръ страстнаго спора. Остроумная рѣчь самого Ибсена лилась при этомъ рѣкой, но къ остроумію иногда примѣшивался и нѣкоторый цинизмъ, и это грубое остроуміе напоминало, что передъ нами авторъ «Пера Гюнта».

Въ другое время серьезно трактовались важнѣйшіе вопросы, занимающіе умъ человѣческій: вѣра, безсмертіе и пр.

Помню, Ибсенъ разъ высказалъ въ одномъ изъ подобныхъ разговоровъ слѣдующее:

— Я ничего не имѣю противъ того, чтобы пожить подольше, — всегда, вѣдь, любопытно видѣть дальнѣйшее развитіе человѣчества, — но я не боюсь и умереть. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо сознаться, что мысль о смерти пугаетъ меня, если я подумаю во время работы надъ какимъ-нибудь произведеніемъ, что могу умереть, не докончивъ его. Не хочется умереть, не высказавъ того, что есть у тебя на душѣ.

Когда Ибсенъ, этотъ великій скептикъ, потрясшій всѣ наши старые идеалы, высказывалъ въ разговорѣ одну дерзновенную мысль за другою, г-жа Ли, воспитанная въ старой вѣрующей чиновничьей семьѣ, иногда возражала ему, ссылаясь на св. Писаніе.

Она, видимо, считала Ибсена революціонеромъ.

Но Ибсенъ являлся революціонеромъ лишь въ бесѣдахъ, да въ своихъ произведеніяхъ *), а никакъ не въ ежедневномъ своемъ быту,

*) Когда Ибсена называютъ революціонеромъ, слѣдуетъ помнить, что всѣ «революціонныя» его стремленія сводятся исключительно къ «перевороту человѣческаго духа», какъ онъ самъ выражается въ извѣстномъ письмѣ отъ 1870 г. къ Георгу Брандесу: «Все, чѣмъ мы нынѣ питаемся, лишь крохи со стола революціи прошлаго столѣтія, и пища эта достаточно-таки пережована и пережована. Понятія нуждаются въ новомъ содержаніи и въ новомъ истолкованіи. Понятія «свобода, равенство и братство» давно уже перестали быть тѣмъ, чѣмъ были во времена покойной гильотины. Вотъ, чего не хотятъ понять политическіе революціонеры, и вотъ почему я ихъ ненавижу. Эти господа желаютъ только спеціальныхъ переворотовъ, переворотовъ во внѣшнемъ. Но все это пустяки. Переворотъ человѣческаго духа— вотъ въ чемъ дѣло!» *Примѣч. перев.*

въ прямую противоположность Бьёрнсону, который круто, часто не глядя ни на что, нарушаетъ всѣ формы и обычаи, выдвигая впередъ свое мощное «я».

Лишь въ неприступномъ мірѣ фантазіи, стоящемъ выше всѣхъ общественныхъ условностей, Ибсенъ является самимъ собою.

Онъ, такъ презирающій буржуазію и отдавшій на судъ критики такого типичнаго буржуа, какъ Гельмеръ въ «Кукольномъ домикѣ», самъ имѣетъ въ себѣ не мало буржуазнаго; въ обыденной жизни онъ корректенъ и консервативенъ до кончиковъ ногтей, такъ уважаетъ приличія и стоитъ за то, что «принято», что всякое нарушеніе формъ общежитія, даже извиняемое молодостью или талантливостью, отталкиваетъ его, какъ грубость или недостатокъ воспитанія.

Въ обыденной жизни онъ требуетъ уваженія отъ того же самаго буржуазнаго міра, который казнитъ въ своихъ произведеніяхъ, и самъ платитъ этому міру такимъ же уваженіемъ — по крайней мѣрѣ, формальнымъ.

Своимъ мятежнымъ образомъ мыслей и приверженностью къ установившимся формамъ въ дѣйствительной жизни Ибсенъ очень напоминаетъ Гёте.

Виною такой двойственности людей, какъ Гёте, какъ Ибсенъ, отчасти современный имъ общественный строй, не позволяющій гражданину и личности слиться воедино.

Но вернемся къ «субботникамъ» у Ли.

Зашелъ какъ то разговоръ о Гете и его отношеніяхъ къ Христинѣ Вульпіусъ, управлявшей его домомъ и затѣмъ ставшей женой великаго поэта. Гёте, какъ извѣстно, воспользовался общественною сумятицей, вызванною пораженіемъ нѣмцевъ подъ Іеной, чтобы втихомолку обвѣнчаться съ Христиной. Бракъ, однако, оказался, какъ мы знаемъ, далеко не изъ счастливыхъ.

Ибсена поражалъ «прелестный эгоизмъ» Гёте, особенно выступающій въ его перепискѣ. Такъ, когда Гёте былъ поднесенъ жителями одного изъ прирейнскихъ городовъ художественно-выполненный адресъ, онъ писалъ, что, конечно, адресъ былъ очень красивъ, но что лучше было бы, еслибъ городъ вмѣсто адреса поднесъ ему хорошаго рейнвейна, которымъ славится.

Между прочими парадоксами Ибсенъ высказалъ тотъ, что ни одинъ истинный поэтъ не можетъ народиться или во всякомъ случаѣ жить въ Пруссіи, враждебномъ красотѣ отечествѣ Бисмарка. Я назвалъ даровитаго и несчастнаго Генриха ф. Клейста, и онъ съ торжествомъ отвѣтилъ:—«Да вѣдь, его примѣръ какъ разъ подтверждаетъ, то, что я говорю. Онъ и застрѣлился потому, что имѣлъ несчастье родиться въ Пруссіи. Онъ не могъ выдержать жизни тамъ»!

Во время паузы въ разговорѣ, г-жа Ли встала и вернулась къ намъ съ раскрытой книгой. Это оказалась пьеса Ибсена «Кукольный

домикъ». Г-жа Ли прочла намъ реплику Норы о подаркахъ дѣтямъ на ёлку: «А вотъ кукла и кукольная кроватка для Эми... Простенькія, *да, вѣдь, онъ все равно скоро переломаетъ все!*» Г-жа Ли съ особымъ удареніемъ прочла подчеркнутыя слова.

— Откуда взялись у васъ, мужчины, такія слова? — спросила она Ибсена.—Вѣдь, это восхитительно по своей естественности! Это какъ будто писала женщина, мать. «Да, вѣдь, онъ все равно скоро переломаетъ все!» Вы просто подслушиваете у насъ все!

Ибсенъ отвѣтилъ улыбкой удовольствія на восторженный отзывъ хозяйки дома. Она была литературной сотрудницей мужа, и подобный комплиментъ изъ ея устъ долженъ былъ показаться Ибсену вдвое дороже.

Разговоръ, конечно, не замедлилъ перейти на тему о женскомъ вопросѣ.

Первоначально Ибсенъ не особенно благосклонно относился къ идеѣ эмансипаціи женщины. Брандесъ разсказываетъ въ своихъ очеркахъ, что знаменитая книга Милля совсѣмъ не понравилась Ибсену, когда вышла, а увѣренія Милля, что онъ обязанъ женѣ своей лучшими своими литературными трудами, показались Ибсену просто смѣшными. Ибсенъ былъ слишкомъ индивидуаленъ, чтобы понять возможность подобнаго сотрудничества. Перемѣна во взглядахъ Ибсена произошла, по моему мнѣнію, подъ вліяніемъ двухъ такихъ рѣдкихъ женщинъ, какъ его жена и ея подруга, Камилла Коллетъ.

Для госпожи Ибсенъ первая встрѣча съ Камиллой Коллетъ— это было въ Дрезденѣ въ шестидесятыхъ годахъ—имѣла рѣшающее значеніе.

При всѣхъ дарованіяхъ и полнѣйшей свободѣ отъ предразсудковъ, г-жа Ибсенъ во многомъ оставалась дочерью пастора изъ набожнаго норвежскаго мелкаго городка. Камилла Коллетъ взяла на себя задачу открыть своей подругѣ глаза на ненормальное положеніе женщины въ обществѣ и убѣдить ее въ необходимости его улучшенія. Г-жа Ибсенъ, въ свою очередь, повліяла на мужа, не столько словами, сколько дѣломъ, величіемъ характера, напоминавшаго и древнихъ женщинъ сагъ и современныхъ, вродѣ г-жи Альвингъ въ «Призракахъ». Жена Ибсена всегда понимала отвѣтственность своего положенія въ качествѣ подруги жизни знаменитаго писателя, а позже почувствовала и свой долгъ быть предстательницей за свой полъ у великой литературной силы, чьи слова распространялись по всему свѣту и имѣли власть и поднять женщину и пригнуть ее подъ ярмо.

Сама она постоянно служила ему незапятнаннымъ олицетвореніемъ самостоятельной и благородной женской натуры съ великой душой. Не даромъ онъ воспѣлъ ее въ упоминавшемся уже, посвященномъ ей стихотвореніи. «Она зажигаетъ божественный огонь въ моемъ взорѣ

такъ, что никто и не знаетъ, откуда идетъ эта помощь», говорится въ немъ, между прочимъ.

Камилла Коллетъ сама разсказывала мнѣ, какъ она была изумлена, при первой встрѣчѣ съ Ибсеномъ въ Дрезденѣ, его устарѣлыми воззрѣніями на женщину. Такъ могъ говорить какой-нибудь ветхозавѣтный пророкъ! Она не разъ вступала съ нимъ въ ожесточенный споръ, защищая свой полъ.

Госпожа Ибсенъ, которая теперь отличается такой самостоятельностью личности и смѣлостью мысли, сидѣла тогда молча, не осмѣливаясь вмѣшаться въ споръ.

Позже Камилла Коллетъ къ своей великой радости дождалась того, что Ибсенъ изъ противника великаго дѣла, которому она посвятила всѣ свои силы, сталъ ревностнымъ его поборникомъ. «Кукольный домикъ» настоящій гимнъ освобожденію женщины.

Первоначальную антипатію Ибсена къ женской эмансипаціи я приписываю отчасти впечатлѣніямъ дѣтства, проведеннаго въ маленькомъ городкѣ съ населеніемъ, склоннымъ къ піетизму. Какъ часто приходилось Ибсену имѣть дѣло—и въ книгахъ, и въ проповѣдяхъ—со строгими словами апостола Павла, гласящими, что мужъ долженъ быть главой и господиномъ, а жена его всепокорнѣйшею служанкою.

Да, дивные то были вечера въ домѣ Ли въ Берхтесгаденѣ, и теперь они встаютъ въ моемъ воспоминаніи даже еще болѣе свѣтлыми.

Мы часто отворяли дверь въ садъ и любовались величественнымъ горнымъ видомъ, освѣщеннымъ луннымъ сіяніемъ.

Иногда я затѣвалъ въ саду игру въ жмурки съ дѣтьми Ли, самъ становясь ребенкомъ и предоставляя Ибсену и Ли однимъ продолжать споръ о жизненныхъ проблемахъ...

Однажды я невольно нарушилъ обычное мирное теченіе субботника у Ли. Дѣло было такъ.

Какъ-то разъ, гуляя съ Ибсеномъ, мы увидали на дорогѣ задавленную жабу, и онъ сказалъ, что не раздѣляетъ общаго отвращенія къ жабамъ, змѣйкамъ и т. п. Наоборотъ.

Я вполнѣ понималъ Ибсена, такъ какъ самъ всегда находилъ крайне несправедливымъ обычное предразсудочно-непріязненное отношеніе къ уродливымъ тварямъ и людямъ.

Эти бѣдняги не сами же создали себя таковыми. Если бы они сами могли выбирать себѣ внѣшнюю оболочку, жаба, навѣрно, предпочла-бы стать бабочкой, а горбунъ—Аполлономъ Бельведерскимъ.

Затѣмъ, гулялъ я разъ въ субботу послѣ обѣда съ однимъ изъ старшихъ сыновей Ли, Монсомъ, теперь тоже писателемъ, и увидалъ въ полѣ большую, черную, съ желтыми пятнами, жабу, такъ называемую саламандру. Не безъ труда поймалъ я ее и завернулъ въ газетный листъ, оказавшійся у меня въ карманѣ.

Монсъ съ изумленіемъ спросилъ меня, что я собираюсь дѣлать съ безобразнымъ животнымъ.

— Подарить его вечеромъ Ибсену!—отвѣтилъ я.—Онъ любитъ такихъ ползуновъ.

Монсъ засмѣялся, недовѣрчиво покачивая головой.

Явясь вечеромъ къ Ли, гдѣ уже находился пунктуальный, какъ всегда, Ибсенъ, я и принесъ свой оригинальный подарокъ. Я держалъ жабу въ рукахъ, завернутою въ бумагу. Но, пока я отвѣчалъ Ибсену на вопросъ о причинѣ моего запозданія, жаба высвободилась изъ обертки и однимъ прыжкомъ—сильныя, должно быть, у нея были мускулы!—очутилась на носу перепуганнаго Ибсена, а другимъ перенеслась—неизвѣстно куда.

Общій переполохъ, поиски,—нѣкоторые полагаютъ, что саламандры ядовиты — но жаба словно сгибла. Г-жа Ли утѣшала насъ, увѣряя, что животное выпрыгнула въ открытое окно къ сосѣду аптекарю, который сумѣетъ примѣнить къ дѣлу такую рѣдкую находку.

Ибсенъ очень разсердился на мою мальчишескую шутку. Особенно обидѣло его то, что это вышло у Ли. Будь еще это у насъ дома, въ отелѣ!.. Чтожъ, я заслужилъ всѣ суровыя слова, которыми меня осыпали, но такой финалъ не отбилъ у меня охоты хохотать отъ всей души всякій разъ, какъ только вспомню эту комическую сцену.

Разъ мы вышли отъ Ли часовъ около 12 ночи и попали подъ такую грозу, какія только въ горахъ и бываютъ. Небо было совсѣмъ черно, дождь такъ и хлесталъ, молніи бороздили мракъ ослѣпительно-бѣлыми змѣями, а удары грома, будившіе эхо въ горахъ, напоминали пушечную пальбу.

Ибсенъ шелъ съ обычнымъ спокойствіемъ, медленнымъ, размѣреннымъ шагомъ, прикрываясь изящнымъ зонтикомъ, словно прогуливался по улицѣ Карла-Іоганна *). По дорогѣ онъ разсказалъ мнѣ, что значительная часть его драмы «Императоръ и Галилеянинъ» была написана имъ здѣсь въ Берхтесгаденѣ въ такую именно погоду, при блескѣ молніи и подъ аккомпаниментъ грома.

Иногда Ибсенъ нарушалъ однообразный порядокъ своей жизни, въ Берхтесгаденѣ, измѣнялъ своей обычной дорогѣ для прогулокъ и предпринималъ вмѣстѣ со мною экскурсію въ горы. Мы проводили въ такомъ случаѣ внѣ дома весь день и обѣдали въ какой-нибудь деревенской харчевнѣ. Столъ, по желанію Ибсена, всегда накрывали на вольномъ воздухѣ. Ибсенъ далеко не былъ гурманомъ, ѣлъ вообще крайне мало и выбиралъ всегда самыя простыя, скромныя блюда, предпочитая изъ нихъ тѣ, которыя были приготовлены по домашнему и напоминали ему пищу, какою онъ питался въ дѣтствѣ въ Норвегіи.

---

*) Христіанійскій Невскій проспектъ. *Примѣч. перев.*

Послѣ такого деревенскаго обѣда, когда Ибсенъ закуривалъ сигару, облачка дыма медленно расплывались въ тихомъ воздухѣ, съ голубого неба сіяло солнце, съ полей и горъ неслось благоуханіе свѣжаго сѣна и сосенъ — Ибсенъ становился особенно общительнымъ и откровеннымъ, какимъ только вообще и бывалъ съ глазу на глазъ.

Мы говорили о Бергенѣ, гдѣ Ибсенъ цѣлыхъ шесть лѣтъ прослужилъ директоромъ театра, о тамошнихъ общихъ друзьяхъ и знакомыхъ нашихъ. Говорили о моемъ учителѣ, старомъ, умудренномъ жизнью Лодингѣ, который былъ сотоварищемъ Ибсена по театральной дирекціи и которому Ибсенъ однажды, считая себя оскорбленнымъ имъ, послалъ вызовъ на дуэль на пистолетахъ.

Ибсену въ то время было всего двадцать съ чѣмъ-то лѣтъ; силы и страсти въ немъ такъ и кипѣли. Это не былъ тотъ важный пожилой господинъ, котораго христіанійцы ежедневно видятъ теперь въ извѣстный часъ прогуливающимся по улицѣ Карла Іоганна!

Заходила рѣчь и о моемъ старомъ дорогомъ другѣ Петерѣ Блюттѣ, бывшемъ тогда однимъ изъ заправилъ театра. Этому самому Блютту Ибсенъ въ свое время лично вручилъ для просмотра новую историческую драму, подписанную псевдонимомъ. Блюттъ былъ тогда, наилучшимъ цѣнителемъ литературы и искусства среди членовъ дирекціи.

Блюттъ, какъ онъ самъ разсказывалъ мнѣ, былъ сразу пораженъ величіемъ характеровъ, поэтическою силою языка и чисто по-Скрибовски (Блюттъ, какъ и всѣ его современники, восхищался Скрибомъ) искусно веденною интригою. И онъ все ломалъ себѣ голову, кто бы такой могъ быть этотъ молодой писатель, авторъ столь замѣчательнаго произведенія.

На Ибсена онъ никакъ не думалъ.

Пьеса неизвѣстнаго автора была принята и поставлена. Заглавіе ея было «Фру Ингеръ изъ Эстрота». Надо отдать честь Блютту, что онъ, воспитанный на Скрибѣ и Эленшлегерѣ, сумѣлъ все-таки прозрѣть, что съ постановкой этой драмы открывается новая область для литературы.

Драма имѣла большой успѣхъ. Но, когда стали вызывать автора, кто же вышелъ къ полному изумленію Блютта? Никто иной, какъ Генрикъ Ибсенъ.

Во время одной изъ такихъ послѣобѣденныхъ бесѣдъ на вольномъ воздухѣ я признался Ибсену, что совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ часто прогуливался по на бережный передъ домомъ г-жи Сонтумъ, гдѣ жилъ Ибсенъ, и все старался угадать: какую именно комнату онъ нѣкогда занималъ. Еще я признался, что мой учитель французскаго и итальянскаго языковъ, старый monsieur L'abbé, бывшій театральнымъ костюмеромъ во времена директорства Ибсена, подарилъ мнѣ на память оставленный Ибсеномъ ламповый абажуръ.

Ибсенъ, посмѣиваясь, качалъ головой.

Иногда на прогулкахъ Ибсену случалось разговориться и о литературѣ, тогда какъ вообще онъ тщательно избѣгалъ этой тэмы.

Онъ сообщалъ мнѣ свои юношескіе поэтическіе замыслы, которыхъ такъ и не удалось ему осуществить. Между прочимъ, онъ собирался написать драму, въ которой главнымъ лицомъ былъ бы король Сверре, столь непопулярный въ народѣ, по мнѣнію Ибсена, потому, что былъ брюнетъ, какъ и самъ Ибсенъ. Я въ эту минуту не могъ не вспомнить о Бьёрнсонѣ, златокудромъ и рыжебородомъ, какъ Торъ, и сумѣвшемъ «воздвигнуть себѣ тронъ изъ живыхъ человѣческихъ сердецъ».

Искушалъ Ибсена и мощный образъ императора Адріана, которымъ позже воспользовался для своей драмы Пауль Гейзе.

Писатель, какимъ бы огромнымъ талантомъ ни обладалъ, всегда стоитъ на плечахъ своего времени. Онъ не выскакиваетъ, какъ Минерва, во всеоружіи изъ головы Юпитера, но имѣетъ духовныхъ предковъ, предшественниковъ и собратьевъ-современниковъ, у которыхъ состоитъ въ долгу.

Самъ Ибсенъ никогда не называлъ мнѣ писателей, отъ которыхъ учился, или произведеній, оказавшихъ воздѣйствіе на его творчество, и, если судить по его энергичному протесту противъ предположенія, что онъ находился подъ вліяніемъ Герца, когда писалъ «Пиръ въ Сольгаугѣ», то ему даже непріятно, если въ его произведеніяхъ открываютъ чужое вліяніе. Тѣмъ не менѣе, для человѣка, знающаго литературу, не трудно прослѣдить это вліяніе.

За «Брандомъ» стоитъ Киркегоръ, отбрасывая на это произведеніе свою мощную тѣнь.

Читая «Пера Гюнта», нельзя не вспомнить шедевровъ датскихъ писателей, напримѣръ, «Фантазеровъ» Шака, которыми Ибсенъ такъ восхищался, и «Души послѣ смерти» Гейберга.

Изъ родныхъ норвежскихъ писателей вліяла на Ибсена больше всѣхъ Камилла Коллетъ. Ея духъ витаетъ надъ «Комедіей любви». Ибсенъ заимствовалъ цѣлыя картины изъ ея романа «Дочери уѣзднаго судьи».

Съ французскими писателями Ибсенъ вовсе не былъ знакомъ. Когда я пріѣхалъ въ Мюнхенъ изъ Парижа, онъ разспрашивалъ меня о теченіяхъ во французской литературѣ, и я могъ изъ его вопросовъ заключить, что онъ совершенно не знаетъ ея. Я хорошо помню, что онъ, выслушавъ отъ меня характеристику Сарду, высказалъ: «Такимъ я и представлялъ его себѣ. Это не художникъ, а литературныхъ дѣлъ мастеръ».

Изъ произведеній Жоржъ Зандъ Ибсенъ не читалъ ни единой строчки. Зато жена его бредила «Консуэло» и перечитывала этотъ романъ нѣсколько разъ. Дѣйствительно первая часть романа очаровательна.

Александра Дюма Ибсенъ зналъ лишь по имени, которое встрѣчалъ въ газетахъ.

О несправедливости и непониманіи критики даже по отношенію къ такимъ талантамъ, какъ Ибсенъ, можно судить лучше всего по французскимъ критикамъ, которые во многихъ произведеніяхъ Ибсена видятъ отпечатокъ, если не прямое подражаніе, идей Жоржъ Зандъ и техники Александра Дюма-fils.

Строгій этикъ Ибсенъ могъ находиться подъ вліяніемъ излюбленнаго автора полусвѣта!

Напротивъ, Ибсенъ, такъ же, какъ великіе русскіе писатели: Толстой, Достоевскій и др., влилъ свѣжую кровь въ однообразную и шаблонную французскую драму, которая до тѣхъ поръ вращалась преимущественно въ области обольщенія да адюльтера.

Еще въ Берхтесгаденѣ вынесъ я такое впечатлѣніе, что Ибсенъ въ противоложность другимъ писателямъ, которые отводятъ для бесѣды съ музами опредѣленные часы, работаетъ *всегда*, и дома, и внѣ дома, и за столомъ, и на прогулкахъ, и въ кафе, стараясь найти подходящую форму для мысли, занимающей его въ данное время.

Мысль вселялась въ него и овладѣвала имъ, какъ демонъ.

Позже, въ Мюнхенѣ, впечатлѣніе это окончательно подтвердилось.

Въ Мюнхенѣ Ибсенъ ежедневно въ опредѣленное время бывалъ въ кафе «Максимиліана», напротивъ оперы (какъ теперь въ Христіаніи ежедневно бываетъ въ «Grand kafé»), и его обычное мѣсто являлось какъ бы священнымъ, къ которому не смѣлъ приблизиться ни одинъ профанъ.

Я самъ, являясь въ кафѣ, проходилъ мимо Ибсена, даже не раскланиваясь съ нимъ, хотя былъ его гостемъ въ предшествовавшій вечеръ и могъ быть его гостемъ въ одинъ изъ слѣдующихъ. Я, впрочемъ, всегда встрѣчалъ въ большомъ зеркалѣ напротивъ входной двери его пытливый инквизиторскій взглядъ, отъ котораго ничто не ускользало.

Я инстинктивно чувствовалъ, что даже бѣглый обмѣнъ привѣтствій мѣшалъ ему. Встрѣчая Ибсена на улицѣ, я тоже всегда старался разминуться съ нимъ, оставляя его въ увѣренности, что онъ остался незамѣченнымъ.

Одинъ нѣмецкій литераторъ, который былъ представленъ Ибсену, сталъ злоупотреблять знакомствомъ съ нимъ, постоянно отыскивалъ его въ кафѣ и заводилъ съ нимъ разговоры. Ибсенъ былъ слишкомъ добръ, чтобы напрямикъ уклониться отъ бесѣды, но мнѣ онъ жаловался на навязчивость литератора.

— Этотъ господинъ думаетъ,—сердито говорилъ онъ—что я такъ себѣ вотъ сижу въ кафѣ и попиваю пиво, тогда какъ на самомъ дѣлѣ я работаю, творю въ потѣ лица. Я вижу, какъ образы мои постепенно округляются, разсматриваю ихъ со всѣхъ сторонъ и т. д.

Мнѣ, наконецъ, удалось дружескимъ образомъ уладить дѣло и отвадить нарушителя покоя Ибсена отъ стола послѣдняго.

«Датскій Мольеръ», Людвигъ Гольбергъ, какъ извѣстно, любилъ вступать въ бесѣды съ простымъ народомъ и утверждалъ, что всегда научался чему-нибудь изъ этихъ бесѣдъ.

У Ибсена была такая же склонность. Насколько онъ былъ необщителенъ съ людьми своего круга, которые набивались къ нему съ разговорами, настолько же онъ готовъ былъ болтать съ какимъ-нибудь рабочимъ или мастеровымъ. Обыкновенно онъ даже самъ первый заговаривалъ съ ними.

Однажды, прогуливаясь вмѣстѣ утромъ, мы натолкнулись на башмачника, который въ эту прекрасную, солнечную погоду сидѣлъ, согнувшись за работой, передъ своимъ домикомъ. Возлѣ него стоялъ столикъ съ инструментами.

Славный на видъ старикъ набивалъ подметки къ сапогамъ, мурлыча себѣ подъ носъ, видимо довольный и собой, и всѣмъ міромъ.

Ибсенъ привѣтливо поздоровался съ нимъ и съ интересомъ спеціалиста сталъ разсматривать его инструменты и работу.

Сапожникъ за словомъ въ карманъ не лазилъ, да и самъ Ибсенъ, видимо, былъ очень въ духѣ. Подъ конецъ онъ взялъ сапогъ и, внимательно осмотрѣвъ новыя подметки, съ удивленіемъ сказалъ:

— Развѣ теперь дѣлаютъ это такъ? (Я не припомню техническаго выраженія). Въ мое время дѣлали вотъ какъ!

Когда Ибсенъ собрался уходить, сапожникъ привсталъ и почтительно раскланялся. Онъ, видимо, проникся уваженіемъ къ познаніямъ Ибсена по части сапожнаго искусства и, кажется, остался въ томъ убѣжденіи, что имѣлъ дѣло съ выдающимся коллегой.

Въ Берхтесгаденѣ многіе крестьяне хорошо играли на цитрѣ. Ибсенъ не выносилъ этой музыки, а я, напротивъ, очень любилъ.

Онъ и вообще не былъ охотникомъ до музыки, ни до примитивной, какъ у этихъ крестьянъ, ни до исполняемыхъ виртуозами произведеній большихъ мастеровъ.

Одна почтенная дама, норвежка, проживавшая въ Мюнхенѣ, дала какъ-то въ честь Ибсена обѣдъ, на который собралась вся норвежская колонія.

Послѣ обѣда музицировали. Одна изъ красавицъ дочерей хозяйки дома исполнила пѣснь Сольвейгъ изъ «Пера Гюнта», положенную на музыку Григомъ.

Пѣснь эта была тогда новинкой, которую разучили спеціально, чтобы сдѣлать удовольствіе присутствующему писателю.

Но онъ сидѣлъ молча, невозмутимо, не выражая ни одобренія, ни удовольствія. Видимо, онъ столь же мало интересовался музыкой, какъ и текстомъ. И только, когда одинъ изъ гостей, наконецъ, обратилъ его вниманіе, что поютъ его стихи, удалось вытянуть у него

любезный отзывъ, который, однако, плохо маскировалъ его полное равнодушіе.

Къ композиторамъ Ибсенъ питаетъ чувство, близкое къ презрѣнію. Я имѣю всѣ основанія полагать, что ихъ занятіе представляется ему совершенно пустымъ, безполезнымъ дѣломъ.

Объ одномъ извѣстномъ поэтѣ, творчество котораго было бѣдно мыслями, но богато настроеніями, Ибсенъ выразился при мнѣ такъ:

— Это не поэтъ,—для поэта мало одного настроенія, нужны и мысли. Это просто лирикъ, музыкантъ-композиторъ.

Я не могъ не улыбнуться этому опредѣленію и подумалъ: «Послушалъ бы тебя Григъ, ставящій свое искусство выше всего на свѣтѣ! То-то бы споръ загорѣлся!»

Не особенный охотникъ былъ Ибсенъ и до общества. До извѣстной степени онъ и отгородился отъ него, живя въ собственномъ мірѣ творчества. Онъ никогда не бывалъ ни въ театрахъ, ни въ концертахъ, ни въ засѣданіяхъ, ни на лекціяхъ. Даже газеты онъ читалъ мало, изъ опасенія разсѣяться. Во время нашего совмѣстнаго житья онъ выписывалъ всего одну норвежскую газету («Morgenbladet») и больше никакихъ, — ни датскихъ, ни шведскихъ, — и ни одного журнала.

Въ своемъ «Письмѣ-воздушномъ шарѣ», онъ самъ признается въ своей «боязни толпы».

Но Ибсенъ сторонился не одной толпы, невѣжественной массы, а также и выдающихся, милыхъ людей, которыхъ сталкивалъ съ нимъ случай и которые могли вполнѣ понять и оцѣнить его.

Такъ онъ, не взирая на частыя приглашенія, ни за что не соглашался бывать на вечерахъ у Пауля Гейзе, хоть и зналъ, какъ глубоко былъ преданъ ему послѣдній, да и самъ высоко ставилъ Гейзе и какъ художника, и какъ человѣка.

Больше всего онъ дорожилъ уединеніемъ, богатымъ, полнымъ мыслей уединеніемъ, гдѣ онъ никогда не бывалъ одинокимъ... Онъ могъ бы сказать вмѣстѣ съ Гёте:

«Wenn man mich da und dorthin zerrt,
Und wo ich nichts vermag,
Bin von mir selbst nur abgesperrt,
Da hab' ich keinen Tag.
Ich scheine mir an keinem Ort,
Auch Zeit ist keine Zeit.—
Ein geistreich, aufgeschlossnes Wort
Wirkt auf die Ewigkelt».

Но еще вопросъ — полезна ли для современнаго писателя такая безусловная изолированность отъ свѣта? Я не думаю. Онъ является тогда оторваннымъ отъ дѣйствительной, богатой, вѣчно измѣняющейся жизни, и ему грозитъ опасность стать теоретикомъ, который

лучше знаетъ человѣка, созданнаго имъ самимъ, нежели людей. Создаваемые имъ образы легко могутъ превратиться въ ходячія идеи вмѣсто того, чтобы облечься въ плоть и кровь.

Ибсенъ, на мой взглядъ, и выигралъ и проигралъ отъ своей замкнутости въ собственномъ мірѣ. Произведенія его выиграли въ смыслѣ глубины, сосредоточенности мысли, техническаго совершенства, но оставляютъ, на мой взглядъ, желать въ смыслѣ болѣе остраго чутья дѣйствительности (какимъ, напр., отличаются Достоевскій или Тургеневъ) и болѣе богатой, захватывающей болѣе широкія области наблюдательности.

Не прошло для Ибсена даромъ и его долгое пребываніе въ чужихъ краяхъ, вдали отъ родины. Нельзя безнаказанно изображать норвежскіе типы и событія, живя отшельникомъ въ Мюнхенѣ или въ Римѣ *). Въ изображенія непремѣнно закрадется нѣчто чужеземное, они будутъ отзываться придуманностью, пахнуть кабинетной пылью, вмѣсто свѣжаго вѣянія жизни.

Я какъ-то разъ и высказалъ Ибсену свое удивленіе по поводу того, что онъ можетъ творить на чужбинѣ, вдали отъ типовъ, служащихъ ему моделями, вдали отъ норвежской дѣйствительности и впечатлѣній, которыми она даритъ наблюдателя ежечасно. Онъ отвѣтилъ, что каждый норвежецъ, котораго случай даетъ ему въ объекты для наблюденія, доставляетъ ему столько же матеріала, сколько онъ могъ бы набрать, живя на родинѣ. На фонѣ чужбины своеобразныя типичныя черты нашихъ земляковъ выступаютъ особенно рѣзко.

И тѣмъ не менѣе, образъ Гедды Габлеръ кажется, за-границей намъ норвежцамъ страннымъ, чужимъ, не норвежскимъ. Такія женщины водятся въ большихъ заграничныхъ центрахъ культуры (я самъ встрѣчалъ въ Римѣ даму, которая могла бы послужить моделью для Гедды Габлеръ), но въ нашемъ чуть ли еще не первобытномъ обществѣ онѣ не имѣютъ подъ собой почвы. Пресыщеніе и переутомленіе далеко еще не смѣнили у насъ природной простоты и наивности.

Сказанное не имѣетъ цѣлью умалить художественныхъ достоинствъ образа, а лишь обратить вниманіе на то, что Ибсенъ въ данномъ случаѣ вырвалъ его изъ родной почвы и перенесъ на чужую.

Какихъ политическихъ мнѣній держится Ибсенъ? Принадлежитъ ли онъ къ «правой» или «лѣвой»?—часто слышатся вопросы.

По моему, онъ рѣшительно внѣ партій. Онъ любитъ свободу, полную, истинную свободу и независимость духа.

17 мая 1881 г. въ Христіаніи состоялось торжество открытія памятника Вергеланду. По этому случаю Ибсенъ, жившій тогда въ Римѣ,

---

*) Въ послѣдніе годы Ибсенъ, какъ извѣстно, постоянно проживаетъ въ Христіаніи.

устроилъ у себя маленькій пиръ, на которомъ присутствовала и Камилла Коллетъ, удостоившаяся въ качествѣ сестры и какъ бы представительницы Вергеланда особыхъ овацій.

Всѣ мы были въ самомъ патріотическомъ настроеніи. Еще бы! 17 мая *) и чествованіе Вергеланда! Самое счастливое совпаденіе!

Ибсенъ всталъ съ бокаломъ въ рукахъ и произнесъ рѣчь. Вступленіе было шутливое. Онъ разсказалъ, что сегодня измѣнилъ своей обычной прогулкѣ и отправился къ дому шведско-норвежскаго посланника посмотрѣть: поднятъ ли флагъ. Разумѣется, нѣтъ. Гдѣ же имъ вспомнить, что сегодня у норвежцевъ двойной праздникъ! Затѣмъ, Ибсенъ коснулся политическаго положенія родины и закончилъ рѣчь такими словами: «Норвегія обладаетъ девяносто девятью вольностями, но не свободой! А, главное-то, милостивые государыни и государи, свобода, одна свобода!»

Свобода для Ибсена то же, что воздухъ. Но понимаетъ онъ ее не столько въ смыслѣ гражданской, сколько личной. Что толку, въ самомъ дѣлѣ, обладать правомъ голоса, если не выработалъ себѣ свободы личности?

Свобода для Ибсена манящій идеалъ, развѣвающееся на недоступной вершинѣ знамя. Для него главную цѣнность имѣетъ стремленіе къ свободѣ, развивающее всѣ наши силы куда больше, нежели самое обладаніе ею.

Къ священникамъ, и католическимъ и протестантскимъ, Ибсенъ всегда относился съ большимъ почтеніемъ и кланялся имъ при встрѣчахъ. Сколько разъ приходилось мнѣ видѣть въ Мюнхенѣ, какъ Ибсенъ, и не подозрѣвавшій, что его кто-нибудь видитъ, снималъ шляпу и отдавалъ глубокій поклонъ первому встрѣчному духовному лицу, которое торопливо и смущенно отвѣчало на это почтительное привѣтствіе.

Въ отелѣ въ Берхтесгаденѣ проживалъ какой-то очень несимпатичный на видъ старикъ, который каждый вечеръ перебивалъ у Ибсена нѣмецкую газету, отложенную для него хозяиномъ отеля. Ибсенъ, какъ и слѣдовало ожидать, очень сердился на это. Но вотъ одна изъ дочерей хозяина сказала ему, что старикъ этотъ—пасторъ, и положеніе разомъ измѣнилось. Въ первый же вечеръ Ибсенъ самъ подошелъ къ пастору и съ вѣжливымъ поклономъ вручилъ ему газету первому.

Это почтительное отношеніе къ священникамъ, вѣроятно, надо приписать глубоко засѣвшимъ въ его душѣ впечатлѣніямъ дѣтства, проведеннаго въ строго-піетическомъ городкѣ.

Ибсенъ хорошій хозяинъ и бережливый человѣкъ. Зато онъ и является единственнымъ изъ нашихъ писателей, которому удалось своими трудами составить себѣ, по нашимъ условіямъ, значительное состояніе.

---

*) 17-го мая—день объявленія политической независимости Норвегіи.

Примпч. перевод.

Разъ я засталъ Ибсена за сведеніемъ счетовъ. На столѣ передъ нимъ лежала большая счетоводная книга.

Я извинился, что помѣшалъ, но онъ отвѣтилъ, что, напротивъ, я пришелъ очень кстати.

— Вы служили въ Бергенѣ въ конторѣ и вѣрно знаете бухгалтерію! Будьте же добры сказать мнѣ, такъ ли я веду книгу, чтобы въ случаѣ моей смерти сразу можно было опредѣлить, какъ велико мое имущество.

Онъ пододвинулъ ко мнѣ книгу. Я пробѣжалъ ее и не могъ не подивиться дѣловитости и практической сметкѣ Ибсена, столь рѣдко встрѣчающимся у писателей.

Разумѣется, книга была ведена не по итальянской системѣ, которую я изучалъ на родинѣ, но по собственной системѣ Ибсена, настолько, однако, простой и ясной, что мнѣ довольно было мелькомъ пробѣжать книгу, чтобы опредѣлить сумму имущества Ибсена въ то время.

Читалъ Ибсенъ крайне мало. Съ новѣйшими произведеніями изящной словесности и философской мысли онъ знакомился больше изъ бесѣдъ съ другими, нежели путемъ личнаго изученія.

И даже удивительно, что онъ могъ такъ слѣдить за вѣкомъ. Мало того слѣдить, — онъ имѣлъ чисто даръ ясновидѣнія, позволявшій ему предугадывать надвигавшіяся великія событія.

Георгъ Брандесъ разсказываетъ напр., что Ибсенъ, тотчасъ по окончаніи франко-прусской войны, предсказывалъ возникновеніе парижской коммуны.

Всего два раза за мое долгое знакомство съ Ибсеномъ я заставалъ его углубившимся въ книгу.

«Что бы это могла быть за книга?» подумалъ я съ любопытствомъ. Книга была необычайно толстая и большая, такъ что ее не трудно было узнать въ другой разъ. Однажды я и увидалъ ее на столѣ въ комнатѣ Ибсена и позволилъ себѣ заглянуть въ нее. Это оказалась «Святая земля» Фольсрата Фогта съ краткимъ, но многоговорящимъ предисловіемъ: «Я писалъ эту книгу 15 лѣтъ».

Какъ характеризуетъ Ибсена этотъ выборъ чтенія! Лишь книга о странѣ, гдѣ родился Спаситель міра, гдѣ въ воздухѣ витаютъ видѣнія пророковъ и апостоловъ, и могла приковать, сосредоточить на себѣ эту глубокую, религіозную, ищущую истины натуру...

П. Ганзенъ.

РАЗНЫМИ ПУТЯМИ.

Разсказъ Элизы Ожешко.

Переводъ съ польскаго М. Троповской.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ сестра Клара опредѣлила жизнь свою двумя словами—молитва и милосердіе, изгнала мечты о себѣ и счастьи и всецѣло ушла въ мысли о Богѣ и самопожертвованіи.

Много лѣтъ прошло, какъ съ нивы жизни она не срывала иныхъ цвѣтовъ, кромѣ тѣхъ развѣ довольныхъ улыбокъ, что подъ ея рукой и взглядомъ расцвѣтали на лицахъ страждущихъ въ больничныхъ палатахъ, да того мистическаго небеснаго благоуханія, которымъ обвѣвала ее глубокая тишь высокихъ часовенъ и монастырской кельи. Отъ трудовъ и безсонницъ похудѣвшее лицо ея уже успѣло покрыться такой прозрачной блѣдностью, что подъ высокимъ чепцомъ оно выглядѣло точно нѣжный кружокъ причастія. Память ея была переполнена воспоминаніями о всевозможныхъ людскихъ страданіяхъ и жертвахъ, но никогда еще, никогда такъ не была потрясена вся ея душа и такъ сильно напряжена вся ея воля, какъ въ этотъ день. Когда она съ сопутствовавшей ей сестрой Бенигной, шла по гладкому тротуару, улицы большого города кипѣли обычнымъ шумомъ и суетней послѣобѣденной поры. Среди грохота безконечныхъ экипажей, среди мелькавшихъ вокругъ разноцвѣтныхъ одеждъ, блестящихъ взглядовъ, смѣющихся лицъ, сестра Клара шла тихимъ, быстрымъ шагомъ, а сердце ея сжималось тревогой и въ головѣ неустанно двигались мысли о томъ, что случилось съ ней въ минувшую ночь и что должно произойти сейчасъ.

Въ воображеніи ея вставало еще молодое, но страшно исхудалое, женское лицо; всю минувшую ночь голова эта, покрытая цѣлымъ лѣсомъ черныхъ волосъ, какъ мрачная туча, обрамлявшихъ ее, металась по подушкѣ больничной койки; безкровныя, блѣдныя руки съ изсохшими пальцами, протягивались къ ней и уста, прекрасныхъ очертаній которыхъ не въ силахъ были исказить даже предсмертныя муки, хрипло шептали:

— Иди къ нему, сестра, иди къ нему! Проси его, чтобъ простилъ, чтобъ сказалъ тебѣ, что прощаетъ, вѣдь онъ такъ много выстрадалъ...

Я понимаю теперь, сколько онъ долженъ былъ страдать, когда я сама... О, Боже, но вѣдь я не только о прощеніи хочу молить его... Сестра, сестра, ты, можетъ быть, ужаснешься, когда я скажу тебѣ, о чемъ хочу просить... О, это неслыханно, это чудовищно—такъ провиниться и осмѣлиться еще на такую просьбу... но у меня нѣтъ другого исхода... я не могу умереть съ этой ужасной тревогой за нее, не могу... попытаюсь... можетъ, изъ состраданія... Иди, сестра, проси его, скажи, вѣдь она ни въ чемъ не виновата, эта прелестная, бѣдная малютка... Ты видѣла ее вчера? Правда, ангелъ? Бѣдный, жалкій червячокъ, котораго каждый сможетъ растоптать... Но нѣтъ, ты не знаешь, сестра! Ты не можешь понять, чего я хочу отъ тебя... отъ него! Наклонись ко мнѣ, послушай... Я уже все сказала на исповѣди, ксендзъ отпустилъ мнѣ... теперь послушай ты, сестра, послушай, чтобы ты знала, какъ Господь караетъ...

Она залилась слезами, и сквозь рыданія докончила:

— И что ему сказать... какъ его просить...

Мертвенно блѣдныя руки съ такою силой потянули ее за платье, что она должна была упасть на колѣни передъ кроватью. И часто она должна была наклоняться ближе къ больной, чтобы разслышать, что она говорила. Въ палатѣ уже догорала ночная лампа, сонъ давно смежилъ глаза даже тѣмъ, которыя выносили ужаснѣйшія страданія, въ окна забрезжилъ разсвѣтъ, и крупныя капли пота выступили на лбу сестры Клары, а больная все еще говорила, все разсказывала, горько жаловалась на судьбу свою, на людей, на самое себя, все больше и больше теряя сознаніе, все больше и больше ослабѣвая и путаясь, порою заливаясь горючими слезами, порою разражаясь ужасными проклятіями на жизнь, на свое сердце, на того человѣка, который сманилъ ее призракомъ безмѣрнаго счастья, а потомъ покинулъ, ввергнувъ въ бездну отчаянія. Но что бы и какъ бы она ни говорила, все время, точно колючій терній, уколомъ въ сердце напоминавшій о себѣ, съ устъ ея то и дѣло срывалось слово: «она»! И вновь сквозь горючія слезы, сквозь обдававшее жаромъ дыханіе лились ея молящія рѣчи:

— Пойди къ нему! проси! ты служительница Христа, Христосъ приказалъ спасать погибающихъ... скажи ему, что Христосъ велѣлъ прощать... что Онъ простилъ грѣшницѣ... что Онъ любилъ дѣтей... Пусть онъ сжалится надъ бѣдной малюткой, пусть подыметъ ее съ земли... чтобы ее не раздавили... Онъ можетъ это сдѣлать... если только захочетъ! Онъ такъ богатъ! Я видѣла его издали... какой онъ сильный, здоровый, люди кланяются ему... кланяются со всѣхъ сторонъ... на немъ ничего не видно, ни признака страданія... А я! О, Боже! Но что я! обо мнѣ нечего говорить! Для меня все прошло... все кончено...

Она снова расплакалась.

— Но она, она, моя звѣздочка золотая! Пойди къ нему, сестра.

О ней говори ему... за нее проси! Скажи ему, какая я несчастная и какая она бѣдная, прелестная, невинная малютка...

И вотъ, на исходѣ майскаго дня, когда большой городъ кипѣлъ сутолокой жизни, а вокругъ въ садахъ цвѣли и благоухали акаціи, и отъ зарева заката на бѣлоснѣжный чепецъ ея отъ времени до времени ложились свѣтлыя розовыя полоски, она шла къ нему. Рядомъ съ нею, молча и по временамъ лишь пытливо подымая на нее свои добрые глаза, шла мелкими шажками сестра Бенигна. Но тонкія губы сестры Клары были крѣпко сжаты. Она не могла выдать чужой тайны, она должна была одна, собственными силами, поднять на себя крестъ долга и милосердія.

Да, это былъ крестъ. При мысли, чей порогъ ей нужно переступить, съ кѣмъ она будетъ говорить, всю ее охватывала тревога, стыдъ, и какое-то особенное отвращеніе, съ которымъ она напрасно пыталась бороться, не въ силахъ побороть его въ себѣ. Она знала, что не должна никого ни порицать, ни осуждать, и силилась побороть въ себѣ это чувство отвращенія, которое тѣмъ не менѣе таилось въ душѣ ея и смущало ея покой, словно нѣчто грѣховное. Призваніе ея и обязанности, которыя ей приходилось исполнять, часто вводили ее въ сношенія съ различными людьми, и имя этого человѣка, извѣстнаго своимъ талантомъ, умомъ и энергіей, и прежде нѣсколько разъ приходилось ей слышать. Она ничего не слышала о немъ дурного, но знала, что человѣкъ этотъ живетъ, погруженный въ ту духовную смуту, въ ту густую мглу, которая теперь заслонила собою небо отъ людей. И, навѣрное, онъ принадлежитъ къ тѣмъ, которые дерзновенными мыслями или жизнью, посвященной удовлетворенію эгоизма и наслажденіямъ, еще увеличиваютъ эту смуту и дѣлаютъ еще гуще, еще мрачнѣе эту страшную мглу.

Умъ! талантъ! Но неужели же они всегда бываютъ людямъ только свѣточами, чтобы они не сбивались съ путей истины, предначертанныхъ премудростью и волей Божіей? Вѣдь такъ часто они бываютъ— и можетъ и у него такъ—тѣми искрами, что зажигаютъ въ душѣ мятежныя думы и сомнѣнія. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, онъ одинъ изъ тѣхъ людей свѣта, у которыхъ жизнь уходитъ, съ одной стороны, на трудъ, доставляющій имъ богатство и славу, съ другой—на наслажденія, которыми свѣтъ кормитъ чувства и праздную суетность баловней своихъ и судьбы. Она слыхала, что онъ живетъ въ роскоши, окруженный тѣмъ блескомъ, который ласкаетъ чувственность и приводитъ къ обоготворенію матеріи и ея произведеній. Вѣчно вращаясь въ кругу суетныхъ земныхъ интересовъ, въ вѣчной погонѣ за удовлетвореніемъ потребностей тѣла, шумъ, толпа, людскія похвалы—вотъ та атмосфера, которой дышитъ, вотъ та пища, которой живетъ эта душа—и, какъ она, должно быть, самодовольна и горда! Счастливецъ, гордецъ, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ, которымъ везетъ въ ихъ отношеніяхъ къ людямъ... но къ Богу? «Горе вамъ, богачи, ибо есть уже вамъ утѣшеніе ваше!» Впрочемъ, суди его Богъ...

Но одно кажется сестрѣ Кларѣ вполнѣ несомнѣннымъ,—еще нѣсколько минутъ—и онъ, и она встрѣтятся, какъ ни разны ихъ дороги, разныя настолько, какъ если бы онѣ были не на одной планетѣ. Дороги эти до того не похожи одна на другую, что между тѣми, которыя идутъ по нимъ, должна существовать цѣлая пропасть. Она, смиренная монахиня, не владѣющая совсѣмъ свѣтскимъ языкомъ, какъ станетъ она говорить съ этимъ человѣкомъ, которому «со всѣхъ сторонъ кланяются люди», рѣчь котораго, навѣрное, умѣетъ ловко служить изворотливой мысли!

И говоря лишь во имя Бога, сумѣетъ ли она убѣдить того, кто, можетъ, въ Бога и не вѣруетъ? Чтобы достигнуть желанной цѣли, успокоить умирающую и спасти отъ гибели невинное дитя, она готова заговорить даже на языкѣ того свѣта, къ которому онъ принадлежитъ, но гдѣ ей! она не сумѣетъ, она забыла его, да и не увѣрена, годится-ли святыя, строгія мысли о милосердіи кутать въ затѣйливые свѣтскіе покровы? Какъ же сумѣютъ понять другъ друга, какъ сумѣютъ сойтись у пылающаго жертвеннаго алтаря—они, идущіе такими разными путями.

Однако, вѣдь и ему пришлось узнать, что такое несчастье, и его, наказуя или предостерегая, коснулся перстъ Божій. Но сильно ли подѣйствовало на него это прикосновеніе?—едва ли. Кто привыкъ лишь скользить по поверхности жизни, того лишь вскользь задѣваютъ и удары жизни. Кто не заглядываетъ въ глубину души, къ тому въ ея глубь ничто и не проникаетъ. Если даже этотъ роковой случай и нанесъ ему рану, то она, навѣрное, давно уже зажила подъ дѣйствіемъ цѣлительнаго бальзама изъ пріятнаго препровожденія времени, интересныхъ путешествій, красивой обстановки—кто знаетъ?—быть можетъ, изъ тѣхъ же чувствъ, которыя такъ легкомысленно растоптала эта несчастная и которыя другая, быть можетъ, сумѣла оживить—онъ, вѣдь, хлопоталъ о разводѣ...

Сестра Клара слыхала объ этомъ и думала теперь, что, забывъ все зло, причиненное имъ одной, онъ хочетъ вести къ алтарю другую. Да, зло: сестра Клара никакъ не можетъ избавиться отъ мысли, что проступокъ этой женщины долженъ лежать тяжелымъ пятномъ не только на ея, но и на его совѣсти. Она была такъ молода! Онъ былъ старше, у него было больше опытности, знанія жизни,—почему же онъ не понялъ, не угадалъ, не уберегъ ее во-время? Быть можетъ, высокомѣріемъ своимъ и безвѣріемъ онъ отравилъ ея душу, своимъ примѣромъ, въ погонѣ за свѣтскими наслажденіями самъ толкнулъ ее на путь соблазна! О, еслибъ онъ захотѣлъ понять, признать, насколько самъ онъ тутъ виноватъ. Быть можетъ, онъ простилъ бы тогда умирающую и исполнилъ ея просьбу. Но едва ли, едва ли можно предположить, чтобы это было возможно. «Развѣ собираютъ съ терновника винныя ягоды или фиги съ волчца?»

Высокомѣріе ослѣпляетъ человѣка. Мірскія наслажденія—туманъ, который застилаетъ предъ человѣкомъ пятна на его душѣ. Однимъ лишь смиреннымъ и добрымъ Богъ даетъ благо извлекать изъ глубины совѣсти перлы раскаянія. Однако, милость Божія можетъ проявиться всегда и повсюду, и вотъ ее-то призываетъ на помощь сестра Клара, поднимаясь по роскошной лѣстницѣ богатаго дома. Сама она не въ силахъ что-нибудь сдѣлать. «Ни одного волоса на головѣ не можешь ты сдѣлать бѣлымъ или чернымъ». И она горячо молится, моля Господа ниспослать ей свѣтъ и вдохновеніе; молитва и сознаніе долга возбуждаютъ въ ней смѣлость. И твердо, хоть нѣжно, нажимаетъ она пальцемъ пуговку звонка у дверей, на которыхъ глаза ея машинально читаютъ: «Чеславъ Занимирскій».

Черезъ открытыя двери кабинета видна столовая, съ тяжелымъ столомъ посрединѣ и свѣшивающимися надъ ними большими, старинными канделябрами. У стѣны—тяжелый, роскошный шкафъ, покрытый тонкой изящной рѣзьбой. На темныхъ стѣнахъ выдѣляются старинныя фаянсовыя издѣлія, вывезенныя изъ Голландіи, съ рисункомъ, на которомъ изображены какія-то фантастическія животныя и растенія.

Въ другомъ мѣстѣ стѣна прорѣзана длинной полосою темнаго дерева: это часы, запертые въ старинномъ, высокомъ футлярѣ, до того высокомъ, что большой, постарѣвшій, украшенный полинявшими розами, циферблатъ ихъ чуть ли не изъ-подъ самаго потолка глядитъ на комнату, роскошь которой скрыта подъ строгимъ покровомъ темныхъ красокъ и тяжелыхъ формъ. Въ кабинетѣ то же. Отъ библіотечнаго шкафа, который, съ своими изящными колоннами, зеркальными стеклами и длинными рядами книгъ, почти цѣликомъ закрываетъ одну изъ стѣнъ, отъ большихъ бюстовъ двухъ великихъ поэтовъ, отъ развѣшанныхъ по стѣнамъ старыхъ гравюръ и оригинальныхъ эскизовъ, рисованныхъ рукою художника, отъ большого письменнаго стола заваленнаго множествомъ бумагъ, отъ полинявшаго гобелена, который нѣжными тѣнями и туманными очертаніями, словно легкой мечтой, заполнилъ уголъ комнаты, отъ всего этого вѣетъ особенной атмосферой, чѣмъ-то такимъ, чего сестра Клара сразу не умѣетъ еще уловить и опредѣлить.

Слуга ввелъ ее сюда и любезно попросилъ немного подождать.

Спутница ея осталась въ смежной комнатѣ, а она, войдя въ кабинетъ, который сразу назвала мысленно рабочей комнатой, сѣла на первомъ попавшемся стулѣ и, въ ожиданіи хозяина, въ ожиданіи разговора, который предстоитъ ей вести съ нимъ наединѣ, озирается вокругъ и раздумываетъ.

Она испытываетъ чувство неяснаго изумленія. Она совсѣмъ иначе представляла себѣ это мѣсто. Правда, она много объ этомъ не думала, но все же въ воображеніе ей невольно представлялись блестящій ме-

таллъ, яркія краски драгоцѣнныхъ матерій, позолота, атласъ, пуховыя подушки, картины, отъ которыхъ ей придется отводить свои взоры. Между тѣмъ, тутъ нѣсколько даже темно оттого, что обстановка темная, да за окнами нависла зеленая завѣса деревьевъ большого сада. И чисто такъ.

Неудивительно. Нельзя было даже предполагать, чтобы въ квартирѣ богатаго человѣка было пыльно и грязно. Но не объ этой естественной чистотѣ думаетъ и не ее такъ особенно чувствуетъ сестра Клара. Это нѣчто болѣе утонченное, вѣющее отъ той тишины, что царитъ тутъ, отъ зелени за окнами, отъ отсутствія бездѣлушекъ, пуха и того безпорядка, въ которомъ обыкновенно сказывается неряшливость и неопрятность. Пятна могутъ не только лежать на мебели, но и носиться въ воздухѣ. Тутъ никакихъ не чувствуется пятенъ. Очень, очень чисто. Притомъ, ничто не блеститъ, не кричитъ, не кидается въ глаза съ нахальствомъ богатства, которое само по себѣ составляетъ цѣль и наслажденіе. Никакихъ неровностей, капризовъ, противорѣчій. Какъ музыкальные звуки для уха, такъ эти искусно подобранныя линіи сливаются для глаза въ согласный аккордъ, нѣсколько суровый, правда, но за то, тѣмъ болѣе глубокій. Сестра Клара не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что испытываетъ, но ей кажется, что это впечатлѣніе чего-то очень стройнаго и гармоничнаго.

Прошла долгая, долгая минута, прежде чѣмъ въ головѣ у ней сложилась мысль: «Какъ красиво!»

Ей не знакомы были ни названія, ни исторія, ни цѣнность окружающихъ предметовъ, но въ душѣ ея отозвался тотъ аккордъ красоты, которымъ они звучали. Притомъ, это былъ такой аккордъ, который она могла слушать безъ смущенія: въ этихъ вещахъ, хотя, правда, матеріальныхъ, таился, все вокругъ наполняя собою, элементъ чего-то тонкаго, духовнаго, словно молитва, либо таинственная тихая пѣсня. И, сидя у двери, на краю кресла, сестра Клара задумчиво прошептала:

— Какъ красиво!

Въ глубинѣ души ея, смиренно притаившись, горѣла искра поэзіи; да и развѣ безъ этой искры могла она стать тѣмъ, чѣмъ была, сестрой милосердія, отдаться этой поэзіи дѣла? И вглядываясь въ уголъ комнаты, полный туманныхъ красокъ и очертаній стараго гобелена, она подумала, съ легкой улыбкой на блѣдныхъ губахъ:

— Какъ мимолетный сонъ!

Тихо. Въ квартиру, черезъ большой дворъ и садъ, слабо доносится отдаленный городской гулъ, еще усиливая, по закону контраста, царящую здѣсь тишину. За то съ ней смѣшивается шумъ мужскихъ голосовъ, доходящій сюда изъ-за нѣсколькихъ закрытыхъ дверей. Судя по тону этихъ голосовъ, можно догадаться, что это какое-то совѣщаніе, гдѣ различныя мнѣнія скрещиваются и порою борются другъ съ другомъ. Вотъ одинъ изъ говорившихъ нѣсколько возвысилъ голосъ, и изъ-за стѣнъ въ тиши кабинета глухо донеслись слова:

— Если мы хотимъ достигнуть цѣли...

Дальнѣйшія слова потонули въ шумѣ отдаленнаго говора.

Взглядъ сестры Клары остановился на одномъ изъ предметовъ, украшавшихъ край большого письменнаго стола. Это былъ кустикъ вереска въ майоликовомъ горшкѣ, продуктъ тепличной культивировки въ эту большую городскую квартиру онъ вносилъ воспоминаніе о лѣсномъ уединеніи, о желтыхъ пескахъ, что тянутся по краямъ лѣсовъ.

Въ эту минуту изъ-за стѣнъ, изъ глубины квартиры, въ зеленый полумракъ, откидываемый растущими за окномъ деревьями, вновь ворвались громко выговоренныя кѣмъ-то слова:

— Это нѣчто невѣроятное...

И въ тотъ же мигъ другой какой-то голосъ произнесъ:

— Это наша обязанность!..

Потомъ кто-то началъ громко читать, въ комнату доносятся неясные звуки этого чтенія и, словно вслушиваясь въ нихъ, задумчиво глядятъ въ пространство своими мертвыми глазами бюсты великихъ поэтовъ. Еще нѣсколько минутъ, и чтеніе умолкаетъ; вмѣсто него раздается сразу нѣсколько голосовъ:

— Браво! браво! Это правда! правда!

Это тамъ, за стѣнами, кто-то торжествуетъ побѣду своей мысли. Въ зеленоватомъ полумракѣ кабинета разливается улыбка лиловыхъ лѣсныхъ цвѣточковъ, старый гобеленъ въ углу комнаты становится еще туманнѣе, словно улетающая сонная греза, изъ-за запертыхъ дверей доносится шумъ мужскихъ шаговъ. Все ближе и ближе голоса, и слова слышатся все яснѣе:

— Вы насъ вполнѣ убѣдили...

— Самое главное, это средства...

— И соотвѣтственныя силы!..

— Когда же опять собраніе?

— Не надо бы медлить!..

— Откладывать, такъ и улетитъ...

Они остановились въ смежной комнатѣ; среди общаго гула голосовъ можно различить порою числа, цифры, фамиліи. Вотъ они идутъ опять, дверь раскрывается, и черезъ кабинетъ проходятъ нѣсколько человѣкъ различнаго роста и возраста. У всѣхъ очень оживленныя лица. При видѣ сестры милосердія, всѣ одновременно отдаютъ ей глубоко-почтительный поклонъ, не выражая при этомъ ни малѣйшаго изумленія: вѣдь всѣ эти люди принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые на свѣтѣ видятъ такъ много, что почти ничто ихъ уже удивить не можетъ.

Въ передней еще слышны ихъ голоса, а сестра Клара, между тѣмъ, смотритъ черезъ дверь, которую они за собою не заперли, въ глубь большой залы, и вновь чѣмъ-то нежданнымъ вѣетъ на нее оттуда.

Въ глубинѣ залы, стѣны увѣшаны большими и малыми рамками, въ

нихъ разныя изображенія, лица, наряды. Это коллекція портретовъ, миніатюръ, эмалей. Посрединѣ, на самой большой картинѣ, изображенъ чудно-прекрасный рыцарь, вмѣстѣ съ конемъ, на которомъ сидитъ, и войскомъ, надъ которымъ начальствуетъ, онъ кидается въ пѣнистыя волны Эльстеры. Надъ этой драматической сценой лицо какого-то короля, изъ-подъ напудреннаго парика, глядитъ съ безцвѣтной улыбкой безцвѣтнаго существа, не умѣющаго чувствовать драматизма.

На миніатюрахъ издали мелькаютъ наряды прадѣдовъ и прабабокъ со стоящаго въ сторонкѣ столика грозно глядитъ бѣлый воинъ изъ саксонскаго фарфора... и на сестру Клару отъ всего этого вѣетъ ароматомъ чего-то давно знакомаго, не забытаго, близкаго и дорогого. Особенно отъ этого блѣднаго рыцаря, что бросается въ рѣку, вѣетъ на нее воспоминаніемъ дѣтства и первыхъ лѣтъ молодости. Точно такая же картина, только меньшихъ размѣровъ, была въ той деревенской усадьбѣ, подъ кровлей которой она впервые увидѣла свѣтъ; она помнитъ ее съ той поры, какъ стала различать этимъ свѣтомъ облитые предметы, она напоминаетъ ей глаза отца, что такъ часто глядѣли на эту картину, руки матери, что такъ часто ее подносили къ ней.

Можетъ ли это быть, чтобы здѣсь, въ этой квартирѣ, въ ней загорѣлись тѣ же чувства, такія родныя, дорогія, чистыя, самимъ Господомъ заповѣданныя, вызванныя воспоминаніями объ отцѣ, о матери? Вотъ какъ и эти цвѣтки на столѣ! Вѣдь въ первой молодости своей какъ любила она этотъ скромный вересъ, что лиловой туманной пеленой застилалъ лѣсной мохъ и пески подъ лѣсомъ! О, еслибъ могла она теперь сорвать нѣсколько вѣточекъ и унести ихъ къ той несчастной, ради которой она пришла сюда, и обвѣявъ ихъ свѣжестью ея бѣдные глаза, запекшіеся отъ жара и слезъ, вложить ихъ въ ея мертвенно-блѣдныя руки, какъ явный знакъ прощенія!

Взглядъ ея отъ случайно попавшаго сюда лѣсного растеньица отрываетъ блѣдный рыцарь на большой картинѣ, а потомъ бюстъ поэта, мраморныя очи котораго глядятъ чрезъ открытыя двери на лицо героя.

Когда Занимирскій, съ выраженіемъ вопроса во взглядѣ, съ глубокимъ поклономъ остановился предъ монахиней, ей почудилось, что отъ теплаго, пріятнаго сна ее пробуждаетъ холодная, тяжелая дѣйствительность.

Да, вотъ такимъ именно, совершенно такимъ представляла она его себѣ: довольный собой и всѣмъ свѣтомъ, весь поглощенный интересами свѣта, съ ногъ до головы запечатлѣнный свѣтской изысканностью и самоувѣренностью. Онъ былъ средняго роста, лобъ у него былъ гладкій, какъ у молодого человѣка, смѣлый и открытый, темные глаза блестѣли и дышали проницательностью, губы не могли сдержать радостной улыбки: онъ весь былъ, видно, до того полонъ радостью, что она

такъ и изливалась наружу. Тонкія, правильныя черты лица закруглялись внизу подъ коротко остриженной бородкой, что придавало всему лицу видъ довольства и физическаго здоровья. Въ воображеніи сестры Клары невольно встала худая, изможденная женщина, преждевременно умирающая, отъ физическихъ и душевныхъ страданій, на больничной койкѣ. Какая разница! Изъ двухъ человѣкъ, которые вмѣстѣ начинали жизнь, теперь, на полпути ея, одинъ—такой раздавленный, разбитый, другой—такой цвѣтущій! Изъ двухъ виновниковъ... вѣдь, несомнѣнно, часть вины падаетъ и на него, да только онъ, торжествующій, радостный, счастливый, не чувствуетъ этой невидимой тяжести...

Лицо Занимирскаго, дѣйствительно, сіяло радостью. Притомъ, онъ былъ, очевидно, очень занятъ: по несдерживаемой напряженности мысли, которой полны были его глаза, по торопливости, съ какой онъ разбрасывалъ на столѣ кучи бумагъ и что-то быстро записывалъ карандашемъ на листочкѣ бумаги, можно было угадать, что множество мыслей роится у него въ головѣ и множество занятій ждетъ его. Наконецъ, онъ повернулся къ посѣтительницѣ и любезнымъ жестомъ указалъ ей на одно изъ креселъ, стоявшихъ у письменнаго стола одно противъ другого. Эта бѣлая рука, этотъ изящный жестъ снова вызвали въ памяти сестры Клары тѣ блѣдныя руки, на которыя такъ долго смотрѣла она въ эту ночь. Да поможетъ ей Богъ! Она должна говорить съ этимъ человѣкомъ, такъ ужасно непохожимъ ни на нее, ни на ту несчастную,—во имя Бога!

— Я слушаю, сестра. Чѣмъ могу служить?

Тонкія губы сестры Клары не дрожали, когда она произносила эти слова:

— Я прихожу къ вамъ отъ смертнаго ложа той, которой предъ алтаремъ вы поклялись въ любви и вѣрности до смерти. Ради любви ко Христу и повиновенія Его велѣніямъ, я прихожу къ вамъ, чтобы передать вамъ послѣднія слова и просьбу вашей жены, Лауры Занимирской, умирающей въ нашей больницѣ.

Голосъ ея звучалъ смѣлостью человѣка, который, зная, что онъ говоритъ во имя высшаго принципа, не боится ничего. Она была подготовлена къ тому, чтобы услышать крикъ ненависти, увидѣть выраженіе презрѣнія, даже къ рѣзкому, грубому жесту или слову. Противъ подобныхъ, какъ можно было предвидѣть, выходокъ оскорбленнаго и притомъ, навѣрное, упорнаго и злопамятнаго, человѣка, у нея въ запасѣ была цѣлая масса убѣдительныхъ, кроткихъ, какъ Христова заповѣдь, рѣчей, а въ случаѣ надобности, и громящихъ во имя Христа. Но она никакъ не предвидѣла, никакъ не ожидала именно того, что произошло. Можно было бы подумать, что слова, произнесенныя ею, подѣйствовали на Занимирскаго, какъ тотъ громъ, который, падая вблизи человѣка, не убиваетъ его, но отнимаетъ у него слухъ и языкъ.

Онъ выглядѣлъ, точно оглушенный и онѣмѣлый. Кожа на лицѣ и

мускулы стали вдругъ нервно, судорожно подергиваться, стягиваться, все лицо, и на лбу, и на щекахъ, около глазъ и губъ, покрылось глубокими морщинами, исказившими его болѣзненнымъ страданіемъ. Спина его сгорбилась, пальцы, державшіеся за ручку кресла, словно окаменѣли, широко раскрытые глаза загорѣлись искрами ужаса.

— Лаура... умираетъ... въ больницѣ!—сдавленнымъ шопотомъ вырвалось у него.

Послѣ этихъ словъ въ комнатѣ наступила тишина, и лишь рѣзкое, прерывистое чириканье воробьевъ за окнами нарушало ее.

Но не даромъ Чеславъ Занимирскій былъ извѣстенъ своей энергіей, которая давала ему власть надъ многими дѣлами и умами. И теперь онъ сумѣлъ вернуть къ себѣ все самообладаніе. Онъ выпрямился, придалъ лицу спокойный видъ, и только глубокія морщины, точно вырѣзанныя суровымъ, жестокимъ рѣзцомъ, не сходили съ лица.

— Какъ это случилось? Откуда она пріѣхала сюда? Отъ чего она умираетъ? Почему... въ больницѣ? Что случилось такое? Неужели ее покинулъ...

Слова застряли, было, у него въ горлѣ, но онъ заставилъ себя докончить:

— Тотъ, ради котораго она меня..., который взялъ на себя отвѣтственность... страшную? Неужели... неужели...

— Да,—отвѣтила сестра Клара.

Руки Занимирскаго бѣлыя, изящныя руки, сжались такъ сильно, что можно было ихъ принять за символъ страданія, которое порою сжимаетъ сердце, точно желѣзными клещами.

— Да! такъ вотъ какъ!—протяжно произнесъ онъ, и голова его низко упала на руки.

И вновь среди глубокой тишины слышалось лишь рѣзкое прерывистое чириканье воробьевъ. Сестра Клара неподвижно сидѣла на креслѣ, и глаза ея, голубые, какъ небо, съ неземнымъ выраженіемъ ангельскаго состраданія къ человѣческому горю, глядѣли на поникшую голову Занимирскаго.

— Я предвидѣлъ это и старался сдѣлать все возможное, чтобы вернуть ей свободу и дать ей возможность законнаго брака.

— Вы потому?—воскликнула сестра Клара.—Вы съ этой цѣлью?

— А съ какою же?—спросилъ онъ, поднимая на нее удивленные глаза.

— Можно было предполагать, что...

— Что для себя?

По чуть дрожавшимъ губамъ его скользнула ироническая усмѣшка.

— Нѣтъ, сестра,—тихо и медленно заговорилъ онъ,—весна возвращается съ каждымъ годомъ, но когда разбивается человѣческое счастье, то самое ужасное въ этомъ то, что вѣра въ возможность его уже никогда, никогда не можетъ вернуться. Разъ чувства исчезаютъ,

какъ тѣни, крошатся, какъ глина, гніютъ, какъ тлѣнъ такъ, зачѣмъ же?... Да я узналъ, узналъ, какъ хрупки зданія, что человѣкъ воздвигаетъ на кажущемся ему прочнымъ фундаментѣ чувствъ человѣческихъ, и я хотѣлъ, насколько возможно, спасти отъ разрушенія то, что она себѣ воздвигла, хотя...

Онъ съ разочарованіемъ махнулъ рукою.

— Хотя я зналъ, что и это была лишь жалкая лачужка, которую вихрь увлеченія выстроилъ изъ бренной земли... «Развѣ можно съ терновника собрать винныя ягоды»?...

— Развѣ когда слѣпецъ ведетъ слѣпца, не падаютъ они оба въ яму?—потупивъ глаза, прошептала монахиня.—Такъ вы заботились о ея будущемъ?—тихо спросила она.

— И о ея душѣ тоже,—отвѣтилъ онъ.

— О... душѣ!—воскликнула сестра Клара.

Занимирскій бросилъ на нее взглядъ, полный глубокой грусти и кротости, и заговорилъ:

— Да развѣ я не зналъ этой женщины чистымъ, свѣтлымъ, лучезарнымъ существомъ... чуднымъ, свѣжимъ, еще не распустившимся цвѣткомъ?... О, сестра! Можетъ ли быть на свѣтѣ что-нибудь больнѣе, когда видишь, что душа, которую ты полюбилъ во всемъ ея лучезарномъ свѣтѣ, гаснетъ! Вѣдь это словно солнце гаснетъ. Я жаждалъ спасти ея судьбу и блескъ ея души. Но она исчезла... Пять лѣтъ не зналъ я, гдѣ она и что съ нею. Безъ нея же я ничего не могъ сдѣлать. Свершилось! Я ничего не успѣлъ предупредить, не успѣлъ остановить хода трагедіи. Не отклонилъ отъ него карающаго удара, который палъ на нее одну за ея вину... и мою!

— И вашу?!

Въ этомъ вопросѣ было столько изумленія, это признаніе въ его винѣ было до того неожиданно для сестры Клары, что Занимирскій снова поднялъ на нее удивленные глаза, и снова ироническая усмѣшка пробѣжала по его губамъ.

— Вы принимаете меня, сестра, за человѣка, который никогда не заглядываетъ въ глубь своей души. На поверхности совѣсти, въ ея мелкихъ складкахъ, ложатся тяжелыя, грубыя прегрѣшенія тѣлесныхъ убійствъ и грабежей, но глубже, гораздо глубже ищутъ пороковъ своихъ тѣ, что всѣмъ, кромѣ самихъ себя, кажутся безупречными. Я изъ ихъ числа. Ни на чести, ни на совѣсти моей никто не видитъ пятна—кромѣ меня самого. Только слишкомъ поздно я его увидѣлъ. Я не изъ тѣхъ, которые такъ легко скользятъ по поверхности жизни, что ихъ лишь вскользь задѣваютъ и удары жизни. Когда этотъ ударъ поразилъ меня, предо мною, въ огнѣ мучительныхъ страданій, открылась вся правда. Понятно, сестра, понятно, что и я былъ въ этомъ виновенъ!

— Какимъ образомъ?

Онъ съ минуту помолчалъ, словно собирая мысли и слова, разсѣиваемыя, быть можетъ, мучительнымъ воспоминаніемъ.

— Быть можетъ,—началъ онъ,—я задерживаю васъ, сестра... быть можетъ, вамъ некогда... Я не привыкъ къ признаніямъ.. душа у меня молчаливая. Для работы головой и руками у меня много товарищей, но для той работы, что происходитъ въ глубинѣ души, нѣтъ никого. Въ свѣтѣ, среди людей, я много говорю... тутъ же, среди этой тиши—чуть ли не монастырской, не правда ли?—тутъ со мною одна она лишь, эта тишь глубокая... И все же порою такъ хочется чьей-нибудь ангельской, доброй души... вотъ какъ вы, сестра... ахъ! какъ хочется порой имѣть подлѣ добрую сестру... Но это всегда...

Онъ повелъ взглядомъ на старый гобеленъ въ углу комнаты.

— Словно мимолетная греза... Ни одной родной души! Вѣдь люди, сестра, душою въ душу другъ другу не заглядываютъ никогда... Все то это только такъ по верху... по верху...

Нѣсколько наклонившись, опершись головою на руку, онъ поднялъ на блѣдное лицо сидѣвшей предъ нимъ съ потупленнымъ взоромъ монахини глаза, въ выраженіи которыхъ было что-то дѣтское, столько было въ нихъ кротости и довѣрчивости.

— Понятное дѣло,—говорилъ онъ,—мы, жалкіе люди, строимъ зданія наши на такихъ слабыхъ и узкихъ основахъ,—что удивительнаго, если ихъ крыши самымъ жалкимъ образомъ рушатся надъ нашими головами? Я былъ таковъ же, какъ и всѣ. Я любилъ огонь ея очей, ея алыя уста, ея нѣжность и ласковость въ обхожденіи, ея остроумныя рѣчи, да, все это наружное, наружное, и, словно пчела съ цвѣтка, собирая медъ со всего этого, я воображалъ, что и ее щедро вознаграждаю, отдавая ея любви все, что и во мнѣ было наружнаго. Это такъ просто, такъ обыденно. Все дѣло сводится къ наслажденію—и только! Все это очень элементарно, очень матеріально, но поэзія на всю эту наготу какъ-то набрасываетъ завѣсу, и получается иллюзія, будто тамъ кроется что-то большее, что-то высшее... только завѣса эта такая легонькая, и чуть только налетитъ вихрь страсти...

Онъ сдѣлалъ рукою пренебрежительный жестъ.

— Или повѣетъ дуновеніемъ скуки...

Онъ низко опустилъ голову и продолжалъ:

— Когда это случилось, тогда лишь я замѣтилъ, что, въ сущности, я даже о ней никогда и не думалъ. Какіе отзвуки вызывали въ ней впечатлѣнія жизни? Какія въ ней таились потребности и желанія? Гдѣ скрывались тайные источники ея слабости и силы? Да кто же когда-либо станетъ интересоваться такими вещами? Жизнь, словно быстрый потокъ, бьющій черезъ край, кипитъ, волнуется, мчится впередъ! Занятія, удовольствія, надежды, тревоги! Часы за часами, дни за днями таютъ, словно туманъ на яркомъ солнцѣ! Времени не хватаетъ! Чтобъ глубоко заглянуть въ душу любимаго существа, не хватаетъ времени!

Ядро всего, самое ядро любви остается невидимымъ за прелестной оболочкой. Ну, и подтачиваетъ червь эту оболочку, прогрызаетъ и ядро... а ты, любящій человѣкъ... ха, ха, ха!.. любящій! и не замѣчаешь, и не успѣешь предупредить, и не успѣешь спасти! а вѣдь ты любишь! Да, слѣпы мы! «А если слѣпой ведетъ слѣпого, развѣ не падаютъ оба они въ яму?» Моя вина! моя вина!

Онъ вдругъ выпрямился и быстро, одинъ за другимъ, сталъ задавать ей вопросы:

— Такъ она очень больна? Она сильно страдаетъ? Что это у ней за болѣзнь? Можетъ быть, быстрая помощь...

Глаза его загорѣлись. Онъ вспыхнулъ жаждой дѣла—скорѣе, скорѣе за дѣло!

— Нужны доктора? деньги? Можетъ быть, перемѣна климата...

Сестра Клара отрицательно качала головой.

— Нѣтъ. Ничто не поможетъ... ничто. Это вопросъ... нѣсколькихъ дней...

Она чуть не заплакала, глядя на этого человѣка, который, низко низко опустивъ свою голову, шепталъ:

— Бѣдная! бѣдная! бѣдная!

— Сестра,—сказалъ онъ черезъ минуту — вы говорили, что у нея ко мнѣ какая то просьба...

— Одна только, но она такъ важна и... такъ смѣла...

Она остановилась. Только въ этотъ моментъ она почувствовала, что эта смѣлая просьба вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть жестокой. Жестоко было насиліе, которое она должна была сдѣлать надъ собою, чтобы своими дѣвственными устами заговорить объ этой грязи жизни. Но онъ избавилъ ее отъ этого.

Глядя на блѣдный румянецъ, который все сильнѣй и сильнѣй заливалъ ея щеки, на ея дрожавшія губы, онъ задумался на мгновеніе и потомъ спросилъ:

— Она кого-нибудь оставляетъ сиротой?

Какъ, какимъ образомъ могъ онъ угадать это, эту мысль до того странную и смѣлую, что она могла появиться лишь у больного человѣка, охваченнаго самымъ ужаснымъ отчаяніемъ, самымъ ужаснымъ раскаяніемъ, въ бреду, съ глазу на глазъ со смертью?.. Но онъ угадалъ.

— Малютка бѣдная...—прошептала сестра Клара...—крохотная дѣвочка... ей грозитъ нужда и гибель!

Наступила минута молчанія.

— Не говорите больше, сестра,—промолвилъ Занимирскій, глядя на монахиню.—Я знаю...

Онъ порывисто поднялся, сестрѣ Кларѣ показалось, будто черты лица его въ эту минуту стали какъ-то рѣзче, острѣе. Онъ повернулся, быстро прошелъ комнату и остановился у окна, и профиль его рѣзко

*

и отчетливо, словно каменное изваяніе, выдѣлился на фонѣ стекла и зеленой завѣсы деревьевъ.

Минуты плыли одна за другой. Монахиня опустивъ голову, думала о томъ, что по волѣ Господа ей сегодня суждено быть свидѣтельницей тяжелой борьбы, происходящей въ душѣ человѣка. И невѣдомо почему въ головѣ ея мелькнуло: «Въ прекрасной душѣ!»

— Господи!—молилась она, — поддержи въ страданіи благородное созданіе твое!

Между жалкой женщиной, умирающей въ больницѣ, и человѣкомъ, жизнь котораго текла въ этой роскошной квартирѣ, среди шумнаго свѣта, она уже не видѣла возмутительнаго контраста.

«Неисповѣдимы, Господи, пути Твои, по которымъ ведешь Ты созданія свои, средь страданій и печалей земныхъ»!

Минуты плыли одна за другой. Въ сосѣдней комнатѣ стали бить часы. Изъ-подъ потолка, отъ стараго циферблата, увѣнчаннаго поблекшими розами, медленно понеслись густые, протяжные звуки. Грустью вѣяло въ этой тихой комнатѣ, куда мало-по-малу, изъ-за зеленой завѣсы деревьевъ, стали проникать розоватые отблески заходящаго солнца.

— Какъ въ монастырѣ!—подумала сестра Клара. — «Духъ идѣже хощетъ дышетъ»—подумалось ей еще.

Занимирскій отошелъ отъ окна, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановившись передъ сестрой милосердія, по другую сторону письменнаго стола, спросилъ:

— Гдѣ она, въ какой больницѣ?

Сестра подняла на него нерѣшительный взглядъ, не зная, безпокоиться ей или радоваться, но глаза ея не встрѣтили его взгляда. Онъ стоялъ, опустивъ глаза, страшно блѣдный, сжимая въ слегка дрожавшей рукѣ карандашъ.

— Адресъ ея?—спросилъ онъ еще разъ.

Она назвала одну изъ бѣдныхъ улицъ города и какую-то простую фамилію; онъ быстро записалъ все на бумагѣ и потомъ заговорилъ:

— Скажите ей, сестра, что я сдѣлаю все, что только въ моихъ силахъ. Пусть она будетъ спокойна... Пусть она спокойно уснетъ въ эту ночь. Завтра же... Въ которомъ часу, сестра, можно у васъ посѣщать больныхъ? Завтра я приду къ ней, разскажу ей все, что обдумаю, какъ поступлю съ тѣмъ, о чемъ она проситъ... и попрошу ее... попрошу ее, чтобъ она успокоилась, чтобы ни совѣсть, ни душа ея не тревожились ни о томъ, что она сдѣлала, ни о томъ, что оставитъ послѣ себя.

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, сестра Клара подымалась съ своего мѣста, глаза ея все сильнѣе и сильнѣе разгорались блескомъ радости, въ головѣ, словно дивная пѣсня, проносились слова:

«Узрите небо разверзтое и ангеловъ Божіихъ...»

Но этотъ библейскій стихъ вдругъ оборвался у нея въ головѣ,

всю ее охватило глубокое изумленіе. Что такое? Откуда въ этомъ человѣкѣ такая внезапная перемѣна? Со лба его исчезли морщины, лицо стало гладкимъ и яснымъ, какъ раньше, взглядъ темныхъ глазъ, устремленный куда-то въ даль, былъ полонъ тихой радости, словно далеко откуда-то, изъ глубины его души лившейся наружу.

Руки у сестры Клары медленно скрестились, и въ головѣ снова, словно радостный гимнъ, зазвучали слова:

«Узрите небо разверзтое и ангеловъ Божіихъ восходящихъ и нисходящихъ»...»

Развѣ духъ этого человѣка не поднялся на высоту небесную и не снизошелъ съ нея къ земнымъ страданіямъ, какъ ангелъ Божій?

— Знаю, знаю теперь, — заговорила она, и глаза ея заискрились слезами,—я догадываюсь... Господь сподобилъ меня понять, въ чемъ источникъ вашихъ радостей, вашего торжества. Такимъ, какъ въ эту минуту, я видѣла васъ передъ началомъ нашего разговора. Вѣрно и тогда...

— О, это пустяки!—улыбаясь, быстро прервалъ онъ,—совершенные пустяки! Просто оторвалъ только людей отъ самихъ себя... Вѣдь, люди, сестра, ужасно какъ льнутъ къ самимъ себѣ, и приходится иной разъ одною рукой отрывать ихъ отъ этого ихъ кумира, а другою указывать что-либо иное!..

— Что-либо иное? что же?—спросила сестра.

— Людскія страданія и божественныя идеи,—отвѣтилъ онъ.

Они разговаривали стоя, отдѣленные другъ отъ друга большимъ письменнымъ столомъ. Огни заката, все настойчивѣе пробираясь сквозь зеленую листву, все ярче заливали комнату. Вотъ ужъ золотистыя стрѣлки и алыя рубиновыя пятна совсѣмъ засыпали мраморные бюсты поэтовъ, стекла библіотечнаго шкафа, гравюры, бумаги, покрывавшія столъ. Взглядъ монахини упалъ на эти бумаги.

— Трудъ!—подумала она.—Божественныя идеи! — повторила она вслухъ.

— Да, сестра,—сказалъ онъ.—Да и что бы намъ, несчастнымъ, оставалось дѣлать на землѣ, еслибъ на небѣ нашемъ не горѣли эти звѣздочки? Когда передъ нами рушится и изъ-подъ ногъ ускользаетъ наше личное счастье, мы въ отчаяніи хватаемся за ихъ лучи, и одинъ лишь ихъ свѣтъ разсѣиваетъ мракъ передъ нами!..

— «Свѣтъ свѣта»,—прошептала сестра Клара.

Въ эту самую минуту глубь залы вся озарилась такимъ яркимъ свѣтомъ, что взгляды обоихъ говорившихъ невольно устремились туда. Огромное золотисто-красное зарево заката прорвало, наконецъ, преграду зеленыхъ листьевъ и залило висѣвшія на стѣнѣ картины. И въ этомъ заревѣ загорѣлись золоченыя рамы, заискрились на миніатюрахъ разноцвѣтные наряды прадѣдовъ и прабабокъ, засвѣтились кресты и щиты на эмалированныхъ медальонахъ, а тамъ на самой

высотѣ, выдѣляясь рельефнѣе всѣхъ, блѣдный рыцарь на конѣ, надъ бурной рѣкою, разгорѣвшимися глазами глядѣлъ прямо въ двѣ пары глазъ, устремленныхъ на него.

И сестрѣ Кларѣ въ эту минуту чудились дивныя мелодіи, которыми звучатъ порою безжизненные предметы, напоенные духомъ человѣка, движимаго духомъ Божіимъ. И чудился ей шорохъ невидимыхъ крыльевъ и шелестъ огней, горѣвшихъ предъ невидимыми алтарями. Душа ея полна была чистой радости ангела, что уноситъ на небо человѣческую душу, такъ похожую на него самого. И вся эта радость слилась и сіяла въ ея улыбкѣ, когда она произнесла.

— Мнѣ пора идти! Мнѣ нужно поскорѣй принести ей эту радостную вѣсть.

Въ эту минуту взглядъ ея упалъ на стоявшій на краю стола горшокъ съ кустикомъ вереска. Весь облитый заревомъ заката, онъ казался словно случайно залетѣвшимъ сюда отголоскомъ пѣсни полей.

— Милые цвѣточки!—промолвила она.—Какъ они мнѣ были близки въ дни моей юности!

Занимирскій протянулъ руку, быстро сорвалъ нѣсколько вѣточекъ и подалъ ихъ сестрѣ Кларѣ со словами:

— Отнесите ей, сестра, эти цвѣты: мы съ нею часто рвали ихъ вмѣстѣ на зарѣ нашей любви... нашей бѣдной любви!

И съ тѣмъ выраженіемъ въ глазахъ, съ какимъ человѣкъ глядитъ въ бездну, онъ прибавилъ:

— Да, все начинается смѣхомъ, а кончается слезами!

Сестра Клара, держа цвѣты въ своихъ бѣлыхъ рукахъ, неподвижно стояла въ полосѣ солнечнаго свѣта, розоватые отблески котораго мелькали на ея черномъ монашескомъ одѣяніи и большомъ бѣломъ чепцѣ.

— Мнѣ пора идти!—повторила она, но все не уходила.

Ей все казалось, что она какъ будто еще не все сдѣлала. Да, вѣдь она еще ни разу не вымолвила слова «прощеніе». Но теперь ей ужъ нечего его говорить. И о Богѣ она еще совсѣмъ ничего не говорила, да и не станетъ говорить: здѣсь она чувствуетъ Его присутствіе...

— Господь да будетъ съ вами всегда!—промолвила она, кланяясь на прощанье.

Онъ низко наклонилъ голову и отвѣтилъ:

— Молитесь, сестра, за тѣхъ, надъ кѣмъ въ безсонныя ночи не бодрствуетъ ничье милосердіе...

ЗАПИСКИ ВРАЧА

(*Продолженіе* *).

IX.

Кончая въ университетѣ, я восхищался медициною и горячо вѣрилъ въ нее. Научныя пріобрѣтенія ея громадны, очень многое въ человѣческомъ организмѣ намъ доступно и понятно; современемъ же для насъ не будетъ въ немъ никакихъ тайнъ, и путь къ этому вѣренъ. Съ такимъ совершенно опредѣленнымъ отношеніемъ къ медицинѣ я приступилъ къ практикѣ. Но тутъ я опять натолкнулся на живого человѣка, и всѣ мои установившіеся взгляды зашатались и заколебались. „Значенія этого органа мы еще не знаемъ", „дѣйствіе такого-то средства намъ пока совершенно непонятно", „причины происхожденія такой-то болѣзни неизвѣстны"... Пускай наукою завоевана громадная область, но что до этого, если кругомъ раскидываются такіе необъятные горизонты, гдѣ все еще темно и непонятно? Что, въ сущности, понимаю я въ больномъ человѣкѣ, если не понимаю *всего*, какъ могу я къ нему подступиться? Часовой механизмъ неизмѣримо проще человѣческаго организма; а между тѣмъ могу ли я взяться за починку часовъ, если не знаю назначенія хотя бы одного самаго ничтожнаго колесика въ часахъ?

Такъ же, какъ при первомъ моемъ знакомствѣ съ медициной, меня теперь опять поразило безконечное несовершенство ея діагностики, чрезвычайная шаткость и неувѣренность всѣхъ ея показаній. Только раньше я преисполнялся глубокимъ презрѣніемъ къ кому-то „имъ", которые создали такую плохую науку; теперь же ея несовершенство встало передо мною естественнымъ и неизбѣжнымъ фактомъ, но еще болѣе тяжелымъ, чѣмъ прежде, потому что онъ наталкивался на жизнь.

Вотъ передо мною этотъ загадочный, недоступный мнѣ живой организмъ, въ которомъ я такъ мало понимаю. Какія силы

*) См. «Міръ Божій», № 2, 1901 г.

управляютъ имъ, каковы тѣ тончайшіе процессы, которые непрерывно совершаются въ немъ? Въ чемъ суть дѣйствія вводимыхъ въ него лекарствъ, въ чемъ тайна зарожденія и развитія болѣзни? Коховская палочка вызываетъ въ организмѣ чахотку, леффлерова, которая на видъ такъ мало разнится отъ коховской, вызываетъ дифтеритъ,—почему? Я впрыскиваю больному подъ кожу растворъ апоморфина,—онъ циркулируетъ по всему тѣлу индифферентно, а соприкасаясь съ рвотнымъ центромъ, возбуждаетъ его; у меня даже намека нѣтъ на пониманіе того, какія химическія особенности опредѣленныхъ нервныхъ клѣтокъ и апоморфина обусловливаютъ это взаимоотношеніе.

Ко мнѣ обращается за помощью дѣвушка, страдающая мигренями. Въ чемъ суть этой мигрени? Во время припадка лобъ у больной становится холоднымъ, а зрачокъ расширяется; дѣвушка малокровна; все это указываетъ на то, что причиною мигрени въ данномъ случаѣ является спазмъ симпатическаго нерва, вызванный общимъ малокровіемъ. Хорошее объясненіе! Но какимъ образомъ и почему малокровіе вызвало въ этомъ случаѣ спазмъ симпатическаго нерва? Гдѣ и каковы тѣ цѣлительныя силы организма, которыя борются съ происшедшимъ разстройствомъ и которыя я долженъ поддержать? Какъ дѣйствуетъ на спазмъ симпатическаго нерва тотъ фенацетинъ съ коффеиномъ, на малокровіе—то желѣзо, которыя я прописываю? И вотъ больная стоитъ передо мною, и я берусь ей помочь, и, можетъ быть, даже помогу,—и въ то же время *ничего* не понимаю, что съ нею, почему и какъ поможетъ ей то, что я назначаю.

Я не имѣю даже отдаленнаго представленія о типическихъ процессахъ, общихъ всѣмъ человѣческимъ организмамъ; а между тѣмъ каждый больной предстаетъ передо мною во всемъ богатствѣ и разнообразіи своихъ индивидуальныхъ особенностей и отклоненій отъ средней нормы. Что могу я знать объ нихъ? Двое на видъ совершенно одинаково здоровыхъ людей промочили себѣ ноги; одинъ получилъ насморкъ, другой—острый суставный ревматизмъ; почему?.. Высшая доза морфія—три центиграмма; взрослой, совсѣмъ не слабой больной впрыснули подъ кожу пять *милли*граммовъ морфія,—и она умерла; для объясненія такихъ фактовъ въ медицинѣ существуетъ спеціальное слово,—„идіосинкразія“, но это слово не даетъ мнѣ никакихъ указаній на то, когда я долженъ ждать чего-либо подобнаго... Высшій суточный пріемъ хлоралъ-гидрата—пять граммовъ; недавно д-ръ Дэвисъ сообщилъ объ одномъ больномъ, который, страдая зубною болью, въ теченіе трехъ сутокъ безъ всякаго вреда для себя принялъ шестьдесятъ граммовъ хлорала, т.-е. по двадцать граммовъ въ сутки; у меня нѣтъ никакихъ основаній отрицать возможность

этого. Если бы авторъ вмѣсто 60 поставилъ 160, я тоже съ увѣренностью не могъ бы отрицать,—такъ мало мы знаемъ человѣка въ его особенностяхъ.

И какія средства даетъ мнѣ наука проникнуть въ живой организмъ, узнать его болѣзнь? Кое-что она мнѣ, конечно, даетъ. Передо мною, напр., больной; онъ лихорадитъ, жалуется на ломоту въ суставахъ, селезенка и печень его увеличены. Я беру у него каплю крови и смотрю подъ микроскопомъ: среди кровяныхъ тѣлецъ быстро извиваются тонкія спиральныя существа; это спириллы возвратнаго тифа, и я съ полною увѣренностью говорю: у больного—возвратный тифъ. Если бы наука давала мнѣ столь же вѣрныя средства для познанія всѣхъ болѣзней и всѣхъ особенностей каждаго организма, то я могъ бы чувствовать подъ ногами почву. Но въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ этого нѣтъ. На основаніи совершенно ничтожныхъ данныхъ я долженъ строить выводы, такіе важные для жизни и здоровья моего больного...

Я былъ однажды приглашенъ къ одной старой дѣвушкѣ лѣтъ подъ пятьдесятъ, владѣтельницѣ небольшого дома на Петербургской Сторонѣ; она жила въ трехъ маленькихъ, низкихъ комнатахъ, уставленныхъ кіотами съ лампадками, вмѣстѣ съ своей подругой дѣтства, такою же желтою и худою, какъ она. Больная, на видъ очень нервная и истеричная, жаловалась на сердцебіеніе и боли въ груди; днемъ, часовъ около пяти, у нея являлось сильное стѣсненіе дыханія и какъ будто затрудненное глотаніе.

— Нѣтъ у васъ такого ощущенія, какъ будто при глотаніи въ горлѣ у васъ появляется шаръ?—спросилъ я, имѣя въ виду извѣстный признакъ истеріи—globus hystericus.

— Да, да, именно!—обрадовалась больная.

Сердце и легкія ея при самомъ тщательномъ изслѣдованіи оказались здоровыми; ясное дѣло, у больной была истерія. Я назначилъ соотвѣтственное леченіе.

— А что, докторъ, не могу я вдругъ сразу помереть?—спросила больная.

Она сообщила мнѣ, что хотѣла бы завѣщать свой домъ подругѣ, безъ завѣщанія же все перейдетъ къ ея единственному законному наслѣднику брату, выжигѣ и плуту, который взялъ у нея по родственному, безъ росписки, всѣ ея деньги, около шести тысячъ, и потомъ отказался возвратить.

— Странное дѣло, что же вамъ мѣшаетъ составить завѣщаніе?—сказалъ я.—Непосредственной опасности нѣтъ, но мало ли что можетъ случиться! Пойдете по улицѣ,—васъ конка задавитъ. Всегда лучше сдѣлать завѣщаніе заблаговременно.

— Вѣрно, вѣрно! — въ раздумьѣ произнесла больная.—Вотъ только поправлюсь, сейчасъ же схожу къ нотаріусу.

Это было въ три часа. А въ пять, черезъ два часа, ко мнѣ прибѣжала подруга больной и, рыдая, объявила, что больная умерла: встала отъ обѣда, вдругъ пошатнулась, поблѣднѣла, изъ рта ея хлынула кровь, и она упала мертвая.

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы, докторъ, не сказали!?—твердила женщина, плача и захлебываясь, безумно стуча себя кулакомъ по бедру.—Вѣдь мнѣ теперь по міру идти, злодѣй меня на улицу выгонитъ!

И теперь я понялъ: очевидно, у больной была аневризма; затрудненное глотаніе подъ вечеръ (послѣ обѣда!), которое я объяснилъ себѣ, какъ globus hystericus, вызывалось набуханіемъ аневризмы подъ вліяніемъ увеличеннаго кровянаго давленія послѣ ѣды... Но что кому пользы отъ этого поздняго діагноза?

Въ такихъ случаяхъ меня охватывали ярость и отчаяніе: да что же это за наука моя, которая оставляетъ меня такимъ слѣпымъ и безпомощнымъ?! Вѣдь я, какъ преступникъ, не могу взглянуть теперь въ глаза этой пущенной мною по міру женщинѣ,—а чѣмъ же я виноватъ?

И чѣмъ дальше, тѣмъ чаще приходилось мнѣ испытывать такое чувство. Даже тамъ, гдѣ, какъ въ описанномъ случаѣ, діагнозъ казался мнѣ яснымъ, дѣйствительность то и дѣло опровергала меня; часто же я стоялъ передъ больнымъ въ полномъ недоумѣніи: какія-то жалкія, ничего не говорящія данныя,—строй на нихъ что-нибудь! И я ночи напролетъ расхаживалъ по комнатѣ, обдумывая и сопоставляя эти данныя, и ни къ чему опредѣленному не могъ придти; еели же я, наконецъ, и ставилъ діагнозъ, то меня все-таки все время грызла неотгонимая мысль: „а если моя догадка невѣрна? Какая у меня возможность провѣрить ея правильность?“ И всю жизнь жить и дѣйствовать подъ непрерывнымъ гнетомъ такой неувѣренности!..

Но скажемъ, діагнозъ болѣзни я поставилъ правильно. Мнѣ нужно ее лечить. Какія гарантіи даетъ мнѣ наука въ цѣлесообразности и дѣйствительности рекомендуемыхъ ею средствъ? Суть дѣйствія большинства изъ этихъ средствъ для насъ еще крайне неясна, и показанія къ ихъ употребленію наука устанавливаетъ эмпирически, путемъ клиническаго наблюденія. Но мы уже знаемъ, какъ непрочно и обманчиво клиническое наблюденіе. Данное средство, по единогласнымъ свидѣтельствамъ всѣхъ наблюдателей, дѣйствуетъ превосходно, а черезъ годъ-другой оно уже выбрасывается за бортъ, какъ безполезное или даже вредное. Два года царилъ туберкулинъ Коха,—и вѣдь видѣли, видѣли собственными глазами, какое „блестящее“ дѣйствіе онъ оказывалъ

на туберкулезъ! Въ томъ безконечно сложномъ и непонятномъ процессѣ, который представляетъ собою жизнь больного организма, переплетаются тысячи вліяній,—безчисленные способы вредоноснаго дѣйствія данной болѣзни и окружающей среды, безчисленные способы цѣлебнаго противодѣйстія силъ организма и той же окружающей среды,—и вотъ тысяча первымъ вліяніемъ является наше средство. Какъ опредѣлить, что именно въ этомъ сложномъ дѣлѣ вызвано имъ? Древнегреческій врачъ Хризиппъ запрещалъ лихорадящимъ больнымъ ѣсть, Діоксиппъ—пить, Сильвій заставлялъ ихъ потѣть, Бруссэ пускалъ имъ кровь до обморока, Кёрри сажалъ ихъ въ холодныя ванны,—и каждый видѣлъ пользу именно отъ своего способа. Средневѣковые врачи съ большимъ, по ихъ мнѣнію, успѣхомъ примѣняли противъ рака... мазь изъ человѣческихъ испражненій. Въ прошломъ вѣкѣ, чтобъ „помочь“ прорѣзыванію зубовъ, дѣтямъ дѣлали по десяти и двадцати разъ разрѣзы десенъ, дѣлали это даже десятидневнымъ дѣтямъ; еще въ 1842 году Ундервудъ совѣтовалъ при этомъ разрѣзать десны на протяженіи цѣлыхъ челюстей, и притомъ рѣзать поглубже, до самыхъ зубовъ, „поврежденія которыхъ нечего опасаться“... И все это, по мнѣнію наблюдателей, помогало!..

Я вступилъ въ практику съ опредѣленнымъ запасомъ терапевтическихъ знаній, данныхъ мнѣ школою. Какъ было относиться къ этимъ знаніямъ? Естественное дѣло,—спокойно и увѣренно примѣнять ихъ къ жизни. Но только я попробовалъ такъ дѣйствовать, какъ тотчасъ же натолкнулся на разочарованіе. Отваръ сенеги рекомендуютъ назначать для возбужденія кашля въ тѣхъ случаяхъ, когда легкія наполнены жидкою, легко отдѣляющеюся мокротою. Я назначалъ сенегу и приглядывался,—и ни въ одномъ случаѣ не могъ съ увѣренностью сказать, что моя сенега дѣйствительно удалила изъ легкихъ больного хоть одну лишнюю каплю мокроты... Я назначалъ желѣзо при малокровіи, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда больной поправлялся, ни разу не могъ поручиться за то, что это произошло хоть сколько-нибудь благодаря желѣзу.

Выходило такъ, что я долженъ вѣрить на слово въ то, что эти и многія другія средства дѣйствуютъ именно указываемымъ образомъ. Но такая вѣра была прямо невозможна,—сама же наука непрерывно подрывала и колебала эту вѣру. Однимъ изъ наичаще рекомендуемыхъ средствъ противъ чахотки является креозотъ и его производныя; а между тѣмъ все громче раздаются голоса, заявляющіе, что креозотъ нисколько не помогаетъ противъ чахотки и что онъ—только, такъ сказать, лекарственный ярлыкъ, наклеиваемый на чахоточнаго.—Основное правило діэтетики брюшного тифа требуетъ кормить больного только жидкою пищею; и опять

противъ этого идетъ все усиливающееся теченіе, утверждающее, что такимъ образомъ мы только замариваемъ больного голодомъ. Мышьякъ признается незамѣнимымъ средствомъ при многихъ накожныхъ болѣзняхъ, малокровіи, маляріи,—и вдругъ распространенная, солидная медицинская газета приводитъ о немъ такой отзывъ: „Самое замѣчательное въ исторіи мышьяка—это то, что онъ неизмѣнно пользовался любовью врачей, убійцъ и барышниковъ... Врачамъ слѣдовало бы понять, что мышьякъ даетъ слишкомъ мало, чтобъ пользоваться вѣчнымъ почтеніемъ. Преданіе о мышьякѣ—позоръ нашей терапіи".

Первое время такіе неожиданные отзывы прямо ошеломляли меня: да чему же, наконецъ, вѣрить?! И я все больше убѣждался, что вѣрить я не долженъ ничему и ничего не долженъ принимать, какъ ученикъ; все заподозрѣть, все отвергнуть,—и затѣмъ принять обратно лишь то, въ дѣйствительности чего убѣдился собственнымъ опытомъ. Но въ такомъ случаѣ для чего же весь многовѣковой опытъ врачебной науки, какая ему цѣна?

Одинъ молодой врачъ спросилъ знаменитаго Сиденгама, „англійскаго Гиппократа", какія книги нужно прочесть, чтобъ стать хорошимъ врачомъ.

— Читайте, мой другъ, „Донъ-Кихота",—отвѣтилъ Сиденгамъ.—Это очень хорошая книга, я и теперь часто перечитываю ее.

Но вѣдь это же ужасно! Это значитъ, — никакой традиціи, никакой преемственности наблюденія; учись безъ предвзятости наблюдать живую жизнь, и каждый начинай все сначала...

Съ тѣхъ поръ прошло больше двухъ вѣковъ, медицина сдѣлала впередъ гигантскій шагъ, во многомъ она стала наукой; и все-таки какая еще громадная область остается въ ней, гдѣ и въ настоящее время самыми лучшими учителями являются Сервантесъ, Шекспиръ и Толстой, никакого отношенія къ медицинѣ не имѣющіе!

Но разъ я поставленъ въ необходимость не вѣрить чужому опыту, то какъ могу я вѣрить и своему собственному? Скажемъ, я личнымъ опытомъ убѣдился въ цѣлебности извѣстнаго средства; но *какъ*-же, *какъ* оно дѣйствуетъ, *почему*? Пока мнѣ неясенъ способъ его дѣйствія, я ничѣмъ не гарантированъ отъ того, что и мое личное впечатлѣніе—лишь оптическій обманъ. Вся моя предыдущая естественно-научная подготовка протестуетъ противъ такого грубо-эмпирическаго образа дѣйствій, противъ такого блужданія ощупью, съ закрытыми глазами. И я особенно сильно чувствую всю тяжесть этого состоянія, когда съ зыбкой и въ то же время вязкой почвы эмпиріи перехожу на твердый путь науки: я вскрываю полость живота, гдѣ очень легко можетъ произойти гнилостное зараженіе брюшины; но я знаю, что дѣлать для избѣ-

жанія этого; если я приступлю къ операціи съ прокипяченными инструментами, съ тщательно дезинфицированными руками, то зараженія *не должно* быть. Если больной страдаетъ близорукостью, то соотвѣтственное вогнутое стекло *должно* помочь ему. Вывихъ локтя, если нѣтъ осложненій, при соотвѣтственныхъ манипуляціяхъ *долженъ* вправиться. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ необходима преемственность, здѣсь, кромѣ „Донъ-Кихота", нужно знать и читать еще кое-что. Конечно, и ошибки, и прогрессъ возможны и въ этой области; но ошибки будутъ обусловливаться моею неподготовленностью и неопытностью, прогрессъ будетъ совершаться путемъ улучшенія прежняго, а не путемъ его отрицанія.

Будущее нашей науки блестяще и несомнѣнно. То, что уже добыто ею, ясно рисуетъ, чѣмъ станетъ она въ будущемъ: полное пониманіе здороваго и больного организма, всѣхъ индивидуальныхъ особенностей каждаго изъ нихъ, полное пониманіе дѣйствія всѣхъ примѣняемыхъ средствъ—вотъ что ляжетъ въ ея основу. „Когда физіологія,—говоритъ Клодъ Бернаръ,—дастъ все, чего мы въ правѣ отъ нея ждать, то она превратится въ медицину, ставшую теоретическою наукою; и изъ этой теоріи будутъ выводиться, какъ и въ другихъ наукахъ, необходимыя примѣненія, т.-е. прикладная, практическая медицина".

Но какъ еще неизмѣримо далеко до этого!.. И мнѣ все чаще стала приходить въ голову мысль: пока этого нѣтъ, какой смыслъ можетъ имѣть врачебная дѣятельность? Для чего эта игра въ жмурки, для чего обманъ общества, думающаго, что у насъ есть какая-то „медицинская наука"? Пусть этимъ занимаются гомеопаты и подобные имъ мудрецы, которые съ легкимъ сердцемъ все безконечное разнообразіе жизненныхъ процессовъ втискиваютъ въ пару догматическихъ формулъ. Для насъ же задача можетъ быть только одна,—работать для будущаго, стремиться познать и покорить себѣ жизнь во всей ея широтѣ и сложности. А относительно настоящаго можно лишь повторить то, что сказалъ когда-то средневѣковой арабскій писатель Аверроесъ: „Честному человѣку можетъ доставлять наслажденіе теорія врачебнаго искусства, но его совѣсть никогда не позволитъ ему переходить къ врачебной практикѣ, какъ бы обширны ни были его познанія".

За эту мысль я хватался каждый разъ, когда ужъ слишкомъ жутко становилось отъ той непроглядной тьмы, дѣйствовать въ которой я былъ обреченъ несовершенствомъ своей науки. Я самъ понималъ, что мысль эта нелѣпа: теперешняя безсистемная, сомнѣвающаяся научная медицина, конечно, несовершенна, но она все-таки неизмѣримо полезнѣе всѣхъ выдуманныхъ изъ головы системъ и грубыхъ эмпирическихъ обобщеній; именно совѣсть врача и не позволила бы ему гнать больныхъ въ руки гомеопатовъ, па-

сторовъ Кнейпповъ и Кузьмичей. Но этою мыслью о жизненной непригодности теперешней науки я старался скрыть и затемнить отъ себя другую, слишкомъ страшную для меня мысль: я начичалъ все больше убѣждаться, что самъ я лично совершенно негоденъ къ выбранному мною дѣлу, и что, рѣшая отдаться медицинѣ, я не имѣлъ самаго отдаленнаго представленія о тѣхъ требованіяхъ, которымъ долженъ удовлетворять врачъ.

При теперешнемъ несовершенствѣ теоретической медицины, медицина практическая можетъ быть только искусствомъ, а не наукой. Нужно на себѣ почувствовать всю тяжесть вытекающихъ отсюда послѣдствій, чтобъ ясно понять, что это значитъ. Ту больную съ аневризмой, о которой я разсказывалъ, я изслѣдовалъ вполнѣ добросовѣстно, примѣнилъ къ этому изслѣдованію все, что требуется наукой, и тѣмъ не менѣе грубо ошибся. Будь на моемъ мѣстѣ *настоящій* врачъ, онъ могъ бы поставить правильный діагнозъ: его совершенно особенная, творческая наблюдательность уцѣпилась бы за массу неуловимыхъ признаковъ, которые ускользнули отъ меня, безсознательнымъ вдохновеніемъ онъ возмѣстилъ бы отсутствіе ясныхъ симптомовъ и почуялъ бы то, чего не въ силахъ познать. Но такимъ настоящимъ врачомъ можетъ быть только талантъ. какъ только талантъ можетъ быть настоящимъ поэтомъ, художникомъ или музыкантомъ.

А я, поступая на медицинскій факультетъ, думалъ, что медицинѣ можно научиться... Я думалъ, что для этого нуженъ только извѣстный уровень знаній и извѣстная степень умственнаго развитія; съ этимъ я научусь медицинѣ такъ же, какъ всякой другой прикладной наукѣ, напр. химическому анализу. Когда медицина станетъ наукой,—единой, всеобщей и безгрѣшной, то оно такъ и будетъ; тогда обыкновенный средній человѣкъ сможетъ быть врачомъ. Въ настоящее же время „научиться“ медицинѣ, т.-е. врачебному искусству, такъ же невозможно, какъ научиться поэзіи или искусству сценическому. И есть много превосходныхъ теоретиковъ, истинно „научныхъ“ медиковъ, которые въ практическомъ отношеніи не стоятъ ни гроша.

Но почему я ничего этого не зналъ, поступая на медицинскій факультетъ? Почему вообще я имѣлъ такое смутное и превратное представленіе о томъ, что ждетъ меня въ будущемъ?.. Какъ все это просто произошло! Мы представили свои аттестаты зрѣлости, были приняты на медицинскій факультетъ, и профессора начали читать лекціи. И никто изъ нихъ не раскрылъ намъ глазъ на будущее, никто не объяснилъ, что ждетъ насъ въ нашей дѣятельности. А намъ самимъ эта дѣятельность казалась такой несложной и ясной! Изслѣдовалъ больного, — и говоришь: больной боленъ тѣмъ-то, онъ долженъ дѣлать то-то и принимать то-то. Теперь я

видѣлъ, что это не такъ, но на то, чтобы убѣдиться въ этомъ, я долженъ быть убить семь лучшихъ лѣтъ молодости.

Я совершенно упалъ духомъ. Кое-какъ я несъ свои обязанности, горько смѣясь въ душѣ надъ больными, которые имѣли наивность обращаться ко мнѣ за помощью: они, какъ и я раньше, думаютъ, что тотъ, кто прошелъ медицинскій факультетъ, есть уже врачъ, они не знаютъ, что врачей на свѣтѣ такъ же мало, какъ и поэтовъ, что врачъ-ординарный человѣкъ при теперешнемъ состояніи науки—безсмыслица. И для чего мнѣ продолжать служить этой безсмыслицѣ? Уйти, взяться за какое ни на есть другое дѣло, но только не оставаться въ этомъ ложномъ и преступномъ положеніи самозванца!

Такъ тянулось около двухъ лѣтъ. Потомъ постепенно пришло смиреніе.

Да, наука даетъ мнѣ не такъ много, какъ я ждалъ, и я не талантъ. Но правъ ли я, отказываясь отъ своего диплома? Если въ искусствѣ въ данный моментъ нѣтъ Толстого или Бетховена, то можно обойтись и безъ нихъ; но больные люди не могутъ ждать, и для того, чтобъ всѣхъ ихъ удовлетворить, нужны десятки тысячъ медицинскихъ Толстыхъ и Бетховеновъ. Это невозможно. А въ такомъ случаѣ такъ ли ужъ безполезны мы, ординарные врачи? Все-таки, беря безотносительно, наукою отвоевана отъ искусства ужъ очень большая область, которая съ каждымъ годомъ все увеличивается. Эта область въ нашихъ рукахъ. Но и въ остальной медицинѣ мы можемъ быть полезны и дѣлать очень много. Нужно только строго и неуклонно слѣдовать старому правилу: „primum non nocere,—прежде всего не вредить“. Это должно главенствовать надъ всѣмъ. Нужно далѣе разъ навсегда отказаться отъ представленія, что дѣятельность наша состоитъ въ спокойномъ и беззаботномъ исполненіи указаній науки. Понять всю тяжесть и сложность дѣла, къ каждому новому больному относиться съ неослабѣвающимъ сознаніемъ новизны и непознанности его болѣзни, непрерывно и напряженно искать и работать надъ собою, ничему не довѣрять, никогда не успокоиваться. Все это страшно тяжело, и подъ бременемъ этимъ можно изнемочь; но пока я буду честно нести его, я имѣю право не уходить.

X.

Въ эту пору сомнѣній и разочарованій я съ особенною охотою сталъ уходить въ научныя занятія. Здѣсь, въ чистой наукѣ, можно было работать не ощупью, можно было точно контролировать и провѣрять каждый свой шагъ; здѣсь полновластно царили тѣ строгіе естественно-научные методы, надъ которыми

такъ зло насмѣхалась врачебная практика. И мнѣ казалось,— лучше положить хоть одинъ самый маленькій кирпичъ въ зданіе великой медицинской науки будущаго, чѣмъ толочь воду въ ступѣ, дѣлая то, чего не понимаешь.

Между прочимъ, я работалъ надъ вопросомъ о роли селезенки въ борьбѣ организма съ различными инфекціонными заболѣваніями. Для прививокъ возвратнаго тифа въ нашу лабораторію были пріобрѣтены двѣ обезьянки макаки. За три недѣли, которыя онѣ пробыли у насъ до начала опытовъ, я успѣлъ сильно привязаться къ нимъ. Это были удивительно милые звѣрки, особенно одинъ изъ нихъ, самецъ, котораго звали Степкой. Войдешь въ лабораторію,—они бросаются къ передней стѣнкѣ своей большой клѣтки, ожидая сахару. Одѣлишь ихъ сахаромъ и выпускаешь на волю. Самка, Джильда, болѣе робка; она бѣжитъ по полу, неуклюже поджимая задъ и трусливо поглядывая на меня; я чуть пошевельнусь, она поворачивается и, сломя голову, мчится обратно въ клѣтку. Степка же держится со мною совершенно по пріятельски. Я сяду на стулъ,—онъ немедленно взбирается ко мнѣ на колѣни и начинаетъ шарить по карманамъ; брови его подняты, близко поставленные большіе глаза смотрятъ съ комичною серьезностью. Онъ вытаскиваетъ изъ моего бокового кармана перкуссіонный молоточекъ.

— Уу!!—изумленно произноситъ онъ, широко раскрывъ глаза, и начинаетъ съ любопытствомъ разсматривать блестящій молоточекъ.

Насмотрѣвшись, Степка бросаетъ молоточекъ на полъ и съ тою же меланхолическою серьезностью, словно исполняя нужное, но очень надоѣвшее дѣло, продолжаетъ меня обыскивать; онъ осторожно беретъ меня своими тонкими коричневыми пальчиками за бороду, снимаетъ пенснэ... Но вскорѣ ему это надоѣдаетъ. Степка взбирается мнѣ на плечо, вздохнувъ, оглядывается—и вдругъ стрѣлою перескакиваетъ на столъ: онъ примѣтилъ на немъ закупоренную пробкою стклянку, а его любимое дѣло— раскупоривать стклянки. Степка быстро и ловко вытаскиваетъ пробку, запихиваетъ ее за щеку и спѣшитъ удрать по шнурку шторы подъ потолокъ: онъ знаетъ, что я стану отнимать пробку. Я хватаю его на полпути.

— Цци-ци-ци-ци!— недовольно визжитъ онъ, втягивая голову въ плечи, жмуря глаза и стараясь вырваться отъ меня.

Я отнимаю пробку. Степка огорченно оглядывается. Но вотъ глаза его оживились; онъ вскакиваетъ на подоконникъ и издаетъ свое изумленное: „у-у!“ На улицѣ стоитъ извозчикъ; Степка, вытянувъ голову, съ жаднымъ любопытствомъ таращитъ глаза на лошадь. Я поглажу его,—онъ нетерпѣливо отведетъ ручонкой

мою руку, поправится на подоконникѣ и продолжаетъ глазѣть на лошадь. Пробѣжитъ по улицѣ собака. Степка весь встрепенется, волосы на шеѣ и спинѣ взъерошатся, глаза безпокойно забѣгаютъ.

— У-у! у-у!... повторяетъ онъ, страшно волнуясь и суетливо засматривая то въ одно, то въ другое стекло окна.

Собака бѣжитъ дальше. Степка, съ серьезными, испуганными глазами, мчится по столу, опрокидывая стклянки, къ другому окну и, вытянувъ голову, слѣдитъ за убѣгающею собакою.

Съ этимъ веселымъ шельмецомъ можно было проводить, не скучая, цѣлые часы. Сидя съ нимъ, я чувствовалъ, что между нами установилась какая-то связь и что мы уже многое понимаемъ другъ въ другѣ.

Мнѣ было непріятно самому вырѣзать у него селезенку, и за меня сдѣлалъ это товарищъ. По заживленіи раны, я привилъ Степкѣ возвратный тифъ. Теперь, когда я входилъ въ лабораторію, Степка ужъ не бросался къ рѣшеткѣ; слабый и взъерошенный, онъ сидѣлъ въ клѣткѣ, глядя на меня потемнѣвшими, чуждыми глазами; съ каждымъ днемъ ему становилось хуже; когда онъ пытался вскарабкаться на перекладину, руки его не выдерживали, Степка срывался и падалъ на дно клѣтки. Наконецъ онъ ужъ совсѣмъ не могъ подниматься; исхудалый, онъ неподвижно лежалъ, оскаливъ зубы, и хрипло стоналъ. На моихъ глазахъ Степка и околѣлъ.

Безвѣстный мученикъ науки, онъ лежалъ передо мною трупомъ. Я смотрѣлъ на этотъ жалкій трупикъ, на эту милую, наивную рожицу, съ которой даже смертная агонія не смогла стереть обычнаго комично-серьезнаго выраженія... На душѣ у меня было непріятно и немножко стыдно. Мнѣ вспоминалось изумленное „у-у!!“ съ какимъ Степка разсматривалъ мой молоточекъ, вспоминались его оживленные глаза, которые онъ таращилъ на лошадь, совсѣмъ какъ ребенокъ,—и у меня шевелилась мысль: настолько ли ужъ неизмѣримо меньше совершенное мною преступленіе, чѣмъ если бы я все это продѣлалъ надъ ребенкомъ?... Такая сантиментальность по отношенію къ низшимъ животнымъ смѣшна? Но такъ-ли ужъ прочны и неизмѣнны критеріи сантиментальности? Двѣ тысячи лѣтъ назадъ, какъ разсмѣялся бы римскій патрицій надъ сантиментальнымъ человѣкомъ, который бы возмутился его приказаніемъ бросить на съѣденіе муренамъ раба, разбившаго вазу! Для него рабъ былъ тоже „низшимъ животнымъ“.

Декартъ смотрѣлъ на животныхъ, какъ на простые автоматы,—оживленныя, но не одушевленныя тѣла; по его мнѣнію, у нихъ существуетъ исключительно тѣлесное, совершенно без-

сознательное проявленіе того, что мы называемъ душевными движеніями. Такого же мнѣнія былъ и Мальбраншъ. „Животныя,—говоритъ онъ,—ѣдятъ безъ удовольствія, кричатъ, не испытывая страданія, они ничего не желаютъ, ничего не знаютъ".

Можно ли въ настоящее время согласиться съ этимъ? Не говоря ужъ о простомъ ежедневномъ наблюденіи, которое вопіетъ противъ такой безглазой теоретичности,—какъ можемъ согласиться съ этимъ мы, естественники-трансформисты? Тутъ возможно только одно рѣшеніе вопроса,—то, которое даетъ, напр., Гексли. „Великое ученіе о непрерывности,—говоритъ онъ,—не позволяетъ намъ предположить, чтобъ что-нибудь могло явиться въ природѣ неожиданно и безъ предшественниковъ, безъ постепеннаго перехода; неоспоримо, что низшія позвоночныя животныя обладаютъ, хотя и въ менѣе развитомъ видѣ, тою частью мозга, которую мы имѣемъ всѣ основанія считать у себя самихъ органомъ сознанія. Поэтому мнѣ кажется очень вѣроятнымъ, что низшія животныя обладаютъ сознаніемъ въ мѣрѣ, пропорціональной степени развитія органа этого сознанія, и что они переживаютъ, въ болѣе или менѣе опредѣленной формѣ, тѣ же чувства, которыя переживаемъ и мы".

Разъ же это такъ, разъ вѣрно то, что между нами и ими нѣтъ такой рѣзкой границы, какъ когда-то воображали, то такъ ли ужъ смѣшна эта сантиментальность, такъ ли ложны тѣ покалыванія совѣсти, которыя испытываешь, нанося имъ мученія? А испытываемое при этомъ чувство есть нѣчто, очень похожее именно на покалыванія совѣсти. Одинъ мой товарищъ-хирургъ работаетъ надъ вопросомъ объ огнестрѣльныхъ ранахъ живота,—полезнѣе ли держаться при нихъ выжидательнаго образа дѣйствій или немедленно приступать къ операціи. Онъ привязываетъ собакъ въ доскѣ и на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ стрѣляетъ имъ въ животъ изъ револьвера; затѣмъ однимъ собакамъ онъ немедленно производитъ чревосѣченіе, другихъ оставляетъ безъ операціи. Войдешь къ нему въ лабораторію,—въ комнатѣ стоятъ стоны, вой, визгъ; однѣ собаки мечутся, околѣвая, другія лежатъ неподвижно и только слабо визжатъ. При взглядѣ на нихъ мнѣ не просто тяжело, какъ было тяжело, напр., смотрѣть первое время на страданія оперируемаго человѣка; мнѣ именно *стыдно*, *неловко* смотрѣть въ эти облагороженные страданіемъ, почти человѣческіе глаза умирающихъ собакъ. И въ такія минуты мнѣ становится понятнымъ настроеніе старика Пирогова.

„Въ молодости,—разсказываетъ онъ въ своихъ посмертныхъ запискахъ,—я былъ безжалостенъ къ страданіямъ. Однажды, я помню, это равнодушіе мое къ мукамъ животныхъ при вивисекціяхъ поразило меня самого такъ, что я, съ ножомъ въ рукахъ,

обратившись къ ассистировавшему мнѣ товарищу, невольно воскликнулъ:

— Вѣдь такъ, пожалуй, можно зарѣзать и человѣка!

„Да, о вивисекціяхъ можно многое сказать и за, и противъ. Несомнѣнно, онѣ важное подспорье въ наукѣ... Но наука не восполняетъ всецѣло жизни человѣка: проходитъ юношескій пылъ и мужская зрѣлость, наступаетъ другая пора жизни и съ нею потребность углубляться въ самого себя; тогда воспоминаніе о причиненномъ насиліи, мукахъ, страданіяхъ другому существу начинаетъ щемить невольно сердце. Такъ было, кажется, и съ великимъ Галлеромъ; такъ, признаюсь, случилось и со мною, и въ послѣдніе годы я ни за что бы не рѣшился на тѣ жестокіе опыты надъ животными, которые я нѣкогда производилъ такъ усердно и равнодушно".

Все это такъ. Но какъ быть иначе, гдѣ выходъ? Отказаться отъ живосѣченій—это значитъ поставить на карту все будущее медицины, навѣки обречь ее на невѣрный и безплодный путь клиническаго наблюденія. Нужно ясно сознать все громадное значеніе вивисекцій для науки, чтобы понять, что выходъ тутъ всетаки одинъ,—задушить въ себѣ укоры совѣсти, подавить жалость и гнать отъ себя мысль о томъ, что за страдающими глазами пытаемыхъ животныхъ таится живое страданіе.

Въ западной Европѣ ужъ нѣсколько десятилѣтій ведется усиленная агитація противъ живосѣченій; въ послѣдніе годы эта агитація появилась и у насъ въ Россіи. Въ основу своей проповѣди противники живосѣченій кладутъ положеніе, какъ разъ противуположное тому, которое было мною сейчасъ указано, — именно, они утверждаютъ, что *живосѣченія совершенно ненужны наукѣ.*

Но кто же сами эти люди, берущіеся доказывать такое положеніе? Священники, свѣтскія дамы, чиновники,—лица, совершенно непричастныя къ наукѣ; и возражаютъ они Вирхову, Клоду Бернару, Пастеру, Роберту Коху и прочимъ гигантамъ, на своихъ плечахъ несущимъ науку впередъ. Но вѣдь это же невозможная безсмыслица! Методы и пути науки составляютъ въ каждой наукѣ самую ея трудную часть; какъ могутъ браться судить объ нихъ профаны? Они и сами не могутъ не сознавать этого, и понятно, съ какою радостью должны они привѣтствовать тѣхъ изъ людей науки, которые высказываются въ ихъ духѣ. Въ настоящее время противники живосѣченій носятся съ Лаусонъ-Тэтомъ, очень извѣстнымъ *практическимъ* хирургомъ, и съ совершенно ужъ ни въ какомъ отношеніи не извѣстнымъ „медикомъ-хирургомъ" Белль-Тайлоромъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ рѣчь этого Белль-Тайлора противъ живосѣченій (въ весьма безграмотномъ переводѣ) была разослана нашими антививисекціонистами въ видѣ приложенія къ

*

„Новому Времени“. Когда читаешь эту рѣчь, оторопь беретъ отъ той груды лжи и подтасовокъ, которыми она полна, и невольно задаешь себѣ вопросъ: можетъ ли быть жизненнымъ ученіе, которому приходится прибѣгать къ такому беззастѣнчивому обману публики? Опираясь на свой авторитетъ спеціалиста, въ разсчетѣ на круглое невѣжество слушателей, Белль-Тайлоръ не останавливается рѣшительно ни передъ чѣмъ.

„Ложно то,—объявляетъ онъ, напр.,—будто бы Гарвей дознался законъ кровообращенія посредствомъ вивисекціи. Совсѣмъ нѣтъ! Единственно посредствомъ наблюденія надъ мертвымъ человѣческимъ тѣломъ Гарвей открылъ тотъ фактъ, что клапаны жилъ дозволяютъ крови течь только въ извѣстномъ направленіи“... (Нужно замѣтить, что знаменитый трактатъ Гарвея о кровообращеніи *почти сплошь состоитъ изъ описаній опытовъ, произведенныхъ Гарвеемъ надъ живыми животными;* вотъ заглавія нѣсколькихъ главъ трактата: Cap. II.—„*Ex vivorum dissectione* qualis sit cordis motus“ (движеніе сердца по даннымъ, добытымъ путемъ живосѣченій). Cap. III.—„Arteriarum motus qualis ex vivorum dissectione“. Cap. IV.—„Motus cordis et auriculorum qualis ex vivorum dissectione“, и т. д. [1]).

„Неправда и то,—продолжаетъ Белль-Тайлоръ,—что будто бы черезъ вивисекцію Кохъ нашелъ средство отъ чахотки; напротивъ, его прививанія причиняли сперва лихорадку, а потомъ смерть“. (Рѣчь свою ораторъ произнесъ въ концѣ 1893 года, когда почти никто ужъ и не защищалъ коховскаго туберкулина; но о томъ, что путемъ живосѣченій тотъ же Кохъ открылъ туберкулезную палочку, что путемъ живосѣченій создалась вся бактеріологія,—Белль-Тайлоръ благоразумно умалчиваетъ).

И такъ дальше безъ конца; что ни утвержденіе, то—либо прямая ложь, либо извращеніе дѣйствительности. Въ подстрочномъ примѣчаніи читатель найдетъ еще нѣсколько образчиковъ антививисекціонистской литературы; образчики эти взяты мною изъ новѣйшихъ англійскихъ летучихъ листковъ, тысячами распространяемыхъ въ народѣ антививисекціонистами [2]).

---

[1]) См. Exercitatio anatomica de motu cordis et sanguinis in animalibus. Auctore Gulielmo Harveo. Lugduni Batavorum. 1737.

[2]) «Каковы практическіе результаты вивисекціи?—спрашиваетъ, напр., д-ръ Стефенъ Смисъ.— Они очень велики! Такъ, одинъ американскій врачъ сбрилъ у нѣсколькихъ животныхъ шерсть и выставилъ ихъ на морозъ. Животныя простудились. Изъ этого мы заключаемъ, что зимою слѣдуетъ носить теплую одежду. Лягушки были посажены въ кипящую воду; онѣ старались выпрыгнуть, ясно выказывая боль. Отсюда слѣдуетъ, что нужно избѣгать купаній въ кипящей водѣ. Но этимъ, сколько я могъ узнать, и исчерпываются практическіе результаты вивисекцій». («Vivisection. An independent medical view». 1899, p. 9). Агитаторы-не врачи доказываютъ ненужность вивисекцій другимъ путемъ. «Вивисекція,—заявляетъ мистриссъ Мона Кэрдъ,—есть главный врагъ науки, которая всегда учила, что законы природы гармоничны и не терпятъ противорѣчій; но если эти законы не

Живосѣченія для медицинской науки *необходимы*, — противъ этого могутъ спорить только очень невѣжественные или очень недобросовѣстные люди. Изъ предыдущихъ главъ этихъ записокъ ужъ можно было видѣть, какъ многообразна въ нашей наукѣ необходимость живосѣченій. Предварительные опыты на животныхъ представляютъ хоть нѣкоторую гарантію въ томъ, что новое средство не будетъ дано человѣку въ убійственной дозѣ, и что хирургъ не приступитъ къ операціи совершенно неопытнымъ. Не простою случайностью является далѣе то обстоятельство, что преступные опыты надъ людьми особенно многочисленны именно въ области венерическихъ болѣзней, къ которымъ животныя совершенно невоспріимчивы. Но самое важное—это то, что безъ живосѣченій мы рѣшительно не въ состояніи познать и понять живой организмъ. Какую область физіологіи или патологіи ни взять, мы вездѣ увидимъ, что почти все существенное было открыто путемъ опытовъ надъ животными. Въ 1883 году прусское правительство подъ вліяніемъ агитаціи антививисекціонистовъ обратилось къ медицинскимъ факультетамъ съ запросомъ о степени необходимости живосѣченій; одинъ выдающійся нѣмецкій физіологъ вмѣсто отвѣта прислалъ въ министерство „Руководство къ физіологіи“ Германа, причемъ въ руководствѣ этомъ онъ вычеркнулъ всѣ тѣ факты, которыхъ безъ живосѣченій было бы невозможно установить; по сообщенію нѣмецкихъ газетъ, „книга Германа вслѣдствіе такихъ отмѣтокъ походила на русскую газету, прошедшую сквозь цензуру: зачеркнутыхъ мѣстъ было больше, чѣмъ незачеркнутыхъ“.

Безъ живосѣченій познать и понять живой организмъ невозможно; а безъ полнаго и всесторонняго пониманія его и высшая цѣль медицины, леченіе—невѣрно и ненадежно. Въ 1895 году извѣстный физіологъ проф. И. П. Павловъ демонстрировалъ въ одномъ изъ петербургскихъ медицинскихъ обществъ собаку съ перерѣзанными блуждающими нервами; опытами надъ этой собакой ему удалось разрѣшить нѣкоторые очень важные вопросы въ области физіологіи пищеваренія. Фельетонистъ „Новаго Времени“ Житель рѣзко обрушился за эти опыты на проф. Павлова.

„Кому и зачѣмъ это нужно,—перерѣзать блуждающіе нервы?—

терпятъ противорѣчій, то какъ возможно, чтобъ то, что въ нравственномъ отношеніи несправедливо, было въ научномъ отношеніи справедливо, чтобъ то, что жестоко и неправедно, могло насъ вести къ миру и здоровью?» («The sanctuary of mercy». 1899, p. 6). И это говорится въ странѣ Дарвина!.. Иногда на мѣсто природы подставляется Богъ. «Я думаю,—говоритъ миссъ Коббъ,—что великій Устроитель всего сущаго есть справедливый, святой, милосердый Богъ; и совершенно немыслимо, чтобъ такой Богъ могъ создать свой міръ такимъ образомъ, чтобъ человѣкъ былъ принужденъ искать средствъ противъ своихъ болѣзней путемъ причиненія мукъ низшимъ животнымъ. Мысль, что таково Божіе опредѣленіе,—по моему, богохульство». («Vivisection explained». 1898, p. 6).

спрашивала газета.—Бывали ли въ жизни такіе случаи, которые наводили людей науки на эту мысль? Это одинъ изъ печальнѣйшихъ результатовъ вивисекторскаго виртуозничества, самаго плохого и ненаучнаго свойства... Это, такъ сказать, наука для науки... Когда видишь эти утонченныя ухищренія напряженной, неестественной выдумки гг. вивисекторовъ и сопоставишь ихъ съ тѣмъ простымъ, общимъ фактомъ, что большинство людей умираетъ отъ простой простуды, и гг. врачи не умѣютъ ее вылечить, то торжества ученыхъ собраній по поводу опыта съ блуждающими нервами принимаютъ значенія сарказма... Самыхъ вѣрныхъ болѣзней не умѣютъ лечить и понимать, и въ то же время увлеченіе вивисекторовъ принимаетъ угрожающіе размѣры и не можетъ не возмущать печальнымъ скудоуміемъ и безсердечіемъ ученыхъ живорѣзовъ".

Вотъ типическое разсужденіе улицы. Для чего изучать организмъ во всѣхъ его отправленіяхъ, если не можешь вылечить „простой простуды"? Да именно для того, чтобъ быть въ состояніи вылечить хотя бы ту же самую „простую простуду" (которая, говоря мимоходомъ, очень не проста). „Это—наука для науки"... Наука тогда только и наука, когда она не регулируетъ и не связываетъ себя вопросомъ о непосредственной пользѣ. Электричество долгое время было только „курьезнымъ" явленіемъ природы, не имѣвшимъ никакого практическаго значенія; если бы Грэй, Гальвани, Фарадей и прочіе его изслѣдователи не руководствовались правиломъ „наука для науки", то мы не имѣли бы теперь ни телеграфа, ни телефона, ни рентгеновскихъ лучей, ни электромоторовъ. Химикъ Шеврель изъ чисто научной любознательности открылъ составъ жировъ, а слѣдствіемъ этого явилась фабрикація стеариновыхъ свѣчей.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что далеко не всѣ антививисекціонисты исходятъ при рѣшеніи вопроса изъ такихъ грубыхъ и невѣжественныхъ предпосылокъ, какъ мы сейчасъ видѣли. Нѣкоторые изъ нихъ пытаются поставить вопросъ на принципіальную почву; таковъ, напр., англійскій антививисекціонистъ Генри Солтъ, авторъ сочиненія: „Права животныхъ въ ихъ отношеніи къ соціальному прогрессу". „Допустимъ,—говоритъ онъ,—что прогрессъ врачебной науки невозможенъ безъ живосѣченій. Что же изъ того? Заключать отсюда о законности живосѣченій — слишкомъ поспѣшно; мудрый человѣкъ долженъ принять въ разсчетъ и другую, моральную сторону дѣла,—гнусную несправедливость причиненія мукъ невиннымъ животнымъ". Вотъ единственно правильная постановка вопроса для антививисекціониста: можетъ ли наука обойтись безъ живосѣченій или нѣтъ, но животныя мучаются, и этимъ все рѣшается. Вопросъ поставленъ ясно и недвусмысленно.

Повторяю, смѣяться надъ противниками живосѣченій нельзя, мученія животныхъ при вивисекціяхъ дѣйствительно ужасны, и сочувствіе этимъ мукамъ—не сантиментальность; но нужно помнить, что мимо живосѣченій нѣтъ пути къ созданію научной медицины, которая будетъ излечивать людей.

На Западѣ противники живосѣченій уже добились нѣкоторыхъ довольно существенныхъ ограниченій свободы вивисекціи. Самымъ крупнымъ изъ такихъ ограниченій является англійскій парламентскій актъ 1876 года „о жестокости къ животнымъ". По этому акту, производить опыты надъ живыми животными имѣютъ право лишь лица, получившія на то спеціальное разрѣшеніе (которое, къ тому же, во всякое время можетъ быть взято обратно). Въ Австріи министръ народнаго просвѣщенія издалъ въ 1885 году предписаніе, по которому „опыты на живыхъ животныхъ могутъ быть производимы только ради серьезныхъ изслѣдованій и лишь въ видѣ исключенія, въ случаяхъ крайней необходимости". Въ Даніи для производства живосѣченій требуется разрѣшеніе министра юстиціи (!). Всѣ подобныя распоряженія производятъ очень странное впечатлѣніе. Кому, напр., будутъ выдаваться разрѣшенія? Очевидно, извѣстнымъ ученымъ. Но вотъ въ семидесятыхъ годахъ въ глухомъ нѣмецкомъ городкѣ Вольштейнѣ никому невѣдомый молодой врачъ Робертъ Кохъ путемъ опытовъ надъ животными подробнѣйшимъ образомъ изучаетъ біологію сибире-язвенной палочки и этимъ своимъ изслѣдованіемъ прокладываетъ широкіе пути въ только что народившейся чрезвычайно важной наукѣ—бактеріологіи. Навряд ли бы дано было разрѣшеніе на опыты этому неизвѣстному провинціальному врачу... Кто, далѣе, будетъ рѣшать, какіе опыты „необходимы" для науки? Въ самомъ дѣлѣ министры юстиціи? Но вѣдь это смѣшно. Ученые факультеты? Но кто же не знаетъ, что академическая ученость почти всегда является носительницею рутины? Когда Гельмгольцъ открылъ свой законъ сохраненія энергіи, то академія наукъ, какъ самъ онъ разсказываетъ, признала его работу „безсмысленными и пустыми умствованіями". Его изслѣдованія о скорости проведенія нервнаго тока также встрѣтили лишь улыбку со стороны лицъ, стоявшихъ тогда во главѣ физіологіи.

Имѣетъ ли антививисекціонистская агитація и въ будущемъ шансы на успѣхъ? Я думаю, что успѣхи ея всецѣло основаны на невѣжествѣ публики, и что по мѣрѣ уменьшенія невѣжества ея успѣхи будутъ все больше падать.

Билль „о жестокости къ животнымъ" былъ принятъ англійскимъ парламентомъ въ августѣ 1876 года. Дата знаменательная: какъ разъ въ это время въ Болгаріи свирѣпствовали турки, поощряемые дружественнымъ невмѣшательствомъ Англіи. Неужели

пытаемыя въ лабораторіяхъ лягушки были англійскимъ депутатамъ ближе и дороже, чѣмъ болгарскія дѣвушки и дѣти, насилуемыя и избиваемыя башибузуками? Конечно, нѣтъ. Дѣло гораздо проще: парламентъ понималъ, что вмѣшательство въ болгарскія дѣла *невыгодно* для Англіи, невыгоды же ограниченія живосѣченій онъ не понималъ. А тамъ, гдѣ человѣкъ не видитъ угрозы своей выгодѣ, онъ легко способенъ быть и честнымъ, и гуманнымъ. Въ сентябрѣ 1899 года англичане тысячами подписывались подъ адресомъ осужденному въ Реннѣ Дрейфусу; въ то же время тѣ же англичане шиканіемъ и криками зажимали на митингѣ ротъ Джону Морлею, протестовавшему противъ разбойничьяго отношенія Англіи къ Трансваалю. Русская жизнь представляетъ еще болѣе яркіе примѣры такой кажущейся непослѣдовательности.

Когда люди поймутъ, чѣмъ они жертвуютъ, отнимая у науки право живосѣченій, агитація антививисекціонистовъ будетъ обречена на полное безплодіе. На одномъ собраніи противниковъ живосѣченій манчестерскій епископъ Мургаусъ заявилъ, что онъ предпочитаетъ сто разъ умереть, чѣмъ спасти свою жизнь цѣною тѣхъ адскихъ мукъ, которыя причиняются животнымъ при живосѣченіяхъ. Сознательно идти на такое самопожертвованіе способно лишь очень ничтожное меньшинство.

XI.

Наша врачебная наука въ теперешнемъ ея состояніи очень несовершенна; мы многаго не знаемъ и не понимаемъ, во многомъ принуждены блуждать ощупью. А дѣло приходится имѣть съ здоровьемъ и жизнью человѣка... Ужъ на послѣднихъ курсахъ университета мнѣ понемногу стало выясняться, на какой тяжелый, скользкій и опасный путь обрекаетъ насъ несовершенство нашей науки. Однажды нашъ профессоръ-гинекологъ пришелъ въ аудиторію хмурый и разстроенный.

— Милостивые государи!—объявилъ онъ.—Вы помните женщину съ эндометритомъ, которую я вамъ демонстрировалъ полторы недѣли назадъ и которой я тогда же сдѣлалъ при васъ выскабливаніе матки. Вчера она умерла отъ зараженія брюшины...

Профессоръ подробно изложилъ намъ ходъ болѣзни и результаты вскрытія умершей. Кромѣ разращеній слизистой оболочки, ради которыхъ было произведено выскабливаніе, у больной оказалась въ толщѣ матки мускульная опухоль,—міома. Выскабливаніе матки при міомахъ сопряжено съ большою опасностью, потому что міомы легко могутъ омертвѣть и подвергнуться гнилостному разложенію. Въ данномъ случаѣ самое тщательное изслѣдованіе матки не дало никакихъ указаній на присутствіе

міомы; выскабливаніе было произведено, а слѣдствіемъ этого явилось разложеніе міомы и смерть больной.

— Такимъ образомъ, милостивые государи,—продолжалъ профессоръ,—смерть больной, несомнѣнно, была вызвана нашею операціею; не будь операціи, больная, хотя и не безъ страданій, могла бы прожить еще десятки лѣтъ... Къ сожалѣнію, наша наука не всесильна. Такія несчастныя случайности предвидѣть очень трудно, и къ нимъ всегда нужно быть готовымъ. Для избѣжанія подобной ошибки Шультце предлагаетъ...

Профессоръ говорилъ еще долго, но я его ужъ не слушалъ. Сообщеніе его какъ бы столкнуло меня съ неба, на которое меня вознесли мои тогдашніе восторги передъ успѣхами медицины. Я думалъ: нашъ профессоръ — европейски-извѣстный спеціалистъ, всѣми признанный талантъ, тѣмъ не менѣе даже и онъ не гарантированъ отъ такихъ страшныхъ ошибокъ; что же ждетъ въ будущемъ меня, ординарнѣйшаго, ничѣмъ не выдающагося человѣка?

И въ первый разъ это будущее глянуло на меня зловѣще и мрачно. Нѣкоторое время я ходилъ совершенно растерянный, подавленный громадностью той отвѣтственности, которая ждала меня въ будущемъ. И вездѣ я теперь находилъ свидѣтельства того, какъ во всѣхъ отношеніяхъ велика эта отвѣтственность. Случайно мнѣ попался номеръ „Новостей Терапіи“, и въ немъ я прочелъ слѣдующее:

„Бинцъ сообщаетъ случай выкидыша послѣ пяти пріемовъ салициловаго натра по одному грамму. Врачъ, назначавшій это средство, былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности, но былъ оправданъ, *въ виду того, что подобные случаи до сихъ поръ еще не опубликованы,* несмотря на то, что примѣненіе салициловаго натра, какъ извѣстно, практикуется въ весьма широкихъ размѣрахъ“.

Замѣтка эта случайно попалась мнѣ на глаза, я легко могъ ее и не прочесть, а между тѣмъ, если бы въ будущемъ нѣчто подобное произошло со мною, то мнѣ ужъ не было бы оправданія: теперь такой случай опубликованъ... Я долженъ все знать, все помнить, все умѣть,—но развѣ же это по силамъ человѣку?!

Вскорѣ мое мрачное настроеніе понемногу разсѣялось: пока я былъ въ университетѣ, мнѣ самому ни въ чемъ не приходилось нести отвѣтственности. Но когда я врачомъ приступилъ къ практикѣ, когда я на дѣлѣ увидѣлъ все несовершенство нашей науки, я почувствовалъ себя въ положеніи проводника, которому нужно ночью вести людей по скользкому и обрывистому краю пропасти: они вѣрятъ мнѣ и даже не подозрѣваютъ, что идутъ надъ пропастью, а я каждую минуту жду, что вотъ-вотъ кто-нибудь изъ нихъ рухнетъ внизъ.

Часто, опредѣливъ болѣзнь, я положительно не рѣшался взяться

за ея леченіе и уклонялся подъ первымъ предлогомъ. Въ началѣ моей практики ко мнѣ обратилась за помощью женщина, страдавшая солитеромъ. Самое лучшее и вѣрное средство противъ солитера—вытяжка мужского папоротника. Справляюсь въ книгахъ, какъ его назначить, и читаю: „Средство много потеряло изъ своей славы, потому что его давали въ слишкомъ малыхъ дозахъ... Но съ назначеніемъ его нужно быть очень осторожнымъ: въ большихъ дозахъ оно производитъ отравленіе“... Въ единственно-дѣйствительныхъ не „слишкомъ малыхъ“ дозахъ я долженъ быть „очень остороженъ“. Какъ возможно при такомъ условіи соблюсти осторожность?.. Я заявилъ больной, что не могу ее лечить, и чтобъ она обратилась къ другому доктору.

Больная широко раскрыла глаза.

— Я вамъ заплачу,—сказала она.

— Да нѣтъ, дѣло не въ томъ... Видите ли... За это нужно взяться, какъ слѣдуетъ, а у меня теперь нѣтъ времени...

Женщина пожала плечами и ушла.

Первое время я испытывалъ такой страхъ чуть не передъ половиною всѣхъ моихъ больныхъ; и страхъ этотъ еще усиливался сознаніемъ моей дѣйствительной неопытности; чего стоилъ одинъ тотъ случай съ сыномъ прачки, о которомъ я уже разсказывалъ.

Потомъ мало-по-малу явилась привычка; я пересталъ всего бояться, больше сталъ вѣрить въ себя; каждое дѣйствіе надъ больнымъ ужъ не сопровождалось безплодными терзаніями и мыслями о всѣхъ возможныхъ осложненіяхъ. Но всетаки висящій надъ головою дамокловъ мечъ „несчастнаго случая“ и до сихъ поръ непрерывно держитъ меня въ состояніи какой-то нервной приподнятости.

Никогда напередъ не знаешь, когда и откуда онъ придетъ, этотъ грозный „несчастный случай“. Разъ, я помню, у насъ въ больницѣ дѣлали шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ резекцію локтя. Мнѣ поручили хлороформировать больную. И только я поднесъ къ ея лицу маску съ хлороформомъ, только она вдохнула его,—одинъ единственный разъ,—и лицо ея посинѣло, глаза остановились и пульсъ исчезъ; самыя энергичныя мѣры оживленія не повели ни къ чему; минуту назадъ она говорила, волновалась, глаза блестѣли страхомъ и жизнью,—и уже трупъ!.. По требованію родителей было произведено судебно-медицинское вскрытіе умершей; всѣ ея внутренніе органы оказались совершенно нормальными, какъ я и нашелъ ихъ при изслѣдованіи больной передъ хлороформированіемъ; и тѣмъ не менѣе — смерть, отъ этой ужасной идіосинкразіи, которую невозможно предвидѣть. И родители увезли трупъ, осыпавъ насъ проклятіями.

Прошлымъ лѣтомъ я жилъ въ глухой деревушкѣ средней Рос-

сіи Однажды ко мнѣ присылаютъ отъ сосѣдняго помѣщика съ просьбою пріѣхать. Я рѣшительно отказался: усталый и изнервничавшійся, я хотѣлъ тутъ лишь одного,—отдохнуть, не видѣть страдающихъ лицъ, не испытывать этого постояннаго нервнаго подъема; слишкомъ довольно было ужъ и однихъ крестьянъ, отказывать которымъ положительно не поворачивался языкъ. Но, въ концѣ концовъ, конечно, пришлось-таки поѣхать. Больной былъ тихій и славный старикъ, отставной подполковникъ, съ сѣдыми, прокопченными табакомъ усами; у него былъ циррозъ печени съ водянкой живота.

— Я, докторъ, вылечиться не разсчитываю,—тянулъ старикъ своимъ медленнымъ и басистымъ, словно ворчащимъ голосомъ.— Пора помирать, нужно и честь знать. А только ужъ очень воды много набралось въ животѣ; видите животъ,—настоящая копна, не продохнешь. Мнѣ мой докторъ каждый мѣсяцъ выпускаетъ воду, а сейчасъ онъ въ отпускѣ... Вотъ я васъ и побезпокоилъ. Инструменты, все это у меня есть.

Жидкость въ такихъ случаяхъ выпускается посредствомъ особаго инструмента, троакара, состоящаго изъ тонкой, прямой металлической трубки, въ которую вложенъ остроконечный стилетъ; троакаромъ прокалываютъ стѣнку живота, извлекаютъ стилетъ, и жидкость вытекаетъ черезъ трубку. Операція эта совершенно безопасна: если вводить стилетъ должнымъ образомъ, онъ никогда не поранитъ кишечника. Я выпустилъ больному жидкость.

Черезъ мѣсяцъ старикъ прислалъ за мною снова. Я вторично сдѣлалъ проколъ; на этотъ разъ вытекавшая жидкость была слабо окрашена кровью; вѣроятно, стилетъ поранилъ небольшую венку. На всякій случай я остался при больномъ еще часа на два, но ничего угрожающаго не замѣтилъ. На слѣдующій день рано утромъ за мною присылаютъ отъ больного и просятъ какъ можно скорѣе пріѣхать. За ночь въ старикѣ произошла рѣзкая перемѣна; онъ неподвижно лежалъ на кровати,—мертвенно-блѣдный, съ восковымъ лицомъ, безъ пульса. Были ясны симптомы сильнаго внутренняго кровотеченія. Пока я приготовлялъ физіологическій растворъ соли для подкожнаго вливанія, больной умеръ. Въ чемъ тутъ было дѣло, трудно сказать; вскрыть умершаго мнѣ не позволили; самое вѣроятное,—что остріе троакара поранило ненормально развитую и старчески-перерожденную вѣтку надчревной артеріи, шедшую тамъ, гдѣ ея совсѣмъ нельзя было предполагать, а ночью какое-нибудь рѣзкое движеніе больного или приступъ кашля усилили первоначально слабое кровотеченіе.

Родственники приписали смерть старика естественному ходу болѣзни. Мнѣ было противно молчать, хотѣлось сказать имъ правду и объяснить все,—но къ чему бы это послужило?.. Я ѣхалъ на-

задъ. Надъ росистыми полями лежало тихое, радостное утро, небо звенѣло трелями жаворонковъ, въ нѣжно-зеленой тѣни рощи бѣлѣли стволы березъ,—такіе чистые и спокойные... Неужели мнѣ нигдѣ и никогда не суждено уже испытывать этотъ радостный, ничѣмъ не смущаемый покой?

Англійскій хирургъ Джемсъ Педжетъ говоритъ въ своей лекціи „о несчастіяхъ въ хирургіи“: „Нѣтъ хирурга, которому не пришлось бы въ теченіе своей жизни одинъ или нѣсколько разъ сократить жизнь больнымъ, въ то время, какъ онъ стремился продолжить ее. И такія приключенія бываютъ не при однѣхъ только важныхъ операціяхъ. Если бы вы могли пробѣжать полный списокъ операцій, считаемыхъ „малыми“, вы нашли бы, что каждый опытный хирургъ имѣетъ или имѣлъ въ своей собственной практикѣ или видѣлъ у другихъ одинъ или нѣсколько смертельныхъ исходовъ при всякой изъ этихъ операцій. Если хирургъ удалитъ ножомъ сто атеромъ на волосистой части головы, то,—я осмѣливаюсь утверждать,—одинъ или двое изъ его оперируемыхъ умрутъ. Всякій, кто подъ-рядъ наложитъ такое же число разъ лигатуру на геморроидальныя шишки, получитъ одинъ или два смертельныхъ исхода“.

И отъ этого нѣтъ спасенія. Каждую минуту можетъ разразиться несчастье и смять тебя навсегда. Въ 1884 году вѣнскій врачъ Шпитцеръ пользовалъ четырнадцатилѣтнюю дѣвочку, страдавшую ознобленіемъ пальцевъ; онъ прописалъ ей іодистаго коллодія и велѣлъ мазать имъ отмороженныя мѣста; у дѣвочки образовалось омертвѣніе мизинца, и палецъ пришлось ампутировать. Мать больной подала на д-ра Шпитцера въ судъ. Судъ приговорилъ его къ уплатѣ истицѣ 650 гульденовъ, къ штрафу въ 200 гульденовъ и къ лишенію права практики. Газеты яростно напали на Шпитцера, осыпая его насмѣшками и издѣвательствами. Въ врачебномъ мірѣ случай этотъ вызвалъ большое волненіе: Шпитцеръ не могъ имѣть никакихъ основаній ждать, чтобъ смазыванія пальца невиннымъ іодистымъ коллодіемъ способны были произвести такое разрушительное дѣйствіе. Осужденный апеллировалъ въ сенатъ. Было затребовано мнѣніе медицинскаго факультета. По докладу извѣстнаго хирурга проф. Альберта факультетъ единогласно далъ слѣдующее заключеніе. „Примѣненныя докторомъ Шпитцеромъ смазыванія іодистымъ коллодіемъ не повели къ гангренѣ въ рядѣ опытовъ, спеціально произведенныхъ факультетомъ съ этою цѣлью. Въ литературѣ и наукѣ не имѣется указаній на опасность примѣненія упомянутаго средства вообще и въ случаяхъ, подобныхъ происшедшему, въ частности. Поэтому нѣтъ основанія обвинять д-ра Шпитцера въ невѣжествѣ“. Но Шпитцеръ ужъ не нуждался въ оправданіи. Въ тотъ день, когда

было опубликовано факультетское заключеніе, трупъ Шпитцера былъ вытащенъ изъ Дуная: онъ не вынесъ тяжести всеобщихъ осужденій и утопился.

Да, ужъ пощады въ подобныхъ случаяхъ не жди ни отъ кого! Врачъ долженъ быть богомъ, не ошибающимся, не вѣдающимъ сомнѣній, для котораго все ясно и все возможно. И горе ему, если это не такъ, если онъ ошибся, хотя бы не ошибиться было невозможно... Лѣтъ пятнадцать назадъ фельетонистъ „Петербургской Газеты“ г. Амикусъ огласилъ одинъ „возмутительный“ случай, происшедшій въ хирургической клиникѣ проф. Коломнина. Мальчикъ Харитоновъ, „съ болью въ тазобедреномъ суставѣ“ былъ привезенъ родителями въ клинику; при изслѣдованіи мальчика ассистентомъ клиники, д-ромъ Т. (названа полная фамилія), произошло вотъ что: „Т. проситъ, чтобъ Харитоновъ прыгнулъ на больную ногу; тотъ, конечно, отказывается, завѣряя почтеннаго эскулапа, что онъ не можетъ стоять на больной ногѣ. Но эскулапъ не слушаетъ завѣреній несчастнаго юноши и съ помощью присутствующихъ заставляетъ прыгнуть. Тотъ прыгнулъ. Раздался страшный крикъ, и несчастный мальчикъ упалъ на руки своихъ палачей: отъ прыжка нога сломилась у самаго бедра“. У больного „съ ужасающею быстротою“ развилась саркома, и онъ умеръ „по винѣ своихъ мучителей“.

Д-ръ Т. въ письмѣ въ редакцію газеты объяснилъ, какъ было дѣло. Мальчикъ жаловался на боли въ суставѣ, но никакихъ наружныхъ признаковъ пораженія въ суставѣ не замѣчалось; были основанія подозрѣвать туберкулезъ тазобедренаго сустава (кокситъ). Стоять на больной ногѣ Харитоновъ могъ. „Я предложилъ больному стать на больную ногу и слегка подпрыгнуть. При такой пробѣ у кокситиковъ при самомъ началѣ болѣзни, когда всѣ другіе признаки отсутствуютъ, болѣзнь выдаетъ себя легкою болью въ суставѣ“. Послѣдовалъ переломъ. Такіе переломы относятся къ числу такъ называемыхъ *самородныхъ переломовъ*: у мальчика, какъ впослѣдствіи оказалось, была центральная костномозговая саркома; она разъѣла изнутри кость и уничтожила ея обычную твердость; достаточно было перваго сильнаго движенія, чтобъ случился переломъ; тотъ же самый переломъ самъ собою сдѣлался бы у больного или въ клиникѣ, или на возвратномъ пути домой. „Узнать навѣрное такую болѣзнь, когда еще нельзя найти самой опухоли, въ высокой степени трудно, иногда положительно *невозможно*“. Къ этому нужно еще прибавить, что упомянутая болѣзнь вообще принадлежитъ къ числу очень рѣдкихъ, въ противуположность кокситу, болѣзни очень распространенной.

Объясненіе д-ра Т. вызвало новыя глумленія фельетониста.

„Не правда ли, поразительно!—писалъ г. Амикусъ.—Самодѣйствующій переломъ!.. Это ли еще не есть верхъ несчастной случайности, въ особенности для насъ, профановъ, впервые слышащихъ о самородныхъ, самодѣйствующихъ, автоматическихъ переломахъ рукъ и ногъ. Только въ такихъ необычайныхъ случаяхъ можно вполнѣ оцѣнить, что значитъ наука, и горько всплакнуть надъ своимъ невѣжествомъ... Что же остается дѣлать профану? Не спорить же съ наукой! Остается только пристыженно понурить голову передъ сіяніемъ ослѣпляющей науки и немедленно испробовать съ тревожнымъ чувствомъ (посредствомъ ударовъ о твердые предметы), не подкрался ли къ нему самому этотъ предательскій самородный переломъ".

Послѣ этого еще цѣлую недѣлю по газетамъ трепали и высмѣивали д-ра Т.

Со стороны возмущаться подобными ошибками врачей легко. Но въ томъ-то и трагизмъ нашего положенія, что представься назавтра врачу другой такой же случай, — и врачъ *обязанъ* былъ бы поступить совершенно такъ же, какъ поступилъ въ первомъ случаѣ. Конечно, для него было бы гораздо спокойнѣе поступить иначе: наружныхъ признаковъ пораженія сустава не замѣчается; есть способъ узнать, не туберкулезъ ли это; но вдругъ болѣзнь окажется костной саркомой, и тоже послѣдуетъ переломъ! Правда, костныя саркомы такъ рѣдки, что за всю свою практику врачъ встрѣтитъ ихъ всего два-три раза; правда, если теперь же взяться за леченіе туберкулезнаго сустава, то можно надѣяться на полное и прочное излеченіе его, а все-таки... лучше подальше отъ грѣха; лучше пусть больной отправляется домой и представится снова тогда, когда уже появятся несомнѣнные наружные признаки... Только трусъ, который поступилъ бы такъ, былъ бы недостоинъ имени врача.

Общество живетъ слишкомъ невѣрными представленіями о медицинѣ, и это—главная причина его несправедливаго отношенія къ врачамъ; оно должно узнать силы и средства врачебной науки и не винить врачей въ томъ, въ чемъ виновато несовершенство науки. Тогда и требовательность къ врачамъ понизилась бы до разумнаго уровня.

А впрочемъ,—понизилась ли бы она и тогда?.. Чувство не знаетъ и не хочетъ знать логики. Недавно я испыталъ это на самомъ себѣ. У моей жены роды были очень трудные, потребовалась операція. И передо мною зловѣще-ярко встали всѣ возможныя при этомъ несчастія.

— Нужно сдѣлать операцію,—спокойно и хладнокровно сказалъ мнѣ врачъ-акушеръ.

Какъ могъ онъ говорить объ этомъ такъ спокойно?! Вѣдь онъ

знаетъ, какія многочисленныя случайности грозятъ роженицѣ при подобной операціи; пусть случайности эти рѣдки, но все-таки же онѣ существуютъ и возможны. А онъ долженъ ясно понять, что значитъ для меня потерять Наташу, онъ *навѣрное* долженъ сдѣлать операцію удачно, въ противномъ случаѣ это будетъ ужасно, и ему не можетъ быть извиненія,—ни ему, ни наукѣ; не *смѣетъ* онъ ни въ чемъ погрѣшить!.. И передъ этимъ охватившимъ меня чувствомъ стали блѣдны и безсильны всѣ доводы моего разума и знанія.

XII.

Въ обществѣ къ медицинѣ и врачамъ распространено сильное недовѣріе. Врачи издавна служатъ излюбленнымъ предметомъ каррикатуръ, эпиграммъ и анекдотовъ. Здоровые люди говорятъ о медицинѣ и врачахъ съ усмѣшкою, больные, которымъ медицина не помогла, говорятъ о ней съ ярою ненавистью.

Эти насмѣшки и это недовѣріе вначалѣ сильно конфузили меня. Я чувствовалъ, что въ основѣ своей онѣ справедливы, что въ наукѣ нашей, дѣйствительно, есть многое, чего мы должны конфузиться. Чувствуя это, я иногда не прочь былъ и самъ въ откровенную минуту выказать свое пренебрежительное и насмѣшливое отношеніе къ медицинѣ. Однажды въ деревнѣ мы возвращались вечеромъ съ прогулки. Ко мнѣ подошла баба съ просьбою осмотрѣть и полечить ее. Я зашелъ къ ней въ избу вмѣстѣ съ своей двоюродной сестрой. Баба жаловалась, что ей „подпираетъ корешки“ и схватываетъ подложечкой, что, когда она наклоняется, у нея сильно кружится голова. Я изслѣдовалъ ее и сказалъ, чтобъ она зашла ко мнѣ за каплями.

— Что у нея?—спросила сестра, когда мы вышли.

— А я почемъ знаю! — съ усмѣшкою отвѣтилъ я. — Подпираетъ корешки какіе-то.

Сестра удивленно подняла брови.

— Вотъ странно! Ты такъ увѣренно держался, — я думала, для тебя все совершенно ясно.

— Дня черезъ два изслѣдую ее еще разъ,—можетъ быть, выяснится.

— Ну, и наука же ваша!

— Наука—что говорить! Наука, можно сказать,—точная!

И я сталъ разсказывать ей случаи, показывавшіе, какъ „точна“ наша наука, и какъ наивно смотрятъ на врачей больные.

Мнѣ не разъ случалось такимъ тономъ говорить о медицинѣ; все, что я разсказывалъ, была правда, но всегда послѣ подобныхъ разговоровъ мнѣ становилось совѣстно: эту правду я оцѣнивалъ;

становясь на точку зрѣнія своихъ слушателей, въ душѣ же у меня, несмотря на все, отношеніе къ медицинѣ было серьезное и полное уваженія.

Очевидно, во всемъ этомъ крылось какое-то глубокое недоразумѣніе. Медицина не оправдываетъ ожиданій, которыя на нее возлагаются,—надъ нею смѣются и въ нее не вѣрятъ. Но правильны ли и законны ли самыя эти ожиданія? Есть наука объ излеченіи болѣзней, которая называется медициной, человѣкъ, обучившійся этой наукѣ, долженъ безошибочно узнавать и вылечивать болѣзни; если онъ этого не умѣетъ, то либо самъ онъ плохъ, либо его наука никуда не годится.

Такой взглядъ былъ совершенно естественъ, но въ то же время совершенно неправиленъ. Не существуетъ хоть сколько-нибудь законченной науки объ излеченіи болѣзней; передъ медициною стоитъ живой человѣческій организмъ съ безконечно-сложною и запутанною жизнью; многое въ этой жизни уже понято, но каждое новое открытіе въ то же время раскрываетъ все большую чудесную ея сложность; темнымъ и мало понятнымъ путемъ развиваются въ организмѣ многія болѣзни, неясны и неуловимы борющіяся съ ними силы организма, нѣтъ средствъ поддержать эти силы; есть другія болѣзни, сами по себѣ болѣе или менѣе понятныя; но сплошь да рядомъ онѣ протекаютъ такъ скрытно, что всѣ средства науки безсильны для ихъ опредѣленія.

Это значитъ, что врачи ненужны, а ихъ наука никуда не годится? Но вѣдь есть многое другое, что наукѣ уже понятно и доступно, во многомъ врачъ можетъ оказать существенную помощь. Во многомъ онъ и безсиленъ, но въ чемъ именно онъ безсиленъ, можетъ опредѣлить только самъ врачъ, а не больной; даже и въ этихъ случаяхъ врачъ незамѣнимъ, хотя бы по одному тому, что онъ понимаетъ всю сложность происходящаго передъ нимъ болѣзненнаго процесса, а больной и его окружающіе не понимаютъ.

Люди не имѣютъ даже самаго отдаленнаго представленія ни о жизни своего тѣла, ни о силахъ и средствахъ врачебной науки. Въ этомъ—источникъ большинства недоразумѣній, въ этомъ—причина какъ слѣпой вѣры въ всемогущество медицины, такъ и слѣпого невѣрія въ нее. А то и другое одинаково даетъ знать о себѣ очень тяжелыми послѣдствіями.

Въ публикѣ сильно распространены всевозможные „общедоступные лечебники“ и популярныя брошюры о леченіи; въ маломальски интеллигентной семьѣ всегда есть домашняя аптечка, и, раньше чѣмъ позвать врача, на больномъ испробуютъ и касторку, и хининъ, и салициловый натръ, и валеріанку; недавно въ Петербургѣ даже основалось цѣлое общество „самопомощи въ бо-

лѣзняхъ". Ничего подобнаго не было бы возможно, если бы у людей, вмѣсто слѣпой вѣры въ простую и нехитрую медицинскую науку, было разумное пониманіе этой науки. Люди знали бы, что каждый новый больной представляетъ собою новую, неповторяющуюся болѣзнь, чрезвычайно сложную и запутанную, разобраться въ которой далеко не всегда можетъ и врачъ со всѣми его знаніями. У больного запоръ, нужно ему дать касторки; рѣшился ли бы кто-нибудь приступить къ такому леченію, если бы хоть подозрѣвалъ о томъ, что иногда этимъ можно убить человѣка, что иногда, какъ, напр., при свинцовой колике, запоръ можно устранить не касторкой, а только... опіемъ?

На невѣжественной вѣрѣ въ всесиліе медицины основываются тѣ преувеличенныя требованія къ ней, которыя являются для врача проклятіемъ и связываютъ его по рукамъ и ногамъ. Больной съ брюшнымъ тифомъ сильно лихорадитъ, у него болитъ голова, онъ потѣетъ по ночамъ, его мучаетъ тяжелый бредъ; бороться съ этимъ нужно очень осторожно, и преимущественно физическими средствами; но попробуй, скажи паціенту: „страдай, обливайся потомъ, изнывай отъ кошмаровъ!" Онъ отвернется отъ тебя и обратится къ врачу, который не будетъ жалѣть хинина, фенацетина и хлоралъ-гидрата: что это за врачъ, который не даетъ облегченія! Пусть это облегченіе идетъ насчетъ силъ больного, пусть оно навсегда расшатаетъ его организмъ, пусть совершенно отучитъ отъ способности самостоятельно бороться съ болѣзнью,— облегченіе получено, и довольно. Самыми несчастными паціентами въ этомъ отношеніи являются разнаго сорта „высокія особы",— нетерпѣливыя, избалованныя, которыя самую наличность неустраненнаго, хотя бы легкаго страданія ставятъ въ вину лечащему ихъ врачу. Вотъ почему, между прочимъ, въ публикѣ громкимъ успѣхомъ пользуются врачи, о которыхъ понимающіе дѣло товарищи отзываются съ презрѣніемъ и къ помощи которыхъ ни одинъ изъ врачей не станетъ обращаться.

Врачъ на то и врачъ, чтобы легко и увѣренно устранять страданія и излечивать болѣзни. Дѣйствительность на каждомъ шагу опровергаетъ такое представленіе о врачахъ, и люди отъ слѣпой вѣры въ медицину переходятъ къ ея полному отрицанію. У больного болѣзнь излечимая, но требующая леченія долгаго и систематическаго; недѣля-другая леченія не дала помощи, и больной машетъ рукою на врача и обращается къ знахарю. Есть болѣзни затяжныя, противъ которыхъ мы не имѣемъ дѣйствительныхъ средствъ, напр., коклюшъ; врачъ, котораго въ первый разъ пригласятъ въ семью для леченія коклюша, можетъ быть увѣренъ, что въ эту семью его никогда ужъ больше не позовутъ: нужно громадное, испытанное довѣріе къ врачу или полное пониманіе

дѣла, чтобъ примириться съ ролью врача въ этомъ случаѣ,—слѣдить за гигіеничностью обстановки и принимать мѣры противъ появляющихся осложненій.

Особенно богатый матеріалъ для отрицанія медицины даютъ ошибки врачей. Врачъ опредѣлилъ у больного брюшной тифъ, а на вскрытіи оказалось, что у него была общая бугорчатка,—позоръ врачамъ, хотя клиническія картины той и другой болѣзни часто совершенно тожественны. У меня есть одинъ знакомый; три года у него сильно болитъ правое колѣно; одинъ врачъ опредѣлилъ туберкулезъ, другой—сифилисъ, третій подагру; и облегченія ни отъ кого нѣтъ. Отсюда выводъ можетъ быть только одинъ: иногда болѣзни проявляются въ такихъ темныхъ и неясныхъ формахъ, что правильный діагнозъ возможно поставить только случайно. Но каждый человѣкъ судитъ по тому, что испытываетъ на себѣ; и знакомый мой говоритъ: „Ваше занятіе для общества—то же, что для человѣка галстухъ; галстухъ совершено безполезенъ, но ходить безъ него цивилизованному человѣку неприлично; и онъ покорно платитъ за галстухъ деньги, и люди, приготовляющіе галстухи, думаютъ, что дѣлаютъ что-то нужное...“

— Должна вамъ, докторъ, сознаться,—я совершенно не вѣрю въ вашу медицину,—сказала мнѣ недавно одна дама.

Она не вѣритъ... Но вѣдь она ея совершенно не знаетъ! Какъ же можно вѣрить или не вѣрить въ значеніе того, чего не знаешь?

Многое изъ того, что мною разсказано въ предыдущихъ главахъ, можетъ у людей, слѣпо вѣрующихъ въ медицину, вызвать невѣріе въ нее. Я и самъ пережилъ это невѣріе. Но вотъ теперь, зная все, я все-таки съ искреннимъ чувствомъ говорю: *я вѣрю въ медицину*,—вѣрю, хотя она во многомъ безсильна, во многомъ опасна, многаго не знаетъ. И могу ли я не вѣрить, когда то и дѣло вижу, какъ она даетъ мнѣ возможность спасать людей, какъ губятъ сами себя тѣ, кто отрицаетъ ее?

„Я не вѣрю въ вашу медицину“,—говоритъ дама. Во что же, собственно, она не вѣритъ? Въ то, что возможно въ два дня „перервать“ коклюшъ, или въ то, что при нѣкоторыхъ глазныхъ болѣзняхъ своевременнымъ примѣненіемъ атропина можно спасти человѣка отъ слѣпоты? Ни въ два дня, ни въ три недѣли невозможно перервать коклюша, но нѣсколькими каплями атропина можно сохранить человѣку зрѣніе, и тотъ, кто не „вѣритъ“ въ это, подобенъ скептику, не вѣрящему, чтобъ гдѣ-нибудь на свѣтѣ мужики говорили по-французски.

Человѣкъ долгіе годы страдаетъ удушьемъ, я прижигаю ему носовыя раковины,—и онъ становится здоровымъ и счастливымъ отъ своего здоровья; мальчикъ тупъ, невнимателенъ и безпамя-

тенъ, я вырѣзаю ему гипертрофированныя миндалины, — и онъ умственно совершенно перерождается; ребенокъ истощенъ поносами,—я безъ всякихъ лекарствъ, однимъ регулированіемъ діэты и времени пріема пищи достигаю того, что онъ становится полнымъ и веселымъ. Мое знаніе часто даетъ мнѣ возможность самымъ незначительнымъ пріемомъ или назначеніемъ предотвратить тяжелую болѣзнь, и чѣмъ невѣжественнѣе люди, тѣмъ ярче бросается въ глаза все значеніе моего знанія. Въ трудныхъ, запутанныхъ случаяхъ, потребовавшихъ много умственныхъ и нервныхъ затратъ, особенно сильно и побѣдно чувствуешь свое торжество, и смѣшно подумать, что можно было бы сдѣлать здѣсь безъ знанія... Нѣтъ, я—я вѣрю въ медицину, и мнѣ глубоко жаль тѣхъ, кто въ нее не вѣритъ.

Я вѣрю въ медицину. Насмѣшки надъ нею истекаютъ изъ незнанія смѣющихся. Тѣмъ не менѣе во многомъ мы вѣдь, дѣйствительно, безсильны, невѣжественны и опасны; вина въ этомъ не наша, но это именно и даетъ пищу невѣрію въ нашу науку и насмѣшкамъ надъ нами. И передо мною все настойчивѣе сталъ вставать вопросъ: это невѣріе и эти насмѣшки я признаю неосновательными, имъ не должно быть мѣста по отношенію ко мнѣ и къ моей наукѣ, — какъ же мнѣ для этого держаться съ паціентомъ?

Прежде всего нужно быть съ нимъ честнымъ. Именно потому, что сами мы скрываемъ отъ людей истинные размѣры доступнаго намъ знанія, къ намъ и возможно то враждебно-ироническое чувство, которое мы повсюду возбуждаемъ къ себѣ. Одна изъ главныхъ заслугъ Льва Толстого, какъ художника, заключается въ поразительно-человѣчномъ и серьезномъ отношеніи къ каждому изъ рисуемыхъ имъ лицъ; *единственное* исключеніе онъ дѣлаетъ для врачей: ихъ Толстой не можетъ выводить безъ раздраженія и почти тургеневскаго подмигиванія читателю. Есть же, значитъ, что-то, что такъ возстановляетъ всѣхъ противъ насъ. И мнѣ казалось, что это „что-то“ есть именно окутываніе себя туманомъ и возбужденіе къ себѣ преувеличеннаго довѣрія и ожиданій. Этого не должно быть.

Но практика немедленно опровергла меня: напротивъ, иначе, чѣмъ есть, и не можетъ быть. Я лечилъ одного чиновника, больного брюшнымъ тифомъ; его крѣпило, животъ былъ сильно вздутъ; я назначилъ ему каломель въ обычной слабительной дозѣ, со всѣми обычными предосторожностями.

— У мужа, докторъ, явилось во рту какое-то осложненіе,— сообщила мнѣ жена больного при слѣдующемъ моемъ визитѣ.

Больной жаловался на сильное слюнотеченіе, десны покраснѣли и распухли, изо рту несло отвратительнымъ запахомъ; это была

типическая картина легкаго отравленія ртутью, вызваннаго назначеннымъ мною каломелемъ; обвинить себя я ни въ чемъ не могъ,—я принялъ рѣшительно всѣ предупредительныя мѣры.

Что мнѣ было сказать? Что это—слѣдствіе назначеннаго мною леченія? Глупѣе поступить было бы невозможно. Я совершенно безцѣльно подорвалъ бы довѣріе ко мнѣ больного и заставилъ бы его ждать всякихъ бѣдъ отъ каждаго моего назначенія. И я молча, стараясь не встрѣтиться съ взглядомъ жены больного, выслушалъ ея рѣчи объ удивительномъ разнообразіи осложненій при тифѣ.

Меня пригласили къ больному ребенку; онъ лихорадилъ, никакихъ опредѣленныхъ жалобъ и симптотовъ не было; приходилось подождать выясненія болѣзни. Я не хотѣлъ прописывать „ut aliquid fiat“, я сказалъ матери, что слѣдуетъ принять такія-то гигіеническія мѣры, а лекарствъ пока не нужно. У ребенка развилось воспаленіе мозговыхъ оболочекъ, онъ умеръ. И мать стала горько клясть меня въ его смерти, потому что я не поспѣшилъ во-время „перервать“ его болѣзнь.

А какъ могу я держаться „честно“ съ неизлечимыми больными? Съ ними все время приходится лицемѣрить и лгать, приходится пускаться на самыя разнообразныя выдумки, чтобы вновь и вновь поддержать падающую надежду. Больной, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, всегда сознаетъ эту ложь, негодуетъ на врача и готовъ проклинать медицину. Какъ же держаться? Древне-индійская медицина была въ этомъ отношеніи пряма и жестокоискренна: она имѣла дѣло только съ излечимыми больными, неизлечимый не имѣлъ права лечиться; родственники отводили его на берегъ Ганга, забивали ему носъ и ротъ священнымъ иломъ и бросали въ рѣку... Больной сердится, когда врачъ не говоритъ ему правды; о, онъ хочетъ одной только правды! Вначалѣ я былъ настолько наивенъ и молодо-прямолинеенъ, что при настойчивомъ требованіи говорилъ больному правду; только постепенно я понялъ, что въ дѣйствительности значитъ, когда больной хочетъ правды, увѣряя, что не боится смерти; это значитъ: „если надежды нѣтъ, то лги мнѣ такъ, чтобъ я ни на секунду не усумнился, что ты говоришь правду“.

Вездѣ, на каждомъ шагу, приходится быть актеромъ; особенно это необходимо потому, что болѣзнь излечивается не только лекарствами и назначеніями, но и душою самого больного; его бодрая и вѣрящая душа—громадная сила въ борьбѣ съ болѣзнью, и нельзя достаточно высоко оцѣнить эту силу; меня первое время удивляло, насколько успѣшнѣе оказывается мое леченіе по отношенію къ постояннымъ моимъ паціентамъ, горячо вѣрящимъ въ меня и посылающимъ за мною съ другого конца города, чѣмъ по

отношенію къ пацієнтамъ, обращающимся ко мнѣ въ первый разъ; я видѣлъ въ этомъ довольно комичную игру случая; постепенно только я убѣдился, что это вовсе не случайность, что мнѣ, дѣйствительно, могучую поддержку оказываетъ завоеванная мною вѣра, удивительно поднимающая энергію больного и его окружающихъ. Больной страшно нуждается въ этой вѣрѣ и чутко ловитъ въ голосѣ врача всякую ноту колебанія и сомнѣнія... И я сталъ привыкать держаться при больномъ самоувѣренно, дѣлать назначенія самымъ докторальнымъ и безапелляціоннымъ тономъ, хотя бы въ душѣ въ это время поднимались тысячи сомнѣній.

— Нелучше ли, докторъ, сдѣлать то-то?—спрашиваетъ скептическій больной.

— Я васъ попрошу безпрекословно исполнять, что я назначаю,—категорически заявляю я.—Только въ такомъ случаѣ я и могу вести леченіе.

И весь мой тонъ говоритъ, что я обладаю полною истиною, сомнѣніе въ которой можетъ быть только оскорбительнымъ.

И вѣру въ себя недостаточно завоевать разъ; приходится все время завоевывать ее непрерывно. У больного болѣзнь затягивается; необходимо зорко слѣдить за душевнымъ состояніемъ его и его окружающихъ; какъ только они начинаютъ падать духомъ, слѣдуетъ, хотя бы наружно, перемѣнить леченіе, назначить другое средство, другой пріемъ; нужно цѣпляться за тысячи мелочей, напрягая всю силу фантазіи, тонко считаясь съ характеромъ и степенью развитія больного и его близкихъ.

Все это такъ далеко отъ того простого исполненія предписаній медицины, въ которомъ, какъ я раньше думалъ, и заключается все наше дѣло! Турецкій знахарь ходжа назначаетъ больному леченіе, обвѣшиваетъ его амулетами и подъ конецъ дуетъ на него; въ послѣднемъ вся суть; хорошо излечивать людей способенъ только ходжа „съ хорошимъ дыханіемъ“. Такое же „хорошее дыханіе“ требуется и отъ настоящаго врача. Онъ можетъ обладать громаднымъ распознавательнымъ талантомъ, умѣть улавливать самыя тонкія детали дѣйствія своихъ назначеній,—и все это останется безплоднымъ, если у него нѣтъ способности покорять и подчинять себѣ душу больного. Есть, правда, истинно-интеллигентные больные, которымъ не нужно полу-шарлатанское „хорошее дыханіе“, которымъ болѣе дороги талантъ и знаніе, не желающіе скрывать голой правды. Но такіе больные такъ же рѣдки среди людей, какъ рѣдки среди нихъ сами талантъ и знаніе.

В. Вересаевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СОНЕТЪ.

Ужъ ночь близка, и звѣзды замерцали.
Свѣжѣетъ воздухъ. Нѣжныхъ тайнъ полна
Печаль небесъ, стыдлива и ясна.
Какъ легкій дымъ, въ туманѣ тонутъ дали.

Всѣ пѣсни дня покорно отзвучали,
Безоблачна, какъ небо, тишина;
И міръ степной объяли думы сна,
И внемлетъ онъ безмолвіе печали...

Какая ширь! Куда ни бросишь взоръ,
Вездѣ—родной, таинственный просторъ
Безъ береговъ, безъ красокъ и движеній,
И чудится, что это море тѣни
Растетъ, растетъ... и въ немъ таится хоръ.
Дыханьемъ тьмы окованныхъ видѣній.

Сергѣй Маковскій.

РАЗВИТІЕ БІОЛОГІИ ВЪ XIX СТОЛѢТІИ.

Докладъ въ собраніи нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Ахенѣ 17-го сентября 1900 г.

Оскара Гертвига.

директора анатомо-біологическаго института берлинскаго университета.

Переводъ съ нѣмец. В. Вихерскаго.

Могучіе успѣхи естествознанія особенно ярко бросаются въ глаза въ области физико-математическихъ наукъ. Въ самомъ дѣлѣ, знанія силъ природы, достигнутыя физиками и химиками путемъ трудолюбивыхъ изслѣдованій въ лабораторіяхъ, послужили исходнымъ пунктомъ въ технической борьбѣ съ природой, приведшей къ полному преобразованію жизни культурныхъ народовъ. Часто незамѣтныя физическія и химическія открытія порождали колоссальный ростъ индустріи, все болѣе и болѣе расширяя размѣры міровой торговли; изъ нихъ возникали разнообразные успѣхи техники, подчинившей человѣку пространство и время, безъ труда переносящей его силой пара черезъ обширные материки и съ быстротой молніи передающей его мысли черезъ океаны.

Біологія не имѣетъ столь блестящихъ результатовъ. Однако, беру на себя смѣлость утверждать, познаніе природы, достигнутое человѣческимъ геніемъ въ біологической области, по своему общему научному значенію и важности для культуры человѣческаго рода не уступаетъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ физико-математическихъ наукъ. Пониманіе сложныхъ естественныхъ законовъ, подчиняющихъ себѣ организмы, пониманіе строенія, происхожденія и жизненныхъ процессовъ послѣднихъ, ихъ взаимныхъ отношеній другъ къ другу и ко всей природѣ, научаетъ насъ покорять господству нашего ума также и міръ живыхъ существъ: мы можемъ заставить ихъ служить нашему благу или бороться съ ними при помощи гигіеническихъ предохранительныхъ мѣръ. Но, что еще важнѣе, біологія просвѣтляетъ насъ относительно нашей собственной человѣческой природы какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи; благодаря ей мы достигаемъ бо́льшаго господства надъ нами самими и тѣмъ оказываемъ вліяніе на наши религіозныя, мо-

ральныя и соціальныя представленія; такимимъ образомъ возбужаются силы, которыя не менѣе глубоко преобразуютъ весь строй нашей жизни, чѣмъ техническое господство надъ мертвой природой, достигнутое физикой и химіей.

Едвали краткимъ опредѣленіемъ можно правильно отвѣтить на вопросъ, что такое живое существо и что такое жизнь. Можно только сказать, что жизнь покоится на особой своеобразной организаціи вещества, и съ этой организаціей связаны особыя отправленія или функціи, чего никогда не бываетъ въ мертвой природѣ. Поэтому, отдѣльныя научныя отрасли, занимающіяся изученіемъ животныхъ и растеній, обыкновенно принято дѣлить на двѣ группы:—анатомическія и физіологическія науки, изучающія строеніе или организацію живыхъ существъ, и изслѣдующія отправленія или функціи—жизненные процессы ихъ.

Въ обоихъ этихъ направленіяхъ наши знанія безконечно расширились за послѣднія сто лѣтъ. Между тѣмъ какъ XVI и XVII вѣка дали намъ великихъ анатомовъ—Евстахія, Фаллопія, Везаля, открывшихъ съ помощью ножа и ножницъ многочисленные органы человѣческаго тѣла и положившихъ, такимъ образомъ, анатомическія основанія научной медицинѣ, біологія въ XIX столѣтіи достигла величайшей побѣды въ *области микроскопической анатоміи*. Вооруженные сложнымъ микроскопомъ, этимъ превосходнымъ орудіемъ, доведеннымъ оптиками до высшей степени совершенства, анатомы въ настоящее время сумѣли открыть неподозрѣваемый дотолѣ жизненный міръ.

Безъ колебанія ставлю въ рядъ величайшихъ завоеваній біологіи въ XIX вѣкѣ, открытіе, что растенія и животныя построены изъ клѣтокъ, или, общѣе говоря, изъ безчисленныхъ мельчайшихъ элементарныхъ организмовъ. Соединенными усиліями знаменитыхъ біологовъ—назову только Пуркинье, Шлейдена и Швана, Гуго фонъ-Моля, Негели, Ремака, Келикера и Вирхова, Брюке, Кона и Макса Шульце — наше знаніе организаціи живой матеріи безконечно расширилось и улучшилось. Анатомія и физіологія въ *теоріи клѣтки и протоплазмы* получила твердый фундаментъ, подобно тому, какъ въ химіи его составляетъ ученіе объ атомахъ и молекулахъ.

Вмѣстѣ съ клѣточной теорій возникъ рядъ весьма важныхъ представленій. Если растенія и животныя представляютъ въ извѣстномъ смыслѣ колоніи или государства соціально связанныхъ, элементарныхъ живыхъ существъ, то и жизненный процессъ ихъ не что иное, какъ чрезвычайно сложный результатъ безчисленныхъ элементарныхъ жизненныхъ процессовъ, совершающихся внутри клѣтокъ. Понятно, здѣсь можно сдѣлать весьма поучительное сравненіе, проведя параллель между совмѣстной дѣятельностью отдѣльныхъ членовъ въ человѣческомъ государствѣ и созданныхъ ими учрежденій съ одной стороны и строеніемъ и жизнью растительнаго и животнаго организма съ другой стороны. *Законъ раздѣленія труда и дифференцировки*, вызы-

вающій въ человѣческомъ обществѣ отдѣльныя профессіи и всю многосторонность соціальной дѣятельности, съ полнымъ основаніемъ были примѣнены Мильномъ Эдварсомъ, Спенсеромъ и многими другими для объясненія строенія растительнаго и животнаго тѣла на основаніи его органовъ и тканей. Вмѣстѣ съ Ліонелемъ Билемъ и Максомъ Шульце различаютъ въ гистологіи образовательное вещество или протоплазму клѣтокъ и продуктъ дѣятельности послѣднихъ, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что отдѣльныя клѣтки соотвѣтственно особому отправленію или работѣ, вызванной служеніемъ цѣлому, пріобрѣтаютъ различія и въ своей болѣе тонкой структурѣ; такимъ путемъ возникаютъ разнообразныя ткани и органы.

Научнымъ развитіемъ ученія о клѣткахъ и тканяхъ занималось нѣсколько поколѣній многочисленныхъ естествоиспытателей, построившихъ превосходную систему микроскопической анатоміи растеній и животныхъ. Но и здѣсь еще ждутъ своего рѣшенія многіе важные вопросы, особенно вопросъ о болѣе тонкомъ строеніи клѣточнаго ядра и протоплазмы или вопросъ о микроскопическомъ строеніи нервной системы и органовъ чувствъ, о чемъ почти каждый годъ приноситъ намъ новыя изслѣдованія и новыя открытія, нерѣдко громаднаго значенія.

Съ помощью сложнаго микроскопа біологическое изслѣдованіе минувшаго столѣтія открыло намъ новый обширный органическій міръ, *міръ простѣйшихъ одноклѣточныхъ организмовъ*, разсматриваемый многими изслѣдователями, какъ особое промежуточное царство между растеніями и животными. Сильное удивленіе было вызвано въ срединѣ нашего столѣтія открытіемъ Эренберга, что во многихъ мѣстахъ верхніе слои земной коры получили свое происхожденіе отъ мельчайшихъ, едва видимыхъ невооруженнымъ глазомъ, живыхъ существъ, населяющихъ прѣсныя воды и моря въ громадныхъ количествахъ. Лишаясь послѣ своей смерти нѣжнаго протоплазматическаго тѣла, они сохраняютъ, однако, свои твердые покровы или скелеты, состоящіе изъ углекислой извести и кремневой кислоты; вслѣдствіе тяжести послѣдніе падаютъ на дно водъ и, несмотря на свою микроскопическую величину, образуютъ въ теченіе тысячелѣтій, благодаря огромному количеству, толстые слои мощностью во много метровъ.

Но еще важнѣе этихъ чрезвычайно интересныхъ фактовъ были открытія, которыя я ставлю рядомъ съ клѣточной теоріей, какъ второй главнѣйшій успѣхъ нашего столѣтія въ области біологіи. Причиной весьма распространенныхъ въ природѣ процессовъ гніенія, броженія и весьма многочисленныхъ растительныхъ и животныхъ болѣзней оказались мельчайшія живыя существа: одноклѣточныя водоросли, грибы, бактеріи и другіе родственные имъ микроорганизмы.

Три великихъ изслѣдователя проложили этотъ путь: — въ области ботаники де-Бари, развитіемъ особыхъ методовъ наблюденія и куль-

туры положившій основаніе изученію *болѣзней растеній*, въ бактеріологической же области — Пастеръ и Робертъ Кохъ. Геніальный французскій изслѣдователь, столь же отличный химикъ, какъ и біологъ, и Робертъ Кохъ своими экспериментальными методами полученія чистыхъ культуръ, постановкой опытовъ съ искусственной питательной средой, своими прививками указали намъ средства и пути, приведшіе насъ къ необозримому расширенію нашего знанія.

Въ короткій промежутокъ двухъ-трехъ десятилѣтій возникла обширная научная область—*бактеріологія*. Характерная черта нашего культурнаго періода съ его необыкновенно разросшимися научными интересами, съ его совершенной организаціей научной работы, съ его множествомъ разнообразныхъ научныхъ институтовъ, съ его облегченнымъ и ускореннымъ обмѣномъ мыслей при помощи журналовъ и ежедневной прессы:—лишь только намѣчается новая цѣль и путь къ ея достиженію — научные методы, тотчасъ, всюду, въ лихорадочной дѣятельности напрягаются научныя силы. Какъ быстро послѣ первыхъ недостаточныхъ опытовъ были открыты и изучены болѣзнетворные возбудители воспаленія печени, септикеміи и піеміи, тифа, холеры, туберкулеза, маляріи и многихъ другихъ инфекціонныхъ болѣзней человѣка и животныхъ до насѣкомыхъ и червей включительно.

Какъ ни замѣчательно обогащеніе новыми открытіями сокровищницы нашего знанія, однако, быть можетъ, не менѣе важна и почтенна другая сторона научнаго прогресса — опроверженіе и устраненіе заблужденій, въ особенности заблужденій, уже вкоренившихся въ науку. Чѣмъ менѣе знали въ прежнее время о жизненныхъ процессахъ, тѣмъ легче принимали за твердо установленный фактъ гипотезу первичнаго зарожденія, т.-е. допущеніе, что простѣйшія живыя существа происходятъ непосредственно изъ мертвой природы. Какъ въ XVIII столѣтіи приписывали первичное зарожденіе, generatio aequivoca, инфузоріямъ, извѣстнымъ въ то время подъ именемъ наливочныхъ животныхъ, такъ позже это принимали для бактерій и родственныхъ имъ микробовъ, такъ какъ они весьма просты, чрезвычайно малы и неожиданно возникаютъ неизвѣстно откуда. Величайшей заслугой Пастера было неопровержимое доказательство научными методами слѣдующаго важнаго положенія о микробахъ: «omne vivum e vivo», «только жизнь порождаетъ жизнь». Опыты Пастера показали намъ, что зародыши микробовъ болѣе или менѣе сильно распространены всюду— въ водѣ, воздухѣ и землѣ.

Также и въ ученіи о клѣткѣ, при основаніи его, нѣкоторое время принималась мысль о первичномъ зарожденіи. Согласно съ взглядами Шлейдена и Швана, новыя клѣтки въ тѣлѣ растеній и животныхъ должны были возникать какъ бы путемъ кристаллизаціи изъ питательнаго раствора внутри или внѣ материнскихъ клѣтокъ. Та истина, что увеличеніе числа клѣтокъ происходитъ единственно только благо-

даря ихъ размноженію путемъ дѣленія, добыта была немалыми усиліями со стороны превосходныхъ изслѣдователей, фонъ-Моля и Негели, Ремака, Келликера, Вирхова и другихъ, возведшихъ ее на высоту всеобщаго біологическаго закона: «Omnis cellula e cellula» *).

Вообще можно сказать, что, не смотря на всѣ успѣхи науки, пропасть между живой и мертвой природой, вмѣсто того, чтобы постепенно сглаживаться, дѣлается все глубже и шире. Основательное изученіе въ связи съ философскими взглядами годъ-отъ-году яснѣе показываетъ намъ, что клѣтка, этотъ основной камень живой природы, не можетъ быть получена въ лабораторіи современной химіи. Клѣтка есть тотъ же организмъ, состоящій изъ многочисленныхъ, еще меньшихъ жизненныхъ единицъ, связанныхъ между собой различными химическими свойствами и неизвѣстными намъ отношеніями къ жизненному процессу клѣтокъ. Въ клѣткѣ скрытъ еще меньшій міръ жизни, при испытаніи котораго оказываются недостаточными силы нашихъ микроскоповъ и обычныхъ методовъ изслѣдованія, но который, надо надѣяться, будетъ открытъ въ будущемъ болѣе совершенными инструментами и методами.

Начало было сдѣлано благодаря развитію красящихъ аналитическихъ методовъ и трудамъ Бючли, Страсбургера, Флемминга-ванъ-Бенедека и многихъ другихъ, выяснившихъ процессы дѣленія ядра и клѣтки.

Но особенно убѣдительно говоритъ о клѣткѣ, какъ о чрезвычайно сложномъ элементарномъ организмѣ, та роль, которую она играетъ въ процессѣ развитія высшихъ животныхъ и растеній. Въ самомъ дѣлѣ, яйцевая и сѣменная клѣтки, какъ выражается Негели, суть носители безчисленныхъ свойствъ, отличающихъ другъ отъ друга отдѣльные организмы; онѣ обладаютъ, поэтому, наслѣдственной массой или идіоплазмой, которая, судя по наслѣдственнымъ свойствамъ, проявляющимся въ процессѣ развитія, должна представлять собой высокоорганизованное тѣло.

Вмѣстѣ съ этимъ я перехожу къ *третьему* великому успѣху біологіи въ XIX столѣтіи. Нашъ вѣкъ болѣе минувшихъ вѣковъ представлялъ торжество *идеи развитія*. Эта идея господствовала во всѣхъ научныхъ областяхъ: въ философіи, въ исторіи, въ филологіи, въ соціологіи, въ геологіи, вездѣ она служила, такъ сказать, двигательнымъ ферментомъ, но въ біологіи болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой области. Вѣдь живой организмъ—единственный естественный объектъ, на нашихъ глазахъ, въ короткій промежутокъ времени совершающій законченный циклъ развитія отъ оплодотвореннаго яица до развитого организма, порождающаго, въ свою очередь, новую жизнь.

При ближайшемъ разсмотрѣніи вопросъ о развитіи организмовъ скрываетъ въ себѣ два различныхъ вопроса: во-первыхъ, вопросъ объ индивидуальномъ развитіи ихъ, т.-е. о циклѣ процессовъ, начиная съ появленія яица и кончая естественною смертью, и, во-вторыхъ, вопросъ о

*) «Всякая клѣтка происходитъ отъ клѣтки».

томъ, какимъ образомъ возникъ въ теченіе исторіи земли столь сложный естественный продуктъ, какъ растительный и животный организмъ. *Онтогенія* и *филогенія*, названія, введенныя Геккелемъ, суть двѣ области изслѣдованія, на которыя распадается ученіе о развитіи организмовъ.

Только онтогенія доступна непосредственному научному изслѣдованію. Начиная съ момента оплодотворенія яица, можно слѣдить послѣдовательно, шагъ за шагомъ за развитіемъ подобранныхъ для этого растеній и животныхъ. И здѣсь микроскопъ сдѣлался инструментомъ, позволявшимъ намъ глубоко проникнуть въ онтогенію и достигнуть установленія общихъ законовъ развитія. Со времени Пандера и Карла Эрнста фонъ-Бера, котораго за безсмертныя заслуги назвали «отцомъ эмбріологіи», цѣлымъ рядомъ именитыхъ эмбріологовъ, нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ, русскихъ, итальянскихъ, было воздвигнуто величественное зданіе исторіи развитія. Если многіе процессы въ отдѣльности и требуютъ дальнѣйшаго изслѣдованія, то въ общемъ сущность индивидуальнаго развитія въ морфологическомъ отношеніи уже выяснена, и мы съ полнымъ правомъ можемъ этимъ гордиться, особенно при воспоминаніи о неудачахъ прежнихъ величайшихъ естествоисытателей и философовъ, въ безсиліи остановившихся со своими методами изслѣдованія передъ проблемой индивидуальнаго развитія.

Что всякое животное, въ томъ числѣ и человѣкъ, въ началѣ своего существованія представляетъ отдѣльную клѣтку, размножающуюся затѣмъ путемъ повторнаго дѣленія, что возникшія такимъ образомъ многочисленныя клѣтки располагаются въ зародышевые листки, изъ которыхъ происходятъ отдѣльные органы, и что обобществленіе размножившихся клѣтокъ общины послѣ многихъ метаморфозъ приводитъ, наконецъ, къ законченному созданію,—все это факты, въ справедливости которыхъ всякій легко можетъ убѣдиться; это положительныя, неотъемлемыя завоеванія науки.

Наоборотъ, мы вращаемся въ сферѣ гипотезъ при попыткахъ отвѣтить на второй вопросъ: какъ возникли нынѣ живущіе организмы въ теченіе земной исторіи? Всякій философски образованный естествиспытатель принимаетъ за общую истину, что организмы, населявшіе землю въ минувшіе періоды ея, обладали иной формой, чѣмъ теперь, и что они должны были пройти, начиная съ простѣйшихъ формъ, процессъ развитія, называемый Геккелемъ, въ отличіе отъ онтогенетическаго, филогенетическимъ. Къ этимъ заключеніямъ онъ приходитъ путемъ сопоставленія различныхъ отраслей біологіи; при этомъ онъ опирается на факты индивидуальнаго развитія, показывающіе возникновеніе болѣе сложнаго изъ болѣе простого; затѣмъ обращается къ сравнительной анатоміи, къ той философской наукѣ, основаніе которой съ высокимъ мастерствомъ было возведеновъ настоящемъ столѣтіи Кювье и Мекелемъ, Іоганномъ Мюллеромъ и Гегенбауеромъ.

Но среди безчисленныхъ милліардовъ живыхъ существъ, жившихъ въ прежніе періоды земли, продолжительность которыхъ опредѣляется милліонами лѣтъ, сохранились только скудные остатки скелетныхъ частей, притомъ исключительно въ окаменѣломъ состояніи. Естественно, на основаніи ихъ возможно составить только весьма несовершенныя и гипотетическія представленія о нѣкогда существовавшихъ живыхъ организмахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ остается все еще не рѣшеннымъ, окончательно-ли вымерли первобытные организмы, скудные остатки которыхъ мы изучаемъ, или нѣкоторые изъ нихъ сохранились до нашего времени.

Вопросъ о происхожденіи въ нашъ вѣкъ дважды глубоко волновалъ какъ изслѣдователей, такъ и общества, своимъ могучимъ ферментомъ онъ пропиталъ все содержаніе нашихъ идей. Ярко озаряютъ исторію человѣческой мысли имена Ламарка и Дарвина. Великій французскій зоологъ Ламаркъ написалъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ періодъ нѣмецкой и французской натурфилософіи, свою знаменитую «философію зоологіи». Въ 1859 году Чарльзъ Дарвинъ опубликовалъ сдѣлавшее эпоху сочиненіе о происхожденіи видовъ; здѣсь были собраны и разсмотрѣны многочисленные, ранѣе мало обращавшіе на себя вниманіе, факты и намѣчены новыя точки зрѣнія, геніально освѣтившія и до извѣстной степени выяснившія до того времени незамѣтныя и мало понятныя отношенія организмовъ другъ къ другу и къ окружающей природѣ.

Дарвинъ, болѣе счастливый, чѣмъ его предшественникъ, заслуги котораго были признаны только послѣдующими поколѣніями, возвелъ свое ученіе на лучше подготовленной почвѣ и вызвалъ полное энтузіазма научное движеніе, связанное съ его именемъ—*дарвинизмъ*. Въ лицѣ Геккеля онъ нашелъ сильнаго защитника; Геккель превосходилъ Дарвина своими знаніями по анатоміи и исторіи развитія и потому составилъ счастливое дополненіе къ нему. Тайна происхожденія новыхъ видовъ организмовъ была теперь удачно рѣшена открытіемъ «истинныхъ созидающихъ причинъ», и теорія развитія ихъ нашла себѣ объясненіе въ *теоріи естественнаго подбора*. Борьба за существованіе, подборъ приспособленныхъ, естественный половой подборъ, — таковы формулы, долженствующія объяснить происхожденіе всего міра организмовъ. Но вмѣстѣ съ послѣдователями явились и противники новаго ученія. Тамъ и сямъ возгоралась борьба, столь упорная, какъ рѣдко это случалось въ исторіи научныхъ гипотезъ. Дарвинисты, ультрадарвинисты и антидарвинисты, геккеліанцы и вейсманіанцы составляли различныя фракціи. Вейсманъ, еще рѣзче, чѣмъ Дарвинъ, объявилъ «всемогущество естественнаго подбора»; Гербертъ Спенсеръ противопоставилъ ему «недостаточность (безсиліе) естественнаго подбора» *).

*) Herbert Spencer «The inadequacy of natural Selection». Contemporary review for February and March 1893.

Какъ объяснить это—понятное въ политическихъ, но удивительное въ научномъ вопросѣ, явленіе? Какъ мнѣ кажется, скорѣе всего тѣмъ, что формулы: «борьба за существованіе, подборъ приспособленныхъ, естественный подборъ» — весьма неопредѣленныя выраженія и реальное научное значеніе они получаютъ, смотря по роду примѣненія ихъ въ конкретныхъ случаяхъ. Въ какомъ только смыслѣ ни употреблялось выраженіе «борьба за существованіе». Если оно сдѣлалось обыкновеннымъ любимымъ ораторскимъ пріемомъ въ общественно-экономическихъ и политическихъ статьяхъ, то это простительно; но уже менѣе простительно пользованіе имъ дю-Прелемъ въ моментъ наибольшей высоты дарвиновской волны, какъ объяснительной формулой для движенія небесныхъ тѣлъ. Общеупотребительными выраженіями отдѣльные случаи не объясняются или получаютъ только внѣшній видъ объясненія, между тѣмъ какъ истинная причинная связь послѣ этого такъ же, какъ и до этого, остается скрытой въ темнотѣ. Задача же научнаго изслѣдованія—установить для наблюдаемаго дѣйствія предполагаемую причину или, правильнѣе, такъ какъ ничто не происходитъ изъ одной только причины, различныя причины.

Возникновеніе міра организмовъ дѣйствіемъ естественныхъ причинъ—чрезвычайно сложная и трудная проблема. Магической формулой такъ же невозможно рѣшить ее, какъ невозможно универсальнымъ лѣкарствомъ исцѣлять всѣ болѣзни. Вейсманъ, провозгласивъ всемогущество естественнаго подбора, принужденъ былъ одновременно придти къ слѣдующему признанію: «Нельзя придавать всеобщаго значенія доказательству того, что опредѣленное приспособленіе возникло путемъ естественнаго подбора» *), это означаетъ не что иное, какъ то, что въ дѣйствительности намъ ничего неизвѣстно о комплексѣ причинъ, вызвавшемъ опредѣленное явленіе. «Безсиліе естественнаго подбора» **) явилось поэтому возраженіемъ со стороны Спенсера.

Въ этомъ научномъ спорѣ, заканчивающемъ наше столѣтіе, надо строго различать ученіе о развитіи и теоріи естественнаго подбора.

---

*) Цитируемое выраженіе содержится въ сочиненіи Вейсмана: «Всемогущество естественнаго подбора». Это мѣсто гласитъ такъ: «Что существуютъ разновидности, способныя одержать верхъ въ борьбѣ за существованіе, не подлежитъ сомнѣнію; однако, мы не можемъ заранѣе принимать ихъ, какъ таковыхъ. Переживаніе наиболѣе приспособленныхъ доказано, но мы не знаемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, что такое наиболѣе приспособленные, какъ часто они переживаютъ и должны переживать въ каждомъ поколѣніи, чтобы достигнуть побѣды. Поэтому, мы не можемъ придавать всеобщаго значенія доказательству того, что опредѣленное приспособленіе возникло благодаря естественному подбору».

**) Выраженія Герберта Спенсера: «The inadequacy of natural Selection» (недостаточность) замѣнено въ нѣмецкомъ переводѣ «Безсиліемъ естественнаго подбора» ради противопоставленія его въ качествѣ соотвѣтствующей антитезы «Всемогуществу естественнаго подбора».

Доводы и основанія ихъ весьма неодинаковы. Можно, поэтому, сказать вмѣстѣ съ Гекели: «Даже если будетъ снесена дарвиновская гипотеза, ученіе о развитіи останется тамъ же, гдѣ оно стояло». Въ немъ его мы владѣемъ вѣчнымъ, основаннымъ на фактахъ, величайшимъ завоеваніемъ нашего вѣка.

Этими замѣчаніями о теоріи развитія и теоріи естественнаго подбора мы сдѣлали шагъ въ область *физіологіи*. Надо, впрочемъ, сказать, всякое раздѣленіе какой-либо науки на спеціальныя области, а поэтому и біологіи на анатомію и физіологію, болѣе или менѣе искусственно и едва ли выдерживаетъ строгую критику. Строеніе и отправленіе какой-либо части организма находятся въ тѣснѣйшей внутренней связи и только взятыя въ совокупности могутъ быть правильно поняты.

Путемъ одного только наблюденія можно получить лишь весьма недостаточный, а во многихъ случаяхъ даже совсѣмъ не получить никакого взгляда на родъ и способъ дѣйствія отдѣльныхъ органовъ въ организмѣ. Чтобы получить отвѣтъ на вопросъ, какъ функціонируетъ органъ, физіологъ долженъ пользоваться разнообразными пріемами, дѣлающими его наблюденіе плодотворнымъ. Что для анатома микроскопъ, то для физіолога *планомѣрно произведенный экспериментъ*, научный опытъ надъ растительнымъ или животнымъ организмомъ.

Растительно-физіологическіе опыты Сакса, Пфеффера и многихъ другихъ искусныхъ экспериментаторовъ выяснили намъ геотропизмъ и геліотропизмъ растеній, фототаксисъ, хемотаксисъ и другія, столь же интересныя явленія. Насколько велика зависимость, особенно у растеній, всѣхъ функцій, даже всей формы ихъ, отъ внѣшнихъ факторовъ, ясно показываетъ экспериментальная физіологія.

Опыты надъ животными могутъ быть произведены въ весьма различномъ видѣ. Противъ одного вида ихъ, такъ называемой вивисекціи, связанной съ болѣе или менѣе тяжелыми хирургическими операціями, былъ поднятъ среди общества ожесточенный и небезрезультатный походъ. Надо согласиться, чувствительность направлена не туда, куда слѣдуетъ! Что значатъ всѣ эти страданія, причиняемыя изслѣдователемъ животному міру и гуманно сведенныя имъ при помощи хлороформа и морфія къ возможно малой степени, въ сравненіи съ тѣмъ безконечно большимъ и неоцѣнимымъ благодѣяніемъ, которое получаетъ страждущее человѣчество отъ врачебнаго искусства, связаннаго въ своемъ развитіи и совершенствованіи съ опытами надъ животными! Или что значатъ эти ничтожныя жертвы ради науки въ сравненіи съ безчисленными и гораздо болѣе мучительными страданіями, причиняемыми другъ другу животными въ неизмѣнномъ порядкѣ природы, въ сравненіи съ тѣми страданіями, которыя терпитъ человѣческій родъ въ болѣзняхъ и при всякаго рода несчастныхъ случаяхъ, и которыя онъ добровольно увеличиваетъ убійственными войнами?!

Напротивъ, надо быть благодарными за то, что физіологія путемъ

экспериментовъ надъ животными плодотворно обогатила въ XIX столѣтіи сокровищницу нашего знанія. Разрѣзы и раздраженіе окончаній спинныхъ нервовъ принесли намъ поучительное положеніе Белля. Тѣмъ же путемъ возникла физіологія разнообразнѣйшихъ периферическихъ нервовъ, а Іоганнъ Мюллеръ основалъ законъ специфической энергіи чувствительныхъ нервовъ. Частичная перерѣзка спинного мозга и изученіе вызываемыхъ ими перерожденій открыли намъ пути нервной проводимости. Смѣлымъ экспериментаторамъ удалось даже проникнуть въ тайны функцій мозга при помощи мѣстныхъ поврежденій, удаленія или иначе производимаго уничтоженія опредѣленныхъ мозговыхъ участковъ; такимъ образомъ въ продолговатомъ мозгу былъ открытъ особый центръ дыханія и сосудистой системы, въ опредѣленномъ мѣстѣ большого мозга центръ рѣчи, въ другихъ мѣстахъ его центры осязанія, зрѣнія и слуха.

Подобнымъ же образомъ и нѣкоторыя другія области физіологіи, благодаря опытамъ надъ животными, сдѣлались доступными научному пониманію. Ученіе знаменитаго Гарвея возвысилось до степени механики кровеобращенія, послѣ того какъ помощью остроумныхъ пріемовъ стали измѣрять скорость теченія крови въ различныхъ мѣстахъ кровеносной системы, а также величину давленія крови. Физіологія пищеваренія и обмѣна веществъ была поставлена на твердый фундаментъ съ тѣхъ поръ, какъ при помощи фистулъ въ желудкѣ и кишкахъ и другихъ пріемовъ научились доставать соки различныхъ железъ и путемъ опытовъ выясняли значеніе ихъ въ процессѣ пищеваренія.

Еще большее благодѣяніе оказали человѣчеству, нетребующіе никакой вивисекціи и стоящія въ тѣснѣйшей связи съ практической медициной, опыты надъ животными, систематически производимые въ XIX столѣтіи въ двухъ направленіяхъ.

Первое направленіе состоитъ въ изученіи воздѣйствія, оказываемаго на организмъ введенными въ него химическими тѣлами. Каковы измѣненія, вызываемыя въ организмѣ хлороформомъ и эфиромъ, морфіемъ, кокаиномъ и антипириномъ, или сильными ядами—атропиномъ (белладонной), стрихниномъ, кураре и многими другими, въ возрастающемъ изобиліи посылаемыми на рынокъ, продуктами химической индустріи—вотъ вопросы, рѣшаемые изслѣдователемъ путемъ многочисленныхъ систематическихъ опытовъ надъ животными прежде чѣмъ изучать примѣненіе этихъ препаратовъ, какъ врачебныхъ средствъ противъ той или другой болѣзни человѣка.

Вторая половина нашего вѣка принесла и съ каждымъ годомъ продолжаетъ еще приносить все бо́льшія и бо́льшія количества цѣлебныхъ средствъ. Укажу здѣсь на новые, также произведенные надъ животными, удивительные опыты, составляющіе великое завоеваніе новѣйшаго времени—туберкулинъ Коха, дифтеритную сыворотку Беринга и Эрлиха и различные другіе виды сыворотки, примѣняемые противъ

тетануса, чумы и другихъ болѣзней животныхъ, или своеобразный методъ Пастера въ лѣченіи бѣшенства.

Второе упомянутое мной направленіе касается изученія огромнаго множества болѣзней, вызываемыхъ микробами. И здѣсь великая побѣда біологическаго изслѣдованія, доставляющаго намъ открытіе за открытіемъ, была возможна, лишь благодаря опытамъ надъ животными. Стремясь узнать сущность трихиновой болѣзни, Лейкаръ и Вирховъ кормили трихиновымъ мясомъ животныхъ и этимъ путемъ разработали и освѣтили исторію развитія трихинъ и отдѣльныхъ стадій болѣзненнаго процесса, вызываемаго блужданіемъ ихъ въ тѣлѣ зараженнаго животнаго. Давенъ и Кохъ, перенося отъ заболѣвшаго животнаго крошечную каплю крови въ здоровое животное, выяснили сущность воспаленія селезенки, и всѣ стадіи развитія этого воспалительнаго бацилла. Тѣмъ же самымъ методомъ, изслѣдователь пользуется и во всякомъ другомъ случаѣ—при септицеміи, тифѣ, холерѣ, чумѣ, туберкулезѣ, маляріи, однимъ словомъ, въ каждой изъ всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ инфекціонныхъ болѣзней, которыя вызываются низшими грибами, бактеріями, или другими видами паразитовъ.

Но еще больше, чѣмъ результатами опытовъ надъ животными, современный физіологъ гордится необычайнымъ успѣхомъ своей науки послѣдняго столѣтія въ области *біохиміи* и *біофизики*.

Еще въ началѣ настоящаго столѣтія подъ вліяніемъ господства виталистическаго ученія была общераспространена та научная догма, что органическія вещества, изъ которыхъ составлено тѣло растенія и животныхъ, могутъ быть созданы исключительно лишь этими послѣдними, благодаря свойственнымъ имъ особымъ жизненнымъ силамъ, и что, поэтому, химикъ долженъ вообще навсегда отказаться отъ мысли получить какое-либо подобное соединеніе съ помощью своихъ методовъ.

Блестящее открытіе Велера впервые пошатнуло ошибочное виталистическое ученіе; ему удалось искусственнымъ путемъ въ лабораторіи получить тѣло, создаваемое только жизненнымъ процессомъ животнаго,—мочевину. Вскорѣ органическая химія, быстро развиваясь, доставила намъ способъ полученія многихъ другихъ подобныхъ тѣлъ и теперь смѣло можно утверждать, что рано или поздно химіи удастся искусственнымъ путемъ получить самое сложное изъ всѣхъ органическихъ веществъ,—бѣлковое тѣло. Болѣе крупный шагъ сдѣлала химія въ анализѣ безчисленныхъ органическихъ веществъ, изъ которыхъ построены клѣтки, ткани, растительные и животные соки, въ анализѣ углеводовъ, жировъ, бѣлковыхъ тѣлъ и многочисленныхъ ихъ производныхъ и продуктовъ ихъ распада. Такъ развилась *физіологическая химія*, наука, богатая открытіями и обѣщающая въ будущемъ рѣшеніе важнѣйшихъ проблемъ.

Разумѣется, рядомъ съ этимъ болѣе точнымъ знаніемъ органическихъ веществъ въ сильной степени расширилось и пониманіе тѣхъ хими-

ческихъ процессовъ, на нормальномъ теченіи которыхъ покоится сохраненіе жизни. Физіологія дыханія, образованія, пріема и усвоенія питательныхъ веществъ, благодаря улучшенію химико-физіологическихъ методовъ, изобрѣтенію ртутнаго насоса Пфлюгера и другихъ важныхъ аппаратовъ, быстро достигла высокаго развитія; перевариваніе бѣлковыхъ тѣлъ, жировъ и углеводовъ, и роль, исполняемая при этомъ слюнными железами, желудкомъ, печенью и поджелудочной железой, значительно выяснены обширными и тщательными экспериментальными изслѣдованіями Клода Бернара, Петенкофера и Войта, Шиффа Людвига, Пфлюгера, Гейденгайна, Павлова и многихъ другихъ.

Одновременно съ химическимъ направленіемъ въ физіологіи блестящее развитіе получило также физическое направленіе ея. Въ борьбѣ съ витализмомъ, призывавшимъ для объясненія жизни необходимое участіе особыхъ жизненныхъ силъ и тѣмъ ставившимъ рѣзкую преграду между неорганизованнымъ міромъ и царствомъ живыхъ существъ, представители физическаго направленія основнымъ своимъ положеніемъ выставили подчиненіе и организмовъ господству общихъ естественныхъ силъ; путеводной звѣздой былъ открытый Робертомъ Майеромъ и Гельмгольцемъ законъ сохраненія силы; его высшею цѣлью было внесеніе въ физіологію физико-математическихъ методовъ, съ которыми при посредствѣ взвѣшиванія, измѣренія и вычисленія можно было бы проникнуть въ сущность жизненныхъ процессовъ и пріобрѣсти такимъ образомъ точное знаніе различныхъ видовъ энергіи—механической, химической, тепловой, электрической.

И вотъ началась та славная эпоха, когда физіологія овладѣла разнообразнѣйшими, съ высокимъ остроуміемъ придуманными инструментами. Съ помощью кимографа и міографа удалось ясно обнаружить на покрытой сажей бумагѣ малѣйшіе двигательные процессы живыхъ органовъ, стѣнокъ сердца и сосудовъ, мышцъ, и съ величайшей точностью графически представить и измѣрить ихъ. Гальванометръ, реокордъ, тангенсъ-буссоль получили права гражданства, какъ инструменты необходимые во всякомъ физіологическомъ институтѣ для цѣлей изслѣдованія электрическихъ процессовъ въ мышечной дѣятельности и измѣренія скорости нервнаго возбужденія. Офтальмокоскопъ Гельмгольца, ларингоскопъ Чермака дали возможность изслѣдователю заглянуть внутрь столь важныхъ органовъ, какъ глазъ и гортань, и тѣмъ оказали величайшую услугу практической медицинѣ.

До конца столѣтія непрерывно шло усовершенствованіе физическихъ инструментовъ, примѣняемыхъ въ физіологіи. Каждое новое завоеваніе физики переходило также въ область физіологіи и медицины, Такъ, напр., тотчасъ послѣ блестящаго открытія Рентгена, путемъ соотвѣтственнаго примѣненія такъ называемыхъ х—лучей, врачъ перенесъ на фотографическую пластинку отчетливое изображеніе скрытыхъ въ глубинѣ тѣла, для начего глаза совершенно невидимыхъ, частей, какъ, напр., отдѣльныхъ частей костной системы.

Такимъ образомъ, благодаря основнымъ изслѣдованіямъ физически-образованныхъ физіологовъ — Гельмгольца, дю-Буа-Реймона, Фехнера, Вебера, Людвига, Брюке и Пфлюгера, возникла особая мышечная и нервная физика, физика органовъ чувствъ, механика скелета и органовъ, служащихъ для движенія, механика дыханія и кровеобращенія.

Глазъ былъ объясненъ, какъ камера-обскура, построенная по законамъ оптики, ухо, какъ физическій аппаратъ, приспособленный къ передачѣ звуковыхъ колебаній, воспринимаемыхъ нервами при посредствѣ особыхъ органическихъ приборовъ, колеблющейся перепонки и нитей, настроенныхъ подобно струнамъ фортепіано на отдѣльные тоны. Гортань была сведена къ трубѣ съ язычкомъ, дающей подъ дѣйствіемъ легкихъ, какъ органнаго мѣха, различные тоны. Законы фильтраціи и осмоса были привлечены къ объясненію поглощенія и выдѣленія. Примѣняя сложный аппаратъ (калориметръ), физіологъ опредѣлилъ и выразилъ въ калоріяхъ количество производимой за день животнымъ тѣломъ теплоты, и предпринялъ трудную задачу установить, такъ сказать, балансъ обмѣна животной энергіи, вычисляя въ калоріяхъ, съ одной стороны, количество энергіи, поступающей въ животное тѣло въ видѣ разнаго рода пищи, и съ другой стороны, сводя общій счетъ количеству энергіи, выдѣляемой тѣломъ въ видѣ произведенной имъ теплоты или механической работы и поглощаемой имъ при обмѣнѣ веществъ..

Въ виду столь блестящаго тріумфа введенныхъ въ физіологію химическихъ и физическихъ методовъ, у большинства изслѣдователей, особенно подъ вліяніемъ превосходнаго изложенія дю-Буа-Реймономъ, установился тотъ взглядъ, что физіологія, въ идеалѣ, не что иное, какъ біофизика и біохимія, и что она въ правѣ называться истинной наукой только постольку, поскольку она является прикладной химіей и физикой, механикой и математикой.

Изъ крайностей «легковѣснаго витализма», какъ называетъ его дю-Буа-Реймонъ, впадаютъ въ физіологіи въ противоположную крайность—пустого механизма и въ объясненіи жизни считаютъ возможнымъ видѣть лишь химико-физическую проблему.

Ближайшимъ послѣдствіемъ этого явилось то, что физіологи-спеціалисты, за немногими исключеніями, охотно занимались лишь областью, доступной физико-химическому способу изслѣдованія, другія же отрасли физіологіи, какова *физіологія развитія и происхожденія*, были ими оставлены совершенно въ сторонѣ. Тѣмъ усерднѣе занялись ею анатомы, зоологи и ботаники; они глубже проникли въ жизненныя явленія клѣтки, протоплазмы и ядра, открыли удивительно сложный процессъ дѣленія ядра, веретено съ его лучистыми фигурами и центрозомы, хромозомы и ихъ продольное сегментированіе; они вполнѣ разрѣшили старый спорный вопросъ, нѣкогда раздѣлявшій физіологовъ на два лагеря, анималькулистовъ и овистовъ; теперь же удалось съ помощью

простого микроскопическаго наблюденія установить полный таинственности процессъ оплодотворенія во всѣхъ его фазахъ и непосредственно видѣть проникновеніе одного сперматозоида въ яицевую клѣтку, сліяніе яицевого и сѣменного ядра; они углубили пониманіе всего этого процесса открытіемъ, состоящимъ въ томъ, что яицевая и сѣменная клѣтки передъ оплодотвореніемъ должны извѣстнымъ образомъ приготовиться посредствомъ выдѣленія или выталкиванія по одной половинѣ ядернаго вещества, и, наконецъ, опираясь на эти и другіе процессы, они рѣшились положить основаніе проблемѣ наслѣдственности гипотезой, усматривающей носителей наслѣдственныхъ свойствъ въ веществѣ ядра.

Такимъ образомъ, рядомъ съ химико-физической школой физіологіи укрѣпилось анатомо-біологическое направленіе ея, пытающееся путемъ микроскопическаго изслѣдованія углубить наше пониманіе жизни. Но анатомо-біологическое направленіе, по мѣрѣ расширенія своего значенія изслѣдованіемъ организаціи живого субстрата, все болѣе будетъ приходить къ тому взгляду, что какъ виталистическая, такъ и механическая точка зрѣнія въ біологіи односторонни. Уже главный защитникъ механическаго ученія, дю-Буа-Реймонъ, самъ наложилъ на него критическій зондъ и въ принципѣ призналъ недостаточность его. Въ своемъ докладѣ о границахъ познанія природы онъ поставилъ только два неразрѣшимыхъ вопроса, но затѣмъ, впослѣдствіи, въ своихъ семи загадкахъ міра увеличилъ число ихъ до семи, при чемъ остается непонятнымъ, почему онъ ограничился этимъ числомъ. Дю-Буа-Реймонъ называетъ «тривіальной истиной невозможность, съ одной стороны, проникнуть въ сущность матеріи и силы, и съ другой — механически объяснить сознаніе, хотя бы даже на низшей ступени его».

Дю-Буа-Реймонъ не выводитъ неизбѣжно вытекающаго отсюда слѣдствія. Это слѣдствіе, несомнѣнно ожидаетъ въ біологіи наступающаго столѣтія скорая и блестящая побѣда; его можно выразить слѣдующимъ образомъ: *въ такой же мѣрѣ, какъ витализмъ, несправедлива и та механическая догма, что жизнь со всѣми ея сложными явленіями есть не что иное, какъ химико-физическая проблема*, несправедлива по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока подъ химіей и физикой разумѣютъ науки съ настоящимъ объемомъ и содержаніемъ, опредѣляемымъ ихъ историческимъ развитіемъ. Какъ я замѣтилъ при другомъ случаѣ *): «Если задачей химика является изслѣдованіе безчисленныхъ соединеній различныхъ атомовъ въ молекулы, то, строго говоря, онъ ни на шагъ не приблизится къ рѣшенію собственно жизненной проблемы, ибо послѣдняя вообще начинается только тамъ, гдѣ прекращается его изслѣдованіе. Надъ строеніемъ химической молекулы возвышается строеніе живого существа, затѣмъ, какъ дальнѣйшій высшій родъ организаціи, строеніе клѣтки, это послѣднее, въ свою очередь, завершается строе-

*) Oscar Hertwig, «Die Lerhe vom Organismus und ihre Beziehung zur Socialwissenschaft». Universitätsfestrede. Gustav Fischer. Jena. 1899.

ніемъ растеній и животныхъ, представляющихъ еще болѣе сложное и искусное соединеніе милліоновъ и милліардовъ разнообразнѣйшимъ способомъ дифференцированныхъ и взаимно подчиненныхъ клѣтокъ.

Что общаго имѣетъ нынѣшняя химическая наука съ совершенно новымъ міромъ организацій вещества, на которыхъ только и покоятся явленія жизни! Но если химикъ захотѣлъ бы поставить эту задачу предметомъ своего изслѣдованія, то онъ долженъ былъ бы сдѣлаться біологомъ и прежде всего морфологомъ, а тогда и его методы и цѣли были бы совершенно другіе, болѣе обширные.

Въ такомъ же точно отношеніи, какъ химія, стоитъ къ біологіи физика. Еще и теперь физіологическая школа приводитъ вмѣстѣ съ дю-Буа-Реймономъ обыкновенно слѣдующіе аргументы: въ живомъ существѣ, въ клѣткѣ, нѣтъ никакихъ другихъ силъ, кромѣ тѣхъ, которыми обладаютъ внѣ клѣтки ея атомы углерода, водорода, кислорода, азота, фосфора и т. д. «Частица желѣза—одна и та же, пролетаетъ ли она міровыя пространства въ своемъ вращеніи въ видѣ метеорита, или въ колесѣ паровоза ударяется о рельсы, или струится въ кровяномъ шарикѣ поэта, погруженнаго въ свои мечты. Какъ въ механизмѣ руки, такъ и въ свойствахъ этой частицы нельзя ничего ни отнять, ни прибавить. Эти свойства вѣчны, неотъемлемы, непередаваемы». «Но если атомы не одарены никакими другими силами, то всѣ процессы внутри клѣтки такого же физико-химическаго порядка, какъ и въ химической склянкѣ» *).

Приблизительно такъ аргументируютъ съ точки зрѣнія:—«химія и физика въ нашемъ мірѣ—все». Напротивъ того, мы должны замѣтить, что понятіе объ атомѣ представляетъ лишь полезную для теперешней науки фикцію, что намъ ничего неизвѣстно о суммѣ свойствъ и силъ отдѣльно взятаго атома, и еще менѣе мы знакомы съ тѣмъ, какъ изъ свойствъ и силъ различныхъ атомовъ возникаютъ свойства и силы ихъ соединеній. Возникновеніе при извѣстныхъ условіяхъ бѣлка изъ углерода, кислорода, водорода и азота и пр., процессъ, въ такой же мѣрѣ непонятный, какъ и происхожденіе живой клѣтки изъ различныхъ бѣлковыхъ тѣлъ.

Въ виду этого въ занимающемъ насъ вопросѣ я предпочитаю совершенно обойти понятіе «атомъ», равно какъ и необычайно трудное понятіе «сила», сопряженное съ нѣкоторымъ злоупотребленіемъ, и буду судить о послѣдней только по ея дѣйствію, единственно поддающемуся познанію. И въ этомъ отношеніи я считаю возможнымъ утверждать то же, что и въ отношеніи организаціи вещества.

Точно такъ же, какъ путемъ сложенія атомовъ въ молекулы, молекулъ въ высшія матеріальныя единицы—живыя клѣтки, и, наконецъ,

*) Въ этомъ смыслѣ высказался дю-Буа-Реймонъ въ своемъ послѣднемъ докладѣ въ день лейбницевской годовщины. «Sitzungsberichte der königl. Preuss. Akad. d. Wissenschaften» 1894.

живыхъ клѣтокъ въ растенія и животныя, создаются все новыя, болѣе многочисленныя и высшія формы организаціи, точно такъ же относятся и исходящія изъ нихъ дѣйствія. Съ каждой изъ безконечныхъ ступеней и формъ организаціи возникаютъ новые способы дѣйствія. Такимъ образомъ, съ появленіемъ растеній и животныхъ для изслѣдователя открывается совершенно новый міръ необычайно разнородныхъ дѣйствій, чего не бываетъ и не можетъ быть въ мертвой природѣ, лишенной необходимой для этого организаціи; въ видѣ примѣра, назову только сохраненіе вида путемъ роста и размноженія, обмѣнъ веществъ, различные роды раздражимости, фототаксисъ, хемотаксисъ, геотропизмъ и т. д., сознаніе, способность чувствовать и мыслить, наконецъ, всѣ разнообразныя дѣйствія, производимыя отдѣльными частями клѣтокъ другъ на друга, клѣтками на клѣтки, органами, растеніями и животными.

Можетъ ли быть, въ самомъ дѣлѣ, задачей физика изслѣдованіе всякаго рода дѣйствій, производимыхъ всѣми возможными тѣлами міра?

Конечно, нѣтъ! Какъ химикъ занятъ только простѣйшей структурой веществъ, *химическими, но не біологическими соединеніями*, такъ долженъ ограничить себя и физикъ, какъ человѣкъ науки, исторически извѣстнымъ образомъ сложившейся, ограничившей себя только опредѣленнымъ кругомъ элементарныхъ дѣйствій, самимъ по себѣ чрезвычайно обширнымъ, но относительно *весьма малымъ*, по сравненію со всѣми способами происходящихъ въ мірѣ дѣйствій. Если-бы физикъ не принялъ такого ограниченія, то онъ долженъ былъ бы взять на себя трудъ физіолога и психолога, соціолога и историка, лучше сказать, онъ долженъ былъ бы все соединить въ *одной* личности.

Наконецъ, слѣдуетъ еще указать на то, что столь распространенная точка зрѣнія, будто бы изслѣдованіе жизни не что иное, какъ физико-химическая проблема, и все въ мірѣ только физика и химія, обыкновенно связана съ сильнымъ преувеличеніемъ физико-химическихъ знаній. При этомъ не замѣчаютъ того, что эти знанія, какъ и всякое человѣческое знаніе, не совершенны и въ каждой своей точкѣ наталкиваются на признаваемую теперь непреодолимой границу познанія природы, и что въ этомъ отношеніи физика и химія не имѣютъ преимуществъ передъ біологіей.

Уже въ 1877 году въ собраніи естествоиспытателей въ Мюнхенѣ Негели съ полнымъ правомъ указалъ въ своемъ докладѣ «Границы естественно-научнаго познанія» на то обстоятельство, что «природа въ своихъ болѣе простыхъ неорганическихъ явленіяхъ представляетъ для изслѣдователя не меньше трудностей, чѣмъ въ вопросѣ о происхожденіи ощущенія и сознанія изъ матеріальныхъ причинъ».

Далеко не всегда лучше извѣстно то, что болѣе просто, и обыкновенный путь науки скорѣе ведетъ насъ отъ изученія болѣе сложнаго къ болѣе простому. Анализъ химическаго соединенія по большей части предшествуетъ его синтезу. Удивительныя свойства элемента углерода стали из-

вѣстными намъ только послѣ того, какъ путемъ анализа было указано, что онъ входитъ въ качествѣ важнѣйшей составной части въ углеводы, жиры и бѣлки и обусловливаетъ въ нихъ тѣ свойства, какія никто бы не заподозрилъ a priori, на основаніи всѣмъ извѣстныхъ свойствъ куска каменнаго угля. Какова роль бѣлковыхъ тѣлъ въ процессѣ жизни, химическое изученіе бѣлковыхъ тѣлъ намъ не отвѣчаетъ и не можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ, рѣшаемый изученіемъ растительной и животной клѣтки. *Такимъ образомъ, наука строится не только снизу вверхъ, но въ такой же или, быть можетъ, даже высшей степени, наоборотъ, сверху внизъ,*— въ первомъ случаѣ переходя отъ простого съ сложному, во второмъ— отъ сложнаго къ болѣе простому.

Вышеупомянутому заключенію «Если атомы внутри клѣтки не обнаруживаютъ никакихъ другихъ силъ, кромѣ силъ, проявляемыхъ внѣ ея, то всѣ процессы въ клѣткѣ такого же физико-химическаго рода, какъ и въ химической склянкѣ», можно такимъ же образомъ и съ одинаковымъ правомъ противопоставить заключеніе въ противоположномъ смыслѣ: человѣкъ чувствуетъ, обладаетъ памятью и сознаніемъ, онъ мыслитъ и создаетъ духовный міръ. Но такъ какъ человѣкъ состоитъ изъ клѣтокъ, клѣтки изъ бѣлковыхъ молекулъ, послѣднія изъ атомовъ, такъ какъ всякая высшая ступень организаціи развивается естественнымъ путемъ изъ ближайшей низшей, и такъ какъ мышленіе, въ силу закона сохраненія силы не можетъ возникнуть ни на какой ступени его, то клѣтки, молекула и, наконецъ, даже атомъ должны чувствовать и мыслить, обладать памятью и сознаніемъ, каждый въ своемъ родѣ.

Подобные взгляды высказывались уже, такъ что теперь важнѣйшіе вопросы какъ въ ученіи о клѣткѣ, такъ и въ области физики и химіи, должны ждать своего рѣшенія отъ психолога.

Съ подобными общими, оторванными отъ реальной почвы естествознанія и, поэтому, такъ сказать, парящими въ воздухѣ заключительными выводами натуралистъ ни тѣмъ, ни другимъ путемъ не придетъ къ полезнымъ научнымъ выводамъ. Поэтому онъ долженъ избѣгать какъ одного, такъ и другого пути.

Физикъ и химикъ ничего не хотятъ знать о чувствующихъ, одаренныхъ памятью или мыслящихъ атомахъ, такъ какъ эти свойства неощутимы и не поддаются химическимъ методамъ; съ такимъ же правомъ долженъ протестовать и біологъ противъ введенія въ его науку *ограниченной* точки зрѣнія физика и химика, не исчерпывающей всего содержанія біологіи, имѣющей свои собственные методы и проблемы, по большей части совершенно иначе построенные и, конечно, гораздо болѣе обширные

Можетъ ли быть вообще задачей естествоиспытателя, стремящагося къ результатамъ своего изслѣдованія, и въ противоположность философу, направляющаго это изслѣдованіе въ малую часть неизмѣримыхъ міровыхъ проблемъ, представить и объяснить вселенную по одной общей формулѣ? И не будетъ-ли для него гораздо болѣе подходящею та точка зрѣ-

нія, что нашъ міръ доступенъ изслѣдованію, и мы, дѣти настоящаго, видимъ предъ собой царство неизслѣдованнаго и темнаго, въ тысячу разъ превышающее область изслѣдованную и извѣстную, вошедшую въ человѣческое познаніе?

Руководимый такими размышленіями натуралистъ придетъ къ сознанію, что объясненіе міра, какъ механизма отталкивающихся атомовъ, покоится лишь на фикціи, полезной, правда, для изображенія нѣкоторыхъ отношеній, но, тѣмъ не менѣе, не соотвѣтствующей самой дѣйствительности. А тогда міръ, лишенный свойствъ въ воображеніи Лапласа, представлявшаго міровой процессъ въ видѣ вихрей атомовъ и видѣвшаго въ немъ одинъ только, при знаніи міровой формулы рѣшаемый, числовой примѣръ, въ сравненіи съ дѣйствительнымъ міромъ и его безконечными свойствами, міромъ, говорящимъ о себѣ всѣми органами нашихъ чувствъ, будетъ только слабой, пустой тѣнью, сравнимой лишь со схемами подземнаго міра, которыя въ видѣ тумана ускользали изъ рукъ Одиссея, когда онъ хотѣлъ схватить ихъ.

Согласный съ этимъ естествоиспытатель подпишется подъ словами, которыми однажды Карлъ-Эрнстъ фонъ-Беръ коротко, мѣтко и прекрасно опредѣлилъ сущность науки: «*Наука вѣчна въ своемъ источникѣ, не ограничена ни временемъ, ни пространствомъ въ своей дѣйствительности, неизмѣрима въ своемъ объемѣ, безконечна въ своей проблемѣ, непостижима въ своей цѣли*» *).

Это особенно примѣнимо къ біологіи, наукѣ о жизни. Ея задача одна изъ труднѣйшихъ. Ея область простирается во всѣхъ направленіяхъ, вступая въ тѣсныя отношенія со всевозможными другими науками. Въ одномъ направленіи она опирается на физику и химію въ качествѣ біофизики и біохиміи. Въ противоположномъ направленіи она входитъ въ область ощущенія вмѣстѣ съ науками о духѣ, вѣдающими человѣческое существо, — съ психологіей и соціологіей, этикой и религіей. *Матеріальный и духовный міръ приводятся ею во взаимное соединеніе.* И если, такимъ образомъ, представители біологіи, свободные отъ *догматическихъ оковъ всякаго рода*, неустанно будутъ расширять предѣлы человѣческаго познанія, суживая царство неизслѣдованнаго, если они, могущественно содѣйствуя внутренней культурѣ человѣческаго рода, возвысятъ его міропониманіе, а также соціальныя и моральныя основы жизни, то въ наступающемъ вѣкѣ удивительные успѣхи XIX столѣтія въ физико-химической области, его техническія побѣды надъ силами природы, принесутъ грядущимъ поколѣніямъ благословенные плоды.

---

*) Карлъ Эрнстъ фонъ-Беръ. «Взгляды на развитіе науки; рѣчи, произнесенныя въ научныхъ собраніяхъ и мелкія статьи смѣшаннаго содержанія». Спб. 1864.

СОВРЕМЕННАЯ ПОМѢЩИЦА КОРОБОЧКА И ЕЯ ХОЗЯЙСТВО.

(*Окончаніе* *).

XIV.

Главный вопросъ хозяйственной деревенской жизни зимой — вопросъ продовольствія скота: хватитъ или нѣтъ корму до новой травы. Кормить приходится полъ-года, съ ноября до конца апрѣля. Если же случится, что слишкомъ рано въ октябрѣ ляжетъ снѣгъ, или же, наоборотъ поздно откроется весна и неожиданно прибавится лишнихъ три-четыре недѣли—эта небольшая, повидимому, прибавка является серьезнымъ испытаніемъ для всякаго малосильнаго крестьянскаго или помѣщичьяго хозяйства.

Трудно представить себѣ болѣе жуткое впечатлѣніе для хозяйскаго сердца и глаза, какъ видъ пустѣющихъ сараевъ, когда стоятъ холода, не даетъ Богъ тепла, а между тѣмъ корма дорожаютъ, да и нѣтъ ихъ, не у кого и купить по близости. Безсловесное населеніе скотнаго двора знать не хочетъ ничего о хозяйскихъ затрудненіяхъ.

— Который есть настоящій, праведливый хозяинъ, онъ со скотины свое спроситъ, ну и скотины не обидитъ,—разсуждаетъ Михаилъ Ильичъ.—Ты самъ тамъ какъ знаешь, твое дѣло, а скотинѣ свое подай. Она безсловесная точно, ну она Богу жалится.

— А что-жъ ей жалиться!—возражаетъ Семенъ.—Что по положенію полагается нѣшто я не даю? Я даю, не обижаю.

Онъ взваливаетъ себѣ на веревкѣ на плечо огромную, круглую корзину, набитую мягкой, золотистой овсяной мякиной и идетъ съ нею черезъ дворъ, но мы видимъ, что идти ему съ ношей тяжело. У колодца онъ останавливается и составляетъ корзину на колоду, чтобы передохнуть.

— Совсѣмъ повредился парень,—замѣчаетъ Михаилъ Ильичъ, внимательно слѣдившій за нимъ глазами. — Разбаливается, видать, что не въ могуту, ну а не хочетъ покориться, не доказываетъ.

---

*) См. «Міръ Божій», № 2, 1901 г.

— А что же съ нимъ?—спрашиваю я.

— Да какъ сказать, — глядя какъ-то въ бокъ мимо меня, отвѣчаетъ Михаилъ Ильичъ.—Полагать надо такъ, что съ простуды. Ну а между прочимъ притаманно-то не знаю, не хочу сказать.

— Пришлите его ужо ко мнѣ.

Семенъ приходитъ. Онъ жалуется на глотку. Голоса у него совсѣмъ нѣтъ.

Я осматриваю ему горло и у меня опускаются руки отъ страшнаго подозрѣнія. Въ первый разъ въ жизни приходится видѣть картину подобнаго разрушенія. Становится вдругъ понятнымъ и странный звукъ голоса, и частыя недомоганія.

Я сообщаю свое предположеніе тетушкѣ, которая приходитъ уже въ совершенное отчаяніе.

Людямъ, стоящимъ близко къ медицинскому дѣлу, трудно вообразить себѣ, какое впечатлѣніе можетъ произвести на женщинъ, городскихъ жительницъ, одно названіе ужасной болѣзни. Всю жизнь она представляется пугаломъ, чѣмъ-то устрашающимъ но въ то же время и безконечно далекимъ отъ васъ. И вотъ вдругъ она тутъ, въ вашемъ домѣ, рядомъ, подлѣ васъ.

— Только этого и не доставало! — со слезами на глазахъ, замѣчаетъ тетушка. — Господи, ужасъ какой. И вѣдь былъ здѣсь свой прекрасный докторъ. Надобно же, чтобы это случилось теперь, когда она уѣхала. Какъ она сама-то его не замѣтила?

— Да онъ послѣднее время все что-то прятался и не показывался. Вѣроятно, онъ уже давно чувствуетъ себя нехорошо.

— Разсчитать, разсчитать сейчасъ. Помилуй, какое же можетъ быть сомнѣніе? Нѣтъ, каковъ ужасъ! Какъ еще Господь спасъ милосердый, не заразился никто.

— Кто же это можетъ знать. Можетъ быть, и заразились уже.

— Отправить его въ больницу сейчасъ. Пусть уходитъ сегодня же, сію минуту.

— Да онъ не хочетъ уходить.

— Какъ не хочетъ! Какъ онъ смѣетъ не хотѣть!

Но оказывается, что „парень съ глупиной“, дѣйствительно, уперся на своемъ и не хочетъ уходить въ больницу и вообще рѣшительно не выказываетъ желанія уходить куда бы то ни было. Онъ вполнѣ искренно не понимаетъ, чего отъ него требуютъ. Всегда онъ говорилъ тѣмъ же самымъ гнусавымъ голосомъ, болѣлъ и выздоравливалъ и никто на это не обращалъ особеннаго вниманія; а вотъ теперь барыня вздумала посмотрѣть ему глотку, покраснѣла въ лицѣ, испугалась и ему отказываютъ отъ мѣста и гонятъ его въ больницу. Больницы онъ боится болѣе всего.

— Ахъ Боже мой! Да что же это за дерзость такая наконецъ. Не идетъ! Какъ же онъ смѣетъ не идти! Я говорю: ну, что мы можемъ однѣ! Мужчину нужно, вотъ въ чемъ дѣло, — вздыхая говоритъ тетушка.—Невозможно безъ мужчины въ домѣ. Я всегда это говорила.

Она, дѣйствительно, всегда это говоритъ и каждый разъ слышитъ возраженіе отъ Маши, усматривающей въ этомъ косвенный намекъ на себя.

— Не понимаю, при чемъ тутъ мужчина. Была бы милая наша „докторица", она не хуже всякаго мужчины сумѣла бы вылѣчить его. Мало ли у нея здѣсь народу перебывало. Очень жаль, что никому изъ насъ не пришло въ голову показать ей Семена.

— Кто же могъ это знать.

— Да, но что же дѣлать теперь?

— Пойду я, попробую его уговорить.

Съ помощью Маши дѣло улаживается.

Семенъ любитъ барышню и послѣ ея просьбъ и настояній угрюмо покоряется ей и изъявляетъ согласіе на поѣздку въ больницу, но не иначе однако, какъ съ нею самой.

— Это еще что? Да какъ онъ смѣетъ! Что онъ выдумалъ!

Новое затрудненіе.

Тетушка протестуетъ и отказывается понять, какъ можетъ барышня, молодая дѣвушка, поѣхать рядомъ, повезти въ больницу „подобнаго больного?"

— Помилуйте! Да что же, наконецъ, всѣ-то подумаютъ. Да ей—молодой-то дѣвушкѣ, ей бы по настоящему и знать ничего подобнаго не слѣдовало бы. Въ наше время...

Но Маша съ внезапной рѣшимостью заявляетъ, что каждый человѣкъ живетъ въ свое время и дѣйствуетъ по своему. Она удивляетъ всѣхъ практическимъ и твердымъ пониманіемъ жизни и неожиданной рѣзкостью, съ какою поясняетъ, что болѣзнь, имени которой мы такъ и не называемъ между собой, совсѣмъ ужъ не такое исключительное явленіе и что, какъ она слышала, въ большомъ свѣтѣ, о которомъ любитъ вспоминать тетушка, и вообще между свѣтскими и образованными людьми она совершенно также возможна, какъ и между простыми рабочими.

Новое всеобщее смущеніе. Откуда она это можетъ знать? Слышала... Отъ кого она могла слышать?

Тетушка ошеломлена, обижена за свѣтскихъ людей но не рѣшается возражать своей любимицѣ.

Къ крыльцу тѣмъ временемъ подаютъ маленькія лубяныя пошевни, выносятъ мѣховое одѣяло. Семенъ садится за кучера и Маша уѣзжаетъ съ дѣловымъ и рѣшительнымъ видомъ полководца, выигравшаго сраженіе.

Часа черезъ четыре она возвращается разрумяненная морозомъ и ѣздой, довольная собою и своимъ путешествіемъ.

Никто, ни одна душа въ больницѣ не нашли страннымъ ея появленіе. Врачи спокойно разговаривали съ нею, несмотря на ея молодость о болѣзни и больномъ и главное совершенно успокоили относительно заразительности. Въ данномъ періодѣ развитія болѣзнь (она теперь прямо называетъ ее полнымъ именемъ) перестала уже быть заразительной, а назначенное лѣченіе должно въ скоромъ времени возстановить силы больного.

— Вотъ и безъ мужчины дѣло обошлось. Вотъ какъ хорошо, что я поѣхала,—съ торжествомъ заявляетъ Маша.—И какіе они всѣ тамъ милые, внимательные эти доктора. Гораздо интереснѣе всякихъ свѣтскихъ людей, — задорно прибавляетъ она.

Тетушка, умиротворенная, успокоенная послѣ недавняго волненія, раскладываетъ гранъ-пассіансъ и, не желая вступать въ споръ, пожимаетъ только плечами подъ бѣлой горностаевой мантиліей. Она вообще не жалуетъ докторовъ и не любитъ разговоровъ о болѣзняхъ.

— Да будетъ тебѣ повторять-то безъ толку все одно и то же слово! Ну, слышали, видимъ, что твердо запомнила. Еще отличишься, скажешь при комъ-нибудь. Слава Богу, дѣло обошлось. И довольно. Слушать тяжело про эти ужасы.

Но мы съ Машей продолжаемъ говорить. Ея поѣздка въ больницу дѣлаетъ сразу возможнымъ этотъ разговоръ. Мы вспоминаемъ случаи и больныхъ тою же страшной болѣзнью, которыхъ приходилось видѣть за послѣднее время здѣсь въ деревнѣ: стараго мужика одного изъ церковныхъ сторожей, молодого парня, вернувшагося изъ Москвы, и совсѣмъ юную еще дѣвушку, пріѣзжавшую каждый годъ въ навозницу вывозить навозъ, особенно ужасно изуродованную болѣзнью. На другихъ работахъ она не появлялась, и только въ жниво приносила невѣсткѣ покормить ея хорошенькаго, здоровенькаго ребенка.

Главное затрудненіе заключается въ томъ, что крестьяне вообще рѣшительно не хотятъ вѣрить въ заразительность какой бы то ни было болѣзни. Особенно рѣзко это проявлялось въ случаяхъ острыхъ заболѣваній, скарлатины и дифтерита, не разъ бывшихъ въ сосѣдняхъ деревняхъ.

Утромъ рано, какъ-то Петровками меня вызываютъ къ больной. Молодая, здоровая дѣвушка, отличная работница—жалуется на горло. Уже по наружному виду, по опухоли съ обѣхъ сторонъ, превратившей шею въ какой-то, слившійся со щеками, сплошной столбъ, подозрѣваю, что дѣло не хорошо. Поворачиваю больную къ окну и смотрю на свѣтъ. Сомнѣнія не можетъ быть: дифтеритъ или что нибудь другое ужасное, близкое къ нему.

Дѣвушка изъ богатой семьи, три брата работника, три лошади у отца. Тороплю и посылаю ее въ больницу, застращиваю всѣмъ, чѣмъ могу и, къ удивленію, слышу рѣшительный отказъ.

— Не повезутъ, родимая, нѣтъ. Гдѣ экое время везти, травы что повалили, горячку порютъ. Ни по чемъ не повезутъ,—отвѣчаетъ не старая еще, съ яркими, черными глазами, бодрая женщина, родная мать.

— Да вѣдь ты понимаешь, что этимъ шутить нельзя. Понимаешь, ее задушить можетъ. Она умретъ.

— Воля Божія. Супротивъ Бога нешто пойдешь. Онъ батюшка гдѣ хошь, и въ больницѣ найдетъ. Отъ вашей милости не будетъ ли какого надобьица?

Что тутъ дѣлать!

Пробую еще упрекать, убѣждать, но вижу, что старуху съ позиціи не собьешь; она стоитъ твердо и сваливаетъ все на старика. Смотрю на полузакрытые, помутившіеся въ жару глаза бѣдной жертвы (ее за полъ-версты тащили ко мнѣ пѣшкомъ) и нечего дѣлать, берусь за что умѣю, за борную кислоту, согрѣвательный компрессъ.

Вечеромъ обѣщаю придти, чтобы самой упросить старика и умоляю объ одномъ: положить отдѣльно, не допускать къ больной хотя бы только маленькихъ дѣтей.

По обѣщанію иду вечеромъ навѣстить и застаю больную, несмотря на поздній часъ, въ избѣ одну съ ребятишками. За столомъ при свѣтѣ мѣсяца, почти въ темнотѣ хлебаютъ ложками молоко двѣ дѣвочки; на постели рядомъ съ больной мирно спятъ мальчикъ и грудной младенецъ.

— Качать-то мочи нѣтъ, ноги не поворочу. Вотъ и положила съ собой.

— А мать гдѣ же?

— На сѣнѣ всѣ, въ валку ушли. Какъ отъ васъ пришли, то и ушли. Тамъ и ночевать будутъ.

Случается разумѣется, что ходъ болѣзни какъ бы опровергаетъ ваши требованія. Дѣвушку все же отвозятъ въ больницу, она выздоравливаетъ и послѣ нея по счастливой случайности не заражается никто изъ бывшихъ съ нею малышей.

Такъ ли оно бываетъ въ другихъ случаяхъ менѣе острыхъ заразительныхъ болѣзней,—не знаю. Видъ прелестнаго, здороваго ребенка на рукахъ изуродованной страшной болѣзнью дѣвушки, словно живыя эмблемы здоровья и разрушенія, невинности и порока, долго преслѣдовали мое воображеніе.

При ближайшемъ разслѣдованіи, впрочемъ, порока не оказалось на лицо, была только злополучная его жертва. Несчастная дѣвушка пріемышъ — воспитанница, по всему вѣ-

роятію страдающая наслѣдственнымъ недугомъ. Ни отца, ни матери, къ тому же еще умерла и мать-кормилица, взявшая ее на воспитаніе. Дома одна неласковая, „нежеланная“ сноха. Да и вообще кому можетъ быть нужно такое для всѣхъ чужое, всѣми загнанное, совершенно одинокое на свѣтѣ существо. Заболѣваетъ дѣвочка и боится, дрожитъ, не смѣетъ сказать о своей болѣзни, скрываетъ изо всѣхъ силъ, въ страхѣ, въ отчаяніи, пока становится уже невозможнымъ скрывать: болѣзнь обнаруживается ужасающимъ разрушеніемъ.

И опять навсегда памятная картина: въ яркомъ освѣщеніи лѣтняго утра, на навозной, загаженной телѣжонкѣ, стоя, подгоняя веревочными возжами малорослую лошадь, въѣзжаетъ въ темное отверстіе воротъ скотнаго двора молодая фигура съ бѣлыми, стройными ногами и низко-низко потупленной, къ самой груди пригнутой головой. Издали по этой позѣ всегда можно узнать и отличить ее.

— Неужели же ее не лѣчили?

— А кому досугъ ее лѣчить! Кому она приболѣла!

— Да хотя бы не ради нея, но вѣдь другіе заразиться могутъ.

— На все воля Божья. На работу она маломощная, жать не можетъ, ну и сидитъ дома съ ребятами. Ничего, Богъ милуетъ, ребятки хорошенькіе.

Вообще, вопреки утвержденіямъ статистики, деревенскія ребята, на мой взглядъ, отличаются поразительной живучестью. Современныя требованія изоляціи, дезинфекціи въ сущности даже и при желаніи почти непримѣнимы въ деревнѣ. Какимъ образомъ, напримѣръ, отдѣлить больного дифтеритомъ ребенка въ общей избѣ зимой?

Попадаются въ видѣ исключенія заботливыя семьи, въ которыхъ родители обращаются за помощью иногда даже сразу въ нѣсколько мѣстъ.

Я прихожу по зову въ избу небогатаго, но грамотнаго, непьющаго мужика. Ребенка уже возили въ больницу. Захватило глотку, а ему „кололи животъ“. Приказывали оставить въ больницѣ, мать съ отцомъ не пожелали, да и до двора не довезли, дорогою Богу душу отдалъ. А теперь вотъ разгорѣлся другой.

Дифтеритъ и, вѣроятно, тяжелая форма. Маленькій покойникъ лежитъ на лавкѣ, обмытый уже, прикрытый холстомъ. На колѣняхъ у матери, разметавшись въ жару, раскинувъ рученки „страждетъ“ больная дѣвочка, а по стѣнамъ, по лавкамъ, у дверей толпа шушукающихъ, возбужденныхъ, толкающихъ другъ друга ребятишекъ изъ сосѣднихъ избъ.

На вопросъ: зачѣмъ они здѣсь? дѣти объясняютъ, что пришли смотрѣть, „какъ Сенька помиралъ, какъ онъ хрипѣлъ“.

Выпроваживаю ихъ прочь и подзываю къ себѣ хозяина, степеннаго, разсудительнаго мужика. Ссылаясь на его грамотность, я пробую объяснить ему заразительность дифтерита, лѣченіе вспрыскиваніями, необходимость больничнаго лѣченія. Къ удивленію своему, вмѣсто всегдашняго угодливаго выраженія бывалаго, вхожаго въ барскій домъ, всегда вѣжливаго мужика, я вижу мрачное и недовѣрчивое выраженіе недовольнаго и какъ бы обиженнаго человѣка.

Убѣжденія и доводы не дѣйствуютъ. Везти въ больницу онъ отказывается наотрѣзъ.

— Будетъ, много довольны. Отвозили уже. Вонъ лежитъ,— мрачно отвѣчаетъ онъ, отворачиваясь отъ лавки, покрытой холстомъ.—Чѣмъ въ дорогѣ-то помирать, все единственно, пусть ужъ лучше дома помретъ.

Дѣвочка, дѣйствительно, умираетъ и заболѣваютъ послѣднія двое дѣтей.

До этого случая мнѣ казалось каждый разъ, что главная причина неудачнаго лѣченія эпидемическихъ болѣзней и хотя бы даже самыхъ бывшихъ холерныхъ бунтовъ заключалась въ томъ, что лѣчить пріѣзжали часто совершенно незнакомые населенію, новые люди, доктора, не успѣвшіе раньше пріобрѣсти довѣріе и расположеніе крестьянъ. Возможно ли, думалось мнѣ, не сумѣть убѣдить, уговорить ихъ, этихъ знакомыхъ, правда невѣжественныхъ, но все же добродушныхъ Кириллу Осипова, Сашку Демидова, братьевъ Бубновыхъ? Какъ не объяснить условія болѣзни и выгодъ лѣченія? Какъ не сумѣть заставить слушать себя?

Случай съ дифтеритомъ живымъ примѣромъ отвѣтилъ на всѣ вопросы.

Въ первый же день, выходя изъ деревни, я собираю учениковъ школы—старшихъ изъ дѣтей, поручаю имъ маленькихъ, объясняю усердно и обстоятельно, что больнымъ нуженъ покой, что не слѣдуетъ вообще ходить безпокоить больныхъ, а къ тому же легко заразиться и заболѣть тою же болѣзнью самимъ.

Просьба уважена и желаніе мое исполнено; но на слѣдующій день новое посѣщеніе встрѣчается уже явнымъ недоброжелательствомъ въ заболѣвшей семьѣ. Отношеніе это тѣмъ поразительнѣе, что приходитъ не врачъ, а знакомая, такъ сказать, „своя барыня“, отъ которой недавно еще въ извѣстной степени зависѣли всѣ эти люди, къ которой не стѣсняются они сами обращаться со своими просьбами и нуждами.

Неосновательнымъ оказывается разсчетъ и на грамотность Мысль о заразительности не помѣщается одинаково въ грамотныхъ, какъ и въ безграмотныхъ головахъ, а мѣры предосторож-

ности представляются только оскорбительнымъ доказательствомъ брезгливаго отношенія къ семьѣ.

— Что-жъ, нешто мы отъ Бога какіе проклятые, чтобы нами брезговать, въ избу не ходить,—съ первыхъ же словъ начинаетъ хозяинъ дома, встрѣчая меня на улицѣ передъ избой.—Не первый годъ, слава-те Господи, по сусѣдски живемъ, по Божьему. Заразы-то эвти лѣкаря для господъ придумали, деньги обирать чтобы. А по нашему, по хрестьянскому, на все воля Божія. Въ животѣ и въ смерти Богъ воленъ, ни кто иной. А прочимъ, хошь бы и господамъ, говорить-то пустяки эти, себя безпокоить не къ чему.

Онъ сидитъ на облучкѣ занесенныхъ снѣгомъ саней и скоблитъ ножомъ конецъ старой, потемнѣвшей отъ дождя тесины изъ которой наканунѣ дѣлалъ маленькій гробъ.

— Ну что? Что Поля, Кириллъ?—испуганно спрашиваю я, не спуская глазъ съ его работы.

— Что Поля! Готова Поля,—отвѣчаетъ онъ, отряхая тесину и поднимаетъ глаза.

Меня поражаетъ ихъ мрачное, озлобленное выраженіе.

XV.

„Человѣкъ человѣку—волкъ".

Въ эти страшныя, снѣжныя бури и мятели, въ жестокіе, безпощадные морозы я вѣрю этому.

Съ утра начинается и продолжается до ночи снѣговая мятель. Избы занесены поверхъ оконъ. Изъ нихъ выдуло все какое было тепло. Въ ледяной атмосферѣ туго зарождаются, плохо развиваются теплыя чувства участія, дружелюбія. Человѣку впору думать о ближайшихъ къ себѣ и о себѣ самомъ.

На огромныхъ равнинахъ, покрытыхъ сверкающими снѣгами, словно застывшими волнами сплошного, снѣгового моря съ безконечно уходящими горизонтами, получается почти то же чувство, что и на настоящемъ морѣ и на высокихъ горахъ. Человѣкъ кажется самъ себѣ маленькимъ, ничтожнымъ и слабымъ.

Тамъ и здѣсь слышно, нашли мертвое тѣло, замерзшую женщину въ двухъ шагахъ отъ деревни, прохожаго мужика. Чуть торчатъ по проселкамъ изъ-подъ снѣгу концы сухихъ, обломанныхъ вѣтромъ вѣшекъ. Каждая изба своего рода крѣпость, выдерживающая полугодовую осаду. Топлива и свѣта, и провіанта заготовлено ровно въ обрѣзъ. Скупо мерцаютъ по вечерамъ блѣдные, скоро гаснущіе огни. Холодъ, темнота и тишина на нѣсколько верстъ кругомъ. Тишина такая, словно бы навѣки прекратилась на землѣ всякая жизнь, и только къ саду отъ лѣса,

даже и въ тихія ночи черезъ пустынныя, снѣговыя поляны несется какъ бы чей-то могучій, громадный вздохъ, касается трепетно оголенныхъ вершинъ и замираетъ гдѣ-то за усадьбою...

Деревенскія улицы зимою безлюдны и неоживленны. Значительная часть населенія перекочевываетъ въ Москву, нанимается въ дворники, въ извозчики, становится по трактирамъ въ половые. Въ деревнѣ остаются старики-домохозяева, подростки и женскій полъ. Морозы загоняютъ въ избы и главный уличный элементъ—ребятишекъ. Рѣдко у кого есть собственная шуба, свои теплые сапоги, и трудно даже представить себѣ, въ какомъ нищенскомъ одѣяніи совершаютъ свои путешествія въ школу нѣкоторые ученики, приходя иногда за нѣсколько верстъ.

Съ января замѣтно измѣняется освѣщеніе. Становится больнѣе смотрѣть на снѣгъ. Голубыя тѣни рѣзче обозначаются на сугробахъ. На солнечной сторонѣ капаетъ съ крышъ, и тонкія, ледяныя сосульки со стекляннымъ звономъ отваливаются отъ трубъ. Дни прибавляются. Вечернія зори становятся задумчивѣй и длиннѣй.

Первыми чувствуютъ въ деревнѣ приближеніе тепла и весны дѣти и куры. Въ яркіе, солнечные дни ихъ уже трудно удержать дома въ теплѣ и они вмѣстѣ появляются предъ окнами на завалинахъ. Знакомыя, дѣтскія лица поблѣднѣли за зиму и осунулись, но самое трудное уже пережито. Впереди весна, солнце, жизнь на волѣ послѣ тѣснаго зимняго заточенія вмѣстѣ съ курами, съ теленкомъ, съ ягнятами.

Въ Спасскомъ съ отъѣздомъ бѣлоголоваго Ваньки, сына красивой работницы Степаниды, нѣтъ другихъ дѣтей, и одни безсловесные радостнымъ ликованіемъ каждый по своему возвѣщаютъ весну.

Куры начинаютъ нестись съ Рождества. Я люблю домашнихъ птицъ, ежедневно сама кормлю ихъ и прилагаю посильное стараніе къ улучшенію породъ. Михаилъ Ильичъ относится къ этому увлеченію сочувственно. Изъ Смоленской губерніи привозятся имъ индюшки, изъ Тверской—мною породистая сѣрая курочка Брама на заводъ.

Индѣйки и гуси пришлись, однако, что называется, „не ко двору“ и водятся у насъ только утки и куры, да и то утокъ удалось не съ разу развести. Съ утками и Михайлой Ильичемъ происходитъ случай, о которомъ долгое время не могутъ безъ смѣху вспомнить въ семьѣ.

Обоимъ намъ хотѣлось давно бѣлыхъ утокъ на прудъ. Сѣрыя были, но не удовлетворяли эстетическимъ требованіямъ. Обсаженный склоненными деревьями, живописной, неправильной формы довольно чистый прудъ поэтиченъ и красивъ, и бѣлыя утки на немъ напоминали бы бѣлыхъ лебедей.

По счастливой случайности въ послѣдній пріѣздъ по начавшей уже портиться весенней дорогѣ мы застаемъ какъ разъ выставку породистыхъ птицъ въ манежѣ, въ Москвѣ.

На мое предложеніе пойти посмотрѣть выставку, Михаилъ Ильичъ, видимо смущаясь и робѣя, отвѣчаетъ сначала рѣшительнымъ отказомъ.

— Гдѣ ужъ намъ по выставкамъ ходить. Какъ въ деревнѣ можно сказать жисть свою прожили, этого не видывали...

— Вотъ поэтому-то и нужно пойти посмотрѣть. Выставка вѣдь дѣлается главнымъ образомъ для деревенскихъ, а не для городскихъ жителей,—возражаю я.—Вѣдь не на улицахъ же въ городѣ куръ разводить.

Я замѣчаю колебаніе въ лицѣ старика, пользуюсь минутою и увожу его съ собой.

Выставка въ манежѣ такая же, какія приходилось видѣть и раньше не одинъ разъ. Все, какъ говорится, "честь честью": красное сукно у входа и срубленныя декоративныя елочки, красные фестоны и драпировки. Обиліе типическихъ выставочныхъ экземпляровъ рѣдкихъ породъ и тѣ же изъ года въ годъ появляющіяся, нигдѣ кромѣ выставокъ невидимыя, издѣлія изъ перьевъ и чучелы птицъ, занимающіе большое и чуть ли не лучшее мѣсто у входа. Также не къ кому обратиться за простыми и практическими объясненіями относительно простого деревенскаго птичника и содержанія простыхъ, домашнихъ птицъ. Но за то играетъ музыка, демонстрируется сложный и отвратительный аппаратъ для насильственнаго вскармливанія пулярокъ...

Спутникъ мой робѣетъ только при входѣ, въ первую минуту. Хозяйское сердце заговорило въ Михайлѣ Ильичѣ и онъ съ восхищеніемъ останавливается передъ красивыми экземплярами, хвалитъ вслухъ птицъ и приходитъ въ ужасъ отъ цѣнъ.

— Дозвольте, барыня, пойти посмотрѣть сторублеваго пѣтуха.

— Гдѣ вы такого нашли?

Мы вмѣстѣ идемъ и видимъ въ клѣткѣ, дѣйствительно, великолѣпный экземпляръ сѣраго Брама.

— Кабы этакаго-то молодца, да въ Спасское къ намъ. Порода бы какая пошла.

Но любуется имъ Михаилъ Ильичъ все же съ видомъ нѣкотораго недоумѣнія.

— Сто рублей за одного! За пѣтуха! Неужто же, барыня вправду? Ну помилуйте,—скажите, да за эти деньги двухъ коней можно взять, поле пахать,—замѣчаетъ онъ.—По такимъ цѣнамъ видно намъ здѣсь товару для себя подходящаго не найти.

Но товаръ находится.

Въ концѣ выставки отгорожена рѣшоткой довольно обширная

часть манежа. Въ ней уже нѣтъ щегольскихъ проволочныхъ будочекъ и клѣтокъ, нѣтъ сторублевыхъ пѣтуховъ. На полу, въ простыхъ ивовыхъ плетушкахъ помѣщается птица, назначенная для вольной продажи. Сортомъ она значительно ниже выставленной, но за то ее можно купить и взять съ собой, не дожидаясь окончанія выставки.

Подъ звуки оркестра и многоголосый птичій гамъ, среди хлопающихъ птичьихъ крыльевъ, вертящихся во всѣ стороны встревоженныхъ и возбужденныхъ птичьихъ головъ, мы усматриваемъ почти въ одно время гнѣздо бѣлыхъ утокъ и, минуя все, устремляемся прямо къ нему.

На лицѣ Ильича появляется на мгновеніе блаженная улыбка и смѣняется тотчасъ же дѣловымъ, озабоченнымъ выраженіемъ.

Утки, какъ по заказу, такія точно какихъ желалось намъ: бѣлыя, нарядныя, съ желтовато-красными плоскими носами и коралловыми, красными лапками.

Хозяйка—колоссальныхъ размѣровъ толстая женщина въ сѣрой шали и ситцевомъ темномъ платьѣ—выхватываетъ утокъ поочередно изъ корзины громадной, красной рукой, взвѣшиваетъ на рукѣ, для чего-то поднимаетъ и растягиваетъ крылья и всячески нахваливаетъ товаръ. Утки отчаянно хлопаютъ крыльями и гогочатъ на весь манежъ.

Цѣна не дешевая, но все же доступная: десять рублей за гнѣздо, то есть за двухъ утокъ и селезня.

— Когда за семь отдастъ, то можно взять, барыня,—шепчетъ Михайло Ильичъ.—Все-жъ это не на мельницѣ брать, выставка,—многозначительно добавляетъ онъ.

Послѣ азартнѣйшаго торга съ толстой женщиной, мы получаемъ круглую съ ручкой и дверцей плетушку и въ ней трехъ своихъ выбранныхъ птицъ. Интересъ къ выставкѣ мгновенно весь пропадаетъ у Михаила Ильича и замѣняется однимъ желаніемъ—„упокоить птицу“.

Мы направляемся къ выходу. Но уйти съ выставки съ покупками не просто и не такъ легко.

Два полицейскихъ, какъ два тигра, набрасываются на Ильича съ клѣткой съ двухъ сторонъ. Они требуютъ пропускъ, какихъ, то марокъ. Марокъ не оказывается. Ихъ должны были дать намъ при продажѣ птицъ, но почему-то не дали. Насъ не пропускаютъ безъ марокъ, но и идти за ними, возвращаться назадъ, на другой конецъ манежа черезъ всю выставку представляется явно несправедливымъ помѣщицѣ Коробочкѣ. Она чувствуетъ себя въ своемъ правѣ и не желаетъ дать въ обиду своихъ.

Щегольской, весь блестящій и лакированный, словно только что вынутый изъ футляра, полицейскій офицеръ съ рѣшительнымъ

видомъ заграждаетъ самъ дорогу передъ злополучной клѣткой, самъ не пускаетъ ее, отстраняя бѣлыми перчатками, къ дверямъ. Онъ толкуетъ снова о маркахъ, о какихъ-то правилахъ, о безпорядкахъ со стороны публики.

Помѣщица Коробочка не уступаетъ и стоитъ на своемъ. Если правила дѣйствительно существуютъ, слѣдовало бы требовать исполненія ихъ отъ тѣхъ, кому они были сообщены, а не отъ ничего не вѣдающей о нихъ публики. .

Группа начинаетъ обращать на себя общее вниманіе, какъ вдругъ гдѣ-то тамъ снаружи, за тремя дверями на улицѣ происходитъ движеніе и мгновенно безъ телефона и телеграфа передается внутрь.

— Ѣдутъ! Ѣдутъ! Начальство ѣдетъ! Пріѣхали!

Происходитъ смятеніе. Разомъ измѣняется вся картина.

Блестящій офицеръ уже не преграждаетъ дорогу бѣлыми перчатками и не читаетъ наставленія. Живыя ноты непритворнаго человѣческаго страданія слышатся въ его голосѣ, когда онъ говоритъ:

— Помилуйте, сударыня, начальство ѣдетъ, а вы тутъ со своими утками!

Но и помѣщицей овладѣваетъ, въ свою очередь, деревенскій, упрямый стихъ. Она настаиваетъ на своемъ. Она высказываетъ теперь желаніе подождать, пока съ другого конца манежа принесены будутъ требуемыя правилами марки, необходимыя для порядка въ публикѣ.

— Да и къ тому же, чѣмъ можетъ быть недовольно начальство, встрѣчая съ первыхъ же шаговъ своего появленія корзину съ утками?—освѣдомляется она.—Напротивъ, не есть ли это лучшее доказательство того, что обыватели покупаютъ птицъ, продавцы успѣшно продаютъ, словомъ выставка процвѣтаетъ и достигаетъ своего назначенія,—подробно поясняетъ она свою мысль.

На краешкѣ разостланнаго краснаго сукна, среди толпы суетящихся, потерявшихъ голову людей, по-мужицки прямо составивъ ноги въ новыхъ сапогахъ, въ крытомъ сукномъ полушубкѣ стоитъ Михаилъ Ильичъ съ клѣткой въ рукахъ, съ невозмутимымъ видомъ спокойнаго достоинства, стоитъ твердо и ждетъ, пока окончатъ переговариваться господа.

Три бѣлыя головы, высунувъ длинныя шеи въ отверстія клѣтки и раскрывая желтые носы, гогочутъ во всю мочь утиныхъ легкихъ, очевидно не желая ждать и молчать.

— Пропустить ихъ! Безъ марокъ! Безъ марокъ пропустить сейчасъ!—не своимъ голосомъ провозглашаетъ лакированный офицеръ, и мы исчезаемъ съ клѣткой въ тройныхъ стеклянныхъ

дверяхъ въ ту самую минуту, какъ у подъѣзда появляется свита и блестящій экипажъ.

Но улучшенію породы Спасскихъ утокъ велѣніями судебъ не суждено произойти—путемъ птичьей выставки, въ настоящемъ году.

Со всевозможными попеченіями, какъ дѣтей родныхъ, Михаилъ Ильичъ довозитъ утокъ въ Спасское, водворяетъ ихъ въ птичную избу, собственными руками устраиваетъ нашесть и два гнѣзда и начинаетъ ждать.

Вдова Евпраксея принимаетъ утокъ на свои руки, усиленно питаетъ и холитъ ихъ и также ждетъ.

Помѣщица Коробочка бѣгаетъ каждый день, заглядываетъ въ пустыя гнѣзда и тоже ждетъ. Всѣ ждутъ.

Къ удивленію, общія ожиданія оказываются напрасными. Домашнія сѣрыя утки давно занеслись и стали разсиживаться. У Типаши—привозной тверской курочки вылевывается уже первый цыпленокъ, а бѣлыя выставочныя, какъ ихъ называютъ „московскія“ утки все еще безъ толку шатаются по двору и не снесли еще ни одного яйца.

— И диковинное дѣло, и не придумаю, родитель ты мой, что бы такое приключилось,—съ сокрушеннымъ видомъ, вздыхая и качая головой, говоритъ Евпраксея.—Глядѣть—сытыя, бѣлыя какъ канфеты, а нѣтъ, не занеслись ни одна. Да еще какое дѣло-то скажу я тебѣ...

Она вдругъ таинственно понижаетъ голосъ и останавливается.

— Ну что же?—спрашиваю я.

— Дерутся промежду себя. Да! Такъ-то дерутся, матушка ты моя, только перья летятъ. Наши и селезни-то, и тѣ перестали драться.

— Почему же перестали?

— А потому не за кого теперь. Подруги ихъ всѣ посѣли. Энтотъ черноголовенькій онъ до всѣхъ ласковъ, а тотъ сѣрый одну возлюбилъ, для другой и съ мѣста не встанетъ.

— Почему же одну?

— Что-жъ, матушка, его воля. Стало быть, не по нраву ему. Пытала я его къ московскимъ водить, да вашихъ московскихъ домой палкой не загонишь. Передерутся между себя, а потомъ и пойдутъ прямымъ трактомъ въ Козлово. Вотъ какія дѣла!

Въ Козловѣ живетъ кабатчикъ и держитъ трактиръ, какъ магнитъ притягивающій къ себѣ всѣхъ нашихъ рабочихъ.

— Чего же утки въ Козлово ходятъ? Тоже пьянствуютъ?

Вдова Евпраксея чуть-чуть усмѣхается и шепчетъ мнѣ на ухо свою догадку, оказавшуюся печальной истиной: всѣ три бѣлыя московскія утки—селезни.

XVI.

Весна, какъ опера „Фаустъ“: безнаказанно наслаждаться ею смѣютъ только счастливые люди.

Тому, кто когда-нибудь отважно слушалъ въ апрѣлѣ дуэтъ Фауста и Маргариты у окна, сбиваясь и не различая при этомъ, пѣли ли на сценѣ чужіе голоса, или это пѣло свое собственное, трепетавшее счастьемъ и радостью сердце; тому, у кого впослѣдствіи отодвинулъ и закрылъ собою все длинный, съ каждымъ годомъ выростающій рядъ воспоминаній, дорогихъ мертвыхъ лицъ, испуганныхъ, заплаканныхъ глазъ, похоронныхъ страшныхъ подробностей—тому тяжелы настойчивые, неотступные призывы къ жизни, тому тяжела весна.

Есть что-то безпокойное, волнующее въ недомоганіи, съ которымъ медленно оживляется весною сѣверная природа. Оно напоминаетъ медленное поправленіе больного послѣ трудной болѣзни. Вмѣстѣ съ природой оно овладѣваетъ душой и возбуждаетъ неясныя стремленія, тоскливыя порыванія, нерѣдко преувеличенныя понятія о собственныхъ силахъ, преувеличенныя надежды—всегда.

Въ Москвѣ какъ-то въ балаганѣ на одномъ изъ бульваровъ показывались восковыя фигуры. Я люблю балаганы и зашла посмотрѣть.

Между различными другими обычными изображеніями—Бисмарка и Наполеона, „Преступника наканунѣ казни“ и т. п. были четыре женскія фигуры въ натуральную величину, изображавшія четыре времени года.

Весна была въ свѣтломъ, зеленомъ платьѣ, съ цвѣтами въ волосахъ и въ рукахъ и съ насмѣшливою улыбкой въ лицѣ. Была ли точно въ дѣйствительности эта улыбка, или это была игра воображенія, или, можетъ быть, игра свѣта, слабаго зимняго свѣта, догоравшаго зимняго дня, пробившагося въ балаганное окно съ обрывкомъ занавѣса—я не знаю. Но это было хорошо. Съ тѣхъ поръ всегда въ этомъ видѣ представляется мнѣ весна. Цвѣты въ волосахъ и въ рукахъ и легкая, будто живая, дрожащая и недобрая, насмѣшливая улыбка въ лицѣ.

„Весна идетъ, весна красна...“

Спасское весною еще разъ отрѣзывается отъ всего міра, отъ добрыхъ, но зато, по увѣреніямъ Михаила Ильича, также и отъ злыхъ людей.

— Ну помилуйте—скажите, кто теперь пойдетъ у насъ воровать,—говоритъ онъ, успокаивая тетушку, которая послѣ покражи въ церкви не можетъ успокоиться и требуетъ непремѣнно

чтобы во флигелѣ спалъ мужчина,—одинъ изъ рабочихъ и выходилъ каждый разъ на лай собакъ.

— Да теперешнее время не то, чтобы увезти или унесть, самому-то ноги не вытащить, по пуду на сапогѣ. А собаки наши лаютъ, такъ это онѣ весну чуютъ. Кажная животная она это время безпокоится. Какъ же можно, время весеннее.

— А розливъ, вы не видали, большой?

— Розливу большого нѣту, ну и проѣзду тоже нѣту. На Ивашинскомъ мосту, ребята давеча сказывали, Мыконинскій горшечникъ горшки въ городъ къ субботѣ было везъ, ну и, стало быть, лошадь увязилъ. Бился—бился сердечный, ахъ ты-жъ, будь ты неладная! Такъ и горшки всѣ съ мосту побросалъ, не доставайся никому. Насилу назадъ поворотилъ, цѣла ли нѣтъ ли лошадь останется.

Мы живемъ теперь въ этой мѣстности уже двѣнадцать лѣтъ, и за это время одинъ только разъ поправляли противъ Спасскаго небольшую часть дороги, причемъ завѣдывалъ поправкой нашъ бывшій приказчикъ и усиленно поставлялъ намъ на видъ, что дѣлаетъ это онъ исключительно изъ желанія быть пріятнымъ и оказать особенную любезность намъ—своимъ прежнимъ господамъ! Никакихъ другихъ поправокъ болѣе не производилось и дороги пришли въ состояніе, котораго не выдерживаютъ ни люди, ни лошади, ни экипажи.

А между тѣмъ мы живемъ не на проселкѣ. Черезъ самое имѣніе проходитъ такъ называемый большакъ, старинная, обсаженная въ два ряда деревьями, Екатерининская дорога. Благодаря совершенной невозможности ѣздить по ней, проѣзжіе сворачиваютъ въ сторону и заѣзжаютъ въ лежащіе, по обѣимъ сторонамъ дороги, крестьянскіе и помѣщичьи луга и поля, нанося огромный, не на одинъ годъ отзывающійся, убытокъ владѣльцамъ. Не помогаетъ ни перепахиваніе, ни канавы и загороды. Крестьяне-собственники подстерегаютъ проѣзжихъ и вступаютъ въ рукопашную или рубятъ гужи. Намъ остается вздыхать, сокрушаться объ убыткахъ и горько жаловаться.

— Что же жаловаться, милая моя, — язвительно замѣчаетъ тетушка. — Кто же виноватъ? Жаловаться некому. Въ прежнее время занимались путями сообщенія, ну и были дороги проѣзжія и починенныя. А теперь вѣдь извѣстно уже, что ничего другого не нужно вамъ, только сумашедшіе дома, да народное образованіе. Ну вотъ и рѣжутъ они—ваши образованные мужики—своихъ лошадей на вашихъ мостахъ. А если какой-нибудь несчастный, зарѣзавъ послѣднюю лошадь, съ горя, пожалуй, не выдержитъ и разсудкомъ повредится, то и тутъ все уже предусмотрѣно. Сумасшедшаго возьмутъ и посадятъ въ комнату capitonnée. Дома

онъ у себя въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ жилъ и всю жизнь прожилъ, а сошелъ съ ума—сейчасъ же пожалуйте и чтобы все было capitonée, не иначе. Иначе никакъ нельзя. Ну и разумѣется на что же дороги чинить? Не на что, помилуйте. Денегъ нѣтъ и дорогъ нѣтъ.

Увы, дорогъ дѣйствительно нѣтъ. И хоть ни рѣки, ни розливы не отдѣляютъ Спасскаго отъ шоссе, проходящаго всего въ 4-хъ верстахъ, тѣмъ не менѣе два раза въ годъ наступаетъ время, когда этихъ четырехъ верстъ проѣхать нельзя и всякое сообщеніе прекращается.

Весна идетъ...

Первыми оттаиваютъ весной Веймутовы сосны передъ окнами флигеля. Около громадныхъ, столѣтнихъ стволовъ, съ каждымъ днемъ отступая, образуется сперва темное кольцо, потомъ ямка, потомъ все расширяющійся кругъ; мало-по-малу обнажается, покрытая рыжей прошлогодней хвоей, земля. Неровный и прозрачный, какъ кружево, подточенный водою, ледокъ ломается подъ ногой на талой землѣ и, осторожно пробираясь отъ одного дерева къ другому, цѣпляясь за вѣтки, чтобы не упасть, мимо сугробовъ плотнаго, осѣвшаго, потемнѣвшаго снѣга, спускаешься березовой аллеей къ большаку.

Большая дорога одна изъ красотъ Спасскаго. Непроѣзжая и заброшенная она поэтична и живописна во всѣ четыре времени года. Въ обѣ стороны идутъ наѣзженныя, глубокія, черныя колеи, поросшія короткой дорожной травой, налитыя водою. Онѣ поворачиваютъ, переплетаются, перекрещиваются между собой и уходятъ въ даль. И кажется, будто и дали этой и этимъ колеямъ нѣтъ конца. Кто ихъ проложилъ?

... «Кто ѣдетъ тамъ? Куда? Съ какою цѣлью?
Зачѣмъ? Къ кому? И ждетъ-ли кто-нибудь?
Трепещущую счастьемъ грудь
Смутитъ ли колокольчикъ звонкой трелью?...»

Въ коляскѣ тройкой съ колокольчикомъ и бубенцами, не смущаясь колеями, не жалѣя хозяйскихъ лошадей, лихо проносится съ сѣдоками ямщикъ. Въ окованной, крѣпкой телѣгѣ, на рослой, сытой лошади съ пустыми боченками за водкой въ Москву ѣдетъ кабатчикъ, деревенскій кулакъ. Шагаетъ рядомъ съ своей малорослой лошадкой, съ возомъ величиною съ домъ, по четыре версты въ часъ мужикъ. И опять возъ, и опять мужикъ, и еще возъ, и еще мужикъ. Другъ за другомъ показываются они, и вытягивается по дорогѣ обозъ... Строятся желѣзныя дороги, прокладываются шоссе, а они неизмѣнно, терпѣливо шагаютъ свои четыре версты въ часъ проселкомъ и большакомъ, какъ шагали

триста лѣтъ тому назадъ и какъ будутъ шагать Богъ вѣсть сколько еще лѣтъ впереди.

А вотъ и покончившій свое земное странствованіе. Въ телѣгѣ крѣпко обвязанный, обмотанный веревками, везутъ изъ больницы бѣлый, некрашенный гробъ. За гробомъ идутъ женщины—старуха и другая, молодая еще. Завидѣвъ усадьбу и людей, обѣ начинаютъ причитать.

— И ахъ родимый ты нашъ, свѣтъ нашъ батюшка! Да на кого-жъ ты насъ, сиротъ горьки-ихъ, поки-да-а-ешь...

Далеко разносится и долго звенитъ въ воздухѣ заунывный, надрывающій душу припѣвъ... И опять рѣзвый звукъ колокольчика, опять обозы, лошади, люди, обрывки пѣсенъ, пьяные окрики, привѣтствія и ругательства, обрывки разговоровъ, вереницы богомольцевъ, странниковъ и странницъ съ палочками и котомками, съ Христовымъ именемъ...

— Подайте, кормилицы наши, Христа ради.

— Далеко-ли Богъ несетъ?

— А къ угоднику, матушка, къ Саввѣ преподобному.

— Откуда вы идете? — спрашиваю я, заинтересованная видомъ богомольцевъ, ихъ одеждой и лицами.

— Сейчасъ-то изъ Почаева, а сами-то мы дальніе, изъ Сибири, матушка. Иркуцкіе мы.

— И все пѣшкомъ?

— Все пѣши, родимая, Христовымъ именемъ. Спаси васъ, Господи.

И такъ цѣлый день, до темноты, живая, передвигающаяся Россія, живая дорожная панорама безъ начала и безъ конца. Приходятъ люди, двигаются и исчезаютъ, и Богъ знаетъ, вернутся ли, увидишь ли ихъ еще когда-нибудь.

Но, весной, въ половодье картина измѣняется. Прекращается всякое движеніе. Дорога становится совершенно безлюдна и пуста: ни лошади, ни человѣка, ни одного живого существа. Птицы еще не прилетѣли, а зимующія держатся ближе къ жилью. Тишина глубокая, ненарушимая и только, если остановиться и прислушаться, слышно слабое, первое робкое лепетаніе. Поворачиваешь на звукъ голову: въ двухъ шагахъ изъ коричневой ямки, обтаявшей вокругъ дерева, пробираясь подъ источеннымъ, голубоватымъ ледкомъ, сбѣгаетъ въ канаву весенній первый ручей; другой такой же — съ другой стороны моста. Назавтра уже не нужно прислушиваться: ручьи бѣгутъ, журчатъ со всѣхъ сторонъ. По дорогѣ вздулись подстывшія за ночь, съ желтыми краями и потеками огромныя, матовыя полыньи. Кое-гдѣ обнажились черными неровными гребнями, налитыя до краевъ колеи, засверкали, от-

ражая небо и солнце, голубыя, весеннія лужи, принизились и осѣли сугробы и на зорѣ бѣшенно понесся по рѣкѣ ледъ.

Весна пришла. Еще вчера тихій по зимнему, молчаливый садъ въ одно утро наполнился шорохомъ маленькихъ крыльевъ, порханіемъ, счастливымъ, радостнымъ щебетаніемъ. На солнечной сторонѣ показалась первая желтая бабочка. Двѣ лягушки, одурѣвъ отъ радости, проскакали другъ за другомъ мимо самаго крыльца.

Горничная Ѳеня принесла отъ старой „ранжереи“ крапиву и одуванчикъ и клянется, будто слышала первый громъ.

Михаилъ Ильичъ, заслоняя глаза, смотритъ на небо и говоритъ съ умиленіемъ:

— Ну, барыня, теперь скажемъ: слава Тебѣ Господи! Дотянули, откормили. Завтра думаемъ выпущать скотъ.

XVII.

Собственно по обычаю полагается выпустить скотъ на Егорья, 23-го апрѣля, но въ раннюю весну этого обычая не держатся одинаково ни крестьяне, ни помѣщики.

Какъ ни мало въ полѣ первое время травы, все же скотина рада свободѣ и солнышку, вольному пойлу въ рѣкѣ и задаютъ ей корму со времени выгона уже не три, а только два раза въ день.

Маша все время смѣется надъ нашей неперестающей зимней тревогой и находитъ, что мы съ Михаиломъ Ильичемъ слишкомъ балуемъ коровъ.

— Да разумѣется, я это всегда говорю. Конечно, балуете и совсѣмъ не только однѣхъ коровъ, а вообще всѣхъ нашихъ Спасскихъ скотовъ. Я нахожу, что вообще люди въ Спасскомъ отличаются достаточной долей смиренія, Übermensch'а у насъ нѣтъ. Но за то скоты... Зайка, напримѣръ, не желаетъ болѣе по утрамъ пить молоко, а требуетъ вмѣстѣ съ нами какао, воображая что она какая-нибудь Überkatze. Каштанка не признаетъ властей, вѣроятно, какъ Überhund. О коровахъ я уже не смѣю и говорить, каждая изъ нихъ Überkuh, не удостоивающая своимъ вниманіемъ ничего кромѣ сѣна и клевера. Люди продаютъ сѣно, а у насъ онѣ изволили, скушать все. Вотъ тебѣ и поѣздка въ Москву!

— За то въ поле, барышня, пойдутъ не сморенныя, а какъ надо быть, законная и праведливая скотинка, — серьезно отвѣчаетъ Михаилъ Ильичъ и приглашаетъ насъ въ семейную, куда уже собрались всѣ.

На Пасхѣ въ Спасскомъ бываетъ молебенъ и скотъ окрапляется святой водой, а въ день перваго выгона молебна уже не

служится. Только поутру въ семейную собираются всѣ — рабочіе и господа, передъ образами зажигаются лампадка и свѣча, на столѣ кладутъ на полотенцѣ хлѣбъ-соль. Послѣ трехъ земныхъ поклоновъ Михаилъ Ильичъ беретъ образъ и хлѣбъ и безъ шапки выходитъ на дворъ. Кругомъ затворены уже всѣ трое воротъ.

„Парень съ глупиной“, поздоровѣвшій за зиму, также безъ шапки, съ двухсаженнымъ кнутомъ, отворяетъ ворота скотнаго двора, конюшню и телячьи хлѣва.

Скотницы, рабочіе и мы трое, не исключая старушки тетушки, размѣщаемся въ разныхъ концахъ двора каждый съ вѣткой освященной вербы въ рукахъ. Необходимо согнать вмѣстѣ весь скотъ для того, чтобы три раза съ образомъ обойти его вокругъ.

— Христосъ воскресе... Господни угоднички батюшки Флора и Лавра, Егорій милосливый,—шепчетъ Михаилъ Ильичъ, придерживая полотенцемъ образъ и хлѣбъ, и не торопясь, обходитъ разбѣгающійся, со всѣхъ сторонъ сгоняемый вербами скотъ.

— Максимовна, гони ее оттуда, рыжую-то, рыжую. Держи! Телятъ-то держите. Всѣ ли тутъ?

— Усѣ тута. Самъ выгонялъ,—отвѣчаетъ, запахивая армякъ и оправляя поясъ, Семенъ.

— Христово воскресеніе, батюшки Флора и Лавра... Максимовна, Хрома подгони. Извольте, барыня, икону принять. Вотъ и слава Тебѣ Господи!

— Егорій милосливый, помилуй скотинку безсловесную,— безкровными губами шепчетъ, часто крестясь, Евпраксея.

— Пущай теперь. Съ Богомъ! Въ часъ добрый! Ванька, отворяй ворота.

Михаилъ Ильичъ останавливается и крестится на четыре стороны.

Застоявшійся зиму зимскую, почуявшій волю скотъ, безпорядочно и весело, съ радостнымъ мычаніемъ бѣжитъ къ воротамъ. Лошади выравниваются другъ за другомъ къ одной сторонѣ и обгоняютъ коровъ. Но и коровы, и быки по старой памяти всѣ бѣгутъ дружно къ знакомому выгону за лошадьми.

Смущены только новенькіе, народившіеся впродолженіи зимы совсѣмъ юные еще телята. Всю свою недолгую жизнь они провели пока въ хлѣву, не выходили изъ него и ошеломлены теперь просторомъ и освѣщеніемъ, видомъ себѣ подобныхъ, видомъ всего окружащаго. Нѣсколько минутъ они стоятъ, сбившись тѣсной отдѣльной кучкой голова къ головѣ, словно совѣщаясь другъ съ другомъ, моргая и жмурясь отъ солнышка, потомъ вдругъ срываются съ мѣста и бѣгутъ прочь отъ стада, не разбирая канавъ и кустовъ въ сторону озимей.

— Держи ихъ! Держи! Лови! Ѳеня, матушка, у тебя ноги молодыя. Гоните ихъ! На стадо гони!

— Семенъ, Фрамъ за рѣку ушелъ. Фрама верни.

Всѣ бѣгутъ, кричатъ, зовутъ, но мало-по малу все улаживается, приводится въ порядокъ и надлежащій видъ.

Телята возвращены быстроногой Ѳеней съ вербой въ рукѣ и усталые и покорные сданы на руки Семену, хотя и продолжаютъ держаться своей компаніей отдѣльно отъ стада въ сторонѣ. Лошадь Фрама работникъ—глухонѣмой Ваня—загоняетъ отъ рѣки.

Всѣ животныя—коровы, лошади, телята, оставленныя на племя, —имѣютъ каждое свое названіе. Этимъ дѣломъ завѣдуетъ Маша, держась обычая давать всѣмъ болѣе или менѣе литературныя имена, притомъ соотвѣтствующія злобѣ дня. Среди служащихъ мудреныя клички даютъ поводъ каламбурамъ и недоразумѣніямъ потѣшающимъ одну, а иногда и обѣ стороны.

— Семенъ!—зоветъ его къ себѣ съ серьезнымъ видомъ Маша.— Семенъ, ты знаешь, какъ зовутъ нашу новую лошадь? Рыжую, ну вотъ ту, которую у дяди Василія купили?

— Какъ зовутъ! Не знаю. Почемъ мнѣ знать.

— Ну такъ вотъ я тебѣ и хочу сказать. Ее зовутъ Фрамъ. Понимаешь? Фрамъ.

Далѣе слѣдуетъ объясненіе того, что такое былъ Фрамъ, краткое описаніе путешествія Нансена и его корабля.

— Ну, однимъ словомъ чудесный былъ корабль Фрамъ, и который вездѣ этого барина возилъ. Понимаешь? Вотъ и мы поэтому лошадь назвали такъ—Фрамъ. Ну, ты понялъ? Понялъ—Фрамъ?

На лицѣ Семена, какъ всегда, полусонное выраженіе, такъ какъ будто бы ни одно изъ слышанныхъ словъ не достигло его сознанія. Онъ двумя большими пальцами опускаетъ поясъ синей рубахи, поворачивается и отвѣчаетъ обычнымъ, тоже какъ бы сонным голосомъ:

— Ну что-жъ, храмъ такъ храмъ, ваше дѣло.

Въ осторожныхъ устахъ Михаила Ильича то же слово превращается уже въ Хромъ и остается за лошадью. Быкъ „Мирабо“ перекрещивается въ „Мировой“.

Одна только скотница Евфросинья, болѣзненная и некрасивая старая дѣвушка, la vierge, какъ называетъ ее тетушка,— знаетъ не только имена, но и родословное дерево каждой коровы, телки и лошади. Она дольше всѣхъ другихъ живетъ въ имѣніи, представляя собой одинъ изъ трехъ столбовъ, на которыхъ зиждется благосостояніе Спасскаго. Это не мѣшаетъ ей по характеру рѣзко отличаться среди благодушія остальной дворни, отъ которой она и получила нелестное прозвище „ржавая пила“.

— Евпраксея, ну, она въ етакой жисти, прямо говоритъ надо— каменная,—разсуждаетъ вслухъ Михаилъ Ильичъ.—Худо ли, хорошо ли, хошь ты на ей огонь раскладай, какъ убита молчитъ. Гдѣ не додѣлаетъ, такъ домолчитъ. Ну, а эта какъ заведетъ: „да я тебя, да ты меня, да чугуны неподъемные, да меня всѣ въ ногахъ стоптали...“ Безпокойная, что и говорить. Ужъ прямо что ржавая пила.

Весною съ увеличеніемъ работъ безпокойныя черты характера выступаютъ сильнѣе. Евфросинья спеціалистка по выпаиванью телятъ и откармливанью свиней. Я застаю ее у корыта въ свиномъ хлѣвѣ, изъ котораго она только что выпустила двоихъ своихъ вскормленниковъ.

Черные съ пятнами, переродившіеся изъ чистокровныхъ бёркшировъ, двѣ свиньи взрываютъ короткими носами зеленую и низкую дворовую травку. Евфросинья стоитъ у порога въ задумчивой позѣ, опершись руками на обдерганную метлу.

— Что-жъ, кабы я не говорила, а то вѣдь я ему говорю,— начинаетъ она, завидѣвъ меня и какъ бы продолжая давно начатую рѣчь, съ обычной прискорбной и ноющей нотой въ голосѣ. —Я говорю—не миловиденъ боровъ у насъ, а тамъ какъ хотите, какъ знаете. Съ меня бы только взыску опослѣ того не было. Кажется и такъ работаю, рукъ не покладаючи.

— Да въ чемъ дѣло?—спрашиваю я, чтобы прервать потокъ давно извѣстныхъ жалобъ.

— А въ томъ и дѣло, что немиловиденъ вонъ онъ. Я же вамъ докладаю. Опослѣ съ меня будете взыскивать. Оно конечное дѣло, все бываетъ и отъ хорошаго отца родится бѣшена овца, а все же-таки какого завода, такова и природа. У тетки Анны сейчасъ какой поросенокъ продается.

— Почему же она его продаетъ?

— Да не она продаетъ, а продаютъ семействомъ, сообча. Потому продаютъ—подѣлить промежду себя не могутъ. Поросенокъ-то зятя—Андрюшкинъ, а Володькинымъ кормомъ кормленъ. Какъ его сейчасъ дѣлить? Вотъ и продаютъ. Поросенокъ хорошій, бѣлый, какъ сахарный. Вотъ бы купили.

Я смотрю на Евфросинью, на ея желтое, словно бы полинялое лицо съ неровными пятнами, съ большимъ, круглымъ носомъ, въ тѣни навѣса свинаго хлѣва, въ надвинутомъ темномъ платкѣ и мнѣ становится ее жаль. Всю жизнь прожилъ человѣкъ и не видалъ просвѣту, никакой сильной, захватывающей душу радости, ни одной недѣли, можетъ быть ни одного дня полнаго, яркаго счастья. И вотъ состарилась, прошла мимо жизнь и нѣтъ ничего. Телята, свиньи, борова, да и тѣ не свои, чужіе. Родныхъ у нея никого нѣтъ кромѣ двухъ племянниковъ „непочетчиковъ“,

которыхъ она не хочетъ и знать. У нея и фантазія-то мрачная. Вѣчно она ждетъ чего-нибудь дурного, рокового для себя и для другихъ на этомъ свѣтѣ, ждетъ конца свѣта и свѣтопредставленія не сегодня—завтра, въ самомъ ближайшемъ времени.

Я сижу на обрубкѣ, на которомъ колютъ дрова у входа птичной избы. Двѣ свиньи роются и звучно хрюкаютъ на навозной кучѣ въ нѣсколькихъ шагахъ. Ефросинья вымела хлѣвъ и задумалась, переступивъ на одну ногу, тяжело прислонясь къ дверному косяку.

Отъ свиней, которыми онъ недовольна, разговоръ перешелъ къ другимъ изъянамъ и несовершенствамъ нашего хозяйства; отъ хозяйства и жизни настоящей къ темѣ, видимо неотступно занимающей ея воображеніе—къ будущей жизни.

Я выслушиваю терпѣливо все, но позволяю себѣ неосторожно улыбнуться при послѣднихъ словахъ. Она тотчасъ же укоризненно и строго обрываетъ меня.

— Что-жъ смѣетесь! Не молоденькія смѣяться-то. Не вѣрите?—допрашиваетъ она.—Что-же, пожалуй не вѣрь, время-то подходитъ по апокалипсису. Слыхали небось откровеніе, откровенныя словеса? Ну и что-жъ, сбывается вѣдь, все сбывается. Возьмите отъ махонькаго: сказано отъ запада къ востоку конны ноги пойдутъ. Ну какъ же теперь, какъ родится младенецъ, ужъ онъ подкованъ, каблуки, да подковы носитъ.

— Да вѣдь ты сама щеголиха, вонъ сама носишь,—смѣясь отвѣчаю я. Но замѣчаніе мое ни мало не смущаетъ ее.

— То-то что носимъ. Врагъ силенъ, про что же я и говорю. Опять же къ другому училища эти вездѣ пошли.—Въ Ябединовѣ, слышно, новое строютъ. Сказано, паутиною весь свѣтъ опутается.

— Ну, про училища тебѣ бы грѣхъ говорить. Ты же вѣдь любишь слушать чтеніе. Безъ училищъ и читать не будутъ умѣть. При чемъ тутъ паутина?

— А телеграфы-то, столбы-проволоки забыли? Какой же еще тебѣ паутины?—настаиваетъ она.—А ученіе-то вы говорите. Тоже какое ученіе! Отъ ученія бываетъ непочтеніе. Онъ грамотный, а ты, скажемъ, неграмотная, онъ тебѣ—хошь бы племянничекъ мой—сейчасъ говоритъ: „Что-жъ въ томъ, что ты впередъ меня родилась? Ты молъ отопками щи хлебала“. А того и не полагаетъ, что отъ того и конецъ свѣту близко, что пошли эти китайскія манности...

— Это еще что такое? Это я въ первый разъ слышу отъ тебя.

— Что-жъ и послушайте. Худого отъ меня не услышите. Я не вру. Латышъ вретъ,—съ убѣжденіемъ подтверждаетъ она, обтирая лицо крохотнымъ уголкомъ головного платка.—Такъ и сказано, что китайскія манности, стало быть—сладости, чаи распи-

вать. А допрежь того не было. Мой родитель пятьдесятъ рублей въ оборотѣ имѣлъ, а чай держалъ про нужнаго человѣка, самъ не пилъ и намъ не давалъ.

— Но вѣдь ты же теперь чай пьешь?—спрашиваю я и меня поражаетъ выраженіе глубокаго чувства, которое слышится въ отвѣтѣ.

— Пью. А что-жъ въ томъ, что пью? Мало ли мы чѣмъ врага-то тѣшимъ. Съ устатку, съ работы-то прійдешь—душа горитъ. Ну и пью, грѣшница, пью, таиться не хочу. Вино-то, въ книгахъ сказано, еще хуже того пить. А старцы древніе, они въ горахъ жили и эти самыя книги писали—„Золотые бисеры“ книги прозываются—ну что-жъ все и выходитъ по ихнему, какъ во дни Ноя. Мы будемъ жить, чаи распивать, а огненная колесница (желѣзная дорога стало быть) по землѣ побѣжитъ и антихристъ народится. А Илья и Енохъ, живые, которые взятые на небо во плоти, они раньше прійдутъ, а ихъ убьютъ и на томъ мѣстѣ, гдѣ кровь неповинная прольется, земля возгорится. Сперва вступитъ во всю землю жаръ. Вотъ будетъ солнце палить, вотъ палить. Не могу вотъ подлинно сказать—три ли, пять ли годовъ. Послѣ того на три аршина земля хрустальная сдѣлается. Все тогда увидимъ. Тутъ уже и конецъ свѣту.

— И ты этому вѣришь, Максимовна?—спрашиваю я.

— Вы то ужли-жъ не вѣрите? Вокругъ себя оглянитесь, ужли же не видите, что дѣлается? Мысленное ли это дѣло—время ранее, весеннее, а палитъ словно бы въ самое жниво. Какъ скотину согнали и по сейчасъ капли единой не упало.

Жара и бездождіе, наступившіе съ весны, дѣйствительно давно уже смущаютъ и безпокоятъ всѣхъ, но въ эту минуту я думаю о другомъ.

Мнѣ извѣстна слабая струна Максимовны и тѣ вопросы, которыми она не перестанетъ интересоваться вѣроятно наканунѣ дня самаго свѣтопредставленія. Это вопросы туалета, деревенской моды, ибо въ деревнѣ мода властна совершенно также какъ и въ городѣ. Разница въ масштабѣ, въ подробностяхъ; сущность дѣла остается та же.

Любопытно было бы прослѣдить сроки времени, необходимые для того, чтобы какой-нибудь модѣ дойти изъ Парижа въ N....й уѣздъ, потому что съ измѣненіями и искаженіями, но доходятъ моды рѣшительно всѣ. Наши дѣвки носятъ дипломаты и жакеты, дѣлаютъ себѣ ситцевые воротники Marie Stuart. Меня заинтересовала терминологія въ обиходѣ женскаго туалета, какая употребляется въ здѣшнихъ краяхъ и та роль, которую играетъ въ ней слово *полу*. Есть пальто и есть *полупальто*, есть *полусапожки и полушалки* и съ недавняго времени появились и *полу-*

пышки, т.-е. широкіе, пышные рукава. Среди неослабѣвающихъ страховъ и неустаннаго трепета передъ близкимъ свѣтопредставленіемъ бѣдная душа Максимовны давно жаждетъ этихъ, только что появившихся модныхъ рукавовъ.

Сложный инструментъ вообще душа человѣческая. Некрасивая, тридцатишестилѣтняя дѣвушка строго-цѣломудренная по отзывамъ ближайшихъ соглядатаевъ изъ дворни, она по собственнымъ словамъ все не хочетъ „опустить, обросить себя", все еще какъ будто надѣется на что-то и чего-то ждетъ. По разсказамъ затѣвался даже и романъ во время нашего отсутствія въ Москвѣ, но все какъ то не вышло, разстроилось и разошлось. У меня не хватило духу узнавать даже имени претендента и больно было смотрѣть на разстроенное, смущенное лицо неудавшейся невѣсты. А потомъ все обошлось, понемногу забылось, и опять пошли толки о свиньяхъ, о телятахъ и о свѣтопредставленіи въ усиленной степени.

— Конечно, если ты не о томъ думаешь, то это тебѣ неинтересно теперь,—говорю я, смотря въ ея поблеклое и все же подвижное лицо.—А тетушка велѣла было тебѣ вечеромъ приходить. Она получила выкройку рукавовъ.

Максимовна съ живостью поворачивается ко мнѣ.

— Ужли-жъ новые? Полупышки?

— Да, вѣроятно.

— Я ужо побываю. Какъ управлюсь, прійду.

— Ну, а какъ же свѣтопредставленіе?

— Живы будемъ, тогда все увидимъ. Теперь, можетъ, не въ дальнемъ разстояніи. Тогда смѣяться-то позабудете, меня воспомянете,—подтверждаетъ она и быстро, быстро моргая, что служитъ у нея признакомъ душевнаго волненія, съ разомъ измѣнившимся и уже по прежнему удрученнымъ лицомъ, возвращается къ свиньямъ, которыхъ время загонять обратно въ хлѣвъ.

— Домой, домой! Ишь неслухи отчаянные! Питаю его, три раза въ день мѣшу, какому бы теперь борову надо быть, а вонъ онъ и сейчасъ какъ лѣтось былъ. Все одно какъ за окошко льешь,—съ глубокой озабоченностью, вздыхая, прибавляетъ она и запираетъ засовомъ дверь въ хлѣвъ.

XVIII.

Время идетъ, земля не дѣлается прозрачною и хрустальною по предсказанію Максимовны, но удручающая жара пугаетъ за будущее и въ настоящемъ отравляетъ жизнь.

Выгономъ скотины въ поле заканчивается сравнительно спокойная полоса хозяйственной деревенской жизни. Слѣдомъ идутъ

одна за одной работы, одна другую превосходящія по значенію въ годовомъ оборотѣ. Опять зашагали по всѣмъ направленіямъ, по лугамъ и полямъ, вырѣзываясь на фонѣ неба, впряженныя въ плуги и бороны „законныя и праведливыя лошадки". Къ постоянному зимнему штату прибавились на лѣто новые работники. Кромѣ нѣмого Вани, къ намъ поступаетъ такъ называемый „нѣмовъ братъ", также убогій, полу-нѣмой, другой сынъ изъ той же семьи. Большая часть рабочихъ, впрочемъ, пріѣзжіе, Смоленскіе. Обычный срокъ найма отъ Пасхи до Николина дня, за что взрослые работники получаютъ пятьдесятъ и болѣе рублей, не считая проѣздъ. Въ покосъ, въ жниво нанимаются поденщики, и тѣмъ не менѣе работать приходится также и самимъ. Единственное исключеніе въ семьѣ—тетушка, во всю жизнь не державшая граблей въ рукахъ, полу-недовѣрчиво, полу-иронически оспаривающая необходимость браться за грабли господамъ вообще, хотя бы и при данныхъ условіяхъ, и въ наши дни.

До насъ доходятъ слухи, что пріѣзжіе гости у сосѣднихъ помѣщиковъ, гуляя мимо и встрѣчая насъ на работахъ, заподозрѣваютъ насъ въ увлеченіи Толстовскими идеями. Но въ трудныя времена хозяйственной жизни не до увлеченій хозяевамъ. Какъ это нерѣдко бываетъ, люди ищутъ далекой и хитрой разгадки для простого и естественнаго дѣла, хотя она у всѣхъ на виду.

Въ страдную пору сѣнокоса и жнива въ малосильныхъ помѣщичьихъ, какъ и въ крестьянскихъ хозяйствахъ наступаютъ времена, когда дѣлается цѣннымъ малѣйшій плюсъ рабочей силы, получаетъ значеніе работа и помощь старухъ, подростковъ и даже маленькихъ дѣтей. Не бѣда, что вы плохо держите грабли, по насмѣшливому замѣчанію мастеровъ-спеціалистовъ — „царапаете землю". Важно то, что вотъ сейчасъ передъ вами была куча сѣна и вотъ нѣтъ ея, и съ вашей помощью нѣсколькими минутами раньше, подъ угрозой надвигающейся тучи, подхвачена и перенесена въ одну общую кучу, а отсюда на возъ и увезена подъ крышу въ сарай. Было разбросанное, почти готовое, высушенное сѣно и вашими „царапающими" граблями вдвоемъ, втроемъ со старухами или ребятишками удалось во время скопнать и уберечь его отъ дождя.

Ржаные снопы стоятъ въ полѣ въ тропическую, изсушающую жару. Того и гляди они перестоятся и рожь потечетъ. И опять находится работа для всѣхъ возрастовъ и для всѣхъ рукъ, и поспѣшная, усиленная уборка спасаетъ не одну четверть, готовой осыпаться, превосходной ржи.

Михаилъ Ильичъ ходитъ довольный, торжествуетъ и сіяетъ. Несмотря на жары, урожай вышелъ хорошъ. Колосъ—что брусокъ, солома—лѣсъ частый. Пробовали изъ нови муку молоть—

какъ есть пшеничная и припеку чуть что не полъ-пуда. Большимъ надо бы быть барышамъ.

У насъ уже впереди цѣлый рядъ хозяйственныхъ улучшеній и плановъ: лошадку купить, бычка заводскаго, десятинки двѣ-три поднять...

И вдругъ все это рушится. Цѣны упали. Не то, что по восьми рублей, а и шести никто не даетъ за рожь. По пяти рублей — Козловскіе мужики въ городъ ѣздили, на подати деньги спрашиваютъ, такъ старовѣру ссыпали. Знать къ году уродилось у всѣхъ. Цѣны Богъ строитъ. Великій грѣхъ на дешевый хлѣбъ обижаться и жаловаться.

Воздержаться отъ жалобъ не представляетъ труда. Несравненно труднѣе сообразить, какимъ образомъ пополнить источникъ дохода, на который твердо разсчитывали и который не пришлось получить. Яровыя тоже, слава Тебѣ Господи, уродились хорошо. Соломы яровой, кормовъ будетъ мало благодаря жарамъ, но овесъ, что называется, ни по чемъ. Сѣно и клеверъ въ цѣнѣ. Благодаря близости Москвы на нихъ всегда спросъ, но травосѣяніе только что заводится у насъ. Продать много нельзя, не хватитъ самимъ, придется обидѣть свой скотъ.

А между тѣмъ деньги нужны „на оборотку“, какъ говоритъ Михаилъ Ильичъ. Денегъ нѣтъ. Отсрочить на неопредѣленное время приходится не только покупку лошадки и бычка, но и поѣздку въ Москву, о которой мечтаетъ молодежь.

— Выходитъ какъ будто бы такъ, что житье круглый годъ въ деревнѣ съ лишеніемъ общества, всякихъ развлеченій въ родѣ театра и музыки, при отсутствіи своевременной медицинской помощи—является само по себѣ однимъ изъ наиболѣе дорогихъ удовольствій, которое могутъ позволить себѣ лишь имѣющіе свободныя средства, безъ разсчету растрачивающіе ихъ, легкомысленные люди. Ну, да какъ же иначе? Доходовъ вы не получаете?

— Пока еще не получаемъ.

— Вкладываете въ имѣніе, помимо денегъ, получаемыхъ отъ продажи хозяйственныхъ продуктовъ—ржи, овса, молока еще и другія, принадлежащія вамъ деньги?

— Теперь еще приходится прикладывать.

— И что же вы имѣете за все это? Холодную квартиру въ убогомъ флигелѣ, продукты собственнаго скотнаго и птичнаго двора, собственный картофель и собственный черный хлѣбъ, да валежникъ для протопленія изъ собственныхъ лѣсовъ? Все это вы могли бы имѣть за деньги въ городѣ дешевле и лучше, а главное безъ всякихъ хлопотъ съ вашей стороны.

— Да, но какъ же тогда Спасское? Удастся ли или нѣтъ намъ съ Михаиломъ Ильичемъ довести его до такого состоянія,

чтобы оно приносило чистый, денежный доходъ, разумѣется, трудно сказать, но какъ бы то ни было, наша жизнь здѣсь не стоитъ намъ ничего, а успѣхъ въ хозяйствѣ есть уже и теперь. За это время стадо наше увеличилось. Латышъ привозитъ намъ съ каждымъ годомъ на нѣсколько десятковъ рублей больше за молоко. Вотъ клеверъ посѣяли, сѣно будемъ продавать. Нужно при этомъ сказать, что были случайныя причины, которыя мѣшали правильному ходу дѣла и хозяйство все еще только налаживается.

— „Налаживается!“ Экое хозяйское словечко безцѣнное! Сколько же лѣтъ оно будетъ еще налаживаться? Пока взойдетъ солнце, роса глаза выѣстъ.

— Да, но что же будетъ съ имѣніями, если всѣ опустятъ руки и начнутъ разсуждать подобнымъ же образомъ?

— Что будетъ съ имѣніями вообще—этотъ вопросъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко. Что же касается собственно Спасскаго—существуетъ нѣсколько способовъ, такъ сказать, обезвредить его, не дожидаясь счастливаго времени, когда оно будетъ приносить сомнительный доходъ. Прежде всего можно сдать его въ аренду.

— Кому? Если сдать хорошему человѣку, который будетъ все также любить и беречь, какъ дѣлаемъ это мы, то вѣдь онъ окажется въ нашемъ положеніи, или даже худшемъ, потому что у него можетъ и не быть собственныхъ вспомогательныхъ средствъ для покрытія всегда возможныхъ дефицитовъ. Въ такомъ случаѣ онъ затянется съ перваго же года, не въ состояніи будетъ выплачивать арендныхъ денегъ и ему останется одно: запить и махнуть на все рукой. Такіе примѣры бывали уже; они есть сейчасъ у насъ на глазахъ. Если же сдать негодяю, типичному арендатору, то вѣдь какими условіями не обставляйте аренду, а ему надобно же будетъ добиться своего, того, чего до сихъ поръ не успѣли добиться мы, т.-е. дохода. Онъ и будетъ добиваться его, что называется, всѣми неправдами, и въ два-три года разоритъ, загадитъ все, приведетъ имѣніе въ неузнаваемый, жалкій видъ. Въ томъ и другомъ случаѣ придется хлопотать, чтобы выручить Спасское, вернуть обратно и затѣмъ имѣть дѣло съ тѣмъ же, но уже надолго разореннымъ гнѣздомъ. Да, наконецъ, жаль всего. Жаль телятъ, жеребенка, коровъ, всѣхъ этихъ живыхъ существъ, которыя выросли на нашихъ глазахъ и которымъ хорошо живется вокругъ насъ. И куда же дѣнется, наконецъ, весь этотъ убогій, оригинальный штатъ—„парень съ глупиной“, Евпраксея, нѣмой? Здѣсь они прижились сборной, оригинальной семьей.

— Ну, филантропія это уже другая статья. Въ хозяйственные разсчеты она не должна входить.

— Да никакой филантропіи и нѣтъ. Всѣ они превосходные работники и не могли бы работать усерднѣе и лучше, если бы и не были обдѣлены природой и судьбой.

— Въ такомъ случаѣ остается одно: эксплуатировать естественныя богатства Спасскаго: залежи каменнаго угля, минеральные источники, магнитную руду... разумѣется, въ томъ случаѣ, если они есть.

— Увы! Каменнаго угля, руды, цѣлебныхъ источниковъ нѣтъ.

— Сѣйте мяту, аптекарскія травы. Можно мятное масло...

Рецептъ извѣстный. Почему-то его всегда рекомендуютъ унывающимъ помѣщикамъ. Но на мяту не согласится Михаилъ Ильичъ. Ему „хлѣбушка“ нужно. У него цѣлая своя система. Для приведенія ея необходимо только, какъ онъ выражается, денегъ „на оборотку“.

По усернымъ увѣреніямъ Маши, отличный и вполнѣ вѣрный доходъ заключается въ нашихъ прудахъ, на которые мы не обращаемъ должнаго вниманія и въ которыхъ, навѣрное, должны водиться въ изобиліи превосходные караси.

Пріѣзжалъ цыганъ, предлагалъ мѣнять лошадей и увѣрялъ, что въ прудахъ у насъ рыбы, навѣрное, нѣсколько десятковъ пудовъ. Онъ хотѣлъ купить ее для монастыря и обѣщалъ по десяти рублей за пудъ.

Почему цыганъ? Откуда такая цѣна? Съ которыхъ поръ цыгане стали монастырскими поставщиками-рыболовами?

— Ахъ, да какое дѣло до всего этого! Вѣдь нужны деньги. Ну и будутъ деньги, можетъ быть пятьдесятъ, можетъ быть сто рублей. Будетъ хоть на то, чтобы съѣздить въ Москву, — съ юнымъ упорствомъ настаиваетъ Маша.

— Не понимаю, почему изъ всего дѣлать трудности. Отчего бы не попробовать.

— Въ самомъ дѣлѣ, почему же не попробовать? — благосклонно предлагаетъ почему-то на этотъ разъ также и тетушка.— Совсѣмъ не къ чему для этого цыгана звать. Богъ его знаетъ, что у него на умѣ. Придетъ за рыбой, а пожалуй и лошадей уведетъ. По моему, позвать просто нашихъ мужиковъ и велѣть имъ на барышнино счастье закинуть сѣть. Что будетъ? Не знаю, въ наше время, по крайней мѣрѣ, такъ дѣлывали.

Но времена перемѣнчивы. Съ общаго согласія въ воскресный день являются „наши“, т.-е. все тѣ же Ивашинскіе мужики, разуваются, лѣзутъ въ воду, бредутъ выше колѣнъ въ тинѣ, въ водѣ немного повыше пояса и вытаскиваютъ на берегъ: десятка два никуда негодной, безымянной, мелкой рыбешки, лапоть, упавшій съ плота, бабій валекъ для бѣлья, прорванное рѣшето, да нѣсколько штукъ пучеглазыхъ лягушекъ, отчаянно дрыгающихся въ сѣтяхъ.

— Вотъ вамъ и уловъ, и доходъ. Нѣтъ, плохое что-то нынче Машурочкино счастье, — задумчиво замѣчаетъ тетушка и идетъ въ домъ за деньгами на водку мужикамъ.

— Это все отъ жары. Какъ еще пруды-то держатся, не пересохли, — переговариваются между собой на берегу, въ ожиданіи водки мужики. — Нѣшто мысленно, какія стоятъ жары. Рыбѣ не втерпежъ. Ея сейчасъ и въ рѣкѣ нѣтъ. Ракъ и тотъ не стерпѣлъ нонѣшнее лѣто, пропалъ.

Жары въ лѣто 1897 года стояли въ Московской губерніи дѣйствительно невѣроятныя, небывалыя. На солнцѣ доходило до 40°, и такъ изо дня въ день четыре мѣсяца съ самой весны. Дожди перепадали, способствуя росту хлѣбовъ, но отъ жаровъ обмелѣла рѣка, пересохли колодцы и ручьи. Стали приходить извѣстія о лѣсныхъ пожарахъ. Солнце садилось каждый вечеръ багровое и круглое въ опаловой, дымной тучѣ, безъ лучей. Горѣть стали бобота и лѣса на нѣсколько верстъ кругомъ. Въ воздухѣ стоялъ непроходящій запахъ гари. Мужики жаловались, что староста и становой загоняли на пожарахъ народъ.

— Хошь ты отъ хозяйства отступись. На работѣ найдутъ, съ работы берутъ тушить. Бери заступъ и топоръ, ступай канавы рыть. Тутъ водой не возьмешь, да и воды-то нѣтъ. Только канавами и спасаемся.

Причины пожаровъ почти всегда неизвѣстны. Въ сущности это даже правдоподобно. Главная причина—та степень сухости, почти раскаленности, которой достигло все вокругъ: земля, высохшая трава, валежникъ, сухіе, опавшіе листья въ лѣсу. Достаточно бросить спичку, не потушить папиросу для того, чтобы кругомъ все занялось и пошло горѣть. Загорается отъ пастушьихъ костровъ, отъ костровъ ребятишекъ, гоняющихъ въ ночное. Подъ конецъ лѣта раздраженный, утомленный постоянной работой народъ уже не вѣритъ въ случайность, а подозрѣваетъ злоумышленниковъ, поджигателей. Выгораютъ въ окрестностяхъ десятки и сотни десятинъ помѣщичьяго и казеннаго лѣса. Наступаетъ, наконецъ, и нашъ чередъ.

Въ жаркое утро іюльскаго дня въ Спасское прибѣгаетъ, вся запыхавшись, босая, держась руками за кончики незавязаннаго платка, молодая и красивая женщина, жена Василія кузнеца и еще издали, не доходя дома, не своимъ голосомъ кричитъ: Пожаръ! Горитъ! Вашъ лѣсъ горитъ! Рокотово горитъ! Пожаръ!

Рокотово—небольшой участокъ строевого, сосноваго лѣса въ полуверстѣ отъ Спасскаго.

Всѣ бросаются на террасу.

За деревьями видѣнъ густой, черный дымъ. Языкъ пламени, какъ молнія на секунду показывается и прячется, и все засти-

лаютъ клубы темнаго внизу, свѣтлѣющаго кверху, съ каждой минутой все разростающагося дыма.

Усадьба разомъ наполняется оживленіемъ. Запрягаютъ телѣги подъ бочку и пожарную машину. Со всего дома выхватываются изъ-подъ умывальниковъ и сносятся ведра, укладываются въ телѣги заступы и топоры.

Михаилъ Ильичъ съ недовольнымъ лицомъ, огорченный болѣе всего перерывомъ обычныхъ хозяйственныхъ работъ, кряхтя влѣзаетъ на телѣгу и самъ съ рабочими поспѣшаетъ на пожаръ.

Въ минуту домъ пустѣетъ. Хозяева и гости, домашняя прислуга и собаки все устремляется въ одномъ направленіи, за двумя телѣгами, несущимися вскачь впереди.

Одна сторона высокаго холма, поросшаго сплошь стройными, съ красными стволами, красавицами-соснами, уже вся закутана и затянута дымнымъ облакомъ. Огня не видать. Только при приближеніи слышенъ сухой трескъ и какіе-то странные звуки, похожіе на шипѣніе, да далеко разносятся по лѣсу мужичьи оживленные голоса.

Картина деревенскаго пожара, когда горятъ жилища, дома со всѣмъ находящимся въ нихъ, накопленнымъ годами скарбомъ, составляющимъ уютъ домашняго гнѣзда и угла — эта картина ужасна всегда и дѣйствуетъ неизмѣнно потрясающимъ образомъ. Въ этомъ случаѣ не играетъ даже главной роли соображенія объ убыткахъ. Важно то, что вотъ только-что былъ свой уголъ, домъ и вдругъ—нѣтъ его. Никакія страховыя и обезпеченія не возвратятъ его теперь же, немедленно. Впереди неизбѣжныя хлопоты, стройка, а въ ожиданіи — безпріютность, скитанія по чужимъ угламъ.

Ничего этого не представляетъ и не влечетъ за собой лѣсной пожаръ. Затрогивается имъ одна матеріальная сторона, и какую бы роль ни играла она, хотя бы даже въ самомъ скромномъ бюджетѣ, пережить несчастье этого рода сравнительно легко. Оттого и не бываетъ даже въ томъ случаѣ, если горитъ крестьянскій лѣсъ, раздирающихъ душу сценъ, не слыхать бабьяго вытья, не видно безтолковой, отчаянной суеты, когда люди теряютъ голову, спасаютъ ничего не стоющій хламъ и оставляютъ въ огнѣ цѣнныя вещи, иногда и живыя существа.

Мы застаемъ самую оживленную картину.

Десятка три мужиковъ, почти всѣ Ивашинцы, не исключая ребятишекъ и бабъ, кое-кто и изъ болѣе отдаленныхъ деревень обступили вверху горящій участокъ сплошной, тѣсной стѣной. Большинство стоитъ, по обыкновенію, безучастно и неподвижно, точно собираясь съ духомъ и приглядываясь. Небольшая кучка посерединѣ, подъ предводительствомъ лѣсника дяди Алексѣя, уже взялась за ведра и топоры, приготовляясь дѣйствовать.

Пріѣздъ Михаила Ильича съ обиженнымъ и грустнымъ лицомъ, въ телѣгѣ съ бочкой и машиной, и наше появленіе придаетъ всѣмъ новой энергіи.

Клубы чернаго дыма, вздымающагося къ небу, далеко видны съ пригорка и безъ телеграфа оповѣщаютъ сосѣдей о несчастіи. То и дѣло подходятъ новые помощники. Не удерживаетъ даже и спѣшная, горячая работа—жниво. Знакомыя, почернѣлыя за лѣто лица виднѣются со всѣхъ сторонъ.

Обиженное выраженіе разомъ сходитъ съ лица Михаила Ильича. Онъ опять въ своей сферѣ — организаціи работы, проявляя въ должности брантмейстера все тѣ же привычныя свои качества—неторопливую распорядительность и спокойствіе.

— Алексѣй, ты бы, братецъ ты мой.. А ты погоди, не торопись, поспѣемъ, — останавливаетъ онъ суетящагося, смущеннаго лѣсника.—Тутъ, братъ, водой немного возьмешь. Ребятушки, у кого топоры? Заходи съ двухъ сторонъ, руби молодель. Бабы подхватывай. Кверху, въ кучу вали, въ костры. Оттаскивай сюда. Милка, бери заступъ. Эй, съ заступомъ кто? Сюда!

— Кое мѣсто рыть-то?—освѣдомляются, выступая съ готовностью, съ заступами въ рукахъ нѣсколько человѣкъ.

— Не прорыть тутъ, Михаилъ Ильичъ. Ишь коренья-то, какъ канаты желѣзные. Валить бы, да лѣсъ хорошъ. Жалко.

— Какое тутъ жалѣнье. Чего жалѣть.

Работа начинается сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Роютъ канаву, вырубаютъ молодыя деревья и кусты. Подпрыгивая по узловатымъ, выступившимъ надъ землею, толстымъ корнямъ, проѣзжаютъ взадъ и впередъ лошади съ бочками воды. Студентъ-гость завѣдуетъ пожарной машиной, направляя шипящую струю, которая хватаетъ на нѣсколько саженей.

Въ воздухѣ стоитъ, разносясь далеко вокругъ, неумолкаемый людской говоръ, странный шумъ цѣпляющихся другъ за друга при паденіи вѣтвей, трескъ подрубленныхъ, падающихъ деревьевъ.

— Ребята, вали! Подъ гору энто вали.

— Эй, которые тамъ, сторонись. Отходи! Ванька, подай топоръ. Валить что-ли, дядя Лексѣй?

— Чего тутъ дядя Лексѣй! Вали. Нечего на его глядѣть.

— На себя-то погляди. Портки прожогъ.

Картина пожара не эффектна и не поразительна. Огня почти не видно. Онъ предательски прячется подъ толстымъ слоемъ моха и прошлогодней хвои, время отъ времени показываясь у древесныхъ стволовъ и обжигая и начерно обугливая ихъ нижнюю часть. Тушеніе пожара при этихъ условіяхъ требуетъ большой внимательности и огромнаго труда. Ежеминутно кажется, что все кончено, нѣтъ больше опасности, и каждый разъ новый проби-

вающійся языкъ пламени обнаруживаетъ новый ходъ огня и ведетъ за собою новую работу, которой кажется не предвидится конца.

Зной палитъ даже и здѣсь въ тѣни и чащѣ вѣкового лѣса, въ мѣстахъ, куда не достигаетъ пожаръ. Суеты почти нѣтъ. Работа идетъ какъ будто бы даже лѣниво и вяло. Нѣсколько человѣкъ рослыхъ мужиковъ съ зелеными, жидкими вѣниками въ рукахъ мочутъ вѣтки въ ведрѣ и потомъ мокрыми хлещутъ по обуглившимся стволамъ, переходя съ одного мѣста на другое, лѣниво перекидываясь замѣчаніями на ходу. Иногда кто-нибудь подходитъ къ ведру и жадно пьетъ ту же воду. Объ обѣдѣ не вспоминаетъ никто. Время идетъ. Въ работѣ проходитъ весь день. Наступаетъ вечеръ, и дѣло оказывается сдѣланнымъ. Огня больше дѣйствительно нѣтъ нигдѣ. Канавы прорыты во всю длину горѣвшаго участка. Пришлось завалить нѣсколько десятковъ деревьевъ. Рокотовскій лѣсъ удалось отстоять.

Утомленные, почернѣлые отъ дыма и размазанной на потныхъ лицахъ грязи, поднимаются изъ-подъ горы, выступаютъ изъ-за сваленныхъ, высокихъ костровъ знакомые мужики. Почти всѣ тутъ на лицо—друзья и враги: Андрюшка пастухъ, Василій—сынъ Лубка, дядя Макаръ, даже дѣдушка Осипъ—девяностолѣтній старикъ. Всѣ пришли по сосѣдски, выручать, всѣ работали усердно и не будь ихъ, да потяни на Спасское вѣтеръ—Богъ знаетъ, гдѣ кому пришлось бы ночевать въ эту ночь.

— Что толковать, похлопотали для тебя, матушка. Какъ слѣдовать сдѣлали, по сусѣдски начитъ, по Божьи.

— Спасибо. Всѣхъ васъ благодаримъ, кто потрудился. Спасибо всѣмъ. Всѣ окружаютъ насъ тѣсной, дружелюбной толпой.

Въ минуту опасности неожиданно вскрывается настоящій характеръ взаимныхъ отношеній. Онъ миритъ со многимъ, миритъ со всѣмъ. Ошибки не можетъ быть. Чего бы ради иначе прибѣжали они всѣ сюда, побросавъ работу хорошо понимая, чего стоитъ въ эту пору рабочій день.

Мы усердно благодаримъ и кланяемся на всѣ стороны.

Михаилъ Ильичъ, къ вечеру обратившійся въ брюнета, дѣлаетъ послѣднія распоряженія, оставляя на ночь на пожарищѣ бочку съ водою и двоихъ рабочихъ „для опасности“.

Лѣсникъ Алексѣй, оглядывая прожженные портки, является за деньгами на угощеніе, и всѣ, словно бы и не работали, направляются въ Козлово, въ трактиръ, бодрѣе, съ пѣснями, на этотъ вечеръ довольные своей судьбой.

Въ небогатой событіями деревенской жизни лѣсной пожаръ, какъ и слѣдовало ожидать, долгое время является темой семейныхъ разговоровъ, интересныхъ разсказовъ въ длинные, уже темнѣющіе августовскіе вечера. Разсказами, однако, дѣло не огра-

ничивается. Совершенно неожиданно грозившая возможность, по примѣру сосѣдей, полной потери цѣнныхъ лѣсныхъ участковъ наводитъ на новыя мысли, практическія комбинаціи. Источникъ дохода для поддержанія Спасскаго хозяйства найденъ.

— Чѣмъ его разворовывать будутъ, да еще пожалуй сожгутъ (тетушка непоколебимо подозрѣваетъ поджигателей и поджогъ) такъ лучше ужъ его самимъ продавать да рубить. Люди рубятъ, будемъ рубить и мы. Вотъ и деньги на хозяйство Михаилу Ильичу.

Три года проходятъ со времени начала нашего хозяйства съ Михаиломъ Ильичемъ при новыхъ, измѣнившихся условіяхъ. Эти три года прошли быстро, почти безвыѣздно въ Спасскомъ лѣто и зиму, съ короткими отлучками въ городъ и неизмѣннымъ возвращеніемъ къ хозяйственнымъ заботамъ. „Власть земли“ дала себя чувствовать несмотря на старыя привычки городской жизни, и намъ. Что то очень сильное и очень большое помимо сознанія и воли, захватило и насъ и ввело въ свой общій кругооборотъ, смирило и покорило себѣ и успокоило въ то же время.

Городской отдѣльный человѣкъ почувствовалъ себя въ тѣснѣйшей связи съ окружающимъ его огромнымъ Божьимъ міромъ, не разумомъ однимъ а всѣмъ своимъ существомъ, каждымъ нервомъ этого существа призналъ зависимость свою отъ этого міра. Признаніе этой связи и этой зависимости не возбуждаетъ мысли и желанія сопротивленія. Напротивъ: въ немъ есть что-то умиротворяющее, примирительное.

Жить на этой землѣ, подчиняясь вмѣстѣ со всѣмъ на ней живущимъ, ея велѣніямъ и распорядкамъ, вліянію ея даровъ, обильныхъ или скудныхъ, исполнить свое назначеніе на ней, какъ его исполняютъ эти бѣлыя березы, эта зеленая трава, эти животныя, простодушныя и жизнерадостныя, и прекрасные цвѣты, какъ его исполняетъ Михаилъ Ильичъ, спокойно и просто, не задаваясь вопросами: зачѣмъ и почему? А когда настанетъ срокъ и чередъ, спокойно отойти въ эту самую землю...

Но пока срокъ не насталъ, необходимо трудиться на ней воздѣлывать эту землю, „въ чувствіе произвесть“, какъ выражается Михаилъ Ильичъ.

За три года общаго хозяйничанья, система хозяйства Михаила Ильича дѣлается мнѣ до нѣкоторой степени ясна. Это повидимому копія съ системы Александра Николаевича Энгельгардта, о которой онъ подробно разсказываетъ въ своей книгѣ „Письма изъ деревни“, примѣненіе которой на практикѣ мнѣ пришлось лично видѣть въ его Батищевѣ.

Главная особенность этой системы—увеличеніе площади культурной земли на счетъ никуда негоднылъ пустаковъ, поросшихъ кустарникомъ и мелкой зарослью. Лѣса на этихъ мѣстахъ все

равно не дождаться въ сто лѣтъ. Несравненно выгоднѣе выкорчевать безпорядочно засѣвшую заросль, по пласту и безъ навозу снять хлѣбъ или ленъ, а затѣмъ слегка унавозивъ землю, по ржи засѣять клеверомъ. Увеличившаяся такимъ образомъ площадь пахатной земли дастъ возможность ввести многопольный оборотъ, дать время подъ клеверомъ отдохнуть землѣ. Хлѣба чередуются съ травами, подъ которыми земля остается на долгій срокъ. На сѣно и клеверъ въ городѣ всегда есть спросъ. Охотно и за дорогую цѣну разбираютъ клеверныя десятины и подъ покосъ. Все было бы хорошо, если бы не дороговизна работъ, главнымъ образомъ первоначальной операціи. Корчевка зарослей обходится у насъ необыкновенно дорого, отъ сорока рублей и болѣе за десятину.

— А безъ капиталу, барыня, и хозяйничать нельзя. Сперва капиталъ надо положить, а потомъ и доходу себѣ ожидать.

— А дождемся мы его—доходу-то? Какъ вы думаете, Михаилъ Ильичъ?

— Люди дожидаются. Богъ дастъ, дождемся и мы. Да вы не извольте безпокоиться, лѣсъ онъ тотъ же капиталъ. Только нонѣшнее время рубить его зря нельзя, не полагается, а извольте позвать правильнаго землемѣра.

— А вамъ случалось, Михаилъ Ильичъ, лѣсъ сводить?

— Ну помилуйте-скажите, какъ же не случалось! Можетъ сколько разовъ. Наша губернія Смоленская — лѣсная сторона. Главное дѣло — землемѣра праведнаго найти. Который есть твердый землемѣръ онъ сейчасъ стрелябію поставитъ, хоть ложись помирай, а ищи конца *). Первымъ долгомъ надобно, чтобы законно все, форменно было. А концы разыщетъ, плантъ сниметъ и представитъ куда слѣдуетъ на усмотрѣніе. Тамъ видно будетъ.

Найти праведнаго и твердаго человѣка—задача не легкая во всѣ времена. Въ данномъ случаѣ человѣкъ этотъ долженъ обладать къ тому же и спеціальными свѣдѣніями...

Но дѣло не въ землемѣрѣ. Дѣло еще разъ въ самой помѣщицѣ Коробочкѣ. „А можетъ быть въ хозяйствѣ какъ-нибудь подъ случай... А можетъ быть онѣ мертвыя души...“

Жизнь измѣнила содержаніе вопросовъ, но сущность ихъ осталась таже. Тоже совершенное незнаніе всего того, что знать нужно, непониманіе того, что необходимо понимать.

Стоитъ лѣсъ и качаетъ темными верхушками. Стоитъ передъ своимъ лѣсомъ, въ дѣлахъ практической жизни какъ въ лѣсу потерявшаяся помѣщица и думаетъ невеселыя думы.

Л. Нелидова.

*) Межевая яма.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Глава III.

Промышленная революція.

(*Продолженіе* *)

Исходнымъ пунктомъ великой промышленной революціи, начало которой можно относить къ концу XVIII вѣка, было преобразованіе условій обмѣна. Мы уже говорили, что возникновеніе капиталистической промышленности въ Англіи было непосредственно вызвано ростомъ морской торговли, подъ вліяніемъ великихъ географическихъ открытій XVI вѣка. Но до половины XVIII столѣтія торговля все-таки была очень ограничена и не играла доминирующей роли въ экономической жизни даже Англіи по очень простой причинѣ: море было широкой дорогой, открытой для всѣхъ предпріимчивыхъ людей, но сообщенія внутри страны были крайне затруднительны вслѣдствіе плохого состоянія дорогъ. Артуръ Юнгъ описываетъ, въ какомъ состояніи были дороги въ Англіи въ концѣ прошлаго вѣка; путешествіе по нимъ было сопряжено съ опасностью для жизни. Товары между самыми важными торговыми пунктами должны были перевозиться не иначе, какъ на вьючныхъ лошадяхъ—никакая телѣга не могла выдержать этихъ дорогъ. За нѣсколько десятковъ миль отъ морского берега торговля уже падала, и внутри страны рѣшительно преобладало натуральное хозяйство. Но со второй половины XVIII вѣка условія внутренняго сообщенія стали измѣняться въ Англіи къ лучшему; дороги по прежнему оставались почти непроѣзжими, но съ 1755 г. Англія энергично приступила къ созданію сѣти каналовъ, сыгравшихъ въ XVIII вѣкѣ такую же роль, какъ желѣзныя дороги въ слѣдующемъ вѣкѣ. Къ концу XVIII столѣтія Англія получила, въ видѣ каналовъ, превосходные внутренніе пути сообщенія, по которымъ дешево и быстро могли перевозиться самые громоздскіе товары—могли подвозиться сырой матеріалъ и топливо для возникавшихъ фабрикъ и отвозиться для продажи готовые продукты.

---

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль 1901 г.

Каналы энергично двинули впередъ экономическую эволюцію Англіи. Они открыли для торговли внутренній рынокъ—и съ этого времени паденіе мелкаго производства пошло быстрѣе, тѣмъ болѣе, что въ концѣ XVIII вѣка капиталъ получилъ, наконецъ, то оружіе, которое обезпечило ему окончательное торжество. Оружіемъ этимъ была машина.

Изобрѣтеніе машинъ было первымъ словомъ промышленной революціи. Значеніе машинъ въ исторіи человѣчества не можетъ быть преувеличено. Человѣческій разумъ зналъ болѣе высокіе тріумфы, но никогда ни одинъ продуктъ человѣческой мысли не вызывалъ такихъ глубокихъ перемѣнъ во внѣшнихъ условіяхъ жизни человѣчества, какъ машины. Машины знаменовали собой начало новой эры—освобожденія людей изъ-подъ власти внѣшней природы; онѣ являлись, поэтому, плодотворнѣйшей побѣдой человѣческаго духа, той прометеевой искрой, изъ которой разгорѣлось великое пламя, охватившее со всѣхъ сторонъ старый міръ человѣческихъ отношеній. Не существуетъ болѣе поразительнаго вещественнаго символа господства человѣческаго сознанія подъ матеріей, чѣмъ стройныя и блестящія массы металла, послушно повинующіяся человѣческой волѣ и выполняющія работы, во много разъ превышающія мускульныя силы людей. Человѣкъ, какъ животное, какъ носитель механической энергіи, потерялъ, благодаря машинамъ, свое прежнее хозяйственное значеніе сравнительно съ человѣкомъ, какъ существомъ разумнымъ, какъ источникомъ психической силы.

Изобрѣтеніе прядильной и ткацкой машинъ не было дѣломъ случая или геніальности отдѣльнаго лица. И прядильная, и ткацкая машина явились результатомъ упорной работы цѣлыхъ поколѣній изобрѣтателей. Чисто экономическія условія—усиленіе спроса на хлопчатобумажную пряжу и ткань благодаря развитію торговли—вызвали чрезвычайную потребность въ усовершенствованіи орудій пряденія и ткачества. Потребность въ ускореніи пряденія повела къ изобрѣтеніямъ Аркрайта, Гаргривса и Кромптона; а когда машинное производство пряжи вызвало огромное увеличеніе предложенія послѣдней, то изобрѣтеніе ткацкой машины дало возможность столь же быстро превращать эту пряжу въ ткань. Сначала прядильныя машины приводились въ движеніе руками или водой, пока, наконецъ, Джемсъ Уаттъ, изобрѣтатель новой паровой машины, не снабдилъ прядильныя фабрики той двигательной силой, въ которой онѣ нуждались—паромъ. Наступила новая міровая эпоха—эпоха пара и машиннаго производства.

Изобрѣтеніе машинъ радикально измѣнило позиціи крупнаго и мелкаго производства. Мы указывали выше на устойчивость мелкаго производства въ Англіи XVIII вѣка. Устойчивость эта объяснялась, въ значительной мѣрѣ, тѣмъ, что крупное производство стояло въ техническомъ отношеніи почти на той же почвѣ, какъ и мелкое. Машины

все перемѣнили. Первыя машины нашли себѣ примѣненіе въ бумагопряденіи—и здѣсь уже къ началу XIX вѣка фабрика окончательно вытѣснила мелкую мастерскую и изготовленіе бумажной пряжи на дому совершенно прекратилось. Въ области ткачества борьба машины и ручного труда была гораздо упорнѣе и растянулась на много десятилѣтій, но также закончилась побѣдой фабрики.

Измѣненіе способовъ производства повело къ чрезвычайному росту народнаго богатства. Какой могучій толчокъ былъ данъ англійской хлопчатобумажной промышленности прядильной машиной, объ этомъ можно судить по тому, что за двадцать лѣтъ (1781—1801 г.) ввозъ сыраго хлопка въ Англію возросъ въ 11 разъ, а вывозъ бумажныхъ тканей—въ 18 разъ, между тѣмъ какъ за первую половину XVIII вѣка (1701—1751) ввозъ хлопка увеличился лишь на 50%, а вывозъ бумажныхъ тканей—въ два раза. Въ 1740 г. въ Англіи было добыто 17 тысячъ тоннъ чугуна, въ 1768 г.—68 тыс., а въ 1806 г. уже 258 тыс. Государственные доходы Англіи въ 1740 не достигали и 4 мил. фунтовъ ст.; въ 1789 г. они уже равнялись 15 мил. ф., а въ 1815 г.—72 мил. ф.

Только благодаря необычайному развитію своей фабричной промышленности (главнымъ образомъ, хлопчатобумажной), Англія могла выдержать тяжелую борьбу съ Франціей, потребовавшую колоссальныхъ финансовыхъ затратъ; и потому нельзя не согласиться съ извѣстнымъ замѣчаніемъ, что Аркрайту и Уатту Англія болѣе обязана своими морскими и сухопутными тріумфами, чѣмъ Нельсону и Веллингтону.

Всѣ эти данныя говорятъ достаточно краснорѣчиво о ростѣ народнаго богатства Англіи подъ вліяніемъ промышленной революціи. Мы видѣли въ предыдущей главѣ, что для А. Смита возрастаніе народнаго богатства было синонимомъ соціальнаго прогресса. Чѣмъ быстрѣе растетъ богатство страны, тѣмъ лучше должно быть положеніе рабочихъ—таковъ былъ основной тезисъ Смита. И, дѣйствительно, для эпохи Смита это было вполнѣ справедливо: страна богатѣла, а положеніе рабочихъ улучшалось. Промышленная революція значительно ускорила ростъ народнаго богатства Англіи. Какъ же это отразилось на интересахъ различныхъ классовъ населенія?

Классъ крупныхъ землевладѣльцевъ существенно выигралъ отъ промышленной революціи. Земледѣльческая техника сдѣлала за это время значительные успѣхи, хотя и не такіе поражающіе, какъ въ области обрабатывающей промышленности; сѣвооборотъ былъ улучшенъ, воспитаніе скота было поставлено на раціональную почву, земледѣльческія орудія были усовершенствованы (былъ изобрѣтенъ паровой плугъ). Лучшимъ доказательствомъ успѣховъ земледѣлія въ Англіи является то, что, несмотря на исключительно быстрый ростъ англійскаго населенія въ первую четверть XIX вѣка, ввозъ иностраннаго хлѣба въ Англію не только не возросталъ, но скорѣе падалъ. Полагаютъ, что за

десятилѣтіе (1803—1813 г.) количество хлѣба, производимаго въ Англіи, увеличилось на 1/4. Результатомъ этихъ улучшеній явилось громадное возростаніе землевладѣльческаго дохода. До 1795 г. земельная рента въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Англіи повышалась, въ другихъ же оставалась почти безъ перемѣны за все столѣтіе. Но между 1790 и 1833 г. земельная рента въ Англіи, по мнѣнію такого авторитетнаго знатока хозяйственныхъ условій Англіи того времени, какъ Портеръ, въ среднемъ, по крайней мѣрѣ, удвоилась. Въ Шотландіи рента возрасла еще болѣе: въ 1795 г. ее опредѣляли въ 2 м. ф. с., а въ 1815 г. она превышала, по нѣкоторымъ вычисленіямъ, 5 м. ф. с. Въ самой Англіи въ отдѣльныхъ случаяхъ земельная рента возрасла за 20 лѣтъ, послѣ 1793 г., въ 3, 4 и даже 5 разъ. Такъ какъ одной изъ важнѣйшихъ причинъ возрастанія ренты было значительное вздорожаніе хлѣба, то вмѣстѣ съ землевладѣльцами выиграли и фермеры, особенно тѣ, которые арендовали землю по долгосрочнымъ контрактамъ. Именно въ это время пріобрѣлъ значеніе новый классъ богатыхъ фермеровъ-капиталистовъ, которые по своему общественному положенію, привычкамъ и образу жизни не имѣли ничего общаго съ рабочими.

Еще больше выиграли отъ промышленной революціи фабриканты и торговцы—вообще капиталистическій классъ. Крупныя состоянія наживались въ это время предпріимчивыми людьми съ поразительной быстротой. Эпоха войны съ Франціей была для англійскихъ промышленниковъ, несмотря на затрудненія международной торговли, золотымъ временемъ, о баснословныхъ барышахъ котораго слагались впослѣдствіи цѣлыя легенды. Только потому, что оба господствующихъ класса—лендлорды и капиталисты—находили войну для себя выгодной, Англія могла съ такимъ упорствомъ вести борьбу съ Наполеономъ. Торговецъ прежняго времени, перевозившій товары на вьючныхъ лошадяхъ и путешествовавшій для торговыхъ сношеній по окрестнымъ городамъ верхомъ, несмотря ни на какую погоду, исчезъ окончательно; его мѣсто занялъ купецъ-капиталистъ современнаго типа, ведущій свои дѣла изъ торговаго центра при помощи цѣлой арміи служителей—приказчиковъ, конторщиковъ и торговыхъ агентовъ. Точно также мелкій предприниматель былъ въ значительной мѣрѣ вытѣсненъ крупнымъ фабрикантомъ. Какое значеніе пріобрѣлъ классъ денежныхъ капиталистовъ, банкировъ, объ этомъ можно судить по росту англійскаго государственнаго долга, ежегодные платежи по которому возрасли съ 4,5 мил. ф. ст. въ 1776 г. до 30,5 мил. ф. ст. въ 1815 г. Всѣ эти кредитныя операціи на сотни милліоновъ фунтовъ стерлинговъ были совершаемы правительствомъ при посредствѣ банкировъ.

Почти половина колоссальнаго англійскаго бюджета уходила на платежъ процентовъ по государственному долгу—своего рода подать населенія страны капиталистическому классу, ссудившему правительству нужными ему деньгами.

Точныхъ статистическихъ данныхъ объ увеличеніи національнаго капитала Англіи за это время, разумѣется, не существуетъ, но представленіе объ этомъ можно составить по увеличенію цѣнности движимыхъ имуществъ, передаваемыхъ по завѣщанію и платящихъ налогъ, которая возрасла съ 4 мил. ф. ст. въ 1800 г. до 28 мил. ф. ст. въ 1815 г. Эти данныя говорятъ о такомъ быстромъ накопленіи капитала, которое кажется поразительнымъ.

Вообще, не можетъ быть сомнѣнія, что промышленная революція была чрезвычайно выгодна имущимъ классамъ. Пожалованіе титула баронета Ричарду Аркрайту, изобрѣтателю ватерной прядильной машины, и національныхъ наградъ другимъ изобрѣтателямъ было выраженіемъ общественнаго мнѣнія страны, признавшаго этихъ людей благодѣтелями своего отечества. Но какъ отразились эти удивительные успѣхи на интересахъ простого народа, рабочихъ, громаднаго большинства населенія?

Мы привели нѣкоторыя цифры возрастанія промышленности и торговли Англіи; приведемъ теперь цифры пауперизма.

	Издержки на содержаніе бѣдныхъ въ Англіи на душу населенія:
1760 г.	3 шиллинга 7 пенсовъ.
1784 »	5 » — »
1803 »	8 » 11 »
1818 »	13 » 3 »

Мы видимъ, что, какъ это ни странно, пауперизмъ возросталъ въ Англіи такимъ же быстрымъ темпомъ, какъ и народное богатство. На то же самое указываетъ и измѣненіе заработной платы. По общему мнѣнію всѣхъ изслѣдователей, реальная заработная плата въ Англіи за первыя десятилѣтія XIX вѣка значительно понизилась. Факты рѣшительно опровергли ученіе Смита о заработной платѣ; то, что Смитъ считалъ невозможнымъ въ теоріи, оказалось дѣйствительнымъ на практикѣ. Возрастаніе національнаго богатства оказалось равносильнымъ обѣднѣнію народной массы.

Перейдемъ теперь къ болѣе обстоятельному разсмотрѣнію послѣдствій промышленной революціи для различныхъ классовъ рабочаго населенія Англіи. Тотъ классъ рабочихъ, который долженъ былъ болѣе всего пострадать отъ промышленной революціи, первое время отъ нея только выигралъ. Мы говоримъ о ручныхъ ткачахъ. По чисто техническимъ условіямъ примѣненіе машины къ ткачеству гораздо затруднительнѣе, чѣмъ къ пряденію. Поэтому, въ то время какъ прядильная машина опрокинула, можно сказать, съ одного натиска ручную прялку, тканье бумажныхъ матерій вплоть до 30-хъ годовъ XIX столѣтія производилась преимущественно руками. Значительное удешевленіе цѣны пряжи и колоссальное расширеніе хлопчатобумажнаго производства на первыхъ порахъ было очень выгодно деревенскимъ ткачамъ. Въ 80-хъ и 90-хъ годахъ

XVIII вѣка спросъ на рабочія руки въ ткацкой промышленности такъ возросъ, что, хотя по всей странѣ устраивались новые коттеджи съ особыми помѣщеніями для ткацкихъ станковъ, ткачи все-таки не успѣвали изготовлять требуемаго количества ткани. Но эта «золотая эра» ткацкаго промысла была очень непродолжительна. Уже въ началѣ XIX вѣка заработная плата ткачей начинаетъ падать.

Борьба фабричнаго и домашняго производства въ ткацкой промышленности была очень упорна и тянулась много десятилѣтій. О значеніи этой борьбы для англійскаго населенія можно судить по тому, что ручное ткачество даже въ началѣ 30-хъ годовъ давало въ Великобританіи занятіе 1 милліону человѣкъ. Экономическое положеніе этой массы населенія въ теченіе всей первой половины текущаго вѣка ухудшалось съ каждымъ годомъ. По этому вопросу имѣется громадный статистическій матеріалъ, собранный многочисленными парламентскими коммиссіями, изслѣдовавшими положеніе ручныхъ ткачей, такъ какъ обѣднѣніе послѣднихъ шло настолько быстро, что тревожило общественное мнѣніе страны. Изъ отчетовъ этихъ коммиссій видно, что весь гнетъ промышленной революціи концентрировался на ручныхъ ткачахъ. Въ 30-хъ годахъ ручные ткачи дошли до полнѣйшей нищеты. Члены парламентскихъ коммиссій, посѣщавшіе ихъ жилища, краснорѣчиво говорятъ о грязи этихъ жилищъ, ихъ жалкой и убогой обстановкѣ; хлѣбъ и картофель были почти единственной пищей ткачей, мяса они почти не ѣли. Парламентскія коммиссіи обыкновенно указываютъ на легкость обученія ткацкому промыслу, какъ на причину бѣдности ручныхъ ткачей. Но, конечно, это объясненіе недостаточно: въ XVIII вѣкѣ ручное ткачество было такимъ же простымъ дѣломъ, и тѣмъ не менѣе оно было выгоднымъ занятіемъ, а въ XIX столѣтіи оно перестало обезпечивать существованіе. Слѣдовательно, причины обѣднѣнія ручныхъ ткачей нужно искать глубже. Къ тому же, въ первую половину XIX вѣка падало благосостояніе не только ручныхъ ткачей, но вообще всѣхъ чернорабочихъ — земледѣльческихъ рабочихъ и всѣхъ тѣхъ рабочихъ въ обрабатывающей промышленности, трудъ которыхъ не требовалъ продолжительнаго предварительнаго обученія или особаго искусства. Причины этого общаго обѣднѣнія англійскаго рабочаго класса очень сложны и разнообразны, но всѣхъ ихъ можно подвести подъ одно понятіе — развитіе крупнаго капиталистическаго производства.

Мы постарались дать въ I главѣ картину хозяйственнаго строя Англіи первой половины XVIII вѣка. Этотъ хозяйственный строй, составлявшій наслѣдіе еще среднихъ вѣковъ, не способствовалъ быстрому промышленному прогрессу и накопленію богатствъ, но онъ обезпечивалъ извѣстный достатокъ всѣмъ участникамъ производства, какъ хозяевамъ, такъ и рабочимъ. Земледѣліе соединялось съ обрабатывающей промышленностью и всякій рабочій находилъ себѣ дома занятіе на

время, свободное отъ полевыхъ работъ. Капиталистическое хозяйство повело къ полному разъединенію земледѣльческой и обрабатывающей промышленности. И въ городѣ, и въ деревнѣ заурядному англійскому рабочему въ 20—30-хъ годахъ текущаго столѣтія жилось несравненно хуже, чѣмъ до наступленія промышленной революціи. Всѣ современные писатели жалуются на обѣднѣніе народа. Вотъ, наприм., какъ характеризуетъ положеніе городскихъ рабочихъ Англіи въ это время буржуазный экономистъ 40-хъ годовъ, авторъ обширнаго труда по исторіи рабочаго класса, Д. Тёккеттъ, вовсе не склонный окрашивать все въ черный цвѣтъ: «При нормальномъ положеніи торговли, около трети нашего рабочаго населенія погружено въ самую ужасную нищету и находится на краю голодной смерти. Другая треть зарабатываетъ врядъ ли больше, чѣмъ обыкновенные земледѣльческіе рабочіе, а остальная треть получаетъ за свой трудъ довольно высокую плату, достаточную для комфортабельной жизни». («A History of the Past and Present State of the Labouring Population». I vol. 595). Подобныхъ свидѣтельствъ можно было бы привести сколько угодно.

Ручной ткачъ не находилъ болѣе подсобнаго занятія въ земледѣліи; въ то же время ему пришлось выдерживать уничтожающую конкуренцію ткацкой машины, которая хотя и медленно, но неуклонно замѣщала фабрикой ручное производство. Съ каждымъ усовершенствованіемъ ткацкой машины цѣна ткани падала, а вмѣстѣ съ тѣмъ падалъ и заработокъ ручного ткача. Но все-таки основной причиной обѣднѣнія ручныхъ ткачей было не столько усовершенствованіе ткацкаго механизма, сколько тѣ общія причины, которыя могутъ быть объединены понятіемъ развитія капитализма. Развитіе капитализма вызвало образованіе избыточнаго населенія, котораго не знала Англія прежняго времени. Сельскіе рабочіе, которые должны были бросить земледѣліе (о чемъ рѣчь будетъ впереди), мелкіе производители, не выдержавшіе конкуренціи съ крупнымъ производствомъ, рабочіе, вытѣсненные машинами, представители всевозможныхъ профессій, процвѣтавшихъ при прежнихъ порядкахъ и неприспособленныхъ къ новымъ хозяйственнымъ условіямъ, — вся эта масса рабочаго люда лишилась своихъ прежнихъ заработковъ и должна была устремиться въ тѣ отрасли промышленности, которыя были для всѣхъ доступны. Именно это и вызвало общее переполненіе рабочаго рынка и паденіе цѣны чернорабочаго труда.

Заработная плата фабричныхъ рабочихъ была гораздо выше; тѣмъ не менѣе и ихъ положеніе было весьма тяжелымъ благодаря чрезмѣрному удлиненію рабочаго дня и крайне негигіеническимъ условіямъ фабричной работы.

Условія существованія земледѣльческихъ рабочихъ были не лучше, чѣмъ ручныхъ ткачей. Деревенскіе рабочіе лишились своихъ прежнихъ вспомогательныхъ промысловъ; ручная прялка, бывшая въ XVIII вѣкѣ

главной опорой крестьянской семьи, не могла выдержать конкуренціи съ машиной и была заброшена, какъ ненужный хламъ. Точно также сдѣлались невыгодными и другіе мелкіе промыслы и земледѣльцы остались только при земледѣліи. Для мелкаго земледѣльца это было тяжелымъ ударомъ, отъ котораго онъ не могъ оправиться.

Еще больше значенія въ томъ же смыслѣ имѣло огораживаніе общинныхъ земель, которое пошло особенно быстрымъ темпомъ въ первыя десятилѣтія XIX вѣка. Наибольшее количество огораживаній приходится на первыя 20 лѣтъ этого вѣка. Въ это время цѣна земельной собственности сильно возрасла, что не могло не повліять на стремленіе крупныхъ землевладѣльцевъ къ округленію своихъ помѣстій. Огораживаніе общинныхъ земель въ большинствѣ случаевъ сводилось просто на просто къ отбиранію общинной земли въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ и сопровождалось такими злоупотребленіями, что отнюдь не радикальный авторъ—Томасъ Дубльде, авторъ «Финансовой исторіи Англіи»—не обинуясь называетъ огораживаніе «наглымъ и открытымъ грабежомъ». При этомъ нужно имѣть въ виду, что общинныя земли въ половинѣ XVIII вѣка составляли около $^1/_6$ части всей территоріи Англіи и представляли собой, по своимъ почвеннымъ условіямъ, едва ли не лучшія земли страны.

Огораживаніе общинной земли производилось каждый разъ по особымъ парламентскимъ актамъ, въ которыхъ подробно опредѣлялся порядокъ всей процедуры. Но такъ какъ парламентъ былъ всецѣло въ рукахъ крупныхъ собственниковъ, то естественно, что парламентскія постановленія издавались въ интересахъ только этого класса. Права мелкихъ фермеровъ, основывавшіяся на давности и на обычаѣ, или совсѣмъ не принимались въ разсчетъ, или же эти лица получали небольшое денежное вознагражденіе, а земля дѣлилась между сосѣдними лендлордами. Но какъ бы подобныя операціи ни совершались, во всякомъ случаѣ онѣ были невыгодны деревенскимъ рабочимъ, которые теряли при этомъ свое старинное право выгонять свой скотъ на общественный выгонъ.

Поглощеніе мелкихъ фермъ крупными, вызванное вздорожаніемъ цѣны хлѣба въ началѣ XIX вѣка и перестройкой всего англійскаго земледѣлія на новый ладъ, съ введеніемъ интенсивныхъ способовъ обработки земли, дорогихъ машинъ и проч., также приводило къ сокращенію числа земледѣльческихъ рабочихъ. Нерѣдко изгнаніе избыточнаго рабочаго населенія изъ деревень принимало принудительный характеръ и сопровождалось возмутительными жестокостями. Сисмонди разсказываетъ исторію знаменитой «очистки» помѣстій графини Соутерландской въ 1810—1820 г., сопровождавшуюся изгнаніемъ 15 т. человѣкъ коренныхъ обитателей страны и обращеніемъ громаднаго имѣнія, занимавшаго почти цѣлое графство, въ нѣсколько десятковъ крупныхъ фермъ, предназначенныхъ исключительно для разведенія овецъ. Такія «очистки» съ цѣлью обращенія пахотной земли въ паст-

бище и сѣнокосъ производились въ особенно большихъ размѣрахъ въ Шотландіи и Ирландіи.

Именно въ эту эпоху, т.-е. въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, исчезъ окончательно мелкій земельный собственникъ, йоменъ, слава и гордость Англіи прежняго времени. Англія стала классической страной крупнаго землевладѣнія; вмѣстѣ съ тѣмъ относительная численность земледѣльческаго населенія стала падать. Въ 1811 г. земледѣльческій классъ составлялъ 35% всего населенія Великобританіи; въ 1821 г. онъ составлялъ только 33%, въ 1831 г.—28%. Затѣмъ, паденіе численности земледѣльческаго населенія пошло еще быстрѣе.

Все это въ совокупности доказываетъ, что одновременно съ промышленной революціей въ Англіи происходила и аграрная революція, при чемъ оба эти процесса обусловливали другъ друга и вызывались развитіемъ крупнаго капиталистическаго производства во всѣхъ областяхъ хозяйства и, въ частности, въ замѣщеніи ручного труда машиннымъ.

Перейдемъ теперь къ тому, какъ отражались эти глубокія экономическія перемѣны на соціальныхъ отношеніяхъ Англіи. Разсматриваемая эпоха въ особенности замѣчательна тѣмъ, что съ нея начинается современная исторія, характеризующаяся рѣзко выраженной борьбой классовъ. Классовыя противоположности существовали и раньше, но никогда онѣ не выступали такъ ярко на первый планъ исторіи, какъ въ разсматриваемую эпоху. При средневѣковомъ феодальномъ строѣ зависимость крѣпостного отъ господина-сеньера была сильнѣе, чѣмъ въ наше время зависимость рабочаго отъ капиталиста; но въ отношеніяхъ между господствующимъ и подчиненнымъ классомъ раньше и теперь была глубокая разница. Прежнія отношенія носили въ большей или меньшей степени патріархальный характеръ; за господиномъ признавались извѣстныя обязательства по отношенію къ крѣпостному—взамѣнъ труда крѣпостного господинъ былъ обязанъ оказывать ему защиту и поддерживать его въ случаѣ нужды. Какъ ни была тягостна крѣпостная зависимость, но все же она имѣла, въ своей идеѣ, если не въ дѣйствительности, нѣчто человѣческое. Что касается до рабочихъ и мелкихъ мастеровъ, то отношенія между ними имѣли во многихъ случаяхъ почти дружескій характеръ.

Съ торжествомъ капитализма единственной связью между людьми сдѣлалось то, что Карлейль мѣтко окрестилъ названіемъ «cash nexus»—«связь наличныхъ денегъ». Предприниматель видѣлъ въ рабочемъ не человѣка, но «рабочія руки», живую машину, отличавшуюся многими неудобствами сравнительно съ неодушевленной машиной, но безъ которой все-таки нельзя было обойтись. Для рабочаго хозяинъ былъ представителемъ чуждой и враждебной силы, съ которой нужно было бороться, насколько хватало силъ. Интересы хозяевъ новаго типа и рабочихъ были совершенно противоположны. А. Тойнби, авторъ прекрас-

ной книги «Промышленная революція въ Англіи», приводитъ слова одного англійскаго фабриканта начала вѣка, характеризующія общее настроеніе того времени: «Соединить высшіе и низшіе классы общества—заявлялъ съ увѣренностью этотъ фабрикантъ—такъ же невозможно, какъ смѣшать воду и масло: у этихъ классовъ ничего нѣтъ общаго. Интересъ предпринимателя заключается въ томъ, чтобы выжать возможно больше работы за возможно меньшую сумму денегъ». Такъ относились фабриканты къ рабочимъ—и послѣдніе платили имъ тою же монетой.

Введеніе новаго промышленнаго строя не вызвало въ Англіи политической революціи, такъ какъ политическое господство капиталистическаго класса было и такъ обезпечено. Тѣмъ не менѣе водвореніе новыхъ хозяйственныхъ формъ осуществилось въ Англіи только послѣ долгой и ожесточенной борьбы. Англійское общество раскололось на двѣ враждующихъ группы: крупныхъ собственниковъ и предпринимателей съ одной стороны, и мелкихъ предпринимателей и рабочихъ—съ другой. Интересы мелкихъ мастеровъ и ихъ рабочихъ были въ данномъ случаѣ тождественны. И тѣ и другіе имѣли вѣрный заработокъ при прежнемъ хозяйственномъ строѣ и не могли надѣяться сохранить такое же обезпеченное положеніе при новыхъ условіяхъ производства. Рабочимъ грозило ухудшеніе ихъ матеріальнаго положенія, а мастера опасались потерять свою независимость и спуститься въ ряды пролетаріата. Поэтому и тѣ, и другіе дѣйствовали вполнѣ согласно и усердно поддерживали другъ друга.

Вражда мелкихъ мастеровъ и рабочихъ машинному производству выразилась прежде всего въ разрушеніи машинъ. Почти всѣ изобрѣтатели XVIII вѣка навлекали на себя преслѣдованія толпы и должны были спасаться бѣгствомъ отъ своихъ раздраженныхъ соотечественниковъ. Такъ, изобрѣтеніе прядильной машины «Дженни» Джемсомъ Гаргривсомъ вызвало цѣлое возстаніе въ его родномъ городѣ; толпы мастеровъ-прядильщиковъ врывались въ дома, гдѣ находились новыя прядильныя машины, и разрушали всѣ машины, которыя имѣли болѣе 20 веретенъ. Гаргривсъ долженъ былъ бѣжать изъ Ноттингама. Машина Аркрайта вызвала еще больше волненій среди народа: многія изъ построенныхъ имъ фабрикъ были сожжены и разграблены, власти неоднократно должны были прибѣгать къ вооруженной силѣ для огражденія имущества фабрикантовъ. Пиль, дѣдъ знаменитаго министра, бывшій однимъ изъ самыхъ раннихъ фабрикантовъ, едва спасъ свою жизнь отъ нападенія толпы; его фабрика была уничтожена. Разрушеніе машинъ продолжалось и въ первыя десятилѣтія XIX вѣка; средй рабочихъ чулочной промышленности образовалось въ началѣ столѣтія даже особое тайное общество, которое поставило своею цѣлью уничтожать машины. Это общество, подъ названіемъ «леддитовъ», дѣйствовало въ теченіе ряда лѣтъ и наводило страхъ на собственни-

ковъ машинъ. Правительство прибѣгло, для охраненія собственности фабрикантовъ, къ мѣрамъ исключительной строгости: за разрушеніе машинъ была назначена смертная казнь, и дѣйствительно, нѣсколькихъ рабочихъ были повѣшены.

Но рабочимъ не трудно было убѣдиться, что такіе пріемы борьбы съ новыми формами производства ни къ чему привести не могутъ. Сознавая это, рабочіе пытались бороться съ фабричнымъ производствомъ болѣе систематически. Въ началѣ XIX вѣка среди рабочихъ суконной промышленности Іоркшира возникаетъ очень вліятельный союзъ, имѣвшій свои развѣтвленія во множествѣ городовъ Англіи и Шотландіи. Союзъ этотъ возбудилъ большую тревогу среди фабрикантовъ; парламентская коммиссія 1806 г., изслѣдовавшая положеніе суконной промышленности, признала его крайне опаснымъ и вреднымъ, какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Союзъ энергично выступилъ на защиту прежнихъ отношеній между хозяевами и рабочими. Главной его цѣлью было проведеніе въ жизнь, осуществленіе на практикѣ, номинально оставшагося въ полной силѣ законодательства Елизаветы объ ученичествѣ. Въ число членовъ союза входили не только рабочіе, но и мелкіе мастера. Несмотря на такой составъ, это былъ несомнѣнный рабочій союзъ, проявившій свою дѣятельность, въ числѣ прочаго, организаціей цѣлаго ряда стачекъ.

Агитація этого союза въ пользу стариннаго рабочаго законодательства и вообще стариннаго экономическаго строя нашла себѣ въ англійской рабочей средѣ благодарную почву. На многочисленныхъ митингахъ рабочіе постановляли, что домашняя система промышленности выгоднѣе для страны, чѣмъ фабричная. Парламентъ былъ буквально заваленъ петиціями, покрытыми тысячами подписей, въ которыхъ испрашивалось принятіе разнообразныхъ мѣръ для огражденія мелкой промышленности отъ конкуренціи фабрикъ. Старые законы до такой степени вышли изъ употребленія, что большинство агитаторовъ за семилѣтній курсъ ученія сами не прошли этого курса; тѣмъ не менѣе движеніе въ пользу возстановленія законодательства Елизаветы все возрастало. Кромѣ обязательнаго курса ученія, рабочіе требовали возстановленія давно забытаго закона о правительственномъ нормированіи заработной платы. Многочисленные рабочіе союзы, которые въ это время пріобрѣли уже значительное вліяніе, поставили это своей главной цѣлью. Въ 1812 г. одному изъ самыхъ вліятельныхъ такихъ союзовъ—союзу хлопчатобумажныхъ ткачей—удалось истребовать судебное постановленіе, которымъ предписывалось властямъ опредѣлить заработную плату, согласно точному смыслу закона. Послѣ долгихъ усилій было выработано росписаніе рабочихъ платъ и получено законное утвержденіе, но хозяева отказались ему подчиниться. Послѣдовала одна изъ самыхъ обширныхъ стачекъ. Отъ Карлейля до Абердина остановились всѣ ткацкіе станки; 40.000 ткачей почти одновременно прекратили работу.

Стачка продолжалась болѣе трехъ недѣль и конецъ ея былъ совершенно неожиданный: въ одинъ прекрасный день весь комитетъ стачки былъ арестованъ по обвиненію въ устройствѣ незаконнаго сообщества и всѣ члены его были приговорены къ продолжительному тюремному заключенію. Это разбило стачку и рабочіе должны были покориться очевидно незаконнымъ притязаніямъ хозяевъ, отказывавшихся подчиняться судебнымъ рѣшеніямъ.

Стачка эта была одной изъ многихъ, преслѣдовавшихъ ту же цѣль—возстановленіе стараго порядка. Между 1810 и 1812 г. рабочіе союзы возбудили рядъ исковъ противъ хозяевъ, нарушавшихъ законы Елизаветы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ рабочимъ удавалось добиться отъ суда обвинительныхъ вердиктовъ противъ хозяевъ, но практическихъ послѣдствій эти вердикты не имѣли; въ большинствѣ же случаевъ суды по разнымъ формальнымъ предлогамъ отказывали въ искахъ рабочимъ. Тогда борьба была перенесена на парламентскую почву. Петиціи рабочихъ и жалобы ихъ на дѣйствія хозяевъ были такъ многочисленны, что парламентъ долженъ былъ образовать для разсмотрѣнія жалобъ особый комитетъ. Комитетъ опросилъ многихъ свидѣтелей, изъ которыхъ громадное большинство показывало въ пользу сохраненія закона Елизаветы; въ парламентъ поступали въ этомъ смыслѣ все новыя петиціи, число подписей на которыхъ превысило 300.000. Напротивъ, число подписей на петиціяхъ крупныхъ предпринимателей въ пользу отмѣны закона едва достигало 2.000. И та и другая сторона устраивала публичные митинги для поддержанія своихъ требованій: рабочіе говорили объ интересахъ бѣдныхъ людей, единственною собственностью которыхъ были ихъ мозолистыя руки, а капиталисты ссылались на интересы промышленности и естественныя права человѣка. Конецъ всей этой агитаціи былъ совершенно неожиданный для ея иниціаторовъ: въ 1815 г. елизаветинскій законъ объ ученичествѣ былъ отмѣненъ парламентомъ.

Движеніе рабочихъ въ пользу сохраненія или, вѣрнѣе, возстановленія стариннаго рабочаго законодательства было съ самаго начала обречено на неудачу; рабочіе стремились остановить жизнь, задержать экономическое развитіе страны путемъ законодательныхъ постановленій, возникшихъ на почвѣ совершенно иныхъ хозяйственныхъ условій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, движеніе это свидѣтельствуетъ о пробудившемся классовомъ сознаніи англійскихъ рабочихъ. И хотя непосредственная цѣль означеннаго движенія отнюдь достигнута не была, тѣмъ не менѣе оно не осталось безъ очень важнаго результата: оно чрезвычайно содѣйствовало укрѣпленію и росту рабочихъ союзовъ, настолько же специфическаго продукта новѣйшаго экономическаго строя, насколько выставленныя рабочими требованія отражали собой хозяйственныя условія прежняго времени.

Причина быстраго распространенія рабочихъ союзовъ, начиная съ

послѣднихъ годовъ XVIII вѣка, заключалась не въ чемъ иномъ, какъ въ развитіи новыхъ формъ промышленности — крупныхъ капиталистическихъ предпріятій. Капиталистическій строй повелъ къ разъединенію труда и капитала, къ образованію рабочаго пролетаріата. Пока работа по найму была только переходнымъ состояніемъ подмастерья, впослѣдствіи дѣлавшагося самостоятельнымъ хозяиномъ, до тѣхъ поръ рабочіе не составляли особаго общественнаго класса; поэтому, не могло быть и классовой организаціи рабочихъ. Но какъ только наемная работа стала постояннымъ состояніемъ извѣстнаго класса людей, возникла и классовая организація рабочихъ — рабочіе союзы. Такимъ образомъ народился и занялъ первое мѣсто въ ряду великихъ вопросовъ нашего времени рабочій вопросъ, котораго еще Смитъ совершенно не зналъ.

Въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ раньше всего развилось капиталистическое производство, раньше появились и союзы. Такъ, въ западныхъ графствахъ Англіи, какъ мы уже говорили въ въ I главѣ настоящихъ «Очерковъ», суконное производство уже въ XVII вѣкѣ имѣло капиталистическій характеръ; соотвѣтственно этому самые ранніе союзы возникаютъ именно въ этой мѣстности. Въ 1717 г. власти г. Брадфинча жалуются парламенту, «что уже нѣсколько лѣтъ суконные ткачи, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, образовали общество и при помощи возмутительныхъ и насильственныхъ мѣръ собираютъ деньги съ многихъ рабочихъ». Подобныя же жалобы на суконныхъ ткачей западныхъ графствъ продолжались въ теченіе всего XVIII вѣка. Напротивъ, въ Іоркширѣ, гдѣ господствовала мелкая промышленность, о союзахъ рабочихъ ничего не слышно до конца XVIII столѣтія, когда возникновеніе суконныхъ фабрикъ ведетъ къ образованію чрезвычайно обширнаго союза, о которомъ мы говорили выше,

Отношеніе англійскаго правительства къ рабочему движенію лучше всего опредѣляется законами, которые издаются въ теченіе всего XVIII столѣтія одинъ за другимъ для прекращенія рабочихъ союзовъ; строгость этихъ законовъ все усиливалась и наконецъ въ 1794 г. всякіе союзы или стачки между рабочими съ цѣлью поднятія заработной платы или уменьшенія рабочихъ часовъ были запрещены подъ угрозой тяжелыхъ наказаній. Но всѣ эти законы, хотя они давали предпринимателямъ въ руки сильное оружіе, которымъ послѣдніе неоднократно и пользовались (какъ, напр., въ вышеописанной стачкѣ хлопчатобумажныхъ ткачей), оказались совершенно безсильными остановить развитіе классовой организаціи рабочихъ.

Такимъ образомъ, промышленная революція чрезвычайно обострила классовый антагонизмъ рабочихъ и хозяевъ. Борьба труда и капитала, разъ начавшись, уже не прекращалась. Рабочіе, для которыхъ успѣхи капиталистической промышленности были, на первыхъ порахъ, синонимомъ пониженія уровня существованія и обѣднѣнія рабочей массы, естественно выступили врагами промышленной революціи. Не понимая

всей необходимости совершавшагося экономическаго процесса, они пытались остановить колесо исторіи, ходъ котораго причинялъ имъ столько страданій, и вернуться къ старому порядку вещей, уже давно отжившему свое время и потерявшему реальную силу. И рабочіе были разбиты. Но изъ этой борьбы они вынесли нѣчто такое, что въ концѣ концовъ должно было даровать имъ побѣду—ясное сознаніе своихъ интересовъ и профессіональную организацію.

Какъ бы то ни было въ эпоху промышленной революціи рабочіе выступали въ защиту старыхъ идеаловъ, осужденныхъ исторіей. Напротивъ, капиталисты выступили съ самымъ новымъ, передовымъ ученіемъ о спасительности промышленной свободы. Доктрины А. Смита, на успѣхъ которыхъ такъ мало разсчитывалъ самъ авторъ, были восприняты общественнымъ мнѣніемъ Англіи съ поразительной быстротой. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ «Богатства народовъ» эта книга начинаетъ цитироваться въ парламентѣ. Министры, мотивируя вносимые ими законопроекты, ссылаются на А. Смита, какъ на самый высокій и всѣми признаваемый авторитетъ. Новая доктрина столь быстро овладѣвала умами, выставляемыя ею политическія и экономическія требованія казались такими естественными и очевидными, что не позже, какъ въ 1806 г. одна парламентская коммиссія съ важностью заявляетъ: «право каждаго человѣка употреблять свой капиталъ по собственному усмотрѣнію, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства или препятствія, поскольку этимъ не нарушаются права другихъ лицъ, составляетъ одну изъ тѣхъ привилегій, которую свободная и благодѣтельная конституція этой страны издавна пріучила всякаго британца считать своимъ прирожденнымъ достояніемъ». Общественное мнѣніе Англіи успѣло уже совершенно позабыть, что право свободнаго распоряженія капиталомъ не только не было старинным основаніемъ англійской конституціи, но что, наоборотъ, англійская конституція была проникнута діаметрально противоположнымъ духомъ до самаго послѣдняго времени и что это право было провозглашено, какъ нѣчто совершенно новое и расходящееся съ обычными взглядами, никѣмъ инымъ, какъ А. Смитомъ. Въ 1811 г. другая парламентская коммиссія говоритъ, что «стѣсненіе свободы промышленности или свободы каждаго человѣка располагать своимъ временемъ и трудомъ такъ, какъ онъ считаетъ наиболѣе для себя выгоднымъ, нарушаетъ основные принципы благосостоянія и благополучія страны». Идеи А. Смита уже настолько вкоренились въ умахъ господствующаго класса, что признаются неподлежащими доказательству, а тѣмъ болѣе спору. Еще черезъ нѣсколько лѣтъ парламентъ закончилъ дѣло освобожденія труда и капитала отъ правительственныхъ стѣсненій отмѣной всего рабочаго законодательства Елизаветы.

Чѣмъ же объясняются неожиданно быстрые успѣхи ученія новой экономической школы? Отвѣтъ ясенъ—тѣмъ, что оно было выгодно господ-

ствующимъ классамъ. Рабочіе остались чужды новымъ идеямъ не по своей неразвитости и невѣжеству, а потому, что для нихъ, въ описываемую историческую эпоху, промышленная свобода была такъ же невыгодна, какъ она была выгодна капиталистамъ. Такая грубо матеріальная подкладка торжества новой доктрины лучше всего доказывается тѣмъ, что торжество это было далеко не полное. Рабочее законодательство Англіи было преобразовано въ смыслѣ идей Смита уже въ началѣ XIX вѣка,—хотя тѣ, защитѣ которыхъ Смитъ помѣстилъ столько краснорѣчивыхъ страницъ—сами рабочіе—всѣми силами боролись противъ этихъ преобразованій. «Эгоистическій и жаждущій монополій», по выраженію Смита, классъ крупныхъ фабрикантовъ и торговцевъ, съ восторгомъ ухватился за его ученіе о свободѣ труда. Напротивъ, ученіе Смита о свободѣ внѣшней торговли, о вредѣ протекціонизма, упорно отвергалось господствующими классами и потребовалось много десятилѣтій борьбы и агитаціи, чтобы побудить англійскихъ землевладѣльцевъ и фабрикантовъ допустить иностранное соперничество. Такое различное отношеніе господствующихъ классовъ Англіи къ двумъ нераздѣльнымъ частямъ новой доктрины объясняется очень просто: свобода труда была имъ выгодна, а свободы внѣшней торговли они опасались. И потому трудъ сталъ свободенъ въ Англіи гораздо раньше чѣмъ освободилась внѣшняя торговля.

М. Туганъ-Барановскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

НЕУДАЧНИКЪ.

(ФОСТЭ ФОРЛАНДЪ).

Романъ Іонаса Ли. Перев. съ норвежскаго З. Зенковичъ.

(*Продолженіе* *).

VIII.

Фостэ увидѣлъ Лауру Грутъ: она завернула за уголъ и скрылась въ бумажной лавкѣ; узнавъ, что она опять въ городѣ, онъ разсѣянно слушалъ объясненія и оживленные разсказы Іона Берга изъ фирмы Бергъ и Сынъ, въ то время, какъ они шли вверхъ по Портовой улицѣ.

— Тамъ на Береговой улицѣ играютъ, словно въ уголки. Только въ теченіе этой недѣли №№ 7, 9 и 23 перешли въ другія руки, а № 2 съ землей является яблокомъ раздора между Андерсомъ Бекъ и коммерсантомъ Мюллеромъ. Подумай, Фостэ, болотистый участокъ съ холмомъ по срединѣ, весь заросшій одуванчиками и лопухомъ, да старый порѣдѣвшій заборъ, который прачки обвѣшиваютъ бѣльемъ,—никто за него не давалъ ни гроша! А теперь—три, четыре тысячи. Да, нельзя отрицать, что положеніе, дѣлъ сильно измѣнилось! Между нами, Фостэ, могу сказать, у меня уже есть предложенія,—я тоже спекулирую; знаешь вилла «Ларенна» на взморьѣ,—если ее передѣлать и какъ слѣдуетъ обставить, она годится для сдачи какому-нибудь зажиточному курсовику, это вѣрно, какъ аминь! Назначили двадцать тысячъ кронъ; я предложилъ восемнадцать. Завтра окончательное рѣшеніе.

— Ну, такъ у тебя есть еще время подумать—разсѣянно замѣтилъ Фостэ.

Уже во второй разъ останавливались они у бумажной лавки.

Покупала Лаура Грутъ что-нибудь? Или она разыскивала какую-нибудь книгу въ библіотекѣ?

— А посмотри-ка, Фостэ, въ этой лавкѣ уже большія зеркальныя стекла,—не преминулъ замѣтить Іонъ Бергъ. Онъ не видѣлъ никакой

---

*) См. «Міръ Божій», февраль, № 2, 1901 г.

надобности стоять тутъ и потащилъ Фостэ дальше.—Я думаю, теперь въ городѣ можно насчитать до двадцати оконъ такого сорта и притомъ такихъ размѣровъ, что мужикъ можетъ въѣхать туда со всѣмъ возомъ, и все даромъ,—это достовѣрно извѣстно. Какъ подумаешь, сколько приходилось работать нашимъ отцамъ, чтобы сколотить копейку, какъ тяжела была дорога къ барышамъ, нельзя не подивится тому мраку невѣжества, въ какомъ они жили относительно простѣйшихъ торговыхъ принциповъ! Мнѣ еще и теперь смѣшно. Не дальше, какъ нынче осенью, старикъ страшно перепугался, когда я сказалъ ему, что подписался на десять акцій «Целлулозы» и на пять твоего «заведенія». Онъ былъ близокъ къ удару. Еще забавнѣе было видѣть, когда я сообщилъ ему, что я тотчасъ-же и запродалъ акціи по болѣе высокому курсу и разница, въ 500 кронъ наличными, въ конторкѣ. Его разсудокъ явно боролся съ мыслью, что деньги эти до нѣкоторой степени—краденыя. Старыя времена и новыя времена, да...

— Удивительно—замѣтилъ Фостэ.—Я долженъ проститься съ тобою, Іонъ; мнѣ надо назадъ,—прибавилъ онъ быстро: онъ видѣлъ, что Лаура Грутъ вышла изъ лавки, и поторопился.

— Ну, вотъ, пришлось и еще разъ увидѣть васъ здѣсь, спѣсивая барышня!—поздоровался онъ съ ней,—я, впрочемъ, еще вчера слышалъ о вашемъ пріѣздѣ.

— Ахъ, вы не повѣрите, какъ хорошо быть снова здѣсь—радостно отвѣтила она.—Дома у дяди съ теткой все погружено въ мелкія заботы и хлопоты,—разливать чай и кофе, рѣзать сухари, печь, штопать и проч... Здѣсь совсѣмъ иная жизнь! Все цвѣтетъ и распускается, словно въ воздухѣ снова весна.

— Что?—Романы у васъ, фрэкенъ Лаура?—прервалъ ее Фостэ, на половину вытаскивая книжку у нея изъ муфты.

— «Первенецъ поэта», г-нъ Форландъ!—засмѣялась она.

— Да-а, фрэкенъ Грутъ, многіе спасли свою фантазію благодаря библіотекамъ, а многіе и губили ее, когда дѣйствительность становилось слишкомъ сухой и фантазія не находила себѣ пищи.

— Надѣюсь, ко мнѣ не примѣнимъ ни одинъ изъ этихъ случаевъ.

— Нѣтъ, ваша библіотека въ васъ самихъ. Я замѣчаю это всякій разъ, какъ встрѣчаюсь съ вами. Въ васъ есть нѣчто свое. Чортъ возьми! ну, кто могъ бы стоять такъ на лѣсенкѣ и глядѣть въ даль, какъ вы.

— Скажите откровенно,—продолжалъ онъ,—кого вы изображали тогда—Асту, мать короля?

— О нѣтъ, такія богобоязненныя кроткія лица совсѣмъ не въ моихъ средствахъ; мои черты, только будучи искажены, становятся характерными.

— Ну такъ Сигридъ Могучую?

— Въ тотъ моментъ, какъ она окунаетъ короля въ бочку? Въ этомъ

былъ хоть какой-нибудь смыслъ. Впрочемъ, изъ всей этой скучной исторіи я выбрала бы для себя скорѣе привидѣніе королевы Гунильды на болотѣ. А всего лучше—колдунью, которая роется и копается въ золѣ... Не дадите-ли вы мнѣ такую роль и въ вашемъ театрѣ?

Фостэ молчалъ. Въ ея голосѣ дрожала—раньше онъ никогда этого не замѣчалъ—удивительно глубокая горечь, а глаза блестѣли.

Ему вдругъ представилось, что она въ глубинѣ души, не смотря на свою «маску», можетъ быть несчастна. Ея лицо съ такими сильными чертами, пожалуй, не было лицомъ молоденькой дѣвушки.

Фостэ почувствовалъ, что предъ нимъ женщина, которая страдаетъ, несчастна при своей веселой внѣшности, которую она вынуждена сохранять, чтобы удержать за собой свое мѣсто въ жизни.. Для обыденной жизни, съ ея мелочами—большая трагедія!

— Ну, такъ и быть, я скажу, что заставило меня остановиться на крыльцѣ,—королева Аста и Сигридъ Стурроде здѣсь не при чемъ; я была всецѣло поглощена вашимъ отелемъ! Его башня такъ торжественно вырисовывается на фонѣ зимняго дня. Я разомъ представила себѣ зданіе такимъ, какъ я видѣла его впервые, съ голыми стѣнами, безъ рамъ,—такъ ясно увидѣла двѣ верхнія недостающія ступеньки, вы такъ ловко помогли мнѣ... Я снова увидѣла пейзажъ, отъ очарованія котораго я никакъ не могла освободиться, потому что должна была все внимательнѣе прислушиваться къ своеобразному мужскому голосу позади меня, который такъ властно говорилъ и обрывалъ рѣчь, когда ему было угодно... Въ немъ было столько сознанія собственнаго достоинства, чувствовалась такая сила и увѣренность, что всѣ возраженія падали отъ одного дуновенія! Такимъ вы явились мнѣ въ первый разъ, г-нъ Форландъ, раньше я никогда не видала васъ.

— Да,—сказалъ Фостэ,—а теперь я говорю съ вами каждый день, фрэкенъ Грутъ! У меня есть роль какъ разъ для васъ—я вижу, какъ вы произносите каждую реплику... Недѣли черезъ три-четыре наша банда соберется для репетицій... Вы, конечно,—краеугольный камень.

— Ахъ, г-нъ Форландъ! если бы вы знали, какъ я боюсь.

— Вы? съ вашимъ талантомъ, и боитесь?

Она покачала головой:

— Нѣтъ, не другихъ, не публики, а,—она немножко промедлила,—васъ!

— Меня?

— Вдругъ вы скажете что-нибудь о пьесѣ, чего я никогда раньше и не подозрѣвала. Я думаю, вдругъ я окажусь неприходима глупа, и дрожу отъ страха, что вы замѣтите мое ничтожество.

— Если-бы вы знали, фрэкенъ Грутъ, я слышу, какъ вы кричите скупому слова дочери: «Если тебя это не трогаетъ,—твое сердце мертво, и ты—хладный трупъ, блуждающій здѣсь!»

— Эту реплику я запомню и стану упражняться! — воскликнула

Лаура.—Я уже чувствую себя дочерью скряги. Во мнѣ дрожитъ что-то,—я понимаю, я понимаю!

— Это вы плохо сказали. Голосъ звучалъ не полно... Еще разъ: «Я понимаю»!..

— Я понимаю!—съ энтузіазмомъ воскликнула она, взмахнувъ муфтой. Ѣдете-вы завтра послѣ обѣда на лодкѣ на Фридрихслундъ?—спросила она тихо, немного спустя.

— Можетъ быть... Я, впрочемъ, совсѣмъ не думалъ объ этомъ, у меня нѣтъ времени для свѣтскихъ развлеченій.

— Это устраиваетъ консулъ Ристингъ,—поясняла Лаура—съ собою возьмутъ кофе, холодную закуску: конечно, будетъ и шампанское... Вернемся при лунѣ... Я васъ повезу!

— Въ такомъ случаѣ я ѣду! Ѣду!—отвѣтилъ онъ горячо и взмахнулъ шляпой.

«Что за женщина эта Лаура Грутъ! какъ она понимаетъ его и какъ сочувствуетъ всему, что ему дорого».

— Ну и усталъ же я, мама, цѣлый день переливать изъ пустого въ порожнее для господъ филистеровъ,—вырвалось у Фостэ, когда онъ вечеромъ вернулся домой. Маклеръ покупаетъ и продаетъ. Городъ пируетъ. Акціи подымаются. Все идетъ, какъ заведеная машина!.. Могу сообщить тебѣ, что зятюшка-докторъ понялъ, наконецъ, свою выгоду и вложилъ въ акціи свои двѣ тысячи. А пусть недѣли черезъ двѣ онъ спроситъ о нихъ у маклера,—онъ заработаетъ малую толику... Знаешь мама, когда человѣкъ день денской возится съ маммономъ и начиняетъ себя, словно колбасу, думами о барышахъ и прибыляхъ, какъ я,—можно хорошо познакомиться съ этимъ дьяволомъ... Онъ просто поразителенъ! Его можно изучать безъ устали, во всѣхъ его изгибахъ и извилинахъ,—до такой степени разнообразны его проявленія у различныхъ людей. Но что всего забавнѣе въ этой исторіи, такъ это то, что собственно маммонъ управляетъ человѣкомъ, а не человѣкъ подчиняетъ себя маммону. Между нами, ты, конечно, мама, прекрасно понимаешь, что не дѣлами занимается твой сынъ Фостэ, когда, возвращаясь домой въ десять вечера, проситъ огня въ свою каморку и тѣшится писаньемъ до двухъ, трехъ часовъ утра. Для меня наслажденіе показать этого демона въ должномъ освѣщеніи. Онъ такъ комиченъ при всей своей низости, что я не успокоюсь, пока не выведу его въ маленькой комедіи для нашего лѣтняго театра. Я его буквально вижу передъ собой, его манеру говорить, жестикулировать... Богачъ, скопидомъ, семья его живетъ въ идиллической обстановкѣ, воспитана для благородныхъ стремленій, а онъ самъ — высшій нравственный авторитетъ для всего города... Но для всѣхъ — тайна, что его состояніе вложено въ заграничное акціонерное предпріятіе для изготовленія ядовитыхъ обоевъ. И въ то время, какъ семья стоитъ въ числѣ благотворительныхъ обществъ, устраиваетъ базары, подаетъ добрый при-

мѣръ,—тысячи бѣдняковъ, раскиданныхъ по всему свѣту, медленно отравляются поношенными обоями... А то можно заставить его спекулировать на фальсификаціи вина. Но вотъ сынъ, развитой человѣкъ съ утонченною нравственностью, вдругъ открываетъ истинную сущность вещей. Онъ готовъ разрушить добытое позорнымъ путемъ состояніе и предать себя самого и всю привыкшую къ роскоши семью въ жертву нищетѣ... и всѣ необходимыя слѣдствія... Какіе здѣсь могутъ быть громадные, захватывающіе эффекты...

Громкій звонъ бубенчиковъ прервалъ его рѣчь и разомъ смолкъ у крыльца. Въ комнату вошла Агнета: она вернулась отъ Людерсъ въ консульскихъ саняхъ...

— Слава Богу, что мое сѣрое шелковое платье было готово, мама! Правду сказать и туалеты были! Теперь ужъ не годится показываться нѣсколько разъ въ одномъ и томъ же платьѣ. Молодыя Лоритценъ въ настоящихъ кружевахъ.

— Вновь испеченные богачи непремѣнно ищутъ выставки,—замѣтилъ фру Форландъ.

— А какое угощеніе мама!—Вино было, говорятъ, превосходное. Была масса зелени, спаржи и фруктовъ изъ Алжира. Я шла къ столу съ капитаномъ Дёшеръ.

— Ну, покойной ночи, покойной ночи! — и Фостэ вышелъ изъ комнаты.

— А сколько поклоновъ тебѣ, мама! Завтра ты получишь цвѣты изъ Людерсовской теплицы и какой-нибудь деликатесъ изъ дессерта. Мина привезетъ сына; я думаю, она была бы не прочь, чтобы Фостэ былъ въ это время дома; за послѣднее время у нихъ установились пріятельскія отношенія. Но Фостэ какой-то странный, онъ будто слишкомъ высокъ для нихъ, и, кажется, имъ никогда не достать до него; для него существуютъ только интересныя идеи... Фостэ не видитъ ничего, кромѣ того, что занимаетъ его умъ, на остальное онъ не обращаетъ вниманія.

— Нѣтъ, онъ паритъ въ облакахъ,—улыбнулась фру Форландъ.

— И Людерсъ, и Ристингъ предлагаютъ тебѣ свои сани, мама; ты должна выѣхать какъ-нибудь въ хорошую погоду.

— Я знаю, все это ради моего сына; но все же это хорошо — отвѣтила Фру Форландъ.

— А въ концѣ мы съ капитаномъ Дёшеръ съѣли Филиппхенъ *), улыбаясь говорила Агнета. — Онъ теперь бываетъ всюду, куда меня приглашаютъ, мы разговариваемъ и такъ хорошо спѣлись.

---

*) Филиппхенъ (Filippine), — съѣсть «Филиппхенъ» (spise Filippine) — двойной орѣхъ, своего рода пари, кто раньше при встрѣчѣ скажетъ «Филиппхенъ» тотъ выигралъ.

IX.

Наступила весна и вмѣстѣ съ нею торжественное освященіе кургауза.

Отель былъ почти законченъ и блестѣлъ во всей красѣ. На лѣстницахъ, и, вверху, и внизу были развѣшены различныя рекламы крупныхъ европейскихъ курортовъ и купаній. На громадныхъ плакатахъ и иллюстраціяхъ красовались Висбаденъ и Виши, Эмсъ и Карлсбадъ, Aix-les-Bains и швейцарскія климатическія станціи со снѣжными зубцами Альпъ, тонущими высоко въ воздухѣ, Ницца и Монте-Карло въ молочно-бѣлыхъ краскахъ, съ ослѣпительно-синимъ моремъ и еще болѣе синимъ небомъ. Рекламы эти чередовались съ не меньшими досто примѣчательностями даннаго курорта — полуночное солнце, словно въ заревѣ. Всюду шла горячая работа.

Уютный садикъ при докторскомъ домикѣ весь сіялъ.

По всему берегу, который былъ весь скупленъ Веггесеномъ съ Вольта разные предприниматели и спекулянты съ жаромъ перестраивали крестьянскіе и рыбачьи домики въ виллы съ отдѣльными пристанями на морѣ.

Тамъ передѣлывались бесѣдки и маленькіе домики въ купальныя телѣжки на колесахъ, строилась пристань для парусныхъ лодокъ, которыя будутъ колыхаться словно лебеди.

Изъ рощи доносились частые удары молота: тамъ строился лѣтній театръ, который былъ уже подведенъ подъ крышу.

Въ паркѣ, часть котораго была насаждена осенью, шла постройка, дѣлались дорожки, устраивались всевозможные газоны и куртинки.

Думы о первомъ сезонѣ все приводили въ движеніе.

Вездѣ была весна съ блестящей молодой зеленью первоцвѣта, съ шумомъ бѣгущей воды.

Фру Сельви гуляла въ рощѣ, катя предъ собою дѣтскую колясочку; мысли ея были заняты завтрашнимъ днемъ и торжествомъ освященія отеля.

— Фалькенбергъ ненавидитъ застольныя рѣчи,— эту привычную скуку, убивающую всякое удовольствіе, какъ говорилъ онъ. Но при этомъ случаѣ онъ долженъ былъ, въ качествѣ старшаго врача, взять на себя долю представительства. Такая торжественность была ему мало къ лицу, и она послѣдніе дни старалась внѣдрить въ него нѣсколько подходящихъ вѣжливыхъ фразъ.

— Ты фрэкенъ Грутъ провожалъ изъ театра, Фостэ, да?—вдругъ спросила она, когда братъ быстрыми шагами направился къ ней.

Фостэ кивнулъ: она хотѣла попробовать резонансъ со сцены. Ты понимаешь, очень важно, чтобы модуляціи не пропадали.

— Ты можешь думать о такихъ вещахъ въ то время, когда у тебя на рукахъ отель и весь праздникъ!

— Въ томъ-то и секретъ, чтобы отвлечь мысль отъ этого... У меня

готова канва для рѣчи; но отнюдь не слѣдуетъ лишать ее красокъ и силы, все время твердя про себя. Надо положиться на вдохновеніе минуты... Лаура Грутъ,—да, у нея большой голосъ, —настоящая труба. Но владѣть имъ ей не по силамъ. Вотъ почему я стараюсь добыть нѣсколько среднихъ голосовъ! Мнѣ хотѣлось-бы что-нибудь вродѣ материнскихъ тонкихъ оттѣнковъ или хоть, напр., какъ у Беры Гюлингъ... Сколько глубокаго чувства въ ея голосѣ! Ты видишь передъ собой человѣка съ горячею кровью и живою душой. Ты, конечно, была въ вашемъ домѣ? Отдѣлка быстро подвигается впередъ. Пріемная Фалькенберга во всякомъ случаѣ будетъ готова къ сроку, — и съ темно-зелеными обоями, какъ ты того хотѣла. А удивительно, должно быть, имѣть ребенка, Сельви! — добавилъ онъ, и, отодвинувъ зеленое покрывало, погладилъ ребенка по лицу съ видимымъ интересомъ.—Только что вышедшій изъ рукъ природы... Однако, онъ смотритъ только однимъ глазомъ, другимъ—подозрительно косится на міръ.

— Уфъ, Фостэ, я не люблю, когда ты такъ стоишь, разглядываешь и изслѣдуешь мальчика, будто онъ насѣкомое,—замѣтила Сельви и опустила покрывало.

— Славный, хорошенькій, сильный пострѣленокъ... Однако, я оказываюсь дядей, и могу приходиться дядей многимъ еще. Дядюшка, обладающій курицей, несущей золотыя яйца, у котораго однако нѣтъ никого, кому давать ихъ.

— Женись!..

— Чтобы жить съ человѣкомъ въ полномъ непониманіи, проводить вмѣстѣ дни и ночи?.. Или съ индюшкой, которая совсѣмъ меня не понимаетъ? Войны, конечно, никакой не будетъ, но хорошо зажаренный бифстексъ и, быть можетъ, немножко чтенія вслухъ... Я, впрочемъ, прекрасно понимаю, куда ты мѣтишь, Сельви, когда говоришь о женитьбѣ. Но если есть голова, которую я желалъ бы заставить склониться,—то она принадлежитъ именно Берѣ, со всѣмъ ея высокорожденнымъ, такъ называемымъ идеализмомъ, который я точнѣе назвалъ бы непріятной экзальтаціей! Съ такимъ же успѣхомъ могъ бы я жениться на остро-отточенномъ ножѣ! Такого же и она мнѣнія, хотя едва ли она разсматриваетъ меня, какъ нѣчто острое; скорѣе я представляюсь ей въ видѣ грубаго, тупого мясного ножа, который ни на что уже больше не пригоденъ... Но меня радуетъ завтрашній день, я увижу ее за столомъ въ большомъ залѣ отеля! Гюлинги не могутъ не прійти. Я заранѣе наслаждаюсь тѣмъ, что увижу ее съ торжественной свитой ея сторонниковъ; она и канатчикъ Трюггесенъ—послѣдніе могикане стараго узкаго направленія. Міръ, который она отрицала, теперь идетъ чрезъ ея голову!..

— А вотъ, легокъ на помин !—остановился Фостэ,—вотъ «одинъ изъ могиканъ», самъ депутатъ Трюггесенъ стремится ревизовать и лично убѣдиться.

— Честь имѣю, г. Форландъ!—раздался навстрѣчу сильный насмѣшливый голосъ депутата г. Трюггесена.—А я только-что присутствовалъ на горячемъ диспутѣ о томъ, что болѣе напоминаетъ входъ въ нашъ городъ—Неаполитанскій заливъ или Венеціанскую гавань! А теперь я предпринялъ путешествіе, чтобы увидѣть павильонъ со стеклянной крышей, который вызываетъ столько разговоровъ и столько удивленія, и который, кажется, считается самымъ замѣчательнымъ изъ высшихъ чудесъ.

— Очень радъ, что вы нашли что-нибудь достойное удивленія, г. Трюггесенъ,—спокойно отвѣчалъ Фостэ.

— По истинѣ здѣсь переходишь отъ одного удивленія къ другому, видя все, что здѣсь явилось разомъ, словно по волшебству! Но еще болѣе приходишь въ ужасъ отъ глубокой египетской тьмы, которая царила надъ нашимъ городомъ до того момента, когда вы, г. Форландъ, однимъ взмахомъ сняли катаракту съ его глазъ.

— Совершенно согласенъ съ вами, депутатъ,—операція была необходима,

— И сколько великолѣпія предстало предъ нашими отверстыми очами!—воскликнулъ Трюггесенъ.—Если бы намъ, старикамъ, въ своемъ невѣжествѣ уразумѣть, что людямъ отнюдь не нужно что-нибудь заказывать или даже имѣть хоть грошъ—достаточно пойти къ маклеру Рэдъ, подписать свое имя подъ «хорошей идеей», тотъ получитъ барыши, а мы будемъ гарцовать на учтенныхъ акціяхъ нашего большого строющагося европейскаго кургауза или разнообразныхъ фабрикъ, приготовляющихъ целлюлозу, консервы, шоколадъ, спички, или на акціяхъ фаянсовыхъ и мыловаренныхъ заводовъ, которые нынѣ растутъ, какъ грибы, именуются, «многообѣщающими» и перепродаются изъ рукъ въ руки по крайней мѣрѣ разъ десять прежде, чѣмъ откроются.

— Но, Трюггесенъ, вы сами видите, что мы нѣсколько дальше начала,—замѣтилъ Фостэ.—Надѣюсь увидѣть васъ завтра на торжествѣ освященія.

— Напрасно надѣетесь, напрасно надѣетесь, хотя мнѣ и хотѣлось бы послушать ораторовъ, да и самому возразить кое-что! Очень ужъ неудобный входъ у насъ, да, крушеніями мы обязаны шхерамъ и подводнымъ камнямъ,—это, слава Богу, очевидно для всякаго, кто еще руководствуется здравымъ смысломъ!—и ничего похожаго на Неаполитанскій или Венеціанскій заливъ. Я тоже видѣлъ море, да-съ!

— Согласитесь, однако,—прервала его Сѣльви съ гнѣвнымъ выраженіемъ на своемъ кроткомъ лицѣ,—что милостивое солнце сіяло надъ этимъ предпріятіемъ съ самаго начала.

— Милостивое солнце? Могу поздравить васъ съ изобрѣтеніемъ красиваго выраженія. Милостивое солнце... Иначе говоря, это значитъ, что всѣ горожане наши сидятъ съ акціями въ рукахъ!—Разумѣется, сударыня, они могутъ любить и поддерживать заведеніе, если имъ угодно

самимъ купаться, за отсутствіемъ ев-ро-пей-цевъ! Мнѣ сдѣлали заказъ по части канатовъ, нужныхъ для заведенія, г. Форландъ,—насмѣшливо сказалъ онъ, уже взявшись за шляпу.—Я позволю себѣ прислать заодно съ полдюжины готовыхъ веревочныхъ петель,—быть можетъ въ одинъ прекрасный день правленіе найдетъ имъ примѣненіе... Честь имѣю...

Онъ откланялся.

— У этого стараго Трюггесена привилегія на особую свободу слова... Дѣйствительно, насталъ часъ освободиться отъ такихъ дикихъ могиканъ! Еще предстоитъ проложить и расчистить широкій путь для правильнаго пониманія дѣла; нужно, буквально съ молотомъ въ рукахъ, укоренить въ нихъ сознаніе значенія его для будущаго города и его процвѣтанія. Завтра онъ покажетъ имъ, что̀ значитъ большой городъ, не съ внѣшней только стороны зеркальныхъ оконъ, домовъ, бульваровъ для нарядной публики и золотого дождя; но какъ возрастаніе самосознанія, расширеніе кругозора, что даетъ имъ право и возможность крѣпко и надежно стать у той грани, которая пока отдѣляетъ ихъ отъ передовыхъ рядовъ культуры...

Его взглядъ разсѣянно скользнулъ по двумъ громаднымъ букетамъ, которые принесли для завтрашняго праздника; онъ дошелъ до того пункта, когда въ огненной рѣчи покажетъ имъ, что значитъ перешагнуть чрезъ грань Европы. Въ это время онъ встрѣтилъ маклера.

— А я какъ разъ къ вамъ, Форландъ, — заговорилъ маклеръ, — нужно же такое несчастье,—онъ курилъ сигару и отплевывалъ,—какъ разъ за день до праздника, когда у насъ, такъ сказать, ножъ у горла... Надо сознаться, первое, что мелькнуло у меня въ головѣ — интересы купальнаго заведенія. На столько мы все-таки патріоты, да... Нѣтъ, нѣтъ, не вверхъ по улицѣ, тамъ мы встрѣтимъ народъ, который намъ помѣшаетъ!—Онъ свернулъ и они направились къ конторѣ маклера.

— А съ фирмой Германъ Віикъ и Комп. что-то не ладно,—таинственно прошепталъ онъ.—Несчастье въ томъ, что и въ столицѣ временное скоропреходящее денежное затрудненіе. Віикъ и Комп., какъ и другія молодыя фирмы, сдѣлала заемъ подъ акціи, на которыхъ она спекулировала, и теперь дѣло идетъ о недочетѣ въ 11.000 кронъ... Хуже всего то̀, что фирма вторично не вноситъ платежей, и банкъ прислалъ заявленіе, въ которомъ значилось, что просроченные векселя будутъ немедленно протестованы и вся сумма взыскана. Съ другихъ сторонъ послѣдовали различныя взысканія и фирма вынуждена, въ виду этого, прекратить платежи.

— Но вѣрно же есть кто-нибудь, кто пожелаетъ купить цѣнныя бумаги,—возразилъ Фостэ.

— Мѣнять теперь, во время затрудненія?!. Когда онѣ попахиваютъ банковскимъ отказомъ?—сѣро-голубые глаза маклера съ особымъ торжественнымъ выраженіемъ искали глазъ Фостэ.—Если теперь разгла-

сить это извѣстіе о фирмѣ Германъ Віикъ... Я только спрашиваю васъ, что за физіономіи увидимъ мы завтра на торжествѣ. Что, думаете вы, скажутъ люди, когда услышатъ, что банкъ не довѣряетъ акціямъ купальнаго заведенія... Нѣтъ, нѣтъ, и не касайтесь этого вопроса,—и онъ покачалъ головой.

Фостэ мигомъ понялъ положеніе. Онъ пристально глядѣлъ на маклера, который стоялъ и грызъ ногти.

— Но вѣдь акціи—золото, маклеръ,—вырвалось у него,—золото.

— Да-а, но только ихъ не размѣняютъ теперь, во время денежныхъ затрудненій.

— Ладно; но черезъ нѣсколько дней, на будущей недѣлѣ?

— Да, нѣсколько дней, будущая недѣля, это вѣдь не завтра.

— Нѣ-ѣтъ, нѣ-ѣтъ, не завтра,—у Фостэ немножко кружилась голова, словно онъ стоялъ съ опорожненнымъ бокаломъ въ рукахъ.

— Можно отложить торжество, пока маленькій кризисъ минуетъ,—предложилъ маклеръ и бросилъ на него быстрый взглядъ.

— Отложить! — Фостэ точно видѣлъ самого себя, отставляющимъ полный стаканъ.—Отложить праздникъ!

Магазинъ Германа Віика съ опущенными ставнями со всею ясностью предсталъ предъ его глазами. Нѣтъ! — звучало у него внутри, — надо остановитъ, прекратить... Положеніе должно быть спасено!

— Нѣтъ, я согласенъ, выхода нѣтъ,—сказалъ маклеръ.—Банкротство Германа Віика со всѣмъ плачемъ и зубовнымъ скрежетомъ намъ придется перенести.

Они оба стояли, глядя въ печальное будущее.

— Право, все это смѣшно, чистая комедія!.. Чтобъ все остановилось изъ-за нѣсколькихъ дней денежнаго затрудненія,—воскликнулъ Фостэ.

Снова оба задумались.

— Но скажите мнѣ,—вдругъ довѣрчиво заговорилъ маклеръ, словно у него мелькнула какая-то идея,—въ вашемъ распоряженіи вѣдь есть деньги, Форландъ?

— Тѣ, что правленіе выдало мнѣ на поставки? Немыслимо!—Фостэ отказывалъ, невольно колеблясь.

— На какихъ-нибудь два дня, пока акціи снова подымутся, это былъ бы выходъ, — замѣтилъ маклеръ въ раздумьи. — На нѣсколько дней... На нѣсколько дней...

— Но, все равно!.. Чортъ... чортъ возьми! —прозвучалъ отвѣтъ.

— И вы могли бы вывести меня изъ затрудненія на нѣсколько дней?—продолжалъ Фостэ, двигаясь быстро короткими шагами взадъ и впередъ. Но акціи—золото... Нѣтъ, я положительно не допускаю ни малѣйшаго риска, онѣ вѣдь золото! —повторялъ онъ еще и еще.

— Да, деньги за деньги,—подтвердилъ маклеръ, точно онъ разсуждалъ вслухъ,—будемъ надѣяться, все уладится послѣ-завтра или въ субботу. Но какъ-нибудь устроить необходимо, какъ разъ наканунѣ празднества.

*

— И, какъ вы говорите, безъ всякаго риска, только для проформы...

— Въ случаяхъ изъ ряду вонъ выходящихъ, надо дѣйствовать какъ вождь, а не какъ баба!—воскликнулъ Фостэ.—Кто вѣритъ въ предпріятіе, тотъ вѣритъ и въ акціи! Не слѣдуетъ имѣть слишкомъ гибкую спину! Идемъ сію же минуту и устроимъ дѣло, маклеръ! Вы получите мой чекъ!—закончилъ онъ рѣшительно.

— Я размѣняю акціи тотчасъ же, какъ только онѣ станутъ добрымъ товаромъ,—отвѣчалъ маклеръ.

— Да-а, да-а, это, конечно, Бера; около пяти часовъ она идетъ домой!

Фостэ вдругъ потянуло повидаться съ нею и поговорить, испытать какъ бы штиль среди различныхъ волненій. Она шла быстро, не оглядываясь.

— Бера! Я желалъ бы, чтобы ты завтра добровольно пошла на торжество.

— Да, если бы я могла избѣжать...

— Удивительно, какъ мало женщины отдѣляютъ дѣло отъ человѣка. Не нравится имъ лицо, не нравится имъ и дѣло, у нихъ все вмѣстѣ!

— Но я ничего не имѣю противъ заведенія, Фостэ!

— Что! Ты не противъ купальняго предпріятія? Виноватъ, но мнѣ кажется, ты морочишь меня. Знаю, ты никогда не лжешь... Но въ данномъ случаѣ, право, у тебя, должно быть, короткая память! Или, позволю себѣ спросить, что заставило тебя измѣнить мнѣніе?

— Можетъ быть, успѣхъ?—спросилъ онъ съ ироніей.

— Никогда не имѣла я и ничего не имѣю противъ самого предпріятія.

— Я тебя не понимаю.

— Если я имѣла что-нибудь, такъ это противъ *тебя*, противъ того, что *ты* взялся за это. И я до сихъ поръ еще удивляюсь, просто не понимаю, какъ такой фантазеръ, какъ ты, могъ создать нѣчто дѣйствительное и вести практическое дѣло, мало того—такое большое.

— Да, Бера, ты никогда не понимала, что фантазія есть дѣятельная сила. Вдохни ее въ кого-нибудь изъ этихъ закорузлыхъ чиновниковъ и онъ откроетъ новый міръ, станетъ богачомъ! Ты говоришь, веду дѣло. Не больше часа тому назадъ, я могучимъ взмахомъ, какъ истинный руководитель дѣла и всевдохновляющій духъ, разрубилъ у маклера огромный узелъ. Не могу сказать тебѣ, что это было; но другой, менѣе понимающій, менѣе практичный человѣкъ, лежалъ бы на днѣ болота, и ты имѣла бы удовольствіе сидѣть съ радостнымъ лицомъ за завтрашнимъ столомъ.

— Такъ, ты? Тебя втянулъ маклеръ?—съ испугомъ спросила она.

— Нѣтъ, я сдѣлалъ это самъ. Надо иногда безъ колебанія смотрѣть въ глаза опасности.

— Такъ опасность была, все-таки?—тихо сказала она.

— Ни малѣйшаго намека! Все зависитъ отъ того, насколько умѣло управлять... Бѣги-ка на конькахъ, со страхомъ и сомнѣніемъ, по слабому льду, онъ навѣрно провалится. А сдѣлай то же самое быстро, рѣшительно, перемахнешь, не замѣтивъ и щели.

— И ты именно такъ и дѣйствовалъ сегодня, Фостэ?

— Мало того, я думаю, маклеръ долженъ былъ отдать мнѣ дань удивленія! Онъ привыкъ только къ прямолинейнымъ чиновникамъ, а тутъ—немножко фантазіи и узелъ разомъ развязанъ!

— У меня все переворачивается внутри всякій разъ, какъ ты упоминаешь маклера!—замѣтила она.

— Право, у тебя idée fixe, настоящее помѣшательство—этотъ человѣкъ, Бера!

— Еще разъ скажу тебѣ, Фостэ, я не по доброй волѣ ѣду завтра на пиршество. Я хорошо тебя знаю, здѣсь что-то есть... иначе ты не догонялъ бы меня на улицѣ, чтобы поболтать со мною.

X.

Фостэ сидѣлъ наверху въ своей каморкѣ, полуоткинувшись на стулѣ, запустивъ руку глубоко въ волосы. Когда онъ шевелился, подъ его локтемъ на столѣ скручивались края исписанныхъ листовъ, но перо, сухое, лежало возлѣ чернильницы.

Онъ то и дѣло поглядывалъ на часы.

Чертовски медленно и тихо тянется время послѣ обѣда. Хорошо еще, что не идетъ назадъ!

— Сижу здѣсь, словно плѣнникъ... Мать, пожалуй, думаетъ, что я помѣшанъ на комедіи, разъ могу бросить все и сидѣть здѣсь писать «Скупого».

Онъ пододвинулъ къ себѣ письменный приборъ; но по прежнему сидѣлъ, пристально глядя и размышляя, время отъ времени поглядывая на часы...

— Наконецъ - то! Пожалуй, не избѣжать пріятныхъ дѣловыхъ встрѣчъ.

Внизу, по дорогѣ, онъ мимоходомъ наскоро кивнулъ нѣсколькимъ представителямъ молодыхъ фирмъ, которые, повидимому, избрали своимъ занятіемъ бродить и прогуливаться кучкой около почтовой конторы, вѣроятно, чтобы имѣть самыя свѣжія новости о настроеніи...

— Ну?—голосъ Фостэ нервно прозвучалъ, когда маклеръ вошелъ въ контору, гдѣ тотъ его ожидалъ.

— Да что, прикажете мнѣ родить вамъ денегъ?—спросилъ маклеръ.

— И сегодня ничего!

Послѣдовала невыносимо-тяжелая пауза. Маклеръ чувствовалъ на себѣ испытующій и вопросительный взглядъ Фостэ.

— Никакъ невозможно продать акціи пока,—увѣрялъ онъ.

— Пока, пока!—отвѣчалъ тотъ запальчиво.—Земля перестала вращаться, остановилась, какъ часы!

— Не глядите такъ, будто видите привидѣніе у меня за спиной,—возразилъ маклеръ.

— Пока!.. Да, понимаю. Двѣ недѣли тому назадъ я выпроводилъ васъ въ отчаяніи и тоскѣ, цѣлые сутки только и думалъ о маклерѣ Рэдъ и одиннадцати тысячахъ. Вы не выходили у меня изъ головы, я думалъ, что схожу съ ума!

— Долженъ сознаться, въ тотъ разъ я былъ плохимъ пророкомъ. Никто, однако, не подозрѣвалъ внезапной задержки на денежномъ рынкѣ, задержка по всей линіи, понимаете, по адресу всего дѣловаго міра! Въ такихъ случайныхъ внезапныхъ денежныхъ затрудненіяхъ нельзя воображать, что станешь господиномъ положенія. Всѣ страдаютъ... Надо быть благоразумнымъ, Форландъ, и не требовать, чтобы для одного человѣка было сдѣлано исключеніе...

— Все это очень хорошо, очень хорошо,—для всѣхъ другихъ,—возразилъ Фостэ.—Но я долженъ имѣть деньги, *я*... или окажется, что я растратилъ кассу предпріятія и израсходовалъ деньги свыше даннаго полномочія. Другіе тоже не могутъ продать акцій? Что-жъ, пусть ждутъ, пока у нихъ явится возможность,—это, во всякомъ случаѣ, законно. Но я!.. Если у меня не будетъ одиннадцати тысячъ, то...

— Сегодня мы ушли не дальше, чѣмъ были въ пятницу,—разсчитывалъ маклеръ,—въ понедѣльникъ или во вторникъ...

— Да, конечно, въ понедѣльникъ или во вторникъ,—беззвучно повторилъ Фостэ.

— Вы принимаете это слишкомъ къ сердцу, Форландъ. Пройдутъ тучи, снова выглянетъ солнце и всѣ лица повеселѣютъ,—говорилъ маклеръ.

— Ваше лицо!.. Да, я желалъ бы...

Фостэ захлопнулъ за собою дверь.

Онъ шелъ, погруженный въ свои дѣла, и принуждалъ себя останавливаться при встрѣчахъ.

«Я *долженъ* добыть денегъ! Во всякомъ случаѣ хоть пятьсотъ, пятьсотъ семьдесятъ кронъ, которыя необходимо было выдать бухгалтеру еще вчера,—слава Богу, было уже поздно и можно было сослаться на то, что банкъ уже закрытъ... Нужны деньги...»

Мысли его блуждали отъ одной конторы къ другой, до тѣхъ поръ пока онъ нечаянно не свернулъ съ коммерческой площади.

Вотъ онъ видитъ себя у Іона Бергъ, слышитъ собственный голосъ,—онъ очень развязно спрашиваетъ, не можетъ ли тотъ какъ-нибудь выручить его на четыре, пять,—нѣтъ три, четыре,—но, нѣтъ—два-три дня—двумя-тремя тысячами кронъ... Нѣтъ—двумя,—двумя тысячами... Или даже всего полторы тысячи,—онъ въ самомъ свинскомъ

положеніи какъ разъ эти нѣсколько дней. Довольно, пожалуй, и тысячи,—онъ съ удовольствіемъ предложитъ за это одну акцію... Нѣтъ, нѣтъ, разумѣется, не надо акціи. Но почему можетъ *онъ* быть въ затруднительномъ положеніи?.. Бергъ вѣдь, навѣрное, знаетъ, что если у кого должно быть деньги, такъ, именно, у него. Бергъ самъ состоитъ въ правленіи, которое постановило...

Ну, а къ молодому Бекману? шла дальше его мысль. «Послушайка, Іоганъ, не поможешь ли ты мнѣ двумя тысячами до завтра или—вообще ненадолго! Я обращаюсь къ тебѣ, какъ къ старому товарищу добраго стараго времени. Ты—единственный въ своемъ родѣ, всѣ остальные — позднѣйшаго происхожденія, понимаешь... Я довѣрюсь тебѣ,—я глупо распредѣлилъ нѣкоторые платежи и теперь въ затрудненіи. Выручи меня! пожалуй, всего-то нужно полторы тысячи.—Грустно, но именно теперь я ничего не могу!.. У меня маленькая передержка! Я собираю по текущимъ счетамъ все, что можно, для уплаты по векселю къ понедѣльнику. Но вѣдь тебѣ стоитъ обратится къ дядѣ Іоль, Фостэ. Я знаю, тебѣ нагоритъ отъ старика; но—не всѣмъ вѣдь такое счастье—располагать богатымъ дядюшкой... Да, впрочемъ,—если бы *онъ* былъ теперь здѣсь? Думаю, я обратился бы прямо къ нему, указалъ бы ему, что сдѣлали мы изъ города и просто-на-просто потребовалъ бы, чтобы онъ раскошелился—купилъ бы у меня эти акціи! Онъ собственно порядочный человѣкъ... До средины лѣта,—далеко еще!»

А какъ поразитъ его вся эта новизна,—точно въ сказкѣ... Или,—Фостэ остановился, собраться развѣ съ духомъ и направиться прямо къ Ваггесену!—мы такъ сдружились за послѣднее время,—я сознаюсь въ своей глупости и напрямикъ попрошу одиннадцать тысячъ подъ акціи! Нѣтъ, право, это—чудесная идея.—Во всякомъ случаѣ, можно обойтись половиной, и шестью тысячами... Да, такъ разомъ упрятать себя въ чужой карманъ! Это равняется сдачѣ крѣпости.

Развѣ докторъ... Опустошить ихъ маленькую копилку. Пусть это вѣрно, какъ золото,—все таки это отвратительно... Этотъ чертовскій маклеръ...

Онъ рѣшительно направился по Липовой аллеѣ къ Госпитальной улицѣ, гдѣ жилъ докторъ Фалькенбергъ. Онъ все больше замедлялъ шаги и, наконецъ, остановился взглянуть на часы.

Какъ разъ во время пріема... неудобно,—лучше попозднѣе... Подождать въ аллеѣ пока...

Вдругъ онъ опять схватился за часы, не глядя на нихъ...

О если бы у меня было мужественное сердце Давида!—прошепталъ онъ. Если кто чувствуетъ недостатокъ времени, такъ это именно я.

На лѣстницѣ, у двери доктора онъ опять остановился. Ноги точно налиты свинцомъ, отвратительно онѣмѣли... Какъ разъ здѣсь стоялъ онъ у перилъ въ субботу, когда вышла Сельви, и онъ вдругъ заговорилъ о ребенкѣ, о томъ, какъ хотятъ они устроиться въ своей квартирѣ. Нѣтъ, нѣтъ, надо войти. Бѣготня безъ денегъ ни къ чему не приведетъ.

Онъ сильно позвонилъ.

Сельви открыла входную дверь съ явнымъ испугомъ...

— Я спѣшу. Нужно поговорить съ твоимъ мужемъ, и съ тобою тоже,—голосъ его звучалъ увѣренно.

Сельви прошла впереди его въ докторскую пріемную.

— А что, зятюшка-докторъ, не можешь-ли ты одолжить мнѣ пятьшесть сотъ кронъ на нѣсколько дней,—не болѣе,—проговорилъ Фостэ, словно задыхаясь отъ скорой ходьбы.—Мнѣ необходимы онѣ именно сегодня, понимаешь. Будь у меня время,—не было бы и разговора!—каменьщики раньше времени представили счетъ. А, ты, конечно, понимаешь,—въ моемъ положеніи отнюдь нельзя занимать у встрѣчнаго и поперечнаго. Я долженъ имѣть деньги въ рукахъ, на лицо.

Докторъ сдвинулъ очки на лобъ и снова спустилъ. Потомъ принялся протирать ихъ, а на его умномъ, веселомъ лицѣ явилась нерѣшительность.

— Вѣдь знаешь, все, что я отложилъ холостымъ,—истрачено. Намъ хотѣлось завести болѣе приличную обстановку. Но желаніе принять участіе въ водолѣчебномъ заведеніи взяло верхъ, и все мое достояніе пошло на двѣ акціи, хотя и одной было слишкомъ много. Ну, а мы съ Сельви принялись откладывать, чтобы получше устроиться въ новомъ помѣщеніи.

— Я возвращу скоро-скоро,—объяснялъ Фостэ.

— Тебѣ онѣ *необходимы?*—докторъ обмѣнялся взглядомъ съ женою.

— Крайне необходимы, на нѣсколько дней.

— Дѣло въ томъ,—докторъ говорилъ немного несмѣло,—за мебель надо платить тотчасъ, по доставкѣ. Поэтому, онѣ мнѣ нужны отнюдь не позднѣе, какъ черезъ двѣ недѣли.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы говорите объ этомъ, какъ будто я прошу о цѣломъ займѣ!—возразилъ Фостэ.—Деньги вы получите на слѣдующей недѣлѣ.

Ихъ наивность приводила его въ замѣшательство.

— Я хотѣлъ выяснить тебѣ наши обстоятельства,—продолжалъ докторъ,—тебѣ нѣтъ надобности торопиться. Для Сельви и для меня нѣтъ бо́льшаго удовольствія, какъ быть тебѣ полезнымъ въ трудную минуту нашими крохами...

Онъ открылъ ящикъ конторки и сталъ выкладывать изъ бумажника деньги, которыя Сельви разбирала и складывала въ кучки по сто въ каждой.

— Прости, все мелочь, за рецепты и т. п., что получаешь наличными... Было пятьсотъ, Сельви, это уже шестая... Вотъ еще пятьдесятъ кронъ...

— Не горюйте, что ваше богатство пробудетъ нѣсколько дней въ другомъ мѣстѣ,—пошутилъ Фостэ.

— Да, это не совсѣмъ одно и то же, лежитъ ли нашъ маленькій

капиталъ спокойно въ конторкѣ, или странствуетъ по чьимъ-то карманамъ,—замѣтила Сельви.—Но онѣ къ твоимъ услугамъ, Фостэ.

Фостэ очень хотѣлось отвѣтить: «Съ такимъ же удовольствіемъ я взялъ бы горящіе уголья», но онъ одумался и собралъ деньги.

— Съ мальчикомъ все обстоитъ благополучно? Ну, мнѣ пора... Благодарю васъ, благодарю васъ обоихъ,—сказалъ онъ въ дверяхъ.

Фостэ чувствовалъ себя, словно внутри его все горѣло, въ то же время онъ испытывалъ облегченіе. Впереди маленькая передышка. Идя внизъ по аллеѣ, онъ потягивался, смотрѣлъ сквозь вершины деревьевъ, дышалъ полною грудью, но все-таки не могъ отрицать, что за послѣднее время все сильно перепуталось. Онъ двигался въ теченіи этихъ двухъ недѣль съ быстротою маятника.

Онъ раскланялся съ консуломъ Морландомъ, который, по англійскому обычаю, совершалъ свою предобѣденную прогулку верхомъ, а вотъ на перекресткѣ таратайка Вульфа.

Она остановилась и изъ нея вышла дама, оказалось Лаура Грутъ.

— Я видѣла васъ еще наверху, Форландъ, и должна сойти, чтобы поздороваться съ вами... Что бы я дала, лишь бы знать что, родится въ вашей головѣ во время такихъ одинокихъ прогулокъ. У меня явилось какое-то особое чувство къ одинокому человѣку, который никому не повѣряетъ своихъ плановъ.

Это прозвучало нѣсколько торжественно, и Фостэ невольно улыбнулся. Если бы она знала, что онъ высидѣлъ всего пятьсотъ семьдесятъ пять прозаическихъ кронъ!..

— Я вѣдь не видѣла васъ съ того торжественнаго дня въ отелѣ и не говорила съ вами, — заторопилась Лаура. — Надъ городомъ и до сихъ поръ еще словно праздничный отблескъ. Я все время видѣла высоко поднятую оригинальную голову съ огнемъ въ глазахъ, и слышала выразительную рѣчь. Вы казались мнѣ сильнымъ вождемъ, чей факелъ горитъ и свѣтитъ. Я никогда не забуду лицъ за длиннымъ убраннымъ цвѣтами столомъ. Всѣ сіяли, словно предъ ними открылось зрѣлище грядущаго большого города, какъ вы ярко выразились, для котораго каждый изъ нихъ положитъ свой камень... Я видѣла, какъ они не могли въ достаточной мѣрѣ выразить свой восторгъ!..

Фостэ вспомнилъ, какъ онъ поглядѣлъ на Беру; она сидѣла блѣдная, опустивъ глаза, но вмѣстѣ со всѣми подняла свой стаканъ.

— А сколько прекрасныхъ рѣчей было потомъ! Казалось, камни могли заговорить въ тотъ день... А потомъ вы подняли бокалъ за стараго тяжеловѣснаго Ваггесена, который говорилъ всего разъ въ жизни: эти слова были рѣшающими для курорта: «Я согласенъ!» За этимъ послѣдовалъ взрывъ веселья; Ваггесенъ стоялъ, похлопывая своими лапами, словно дрессированный тюлень, а всѣ окружали его, чокаясь съ нимъ. Но кульминаціоннымъ пунктомъ была, конечно, великолѣпная рѣчь консула Клювера за геніальнаго архитектора, чей творческій духъ *со-*

брал всѣхъ и вдохнулъ жизнь во все дѣло! А когда хоръ подхватилъ такъ, что гулъ понесся по залѣ, а васъ понесли на золоченомъ креслѣ, знаете, у меня голова пошла кругомъ... Я не привыкла къ такимъ сильнымъ моментамъ, развѣ только на сценѣ. Это останется въ моей памяти на всю жизнь,—вырвалось у нея почти со слезами.

— Я не могу молчать, я должна высказаться,—мнѣ кажется, въ васъ есть частица меня самой...

— Такимъ образомъ, Лаура Грутъ, если есть юморъ, вѣра и немножко величія, нельзя ввергнуться въ бездну отчаянія... Но до свиданія, до свиданія!—прервалъ онъ себя.

— Немножко манерна, но настоящій вулканъ чувства, — подумалъ онъ. — Это не то, что зеркальная неподвижность Беры... Еслибъ она видѣла, какъ я эти двѣ недѣли метался, словно бѣлка въ колесѣ!

Его путь лежалъ черезъ пристань; надо было пораньше придти въ контору и, быть можетъ, встрѣтить новыя затрудненія.

У пристани стояла на привязи яхта съ полуподнятымъ парусомъ и спущенной мачтой. Консулъ Ристингъ собирался на свою обычную весеннюю охоту за пингвинами, упаковывалъ и раскладывалъ различныя вещи.

У Фостэ мелькнула мысль, что здѣсь можетъ представиться нѣкая возможность... У Ристинга кошель довольно...

— За пингвинами, консулъ?—весело спросилъ онъ, раскланиваясь.

— Именно, пока еще не слишкомъ старъ; неизвѣстно вѣдь, сколько весенъ еще...

— Чертовски хотѣлось бы и мнѣ сдѣлать то же самое, и осмотрѣть шхеры, имѣются ли тамъ какія-нибудь мѣста для увеселительныхъ поѣздокъ нашихъ будущихъ гостей.

— Поѣдемъ вмѣстѣ, Форландъ! Здѣсь сушеное соленое мясо, консервы, масло, кофе, портвейнъ и прочее... Габель такъ позаботилась обо мнѣ, точно я отправляюсь въ Голландію.

— Эхъ, если бы время было, консулъ!.. Къ тому же, мнѣ надо послѣ обѣда къ маклеру, распорядиться насчетъ десятка акцій.

— Жаль! Мнѣ именно не хватаетъ товарища съ тѣхъ поръ, какъ Торггесенъ отказывается изъ-за подагры... Да, такъ-то, — и консулъ снова принялся разсовывать пакеты подъ скамьями.

— Кромѣ того, я хотѣлъ бы потолковать съ вами и выслушать ваше мнѣніе, консулъ... Я желалъ бы имѣть правленіе на своей сторонѣ. Что думаете вы о такой, напр., идеѣ, чтобы дирекція пріобрѣла одну изъ старыхъ шкунъ, что стоятъ у насъ въ гавани, и приспособила ее для купальни? Укрѣпить ее якорями въ бухтѣ, расписать, разукрасить, устроить ванны и комнаты внизу съ лѣстницами въ море, палатку на палубѣ всю убрать флагами и вымпелами... Это было бы преоригинально...

— Вы думаете купить судно, что-нибудь вродѣ моего «Лебедя»?—вдругъ спросилъ Ристингъ.

— Да, пожалуй, вродѣ «Лебедя»; выбрать можно... Я долго думалъ...

Фостэ остановился, удивляясь, какъ онъ изобрѣталъ и изыскивалъ средства...

— А водка-то какая—экваторіальная! и холодное мясо, что скажете, Форландъ? Чудесная погода... Пострѣлять въ шхерахъ... Къ вечеру зайти въ Хольмъ къ m-me Тэннеръ и устроить пуншъ.

— Хорошо тому, у кого есть время, а мнѣ надо позаботиться объ одиннадцати акціяхъ.

— Послушайте-ка, батенька!.. Эти одиннадцать акцій я беру по сегодняшнему курсу. Вотъ вамъ моя подпись, хотя и карандашомъ,— прозвучало самодовольно...—Вотъ здѣсь напишу на бакѣ. Будьте добры, проставьте только: «За вѣрность ручаюсь, Фостэ Форландъ».

— Я только сбѣгаю въ контору за пальто, и сейчасъ же назадъ, консулъ...

— Чертовски великолѣпная погода!..—крикнулъ онъ уже сверху...

«Гораздо скорѣе думалъ я бѣжать къ морю отъ недохватокъ въ кассѣ,—бормоталъ онъ про себя,—чѣмъ стрѣлять по пингвинамъ въ шхерахъ... Курьезные бываютъ случаи»...

XI.

Надъ городомъ въ это утро повисло томительное молчаніе, затишье посреди кипучей весенней работы.

Это неправда, это невѣроятно, старый надежный Ваггесенъ съ Вольда—банкротъ!..

Вездѣ царила паника и каждый стремился принять участіе въ разговорѣ, или прислушаться къ толкамъ. Сегодняшнее утро напоминало собою тотъ день, когда разнесся слухъ о томъ, что большое судно Вульфа «Ретно» затонуло со всѣмъ экипажемъ въ шхерахъ ночью. Совсѣмъ невѣроятно.

Старый, надежный капиталистъ Ваггесенъ обанкр?.. Нѣтъ, все это—сущій вздоръ!..

Къ тому времени, какъ Фостэ возвращался въ полдень изъ конторы, стали уже собираться по два, по три человѣка; всюду были удивленныя, молчаливыя, сумрачно-задумчивыя лица.

На лѣстницѣ ратуши, туда и оттуда, шли члены гражданскаго суда и толковали между собою.

А вотъ Іонъ Бергъ, онъ жуетъ, сплевывая, табакъ и въ высшей степени сомнѣвается въ дѣйствительности факта!.. Должны же были быть, по пророчеству, какія-нибудь знаменія на солнцѣ и лунѣ, прежде чѣмъ настанетъ свѣтопреставленіе.

То изъ одного, то изъ другого окна выглядывали на улицу вопросительныя женскія лица.

Напряженіе достигло еще большей степени, когда директоръ-распорядитель Экъ проѣхалъ по улицѣ. Вѣрно, на Вольдъ!..

А вотъ кто-то принесъ извѣстіе, что Фолэнсмонъ былъ уже тамъ и произвелъ опись.

Кассиръ Ульриксенъ во всю мочь пронесся мимо. Онъ придержалъ было лошадь, увидя Фостэ, но будто вспомнивъ что-то, снова стегнулъ по ней и только оглянулся раза два назадъ. Вслѣдъ за нимъ судья Мессельтъ направился быстрою рысью къ проселку.

Въ воздухѣ стояло заразительное томленіе, словно предчувствіе какого-то землетрясенія или обвала.

Старикъ Клюверъ остановился передъ Фостэ, и стоялъ, пока наискось переходилъ таможенный инспекторъ.

— Страшный ударъ, страшный!—произнесъ Клюверъ, красный отъ волненія.—Я все еще не могу сообразить, не могу представить себѣ этого... Всѣ работы на докахъ Ваггесена, на взморьѣ, пріостановлены, тамъ словно стѣна для курорта.

— Слава Богу, что это первый годъ, консулъ!—отвѣчалъ невозмутимо Фостэ. Онъ чувствовалъ необходимость установить нѣкоторыя мнѣнія.—Нельзя же разсчитывать на то, чтобы сразу имѣть что-нибудь кромѣ отеля и нѣсколькихъ домиковъ по берегу.

— Да, но если всѣ акціи Ваггесена пали теперь на рынкѣ?—нервно возразилъ таможенный инспекторъ.

— Ба, черезъ какихъ-нибудь два мѣсяца начнутъ съѣзжаться больные, а тогда. вѣрно, никто не захочетъ бросать въ море вѣрныя денежки,—поспѣшилъ сказать Фостэ,—не правда ли, Клюверъ, никто, прокормивъ корову цѣлую зиму, не отдастъ ее, когда взойдетъ трава.

— Вы, вы чародѣй!—Клюверъ дотронулся до него своей палкой, очевидно облегченный.

— Да, но кто обезпечитъ!..—вставилъ таможенный инспекторъ.

— Я полагаю, домъ Ваггесена покроетъ все съ избыткомъ, и мы только снимемъ сливки... Вы здравы и невредимы?—энергично спросилъ Фостэ, когда подошелъ Людерсъ и молодой Бекманъ.

— Целлюлозы и консервовъ это отнюдь не касается, — отвѣтилъ Бекманъ,—никоимъ образомъ... Маклеръ назвалъ это крестьянскимъ банкротствомъ, которое ничуть не относится къ коммерческому міру.

Когда Фостэ пошелъ внизъ по улицѣ, съ угла до него донесся глухой, хриплый голосъ Трюггесена.

— Шарлатанъ... прожектеръ...

Онъ поспѣшилъ дальше.

Разговоры, повидимому, охватили уже всю площадь между почтой и таможней.

— Непонятно... Непостижимо!—слышалось вездѣ.

Дальше этого не шли.

— Шарлатанство... Пуфъ...—звенѣло въ ушахъ у Фостэ, когда онъ направлялся домой; еще разъ пойти сегодня въ контору онъ не могъ.

— Шарлатанство!—повторилъ онъ вслухъ, возмущенный. Развѣ этотъ негодяй не думаетъ, что еслибъ я могъ пріобрѣсти тысячу или десятки тысячъ кронъ или сотни тысячъ, или хотя бы два процента, какъ они говорятъ,—я охотно толкнулъ бы всѣхъ этихъ штурмановъ и боцмановъ, весь этотъ мелкій людъ съ семьями, который покупалъ четверти и восьмушки акцій, или въ складчину одну,—толкнулъ-бы на нищету и разоренье. Смотрѣлъ бы охотно на ихъ мученія, еслибъ этимъ путемъ могъ выиграть пятьдесятъ кронъ!.. Да, такъ они думаютъ...

Это, собственно, страничка изъ книги Маммона, которую мнѣ нужно было просмотрѣть, чтобъ изобразить ее въ «Скупомъ»...

Двѣ совершенно различныя точки зрѣнія, двѣ души...

Одна изъ нихъ не могла бы взять этого на себя ни за милліоны милліоновъ, другая—готова позволить перерѣзать весь міръ изъ-за двухъ процентовъ.

— Ну, скажите-ка послѣ этого, что Маммонъ—не богъ!—Въ вѣчной борьбѣ духа и матеріи...

Фостэ по привычкѣ заглянулъ въ двери общей комнаты, чтобы поздороваться съ матерью, прежде чѣмъ подняться въ свою коморку.

Онъ остановился, увидя Сельви у матери и Агнету...

Дрожь пробѣжала у него по спинѣ, будто отблескъ прошлаго.

Сельви съ молчаливой застывшей миной, Агнета съ покорнымъ видомъ устремила взоръ свой въ потолокъ, а мать, съ лихорадочно-горящими глазами, подавленная заботой...

Вмѣсто того, чтобы приступить къ разсказу о банкротствѣ Ваггесена, онъ вдругъ спросилъ:

— Меня удивляетъ, что вы позволяете Дитлеву возвращаться къ своей прежней страсти наряжаться и выставлять себя на посмѣшище. Онъ разгуливаетъ на Бокэнгенъ съ перьями на шляпѣ и дудитъ въ свирѣльку. Онъ, кажется, хочетъ собрать за собою весь народъ.

— О, дитя мое, трудно сказать, чего онъ хочетъ,—возразила фру Форландъ.—Онъ даетъ своего рода концертъ для присутствующихъ скворцовъ...

— Ну, а Ваггесенъ?.. Я вижу,—вы слышали уже.

— Да, Сельви разсказала намъ все это;—всѣхъ послѣдствій никто и предвидѣть не можетъ,—сказала фру Форландъ, со страхомъ глядя на него.

— Создаетъ ли это затрудненія для тебя, Фостэ, и для курорта?—полюбопытствовала Агнета.—Ты такъ взволнованъ...

— Да, мама,—все это также неожиданно, какъ если-бы луна свалилась. Но нельзя терять голову!—они, въ городѣ, готовы вызвать настоящую панику... Стоятъ на улицѣ, говорятъ, жуютъ табакъ, сплевываютъ, въ результатѣ оказывается, что самъ Норвежскій банкъ—лопнулъ... Ваггесенъ—банкротъ, это простой, прозаическій и въ высшей степени грустный фактъ,—и только!

— Да, Фостэ! я могу сообщить тебѣ болѣе,—сказала взволнованно Сельви.—Фалькенбергъ вернулся съ Вольда въ три часа утра и разсказалъ все. *Тотъ* лишилъ себя жизни.

— Вотъ какъ,—вотъ какъ...

Фостэ остановился, пораженный ужасомъ, съ остолбенѣлымъ взоромъ... Фигура Ваггесена все явственнѣе вставала въ его памяти, какъ онъ тогда всталъ и сказалъ: «Я согласенъ, я согласенъ»!

— Я не могу взять на себя отвѣтственность за это!—почти закричалъ онъ; онъ кинулся на диванъ и снова вскочилъ.

— Но, Фостэ! Полно Фостэ!—умоляла Агнета, ходя вслѣдъ за нимъ.

— Мы слѣпы по отношенію другъ къ другу,—тихо замѣтила фру Форландъ.—Ты не могъ удержать Ваггесена въ его несчастной погонѣ за деньгами.

— Нѣтъ,—но...—вымолвилъ съ отчаяніемъ Фостэ.—Я—сумасшедшій!—пробормоталъ онъ.—Я началъ бы сегодня же это предпріятіе не будь оно начато!

— Милый Фостэ, ты видишь гораздо дальше, чѣмъ позволяютъ мои очки или чѣмъ другіе могутъ предусмотрѣть,—успокаивала его фру Форландъ.—Лишь бы ты самъ вѣрилъ...

— Но, мама, не велика польза отъ такого исключительно-идиллическаго взгляда на вещи,—сказала Сельви.—Пока солидный Ваггесенъ былъ владѣльцемъ бо́льшей части акцій, народъ считалъ, что риску и быть не можетъ... Мы съ Фалькенбергомъ толковали объ этомъ все утро. И не будь въ докторской квартирѣ еще такъ много работы,—мы сейчасъ готовы бы туда перебраться,—мы получили уже послѣднюю мебель... Это свидѣтельствовало-бы о нашемъ непоколебимомъ довѣріи къ дѣлу...

— Да, теперь мы примемся какъ слѣдуетъ за это,—горячо поддержалъ Фостэ.—И я полагаю, когда мѣсяца черезъ два курортъ увидитъ своихъ гостей,—новая эра будетъ говорить сама за себя!

(Окончаніе слѣдуетъ).

РУССКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ НА ШПИЦБЕРГЕНЪ.

(*Окончаніе* *).

Пока наши соотечественники вели себя героями на Шпицбергенѣ, члены Высочайше назначенной коммиссіи съ августѣйшимъ президентомъ во главѣ дѣятельно подготовляли посылку вспомогательной экспедиціи на лѣто 1900 года.

При совмѣстныхъ совѣщаніяхъ русской и шведской коммиссій былъ выработанъ планъ работъ 1900 года, разсчитанный на самыя неблагопріятныя условія, и потому казалось, что окончаніе предпріятія по градуснымъ измѣреніямъ осуществится въ этомъ году. Къ сожалѣнію, условія льдовъ прошлаго лѣта оказались столь тяжелыми, какъ не запомнитъ за послѣднее полустолѣтіе никто изъ лицъ, близко знакомыхъ по опыту съ шпицбергенскими водами. Особенно тяжко сказались неблагопріятныя условія льдовъ на работахъ шведскихъ коллегъ, которымъ удалось достигнуть шведской зимовки не ранѣе 8-го августа новаго стиля. Изъ дальнѣйшаго же изложенія можно будетъ усмотрѣть, какими тяжелыми лишеніями и какой беззавѣтной отвагой участниковъ русской экспедиціи дался тотъ успѣхъ и тѣ крупные результаты, съ которыми она вернулась на родину.

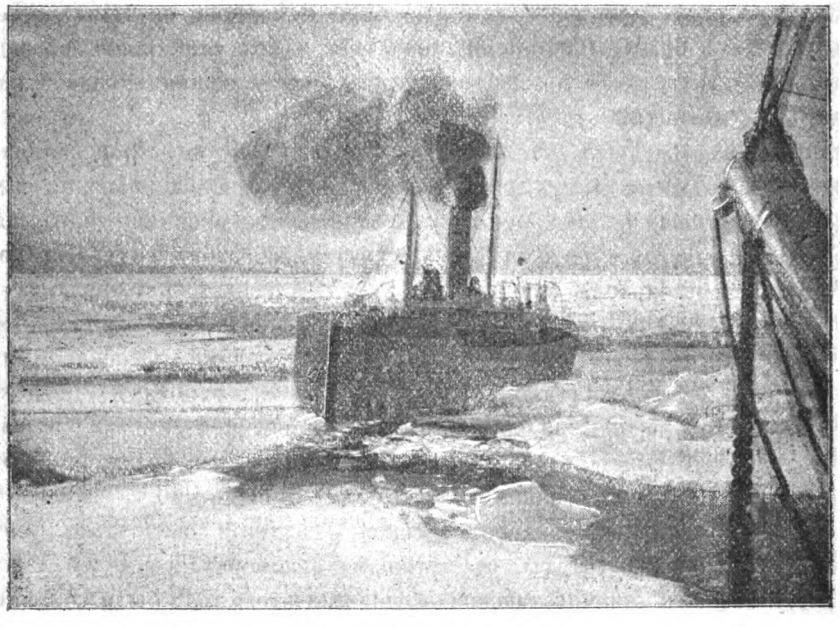
Въ составъ вспомогательной экспедиціи этого года были командированы адъюнктъ-астрономъ Пулковской обсерваторіи С. К. Костинскій, сверхштатные астрономы А. Д. Педашенко и Н. П. Осташенко-Кудрявцевъ, помощникъ директора Главной Физической Обсерваторіи Э. В. Штеллингъ, инспекторъ метеорологическихъ станцій А. М. Шенрокъ, корпуса военныхъ топографовъ капитанъ М. М. Зигель и студентъ О. О. Баклундъ. Главное руководство всѣми частями экспедиціи ввѣрено мнѣ. Вмѣсто норвежскихъ рабочихъ, бывшихъ въ 1899 году, наняты были 16 мезенскихъ поморовъ, изъ которыхъ нѣкоторые были старые спутники мои и академика Баклунда во время тиманской экспедиціи.

21 мая русскія суда «Ледоколъ и Баканъ» прибыли въ Тромзе. Въ тотъ же день вечеромъ пришелъ и шведскій пароходъ «Рюрикъ»,

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль 1901 г.

подъ командой капитана Экстрема, зафрахтованный экспедиціей для подвоза угля и разныхъ припасовъ въ теченіе лѣта. За два дня до нашего прихода вышелъ изъ Тромзе на Шпицбергенъ Свенскундъ съ участниками шведской экспедиціи.

Всѣ мы рвались поскорѣе уйти на Шпицбергенъ и узнать о судьбѣ зимовавшихъ товарищей; поэтому уже 23 мая была окончена погрузка угля, приняты запасы свѣжей провизіи, и въ 7 часовъ вечера суда наши подняли якорь и отправились въ путь. 25 мая, въ два часа ночи открылся Медвѣжій островъ, но вмѣстѣ показалось довольно много разбитаго льда. Идя то полыньями, то поясами льда, наши суда довольно быстро подвигались впередъ, но около 4-хъ часовъ дня ледъ



Ледоколъ во льдахъ по пути отъ Медвѣжьяго острова къ Шпицбергену.

оказался настолько сплоченнымъ, что и нашему ледоколу стало трудно пролагать дорогу. Пришлось отклониться къ западу и искать края льда, гдѣ онъ болѣе разбитъ. Былъ моментъ, когда «Баканъ» стоялъ въ такомъ сплоченномъ льду, что лишь при буксировкѣ Ледоколомъ могъ повернуться и отклониться къ болѣе рѣдкому льду на сѣверо-западѣ. Несмотря на всѣ препятствія, мы подвигались довольно успѣшно къ сѣверу и постепенно, шагъ за шагомъ, отвоевывали близость свиданія съ товарищами въ Горнзундѣ. Вплоть до слѣдующаго дня мы шли полосами разбитаго льда.

Въ 4 часа утра открылся Зюдъ Капъ. Выйдя на палубу, я увидѣлъ чудную картину, поразительную по освѣщенію и ясности. Со всею отчетливостью выступали островки Зюдъ-Капа и весь берегъ до

Горнзунда. Ледъ держался только до параллели Зюдъ-Капа, сѣвернѣе же мы вступили, какъ и предполагали, въ полосу свободной воды и прямо пошли ко входу въ Горнзундъ, явственно обрисовавшійся своими характерными вершинами. Въ 8 часовъ утра мы вошли въ Горнзундъ и въ $8^1/_2$ уже отчетливо видѣли нашу зимовку, съ поднятымъ надъ домомъ флагомъ. На нашъ салютъ въ 21 выстрѣлъ съ берега отвѣтили троекратнымъ спускомъ флага, и въ то время какъ мы бросали якорь, къ намъ уже подходила шлюпка, въ которой прибыли Бунге, Васильевъ и Бейеръ. Нечего и говорить, съ какою радостью былъ выслушанъ краткій разсказъ о благополучно прошедшей зимовкѣ и о сдѣланныхъ рекогносцировкахъ.

Въ Горнзундѣ было лишь начало весны. Всѣ горы окутаны снѣгомъ; у берега бухты толстый припой льда, и вся береговая низина покрыта толстымъ слоемъ льда и снѣга; но ледниковые ручьи уже начали прорабатывать подъ снѣгомъ и льдомъ каналы, въ которые мѣстами легко проваливалась нога. Въ заливѣ показалось много топориковъ, гагъ, люриковъ, чистиковъ и глупышей, а Phoca barbata затянулъ свою унылую протяжную весеннюю пѣсню.

Вечеромъ 28 мая вся экспедиція была въ гостепріимныхъ стѣнахъ нашего дома, когда вдругъ замѣтили гг. Сергіевскаго и Сикору, спускающихся къ зимовкѣ съ ледника. По ихъ словамъ, они вышли съ горы Кейльхау вечеромъ 27 мая, оставивъ при В. В. Ахматовѣ матросовъ Баканина и Васильева. Путь былъ легкій, собаки рѣзво бѣжали и на спускахъ всѣ присаживались на санки. Сдѣлавъ остановку къ востоку отъ перевала черезъ Горнзундъ-тиндъ, выступили въ $2^1/_2$ часа дня въ дальнѣйшій путь и уже съ высшей точки ледника замѣтили въ бухтѣ «Баканъ» и «Ледоколъ». Не зачѣмъ пояснять, какой горячій привѣтъ ждалъ ихъ по прибытіи къ дому. Лица обоихъ путешественниковъ были совершенно обожжены полярнымъ солнцемъ. Не особенно радостныя извѣстія о состояніи льдовъ въ Стурфіордѣ принесли наши товарищи: льду много, и только одна болѣе или менѣе широкая полынья идетъ вдоль западнаго берега до Уолесъ-хеда. Сигналы занесены снѣгомъ, а поставленный на горѣ Кейльхау свороченъ штормомъ. На Кейльхау пришлось ограничиться главнѣйше астрономической работой, оконченной полностью.

Въ тотъ же день пришелъ въ Горнзундъ и «Рюрикъ». Теперь вся экспедиція была въ сборѣ.

Послѣ совѣщанія съ Д. Д. Сергіевскимъ и другими членами экспедиціи, мы выработали подробный планъ работъ и разбили силы экспедиціи на нѣсколько партій.

1 іюня, вечеромъ, партія А. С. Васильева, которой предстояло пройти черезъ Горнзундъ и ледникъ Горнъ къ Геджехогу, была окончательно снаряжена и отправилась изъ бухты Гоесъ на баканскомъ баркасѣ и на экспедиціонной шестеркѣ. Съ Васильевымъ и Сикорой отправлялись

6 поморовъ, два матроса, а также 18 собакъ и двое санокъ. Чтобы облегчить подъемъ на ледникъ въ глубинѣ бухты Адріа, командиромъ «Бакана» дано было необходимое число матросовъ. Въ глубинѣ залива оказался разбитый, но очень густой ледъ. Послѣ шестичасовой упорной работы, при которой пришлось раздвигать чуть ли не каждый кусокъ льда, удалось высадиться въ томъ мѣстѣ, откуда А. С. Васильевъ 4 апрѣля началъ подъемъ при путешествіи на Геджехогъ.

3-го іюня мы вышли изъ Горнзунда для слѣдованія къ Зюдъ-Капу и въ Стурфіордъ. Погода вначалѣ была довольно благопріятна, но уже сѣвернѣе Зюдъ-Капа насъ окуталъ густой туманъ, въ которомъ мы и вошли въ Стурфіордъ; но только въ 4 часа дня, когда нѣсколько разъяснило, мы могли подойти къ краю льда и стать тутъ на якорь.

Не смотря на густой туманъ, была отправлена шлюпка съ тѣмъ, чтобы разсмотрѣть состояніе льда и выяснить возможность высадки партіи Костинскаго. Свѣдѣнія, привезенныя шлюпкой, были благопріятны; поэтому, не теряя времени, мы рѣшили тотчасъ начать подъемъ на сигналъ Уолесъ-Хедъ. Съ «Бакана» даны были въ помощь 17-ти экспедиціоннымъ рабочимъ 10-ть матросовъ, и при такомъ количествѣ людей работа пошла ходко. Къ пяти часамъ утра всѣ грузы были у сигнала. Послѣдній благополучно устоялъ и, очевидно, отъ того, что верхушку его составлялъ конусъ, а не дырчатый цилиндръ, какъ это имѣло мѣсто на сигналѣ Кейльхау. Распростившись съ С. К. Костинскимъ и А. Д. Педашенко, мы тотчасъ же начали спускъ къ берегу и къ $6^1/_2$ часамъ утра уже были на нашихъ судахъ, которыя черезъ два часа двинулись по направленію къ Геджехогу.

Въ 3 часа дня мы стали на якорь у подножія Геджехога. На вершинѣ горы, у пирамиды не было видно признаковъ человѣческаго существованія. Чтобы убѣдиться въ томъ, пришелъ ли А. С. Васильевъ къ сигналу, Д. Д. Сергіевскій отправился черезъ припойный ледъ и далѣе по тому пути, по которому я въ прошломъ году подымался съ де-Геромъ для постановки пирамиды.

Въ 12 часовъ ночи Д. Д. Сергіевскій былъ на вершинѣ Геджехога. Оказалось, что А. С. Васильевъ уже устроился близъ сигнала, и І. І. Сикора съ людьми и собаками ушелъ въ Горнзундъ. По словамъ А. С. Васильева, уже 3-го іюня партія его остановилась у сѣверной подошвы Геджехога, на высотѣ 400 метровъ. По пути открылось значительно болѣе трещинъ. На слѣдующій день были сдѣланы подготовительныя работы, чтобы возможно было безопасно стать палаткой на вершинѣ горы. Послѣдняя представляетъ гребень, длиной до 140 саженъ и шириной не болѣе сажени, ниспадающій отвѣсно съ обѣихъ сторонъ. Лишь на короткомъ разстояніи съ сѣверной стороны и еще на болѣе короткомъ съ юга склоны болѣе пологи; по нимъ только и возможенъ подъемъ. Чтобы укрѣпить палатку на горѣ и въ случаѣ вѣтра не быть снесеннымъ въ пропасть, пришлось въ снѣгу и во льду вырубить глу-

бокую яму и поставить въ ней палатку. Такая же яма устроена для провизіи. Въ тотъ же день, благодаря удивительной энергіи и силѣ нашихъ мезенцевъ, удалось прямо, не разгружая сани, поднять на вершину горы большую часть багажа и въ нѣсколько часовъ исполнить ту работу, на которую при норвежскихъ рабочихъ, по опыту прошлаго года, пришлось бы потратить нѣсколько дней. Ко времени прихода Д. Д. Сергіевскаго, А. С. Васильевъ отчистилъ отъ снѣга пирамиду и приготовилъ мѣсто для штатива инструмента. Все было готово для начала наблюденій.

Въ 9 часовъ суда наши пошли въ бухту Бетти, къ горѣ Кейльхау. Погода стояла чудная: полный штиль. Панорама горъ была тахъ хороша, какъ никогда еще не приходилось ее видѣть. Черезъ два часа мы стояли на якорѣ въ бухтѣ Бетти, которая еще на половину была покрыта зимнимъ льдомъ. Въ 2 часа дня всѣ сборы были закончены, и мы двинулись на двухъ шлюпкахъ къ югу отъ ледника, къ тому пункту, съ котораго мы подымались лѣтомъ прошлаго года на гору Кейльхау при рекогносцировочныхъ работахъ. Кромѣ Д. Д. Сергіевскаго, Н. П. Кудрявцева и студента Баклунда, шедшихъ со мной на вершину Кейльхау, въ тѣхъ шлюпкахъ была перевезена на берегъ партія А. М. Шенрока, намѣревавшагося произвести магнитныя наблюденія, и партія капитана Зигеля, которому предстояло приступить къ съемкѣ южной оконечности Шпицбергена. Въ 8 часовъ вечера мы начали подъемъ на Кейльхау. На встрѣчу намъ вышелъ В. В. Ахматовъ, вполнѣ бодрый и здоровый.

Благодаря нашей лихой командѣ, дѣло шло быстро, и уже къ 12-ти часамъ ночи были ввезены на вершину тяжелые ящики съ дополнительными приборами для маятника, а также тесаные камни для его фундамента. Тотчасъ же мы принялись за расчистку снѣга подъ пирамиду и на мѣстахъ, гдѣ можно было заложить каменоломни. Предстоялъ крайне тяжелый трудъ, такъ какъ камень надо было доставать ломами, и добыть его было нужно свыше двухъ кубическихъ саженъ. Нѣсколько разъ подымался довольно сильный вѣтеръ отъ SW, и только къ 7-ми часамъ вечера 7-го іюня пирамида была готова. Центрирована она была по штоку сломаннаго сигнала, стоявшаго въ центрѣ маленькой пирамиды, выложенной въ прошломъ году. Вернувшись на берегъ и дождавшись прилива, при которомъ только и можно перескочить черезъ каменистыя гряды, покрывающія здѣсь дно, мы отправились на наши суда. Начался сильный SW, съ порывами вѣтра до 20 метровъ въ секунду. Разыгралось сильное волненіе, и нашъ катеръ съ трудомъ лишь могъ выгрести до «Бакана» къ 5-ти часамъ утра. Весь день продолжался тотъ же свѣжій вѣтеръ, и мы рѣшили переждать на якорѣ. Когда погода стихла, то на берегъ былъ отправленъ вновь катеръ за А. М Шенрокомъ, предполагавшимъ къ этому времени закончить магнитныя наблюденія. Къ удивленію и разочарованію, утромъ

9-го іюня прибылъ В. В. Ахматовъ съ сообщеніемъ, что часть построенной пирамиды рухнула. Очевидно, произошло это изъ-за невозможности очистить отъ льда куски песчаника, пошедшаго на постройку, а такъ какъ за послѣдніе два дня шло сильное таяніе, то плиты осѣли и соскользнули въ сторону паденія слоевъ на горѣ Кейльхау. Пришлось вновь снарядить партію на Кейльхау и укрѣпить пирамиду при помощи досокъ и проволочныхъ штанговъ, оставшихся отъ упавшаго прошлогодняго сигнала. Работать опять было очень тяжело изъ-за сильнаго вѣтра; тѣмъ не менѣе 9-го числа пирамида была возстановлена и скрѣплена надежно. Вечеромъ того же дня, согласно нашему плану, «Баканъ»

Возвращеніе партіи І. І. Сикоры съ Геджехога къ бухтѣ «Адріа».

и «Ледоколъ» разошлись: «Баканъ» ушелъ въ Горнзундъ и затѣмъ къ Датскимъ островамъ, а «Ледоколъ» остался въ Стурфіордѣ.

Уже на слѣдующій день 11-го іюня «Баканъ» былъ въ Горнзундѣ, и здѣсь встрѣтилъ только что пришедшаго «Рюрика». Въ Горнзундѣ мы застали ожидавшаго насъ І. І. Сикору, благополучно вернувшагося съ похода на Геджехогъ. Счастье, что путешествіе это совершилось при исключительно благопріятной погодѣ, такъ какъ оно было сопряжено съ большимъ рискомъ. Тамъ, гдѣ за три дня весь караванъ прошелъ благополучно, открылась теперь масса зіяющихъ трещинъ, и еще того хуже—снѣговые мосты надъ трещинами сильно разрыхлились и требовали особенной предусмотрительности отъ І. І. Сикоры, взявшаго на свою отвѣтственность возвращавшихся поморовъ. Достаточно сказать, что даже эти неустрашимые люди стали смущаться опасностями пути

и съ восторгомъ привѣтствовали прибытіе въ бухту Адріа, гдѣ была оставлена экспедиціонная шестерка для возвратнаго пути этой партіи. Несмотря на то, что шлюпка была загружена чуть не до бортовъ (въ нее, кромѣ 7 человѣкъ, должны были помѣститься 18 собакъ и сани) и пришлось вначалѣ пробиваться въ густомъ льду, а затѣмъ идти въ бухту Гоесъ при изрядной зыби, наши поморы ожили, добравшись до родной стихіи.

Отправивъ І. І. Сикору съ поморами на «Рюрикѣ» въ Стурфіордъ, я отправился на «Бакапѣ» къ Датскимъ островамъ и въ Айсфіордъ, а оттуда къ Землѣ Принца Карла. 16-го іюня утромъ мы прошли траверсъ сѣверной оконечности земли Принца Карла и вмѣстѣ съ тѣмъ стали встрѣчать довольно большія поля льда, несущіяся теченіемъ къ югу. Налетали частыя снѣжныя пурги. Горизонтъ былъ очень малъ. Къ сѣверу отъ Скансъ-бай показались еще болѣе значительныя поля льда, которыя, однако, мы благополучно обходили вплоть до залива Магдалены. Тутъ ледъ оказался еще болѣе сплоченнымъ, но нѣсколько подавшись въ заливъ, обошли и этотъ ледъ. Въ 6 часовъ вечера 16-го іюня мы были у траверса Датскаго пролива. Впереди насъ дугой отъ юго-запада на сѣверо-востокъ лежалъ сплоченный полярный ледъ, съ громадными торосами; но входъ въ проливъ былъ чистъ. Поэтому я рѣшился идти на шлюпкѣ къ гавани Вирго. Безпрепятственно мы прошли на шлюпкѣ до сѣверо-западной оконечности гавани Вирго, далѣе же послѣдняя была покрыта сплоченнымъ льдомъ. Мы поднялись на берегъ и пошли пѣшкомъ, утопая выше колѣна въ снѣгу. Едва мы прошли первую долину, какъ замѣтили на возвышенности двухъ человѣкъ. На нашъ окликъ они стали быстро спускаться, мы же взошли на пригорокъ и увидѣли всю гавань забитую льдомъ и среди него затертыхъ «Свенскзундъ» и парусную шкуну «Геа». Со «Свенскзунда» насъ замѣтили и подняли флагъ, а также стали салютовать изъ ружей въ отвѣтъ наше на дружное ура. У дома Пайка и развалинъ сарая Андре состоялась встрѣча съ членами шведской экспедиціи. Въ гостепріимной каютъ-компаніи капитанъ Крузенштернъ и лекторъ Энкстремъ сообщили намъ, что по выходѣ изъ Горнзунда, встрѣтивъ неблагопріятныя условія льдовъ въ Стурфіордѣ, они двинулись на сѣверъ и не встрѣтили льда до Ридъ-бай. Но пока они пытались пробраться къ востоку, благодаря сѣвернымъ вѣтрамъ ледъ сильно надвинуло къ югу, и «Свенскзундъ», добравшись до гавани Вирго, оказался въ совершенно замкнутомъ кольцѣ льда, среди котораго и оставался три недѣли.

Послѣ свѣдѣній, сообщенныхъ мною о ходѣ работъ русскихъ въ Стурфіордѣ, рѣшено было, что «Свенскзундъ» сдѣлаетъ тотчасъ же попытку выйти изъ гавани Вирго и будетъ слѣдовать за нами въ заливъ Решершъ въ Бельзундѣ, а оттуда въ Стурфіордъ, гдѣ шведы возьмутъ на себя сигналъ на мысѣ Агарда.

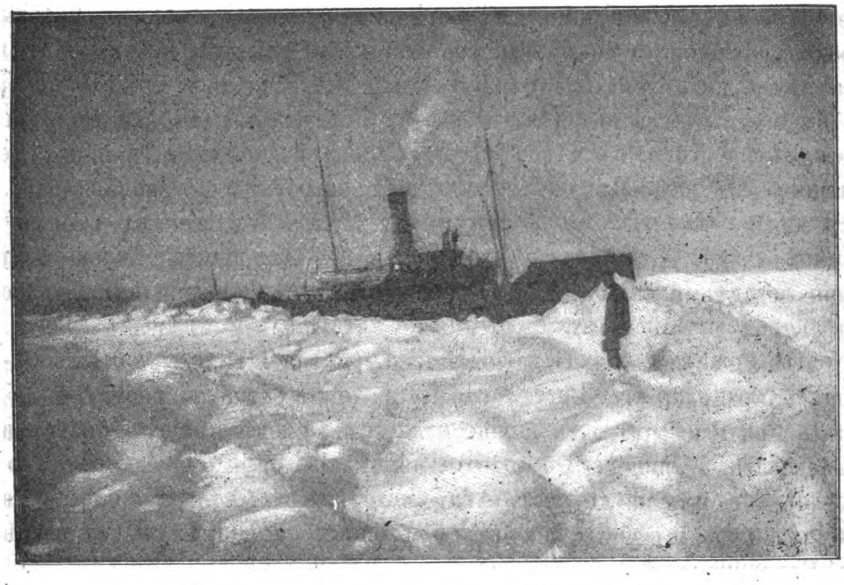
Распрощавшись со шведскими коллегами, мы вернулись къ своей шлюпкѣ. За время нашего отсутствія двинулся ледъ въ Датскомъ проливѣ, а также при довольно свѣжемъ нордѣ спустился къ югу край полярнаго льда, стоявшаго у острова Амстердама. Положеніе наше оказалось не изъ пріятныхъ: среди этого льда, при туманѣ и часто набѣгавшихъ снѣжныхъ шквалахъ мы должны были отыскать «Баканъ», который, спасаясь отъ напиравшаго льда, спустился къ югу почти до входа въ заливъ Магдалены. Въ 3½ часа утра утра 17-го мы подошли къ «Бакану», который все время держался подъ парами и на маломъ ходу, и потому могъ немедленно повернуть въ Бельзундъ. При туманѣ и снѣжной вьюгѣ мы вошли въ Бельзундъ, но при постановкѣ на якорь въ Решершъ-бай погода прояснилась. «Свенскзундъ» прибылъ вмѣстѣ съ нами. Уговорившись окончательно относительно сроковъ встрѣчи со «Свенскзундомъ», я отправился на шлюпкѣ къ острову Аксель. У входа въ Бельзундъ мы встрѣтили свѣжій вѣтеръ и большую зыбь, изъ за которой принуждены были отойти въ заливъ Ванъ-Кейленъ. Здѣсь я оставался до слѣдующаго дня съ цѣлью геологическихъ изслѣдованій. Когда мы вернулись въ Решершъ-бай, то оказалось, что «Свенскзунда» уже не было, а «Баканъ» стоялъ въ густомъ льду, двинувшемся разомъ изъ глубины бухты. Только благодаря молодцамъ-мезенцамъ, бывшимъ на нашей лодкѣ, намъ удалось добраться до «Бакана».

Изъ Решершъ-бай «Баканъ» зашелъ въ Горнзундъ, а затѣмъ 21-го іюня направился въ Стурфіордъ. На этотъ разъ мы обогнули Зюдъ Капъ при исключительно ясной погодѣ и у бухты Бетти встрѣтили «Свенскзундъ», шедшій съ юго-востока. Оказалось, что шведское судно не могло добраться ни до мыса Агарда, ни до Уолесъ-хеда, блокированныхъ льдомъ, и рѣшило держаться на свободной водѣ, и ко дню встрѣчи съ Баканомъ его и отнесло до бухты Бетти.

Я не стану подробно останавливаться на послѣдующихъ дняхъ, когда «Баканомъ» дѣлались неоднократныя попытки пройти въ Уолесъ-бай. Всѣ онѣ разбивались о непреоборимую для него ледяную преграду. Равнымъ образомъ, оказались неудачны попытки подойти къ Геджехогу и горѣ Кейльхау и высадиться въ бухтѣ Бетти. Пришлось идти обратно въ Горнзундъ, гдѣ кстати можно было нѣсколько пополнить запасы угля оставшимся на берегу отъ зимовки.

24-го іюня, едва мы выѣхали на берегъ, какъ показались у входа въ бухту Гоесъ «Ледоколъ» и «Рюрикъ». На «Ледоколѣ» пришли почти всѣ члены экспедиціи. Оказалось, что этой партіи удалось только высадить въ Уолесъ-бай А. М. Шенрока для производства магнитныхъ наблюденій и взять съ Геджехога Васильева, закончившаго всю серію астрономическихъ и геодезическихъ работъ. Всѣ попытки «Ледокола» пробраться къ мысу Агарда оказались неудачными: взякій разъ приходилось останавливаться изъ за сплошного льда. Ближе, какъ на 15 миль,

ни разу не удалось подойти къ мысу Агарда. За это время геодезисты наши пришли къ печальной увѣренности, что сигналъ на мысѣ Агарда свалился. Между тѣмъ приспѣвало время, когда нужно было снабдить углемъ «Баканъ», и потому надо было идти назадъ. 21-го іюня «Ледоколъ» былъ затертъ на параллели Уолесъ-хеда столь плотнымъ льдомъ, что не было возможности войти въ бухту и пришлось простоять во льду до утра. 22-го удалось войти въ бухту и стать рядомъ съ «Рюрикомъ». На всякій случай, на берегу былъ оставленъ мѣсячный запасъ провизіи для партіи С. К. Костинскаго. 23-го іюня, когда суда были готовы уходить, спустился съ сигнала Костинскій и сказалъ, что видѣлъ къ югу на горизонтѣ «Баканъ».



Ледоколъ во льдахъ по пути къ мысу Агарда.

«Ледоколъ» пошелъ впередъ, «Рюрикъ» за нимъ. Черезъ 7 часовъ наши суда вышли изо льда, но попытка подойти и высадиться у горы Кейльхау не удалась. 24-го, какъ сказано уже было, всѣ суда собрались въ Горнзундѣ.

V.

Въ виду измѣнившихся обстоятельствъ и окончанія А. С. Васильевымъ работъ на Геджехогѣ, составленъ былъ новый планъ работъ. Всю экспедицію внутри Шпицбергена подлѣ горъ Сванберга и Хиденіуса рѣшено было поручить А. С. Васильеву; съ этой экспедиціей отправился и я. Д. Д. Сергіевскій долженъ былъ со всѣми остальными участниками работъ идти на «Ледоколѣ» въ Стурфіордъ, чтобы въ пер-

вую голову поставить сигналъ на мысѣ Агарда, а затѣмъ заняться подготовкой работъ на Уолесъ-поэнтѣ, выставивъ тамъ дополнительные сигналы для базисной сѣти. При проходѣ мимо Зюдъ-Капа предполагалось сдѣлать попытку подойти къ подножію горы Кейльхау и получить свѣдѣнія о ходѣ работъ капитана Зигеля и астронома Ахматова.

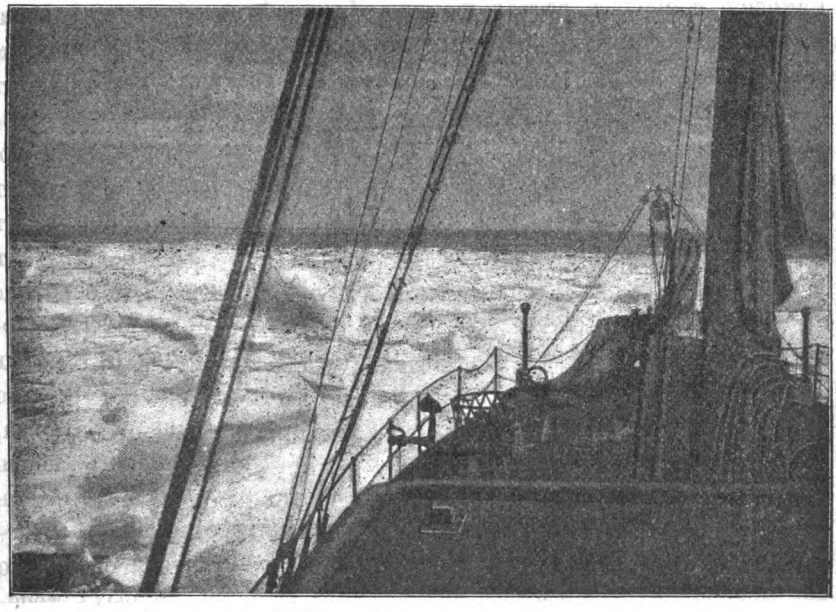
27-го іюня все было готово къ уходу судовъ изъ Горнзунда, но въ это время началъ задувать свѣжій NNO, усиливавшійся съ каждымъ часомъ. Къ часамъ 8-ми вечера порывы вѣтра достигали 30 метровъ въ секунду. Барографъ все время писалъ зигзагообразную линію. Все предвѣщало форменный штормъ. Надъ горой Чебышева, къ востоку отъ зимовки, появилась густая шапка облаковъ, прорѣзанныхъ горизонтальными полосами (до 5-ти) псевдоцирровъ. Подобное, неподвижно стоящее облако, по опыту нашихъ зимовщиковъ, служитъ постояннымъ признакомъ штормовъ въ бухтѣ Гоесъ.

Утромъ слѣдующаго дня вся бухта кипѣла, какъ въ котлѣ, порывы вѣтра становились все чаще и чаще и, наконецъ, перешли въ сплошной штормъ. Машины на судахъ были готовы къ работѣ. Въ часъ дня на «Баканѣ» вдругъ ощутился толчокъ. Тотчасъ же дали ходъ машинѣ и стали выбирать якорную цѣпь. Оказалось, что веретено якоря лопнуло, и на днѣ осталась его часть съ лапами. Отдавать второй якорь было бы безумiемъ, и потому «Баканъ» выбрался въ океанъ и сталъ держаться передъ входомъ въ Горнзундъ. Курьезно, что только мы вышли изъ бухты Гоесъ, какъ барометръ пошелъ кверху. Когда, пройдя часъ по вѣтру, мы повернули къ зимовкѣ, барометръ вновь сталъ падать. Очевидно было, что минимумъ стоитъ какъ разъ въ бухтѣ Гоесъ, и этимъ только можно было объяснить странное расположеніе вымпела и гюйса при нашей стоянкѣ на якорѣ: они стояли во взаимно перпендикулярномъ положеніи, обозначая два разныхъ теченія вѣтра. До самой ночи намъ пришлось то идти къ зимовкѣ, то вновь въ океанъ. Лишь къ утру барометръ началъ систематически повышаться, зыбь стала успокаиваться, и «Баканъ» бросилъ якорь въ бухтѣ Гоесъ.

По выходѣ изъ Горнзунда, «Баканъ» и «Ледоколъ» пошли въ разныхъ направленіяхъ: «Баканъ» въ Айсфіордъ, а «Ледоколъ» въ Стурфіордъ. Уже у входа въ Горнзундъ показался ледъ, въ которомъ «Бакану» пришлось идти часа три.

Въ 11 часовъ утра слѣдующаго дня «Баканъ» былъ въ Айсфіордѣ, и мы направились прямо въ Классъ-биленъ-бай, чтобы увидѣть состояніе въ немъ льда. Вскорѣ мы встрѣтили разбитый ледъ, который однако безъ труда прошли; но миляхъ въ пяти отъ Скансъ-бай ледъ оказался стоячимъ и образующимъ бухту. По обѣ стороны залива стоялъ широкій припой льда, но уже настолько непрочнаго, что двинуться по немъ на саняхъ было бы очень рискованно. Не оста-

валось другого исхода, какъ идти въ Адвентъ-бай и выждать тамъ выносъ льда изъ Классъ-билленъ-бай. А. С. Васильевъ воспользовался нашимъ вынужденнымъ пребываніемъ въ Адвентъ-бай, чтобы получить астрономическія наблюденія на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1898 году лекторъ Едеринъ произвелъ наблюденія времени, изъ которыхъ получилась хорошая связь по долготѣ Адвентъ-бай съ Европой. Васильеву удалось тутъ хорошо опредѣлить время, широту и азимутъ въ нѣсколько пріемовъ. Чтобы этотъ пунктъ не затерялся, подобно пункту Едерина, на мѣстѣ наблюденій стараніями офицеровъ «Бакана» поставленъ кирпичный столбъ, выложенный на цементѣ съ соотвѣтствующей надписью.



«Рюрикъ» во льдахъ Стурфіорда.

4-го іюля мы пошли вновь къ Классъ-билленъ-бай и рѣшили выжидать окончательнаго очищенія этого залива отъ льда у мыса Тордсенъ, мѣста шведской зимовки 1882 года. Въ первый разъ за это лѣто насъ встрѣтилъ тутъ сильный дождь. Утромъ подошелъ къ намъ «Рюрикъ», вернувшійся изъ Тромзе, и пока шла погрузка угля, мы отправились къ домамъ Норденшильда и къ сараямъ, гдѣ предполагалось имѣть складъ фосфоритовъ, добываемыхъ изъ окрестныхъ горъ. Странно было идти по рельсовому пути, проложенному къ морю, но вмѣстѣ съ тѣмъ печально было видѣть, въ какомъ разоренномъ видѣ находятся всѣ сооруженія, стоившія не малыхъ денегъ. Грустная картина усугублялась крестомъ надъ могилой 17-ти норвежскихъ промышленниковъ, которыхъ судьба загнала сюда на зимовку, и которые всѣ погибли тутъ отъ скорбута.

Поднявшись на вершину горы, я могъ осмотрѣть хорошо весь заливъ Классъ-биленъ-бай. Отъ ледника Норденшильда, по которому предполагалось начать подъемъ внутрь Шпицбергена, ледъ былъ унесенъ. Такимъ образомъ, партія Васильева могла теперь безъ препятствій начать свое смѣлое путешествіе. Благополучный исходъ этого путешествія рѣшалъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ тріангуляціи Шпицбергена, такъ какъ только постановкой сигнала на горѣ Хиденіуса и удачными наблюденіями на горѣ Сванберга устанавливалась связь сѣверной сѣти трехугольниковъ въ проливѣ Гинлопенъ и южной—въ Стурфіордѣ. Насколько работа эта считалась трудно исполнимой и рискованной видно изъ того, что шведы, взявшіе на себя первоначально постановку означеннаго сигнала на горѣ Хиденіуса, трижды посылали экспедиціи для этой цѣли, и каждый разъ послѣднія отступали изъ за неимовѣрныхд трудностей, встрѣчавшихся на пути.

Начавшаяся зыбь заставила насъ отойти въ Адвентъ-бай для погрузки угля. Во время стоянки я перешелъ на «Рюрикъ» съ тѣмъ, чтобы прослѣдовать на немъ въ Горнзундъ и далѣе въ Стурфіордъ. Я не стану останавливаться на всѣхъ перипетіяхъ этого тяжелаго плаванія, когда цѣлыми днями приходилось пробиваться черезъ сплошной ледъ. Горнзундъ оставался заполненнымъ льдомъ до 11-го іюля, когда потянуло восточнымъ вѣтромъ и открылся намъ выходъ. По выходѣ изъ Горнзунда мы пробыли 12 часовъ во льду, и затѣмъ направились полнымъ ходомъ по краю его въ Стурфіордъ. Зюдъ-Капъ обогнули милях въ 20-ти. Въ Стурфіордѣ ледъ оказался разбитымъ, съ большими полыньями, но при движеніи на Уолесъ-поэнтъ сталъ встрѣчаться болѣе и болѣе сплоченный ледъ. Вскорѣ потянуло вѣтромъ, и насъ стало заносить все болѣе и болѣе густымъ льдомъ, а затѣмъ спустился густой туманъ. Встрѣтиться съ Ледоколомъ при такихъ условіяхъ не было шансовъ, а потому 13-го іюля мы повернули въ Тромзё, куда я долженъ былъ прибыть по моимъ служебнымъ дѣламъ уже въ первыхъ числахъ іюля.

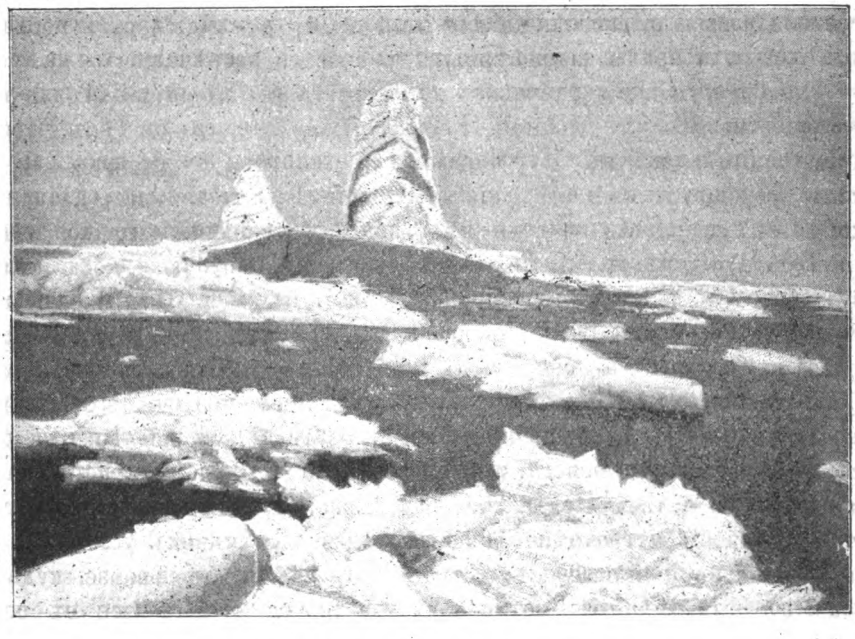
Вернемся теперь къ «Ледоколу», чтобы разъяснить, почему не состоялась условленная встрѣча его съ «Рюрикомъ» въ Стурфіордѣ. Выйдя изъ Горнзунда, «Ледоколъ» до 3-го іюля шелъ въ туманѣ и среди рѣдкаго льда.

Когда прояснилось, направились черезъ густой ледъ къ бухтѣ Беттн. Здѣсь замѣтили палатку, какъ оказалось, капитана Зигеля, который закончилъ всю съемку южной оконечности Шпицбергена.

Вечеромъ того же дня гг. Сергіевскій и Зигель на экспедиціонной шлюпкѣ съ большими трудностями обошли ледникъ и пристали къ подножію горы Кейльхау. Поднявшись на гору узнали, что В. В. Ахматову еще не удалось наблюдать Уолесъ-поэнтъ. По предложенію капитана Сергіевскаго, В. В. Ахматовъ и матросъ Баканинъ отправились на «Ледоколъ», на горѣ же оставили матроса Васильева, къ которому

предполагали вернуться черезъ сутки. На самомъ дѣлѣ вышло иначе, и Васильеву пришлось пробыть въ одиночествѣ 27 сутокъ!

Какъ только наши путешественники прибыли на «Ледоколъ», задулъ настолько сильный NO, что судну ждать, пока шлюпка дойдетъ до горы Кейльхау и вернется обратно, было рискованно, и потому «Ледоколъ» снялся съ якоря и ушелъ на востокъ. Въ слѣдующіе три дня туманъ помѣшалъ подойти къ бухтѣ Бетти, а затѣмъ всѣ дальнѣйшія попытки добраться до этого пункта были безуспѣшны. Въ концѣ концовъ «Ледоколъ» попалъ въ такой густой ледъ, что долженъ былъ предоставить себя его движенію. 11-го іюля его унесло на западъ отъ Шпицбергена, а 12-го онъ былъ у входа въ Горнзундъ. Попади онъ



Ледъ Стурфіорда въ іюлѣ мѣсяцѣ.

сюда нѣсколькими часами раньше, встрѣча его съ «Рюрикомъ» была бы обезпечена. 14-го іюля «Ледоколъ» забралъ съ зимовки небольшой запасъ угля и вновь вышелъ изъ Горнзунда. До 19-го числа пробыли въ густомъ туманѣ, но какъ только прояснило, сдѣлали попытку подойти къ бухтѣ Бетти и опять неудачно. Дулъ сильный NO и «Ледоколъ» обнесло вторично вокругъ Зюдъ-Капа. При недостаткѣ угля «Ледоколу» оставалось лишь одно—идти въ Горнзундъ и ждать тамъ «Рюрика». Тотчасъ по приходѣ «Ледокола» въ Горнзундъ начался сильный штормъ, продолжавшійся непрерывно до 25-го іюля. На эти четверо сутокъ прекратилось всякое сообщеніе съ берегомъ.

Лишь 26-го могли сойти на берегъ гг. Шенрокъ и Зигель, изъ ко-

торыхъ первый предполагалъ произвести магнитную съемку Горнзунда, а второй—его топографическую съемку и затѣмъ съемку западнаго побережья къ югу отъ Горнзунда. Въ Горнзундѣ же остался В. В. Ахматовъ, рѣшившійся на смѣлое предпріятіе — пройти на шлюпкѣ изъ Горнзунда до горы Кейльхау и закончить на ней неожиданно прерванныя наблюденія.

Изъ за штормовъ и тумановъ «Ледоколу» лишь утромъ 31-го іюля удалось выбраться изъ Горнзунда; послѣ полудня онъ встрѣтилъ «Баканъ», ходившій въ Тромзѣ за углемъ.

У Зюдъ-Капа состоялась, наконецъ, и желанная встрѣча съ «Рюрикомъ». Послѣдній вышелъ изъ Тромзе, какъ было условлено 20-го іюля, благополучно добрался до Стурфіорда, но здѣсь его ждало девятидневное утомительное странствованіе во льдахъ и туманѣ, при чемъ при перемѣнныхъ вѣтрахъ пароходъ относило то къ западному, то къ восточному берегу Стурфіорда вплоть до опаснѣйшаго мѣста въ фіордѣ—Тысячи острововъ.

Состояніе льдовъ въ Стурфіордѣ было таково, что нельзя было питать увѣренности въ достиженіи на «Ледоколѣ» Уолесъ-хеда, гдѣ провизіи было еще только на семь дней; поэтому рѣшено было, что докторъ Бунге пойдетъ на «Ледоколѣ» и попытается добраться до Уолесъ-хеда, а Д. Д. Сергіевскій въ сопровожденіи І. І. Сикоры на «Рюрикѣ» отправится въ заливъ Ванъ-Майенъ и оттуда сдѣлаетъ попытку дойти до партіи Костинскаго поперекъ Шпицбергена.

Разставшись съ «Рюрикомъ», «Ледоколъ» пошелъ въ Стурфіордъ, и на этотъ разъ судьба оказалась милостивѣе. Благодаря западному вѣтру, ледъ отодвинулся отъ берега, и «Ледоколъ» могъ дойти до Уолесъ-бай. С. Костинскій и А. Д. Педашенко уже давно закончили съ лихвой всю серію наблюденій астрономическихъ и геодезическихъ на Уолесъ-хедѣ, кромѣ наблюденій на сигналѣ Агарда, который не удалось возстановить. Кромѣ того, С. К. Костинскому удалось сдѣлать съемку окрестностей Уолесъ-бай въ масштабѣ $^1/_{50000}$ и сдѣлать довольно полную серію наблюденій метеорологическихъ. Послѣднія представляютъ особый интересъ по отношенію тѣхъ неблагопріятныхъ условій льда, которыя сложились въ Стурфіордѣ, начиная съ конца іюня мѣсяца. Изъ этихъ наблюденій становится очевиднымъ господство за это время сѣверо-восточныхъ, восточныхъ и юго-восточныхъ вѣтровъ, подъ вліяніемъ которыхъ полярный ледъ двинулся изъ за Тысячи острововъ въ Стурфіордъ.

Утромъ 4-го августа партія С. К. Костинскаго была на «Ледоколѣ», который немедля ушелъ къ югу, къ бухтѣ Бетти. 5-го числа гг. Костинскій и Кудрявцевъ вышли на берегъ въ этой бухтѣ и затѣмъ, благополучно перейдя ледникъ, поднялись на гору Кейльхау къ сигналу...

Смѣлое путешествіе Ахматова среди льдовъ и рифовъ Зюдъ-Капа

увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, и ему удалось въ два дня добраться до подножія Кейльхау. Оставивъ здѣсь трехъ поморовъ, В. В. Ахматовъ съ матросомъ Баканинымъ тотчасъ двинулся на сигналъ, чтобы узнать судьбу матроса Васильева, уже 27 дней сидѣвшаго въ одиночествѣ на вершинѣ Кейльхау. Провизіи у него было довольно, но вѣдь чего не могло случиться за такой долгій срокъ и чего не взбрело ему на умъ! Единственнымъ успокоеніемъ, говоритъ В. В. Ахматовъ, были пассивный характеръ Васильева и внутренняя дисциплинированность. Тѣмъ не менѣе у подымавшихся сердце екало и чѣмъ ближе къ сигналу, тѣмъ больше. Стоялъ густой туманъ: у самой вершины не было видно палатки. Баканинъ не выдержалъ и, далеко не дойдя до палатки, сталъ вопить самымъ отчаяннымъ образомъ, призывая Васильева. Отвѣта не было! Наконецъ, у самой палатки Ахматову бросился въ глаза свѣжій сугробъ снѣга, не тронутый ничьей ногой, а сама она была какъ бы зашнурована снаружи. Съ трепетомъ сталъ Ахматовъ распутывать двери палатки и глазамъ его представился Васильевъ, вылѣзавшій изъ мѣшка въ такомъ странномъ видѣ, что можно было подумать, не сошелъ ли онъ съ ума. Къ счастью, оказалось, что онъ просто не отдавалъ себѣ отчета въ случившемся и менѣе всего ждалъ появленія людей въ такой туманъ и штормъ съ вьюгой.

Въ виду того, что Ахматову не удалось еще уловить Уолесъ-поэнтъ, онъ остался на сигналѣ, а «Ледоколъ» отправился въ Горнз ундъ попасть въ который, однако, не удалось изъ-за густого льда. Оставалось идти въ Классъ-биленъ-бай, гдѣ предполагалось встрѣтить «Рюрикъ».

VI.

Оставимъ теперь наши суда въ Айсфіордѣ и посмотримъ, какъ удался рискованный походъ Д. Д. Сергіевскаго на Уолесъ-хедъ.

3-го августа «Рюрикъ» былъ у ледника въ глубинѣ Ванъ-Майенъ-бай. Предварительный осмотръ, сдѣланный гг. Сергіевскимъ и Сикорой, показалъ, что по леднику этому путь шелъ верстъ на 10 впередъ, и что далѣе ледникъ мѣняетъ свое направленіе. Обсудивъ окончательно снаряженіе экспедиціи, наши путешественники забрали часть провизіи и санки и все это на плечахъ отнесли верстъ за 6—7 впередъ. На слѣдующій день Д. Д. Сергіевскій съ 4 людьми отправился съ остальнымъ грузомъ. По выходѣ на ледникъ, всѣ запасы, посуда, брезенты и т. п., въ общемъ до 6-ти пудовъ, сложили на санки и двинулись впередъ. Сначала было много трещинъ, но вскорѣ поверхность льда стала ровной, слегка волнистой, прорѣзанной лишь мѣстами руслами ледниковыхъ ручьевъ. Пришли на бивакъ вечеромъ 5-го августа.

6-го августа, въ 11 часовъ, завидѣли Стурфіордъ, а вечеромъ стояли уже бивакомъ на моренѣ невдалекѣ отъ цѣли путешествія. 7-го числа, послѣ утомительнаго перехода по моренной грязи и рискованныхъ пере-

правъ, были у цѣли путешествія. Переходя черезъ рѣчки пришлось снимать платье. По словамъ Сергіевскаго, вода въ рѣчкахъ была около 0°, за то въ воздухѣ было жарко: пожалуй, +3° С, такъ что имъ не хотѣлось одѣваться.

Скоро наши путники убѣдились, что «Ледоколу» удалось снять партію Костинскаго; насытившись оставленной на берегу провизіей, они двинулись въ обратный путь. 8-го августа были на промежуточномъ складѣ, а 9-го благополучно спустились къ палаткѣ на берегу моря. Такъ кончилась эта экскурсія, крайне рискованная, но зато принесшая не мало новыхъ данныхъ о внутренней природѣ Шпицбергена.

Я не стану утомлять вашего вниманія описаніемъ дальнѣйшаго плаванія «Ледокола», еще разъ пытавшагося безуспѣшно войти въ Стурфіордъ, и упомяну лишь о благополучномъ возвращеніи на лодкѣ въ Горнзундъ В. В. Ахматова, настойчивость котораго въ концѣ концовъ увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ. 7-го августа ему удалось получить наблюденія на Уолесъ-поэнтѣ. Говоря словами Ахматова, «все его долговременное сидѣніе на сигналѣ, весь рискъ, все, все принимало совсѣмъ другую окраску и принесло обильный плодъ. Точка, на которую собирались было махнуть рукой, оказалась выполненной, и дуга измѣреннаго меридіана тѣмъ самымъ удлинилась чуть ли не на $^1/_2{}^0$ или девятую часть всей дуги, подлежащей измѣренію».

20-го числа вернулся въ Горнзудъ также капитанъ Зигель, закончившій съемку всего западнаго берега, къ югу отъ Горнзунда.

Чтобы закончить мой разсказъ о ходѣ экспедиціи лѣтомъ настоящаго года, остается еще привести очеркъ работъ партіи А. С. Васильева, около горъ Сванберга и Хиденіуса.

8-го іюля вечеромъ «Баканъ» сталъ на якорь у ледника Норденшельда, и въ тотъ же день Васильевъ и Баклундъ сдѣлали рекогносцировку, съ цѣлью выбора мѣста высадки съ грузомъ и осмотра первой части пути. Исходнымъ пунктомъ былъ выбранъ юго-западный уголъ глетчера. Тутъ подъемъ хотя и былъ вначалѣ крутъ, но по льду и снѣгу было легко поднять грузъ въ санкахъ. Кромѣ инструментовъ и снаряженія на 10 человѣкъ, взято было провизіи для людей и собакъ на два мѣсяца съ излишкомъ на тотъ случай, если бы съ судами произошла какая-либо аварія, и пришлось бы нашимъ путешественникамъ идти вдоль Шпицбергена на русское зимовье. 12-го іюля весь провіантъ былъ поднятъ на ледникъ до высоты 700 метровъ, а у подножія нунатаки, достигающей 1.500—1.600 метровъ высоты, былъ устроенъ складъ. Путь отъ моря къ этому мѣсту былъ очень труденъ: вначалѣ онъ шелъ километровъ шесть по моренѣ, гдѣ люди проваливались по колѣна въ водѣ и снѣжномъ сиропѣ, а затѣмъ начались трещины. Не разъ участникамъ подъема приходилось рисковать жизнью при переправахъ по ненадежнымъ снѣжнымъ мостамъ.

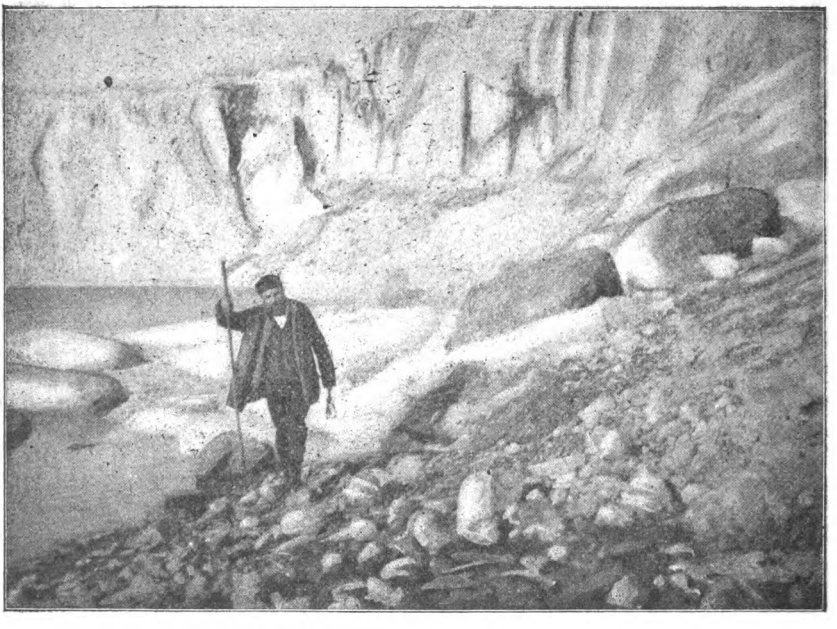
Матросъ Кармановъ внезапно провалился на одномъ изъ такихъ

мостовъ и упалъ въ глубину 4 саженъ, къ счастью, благополучно, отдѣлавшись однимъ пораненіемъ рукъ. Матросъ Соколовъ, тянувшій впереди саней, провалился также, но успѣлъ уцѣпиться за противоположный край трещины. Тяжелыя сани, съ грузомъ до 40 пудовъ, чуть не наѣхали на его спину; товарищи едва успѣли ихъ удержать. Подобные случаи повторялись ежедневно. Надо удивляться поморамъ и матросамъ, ни на минуту не смутившимся опасностями пути и работавшимъ все время съ пѣснями и шутками. 12-го іюля команда «Бакана» была отпущена на судно, а уже 15-го іюля наши путешественники, перейдя черезъ ледяную равнину, поднимавшуюся въ высшей точкѣ на 1.200—1.300 м., стояли у подножія горы Сванберга на высотѣ 500 метровъ.

Подъемъ на ледникъ Норденшельда.

Тутъ былъ устроенъ складъ на десять дней для людей и собакъ, часть провіанта поднята на гору и установленъ универсальный приборъ Бамберга. Насколько возможно, былъ осмотрѣнъ путь на гору Хиденіуса. Послѣ этого вернулись опять на складъ къ леднику Норденшельда, чтобы забрать провизію для похода на гору Хиденіуса. На этомъ обратномъ пути чуть не потеряли Дмитріева и Груздева, провалившихся въ трещину. 17-го іюля, взявъ провизіи на 10 дней и имѣя въ командѣ двухъ больныхъ, экспедиція выступила къ упомянутой горѣ, слѣдуя по западную сторону Сванберга. Поднявшись на вершину перевала въ 1.200 метровъ, а затѣмъ, свернувъ прямо на сѣверъ, 19-го іюля въ туманѣ пришлось остановиться передъ цѣпью непроходимыхъ гранитныхъ горъ, на высотѣ 700 метровъ. Эти горы остановили въ 1896 году

и англійскаго путешественника Мартина Конвея. Наибольшая высота снѣжной равнины, по которой двигался караванъ, оказалась въ 1.400 метровъ. Погода все время была крайне неудачная: почти непрерывный туманъ и проливные дожди—дожди на высотѣ 1.300 метровъ! Люди и собаки тонули въ мокромъ снѣгу и проваливались много разъ въ трещины. На этомъ пути чуть не погибли А. С. Васильевъ и его помощникъ студентъ Баклундъ, провалившіеся въ широкія трещины, откуда, можно сказать, спасъ ихъ только Господь! Благодаря систематическому разслѣдованію мѣстности, удалось, наконецъ, распознать южную вершину цѣпи Хиденіуса—гору Ньютона. Къ подножію ея и перешли 22-го іюля, разбивъ станъ на высотѣ 940 метровъ.



Край ледника Норденшельда.

Гора Ньютона, въ дѣйствительности, оказалась состоящей изъ трехъ горъ, при чемъ главная изъ нихъ имѣетъ двѣ вершины. А. С. Васильевъ обойдя послѣдовательно всѣ эти вершины, не нашелъ на нихъ мѣста, удобнаго для постановки геодезическаго сигнала, а потому передвинулся обратно къ востоку километровъ на 6. Погода для обозрѣнія вершинъ горъ и горизонта была крайне неблагопріятна: туманъ съ рѣдкими просвѣтами, а 23-го іюля дулъ даже штормъ, со скоростью до 18 метровъ въ секунду. Продовольствіе людей и собакъ пришлось сократить такъ, чтобы взятаго провіанта хватило не на 10, а на 14 дней.

Іюля 25-го, въ 4 часа утра, немного прояснилось, и на одномъ изъ скалистыхъ отроговъ четвертой вершины Ньютона удалось отыскать мѣсто для сигнала и провизировать буссолью окружающій горизонтъ.

Проливъ Гинлоненъ былъ въ туманѣ, но западный его берегъ былъ по временамъ виденъ, а также черныя мѣста восточнаго берега. Гора Ловена и Тумбъ-поэнтъ видимы были несомнѣнно. По всей вѣроятности, видима также гора Черная и мысъ Торелля. Вообще не подлежитъ сомнѣнію, что пунктъ выбранъ удачно, и что онъ будетъ видимъ со шведскихъ сигналовъ въ сѣверной сѣти тріангуляціи.

Въ полдень 26-го іюля сигналъ былъ оконченъ. Поставленъ онъ на скалѣ, возвышающейся надъ общей гранитной основой метровъ на 8—10. Окружающая мѣстность представляетъ или голыя гранитныя скалы или грокадныя плиты, лежащія ниже основанія сигнала метровъ на 10. Приходилось внизу выбирать самыя малыя глыбы гранита, раскалачивать ихъ молотомъ и носить кверху—работа чрезвычайно утомительная.

Въ полночь съ 26-го на 27-е іюля тронулись въ обратный путь къ главному складу у ледника Норденшильда. Былъ легкій морозъ, отчего снѣгъ былъ суше и двигаться можно было быстрѣе. Въ ночь съ 27-го на 28-е было впервые нѣсколько ясныхъ часовъ, и А. С. Васильеву удалось опредѣлить время, широту, магнитное склоненіе и горизонтальное магнитное напряженіе. Мѣсто наблюденій километрахъ въ 10-ти къ югу отъ горы Ньютона. 28-го іюля экспедиція дошла до склада подъ проливнымъ дождемъ, сильно отощавъ, особенно собаки, не ѣвшія два дня. Кругомъ открылось множество новыхъ трещинъ, и нашъ складъ на половину провалился въ одну изъ нихъ.

Іюля 29, несмотря на сильный штормъ, три человѣка, подъ начальствомъ студента Баклунда, вынесли на плечахъ съ берега новый запасъ керосину, А. С. Васильевъ же съ остальными людьми извлекъ изъ трещины почти все, что провалилось на глубину болѣе 10-ти саженъ. 30-го іюля въ полдень экспедиція была опять подъ горой Сванберга, а 31-го іюля поднялись по весьма крутому склону (около 35°) на вершину горы среди мятели и при рѣзкомъ вѣтрѣ.

Вершина горы Сванбергъ, простираясь съ сѣвера на югъ километра на $1^1/_2$ и съ востока на западъ на полкилометра, не представляетъ ни одного мѣста, удобнаго или возможнаго для вспомогательнаго сигнала. Поэтому, высмотрѣвъ на сосѣдней лежащей къ сѣверу вершинѣ мѣсто для сигнала и давъ надлежащія инструкціи студенту Баклунду, А. С. Васильевъ отправилъ его съ 5-ю поморами, при 18 собакахъ и съ провизіей на 7 дней, для постановки вспомогательнаго сигнала; самъ же А. С. Васильевъ остался на главномъ сигналѣ, чтобы не упустить удобнаго момента для астрономическихъ и геодезическихъ работъ. 6-го августа вспомогательный сигналъ былъ выставленъ; раньше это было невозможно сдѣлать изъ-за тумановъ и штормовой погоды. 17-го всѣ работы астрономическія и геодезическія были закончены у главнаго сигнала, и наши путешественники немедленно перешли къ горѣ, на которой поставленъ вспомогательный сигналъ. Эту гору А. С. Васильевъ предлагаетъ назвать горой Баклунда, въ честь

академика и директора Пулковской обсерваторіи Баклунда, столь много потрудившагося надъ организаціей градусныхъ измѣреній на Шпицбергенѣ.

Несмотря на крайне трудный подъемъ по обледенѣвшему склону горы, 18-го августа инструментъ и палатка были у вспомогательной пирамиды. Гора Баклунда оригинальна по формѣ. Она всего шаговъ 70 въ сѣверо-южномъ направленіи и шаговъ 40 — 50 въ направленіи O-W. Кругомъ она кончается отвѣсными стѣнами, прямо до снѣговой равнины, и только на западѣ отъ нея отходитъ гребешокъ, сажени три въ длину и не больше фута въ ширину, соединяющій гору Баклунда съ сосѣдней. По этому гребешку и пришлось перебираться со всѣми грузами и тяжелымъ семипудовымъ астрономическимъ инструментомъ. Съ горы Баклунда будутъ видны всѣ сигналы, за исключеніемъ мыса Агарда, а самъ вспомогательный сигналъ, несомнѣнно, проектируется на небо со всѣхъ остальныхъ пунктовъ тріангуляціи.

Выдержавъ на горѣ еще одинъ штормъ, при $13^1/_2{}^0$ мороза, экспедиція принуждена была сойти съ горы, получивъ лишь передъ самымъ уходомъ полную серію астрономическихъ наблюденій. Послѣ 20-ти-часового перехода наши смѣлые путешественники были на берегу Классъ-билленъ-бай, а 23-го, въ 2 часа утра, переправились на транспортъ «Баканъ».

Послѣдній день омрачился большой печалью: у одной изъ собакъ оборвалась сбруя, и она упала въ трещину на глубину 15-ти саженъ. Чтобы достать ее оттуда, спускались на веревкѣ и А. С. Васильевъ, и мичманъ Унковскій, и матросы, но безуспѣшно: на глубинѣ 10-ти саженъ трещина столь съуживалась, что проникнуть далѣе не было возможности. Пришлось, скрѣпя сердце, предоставить несчастное животное, уже такъ много поработавшее на Шпицбергенѣ, его ужасной участи—умирать медленной голодной смертью.

Свой отчетъ коммиссіи о сорокапятидневной экспедиціи внутрь Шпицбергена А. С. Васильевъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «Во время похода къ горѣ Ньютона и при движеніяхъ между ледникомъ Норденшильда и горой Сванберга жизнь многихъ изъ участниковъ похода подвергалась опасности: проваливались въ трещины, падая на глубину 4—5 саженъ, срывались и въ такія трещины, гдѣ и дна не видно, но туда, по счастью, не падали—всегда Богъ хранилъ; вернулись всѣ цѣлы и невредимы. Во время 45-дневнаго пребыванія среди снѣговъ Шпицбергена не были больны ни разу только трое—я (Васильевъ) и двое поморовъ». Съ своей стороны добавлю, что этотъ походъ составитъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ исторіи полярныхъ изслѣдованій, и мы, русскіе, должны гордиться тѣмъ, что нашимъ соотечественникамъ удалось разрѣшить тѣ задачи, которыми обусловливался успѣхъ всего предпріятія по градуснымъ измѣреніямъ на Шпицбергенѣ.

Мнѣ остается добавить немного, чтобы закончить очеркъ работъ 1900 года. 22-го августа пришелъ въ Горнзундъ «Рюрикъ», и уже 23-го заливъ былъ заполненъ льдомъ. Передавъ «Ледоколу» уголь и принявъ нѣкоторыхъ членовъ экспедиціи и часть груза, «Рюрикъ» вышелъ изъ Горнзунда, конвоируемый «Ледоколомъ», пока ледъ былъ тяжелый и сплоченный. По возвращеніи «Ледокола» надо было торопиться со снятіемъ станціи, такъ какъ на заливѣ стала образовываться корка льда, которую лишь съ трудомъ пробивали на шлюпкахъ, въ случаѣ же западнаго вѣтра положеніе и «Ледокола», и оставшихся на зимовкѣ могло бы оказаться невеселымъ. Къ 26-му августа кончена была погрузка на «Ледоколъ» и пришлось распрощаться съ Константиновскимъ поселкомъ, въ которомъ наши зимовщики такъ счастливо прожили долгую полярную зиму 1899—1900 года, и который за послѣдніе 17-ть мѣсяцевъ былъ центромъ работъ русской экспедиціи. Домъ былъ заколоченъ, и въ немъ оставлены въ избыткѣ съѣстные припасы на случай, если бы какіе-нибудь несчастливцы принуждены были воспользоваться русскимъ зимовьемъ. На западномъ фасадѣ прибита большая доска и на ней надпись на двухъ языкахъ (англійскомъ и норвежскомъ), гласящая, что всѣ постройки составляютъ собственность русскаго правительства, и что просятъ ими пользоваться лишь въ случаѣ крайней нужды.

Выйдя изъ Горнзунда въ 3 часа утра 26-го августа, «Ледоколъ» уже въ $9^1/_2$ часовъ вышелъ изъ пояса льда и при входѣ въ Бельзундъ встрѣтился съ «Баканомъ» и «Рюрикомъ», шедшими изъ Айсфіорда. 31-го августа въ Петербургѣ была получена телеграмма о благополучномъ приходѣ всѣхъ нашихъ судовъ въ Тромзё.

VII.

Прочитавъ мой разсказъ, читатель въ правѣ спросить, каковы же, въ концѣ концовъ, результаты экспедиціи и окупили ли ея результаты жертвы, принесенныя ради нея. Если взять лишь одну сумму работъ по главному предпріятію экспедиціи—по градусному измѣренію, то нетрудно видѣть на картѣ, иллюстрирующей эти работы нанесеніемъ сплошными линіями измѣренныхъ направленій и прерывистыми—подлежащихъ измѣренію, что русскимъ досталась самая трудная задача измѣренія громадныхъ трехугольниковъ южной сѣти, и что въ этихъ трехугольникахъ пять пунктовъ, возбуждавшихъ наибольшія сомнѣнія, окончены. Остающіеся три пункта (мысъ Агарда, мысъ Недоразумѣнія и плато Гельвальда) не могутъ идти съ ними въ параллель, такъ какъ опытъ показываетъ, что въ глубь фіордовъ условія атмосферныя становятся все болѣе благопріятными; что же касается кажущейся большей трудности достиженія ихъ со стороны моря при неблагопріятныхъ условіяхъ льдовъ, то препятствіе это совершенно исключается

тѣмъ опытомъ путешествій поперекъ Шпицбергена, который добытъ нашими неустрашимыми геодезистами. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что ко всѣмъ этимъ пунктамъ можно подойти съ запада, имѣя лишь въ распоряженіи достаточное количество собакъ и людей. Результатъ этотъ, совершенно непредвидѣнный проектомъ градусныхъ измѣреній, по которому предполагалось возможнымъ подойти къ геодезическимъ пунктамъ лишь на суднѣ, ставитъ окончаніе всего предпріятія внѣ всякихъ сомнѣній. Лучшимъ доказательствомъ справедливости сказаннаго можетъ служить сорока-пятидневное пребываніе партіи Васильева около горъ Сванберга и Хиденіуса и его работы по связи тріангуляцій.

Работа эта, надо замѣтить, не входила вначалѣ въ планъ русскихъ работъ и, лишь въ силу обстоятельствъ и неудачи шведовъ, нашей экспедиціи пришлось взять на себя ея выполненіе. Благодаря этому, въ работахъ русскихъ оказался какъ бы скачекъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ естественный ходъ вещей оставилъ за русскими $2^1/_2°$ всей дуги, подлежащей измѣренію, и если въ районъ русской экспедиціи войдетъ и Тумбъ-поэнтъ въ южной части Гинлопена, то безъ малаго двѣ трети всего предпріятія по градуснымъ измѣреніямъ на Шпицбергенѣ составитъ исключительную заслугу русскихъ.

Я не имѣю возможности касаться всѣхъ обширныхъ матеріаловъ, собранныхъ экспедиціей по самымъ разнообразнымъ отраслямъ естествознанія, тѣмъ болѣе, что матеріалы эти еще ждутъ обработки. Нѣкоторыя данныя по метеорологіи, касающіяся Шпицбергена, а также наблюденія надъ сѣверными сіяніями приведены были выше. Быть можетъ, единственный въ своемъ родѣ матеріалъ дадутъ результаты наблюденій магнитныхъ, обставленныхъ столь богато, какъ это практиковалось до сихъ поръ лишь въ крупныхъ научныхъ центрахъ. Кромѣ приборовъ для абсолютныхъ наблюденій и отличныхъ варіаціонныхъ инструментовъ системы Вильда-Эдельмана, экпедиція располагала магнитографомъ Маскара, впервые дѣйствовавшимъ въ такихъ высокихъ широтахъ.

Не стану приводить также наблюденій гидрологическихъ и гидрографическихъ, касающихся почти неизвѣстныхъ частей полярнаго моря, омывающаго восточный Шпицбергенъ, а также собранныхъ экспедиціей геологическихъ и зоологическихъ матеріаловъ, которые по обработкѣ найдутъ себѣ мѣсто въ спеціальныхъ сочиненіяхъ. Обращу лишь вниманіе, что экспедиціей впервые сдѣланы съемки внутренности Шпицбергена въ наименѣе доступныхъ его частяхъ, и капитаномъ Зигелемъ снято, наконецъ, туманное покрывало съ совершенно неизвѣданной южной оконечности этого острова, заставлявшее всѣхъ мореплавателей обходить Зюдъ-Капъ на десятки миль южнѣе.

Обозрѣвая даже бѣгло всѣ результаты экспедиціи, нельзя не признать, что она болѣе чѣмъ добросовѣстно поработала на пользу науки,

и не выразить также пожеланія, чтобы предпріятіе, ставшее благодаря русскимъ и шведскимъ ученымъ на прочное основаніе, было бы ими доведено до конца. Въ настоящее время французское правительство, не сомнѣваясь въ томъ, что предпріятіе на Шпицбергенѣ обезпечено желаннымъ окончаніемъ, рѣшило ассигновать огромную сумму въ 600.000 франковъ на измѣреніе дуги меридіана, около 4°, въ Перу и такимъ образомъ повторить работу прошлаго столѣтія, совершенную подъ руководствомъ Кондамина и Мопертюи, но при условіяхъ болѣе точныхъ измѣреній и при большей разницѣ въ дугѣ меридіана тѣхъ мѣстностей, гдѣ будутъ произведены измѣренія.

Подобно тому, какъ зодчій, съ любовью относящійся къ своему дѣлу, построивъ фундаментъ и главныя части зданія, съ нетерпѣніемъ ждетъ его окончанія и мастерской его отдѣлки, такъ и Академія наукъ желала бы, чтобы научный памятникъ, создаваемый при ея участіи на порогѣ двухъ столѣтій, былъ довершенъ въ ближайшемъ будущемъ, и чтобы исторія этого памятника, надъ созданіемъ котораго равно потрудились и наши ученые, и русскіе моряки, и простые мезенскіе поморы, остались бы навсегда символомъ лучшихъ, симпатичныхъ качествъ русскаго человѣка.

Ѳ. Чернышевъ.

ОЧЕРКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВЪ XIX ВѢКѢ.

Проф. Р. Виппера.

Либерализмъ и первая историческая формула борьбы классовъ.

«Факты прошлаго заключаютъ въ себѣ безчисленныя тайны, которыя раскрываются человѣку, лишь когда онъ способенъ познать ихъ.. Такъ какъ все въ самомъ человѣкѣ и вокругъ него, точка зрѣнія, съ которой онъ изучаетъ факты, и настроеніе, которое онъ вноситъ въ это изученіе, безпрерывно мѣняются, то можно бы сказать, что прошлое мѣняется вмѣстѣ съ настоящимъ... Факты открываются наблюдателю неизвѣстной дотолѣ стороной и говорятъ съ нимъ на другомъ языкѣ. Онъ самъ примѣняетъ въ изслѣдованіи ихъ другіе принципы, наблюденія и сужденія... Зрѣлище осталось то же, но зритель — другой, и онъ занимаетъ другое мѣсто; въ его глазахъ все измѣнилось».

Эти слова принадлежатъ Гизо и относятся къ началу эпохи реставраціи. Историкъ въ данномъ случаѣ не углублялся въ отвлеченныя разсужденія; онъ лишь выразилъ въ приведенной формулѣ ярко пережитыя впечатлѣнія своего времени. Онъ былъ подъ давленіемъ факта глубокой перемѣны въ историческихъ понятіяхъ, перемѣны, созданной крупнѣйшимъ переворотомъ въ общественныхъ задачахъ со времени революціи. Эта перемѣна носила рѣзкій характеръ, и рѣзкость ея соотвѣтствовала быстрой, непосредственной смѣнѣ стараго и новаго порядка, стараго и новаго склада общественныхъ воззрѣній. Новое поколѣніе, новая эпоха выставляла въ связи съ другой общественной программой и другую, своеобразную концепцію всей исторіи. Историческое прошлое развертывалось по новому разрѣзу, въ новыхъ перспективахъ и несло съ собою совершенно новыя поученія. Казалось, что позади каждаго поколѣнія стоитъ своя исторія всего прошлаго, не похожая на исторію, сознаваемую другимъ поколѣніемъ и, слѣдовательно, исключительно для него существующую.

Гизо имѣлъ въ виду главнымъ образомъ пониманіе и толкованіе исторіи національной, но его замѣчаніе захватываетъ несравненно болѣе широкую область. Въ смѣнѣ историческихъ понятій особенно поразительно то, что она распространяется не только на ближайшее къ

намъ прошлое, но и на такія отдаленныя эпохи, которыя не имѣютъ никакой непосредственной связи съ нашимъ временемъ.

Примѣромъ могла бы служить судьба историческаго изученія древней Греціи въ германской наукѣ XIX вѣка. Типичный нѣмецкій историкъ эпохи, предшествующей войнамъ 1866—1870 годовъ, считалъ кульминаціоннымъ пунктомъ греческой исторіи греко-персидскія войны; онъ сравнивалъ ихъ съ освободительнымъ движеніемъ своей родины противъ Наполеона въ 1808—1814 гг.; въ демократіи середины V вѣка до Р. Х. онъ видѣлъ главный плодъ греческой національной борьбы, потому что онъ признавалъ первою цѣлью своего времени достиженіе равенства политическихъ правъ, потому что онъ или самъ бился въ 1848 г. за политическую вольность, или сочувствовалъ борьбѣ за принципъ народнаго верховенства.

Ничего похожаго въ новѣйшей исторической литературѣ о древней Греціи. Возьмемъ трудъ ученаго, далекаго, повидимому, отъ политики, Белоха. Мы тотчасъ же замѣтимъ, что героическіе борцы персидскихъ войнъ и дѣятели цвѣта демократіи, Ѳемистоклы и Периклы, оставляютъ историка холоднымъ. Белохъ оживаетъ, когда доходитъ до эпохи, которую прежде называли «упадкомъ Греціи», когда добирается до фигуръ различныхъ «объединителей», дѣйствительныхъ или мнимыхъ. Не трудно догадаться, что Діонисій, тиранъ Сиракузскій, котораго Белохъ вырисовываетъ съ большою любовью, служитъ ему простой маской для изображенія Фридриха II прусскаго, что Филиппъ Македонскій выходитъ у него несомнѣннымъ двойникомъ Бисмарка. Еще любопытнѣе, что Ѳераменъ, дѣятель олигархической реакціи 411 и 404 годовъ, двусмысленный политическій интриганъ, по драматической концепціи историка, долженъ фигурировать въ качествѣ истиннаго защитника интересовъ «средняго класса» противъ соціалистической «массы», защитника «нашего дѣла», прибавляетъ историкъ, чтобы не оставить сомнѣнія въ читателяхъ, что своей исторіей Греціи онъ совершаетъ общественное дѣло во имя требованій и страховъ современной средней буржуазіи.

Въ этихъ характеристикахъ и оцѣнкахъ слышатся уже отзвуки національнаго объединенія Германіи, осуществленнаго кровью и желѣзомъ, и мотивы послѣднихъ классовыхъ столкновеній. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у новѣйшаго нѣмецкаго историка получилась совершенно иная исторія древнихъ грековъ, очень непохожая на ту, какую писалъ демократъ и идеалистическій республиканецъ 1848 года.

Нечего и говорить, какъ сильно на формировкѣ идей и толкованій историка сказывается его принадлежность къ тому или другому религіозному или политическому лагерю, къ той или другой общественной группѣ. Въ Германіи, напр., можно говорить о разныхъ, современныхъ между собою классовыхъ и партійныхъ исторіографіяхъ и называть ихъ именами «клерикальной», «буржуазной» и «соціалистической». Но

какъ бы ни было велико ихъ различіе, надъ общественными группами поднимается какая-то болѣе общая атмосфера, образующаяся изъ цѣлой системы представленій, образовъ, символовъ, формулъ, раздѣляемыхъ людьми разныхъ лагерей; эта атмосфера, эта система принадлежитъ эпохѣ. Политическіе и культурные враги въ средѣ одного общества опредѣленной эпохи располагаютъ въ извѣстной мѣрѣ одной и той же картиной прошлаго, поскольку дѣло идетъ о его главныхъ, существенныхъ чертахъ, примѣняютъ одинъ и тотъ же общій методъ.

Въ этомъ отношеніи характерны сходство и различіе въ историческихъ представленіяхъ нашихъ славянофиловъ и западниковъ. Вооруженные различными общественно-культурными программами, съ глубоко различной оцѣнкой эпохъ русскаго прошлаго, они примыкали однако къ одной и той же исторической концепціи. Объ школы исходили отъ представленія о великомъ разрывѣ съ прошлымъ, о великомъ переломѣ въ развитіи русскаго общества, совершившемся около 1700 г. Объ предполагали два разныхъ пути въ этомъ развитіи, одинъ—типичный для Запада и потому общій, другой—своеобразный, національный. Иное дѣло, въ какомъ изъ этихъ путей каждая школа видѣла норму для русскаго народа, въ какомъ отклоненіе, но историческія рубрики стояли для той и другой на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, подъ одними и тѣми же названіями.

Въ этомъ смыслѣ на одной почвѣ историческихъ толкованій стояли два противника во Франціи въ первой четверти XIX вѣка, школы реакціонная и либеральная. Подъ живымъ впечатлѣніемъ революціоннаго кризиса, соціальной амнутаціи дворянства и политическаго водворенія буржуазіи во Франціи, подъ впечатлѣніемъ общеевропейскихъ войнъ, поколѣнія этой эпохи представляли себѣ основной процессъ на протяженіи всей исторіи въ видѣ вооруженной борьбы—борьбы классовъ и націй. Люди, жившіе въ первыя десятилѣтія XIX вѣка, были, можно сказать, подавлены мыслью о великой катастрофѣ, разрѣшившей эту борьбу. Національное единство, выдвинувшееся въ результатѣ катастрофы, казалось представителямъ обоихъ направленій фактомъ новымъ, сильнымъ и необыкновеннымъ. Они спорили о цѣнѣ этого факта, но позади него они видѣли одинъ и тотъ же длинный рядъ, одну и ту же перспективу. Въ картинѣ, которую рисовала каждая школа, различно расположены были краски, свѣтъ и тѣни; но композиція, разстановка, контуры были одни и тѣ же.

I.

Остановимся на характеристикѣ французской либеральной исторической школы первой половины нашего столѣтія. Образованіе основныхъ историческихъ идей этой школы и перипетіи ея общей исторической теоріи удобно прослѣдить на самомъ яркомъ и талантливомъ историкѣ эпохи, *Огюстенъ Тьерри* (1795—1856).

Молодость Тьерри, его первые шаги въ публицистикѣ, въ популяризаціи научныхъ идей отражаютъ всю горячность политическаго настроенія въ среднихъ слояхъ французскаго общества къ началу эпохи реставраціи. Юноша 19 лѣтъ, едва окончившій Высшую нормальную школу, Тьерри бросаетъ въ 1814 г. учительство въ провинціи и устремляется въ политическій водоворотъ центра. Его влечетъ журналистика, обсужденіе вопросовъ экономическихъ и соціальныхъ. Онъ примыкаетъ сначала къ безпокойному иниціатору Сенъ-Симому, одно изъ сочиненій котораго, посвященное вопросу «о реформѣ наукъ, изучающихъ человѣка», и вырвало молодого учителя изъ его провинціальной тиши. Нѣсколько позднѣе, съ 1817 г., онъ входитъ въ круги радикальныхъ политиковъ, которые группировались отчасти около Лафайета; повидимому, онъ становится довольно близко даже къ карбонарскимъ союзамъ.

Одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ мотивовъ политическаго настроенія Тьерри и его друзей въ это время—оппозиція предшествующему военному режиму. Родомъ изъ провинціальной буржуазной семьи, сынъ мелкаго чиновника, Тьерри выросъ уже въ ненависти къ военному деспотизму Наполеона. Онъ вспоминалъ потомъ, что его школьная пора «была временемъ, когда изящное раболѣпство царило въ учебныхъ заведеніяхъ; когда заставляли Вергилія предсказывать рожденіе сына деспота, когда передъ молодежью профанировали великія слова—отечество и честь, когда фразы пустой реторики и ледяныя цифры алгебры были единственной пищей для души молодого французскаго гражданина; когда, въ торжественныхъ собраніяхъ школы, скамьи молодежи наполнялись особами въ генеральскихъ лентахъ, приглашенными какимъ-нибудь угодливымъ профессоромъ для того, чтобы долбежить Цезарю въ благопріятномъ духѣ о настроеніи сыновей сторонниковъ Марія».

Вотъ почему въ первыхъ своихъ работахъ, составленныхъ въ сотрудничествѣ съ С.-Симономъ и выходившихъ въ 1814—1817 годахъ, вслѣдъ за разгромомъ наполеоновской имперіи, молодой Тьерри рѣзко нападаетъ на духъ войны, на «разбойниковъ», т.-е. на Бонапарта и его солдатъ, и горячо призываетъ народы къ братству на почвѣ промышленнаго и художественно-научнаго труда. «Ваше оружіе, граждане, искусства и торговля, ваши побѣды—ихъ прогрессъ; вашъ патріотизмъ, это благожелательство, а не ненависть. Хотите ли вы соединить съ этими мягкими добродѣтелями силу и мужество, въ которыхъ спартанцы воспитывали себя въ битвахъ? О граждане! У васъ болѣе ожесточенные враги, чѣмъ персы. Это—невѣжество и тѣ, кто ему подчинены».

Интересы буржуазіи были слишкомъ задѣты, слишкомъ подвергнуты риску въ политикѣ грандіозныхъ приключеній, которыми окончилась имперія. Вмѣсто ожесточенной вражды къ промышленной соперницѣ,

Англіи, вражды, которая грозила разореніемъ Франціи, многіе находили теперь болѣе разумнымъ торговый миръ съ нею. Тьерри и С.-Симонъ, проникаясь этою мыслью, настаивали на тѣсномъ политическомъ соединеніи двухъ давнишнихъ враговъ. Это соединеніе представлялось имъ даже въ формѣ федераціи по обѣ стороны канала съ общимъ англо-французскимъ парламентомъ: они были увѣрены, что отъ этого зерна пойдетъ далѣе промышленное, культурное и политическое объединеніе Европы.

Вотъ первоначальные мотивы новаго великаго интереса и большихъ симпатій къ Англіи и ея исторіи у французскихъ либеральныхъ круговъ. Между тѣмъ какъ въ эпоху, предшествующую революціи, и въ теченіе самой революціи во Франціи безконечно много говорили о паденіи, о концѣ Англіи, объ ея отсталости, объ антикультурныхъ ея принципахъ, теперь Англія становится въ глазахъ передовыхъ французовъ опять идеальнымъ типомъ политическаго общества, великимъ образцомъ для подражанія. Въ англійской исторіи хотятъ видѣть первые рѣзко проложенные этапы обще-соціальнаго развитія, которые предстоитъ пройти другимъ культурнымъ обществамъ. Прошлое Англіи полно уроковъ и указаній для другихъ народовъ; оно открываетъ рядъ поучительнѣйшихъ аналогій для Франціи.

Если передовые круги во Франціи въ 1814 году сходились въ международныхъ вопросахъ на формулѣ мира, то подобная формула оказывалась непримѣнимой во внутреннихъ отношеніяхъ. Недавній кризисъ, послѣднія 25 лѣтъ представлялись французскому обществу въ видѣ крупнаго соціальнаго столкновенія, которое еще не разрѣшилось окончательно. Два враждебные соціальные лагеря стояли другъ противъ друга, рѣзко выдѣляясь одинъ отъ другого своими интересами, вкусами, понятіями, традиціями. Правда, терминологія борьбы говорила какъ будто только о политическихъ интересахъ. Неограниченная монархія, конституціонное королевство, республика, народное верховенство, представительная форма, сильная исполнительная власть и т. п., вотъ главные пункты, которые стояли на программахъ бурнаго времени; но подъ этими политическими терминами теперь, послѣ четвертивѣковой борьбы, умѣли ясно отмѣтить наклонъ тѣхъ или другихъ интересовъ большихъ соціальныхъ группъ. Самыя общія обозначенія этихъ группъ были: дворянство и буржуазія. Непосредственное столкновеніе двухъ большихъ классовъ можно было наблюдать во многіе моменты борьбы, въ провинціальной реакціи противъ парижскихъ событій, въ Вандеѣ, на восточной границѣ при нашествіи иноземцевъ, съ которыми шли эмигранты, наконецъ, на почвѣ парламентскихъ партій въ конституціонныхъ преніяхъ съ 1814 года.

Классовая борьба—вотъ содержаніе кризиса, казалось поколѣніямъ, переживавшимъ его перипетіи. Но классы не впервые сложились къ моменту столкновенія. Самый кризисъ своей напряженностью, рѣзкостью,

продолжительностью какъ бы указывалъ на долгій подготовительный періодъ. Слѣдовательно, классовая борьба должна была составлять и сущность предшествовавшаго историческаго процесса—такъ стали разсуждать дальше. Исходный психологическій моментъ въ такихъ историческихъ разсужденіяхъ былъ простъ и ясенъ: въ современности—столько войнъ, противорѣчій и неравенствъ, что историческое начало также должно было стоять на войнѣ и захватѣ.

Характеристика классовъ въ видѣ большихъ коллективныхъ фигуръ складывалась легко. Землевладѣніе, съ одной стороны, съ другой—движимый капиталъ, военная выправка и промышленная оборотливость, аграрный консерватизмъ и индустріальная иниціатива—вотъ, повидимому, были простѣйшіе, основные, бьющіе въ глаза признаки каждой изъ двухъ враждебныхъ группъ.

Историкъ шелъ невольно дальше. Онъ олицетворялъ большія коллективныя тѣла. Тьерри и Гизо, напримѣръ, видѣли въ предкахъ современной буржуазіи, въ городскомъ населеніи Франціи XII и XIII вв. «громадную муниципальную личность». Допустивъ индивидуальность и сознательность для каждой группы, историкъ стремился найти у каждой и особое историческое сознаніе, особую традицію, которая живетъ въ классѣ на протяженіи вѣковъ. Сотни лѣтъ идетъ не только борьба интересовъ, но и полемика идей, антагонизмъ вкусовъ; каждый лагерь имѣетъ своихъ особыхъ предковъ, своихъ героевъ и святыхъ, свои особые подвиги, памятники, могилы, праздники, свои періоды страданія и торжества; у каждаго изъ нихъ свои понятія о чести, своя мораль и религія.

Гдѣ же начало противоположности, когда же именно народъ раскололся на эти двѣ разныя національныя или соціальныя личности? Въ отвѣтъ на это могла пригодиться старая теорія, которая вела начало еще съ XVI в. Въ силу этой теоріи двѣ расы составили Францію, туземная и пришлая, мирная и завоевательная, галлоримляне и франки. Отъ одной пошли простонародные классы, отъ другой—привилегированный, военно-дворянскій классъ.

Теорія эта очень подходила къ сознанію людей, переживавшихъ послѣдствія революціи. Первые оживили ее реакціонеры. Въ 1804 г. правительство перваго консула поручило одному изъ помилованныхъ эмигрантовъ, графу Монлозье, составить общій обзоръ политической исторіи Франціи въ связи съ революціей. Цѣль заключалась въ томъ, чтобы показать историческую необходимость демократико-централистическихъ реформъ революціонной эпохи, чтобы показать, что между старой и новой Франціей есть примиреніе, что нѣтъ и не было разрыва. Наполеоновское правительство приготовляло въ это время переворотъ къ имперіи и задало въ сущности административную тему въ философско-исторической формѣ. Но исполнитель оказался безусловно неподходящимъ. Вмѣсто формулъ демократической монархіи, графъ Мон-

лозье развилъ въ самыхъ горячихъ, рѣзкихъ выраженіяхъ историческую философію раздраженнаго высокомѣрнаго дворянства; вмѣсто апологіи реформъ, онъ написалъ жестокій обвинительный актъ противъ народа выскочекъ, противъ воцарившагося плебейства.

Онъ рѣзко раздѣлилъ на протяженіи всей исторіи Франціи меньшинство истинныхъ гражданъ, вполнѣ свободныхъ людей, отъ рабской массы. Настоящій французскій народъ, первоначальная нація, это—дворяне, потомки свободныхъ владѣній на почвѣ Галліи; третье сословіе, это—новый народъ, чуждый старинному, образовавшійся изъ рабовъ и данниковъ всѣхъ племенъ и всѣхъ эпохъ. Сначала старинная нація одна составляла государство. У нея были свои люди подъ властью, право чекана монеты, судъ равныхъ, право соизволять налоги, все, что создаетъ настоящее гражданское общество полноправныхъ. Съ XII вѣка новый народъ поднялъ голову, потребовалъ дѣлежа съ господами и постепенно оттѣснилъ ихъ отъ власти, выбросилъ изъ должностей, ограбилъ въ правахъ, навязалъ всѣмъ учрежденіямъ свой духъ. Вотъ та узурпація, которая, по прошествіи шести вѣковъ, была увѣнчана соціальными результатами движенія 1789 года.

Заключеніе Монлозье гласило, что въ столкновеніяхъ всѣхъ временъ французское дворянство поддерживало противъ буржуазіи и коммунъ справедливое дѣло, защищало неоспоримыя права, охраняло истинное гражданское достоинство. Теперь ограбленное, тираннизированное дворянство подвели подъ общую рабскую систему, подъ равенство приниженія, и вдобавокъ ко всей несправедливости, его еще обвиняютъ въ тиранніи и грабежѣ.

Реакціонный историкъ кончалъ прямымъ вызовомъ въ лицо плебейской Франціи: «Порода вольноотпущенныхъ, племя рабовъ, освобожденныхъ изъ рукъ нашихъ, народъ данниковъ, народъ новый! Это вамъ была дарована свобода, вамъ, а не намъ, благороднымъ; для насъ все существуетъ по праву, для васъ все по милости. Мы не принадлежимъ къ вашему общественному союзу; мы составляемъ цѣлое сами по себѣ. Ваше происхожденіе ясно; наше—также; освободите себя отъ необходимости освящать наши права, мы сами себя защитимъ!»

Историческій памфлетъ Монлозье неизбѣжно долженъ былъ пролежать подъ спудомъ въ эпоху имперіи. Онъ вышелъ (подъ заглавіемъ «О французской монархіи») въ 1814 году, когда опять откровенно могли высказаться оба соціальныхъ противника.

Представители воинствующей либеральной буржуазіи не только не отвергли исторической картины, набросанной Монлозье; они цѣликомъ схватили ея перспективы, но переставили въ ней всѣ оцѣнки. Все, что у него было отмѣчено темнымъ пятномъ, позоромъ, что было покрыто ненавистью, получало у нихъ ореолъ геройства, святыни; что объявлялось у него вреднымъ, уродливымъ въ національномъ развитіи, получало у противниковъ характеръ благотворной, прогрес-

сивной перемѣны: освобожденіе коммунъ, соціальная политика королей, водвореніе римскаго права, всѣ эти явленія—тѣневыя для одной стороны, казались свѣтовыми для другой. Реакціонеръ считалъ свободой феодальный порядокъ, порабощеніемъ—буржуазно-демократическій; либералы — наобсротъ.

Особенно выдѣлялась при этомъ характеристика двухъ кризисовъ, которые обѣими школами приводились въ тѣсную связь: революція городовъ въ XII — XIII вв. и революціи общефранцузской послѣдняго времени. Два возмутительныхъ мятежа одной и той толпы вольноотпущенныхъ данниковъ, одинъ мѣстный, раздробленный, другой общій и централизованный—вотъ изображеніе этихъ переворотовъ у реакціонеровъ. Два возрожденія, двѣ великія эпохи непосредственнаго выступленія народа, «возрожденіе муниципальное» и «возрожденіе національное»—вотъ отвѣтная характеристика у либераловъ.

Но въ кругу послѣднихъ сознавали ясно, кому принадлежитъ первенство въ построеніи подобной исторической картины. «Какъ ни странна была въ своей основѣ теорія Монлозье,—говоритъ Тьерри,—но онъ первый почувствовалъ, откуда идетъ современный соціальный строй, и призналъ за двѣнадцатымъ вѣкомъ истинный его характеръ, помѣстивъ въ его рамки революцію—родоначальницу (revolution mère) всѣхъ дальнѣйшихъ переворотовъ».

Въ 1814—1820 гг. боевая схема, основанная на представленіи о двухъ націяхъ, разорванныхъ четырнадцати-вѣковой борьбой, парила въ политической и исторической литературѣ. Тьерри говоритъ, между прочимъ, о своихъ молодыхъ годахъ: «Зрѣлище Франціи, которую приговоръ ея собственной исторіи раздѣлилъ на два непримиримыхъ и соперничающихъ лагеря, казалось воображенію чѣмъ-то глубоко важнымъ и пророческимъ. Теорія національнаго дуализма давала тогда обѣимъ партіямъ рядъ сопоставленій и формулъ». Одна сторона поэтизировала франковъ, играя двойнымъ смысломъ этого слова (franc= свободный), другая возвеличивала галльскую расу въ качествѣ народа коммунъ, народа новой революціи.

Другой молодой ученый, Гизо, говорилъ въ 1820 году: «Я пользуюсь этими словами (франки и галлы), потому что они ясны и правдивы. Революція была войной, настоящей войной, въ томъ видѣ, какъ ее знаетъ міръ между чужими народами. Въ теченіе тринадцати вѣковъ во Франціи совмѣщались два такіе народа, народъ-побѣдитель и народъ-побѣжденный. Въ теченіе тринадцати вѣковъ народъ-побѣжденный бился, чтобы стряхнуть иго народа-побѣдителя. Исторія наша есть исторія этой борьбы. Въ наше время была дана рѣшительная битва. Она называется революціей. Грустная вещь—борьба между двумя народами, которые носятъ одно и то же имя, говорятъ на одномъ же языкѣ, прожили тринадцать столѣтій на одной почвѣ». Время, сношенія, связи постепенно сблизили ихъ, объединили ихъ въ

одной судьбѣ, образовали изъ нихъ одну націю. Но старое естественное различіе восторжествовало надъ работой времени. «Первоначальное раздѣленіе пережило теченіе вѣковъ и воспротивилось ихъ воздѣйствію. Борьба велась во всѣ эпохи, во всѣхъ видахъ, оружіемъ всякаго рода. Когда въ 1789 году депутаты со всей Франціи сошлись въ одномъ общемъ собраніи, оба народа поспѣшили возобновить старинный споръ; наконецъ насталъ день порѣшить его окончательно...»

Такимъ образомъ въ основѣ исторіи признавался фактъ физическій, который обратился потомъ въ фактъ моральный и легъ неизгладимой складкой: «Какъ бы ни смѣшивались первоначально раздѣлившія Францію двѣ расы,—говорилъ Тьерри,—но ихъ вѣчно противорѣчивый характеръ остался въ двухъ ясно раздѣленныхъ доляхъ населенія». «Духъ завоеванія обманулъ природу и время; онъ до сихъ поръ господствуетъ надъ этой несчастной страной». Первоначальное различіе крови перешло въ различіе кастъ, потомъ въ различіе сословій и наконецъ въ различіе правъ. Либеральный лагерь историковъ не споритъ, что современное дворянство произошло по прямой линіи отъ знати XVI вѣка, эта послѣдняя отъ феодаловъ XIII вѣка, а эти—отъ франковъ Карла Великаго, въ свою очередь происшедшихъ отъ сикамбровъ Хлодвига. Но этой соціально-расовой генеалогіи онъ хочетъ противопоставить свою генеалогію мѣщанства, которую изъ духа противорѣчія либералы считаютъ болѣе почетной. «Мы дѣти третьяго сословія; третье сословіе вышло изъ коммунъ; коммуны были прибѣжищемъ рабовъ; рабы были люди, побѣжденные во время завоеванія».

Разъ это такъ, нечего стыдиться своей плебейской крови. Напротивъ, пусть это будетъ источникомъ новой гордости. «Насъ зовутъ новыми людьми; сумѣемъ доказать, что это неправда; сумѣемъ возсоединиться путемъ народныхъ воспоминаній съ тѣми людьми, которые раньше насъ стремились къ тому же, чего и мы хотимъ, съ людьми, которые понимали такъ же, какъ и мы, вольности французской земли». Романтика опоэтизировала безпокойное и отчаянное средневѣковое воинство; отчего не быть поэтической идеализаціи мѣщанства, трудового класса? Конечно, эта либерально-буржуазная романтика должна вдохновляться другими мотивами. «Духъ благородной и миролюбивой независимости задолго до насъ проявился на этой почвѣ. Не побоимся взрыть ее поглубже, чтобы найти его слѣды».

Въ этихъ дорогихъ для простонародныхъ классовъ воспоминаніяхъ окажется много грустнаго: «Мы встрѣтимъ въ нихъ чаще казни, чѣмъ тріумфы. Не будемъ обманываться: блестящія дѣла прошлаго времени не намъ принадлежатъ. Не наше дѣло воспѣвать рыцарство: наши герои носятъ болѣе темныя имена. Мы люди городовъ, люди коммунъ, люди земли, сыны тѣхъ крестьянъ, которыхъ изрубили рыцари близъ Мо (1357 г.), сыны тѣхъ буржуа, которые заставили дрожать Карла V, сыны возмутившихся Жаковъ!»

Самъ Тьерри далъ удивительный образчикъ поэтизированнаго олицетворенія простонародной Франціи. Въ картинкѣ, полной теплаго юмора къ своему коллективному герою, котораго онъ называетъ старымъ именемъ Жака Бонома, нарочно выбирая знаменитую, презрительную въ устахъ рыцарей кличку крестьянина, Тьерри драматизируетъ французскую исторію въ ея соціально-расовой постановкѣ.

Жакъ, это—исконная галльская нація. Обладая живымъ непосредственнымъ характеромъ, недовольный римской администраціей, подъ впечатлѣніемъ странныхъ совѣтовъ высокопочтеннаго отца-проповѣдника новой религіи (т.-е. христіанства), онъ допускаетъ въ свою среду пришлыхъ съ сѣвера завоевателей, людей громаднаго роста и дикаго говора. Варвары рѣжутъ землю Жака и берутъ его движимость. Жакъ огорченъ тѣмъ болѣе, что его духовный руководитель и другъ оказывается посредникомъ въ дѣлежѣ и даже составляетъ на родномъ языкѣ Жака грамоту, утверждающую условія ограбленія его. Однако, при появленіи варварскаго вождя, Жакъ поднимаетъ обычный крикъ: «Vivat rex!», въ которомъ вождь, конечно, не можетъ понять смысла. Завоеватели устраиваютъ собранія, приходятъ туда съ оружіемъ въ рукахъ, судятъ и рядятъ. Жакъ, называвшійся почетно римляниномъ, вдругъ оказывается «литомъ», т.-е. человѣкомъ на милости. Подъ страхомъ бича онъ долженъ идти работать на собственной землѣ въ пользу иноземцевъ. Когда онъ пробуетъ принести жалобу въ собраніе владѣльцевъ, его осмѣиваютъ и выгоняютъ. Его прозываютъ еще хуже—«корой земли, прикрѣпленнымъ къ землѣ, живыми деньгами» и такъ далѣе.

Жакъ привыкъ къ своему игу. Завоеватели дрались надъ его головой и заставляли его платиться. Вождь ихъ заявилъ однажды исключительныя притязанія на землю, на трудъ, на тѣло и душу Жака. И вотъ онъ, будучи до крайности довѣрчивъ, потому что бѣдствія его не имѣли предѣла, позволилъ себя убѣдить въ правильности этого притязанія и назвался «подданнымъ короля». Въ силу этого названія, онъ сталъ платить королю лишь точно опредѣленныя подати, tallias rationabiles, что совсѣмъ не означаетъ «разумныя подати». Но это вовсе не избавило его отъ вымогательствъ второстепенныхъ начальниковъ. Онъ платилъ направо и налѣво. Онъ искалъ отдыха; но ему отвѣчали со смѣхомъ: «Кричи, простачекъ, да заплати».

Жакъ переносилъ тяжкую судьбу, но онъ не могъ стерпѣть оскорбленія. Онъ забылъ свою слабость, свою наготу и бросился на своихъ притѣснителей, вооруженныхъ съ ногъ до головы и спрятанныхъ въ крѣпостяхъ. Тогда всѣ, вождь и подчиненные начальники, соединились, чтобы раздавить его. Его кололи копьями, давили копытами лошадей; ему оставили дыханья ровно на столько, чтобы онъ не поколѣлъ на мѣстѣ, потому что вѣдь онъ былъ нуженъ.

Опять Жакъ сталъ платить—прямой налогъ, подмогу, соляной на-

логъ, пошлины, таможенные сборы, дорожные, рыночные, поголовную подать, пятипроцентную и т. д. Онъ сталъ считать все это естественымъ, онъ сталъ вѣрить, что «ему слѣдуетъ уставать, чтобы не лопнуть отъ здоровья, и что его кошелекъ похожъ на деревья, которыя растутъ, когда ихъ обираютъ». Кругомъ старались не смѣяться надъ этими выходками его воображенія, напротивъ прозывали его честнымъ и разумнымъ человѣкомъ. Но вотъ онъ возымѣлъ дерзость думать, что люди, которымъ онъ платитъ, должны работать для его блага, что они его интенданты, его повѣренные; слѣдовательно, онъ имѣетъ право просматривать ихъ счета и давать имъ указанія. На эту тему онъ составилъ большую книгу, которую тотчасъ же однако конфисковали и сожгли. Вмѣсто похвалъ, которыхъ ожидалъ авторъ, ему предложили каторгу на галерахъ. Его станки забрали; устроили лазаретъ, въ которомъ мысли его должны были выдерживать карантинъ, прежде чѣмъ попасть въ печать.

Тогда Жакъ пересталъ печатать, но не пересталъ думать. Наконецъ правительство, оставшись однажды безъ денегъ, позвало его къ совѣту. Жакъ принялъ гордый тонъ и рѣзко объявилъ свое неограниченное и неотъемлемое право на собственность и свободу. Произошла битва, въ которой Жакъ остался побѣдителемъ, потому что многіе друзья его бывшихъ господъ покинули ихъ во имя его дѣла.

Эта битва, разумѣется,— великая революція. Торжество буржуазіи въ ней нѣсколько затуманилось и исказилось вслѣдствіе увлеченія въ бурномъ конечномъ столкновеніи. Жакъ былъ жестокъ въ своемъ торжествѣ, потому что бѣдствія раздражили его, онъ не съумѣлъ повести себя на свободѣ, потому что его нравъ сложился въ рабствѣ. Но онъ не захотѣлъ подчиняться своимъ «новымъ интендантамъ», которые опять вздумали приневолить его, провозглашая его неограниченное верховенство.

Въ этотъ моментъ Жака увлекаетъ великій военный вождь; въ лицѣ своихъ простонародныхъ солдатъ онъ возрождаетъ славу воиновъ-франковъ и создаетъ изъ нихъ новую аристократію, а самъ беретъ себѣ титулъ стараго владыки Жака, римскаго Цезаря. Жакъ вспоминаетъ, что когда-то бился подъ римскими орлами и впадаетъ въ свое послѣднее увлеченіе.

Въ этой драматической концепціи многовѣковой исторіи насъ болѣе всего, можетъ быть, поражаетъ способность историка представлять себѣ классъ, соціальную группу, въ видѣ законченной, вполнѣ индивидуализированной живучей личности. Эта мысль какъ нельзя болѣе гармонировала съ расовой теоріей. Ея сторонники вѣрили, что, какъ бы ни было велико смѣшеніе въ толпѣ націи, какъ бы ни перетасовывали людей бури переворотовъ, основное отличіе, наслѣдственный типъ, «голосъ крови» скажется; затерянныя, оторвавшіяся частицы большихъ организмовъ опять пристанутъ къ нимъ, въ каждомъ изъ нихъ опять будетъ биться одно сердце, возродится одна душа.

Современный соціальный споръ, благодаря этому представленію, совершенно совпадалъ съ исторической тяжбой. «Революція,—говоритъ Гизо,—была тріумфомъ, мщеніемъ большинства, долгое время придавленнаго, надъ меньшинствомъ, долго господствовавшимъ». Можно поспорить о давности правъ и почетности положенія, а чтобы выиграть въ этомъ спорѣ, «надо возобновить теперь цѣпь временъ». Гизо упрекаетъ передовыя партіи, т.-е. представителей буржуазіи, за то, что до-сихъ поръ онѣ старались главнымъ образомъ отрѣзать себя отъ прошлаго. Исторіей интересовались реакціонеры, которые слѣпо преклонялись предъ всякою стариной. Надо же и защитникамъ свободы вести свою линію, свою традицію изъ старины; свободѣ тоже нужно отыскать давность, нужно легитимировать свободу изъ исторіи.

И Гизо указывалъ на своего младшаго собрата, на Огюстэна Тьерри, какъ дѣятеля, болѣе всего занятаго именно этой задачей, задачей историческаго оправданія свободы. Для Тьерри «школа свободы почти вся заключена въ изученіи исторіи». Революція, въ его глазахъ,—вовсе не стройка на разрушенномъ мѣстѣ, вовсе не выведеніе геометрически-правильнаго, отвлеченно-разумнаго чертежа на бѣлой доскѣ. Напротивъ, движущимъ элементомъ революціи является традиція. Свобода родилась не вчера. Мы, люди свободы, также имѣемъ предковъ. Революція, это—возстановленіе старины, реабилитація павшихъ, запоздалое возмездіе, торжество попранной въ старину свободы.

Правда, иногда рядомъ съ мотивомъ возвращенія къ стариннымъ традиціямъ, у него звучитъ другой, противоположный: демократическій энтузіазмъ невольно поворачиваетъ молодую Францію въ сторону новой заатлантической республики, и она начинаетъ чувствовать какъ будто взаимное родство. Америка выбросила изъ своей среды націю, которая претендовала на господство надъ нею (Англію) и съ этой поры Америка свободна. Возродившаяся буржуазія словно составляетъ новую націю, подобную американскому народу. «Но въ массу этого счастливаго народа всѣ европейскія земли дали свой вкладъ, какъ бы для того, чтобы доказать міру, что свобода подходитъ для всѣхъ, но не составляетъ ничьей собственности... Для всѣхъ насъ, сколько насъ ни есть, Америка—общее убѣжище. Съ какой бы пристани Стараго Свѣта мы ни думали отплыть, мы не будемъ чужаками въ Новомъ. Если бы враги наши, поднимающіе воинскій кликъ именемъ предковъ своихъ, восторжествовала надъ разумомъ и надъ нами, у насъ останется исходъ, котораго не имѣли наши предки: море свободно, и по ту сторону—свободный міръ».

Первоначальныя демократическія симпатіи у Тьерри объясняютъ намъ, почему изображенный имъ коллективный страдалецъ, достигающій наконецъ торжества, названъ Жакомъ. Крестьянинъ, простолюдинъ, вотъ кто даетъ, если не физіогномію, то костюмъ, знамя идеальной фигурѣ борца за старинную свободу. Буржуазія, высшіе торгово-промышленные слои, горожане слиты въ воображеніи историка воедино

съ простымъ народомъ, съ земледѣльческой массой. Это—старая ошибка революціоннаго увлеченія, но только она и дала возможность разрѣзать прошлое Франціи именно на два лагеря, а не на большее количество соперничающихъ общественныхъ группъ; эта ошибка позволила поэтизировать, освѣтить либеральные городскіе слои тѣмъ лучезарнымъ ореоломъ, который создается народническимъ мистицизмомъ, ищущимъ въ глубинѣ понурой черной массы клада великой души и мудрости.

Поэтизированіе народной души у Тьерри—результатъ художественной наклонности историка, поддержанной романтическими представленіями. Но кто подсказалъ ему мысль о великихъ соціальныхъ типахъ въ исторіи? Откуда эта идея, что эпоха характеризуется опредѣленнымъ соціальнымъ строемъ, что перевороты представляютъ смѣны общественныхъ состояній и настроеній?

Политическая теорія XVIII вѣка указывала въ историческомъ изученіи лишь на противоположность личности и принудительнаго государственнаго или церковнаго союза. Либеральная публицистика начала XIX вѣка, продолжая эту теорію, различала въ исторіи также лишь моменты, съ одной стороны, напряженія государственнаго или церковнаго авторитета, а съ другой,—моменты самостоятельности личности. Реакціонеры глухо говорили еще о какихъ-то внутреннихъ таинственныхъ силахъ, о невидимыхъ организаціяхъ, въ которыхъ фатально поймана, связана личность, отъ власти которыхъ ей немыслимо уйти.

Одинъ изъ первыхъ, кто претворилъ эту полумистическую идею о народномъ организмѣ въ конкретную близкую намъ мысль объ обществѣ, общественномъ строѣ — былъ С.-Симонъ. Можно думать, что С.-Симонъ направилъ молодого публициста Тьерри на пониманіе промежуточной среды между личностью и государственнымъ союзомъ, на усвоеніе *соціальной стороны* историческихъ явленій.

Отношенія Тьерри къ С.-Симону являются однимъ изъ неясныхъ эпизодовъ жизни и умственнаго развитія историка. Три года сотрудничалъ студентъ (19—22 лѣтъ), едва выпущенный изъ коллежа, бросившійся въ водоворотъ политики, съ оригинальнымъ старикомъ, глубоко чуткимъ къ новымъ комбинаціямъ мысли, вѣчно съ новыми фантастическими предпріятіями въ головѣ. Въ горячемъ увлеченіи своимъ руководителемъ Тьерри называлъ себя «пріемнымъ сыномъ» С.-Симона. Но потомъ онъ избѣгалъ говорить объ этихъ отношеніяхъ. С.-Симонъ ни разу не упомянутъ въ сочиненіяхъ Тьерри, въ которыхъ однако разсыпано много автобіографическихъ указаній. Кажется, Тьерри скупалъ потомъ экземпляры сборника, изданнаго имъ совмѣстно съ С.-Симономъ, гдѣ стояло его имя съ признательной припиской: fils-adoptif de St.-Simon.

Видимо, между ними былъ разрывъ, и рѣзкій, тяжелый разрывъ. Когда, лѣтъ 10—15 спустя, выступила религіозно-коммунистическая секта учениковъ С.-Симона, у Тьерри стало еще больше основаній сторониться отъ имени ея родоначальника. Но для склада воззрѣній Тьерри эти студенческія увлеченія не прошли даромъ.

Вѣрнымъ слѣдомъ вліянія С.-Симона служатъ прежде всего не разъ встрѣчающіяся у Тьерри столь характерныя обозначенія oisifs et travaillants, «праздные и трудящіеся» въ примѣненіи къ двумъ враждебнымъ классамъ общества, къ дворянству и буржуазіи. Этой противоположности oisiveté и travail отвѣчаютъ у Тьерри двѣ соціальныя характеристики эпохъ, средневѣковой и новѣйшей.

Далѣе одна изъ самыхъ настойчивыхъ идей у С.-Симона, это—соотвѣтствіе между общественнымъ строемъ и культурнымъ настроеніемъ каждой эпохи между отношеніями власти и владѣнія, съ одной стороны, и міровоззрѣніемъ — съ другой. Для каждаго историческаго момента, думаетъ С.-Симонъ, слѣдуетъ отыскать его основной характерный соціальный признакъ. Политическій строй, организація власти представляетъ всегда лишь высшую формулу, вершину типичнаго для своего времени соціальнаго порядка.

Эта мысль постоянно возвращается и у Тьерри. Прежніе историки не имѣли, по его мнѣнію, чутья къ великимъ соціальнымъ трансформаціямъ въ прошломъ. Тьерри протестуетъ, напримѣръ, противъ безразличнаго употребленія термина «король» для всѣхъ эпохъ, противъ отвлеченнаго опредѣленія монархическаго начала въ исторіи. Надо различать совершенно особый соціальный характеръ древнегерманскаго king'a, племеннаго или дружиннаго вождя, отъ несхожаго съ нимъ феодальнаго гею, короля-капитана военнаго общества, главы «касты побѣдителей», и отъ еще болѣе непохожаго на него новаго короля, представителя буржуазной индустріи и труда, цѣпкаго, дѣятельнаго и простого по виду, въ родѣ какого нибудь Людовика XI, «который, какъ будто-бы предвосхитилъ духъ французской революціи».

Можно привести въ связь съ С.-Симономъ еще одну мысль, которая уже есть у молодого Тьерри. Это именно—пренебреженіе къ чисто политической революціи, къ голой конституціонной стройкѣ, не сопровождаемой общественной перемѣной. Увлеченный Англіей, сравнивая съ англійской революціей французскую, Тьерри считаетъ послѣднюю неоконченной. Она пока свелась на смѣну формъ, даже формулъ, на игру словъ. Это было внѣшнее подражаніе: французы бросились на конституцію, воспроизвели всю ея внѣшность по данному въ Англіи образцу, поставили всѣ ея знаки и символы, точно машины для созданія общественнаго благополучія. Но англичане вѣдь не дѣлали, не строили своей конституціи, они не комбинировали искусственно-политическихъ принциповъ. Они искали свободы, труда, простора для мысли и индустріи и, устраняя одно за другимъ препятствія къ этимъ цѣлямъ, добились наилучшаго, *наиболѣе соотвѣтствующаго ихъ интересамъ порядка.*

Восходя выше, Тьерри относитъ обвиненіе въ данномъ случаѣ къ духовной родоначальницѣ французской революціи, къ философіи XVIII вѣка, и въ своихъ нападкахъ на нее опять встрѣчается съ С.-Симономъ. Прославленное просвѣщеніе предшествовавшаго вѣка, по

его мнѣнію, грѣшило тѣмъ, что было отвлеченно, космополитично и вмѣстѣ съ тѣмъ аристократично. Характерно, что эта «наука 1760 г.» процвѣла раньше заграницей, чѣмъ во Франціи, что ее знали въ Берлинѣ и Петербургѣ, когда Ліонъ и Руанъ еще были ей совершенно чужды. Весь этотъ вѣкъ для насъ, говоритъ Тьерри, точно чужой міръ; между нами и имъ словно прошли столѣтія. Однако онъ думаетъ, что надо различать увлеченіе просвѣтительными доктринами XVIII в. у высшихъ классовъ и въ средѣ народа. Народное увлеченіе носило благородный характеръ, оно отличалось широтой пониманія и придало имъ національный характеръ. Такъ и С.-Симонъ отличалъ въ дореволюціонной Франціи интеллектуальную буржуазію, которая вырабатывала только отрицательную революціонную метафизику, отъ истинной народной массы, отъ скромнаго до тѣхъ поръ оттѣсненнаго истиннаго мѣщанства. Пришло время, такъ гремѣлъ С.-Симонъ, прогнать бумагомаракъ и стряпчихъ (ecrivassiers и avocasserie) во имя массы націи, стремящейся къ положительнымъ цѣлямъ.

Эта характеристика роли юристовъ-метафизиковъ, которые дали будто бы печать своего духа новому строю и стерли въ однообразныхъ системахъ колоритную національную старину, но въ то же время сослужили важную службу въ качествѣ разрушителей военно-феодальнаго порядка, эта характеристика появляется и у Тьерри, когда онъ изображаетъ королевскихъ легистовъ XIII—XIV вѣковъ. Онъ относитъ появленіе ихъ къ тому моменту, когда побѣжденная туземная народная масса подняла голову противъ сыновей побѣдителей. Юристы стали какъ бы посредниками между двумя народами, они были призваны выработать новое право, которое признало бы побѣжденныхъ опять людьми. Но примиреніе и уравненіе совершалось подъ покровомъ странныхъ принциповъ, ростъ націи пошелъ подъ прикрытіемъ ошибочныхъ фикцій.

Такимъ принципомъ былъ королевскій абсолютизмъ, божественное право монарха. Его разумная соціальная сторона заключалась, конечно, въ проведеніи равенства правъ для всего населенія. Но въ своей отвлеченной постановкѣ, въ безпощадномъ примѣненіи принципъ привелъ къ печальному результату. Легисты, дѣти третьяго сословія, стали, въ качествѣ пособниковъ королевской бюрократіи, невольными противниками главнаго и самаго дорогого созданія буржуазіи, именно свободы городовъ. Останавливаясь на фигурѣ одного изъ героевъ старинной исторической традиціи, идеализированныхъ либеральной публицистикой, на канцлерѣ Екатерины Медичи, Лопиталѣ, Тьерри представляетъ его въ трагическомъ конфликтѣ между глубокимъ внутреннимъ влеченіемъ, между моральнымъ чувствомъ и требованіемъ системы, служебнаго долга. Ограничивая (посредствомъ Мулэнскаго ордоннанса 1567 г.) свободу муниципалитетовъ, благородный канцлеръ долженъ былъ, думаетъ Тьерри, жестоко страдать въ душѣ отъ этой уступки въ пользу тиранніи ложнаго принципа.

Въ этой характеристикѣ буржуазной бюрократіи, служившей абсолютизму, заключался косвенный отвѣтъ реакціоннымъ историкамъ. Монлозье и другіе представляли феодализмъ эпохой вольностей, которыя были потоплены въ абсолютизмѣ дѣтьми холоповъ.. Либеральный историкъ частью признаетъ вѣрность этого обвиненія. Да, первые государственные дѣятели буржуазіи убили независимыя начала во имя равенства; но, во-первыхъ, они нанесли этимъ рану собственному тѣлу; во-вторыхъ, они искупили вину и докончили дѣло соціальнаго возрожденія въ героическую эпоху революціи.

II.

Мы видѣли, какъ слагались историческія идеи Огюстэна Тьерри. Приведенныя мысли разсыпаны большею частью въ мелкихъ статьяхъ, написанныхъ въ промежутокъ 1817—1820 гг. (онѣ были собраны потомъ подъ заголовкомъ «Десять лѣтъ исторической подготовки», «Dix ans d'études historiques», со включеніемъ небольшого числа статей 1820—1827 гг.). Изъ нихъ видно, что у историка сложилось очень цѣльное міровоззрѣніе, что онъ исходилъ отъ крупной, можно сказать моральной исторической задачи и на ея основѣ выработалъ себѣ обширный планъ великаго соціально-историческаго труда.

Свою общую тему онъ опредѣлилъ словами: «*эпопея побѣжденныхъ*». Это значило, во-первыхъ, рѣшить «проблему средневѣковаго завоеванія и его соціальныхъ послѣдствій», изобразить соціальную гибель, порабощеніе массы. Во-вторыхъ, это значило отыскать «традиціи свободы», написать не существовавшую до тѣхъ поръ «исторію народа», «исторію подданныхъ», исторію обратной побѣды трудящихся классовъ надъ военными, превращенія невольныхъ и временныхъ рабовъ, культурныхъ по существу, въ современное свободное и политическое самостоятельное общество.

Оба факта, факты нисходящей и восходящей исторіи трудового, промышленнаго народа, виднѣлись историку въ судьбѣ всѣхъ культурныхъ націй Европы. Къ этимъ двумъ фазамъ и сводилась для него вся эволюція прогресса человѣчества. Ихъ смѣна составляетъ общій законъ въ развитіи всѣхъ народовъ: исторія турецкаго завоеванія на Балканскомъ полуостровѣ представляетъ тѣ же результаты, какъ вторженіе франковъ и другихъ германцевъ въ Галлію, Испанію и Италію. Въ этомъ отношеніи историку открывается широкое поле для сопоставленія, для примѣненія *сравнительнаго метода*. Неясныя явленія въ эволюціи одного народа должны выступить отчетливо при помощи аналогій, взятыхъ отъ процесса развитія другого народа. Въ исторіи тѣхъ націй, гдѣ процессъ прошелъ скорѣе и рѣзче, можно найти поученія и предсказанія для дальнѣйшей судьбы другихъ народностей, болѣе медлительныхъ въ своемъ движеніи.

Въ этомъ смыслѣ важно исходить отъ тѣхъ странъ и народовъ, гдѣ исторія борьбы запечатлѣна всего яснѣе, гдѣ противоположности нарисовались всего рѣзче. Такою страною представлялась либеральному историку Англія. Здѣсь завоеваніе какъ будто положило явное начало новому порядку вещей. Съ пришельцами изъ Франціи, съ новой расой, безпощадными норманнами, захватившими землю и власть, явились новыя учрежденія и право, чуждыя туземцамъ. Образовался постоянный лагерь въ странѣ. Полтора вѣка держалось страшное господство военныхъ владыкъ среди отчаянныхъ возстаній стариннаго населенія, ставшаго внѣ закона, въ своихъ лучшихъ энергичныхъ людяхъ превратившагося въ «разбойниковъ». Это норманское государство въ Англіи было организованной привилегіей меньшинства, которое сбирало дань съ крѣпостного большинства и гоняло его на барщину. На верху меньшинства стоялъ пришлецъ, выражавшій лишь интересы хищниковъ, которые сидѣли по замкамъ среди порабощеннаго стада.

Но вотъ въ XIII в. поднимается протестъ противъ этого вождя мѣстныхъ владыкъ. Возстающіе ограничиваютъ его произволъ, обезпечиваютъ мѣстныя вольности, точно опредѣляютъ повинности и сбрасываютъ крѣпостную службу, наконецъ заставляютъ короля созывать совѣтъ страны, парламентъ. Въ этомъ движеніи участвуютъ не только владѣтели земли, замковъ и крѣпостныхъ, но также населеніе городовъ, за которымъ стоитъ сельская масса. Не значитъ ли это, что подъ покровомъ политической перемѣны поднялся новый соціальный порядокъ? Не значитъ ли это далѣе, что новый соціальный порядокъ ничто иное, какъ возстановленіе старинной вольности, что это соціальное возрожденіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ народное возрожденіе, подъемъ стариннаго саксонскаго населенія, придавленнаго въ теченіе 150 лѣтъ? Пришельцы смѣшались съ исконными жителями, усвоили себѣ мѣстный языкъ, нравы и преданія, а вмѣстѣ съ тѣмъ они объединились съ туземцами въ своихъ общественныхъ чувствахъ и стремленіяхъ. Завоеваніе окончилось, старое населеніе вновь оживилось. Въ этомъ первомъ пробужденіи исконной народной массы и зародилась свобода англійской націи.

Дальнѣйшіе шаги свободы связаны и съ новымъ торжествомъ коренного населенія. Оно не расположено въ началѣ къ политическому представительству, его насильно тянутъ въ парламентъ; его истинная жизнь—въ корпораціяхъ; небольшія самоуправляющіяся единицы, цехи, гильдіи, городскія общины, — вотъ продукты его соціальнаго творчества. Но оно добилось личной свободы. Оно пріобрѣло связь съ королемъ, близость къ нему. Оно дало ему другой соціальный оттѣнокъ—представителя равныхъ между собою людей. Слѣдующая ступень состоитъ въ воспитаніи возродившагося коренного населенія къ политическому верховенству, къ парламентской жизни. Оно совершается въ

великой революціи XVII вѣка. Но оно связано и съ послѣднимъ разсчетомъ между двумя расами, раздѣлившими территорію и богатства страны. Оно составляетъ послѣдній отвѣтъ на начальное завоеваніе.

Въ революціи 1640 г. сказалась «старая закваска національной вражды». Не даромъ же кавалеры, дворянство соединились съ королемъ: они стали кругомъ своего вождя. Тѣ же люди, которые когда-то встрѣчались съ оружіемъ въ рукахъ, черезъ шесть столѣтій стали опять лицомъ другъ къ другу и повели войну интригъ и словъ, прежде чѣмъ дойти до силы, этого послѣдняго изъ аргументовъ». Но они должны разъ навсегда отступить. Этого требуетъ повелительный законъ матеріальнаго перевѣса.

По этому поводу буржуазные историки, Тьерри и Гизо, подхватываютъ жалко одно замѣчаніе Юма, именно, что въ послѣднихъ парламентахъ передъ революціей нижняя палата обладала втрое большимъ богатствомъ въ сравненіи съ верхней. Въ ихъ толкованіи это значитъ, что буржуазія стянула въ свои руки капиталъ страны, и съ этой поры ея торжество было обезпечено. Затронутая въ своихъ промышленныхъ интересахъ, стѣсненная въ своей предпріимчивости монополіями, произвольными арестами и конфискаціями, т.-е. остатками стараго права, стараго произвола, она поднялась въ послѣдній разъ и осуществила современный политическій и общественный порядокъ. Но только въ этотъ моментъ и появилась англійская нація. «До тѣхъ поръ каждый въ одиночку служилъ своему господину: никто не дѣлалъ ничего для равныхъ себѣ; была лишь разсѣянная масса. Промышленность соединила всѣхъ путемъ взаимныхъ услугъ; промышленность внушила имъ жажду общей свободы».

Никто изъ либеральныхъ историковъ не подчеркивалъ въ такой мѣрѣ *матеріальнаго фактора*, экономическаго мотива въ основѣ соціально-политической борьбы, какъ Тьерри. Онъ не даромъ одно время былъ оторванъ отъ историческаго изученія и «поглощенъ теоріями соціальнаго строенія, вопросами управленія и политической экономіи»— глухой намекъ на школу, пройденную подъ руководствомъ С.-Симона. Эта школа сближаетъ Тьерри съ современными намъ толкованіями соціальнаго процесса.

Но въ то же время мы въ настоящее время ясно чувствуемъ натяжку, когда Тьерри и его поколѣніе историковъ начинаютъ отождествлять классы съ расами и соціальные интересы съ этнографическими признаками или племенными традиціями. Образованіе расъ въ нашихъ глазахъ—фактъ, съ одной стороны, болѣе старый, въ своихъ первыхъ фазахъ ускользающій отъ глазъ исторіи, съ другой — постоянно продолжающійся, незаконченный и во всякомъ случаѣ чуждый группировкамъ классовыхъ интересовъ. Мы уже не можемъ въ настоящее время допустить неподвижности расъ. Отыскивая физическую основу тѣхъ или другихъ формъ организаціи труда, мы не остановимся уже на племенныхъ особенностяхъ: мы станемъ присматриваться

къ географическимъ условіямъ, устройству поверхности, характеру почвы, климата, господствующей флорѣ и фаунѣ страны и т. д.

Не можемъ мы теперь также сводить и явленія соціальной іерархіи, ступени лѣстницы классовъ, формы владѣнія и зависимости, господства и службы на простой фактъ вторженія бродячаго иноплеменнаго войска, обращающаго туземное осѣдлое населеніе въ своихъ крѣпостныхъ. Какъ для насъ нѣтъ «чистыхъ» расъ, такъ нѣтъ и подобнаго чисто завоевательнаго происхожденія собственности и подчиненнаго труда. Мы знаемъ, что неравенство, зависимость и господство возникаютъ въ странѣ помимо появленія новыхъ завоевательныхъ группъ отъ разнообразныхъ условій, принадлежности лицъ къ болѣе или менѣе значительному родственному или иному союзу, отъ захвата лучшихъ земель и т. д.

Въ своей картинѣ жизни Жака до прихода германцевъ Тьерри забылъ одинъ важный фактъ—наличность крупныхъ владѣльцевъ, галло-римскихъ поссессоровъ, у которыхъ уже были крѣпостные и притомъ одноплеменные съ ними: среда «жаковъ» сама была уже глубоко расколота на господъ и сервовъ. Конечно, многіе галльскіе господа уступили пришлымъ воинамъ свои имѣнія и людей; но другіе остались на мѣстахъ и вошли въ среду новыхъ правителей; формы владѣнія и подчиненія не вновь создались среди катастрофы вторженія, а остались въ значительной мѣрѣ прежнія.

Наконецъ и пришельцы не представляются намъ болѣе однородной массой въ видѣ какой-то полудикой крестьянской демократіи, которая превращается на завоеванной землѣ въ рыцарскую демократію и воцаряется надъ массой, лишенной «публичнаго права». Этотъ романтическій взглядъ, примыкавшій къ старинному предразсудку дворянъ, будто свобода вмѣстѣ съ ихъ предками вышла изъ лѣсовъ Германіи, эта идиллія первоначальной общины равныхъ, нарисованная пессимистически-реакціонной фантазіей Тацита, не удовлетворяетъ насъ болѣе. Не крестьяниномъ былъ голубоглазый великанъ, лежавшій по цѣлымъ днямъ на медвѣжьей шкурѣ, говоритъ современный нѣмецкій историкъ, а помѣщикомъ, у котораго были крѣпостные. Въ этой тучѣ сѣверныхъ варваровъ уже съ перваго взгляда мы можемъ разобрать различія: въ войскѣ впереди ѣхали конники, или шли воины въ металлическомъ вооруженіи, отъ которыхъ рѣзко отдѣлялись люди съ деревянными дротиками и каменными топорами. Процессъ раздѣленія богатыхъ и бѣдныхъ начался и здѣсь уже давно. Такимъ образомъ и въ средѣ пришлыхъ людей часть была уже сама въ жалкомъ подчиненномъ положеніи, когда сѣла на новой землѣ.

Тьерри и историки его времени не видѣли этого не потому только, что не располагали нашимъ этнографическимъ, археологическимъ и другимъ матеріалами. Въ ихъ формулахъ отражалось вліяніе болѣе общаго факта. Ихъ зрѣніе было подчинено рамкамъ, которыя давала современная имъ борьба интересовъ. Стоявшія передъ ихъ глазами

двѣ большія соціальныя группы современности они проектировали на всѣ 17—20 вѣковъ назадъ до времени Цезаря и Тацита. Они видѣли передъ собой точно двѣ огромныя соціальныя фамиліи, и поднимались отъ нихъ по двумъ родословнымъ древамъ къ двумъ ясно различимымъ, какъ они думали, предкамъ. Очень скоро сама дѣйствительность въ новѣйшей Европѣ должна была научить ихъ различать болѣе, чѣмъ двѣ только соціальныя семьи, и наблюдать самыя разнообразныя скрещиванія между ними.

Тьерри принялся энергично за выполненіе своей общей задачи на примѣрѣ Англіи. Такъ произошла его первая крупная работа—«Исторія завоеванія Англіи норманнами». Въ ней много плебейской романтики; возникшая подъ вліяніемъ Вальтеръ Скота, она сама скорѣе всего историческій романъ изъ средневѣковой жизни. Ея возвышенныя трагическія и трогательныя картины невозможно забыть.

Но это была работа, которую историкъ не могъ кончить. Въ англійской исторіи отчетливо выдѣлялось завоеваніе: но дальнѣйшій ходъ англійскаго соціально-политическаго развитія никакъ нельзя было подвести подъ формулу торжества буржуазіи. Это чувствовалъ Тьерри. Притомъ вѣдь Англія должна была служить лишь зеркаломъ Франціи. только давать для заполненія общей соціологической схемы болѣе яркія иллюстраціи тамъ, гдѣ ихъ не давала Франція. Для того, чтобы рѣшить вторую половину своей научно-исторической проблемы—представить возрожденіе буржуазіи, Тьерри долженъ былъ прямо обратиться къ Франціи.

«Раздался кличъ по всему протяженію цивилизованнаго общества, нетерпѣливо желавшаго сбросить съ себя путы, и Европа внезапно усѣялась новыми націями, чуждыми всему тому, что жило кругомъ нихъ и стремившимися другъ къ другу, чтобы возсоединиться». «Наши предки были близки къ современнымъ американскимъ нравамъ; они обладали простотой, здравымъ смысломъ и гражданскимъ мужествомъ. Вся Европа шесть вѣковъ тому назадъ стала бы свободной, если бы это зависѣло отъ этихъ свободныхъ людей. Если же то, чего они хотѣли, не случилось, вина была не ихъ, а времени; варварство было слишкомъ живуче; оно вездѣ пустило корни... Они не могли пробиться чрезъ массу дикихъ и воинственныхъ людей, которые ихъ окружали».

Эти слова написалъ двадцати-двухлѣтній Тьерри въ радикальномъ журналѣ Censeur européen въ 1817 году. Черезъ 10 лѣтъ онъ выпустилъ свои «Письма по исторіи Франціи», главное содержаніе которыхъ—исторія возстанія городовъ и образованіе коммунъ въ XII—XIII вв., «величайшее соціальное движеніе, какое только было отъ установленія христіанства до французской революціи».

Въ этотъ сюжетъ историкъ третьяго сословія внесъ своеобразную черту. Онъ изобразилъ первые зачатки современнаго европейскаго общества, обнаружившіеся въ коммунахъ средневѣковой Франціи, въ

видѣ какой-то почти религіозной общины; герои коммунальныхъ возстаній у него выступаютъ мучениками небольшой когда-то, самоотверженной паствы, которая теперь разрослась и захватила весь культурный міръ. Именно религіозное чувство благоговѣнія къ святымъ основателямъ церкви, какое могъ испытывать какой-нибудь средневѣковой составитель мартиролога, пробивается и у Тьерри въ его колоритныхъ, драматическихъ и трогательныхъ разсказахъ о судьбахъ мятежныхъ коммунъ.

Вотъ, напримѣръ, въ исторіи Лана онъ останавливается на эпизодѣ 1128 года, когда при посредничествѣ короля, возставшій городъ заключилъ договоръ съ епископомъ, коммуна была признана и мятежники получили прощеніе. Только тринадцать именъ самыхъ ярыхъ противниковъ владыки были выключены отъ амнистіи. Тьерри обращается къ читателю: «я не знаю, раздѣлите ли вы со мною впечатлѣніе, которое я испытываю, занося темныя имена опальныхъ людей XII вѣка. Не могу удержаться, чтобы не перечитать ихъ и не произнести ихъ нѣсколько разъ, какъ будто эти имена могутъ раскрыть мнѣ тайну того, что чувствовали и чего хотѣли люди, носившіе ихъ 700 лѣтъ назадъ... Не могу равнодушно отнестись къ этимъ именамъ и ихъ краткой исторіи, этому единственному документу революціи, правда, очень далекой отъ насъ, но заставившей биться благородныя сердца и вызвавшей тѣ великія движенія души, которыя испытывали или раздѣляли мы всѣ въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ».

Современная научная мысль стоитъ далеко отъ этой драматизаціи городского движенія. Коммуна, республика воинственныхъ и независимыхъ горожанъ, для насъ вовсе не покрываетъ средневѣковаго города, даже не служитъ его типомъ. Мы знаемъ, что самостоятельный строй города былъ часто результатомъ соглашенія его обывателей съ мѣстнымъ владыкой, свѣтскимъ или духовнымъ, соглашенія, основаннаго на куплѣ-продажѣ, на выторговываніи и сдѣлкахъ. Множество городовъ составилось изъ слободъ, устроенныхъ самими господами, изъ рынковъ, заведенныхъ на крѣпостной землѣ, и большая часть такихъ городовъ совсѣмъ не видѣла свободы. Горожане и бароны вовсе не всегда воевали между собою, а много обмѣнивались услугами и товарами, если же воевали, то далеко не всегда оружіемъ, а нерѣдко мелкими и меркантильными средствами.

Историкъ буржуазнаго героизма не замѣчалъ этихъ явленій. Но въ его идеализаціи коммунъ звучитъ еще одинъ мотивъ. Молодой Тьерри выражалъ политическую программу тѣхъ круговъ, къ которымъ онъ примыкалъ въ такой формулѣ: «какое угодно правительство, но съ наивозможно большей суммой гарантіи для свободы личности и наивозможно меньшимъ административнымъ воздѣйствіемъ. А между тѣмъ, подъ знаменемъ общей вольности, отъ имени верховнаго народа правилъ недавно военный деспотъ, дорогу же ему показали якобинскіе демагоги, которые изъ центра держали въ трепетѣ остальную Францію».

На эту опасную крайность, созданную революціей, указывала теперь либеральная школа. Ея крупнѣйшій теоретикъ въ дни реставраціи, Ройе Колларъ, ставилъ на видъ, что революція, сокрушивъ старыя привилегіи и мѣстныя вольности во имя общенародной свободы, оставила на ногахъ лишь однѣ разсѣянныя личности. Французы въ 1816 г., говорилъ онъ, централизованы, т.-е. уединены другъ отъ друга. Они не граждане, они—«управляемые». Они потонули въ верховенствѣ; «уполномоченные верховной силы чистятъ у насъ улицы и зажигаютъ фонари». Парламентъ—сомнительная гарантія противъ новой сокрушительной мощи государства; по крайней мѣрѣ, въ своемъ современномъ видѣ, парламентъ, избираемый не самобытными группами, а случайными числовыми массами, представляетъ только новую форму политическаго господства надъ разрозненными индивидами.

У Тьерри вырывается та же жалоба. Въ настоящее время (эти слова относятся еще къ 1820 г.) Франція въ дѣйствительности не представлена. Ея составныя части лишены жизни, «бездыханны», а цѣлое ведетъ жизнь отвлеченную, до извѣстной степени лишь номинальную, какъ могло бы жить тѣло, всѣ члены котораго парализованы. Представительная форма хороша, когда она проведена снизу до верху. Должно начать съ представительныхъ учрежденій внутри городовъ, затѣмъ внутри областей. Національный парламентъ долженъ быть лишь вершиной массы поднимающихся ступенями представительныхъ группъ. Вотъ почему Тьерри считаетъ идеальной партіей въ эпоху революціи жирондистовъ, защищавшихъ мѣстную автономію, а политическимъ лозунгомъ современности провозглашаетъ федерализмъ.

Но опять-таки, за кого же исторія, за централизацію или за федерализмъ, въ какомъ изъ этихъ двухъ направленій шла искони Франція? Тьерри не сомнѣвается въ томъ, что истинныя старинныя традиціи за его политическій идеалъ. Исторія Франціи всегда работала въ духѣ федерализма, въ духѣ свободнаго соединенія самостоятельныхъ частей.

Основой этого нормальнаго для Франціи строя служила наличность нѣсколькихъ націй на ея почвѣ: бретонцевъ, норманновъ, провансальцевъ и т. д. Къ племенной и областной самостоятельности примкнула потомъ свобода городскихъ общинъ. Онѣ имѣли уже всѣ черты современныхъ свободныхъ государствъ. Когда, въ 1789 г., раздался призывъ къ «конституціи», въ немъ не было отреченія отъ того, что составляло индивидуальность въ старинной французской жизни; была только жажда болѣе прочной, болѣе простой гарантіи свободы, до тѣхъ поръ слишкомъ капризно, слишкомъ неравномѣрно распредѣленной по разнымъ клочкамъ страны.

Но депутаты 1789 г. пошли слишкомъ далеко: чтобы уничтожить неравенство и привилегіи, они раздробили территоріи и убили мѣстныя существованія. Еще моментъ спустя, изъ-за необходимости внѣшней защиты забыли о свободѣ, сорвалась «французская фурія», и сторон-

ники вольной федераціи, «истиннаго соціальнаго строя, зародышъ котораго лежалъ въ старинной Франціи», были повлечены на эшафотъ.

Эти признанія Тьерри чрезвычайно важны. Они показываютъ, какого поздняго происхожденія современный намъ націонализмъ. Большинству либераловъ эпохи Тьерри централизація, однообразныя политическія формы и политическія чувства на всемъ протяженіи страны внушаютъ сильное недовѣріе. Они потому и протестуютъ противъ господства Парижа, который стираетъ все, что колоритно, своеобразно, самобытно, который разсылаетъ свои приказы въ усыпленныя, впавшія въ ничтожество окраины. Тьерри точно боится слишкомъ легкаго перехода общефранцузскаго патріотизма въ якобинство, въ революціонно-деспотическую «фурію».

Національное единство, государственное верховенство — все равно, монарха или народа—вѣдь это тѣ страшныя слова, при помощи которыхъ установилась и военная имперія. Они означаютъ расщепленіе общества и подчиненіе разрозненныхъ составныхъ его единицъ одной огромной безличной машинѣ.

Любопытно, что формулы этого недовѣрія къ національно-политическимъ символамъ у либераловъ совпадаютъ съ феодально-реакціонными протестами. Галлеръ откровенно говоритъ, что патріотизмъ ничто иное, какъ «рабство, замаскированное великолѣпнымъ словомъ». Онъ осуждаетъ патріотизмъ, потому что видитъ въ немъ революцію.

Вотъ новое основаніе для сближенія реакціонной и либеральной романтики: старые города поэтизируются, какъ героическіе оплоты, какъ живыя малыя корпораціи, какъ здоровые организмы противъ бездушной силы огромнаго государственнаго аппарата.

III.

Пока историкъ готовилъ и разрабатывалъ «эпопею побѣжденныхъ» политическія судьбы Франціи мѣнялись. Соціальные круги, къ которымъ онъ принадлежалъ по своимъ симпатіямъ, не смотря на нѣкоторые возвраты реакціи, придвигались въ двадцатыхъ годахъ ближе и ближе къ власти. Въ то же время остывала политическая горячность Тьерри. Онъ признавался въ 1827 году, что «все еще любитъ свободу, но уже не тѣмъ нетерпѣливымъ чувствомъ, какъ раньше». Большинство людей, утѣшался онъ, умирало прежде, чѣмъ увидѣть осуществленіе того, что они антиципировали въ идеѣ. «Медленно идетъ міровая работа».

Но вотъ въ 1830 году совершился и переворотъ, который обратилъ въ дѣйствительность бо́льшую часть либеральной программы 1820 года. Съ устраненіемъ старой династіи установилось политическое руководительство состоятельныхъ буржуазныхъ слоевъ; прочно утвердился парламентаризмъ и свобода печати. Въ кругу друзей Тьерри перемѣна ощущалась особенно ясно. Талантливые профессора двадцатыхъ годовъ Гизо, Вильменъ, Кузэнъ и др., успѣвшіе, по выраженію Тьерри, под-

няться въ эпоху борьбы до степени соціальной силы, обратились послѣ 1830 года въ представителей власти: «новая школа» историковъ, сплотившаяся благодаря чернымъ днямъ, разсыпалась по всевозможнымъ административнымъ карьерамъ». Гизо сталъ министромъ, Кузэнъ по своему университетскому положенію превратился въ какого-то папу философіи, братъ Тьерри получилъ должность префекта и т. д.

Казалось, работа шести вѣковъ, возникшая въ скромныхъ общинахъ, долгая борьба, которую вела буржуазія, нашла теперь свое логическое и необходимое завершеніе. Тьерри вѣрилъ, что подвергавшійся кризису «союзъ между національнымъ преданіемъ и либеральными принципами вновь возстановился». Франція какъ будто получила наконецъ нормальную организацію; предшествующее ея развитіе нашло себѣ согласное наукѣ завершеніе.

Примиренный съ дѣйствительностью, историкъ либеральнаго направленія смягчалъ или даже забывалъ свои полемическія формулы въ изображеніи прошлаго. Онъ уходилъ въ чисто художественныя характеристики глубокой старины. Въ «Разсказахъ изъ исторіи Меровинговъ» широкой эпической кистью захвачены вмѣстѣ съ галльскими «подданными» и франки завоеватели, вызывавшіе у Тьерри раньше чувство, близкое къ ненависти, когда они служили въ литературѣ символомъ реакціонно-эмигрантскихъ притязаній. Воевать теперь было не съ кѣмъ.

Прежніе разговоры о необходимости реформировать историческую науку получили другой смыслъ. Борцы 1814—1830 годовъ требовали вскрытія конкретной правды, спрятанной подъ благозвучными, отвлеченными терминами «народъ», «монархъ», «государственная власть» и т. д. Они разумѣли подъ конкретнымъ опредѣленіемъ момента, политической группы или силы точную ихъ соціальную характеристику, потому что имъ надо было выдѣлить истинную роль класса, въ рядахъ котораго они стояли. Теперь *конкретизація* исторіи превращалась у Тьерри главнымъ образомъ въ техническую реформу, въ разработку художественнаго разсказа, въ изображеніе обстановки, деталей старины.

Тьерри чувствовалъ однако, что въ кругахъ, къ которымъ онъ примыкалъ, произошло нѣкоторое пониженіе общественныхъ идеаловъ. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ изданій «Dix ans», которое принадлежитъ тридцатымъ годамъ, Тьерри сдѣлалъ любопытную приписку: «если бы, съ тѣми убѣжденіями, которыя у меня были въ 24 года, я встрѣтился съ революціей 1830 года и ея политическими послѣдствіями, я бы навѣрно судилъ о ней пристрастно и пренебрежительно; возрастъ сдѣлалъ меня менѣе восторженнымъ въ отношеніи идей и болѣе снисходительнымъ къ фактамъ». Тьерри признавался вмѣстѣ съ тѣмъ, что событіе, столь счастливое въ политическомъ отношеніи, какъ іюльскій переворотъ 1830 года, произвело въ моральной и интеллектуальной области какую-то разслабленность воли и разрозненность стремленій.

Между тѣмъ Тьерри ждала обширная работа, повидимому, вполнѣ

покрывавшая соціально-историческую задачу его поколѣнія. Первое чисто буржуазное правительство задумало научное предпріятіе, которое должно было создать какъ бы историческій монументъ всему общественному классу, вышедшему теперь наверхъ. Это было изданіе огромнаго собранія документовъ по исторіи третьяго сословія, предположенное министерствомъ Гизо.

Кого же было всего лучше поставить во главѣ этого дѣла, какъ не восторженнаго лѣтописца коммунъ? Принимаясь за великую собирательную работу, Тьерри задумалъ вмѣстѣ съ тѣмъ соединить въ рядѣ образовъ всю славную судьбу, весь трудный путь развитія сословія, вынесшаго на своихъ плечахъ новую Францію. Этотъ путь и казался ему главной руководящей нитью французской исторіи. Съ точки зрѣнія роста, успѣховъ буржуазіи «исторія Франціи», говорилъ потомъ Тьерри, «поражала красотой единства и простоты. Я живо чувствовалъ величіе подобнаго зрѣлища...» Ему рисовалась своего рода философія исторіи Франціи отъ ея начала до новѣйшихъ временъ—въ свѣтѣ успѣховъ трудовой промышленной массы. Такъ слагалось содержаніе послѣдней работы Тьерри: «*Опыта исторіи происхожденія и успѣховъ третьяго сословія*».

Но на этой работѣ отразилось уже воздѣйствіе новыхъ соціальныхъ измѣненій эпохи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Крупная буржуазія, образовавъ своего рода привилегированную политическую группу и высшій административный слой, рѣзко отдѣлилась отъ остальной массы мѣщанства. Еще ниже складывался рабочій классъ; представители его въ 1830 году въ послѣдній разъ бились за чужое для нихъ дѣло, за политическій символъ конституціи, которая оставляла ихъ за чертой; теперь они волновались, выдвигая собственную программу, добиваясь прямого улучшенія своей участи. Навстрѣчу этимъ глухимъ протестамъ поднимались многочисленныя соціальныя утопіи, порожденія горячо работавшей религіозно-соціалистической фантазіи.

Недавніе борцы за плебейскую честь оказались теперь обладателями власти, они стали сами той аристократіей, противъ которой вооружилась новая масса неполноправныхъ. Открывалась новая невѣдомая борьба, какъ будто непредусмотрѣнная теченіемъ вѣковъ европейской исторіи. Новый расколъ грозилъ разразиться въ средѣ того культурнаго общества, которое такъ долго, такъ мучительно трудно готовилось къ выходу наверхъ, сквозь невѣжество и рабство, и которое, какъ увѣренно выражались его лучшіе представители, только что вступило въ положеніе окончательнаго торжества, въ «финальное» состояніе цивилизаціи.

Интеллектуальные руководители правящей буржуазіи готовы были бы сказать: вѣдь классовая борьба кончилась; представители капитала и работы вышли вѣдь изъ одной трудовой индустріальной плебейской семьи. Открывать внутри нея новую противоположность, вызывать

снова призракъ классовой борьбы—не значитъ ли разрѣзывать живое тѣло?

Буржуазный историкъ желалъ бы, конечно, найти въ новомъ кризисѣ лишь временное отклоненіе. Но событія могли его встревожить болѣе глубоко.

Прежде чѣмъ успѣла выйти книга Тьерри, произошла новая политическая катастрофа, вліяніе которой отмѣтило послѣдній фазисъ въ развитіи либеральной исторіографіи. Революціей 1848 года Тьерри былъ «потрясенъ вдвойнѣ, какъ гражданинъ и какъ историкъ. Силою этого переворота... исторія Франціи, казалось, была опрокинута такъ же, какъ сама Франція».

Въ февральскіе дни 1848 года сокрушился конституціонный порядокъ, который такъ недавно былъ объявленъ нормальнымъ строемъ Франціи. Королевская власть исчезла съ лица этой земли. Между тѣмъ въ исторической картинѣ либеральной школы монархія фигурировала въ качествѣ одной изъ великихъ основъ французской культуры.

Монархія служила въ глазахъ этой школы вѣковымъ показателемъ общественныхъ тенденцій. Она мѣняла нѣсколько разъ свою соціальную физіогномію, была сначала варварскимъ предводительствомъ, потомъ носила вотчинно-военныя черты, наконецъ, сближаясь все болѣе съ трудолюбивой предпріимчивой ротюрой, приняла характеръ великой уравнительной силы, усвоила пріемы индустріальнаго иниціатора; она стала, послѣ ряда колебаній, ошибокъ и возвратовъ, истинной выразительницей генія третьяго сословія. И вотъ теперь этотъ признанный символъ преобладанія буржуазіи, упраздненъ, сметенъ безслѣдно.

Демократическая волна однако не остановилась на этомъ сокрушеніи вершины соціально-политическаго порядка. Провозглашено было всеобщее избирательное право, и исчезало привилегированное положеніе высшихъ слоевъ буржуазіи. Еще нѣсколько мѣсяцевъ, и въ іюньскіе дни 1848 года рабочія массы грозно напомнили о себѣ: непримиримыми врагами стояли теперь другъ противъ друга старшіе и младшіе братья большой индустріальной семьи.

Созданная либеральной школой философія исторіи подрывалась въ корнѣ: казалось, поднявшіяся въ народѣ, до тѣхъ поръ темныя силы отвергали всю многовѣковую традицію, порывали съ исторіей; вычеркнувъ королевскую власть, онѣ отстраняли и руководительство высшихъ буржуазныхъ слоевъ.

Вотъ тѣ обстоятельства, среди которыхъ доканчивалась работа историка буржуазіи. Въ теченіе тридцати пяти лѣтъ (1814 — 1848) онъ пережилъ героическую борьбу ея во имя широкихъ политическихъ началъ, вершину ея торжества и ея моральное разслабленіе, и наконецъ, неожиданно быстрый трагическій исходъ режима индустріальной аристократіи. Была ли возможность научно разобраться въ этомъ опытѣ

поколѣнія, сложномъ, богатомъ перипетіями, полномъ поразительныхъ моментовъ?

Событія какъ бы требовали, чтобы историкъ произвелъ новый анализъ, новый разрѣзъ прошлаго. Расколъ въ современности былъ такъ силенъ, борьба такъ глубоко раздѣлила общественныя группы, что онъ могъ спрашивать себя, не было ли въ самой старинѣ серьезной розни, которой онъ не замѣтилъ? Не было ли издавна предвѣстій, злого кризиса? Не крылось ли давно уже противоположностей, несогласій внутри дома стараго Жака?

А если такъ, то опять, какъ въ старомъ спорѣ «праздныхъ» и «трудящихся», спрашивалось, не укажетъ ли историческая традиція правильнаго выхода изъ этой розни?

Поколѣніе, выдвинувшее въ свое время формулу борьбы классовъ, не умѣло ни примириться съ новымъ фактомъ, ни понять его. Непреклонный законникъ Гизо не хотѣлъ уступать и послѣ роковой катастрофы: нація, по его мнѣнію, глубоко погрѣшила противъ исторіи; раньше не было розни въ средѣ единаго третьяго сословія, и историкамъ не надо брать назадъ ни одного слова.

Тьерри не пошелъ такъ далеко. Онъ не могъ признать правильности политическихъ и соціальныхъ требованій новыхъ народныхъ классовъ, но онъ видѣлъ начало разлада, онъ видѣлъ трещины и въ старомъ соціальномъ укладѣ Франціи. Современныя явленія были великимъ бѣдствіемъ, но въ прошломъ можно было найти и виноватыхъ, и начало ошибокъ — вотъ что онъ думалъ.

Во-первыхъ, двѣ великія силы, создавшія новую Францію, третье сословіе и королевская власть, стали разлучаться, враждовать между собою еще за столѣтіе до первой революціи. Поэтому «восемнадцатый вѣкъ одинъ представляетъ исключеніе изъ закона нашего національнаго развитія: онъ внесъ недовѣріе и приготовилъ роковой разрывъ между третьимъ сословіемъ и королевской властью». Сословіе отказалось отъ своего вождя въ кризисѣ 1789 года и этимъ подорвало монархическія учрежденія разъ навсегда.

Во-вторыхъ, и въ самомъ корпусѣ третьяго сословія поднимались не разъ внутренніе споры. Надо въ немъ различать косныя пассивныя массы и болѣе благородные интеллигентные руководящіе слои, составлявшіе какъ бы нервную систему огромнаго организма. Первыя были далеки отъ пониманія соціальныхъ задачъ; по временамъ они выбивались изъ необходимаго повиновенія вождямъ и тогда разливались дикой разрушительной силой. Таково было движеніе Жаковъ въ началѣ Столѣтней войны (въ 1357 г.), разъяренныхъ крестьянъ, временныхъ, но роковыхъ союзниковъ парижской буржуазіи, которая готовилась подарить Франціи гражданское равенство и политическую свободу за $4^1/_2$ вѣка до революціи. Лишенные всякой разумной цѣли, Жаки только помѣшали этому великому дѣлу.

Вотъ все, что умѣлъ теперь сказать о простонародьѣ историкъ, когда-то вдохновившійся именемъ Жака Бонома, написавшій «Яшѣ простачку» энергичную и горячую защиту. Герой, на которомъ онъ теперь останавливался, былъ не народъ, не олицетворенный трудъ; это была фигура предпріимчиваго и безпощаднаго организатора, демагога изъ купеческой аристократіи, Этьена Марселя. Отъ стараго демократизма Тьерри остался лишь красный лоскутъ на трехцвѣтномъ знамени.

По всей *Исторіи третьяго сословія* Тьерри идетъ разрѣзъ между этими двумя народными группами. Собственно «народъ» въ послѣднемъ трудѣ его служитъ обозначеніемъ одной темной массы. «Народъ» былъ полезенъ лишь въ тѣ моменты, когда поддерживалъ буржуазную аристократію, людей капитала, ума и таланта, направлявшихъ Францію къ ея новому соціальному строю. Какъ только масса отклонялась отъ цѣлей, указанныхъ ей свыше, она гибла сама и губила общественное дѣло.

Такимъ образомъ соціальная борьба, открывшаяся въ 30 — 40 годахъ XIX вѣка, научила наблюдателя дѣлить и въ историческомъ прошломъ третье сословіе, казавшееся раньше столь компактнымъ цѣлымъ, на классы. Этимъ разрушалась цѣльность историческаго міровоззрѣнія, выставленнаго либеральной школой: нельзя было больше говорить о финальномъ состояніи культуры XIX вѣка, о «великомъ единственномъ въ своемъ родѣ фактѣ» роста единаго третьяго сословія, которое готовило это торжество культуры.

Трагическая личная судьба Тьерри объясняетъ многое въ этомъ крушеніи философско-исторической системы, въ этой узости, этомъ ослѣпленіи когда-то демократическаго историка, бывшаго ученикомъ соціалиста-романтика. Тьерри ослѣпъ въ настоящемъ смыслѣ слова еще въ 1825 году отъ чрезмѣрно напряженнаго труда, вскорѣ послѣ этого былъ разбитъ параличемъ, и въ этомъ тяжеломъ состояніи, «заключивъ дружбу съ мракомъ», отрѣзанный отъ живой дѣйствительности, прожилъ послѣднія 30 лѣтъ жизни. При этихъ условіяхъ слишкомъ понятна остановка его мысли, неподвижность его сужденія. Простительна и другая слабость, отъ которой съ изумленіемъ отвернулся бы энергичный борецъ 1814—1820 годовъ. Старый, больной Тьерри отдался мистицизму, сталъ прислушиваться къ католическимъ мотивамъ, хотя, какъ увѣряютъ его друзья, до конца отказывался отъ явныхъ символическихъ актовъ обращенія.

Въ этихъ старческихъ предсмертныхъ уступкахъ Тьерри можно видѣть отзвуки той соціальной реакціи, которая выражается въ католическомъ возрожденіи 40—50-хъ годовъ XIX столѣтія. Во всякомъ случаѣ жизнь и дѣло крупнаго носителя идей поколѣнія десятыхъ и двадцатыхъ годовъ приходили къ концу, исчерпывали свое содержаніе. Тьерри со скорбью смотрѣлъ на послѣднія событія, будущее страшило его своею неизвѣстностью, такъ какъ ему измѣнялъ, отказывалъ въ помощи опытъ вѣковъ или то, что онъ считалъ за таковой опытъ.

Спокойнѣе и можетъ быть, даже болѣе благопріятно взглянемъ мы теперь на научное наслѣдство, оставленное этимъ поколѣніемъ, на общіе пріемы и результаты работы Тьерри. Вѣдь въ его трудѣ положены были основанія *соціальной исторіи*. Онъ ясно формулировалъ и главное явленіе соціально-историческаго процесса, подъ именемъ «*борьбы классовъ*». Представленія о классахъ, объ элементахъ ихъ происхожденія и организаціи, представленія о содержаніи борьбы были въ первой половинѣ XIX вѣка, разумѣется, иныя, чѣмъ стали во второй. Но оригинальное созданіе общаго соціально-историческаго метода принадлежитъ первой изъ этихъ двухъ эпохъ.

Р. Випперъ.

ЗИМОЙ.

I.

Нѣтъ солнца!.. Такъ темно!
И въ небѣ, и въ душѣ ни звука, ни сіянья
И просится зимы холодное дыханье
Въ замерзшее окно.

* * *

Нѣтъ солнца... нѣтъ цвѣтовъ!..
Въ угрюмомъ мракѣ стѣнъ согрѣться не могу я...
И больно мнѣ, когда проснется пѣснь тоскуя,
Чтобъ оборваться вновь...

II.

Страшенъ зимній покой...
Ночь холодная землю покрыла
Неподвижною мглой...
Ночь холодная пѣсни убила...
Сердце ихъ глубокò схоронило,
И разбудитъ слезами весной!..

* * *

Страшенъ вѣчный покой...
Страшны смерти холодныя руки.
За могильной стѣной—
Нѣтъ зато ни страданій, ни муки,
И въ странѣ, гдѣ ни слезъ, ни разлуки—
Вновь я встрѣчусь, мой милый, съ тобой!..

Г. Галина.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Сибирскіе разсказы» г. Короленки.—Повѣсть о замерзшей совѣсти.—«Искорки» г. Рубакина. — Могутъ ли найденныя имъ «искорки» разгорѣться въ большое пламя.—Сорокалѣтіе смерти Тараса Шевченки.—Памяти В. А. Манасеина.

Вопросъ о совѣсти одинъ изъ самыхъ жгучихъ въ русской литературѣ, которая никогда не переставала его возбуждать, обсуждать и тревожить этимъ совѣсть читателя. Ни въ одной литературѣ онъ не занималъ и не занимаетъ такого мѣста, можетъ быть, именно потому, что нигдѣ для совѣсти не отведено такъ мало мѣста въ жизни, какъ у насъ. Правда, нигдѣ не приходится такъ часто слышать—«по совѣсти», «по божьи», но, къ сожалѣнію, эти слова больше служатъ для «очистки совѣсти», чѣмъ по существу для «правильной» жизни. И происходитъ это вовсе не потому, чтобы мы были нарочито лицемѣрны или криводушны болѣе, чѣмъ «другія-прочія націи», скорѣе, напротивъ, мы все еще слишкомъ наивны, чтобы сознательно лицемѣрить и криводушничать, и нашъ «Тартюфъ» всегда пренаивно выдаетъ себя кончикомъ волчьяго уха, какъ въ общественной жизни, такъ и въ международныхъ отношеніяхъ. Но дѣло въ томъ, что совѣсть, какъ соціальное чувство, только и можетъ быть крѣпка тамъ, гдѣ создались для нея крѣпкіе общественные устои. Намъ же приходится каждому порознь отстаивать ея право на существованіе, и литература пока единственная область, гдѣ совѣсть выступаетъ не какъ личный вопросъ, а какъ вопросъ общественный, вопросъ огромной важности, предъ которымъ стушевываются всѣ остальные. Начиная съ Гоголя и до Толстого включительно, литература продолжаетъ будить нашу совѣсть, въ мощныхъ образахъ рисуя борьбу совѣсти и ея пораженія. «Пропала совѣсть»—угрюмо заявилъ когда-то Щедринъ въ одной изъ удивительныхъ своихъ сказокъ. Теперь Вл. Короленко въ прелестномъ разсказѣ «Морозъ» далъ потрясающую картину, какъ совѣсть можетъ «замерзнуть». Мѣсто дѣйствія—далекій уголъ Сибири, но значеніе разсказа выходитъ далеко за мѣстные предѣлы, и, какъ всякое истинно художественное произведеніе, разсказъ получаетъ глубокій символическій смыслъ.

Въ чудныхъ картинахъ далекаго сѣвера, на которыя такой мастеръ г. Короленко, онъ описываетъ борьбу природы съ надвигающимся суровымъ царемъ этихъ гиблыхъ мѣстъ—морозомъ. По дорогѣ автору приходится наблюдать яркую картинку изъ жизни животныхъ, своего рода драму вѣчной борьбы за существованіе,—переправу двухъ дикихъ козъ черезъ замерзающую Лену. Свидѣтели этой героической переправы, товарищъ разсказчика и ямщики, пораженные смѣлостью и ловкостью этихъ животныхъ, великодушно пропускаютъ ихъ мимо, и этотъ эпизодъ служитъ поводомъ для спутника автора разсказать другую драму, въ которой ему пришлось быть актеромъ,—драму человѣческой совѣсти, мрачную и унылую, которая трагически закончилась гибелью двухъ людей.

«— Думали ли вы когда-нибудь, что въ человѣкѣ можетъ замерзнуть, напр., совѣсть?»—говоритъ этотъ спутникъ и въ подтвержденіе описываетъ случай, бывшій съ нимъ въ его поѣздкѣ по Сибири.

«— Я ѣхалъ,—разсказываетъ онъ,—съ товарищемъ-полякомъ, изъ ссыльныхъ. Онъ участвовалъ въ извѣстномъ возстаніи на кругобайкальской дорогѣ и былъ раненъ. Усмиряли ихъ тогда жестоко, и у него на всю жизнь остались на рукахъ и ногахъ слѣды желѣза: ихъ вели въ кандалахъ безъ подкандальниковъ по морозу... Отъ этого онъ былъ очень чувствителенъ къ холоду... И вообще существо это было хлипкое, слабое, въ чемъ душа, какъ говорится, но въ этомъ маленькомъ тѣлѣ былъ темпераментъ прямо огромный. И вообще весь онъ былъ созданъ изъ странныхъ противорѣчій... Фамилія его была Игнатовичъ...» Идеалистъ и романтикъ, по словамъ разсказчика, Игнатовичъ пережилъ много разочарованій, заставившихъ его во многомъ извѣриться, главное—въ человѣкѣ, котораго онъ въ минуты особеннаго остраго пессимизма, ставилъ ниже животныхъ. Ихъ онъ любилъ и постоянно возился съ ними, подбирая больныхъ птицъ и другихъ потерпѣвшихъ животныхъ. «Онъ не только признавалъ въ нихъ умъ, понятіе, соображеніе, совѣсть, но даже считалъ эти стороны интеллекта исключительной ихъ принадлежностью, совершенно чуждой человѣку... При этомъ онъ становился дьявольски, невыносимо остроуменъ и саркастиченъ, и порой, когда мнѣ некуда было скрыться въ періоды его мизантропіи, я совершенно изнемогалъ подъ градомъ его парадоксовъ и начиналъ, право же, чувствовать себя дѣйствительно ниже всякаго скота, въ то время, какъ какая-нибудь собака со спиной, перешибленной полѣномъ досужаго бездѣльника,—казалась мнѣ чуть не сознательнымъ страдальцемъ и философомъ...»

Съ этимъ, надломленнымъ жизнью существомъ, разсказчику пришлось ѣхать на отдаленные пріиски. Дорогою ихъ застигаетъ настоящій сибирскій морозъ, отъ котораго «дыханія не хватаетъ, моргнешь глазами — между рѣсницами протягиваются тонкія льдинки, холодъ забирается подъ одежду, потомъ въ мускулы, въ кости, до мозга костей, какъ говорится, и говорится не даромъ... Васъ охватываетъ дрожь, какая-то внутренняя, пронизывающая, непріятная и даже, право, унизительная... Настроеніе мѣняется, впечатлѣнія постепенно тускнѣютъ, люди кажутся непріятнѣе... Самъ себѣ тоже становишься противенъ... Въ концѣ концовъ, закутываешься какъ можно плотнѣе, садишься поудобнѣе и стараешься объ одномъ: какъ можно меньше движеній, какъ можно меньше мыслей... организмъ инстинктивно избѣгаетъ всякой траты... Сидишь и понемногу стынешь, и ждешь съ какимъ-то испугомъ, когда кончатся эти ужасные 40—50-верстные перегоны...» На одномъ изъ такихъ убійственныхъ перегоновъ, когда однообразіе пути и морозъ сковали, казалось, всѣ чувства путниковъ, имъ попался странный, одинокій, затерянный въ лѣсу человѣкъ. «Въ одномъ мѣстѣ въ глаза мнѣ попало неожиданное впечатлѣніе: невдалекѣ отъ дороги вился тонкій дымокъ между валежникомъ. На пнѣ сидѣлъ человѣкъ, и его фигура одна чернѣла среди общей бѣлизны темнымъ пятномъ... Надъ нимъ со всѣхъ сторонъ свѣсились мохнатыя лапы лѣсной заросли... вверху еще освѣщенныя солнцемъ, внизу уже охваченныя сумракомъ наступающей ночи. Зрѣлище, должно быть, было волшебно красиво и фантастично... Но оно промелькнуло мимо моего неподвижнаго взгляда... Въ послѣднее мгновеніе мнѣ показалось, что фигура шевельнулась, и что это движеніе имѣло какое-то отношеніе къ намъ, къ нашему суетливому колокольчику, къ нашему быстрому движенію. Но я не повернулъ головы, не повелъ глазами. Видѣніе проплыло и исчезло, и впечатлѣнія плыли къ сознанію застывшія, мертвыя, неподвижныя, ничего въ немъ не будя и не шевеля воображенія». Ямщикъ, повернувшись къ намъ, сказалъ что-то, указывая на фигуру, на пнѣ, но все это мелькнуло какъ сонъ, не вызвавъ никакой мысли, никакого движенія въ душѣ. Мой спутникъ зашевелился и тоже издалъ какой-то звукъ. Кажется, онъ сердито торопилъ ямщика».

Такъ промелькнуло это видѣніе, не оставивъ, повидимому, никакого слѣда

въ душѣ, замерзшей отъ пронизывающаго холода. И, можетъ быть, въ людяхъ съ менѣе чуткою совѣстью не осталось бы даже воспоминанія объ этой встрѣчѣ, какъ не остается ничего отъ странныхъ сновъ, тревожныхъ кошмаровъ, которые мучатъ иногда съ такимъ реализмомъ, и тѣмъ не менѣе, нельзя вспомнить потомъ ни одной реальной черточки. Но въ данномъ случаѣ это былъ не сонъ, и люди, встрѣтившіе эту одинокую фигуру, были слишкомъ чутки, чтобы не произошла реакція въ ихъ душѣ, только подавленной и застывшей отъ сильнаго физическаго страданія. Моментъ пробужденія души составляетъ центральное мѣсто разсказа, лучшее по красотѣ и силѣ описанія того душевнаго процесса, который съ неумолимой ясностью освѣтилъ всѣ самые темные уголки души обоихъ путниковъ, тѣ таинственные и мрачные уголки, куда отступаетъ и гдѣ прячется отъ голоса совѣсти человѣческое «я», трепещущее, робкое, пристыженное собственнымъ ничтожествомъ, черствостью и трусостью. Пріѣхавъ на станокъ, путники обогрѣлись и улеглись спать, перекинувшись нѣсколькими замѣчаніями о наступающей снѣжной бурѣ, шумѣвшей снаружи. Но теплота, покой и сонъ возстановили нормальную жизнь тѣла, а вмѣстѣ съ нимъ и души, и вотъ внутри «что-то оттаяло... и распустилось»... Какъ на яву, съ поразительной яркостью встала сцена, видѣнная въ лѣсу, вспомнилась до мелочей фигура человѣка, одинокая, затерянная, послышались слова ямщика, поясняшаго, что это рабочій съ пріисковъ, который «убился» гдѣ-то тамъ на работѣ и теперь пѣшкомъ возвращается домой, — и отъ этихъ воспоминаній «въ груди что-то мучительно заныло». «Я невольно застоналъ и закрылъ глаза. Огонь въ каминѣ почти догорѣлъ. На дворѣ все еще тянулъ вѣтеръ, надо мной наклонилось лицо моего спутника. Никогда въ моей жизни, ни прежде, ни послѣ, я не видѣлъ ничего ужаснѣе этого лица, освѣщеннаго трепетнымъ пламенемъ камина... Оно было совершенно искажено выраженіемъ ужаса и какъ-будто мучительнаго вопроса. Нижняя челюсть его дрожала, зубы стучали, какъ-будто отъ озноба...

«— Что такое? Ради Бога?—спросилъ я, подымаясь...

«— Вы не знаете?—спросилъ онъ, глядя на меня своими ужасными, помутнѣвшими глазами.—Скажите, развѣ это... былъ только сонъ?

«— Что именно?

«— То, отчего вы сейчасъ застонали и проснулись?—сказалъ онъ рѣзко и затѣмъ подозрительно взглянулъ на меня. И видя, что я не отвѣчаю, онъ все такъ же подозрительно всматривался мнѣ въ лицо.—Вы не замѣтили вчера, въ лѣсу... человѣка?..

«Я промолчалъ и невольно отвелъ глаза.

«— Послушайте,—заговорилъ онъ,—скажите мнѣ что нибудь... Я еще думаю, что это былъ сонъ... Вѣдь не можетъ быть, чтобы это было на яву!.. Чтобы мы...

«— Да вѣдь это и былъ почти сонъ...—сказалъ я—Морозъ такъ притупляетъ впечатлѣнія...

Онъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе и сразу сѣлъ на свое мѣсто; глаза его странно сверкнули...

«— Правда?..—сказалъ онъ жалобно, и потомъ вдругъ прибавилъ съ дикой энергіей:—Не лгите! Не изворачивайтесь... Я тоже лгалъ... Я зналъ, что это было на яву... Мы все видѣли... все... Этотъ человѣкъ подымался, онъ хотѣлъ что-то крикнуть... Вы это знаете, и я знаю, и тогда зналъ... — Вы будете подыскивать оправданія... Совѣсть замерзла. О, это всегда такъ бываетъ: стоитъ понизиться на два градуса температурѣ тѣла, и совѣсть замерзаетъ... законъ природы... Не замерзаетъ только соображеніе о своихъ удобствахъ и подлое, фарисейское лицемѣріе... О, какая низость»...

Подъ вліяніемъ возставшей совѣсти оба бросились спасать оставленнаго ими

*

путника, котораго разсказчикъ и нашелъ уже замерзшимъ. Но товарищъ его, охваченный негодованіемъ и горечью раскаянія, погибаетъ и самъ, отправившись впередъ пѣшкомъ, безъ одежды, безъ людей, безъ силъ, лишь бы сдѣлать что-нибудь, и даже въ противоположную сторону. По словамъ разсказчика, «ему просто стало невыносимо... Мнѣ порой приходитъ въ голову, что онъ... казнилъ въ себѣ подлую человѣческую природу, въ которой совѣсть можетъ замерзнуть при пониженіи температуры тѣла на 2 градуса... Романтикъ казнилъ матеріалиста»...

«Подлую»—это сильно сказано, но, пожалуй, справедливо. Разсказанный случай развѣ такъ исключителенъ? Глубокая правда въ этихъ жестокихъ словахъ, что стоитъ понизиться температурѣ на два градуса, и все въ насъ замерзаетъ, кромѣ «соображенія о собственныхъ удобствахъ». По мѣрѣ того, какъ замерзаетъ совѣсть, начинается работа скрытыхъ силъ животной стороны человѣка, и рѣшителемъ дѣйствій является подлый страхъ. Нѣтъ предѣловъ низости, до которыхъ можетъ дойти человѣкъ въ такіе моменты. Сколько примѣровъ мы видѣли, какъ стоитъ понизиться температурѣ общественной жизни и какое великое предательство начинаетъ руководить людьми въ поступкахъ! Самыя великія связи нарушаются, топчется въ грязь все, чему еще такъ недавно поклонялись, и лицемѣріе, соображеніе о своихъ удобствахъ заслоняетъ міръ...

Какъ и разсказчикъ, повѣствующій автору о замерзшей повѣсти, мы «изворачиваемся», сочиняемъ оправданія, сваливаемъ вину на «обстоятельства» и многимъ почти удается обѣлить себя въ собственныхъ глазахъ. Болѣе слабыя, но и болѣе чуткія натуры гибнутъ, какъ его товарищъ, безъ пользы для дѣла, «казнятъ» себя за подлости человѣческой натуры. И все же ихъ погибель это своего рода торжество лучшихъ сторонъ той же натуры, торжество, которое даетъ надежду на возможность иной жизни, гдѣ не придется «замерзать совѣсти».

Она—страшная сила, эта совѣсть, ее можно заморозить, можно подавить, опутать лицемѣрными оправданіями, и все-таки въ концѣ концовъ послѣднее слово остается за нею. Кто способенъ подъ вліяніемъ ея «казнить» себя, способенъ и на борьбу во имя совѣсти съ тѣми темными силами, что застилаютъ свѣтъ и понижаютъ температуру. Смерть этого бѣднаго «романтика» гармонически заканчиваетъ повѣсть, какъ послѣдній аккордъ симфоніи. Она успокаиваетъ возмущенную душу читателя, словно обѣтованіе лучшихъ дней, когда разъ «оттаявшая» совѣсть уже не замерзнетъ, найдетъ въ себѣ самой достаточно огня, чтобы согрѣть окружающую атмосферу, гдѣ гибнутъ не только одинокія, затерянныя фигуры, но цѣлыя массы людей, живущихъ въ безпросвѣтной мглѣ.

И какъ чудодѣйственно вліяетъ «оттаявшая» совѣсть на все окружающее! Мрачный, холодный, застывшій станокъ, гдѣ видѣли и знали, какъ «убившійся» на пріискахъ рабочій побрелъ одиноко въ лѣсъ, ожилъ, встрепенулся и разомъ двинулся на помощь тому же одинокому страннику. Когда разсказчикъ, желая ускорить помощь, предложилъ денегъ, староста съ досадой замѣтилъ ему: «Эхъ, господинъ, совѣсть у тебя есть, а ума мало... Безъ денегъ-то бы, пожалуй, лучше было... Я ужъ хотѣлъ объявить нарядъ, а теперь пойдетъ склёка». И тотъ же староста, когда склёка дѣйствительно началась изъ-за предложенныхъ денегъ, рѣшаетъ вопросъ однимъ порывомъ: «Братцы, видитъ Богъ, святая Владычица... Я отказываюсь... Не надо денегъ... Я ѣду не въ зачетъ, безъ очереди... Когда Господь ежели поможетъ,—оставьте свои деньги, господинъ... Свѣчку, когда что, поставите...»

Совѣсть, проснувшаяся въ одномъ, дѣйствуетъ такъ же заразительно, какъ трусость или предательство, производящія панику. Геройская жертва вызываетъ такой подъемъ общественнаго духа, что волна его опрокидываетъ на своемъ пути всѣ тѣ преграды низости, которыя еще такъ недавно казались незыблемыми. Удушающая атмосфера «соображеній о своихъ удобствахъ и подлаго

фарисейскаго лицемѣрія» вовсе не такъ ужъ сильна и устойчива. Она кажется такою лишь тогда, когда все кругомъ «замерзло», подавлено холодомъ, сжалось въ узкихъ предѣлахъ себялюбія и жалкихъ повседневныхъ заботъ, шкурныхъ интересовъ и нищенскихъ исканій хлѣба насущнаго. Но только одинъ искренній порывъ къ высшей правдѣ, сильный голосъ неустрашимой совѣсти—и мгла эгоизма разсѣяна, потому что люди все-таки люди, и «торжествующая свинья» не въ силахъ убить въ нихъ окончательно, вытравить въ сердцахъ человѣческія чувства. На этомъ зиждется слава героевъ, они утверждаютъ нашу вѣру въ силу правды, завѣщанной человѣчеству свыше: «нѣтъ выше любви, какъ жизнь свою положить за другихъ». Они, какъ благодатный вѣтеръ, разрывающій завѣсу тучъ и прочищающій путь лучамъ солнца. Они какъ плодотворный дождь, освѣжающій изсохшую ниву. Они какъ огонь, согрѣвающій душу, застывшую въ мракѣ отъ холода и пустоты. Они—свѣтильники, поставляемые на горѣ, чтобы указывать путь къ истинѣ и ободрять павшихъ духомъ. Они—соль земли, безъ которой жизнь теряетъ вкусъ и превращается въ прѣсную пошлость будничной суматохи, безцѣльной и мертвой...

И велика заслуга писателя, который въ чудныхъ образахъ открываетъ намъ эту правду жизни. Повѣсть г. Короленки о замерзшей совѣсти несомнѣнно принадлежитъ къ числу такихъ произведеній, которыя проникаютъ до дна души читателя и изъ-подъ наноса всяческой житейской грязи вызываютъ на свѣтъ чистѣйшія искорки любви и высшихъ стремленій, неистребимыхъ и неискоренимыхъ...

Объ «искоркахъ» повѣствуетъ и г. Рубакинъ въ своихъ интересныхъ очеркахъ и наблюденіяхъ публициста.

Если разсказъ г. Короленко дѣйствуетъ какъ чудная картина жизни, властно захватывая душу и покоряя ее, то, конечно, въ очеркахъ г. Рубакина ничего подобнаго мы не найдемъ. Предъ нами не художникъ, все проницающимъ лучемъ своего таланта освѣщающій жизнь, а только человѣкъ, не лишенный способности наблюдать и видѣть то, что ускользаетъ отъ вниманія равнодушной толпы. Интересъ его очерковъ именно въ наблюденіи, а никакъ не въ передачѣ или освѣщеніи. Тамъ, гдѣ авторъ пускается въ «беллетристику», получаются вымученные и неестественные образы, аляповатые по формѣ и по существу невѣрные. Таковы три беллетристическихъ попытки г. Рубакина—«Два колеса», «Бомба профессора Штурмвельта» и «Митрошкино жертвоприношеніе». Двѣ первыхъ относятся къ области фантастическихъ разсказовъ съ идейной подкладкой,—форма, самая трудная въ художественной литературѣ, удающаяся только первокласснымъ мастерамъ. За нее почему-то чаще всего берутся люди, совершенно лишенные художественнаго дарованія. Почему-то имъ кажется, что если вложить свои вѣрныя и здравыя мысли въ нелѣпо состряпанныхъ манекеновъ, то получится нѣчто сугубо убѣдительное и изящное. Между тѣмъ, даже на самаго невзыскательнаго читателя такіе нехудожественные и вымученные очерки производятъ совсѣмъ обратное впечатлѣніе. Благодаря неудачной формѣ, даже справедливыя мысли автора вызываютъ насмѣшку, а его дѣланный пафосъ не согрѣваетъ, а расхолаживаетъ читателя. Именно такое впечатлѣніе выносишь изъ разсказа г. Рубакина о директорѣ одиночной тюрьмы, который увлекается изобрѣтеніемъ новаго колеса для облегченія жизни заключенныхъ, забывъ только объ одномъ, какъ сами заключенные должны относиться къ его нелѣпой затѣѣ. Въ результатѣ, вмѣсто улучшенія ихъ жизни, получается сугубая мука. Но такъ какъ ни такихъ директоровъ не бываетъ, ни такихъ заключенныхъ, какъ описанные г. Рубакинымъ, то получается въ общемъ впечатлѣніе чего-то фальшиваго и невѣрнаго, хотя несомнѣнно авторъ правъ, доказывая, что безъ любви къ

самимъ заключеннымъ никакія добрыя намѣренія не дадутъ хорошихъ результатовъ. Такъ же невѣренъ и разсказъ «Митрошкино жертвоприношеніе», повѣствующій о томъ, какъ приказчикъ хлѣбнаго торговца, проѣзжая по голодной мѣстности съ обозомъ хлѣба, отдалъ его голодающимъ. Можетъ быть, такіе случаи и дѣйствительно бывали, но для читателя не это важно, а нужно одно, чтобы въ разсказѣ были живые люди, а не добродѣтельные истуканы, и какъ бы ни распинался за нихъ авторъ, дѣло отъ этого ни мало не выигрываетъ.

Въ совершенно иномъ видѣ представляются наблюденія г. Рубакина изъ рабочей и крестьянской жизни. Тутъ дѣйствительно ярко поблескиваютъ мѣстами «искорки», интересныя и сами по себѣ, и по тѣмъ выводамъ, къ которымъ онѣ даютъ поводъ читателю. Область, затрагиваемая авторомъ, такъ велика и обширна, что каждое новое наблюденіе есть уже пріобрѣтеніе, тѣмъ болѣе, что пока этихъ наблюденій еще немного. Художественная литература почти не затронула рабочей среды и не дала намъ такихъ яркихъ типовъ, какъ изъ народной крестьянской жизни. Эта область еще ждетъ своего Успенскаго или Толстого, которые объединили бы отдѣльныя черты и создали бы рядъ такихъ же безсмертныхъ типовъ, какъ Иванъ Босыхъ или Каратаевъ. Помимо разныхъ причинъ, зависитъ это и отъ того, что рабочій типъ еще не сложился, онъ, такъ сказать, еще въ періодѣ формированія и весьма далекъ отъ того, чтобы предстать въ такомъ эпическомъ видѣ, какъ Иванъ Босыхъ, надъ созданіемъ котораго поработали вѣка русской исторіи. Тѣмъ большаго вниманія заслуживаютъ отдѣльныя черточки, намѣчаемыя наблюдателями въ этомъ новомъ типѣ, тѣ «искорки», которыя могутъ освѣтить его душевный обликъ.

Въ очеркѣ «Взыскующіе града» авторъ разсказываетъ о любопытномъ столкновеніи, какое ему пришлось наблюдать въ вагонѣ желѣзной дороги между средней руки купцомъ и заводскимъ конторщикомъ, съ одной стороны, и двумя рабочими—съ другой. Въ бесѣдѣ, возникшей между случайными спутниками, выясняется все различіе ихъ взглядовъ на разныя стороны общей для нихъ жизни. Конторщикъ и купецъ усматриваютъ въ исторіи о двухъ несчастіяхъ съ рабочими на заводѣ только матеріальную сторону, убытки для дѣла. Ихъ огорчаетъ, что за это «жмутъ хозяевъ», приходится откупаться и платить, чтобы смягчить строгость требованій закона. На что рабочій, слушающій этотъ разсказъ, замѣчаетъ съ ироніей:

«— Еще бы вамъ не платить! Обдираете потребителя всякими нормировками (рѣчь идетъ о сахарныхъ заводахъ), да съ кѣмъ понужнѣе дѣлитесь! Эхъ вы, друзья отечества.

«Тутъ ужъ и купецъ не вытерпѣлъ, какъ-то сразу вздулся, словно волъ, покраснѣлъ и оскалилъ зубы.

«— Ты что въ чужой разговоръ лѣзешь?—воскликнулъ онъ.—Добрые люди промежъ себя говорятъ, а тебя и знать не хотятъ. Вотъ еще какой выискался. Туда же ученыя слова говоритъ. «Нормировка», «потребители».

«— Побольше вашего-то понимаемъ!—громко и еще рѣзче произнесъ мрачный мастеровой...—Вы, что ли, ученые-то?.. Что котелки-то носите, такъ и учеными стали? Вотъ, господинъ,—обратился тогда говорившій уже прямо ко мнѣ,—какъ они на нашего брата смотрятъ, словно у насъ и своихъ понятіевъ нѣтъ. А намъ ли наше экономическое положеніе не знать, если на своей шкурѣ его чувствуемъ.

«— Хе, хе!—засмѣялся и конторщикъ.—Тоже похвастать хочешь, что «экономическое положеніе» знаешь!

«— Да, знаю! А вы вотъ хоша и на сахарномъ заводѣ конторой управляете, а все же не знаете, что есть за слово «отечество»?»

Сбитые и смущенные такимъ оборотомъ противники, конечно, мнутся и не могутъ дать сколько-нибудь опредѣленнаго отвѣта, и торжествующій рабочій

поучаетъ ихъ, что «отечество есть доброе для своихъ гражданъ общество, на точномъ основаніи справедливыхъ законовъ управляемое».

Такое оригинальное понятіе объ отечествѣ можетъ изумить всякаго. Видно, что надъ нимъ поработала самостоятельная критическая мысль, привыкшая уже разбираться въ отвлеченныхъ предметахъ. Какимъ путемъ доработался самъ рабочій до этой способности, видно изъ его дальнѣйшаго разговора. Путь для большинства теперь обычный—черезъ книгу, которая однако не является самостоятельнымъ элементомъ въ выработкѣ такихъ оригинальныхъ мыслителей. Она только, по вѣрному замѣчанію автора, служитъ искрой, зажигающей уже готовый, накопленный жизнью матеріалъ. Мысль и до столкновенія съ книгой работаетъ и очень опредѣленно, книга только придаетъ стройность мысли и возбуждаетъ работу ея дальше. Начинается сознательная работа, въ которой книга получаетъ огромное значеніе. «Изучать читателя изъ народа, — говоритъ авторъ, — это значитъ изучать пути мышленія народнаго въ его наиболѣе культурныхъ представителяхъ, изучать, какъ народъ додумывается до своего, читая чужое и размышляя надъ чужимъ».

Трудно представить себѣ, какое огромное значеніе можетъ имѣть эта работа нетронутой до сихъ поръ массовой мысли. Та жадность, съ которой свѣжая народная мысль накидывается на книгу, служитъ свидѣтельствомъ огромной потребности въ «чужомъ» для разработки накопленнаго «своего». Результаты такого взаимодѣйствія оказываются удивительно плодотворными, не только въ смыслѣ чисто культурномъ, какъ обогащеніе знаніями, но и въ творческомъ. Тотъ же рабочій задаетъ на прощаніе автору вопросъ: «Если всѣ люди сдѣлаются учеными, книжными, начитанными, понастроятъ вездѣ школъ, заведутъ библіотеки, станетъ ли имъ отъ этого лучше жить?»—и самъ добавляетъ въ поясненіе къ своему вопросу, что «дружества у насъ нѣтъ. А безъ дружества-то какъ тьма». И самый вопросъ, и добавленіе лучше всего свидѣтельствуютъ, какъ глубоко захватываетъ народная мысль всѣ вопросы, «въ корень вещей», что называется. Мы, интеллигентные люди, прошли уже черезъ эти вопросы, устали отъ нихъ, и скептическое настроеніе подчасъ невольно овладѣваетъ нами. Для насъ тоже необходимо, чтобы свѣжая волна народной мысли оживила и наше мышленіе, и, можетъ быть, тогда исчезнетъ то оскудѣніе, какое замѣчается теперь во всѣхъ родахъ творчества. На Западѣ это поняли уже давно, и лучшія силы устремились тамъ къ дружной работѣ на поприщѣ народнаго просвѣщенія, понимаемаго въ самомъ широкомъ смыслѣ. Движеніе «народныхъ университетовъ» явилось результатомъ этой сознанной необходимости—сблизить источники науки и искусства съ народомъ, сдѣлать ихъ доступными для него. Демократизація знанія явилась въ концѣ прошлаго вѣка завершеніемъ общей демократической тенденціи, отличающей этотъ вѣкъ, и новому столѣтію предстоитъ осуществить эту высокую идею, проникающую даже и въ наши глухіе углы.

Въ послѣднемъ очеркѣ своей книги «Искорки» авторъ разсказываетъ о встрѣчѣ въ глухомъ уголкѣ представителей новой деревенской интеллигенціи. Проѣзжая по дѣлу мимо этого угла, онъ услышалъ, какъ хоръ деревенскихъ парней распѣвалъ знаменутую некрасовскую «Укажи мнѣ такую обитель», и былъ пораженъ. Ямщикъ поясняетъ, что и онъ знаетъ эту пѣсню и весьма ее одобряетъ. «Я и весь стихъ о мужикѣ читалъ,—продолжалъ словоохотливый парень,—вотъ хорошій стихъ! Читаешь, читаешь, слова-то все простыя такія, а вотъ за душу такъ и берутъ». Оказалось, что «пустилъ въ оборотъ» эту книгу съ хорошимъ стихомъ какой-то парень Ефимъ, служащій батракомъ на машинѣ у мѣстнаго купца, одинъ изъ тѣхъ «изгоевъ» города, которые волей, а чаще неволей снова попадаютъ въ родныя палестины, гдѣ ихъ сравнительная интелигентность, «умственность», сразу выдвигаетъ изъ сѣрой толпы деревен-

скаго люда. Вокругъ нихъ начинаетъ группироваться то, что авторъ называетъ «нарождающейся деревенской интеллигенціей». «Мнѣ,—говоритъ авторъ,—и раньше приходилось встрѣчать вновь нарождающихся представителей молодой деревни, а съ иными приходится и переписываться до сихъ поръ. Нарожденіе этого типа стало теперь явленіемъ заурядным. Врядъ ли можно сомнѣваться. что этого типа лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ въ деревнѣ еще не было. Было время, когда лучшіе люди деревни чего-то ждали, на что-то надѣялись; теперь эти надежды, эти ожиданія стали достояніемъ деревенской массы, достояніемъ всѣхъ, а жизнь выдвинула впередъ новый типъ, который не очень-то умѣетъ ждать и не очень-то надѣется. Деревенскіе лучшіе люди мыслили всегда, а теперь они мыслятъ все болѣе и болѣе критически... Они реагируютъ на среду «своими средствами», запасаются знаніями и пониманіемъ «про себя и для себя» и ищутъ «своего» выхода, кто гдѣ можетъ, кто какъ можетъ, иной въ переселеніи на новыя мѣста, иной въ какой-нибудь «новой вѣрѣ», иной прилагаетъ все стараніе и умѣніе, чтобы уйти изъ своей среды, путемъ ли полученія дальнѣйшаго образованія или иначе какъ. И какъ ни разнородны, какъ ни разнообразны всѣ эти выходы, во всѣхъ лежитъ одно и то же стремленіе—измѣнить къ лучшему то, что есть, нежеланіе относиться къ окружающей средѣ пассивно, принимая всевозможные ея дары, такъ сказать съ раскрытымъ ртомъ и закрытыми глазами. Общая пассивность деревенской массы не исключаетъ активности этихъ отдѣльныхъ людей... Критическая мысль начинаетъ сопровождаться упорнымъ дѣйствіемъ. И въ деревнѣ въ трудную минуту экономическія и всякія другія неурядицы выдвигаютъ именно такихъ людей, а грамотность и книга даютъ имъ такое орудіе, какого они еще не имѣли десять лѣтъ тому назадъ».

Такъ двигается неслышно и незамѣтно волна новой жизни, мало-по-малу охватывая все болѣе и болѣе глубокіе слои, самые отдаленные углы пріобщая къ общечеловѣческимъ интересамъ. Много тамъ еще тьмы, о которой читаемъ почти ежедневно, но и она колеблется въ своихъ основахъ, шатается, не выдерживая этого упорнаго натиска новыхъ вѣяній, тѣмъ болѣе упорнаго, что въ немъ есть стихійная сила роковой необходимости. Тутъ все соединилось вмѣстѣ—и внѣшняя культура, въ видѣ желѣзныхъ дорогъ, пересѣкающихъ теперь такія дебри, какъ архангельскій край или исконные русскіе центры, псковскіе и новгородскіе медвѣжьи углы,—въ видѣ фабрикъ и заводовъ, возникающихъ въ тѣхъ же углахъ,—и книга, все больше проникающая въ деревню, и усложнившіяся условія экономическаго быта, которыя не укладываются больше въ рамки старыхъ устоевъ. Все требуетъ новой и новой работы мысли, работы упорной, неустанной, не дающей отдыха. Подъ натискомъ новаго старая деревня перерождается. «Искорки», извнѣ залетающія туда, находятъ хорошо подготовленную почву, на которой онѣ разгораются пока еще не яркимъ, но не потухающимъ огнемъ. При свѣтѣ его успѣшно двигается работа массовой народной мысли, и прежде не перестававшей, а теперь, конечно, еще болѣе усиленной и плодотворной. Если и прежде эта работа выдвигала истинныхъ творцовъ мысли и искусства изъ народныхъ глубинъ, то тѣмъ больше мы въ правѣ ожидать ихъ въ будущемъ—теперь, когда такая же работа идетъ усиленнымъ ходомъ и при лучшихъ условіяхъ для ихъ проявленія.

26-го февраля исполнилось сорокъ лѣтъ со дня смерти одного изъ такихъ народныхъ творцовъ, Тараса Шевченки, величайшаго *народнаго* пѣвца, какого знаетъ славянская литература. Она гордится геніальными поэтами, какъ Пушкинъ и Мицкевичъ, геніальными художниками, какъ Гоголь или Левъ Толстой, но народнаго пѣвца она имѣетъ только одного—Шевченку. Въ его пѣснѣ, какъ въ народной пѣснѣ вообще, отлилась душа народа во всей своей глубинѣ и простотѣ.

Онъ вышелъ изъ народной среды, и стоитъ вспомнить, какихъ усилій въ его время требовалось, чтобы дать этому самородку возможность проявить свои силы, освободить и вырвать его изъ условій, гдѣ, можетъ быть, погибло такъ много другихъ лучшихъ силъ народнаго духа. Сынъ крѣпостного, Шевченко вынесъ на себѣ всю тяжесть и муку, которыя выпадали въ тѣ ужасныя времена на долю народа. Въ своей знаменитой, единственной въ своемъ родѣ автобіографіи, онъ кратко и сжато, безъ прикрасъ, страдая и стыдясь за людей вообще, разсказываетъ эту ужасную повѣсть жизни, въ которой каждое слово правда. Мы ее можемъ провѣрить теперь на описаніи того подлаго времени у Щедрина и Терпигорева. Но лучшей свидѣтельницей этой правды является, конечно, его муза. Только тотъ, кто вышелъ изъ народа, сжился съ нимъ не мыслью лишь, а всею жизнью, могъ такъ передать его думы и чувства, какъ Шевченко. И крѣпка должна быть душа у того народа, который смогъ выдержать такую муку и тѣмъ не менѣе не одичать, не ожесточиться, а сохранить въ себѣ такую неисчерпаемую сокровищницу любви и поэзіи, какъ «Кобзарь» Шевченки. Непреодолимая сила и кротость соединились въ его пѣснѣ, въ которой отлилась и историческая судьба Украйны, и вся прелесть ея природы, и думы народа, выношенныя и взлелѣянныя подъ гнетомъ вѣковой неправды.

Сынъ народа, Шевченко *нигдѣ* не является выразителемъ образованнаго общества, хотя по образованію онъ стоялъ въ уровень съ его лучшими силами: Жестокая судьба вырвала его изъ рядовъ этого общества и закинула въ дикую пустыню далекой окраины, какъ бы желая указать, что доля народнаго пѣвца—никогда не забывать страданій народа, претерпѣть все, что давитъ послѣдній, и лишь въ единеніи съ нимъ черпать силу и крѣпость. Это удивительное сочетаніе обстоятельствъ жизни съ духовнымъ складомъ Шевченки, какъ народнаго пѣвца, придаютъ его поэзіи такую гармонію и цѣльность, какой мы не встрѣчаемъ ни у одного поэта, вышедшаго изъ народной среды. Его думы—это думы народа, то оплакивающаго былую свободу, то гордо мечтающаго о завоеваніи лучшей доли, то воспѣвающаго славное прошлое и подвиги своихъ героевъ. Онъ любитъ и проникновенно описываетъ природу родины, какъ простой человѣкъ, для котораго природа такъ же близка, какъ родная мать. Для него природа не просто милый сердцу пейзажъ, а единственно живая среда, въ которой онъ только и можетъ чувствовать себя свободно и уютно. Его «Перебендя»,—бродячій кобзарь, это самъ поэтъ, который также сливается своею пѣснью съ вѣтромъ, гуляющимъ по степи, съ этою степью, синѣющей какъ море.

Вѣтеръ вѣетъ—повѣваетъ,
По полю гуляетъ.
На могилѣ Перебендя
Пѣсни распѣваетъ.
Степь широкая, какъ море,
Вкругъ него синѣетъ;
За могилою могила,
Дальше—чуть виднѣетъ...

То ласковая и кроткая, какъ мать, то бурная и словно негодующая, встаетъ въ его описаніяхъ природа Украйны. Каждый его стихъ — картина, каждый эпитетъ, на которые онъ очень скупъ, новый образъ.

По дубравѣ вѣтеръ вѣетъ,
По полю гуляетъ,
У дороги стройный тополь
Долу нагибаетъ.
Станъ высокій, листъ широкій—
Что онъ зеленѣетъ?
Какъ широкое то море,
Поле вкругъ синѣетъ.

Чумаки-ль проѣдутъ мимо,—
Смотришь—пріуныли,
На зарѣ-ль чабанъ съ свирѣлью
Сядетъ на могилѣ,
Поглядитъ—заноетъ сердце:
Возлѣ ни былины!

Весь украинскій пейзажъ вырисовывается предъ читателемъ въ этихъ простыхъ, безхитростныхъ словахъ. Или знаменитое начало его «Причинны» («Порченой»)—«Реве та стогне Дніпръ широкій», извѣстное каждому, какъ любимая пѣсня. Но описаніе природы у него всегда сливается незамѣтно съ думой о прошломъ, какъ, напр., въ посланіи къ Основьяненкѣ:

Бьютъ пороги; мѣсяцъ всходитъ,
Всходитъ, какъ бывало...
Нѣту Сѣчи, нѣтъ гетмановъ—
Все на вѣкъ пропало!
Нѣту Сѣчи! Днѣпръ широкій
Камыши пытаютъ:
«Гдѣ-то, гдѣ-то наши дѣти?
Гдѣ они гуляютъ?»
Стонетъ чайка, словно дѣтокъ
Ищетъ, призываетъ;
Солнце свѣтитъ; вольной степью
Вѣтеръ пробѣгаетъ,
А въ той степи длиннымъ рядомъ
Высятся могилы...

Эти удивительно гармоничные переходы отъ природы къ человѣку, отъ настоящаго къ прошлому придаютъ описаніямъ Шевченки глубокую меланхолію, которой вообще проникнута народная малорусская пѣсня и дума. Его историческія баллады и поэмы, не смотря на гордый, боевой духъ, дѣйствуютъ на душу, какъ музыкальная симфонія, въ которой слиты потрясающіе аккорды гнѣва и борьбы съ умилительными молитвенными напѣвами. Въ нихъ много жестокихъ сценъ, въ чисто народномъ вкусѣ, но онѣ не возмущаютъ васъ,—столько въ нихъ эпической простоты и чисто былинной величавости. Лирическія отступленія пѣвца еще болѣе смягчаютъ кровавыя впечатлѣнія, вызываемыя картинами прошлаго. Въ нихъ пѣвецъ снова и снова возвращается къ настоящему, которое невольно сравниваетъ съ славнымъ прошлымъ, въ грустной задумчивости надъ забывчивостью людской и неблагодарностью. Погруженные въ будничныя заботы потомки былыхъ героевъ уже не помнятъ,

Гдѣ могила Гонты-брата,
Гдѣ похоронила
Прахъ его лихая доля?
Гдѣ опочиваетъ
Желѣзнякъ, душа прямая?
Да! никто не знаетъ!

Самъ поэтъ не хочетъ такой равнодушной будничной жизни. Онъ одного лишь проситъ у Бога, чтобы Онъ не далъ остынуть его сердцу, заглохнуть въ немъ голосу правды и страстному желанію свободы,—это главный мотивъ его поэзіи, красною нитью проходящій черезъ всѣ его думы, пѣсни и поэмы.

Но жить мнѣ дай, Творецъ Небесный,
О, дай мнѣ сердцемъ, сердцемъ жить!
Чтобъ я хвалилъ твой міръ чудесный,
Чтобъ могъ я ближняго любить!
Страшна неволя—тяжко въ ней...
На волѣ жить и спать—страшнѣй.
Прожить ужасно безъ слѣда,
И смерть, и жизнь—одно тогда.

Воспѣвъ прошлое своего народа, родную природу, изливъ въ своей пѣснѣ думы и лучшія надежды родины, Шевченко далъ и завѣтъ ей въ этихъ силь-

ныхъ и гордыхъ словахъ, какъ настоящій народный вождь и пророкъ, какимъ являлись прежде народные пѣвцы. Онъ самъ лучше всего охарактеризовалъ значеніе своей поэзіи въ посланіи къ Основьяненкѣ, говоря о народной думѣ вообще:

Наша дума, наша пісня,
Не вмре, не загине...
Отъ де, люде, наша слава,
Слава Украіни!
Безъ золота, безъ каменю,
Безъ хитроі мови,
А голосна та правдива,
Якъ Господа слово.

Его «Кобзарь» лучшій памятникъ народной славы малорусскаго народа, но самъ Шевченко до сихъ поръ не имѣетъ достойнаго себѣ памятника. Сорокъ лѣтъ прошло со дня его смерти, и пора бы почтить достойно память величайшаго *народнаго пѣвца* не только малорусскаго народа, а всего славянства, какъ одного изъ благороднѣйшихъ его представителей. Мы увѣрены, что не только малороссы, но и все лучшее, что есть въ русскомъ обществѣ, живо откликнулось бы на призывъ. Вѣдь и среди русскаго общества творенія Шевченки пользуются не меньшей любовью и распространеніемъ, чѣмъ и среди малороссовъ, такъ какъ мысли и чувства Шевченки равно близки всякому, кто любитъ народъ и человѣчество. Если у малороссовъ при одномъ имени «батьки Тараса» живѣе бьется сердце и теплѣе становится на душѣ, то и для насъ въ лицѣ Шевченки встаетъ истиннѣйшій «апостолъ правды и свободы», какимъ въ правѣ гордиться человѣчество.

---

13 февраля скончался Вячеславъ Авксентьевичъ Манасеинъ, послѣ тяжелой и мучительной болѣзни. Въ лицѣ его русское общество понесло огромную потерю, всю глубину которой трудно оцѣнить теперь,—ее можно только чувствовать всѣмъ тѣмъ, кто имѣлъ счастье знать лично этого истаго мужа чести и совѣсти. Замѣчательный ученый, выдающійся огромными, можно сказать, энциклопедическими знаніями по медицинѣ, врачъ рѣдкой доброты и внимательности, редакторъ и создатель лучшаго и распространеннѣйшаго русскаго врачебнаго органа, профессоръ и учитель въ высшемъ значеніи слова, Манасеинъ былъ всегда и вездѣ прежде всего человѣкомъ, у котораго слово и дѣло не расходились, который зналъ только голосъ своей совѣсти и велѣнія чести. Насколько именно эта сторона его личности была извѣстна, можно видѣть изъ того, что къ нему шли знакомые и незнакомые, какъ къ общему третейскому судьѣ, который съумѣетъ разобрать всегда, гдѣ правда, и никогда не откажетъ. Человѣкъ прямолинейный и даже суровый въ вопросахъ чести и совѣсти, для котораго не существовало компромиссовъ, Манасеинъ привлекалъ къ себѣ рѣдкой добротой, которая смягчала самую строгость его приговора. Та же доброта помогала ему выяснять истину въ самыхъ запутанныхъ вопросахъ, располагая людей открывать ему душу съ полной довѣрчивостью къ его справедливости.

Честь и совѣсть была главными началами, руководившими Манасеинымъ на всѣхъ разнообразныхъ поприщахъ его общественной дѣятельности. Какъ профессоръ и учитель, онъ воспиталъ цѣлыя поколѣнія врачей на началахъ строгаго и безкорыстнаго выполненія долга, любви къ больнымъ и страждущимъ, самаго внимательнаго и человѣчнаго къ нимъ отношенія. Въ клиникѣ, у постели больного это былъ строгій, требовательный профессоръ, примѣромъ и словомъ учившій, что всякая мелочь имѣетъ важное значеніе тамъ, гдѣ дѣло идетъ о жизни и смерти. Самъ безкорыстнѣйшій изъ безкорыстныхъ, онъ создалъ школу врачей, которые потомъ на службѣ народу въ земствѣ дока-

зали, что можетъ сдѣлать истинный врачъ, другъ и защитникъ больного. Если земская медицина стоитъ нынѣ такъ высоко, что даже злѣйшіе враги земства не смѣютъ бросить въ нее упрека, то въ этомъ значительная доля заслуги Манасеина, который, сначала какъ учитель, потомъ какъ редакторъ вліятельнѣйшаго врачебнаго органа, проводилъ въ жизнь начала долга, любви и безкорыстнаго служенія народу. Созданный имъ и двадцать лѣтъ руководимый журналъ «Врачъ», помимо научной и литературной постановки, сдѣлавшей его самымъ важнымъ, популярнымъ и распространеннымъ врачебнымъ журналомъ не только среди врачей,—всегда ставилъ на первое мѣсто нравственную сторону врачебной дѣятельности, не позволяя никакихъ уклоненій отъ принятаго принципа—благо больного прежде всего. Здѣсь Манасеинъ былъ безпощаденъ, не останавливаясь ни предъ чѣмъ,—ни научныя заслуги, ни имя, ни положеніе для «Врача» не имѣли значенія тамъ, гдѣ оказывалось уклоненіе отъ врачебнаго долга, нарушеніе нравственнаго принципа. Это создало «Врачу» особое положеніе въ медицинской печати. Какъ самъ Манасеинъ былъ излюбленнымъ судьей, къ которому шли люди съ своими распрями, такъ «Врачъ» сталъ такимъ же всѣми признаннымъ судьей въ вопросахъ врачебной этики, къ которому прибѣгали всѣ врачи и приговоры котораго всѣ чтили. Этой стороной своей дѣятельности Манасеинъ нажилъ себѣ не мало враговъ. Правду своего дѣла приходилось ему отстаивать и на судѣ, напр., въ столкновеніи съ извѣстнымъ проф. Іегеромъ, привлекшимъ его за клевету, такъ какъ покойный все его ученіе о запахахъ назвалъ шарлатанствомъ. И въ этомъ дѣлѣ, какъ и всегда, Манасеинъ одержалъ полную побѣду. За послѣдніе годы, однако, авторитетъ Вячеслава Авксентьевича въ вопросахъ врачебной и научной этики былъ всѣми признанъ, и справедливо сказалъ въ своемъ надгробномъ словѣ врачъ Жбанковъ, что лучшій памятникъ, какой могутъ воздвигнуть для покойнаго врачи, это—никогда не забывать завѣтовъ Манасеина на поприщѣ своей общественной дѣятельности.

Въ мірѣ литераторовъ покойный оставилъ тоже незабвенную память, какъ безсмѣнный судья чести союза русскихъ писателей и безсмѣнный предсѣдатель литературнаго фонда, кліентамъ котораго никогда не забыть его доброты и привѣтливости. Въ дѣлѣ помощи нуждающимся и больнымъ это былъ человѣкъ незамѣнимый, не знавшій усталости, всегда готовый идти туда, куда его призывалъ голосъ нужды. По принципу отказавшись отъ частной практики, онъ шелъ къ тѣмъ больнымъ, гдѣ не было другого врача, и одно его присутствіе уже вліяло благотворно, ободряло и освѣжало больного.

Да, это былъ образецъ чести и долга, человѣкъ въ истинномъ значеніи слова. Смерть его показала, какою любовью и уваженіемъ пользовался покойный. Похороны его приняли размѣры грандіозные. Величественное и трогательное зрѣлище представлялъ этотъ скромный гробъ, высоко надъ огромной толпой молодежи, несшей его на плечахъ, въ сопровожденіи многотысячной толпы учениковъ, товарищей и почитателей, при громовыхъ раскатахъ громаднаго хора студентовъ и слушательницъ медицинскаго женскаго института. Чувствовалось, что хоронятъ большую силу, хоронятъ съ глубокой душевной болью, собравшей всѣхъ воедино около этого гроба во имя высшаго принципа—любви и добра, которому всю жизнь слѣдовалъ покойный и всю жизнь училъ—слѣдовать ему и другихъ.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Финляндская манифестація въ Гельсингфорсѣ. Въ «Финл. Газетѣ» сообщается: «5-го февраля, въ Гельсингфорсѣ въ годовщину объявленія Императорскимъ финляндскимъ сенатомъ Высочайшаго манифеста 3-го февраля 1899 года былъ произведенъ рядъ манифестацій. Около 5 часовъ вечера на электрическомъ проводѣ чрезъ Эспланадную улицу отъ дома Гренквиста къ Вазасскому банку было вывѣшено черное полотно съ именами сенаторовъ, подавшихъ голосъ за опубликованіе манифеста; тѣ же имена были изображены и на выставленномъ въ окнѣ магазина «Crescent» транспарантѣ, на которомъ, кромѣ того, читались надписи: «Законъ выше всего», «Страна должна управляться закономъ» и т. п.

«Въ началѣ восьмого часа вечера окна домовъ, выходящія на улицы, были тщательно завѣшаны темными шторами, магазины заперты и огни въ нихъ погашены. Остались освѣщенными нѣсколько русскихъ магазиновъ, квартиры большинства русскихъ жителей Гельсингфорса и лишь весьма немногіе изъ магазиновъ и квартиръ мѣстныхъ обывателей. Столь несвоевременное и согласное тушеніе огней во всемъ городѣ, очевидно, объяснялось въ множествѣ разбрасываемыми и разносимыми по квартирамъ за нѣсколько дней передъ 5 февраля объявленіями, приглашающими потушить въ этотъ день огни съ 7 час. вечера.

«Въ половинѣ восьмого большая толпа преимущественно молодежи и интелгентовъ собралось у памятника императору Александру II, къ подножію котораго возложена была группою женщинъ траурная лента съ надписью; лента была вскорѣ убрана.

«Въ то же время значительная толпа народа, не малую часть которой составляла молодежь, сновала по улицамъ города, заставляя освѣщенные еще магазины тушить огни, причемъ нѣкоторыя лица позволили себѣ даже врываться въ магазины и лично тушить огни. Такъ принуждены были погасить огни магазины: Перлова, Воробьева, Аладьина, табачная лавка на Уніонской улицѣ, д. № 27, булочная на Генриковской улицѣ въ домѣ «Kaleva», университетская аптека, греческій магазинъ Кулліаса и другіе.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ толпа собиралась также противъ нѣкоторыхъ освѣщенныхъ квартиръ русскихъ, а отдѣльные манифестанты, не довольствуясь этимъ, позволяли себѣ даже звонить въ квартиры двухъ штабъ-офицеровъ, живущихъ въ центрѣ города, шумѣть на лѣстницахъ, грозить, и только участіе приглашенной квартирантами полиціи предотвратило вторженіе въ квартиры.

«Въ то же время и съ тою же цѣлью толпа собралась у книжнаго магазина Н. Т. Рѣзвого.

«Наконецъ ею же былъ устроенъ кошачій концертъ у квартиръ нѣкоторыхъ сенаторовъ. Въ окно одного изъ нихъ толпа кромѣ того бросала комьями снѣга. Сенаторами были получены угрожающіи письма за подписью «Тайнаго патріотическаго союза».

Корреспондентъ «Свѣта» дополняетъ разсказъ «Фин. Газеты» нѣсколькими новыми подробностями.

«Съ утра, сегодня, 5-го февраля,—говоритъ корреспондентъ,—стали передавать изъ устъ въ уста сообщенія, что вечеромъ будетъ «темно»; въ газетахъ появились предупрежденія, что такъ какъ предстоитъ чистка какого-то «котла», якобы на электрическомъ заводѣ, то надо поберечь свѣтъ. По улицамъ продолжали разбрасывать и разносить по квартирамъ нижеслѣдующія объявленія на шведскомъ и финскомъ языкахъ: «Для того, чтобы городъ погрузился въ полнѣйшій мракъ, въ годовщину обнародованія февральскаго манифеста, желательно, чтобы никто не освѣщалъ оконъ, расположенныхъ къ улицѣ, въ понедѣльникъ, 18-го (5-го) февраля, начиная съ 7 часовъ вечера». Слухамъ этимъ мы, русскіе, конечно, не придавали значенія, но вотъ стало темнѣть, стемнѣло—и что же? Нигдѣ нѣтъ огней въ окнахъ, окна завѣшены непроницаемыми занавѣсями — гдѣ были бѣлыя шторы, появились черныя, во всѣхъ лавкахъ темнота, или горитъ одинъ, много два, приспущенныхъ рожка. Огромная толпа народа циркулируетъ по темнымъ улицамъ, уличные фонари приспущены, и т. д., и т. д.»

Полицейская расправа. Въ Н.-Новгородѣ отдѣленіемъ московской судебной палаты разбиралось дѣло, лишній разъ освѣтившее тотъ темный уголокъ, который носитъ названіе полицейскаго участка и который недаромъ съ такой боязливой робостью старается обходить подальше населеніе нашихъ городовъ. Сущность дѣла, какъ оно выяснилось по обвинительному акту, заключается, по словамъ мѣстныхъ газетъ, въ слѣдующемъ:

21-го апрѣля 1899 года изъ первой Кремлевской полицейской части города Нижняго-Новгорода въ безсознательномъ состояніи былъ доставленъ въ губернскую земскую больницу запасный унтеръ-офицеръ изъ крестьянъ села Новаго, Судогодскаго уѣзда, Тимоѳей Васильевъ Воздуховъ, который черезъ 8 часовъ, не приходя въ сознаніе, умеръ. При вскрытіи трупа десять реберъ оказались сломанными, а тѣло—сплошь покрытымъ кровоподтеками, синяками и ссадинами; въ черепной полости были найдены кровяные сгустки и обнаружено кровоизліяніе въ мозгъ. Производившій вскрытіе врачъ далъ заключеніе, что смерть Воздухова послѣдовала отъ нанесенныхъ ему тяжкихъ и смертельныхъ побоевъ. Оказывается, что Воздуховъ 20-го апрѣля былъ задержанъ въ нетрезвомъ видѣ во дворѣ губернаторскаго дома городовымъ Алексѣемъ Сергѣевымъ Шелеметьевымъ и для вытрезвленія доставленъ на пролеткѣ легкового извозчика Крайнова въ первую Кремлевскую полицейскую часть. Воздуховъ былъ мало выпивши, спокойно разговаривалъ съ Шелеметьевымъ, а по доставленіи въ полицейскую часть вполнѣ отчетливо объяснилъ и. д. околоточнаго надзирателя Панову свое имя и званіе и не произвелъ на него впечатлѣнія сильно пьянаго человѣка, причемъ въ то время никакихъ поврежденій у него замѣчено не было.

Поводомъ къ истязанію послужило слѣдующее обстоятельство: городовой Шелеметьевъ, вталкивая Воздухова въ «солдатскую», зацѣпивъ шашкой за дверной крюкъ, немного порѣзалъ при этомъ себѣ руку. Думая, что шашку держитъ Воздуховъ, городовой Шелеметьевъ, — по словамъ свидѣтелей (содержавшихся 20-го апрѣля въ арестантской камерѣ при той же полицейской части), Баринова, Семахина и Фролова, бросился на несчастнаго, повалилъ его на полъ, сталъ бить кулаками, топтать и пинать ногами въ голову, бока, грудь и животъ. Узнавъ, что ихъ товарищъ Шелеметьевъ «обучаетъ» Воздухова, въ «солдатскую» для помощи явились трое полицейскихъ служителей: Шульгинъ, Шибаевъ, Ольховинъ и уличный караульщикъ Тарасовъ. Всѣ они стали бить Воздухова кулаками, каблуками сапогъ, а одинъ сталъ даже ко-

лѣнкой ему на голову. На крикъ Воздухова пришелъ и. д. околоточнаго надзирателя Пановъ съ какой-то книгой, нѣсколько разъ ударилъ Воздухова этой книгой по головѣ, щекамъ и шеѣ, а потомъ сталъ бить и руками. Послѣ этого у Воздухова смыли кровь и втолкнули его въ арестантскую камеру, гдѣ изувѣченный, жалуясь на страшную боль въ головѣ, легъ на нары... Утромъ на другой день его нашли совершенно въ безсознательномъ состояніи.

Спрошенные на предварительномъ слѣдствіи эксперты-врачи Долюрадскій и Покровскій дали заключеніе, что найденныя у Воздухова при вскрытіи повреждения могутъ быть подраздѣлены на двѣ категоріи, легкія и тяжкія, безусловно смертельныя. Сопоставляя данныя, добытыя предварительнымъ слѣдствіемъ, съ результатами вскрытія, эксперты пришли къ заключенію, что представляется возможность съ большой вѣроятностью высказать, что Шелеметьевъ, Шульгинъ и Шибаевъ нанесли Воздухову тяжкія, смертельныя поврежденія, а Ольховинъ, Тарасовъ и Пановъ принимали участіе въ нанесеніи лишь легкихъ поврежденій, которыя, однако, въ виду многократности нанесенныхъ ударовъ человѣку, уже ослабленному предварительно полученными тяжкими побоями, должны были причинить Воздухову значительныя страданія.

Привлеченные къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ по настоящему дѣлу шесть выше переименованныхъ лицъ виновными себя не признали, каждый изъ нихъ говорилъ, что онъ самъ не билъ Воздухова, а если и били, то другіе, притомъ не сильно.

Судебной палатой полицейскіе служители Шелеметьевъ, Шульгинъ и Шибаевъ приговорены къ 4-лѣтней каторгѣ, а Ольховинъ и и. д. околоточнаго надзирателя Д. Пановъ къ мѣсячному аресту.

Теперь процессъ этотъ служитъ матеріаломъ для назидательнаго чтенія у чиновъ орловской полиціи. Въ изданномъ орловскимъ полицеймейстеромъ приказѣ говорится:

«Для предупрежденія прискорбныхъ явленій прошу гг. приставовъ прочесть во ввѣренныхъ имъ полицейскихъ командахъ прилагаемый при этомъ печатный судебный отчетъ по дѣлу нижнихъ чиновъ нижегородской городской полиціи, осужденныхъ со всею строгостью закона за нанесеніе побоевъ пьяному запасному унтеръ-офицеру Воздухову при водвореніи его въ части для вытрезвленія».

Бакинское пожарище. 21-го января, около 7—8 часовъ вечера, вспыхнулъ амбаръ мазута Ротшильда. Въ амбарѣ, какъ сообщаетъ корреспондентъ «Россіи», было около 6 милл. пудовъ нефтяныхъ остатковъ. Отъ этого амбара чрезъ пустопорожнее мѣсто Буніатова проложено было множество трубопроводовъ. Въ теченіе всего 22 числа администрація завода Ротшильда занималась, повидимому, исключительно выкачиваніемъ мазута изъ горѣвшаго амбара. Нѣкоторые говорятъ, что въ то же время въ этотъ амбаръ накачивали воду съ цѣлью охлажденія всей массы мазута. Эта-то вода и послужила причиной послѣдующаго несчастья.

Всякому рабочему извѣстно, что при горѣніи нефти вода подъ нею нагрѣвается такъ сильно, что вся масса страшно пѣнится, взрывается и выбрасывается изъ хранилища чрезъ валъ. Это и свершилось въ данномъ случаѣ.

Горящій мазутъ волной полился книзу, къ шоссе, залилъ пустопорожнее мѣсто Буніатова, Белубекова вплоть до станціи Восточнаго Общества; далѣе, по уклону къ сѣверо-востоку, огненная масса залила болѣе десятка дворовъ, скученныхъ противъ завода Ротшильда. По Полицейскому переулочку, аршина въ 4 шириною, на который выходило 4 двора своими единственными у каждаго воротцами, пошла огненная волна.

Выбѣжавшіе въ поле разбѣжались во всѣ стороны. Массу дѣтей по полю ночью собралъ акцизный чиновникъ Галаджевъ, разославъ для этой цѣли

всѣхъ бывшихъ въ его распоряженіи верховыхъ стражниковъ ахмедлинскаго поста. Всѣхъ найденныхъ на этомъ посту до утра пріютили и накормили.

Взрывъ въ мазутномъ амбарѣ былъ такъ силенъ, что загорѣлись рядомъ лежащіе амбары Ротшильда съ нефтью.

Между прочимъ, говорятъ, что причиной пожара могла быть и особо большая «утечка» мазута.

Школа Каспійскаго т—ва (Ротшильда) сгорѣла, учительница школы едва успѣла бѣжать, въ чемъ была.

Изъ имущества потерпѣвшихъ почти ничего не спасено.

Самую картину пожара корреспондентъ «Курьера» изображаетъ такими чертами:

«Я былъ, — пишетъ онъ, — очевидцемъ этой ужасной огненной оргіи и, когда я пишу эти строки, меня до сихъ поръ пробираетъ нервная дрожь... Сколько слезъ, сколько горя и разоренія, сколько душу раздирающихъ сценъ! Думали, что пожаръ ограничится однимъ амбаромъ. Были бы, правда, убытки и громадные, но при упоминаніи имени Ротшильдовъ читатели, конечно, улыбнутся: что значатъ имъ убытки, хотя бы и въ милліонъ рублей? Да и несчастія, которыя сопровождаются только матеріальными убытками, не могутъ произвести на публику особеннаго впечатлѣнія: убытки легко забываются, въ особенности въ Баку... Всю ночь и весь слѣдующій день картина оставалась одной и той же, горѣлъ мазутъ въ громадномъ двухдесятинномъ замкнутомъ пространствѣ, а по сосѣдству всѣ продолжали работать, какъ ни въ чемъ не бывало, ни мало не смущаясь зловѣщимъ заревомъ пожарища. И только, когда горѣвшая жидкость дошла до точки кипѣнія и моментально перешла черезъ огромные земляные валы, окружавшіе этотъ амбаръ, всѣ всполошились, и стали думать о спасеніи.

«22-го января, вечеромъ, часу въ десятомъ, пожаръ неожиданно принялъ ужасающіе размѣры, благодаря перебросу мазута черезъ земляные валы... Отчаянные, какіе-то прямо нечеловѣческіе, стоны и вопли огласили пространство, оповѣщая о чемъ-то ужасномъ. Я бросился на мѣсто катастрофы. Зрѣлище не поддается описанію... перо не можетъ изобразить всѣхъ ужасовъ... Совершалось все сокрушающее нашествіе огненной стихіи; огромныя волны горящаго мазута, съ какимъ-то своеобразнымъ глухимъ шипѣніемъ, неудержимыми потоками катили внизъ, по направленію къ шоссе, заливая все на своемъ пути и обращая все въ груды пепла; въ моментъ, когда мазутъ перебросило черезъ валъ, окружавшій амбаръ, многіе находились на валу. Не многимъ удалось спастись; безжалостное пламя быстро настигало бѣгущихъ, обезумѣвшихъ отъ отчаянія людей и еще быстрѣе обращало ихъ въ безформенную обгорѣлую массу. Чудовищному разливу пламени много помогала покатая мѣстность; въ двѣ, въ три минуты вся площадь позади завода Г. М. Ліанозова, по всей длинѣ вплоть до самаго завода С. М. Шибаева и Ко была залита огнемъ; многихъ огонь засталъ врасплохъ, за мирными занятіями, у семейнаго очага, и только чудо могло нѣкоторыхъ избавить отъ ужаснаго конца».

Комитетомъ чиновниковъ и представителей нефтепромышленниковъ въ Баку опубликованы результаты изслѣдованія катастрофы въ Бѣломъ Городкѣ. По 31 января зарегистровано 11 взрослыхъ и 7 дѣтей сгорѣвшихъ, 7 умершихъ отъ ожоговъ и 100 обожженныхъ Сгорѣло 11 дворовъ. Рабочими и мастеровыми заявлено претензій по сгорѣвшему имуществу на 105.000 рублей, лавочниками и домохозяевами—на 154.000 руб. Претензіи до 150 руб. удовлетворяются, и получившіе деньги ѣдутъ на родину. Первая партія въ 60 человѣкъ отправлена.

Бакинская катастрофа заставила обратить вниманіе на безпорядки, царящіе въ Черномъ Городкѣ и на отсутствіе заботъ объ обезпеченіи безопасности

рабочихъ, которыхъ насчитывается тамъ до 30 тысячъ человѣкъ (3 тысячи на заводахъ и 27 тысячъ на промыслахъ).

«О положеніи этихъ «бѣлыхъ невольниковъ» нефтяныхъ крезовъ,—говоритъ «Новое Время»,—лучше всего свидѣтельствуетъ заключеніе недавно закончившей свои занятія коммиссіи по разработкѣ вопроса объ обезпеченіи пострадавшихъ промысловыхъ рабочихъ, въ которомъ говорится буквально: «Благодаря отвратительнымъ условіямъ промысловой жизни и труда, организмъ промысловаго рабочаго съ каждымъ годомъ изнашивается все сильнѣе, а къ сорока годамъ онъ превращается, въ большинствѣ случаевъ, въ инвалида, неспособнаго, отъ преждевременной старости и болѣзней, къ производительному труду».

Въ поясненіе къ такого рода заключенію коммиссіи можно привести еще выводы лейбъ-медика Л. Б. Бертенсона, командированнаго въ 1897 году министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ въ Баку для врачебно-санитарнаго изслѣдованія нефтяныхъ промысловъ. Въ докладѣ своемъ объ этомъ изслѣдованіи г. Бертенсонъ говоритъ, что на промыслахъ рабочихъ помѣщеній, которыя могли бы назваться «удовлетворительными въ полномъ смыслѣ этого слова, нѣтъ вовсе». За то «помѣщеній, не выдерживающихъ и самой снисходительной критики,—огромное большинство».

Насколько гг. бакинскіе крезы, составляющіе «совѣтъ съѣзда нефтепромышленниковъ», приняли къ свѣдѣнію эту столь категорично засвидѣтельствованную «безотлагательную» необходимость упорядоченія жилья ихъ «бѣлыхъ невольниковъ», видно изъ того, что, посѣтивъ въ концѣ 1899 г. (т.-е. чрезъ два года послѣ изслѣдованія и заключеній г. Бертенсона) Баку и осмотрѣвъ рабочія помѣщенія всѣхъ четырехъ промысловыхъ площадей, министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ А. С. Ермоловъ не нашелъ ни одного помѣщенія удовлетворительнымъ и заявилъ на совѣщаніи нефтепромышленниковъ, что «положеніе рабочихъ на промыслахъ возмутительно».

Рабочіе на нефтяныхъ промыслахъ живутъ отвратительно.

Часть рабочихъ живетъ прямо въ подвалахъ (принадлежащихъ нефтепромышленникамъ), въ нѣкоторыхъ рабочихъ казармахъ вовсе нѣтъ даже оконъ, болѣе 5% всѣхъ рабочихъ спятъ прямо на полу (земляномъ, асфальтовомъ и каменномъ), наконецъ, тремъ четвертямъ всѣхъ рабочихъ приходится жить почти безъ свѣта и воздуха и т. д., и т. д.

Деревня безъ земства. «Южное Обозрѣніе» даетъ краткую, но яркую характеристику «деревни безъ земства». Если вообще неприглядна жизнь современной деревни, въ которой царятъ бѣдность, темнота, грязь и т. п., то въ балтской деревнѣ, о которой собственно идетъ рѣчь, всѣ эти непривлекательныя стороны представляются какъ-то особенно подчеркнутыми и усиленными. Населеніе Балтскаго уѣзда почти поголовно безграмотно, и не только старики, но и молодежь въ возрастѣ 15—20 лѣтъ. Изъ двадцати человѣкъ едва одинъ умѣетъ разбирать по складамъ славянскую печать и сосчитать до ста. Ни въ одной избѣ вы не встрѣтите ни книжки, ни тѣмъ паче газеты; только на стѣнахъ висятъ иногда раскрашенныя этикетки отъ табачныхъ коробокъ, да картины сраженій англичанъ съ бурами. Иногда—и то у грамотея—попадается рукописная книжонка апокрифа «Хожденіе Богородицы по мукамъ», или рукописный же сборникъ наставленій неизвѣстнаго автора о томъ, въ какіе дни и зачѣмъ слѣдуетъ поститься. Вотъ все, что свидѣтельствуетъ о прикосновенности здѣшней деревни къ просвѣщенію! Благодарю такому отсутствію книги, газеты и вообще всякаго развлеченія, развивается въ деревнѣ пьянство, зачастую доходящее до грандіозныхъ размѣровъ. Въ одной изъ деревень сидѣлица винной лавки никакъ не можетъ справиться съ посѣтителями, которые въ лавкѣ же распиваютъ водку и не хотятъ уходить, потому что

изба, гдѣ помѣщается лавка, «опчественная», и стало быть «опчество», по мнѣнію деревенскихъ юристовъ, имѣетъ право дѣлать въ своей лавкѣ, что ему угодно. Отношеніе населенія къ водкопитію характеризуетъ еще и слѣдующій, довольно курьезный фактъ. Въ одной изъ деревень мужички весьма были недовольны тѣмъ обстоятельствомъ, что при покупкѣ водки въ казенной лавкѣ не даютъ ни штопора, ни рюмки. Тогда какой-то благодѣтель пожертвовалъ обществу и штопоръ, и рюмки, и стаканчики. Для этихъ предметовъ было устроено особое помѣщеніе въ завалинкѣ избы, гдѣ помѣщается лавка, и съ этихъ поръ каждый посѣтитель имѣетъ подъ рукою все необходимое для выпивки.

Медицинская помощь въ «деревнѣ безъ земства» отсутствуетъ.

Есть, правда, какіе то сельскіе врачи, но только никто ихъ никогда не видитъ, во-первыхъ, потому, что ихъ очень мало, во-вторыхъ потому, что участки ихъ чрезвычайно велики, и посѣщать или объѣзжать весь участокъ для врача нѣтъ никакой возможности. А между тѣмъ, всякія болѣзни довольно часто посѣщаютъ населеніе, живущее въ душныхъ, темныхъ избахъ, въ грязи и тѣснотѣ. Да и помимо инфекціонныхъ болѣзней, крестьянинъ то руку порѣжетъ, то ногу порубитъ и т. п.; а такъ какъ на рану не обращается никакого вниманія и въ лучшемъ случаѣ она завязывается грязной тряпкой, то естественнымъ результатомъ такой небрежности является гангрена. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ распространенъ сифилисъ иногда очень широко, но мѣръ противъ него не принимается никакихъ, такъ какъ слѣдить за этимъ некому: урядникъ живетъ далеко, староста разгуливаетъ съ палочкой по порученіямъ, да вдобавокъ и ничего не смыслитъ—и болѣзни предоставленъ полный просторъ.

Высшіе органы—исправникъ, мировой посредникъ—заглядываютъ въ деревню очень рѣдко, а низшіе—старосты, старшины—такъ же темны, такъ же не освѣдомлены относительно того, въ чемъ состоитъ ихъ служба, какъ и всякій другой крестьянинъ.

И живетъ себѣ деревня замкнутымъ міромъ, своей особой жизнью, болѣетъ, пьянствуетъ, и староста, расхаживая съ палочкой по улицамъ и напоминая каждому встрѣчному о недоимкахъ, довершаетъ картину деревенскаго житія и благополучія.

За мѣсяцъ. Во многихъ городахъ Россіи состоялось обновленіе мѣстныхъ органовъ городского самоуправленія на новое четырехлѣтіе. Почти повсемѣстно выборы гласныхъ дали одни и тѣ же результаты, которые можно свести къ слѣдующимъ двумъ положеніямъ: 1) купечество, изъ котораго, по закону 11-го іюня 1892 г. почти исключительно формируются наши городскія думы, не могло выдѣлить изъ своей среды и привести въ думы достаточнаго комплекта гласныхъ, такъ что полнаго состава думы мы не находимъ почти нигдѣ, и 2) несмотря на то, что выборы не сформировали полнаго состава городскихъ думъ, представители культурной части городского населенія, люди такъ называемыхъ свободныхъ профессій, удовлетворяющіе высокимъ требованіямъ имущественнаго ценза, потерпѣли на выборахъ серьезный уронъ, а тѣ изъ нихъ, которымъ удалось пройти въ гласные, получили на выборахъ ничтожное большинство голосовъ. Результаты эти, конечно, не могутъ благопріятствовать правильному теченію городского хозяйства, и вполнѣ понятно поэтому, что и въ печати. и въ обществѣ снова былъ поднятъ вопросъ о настоятельной необходимости передать городамъ квартирный налогъ и привлечь къ участію въ городскомъ самоуправленіи плательщиковъ этого налога—квартиронанимателей, которые внесутъ въ городскія учрежденія необходимое оживленіе и устранятъ изъ ихъ дѣятельности свойственную имъ въ настоящее время узкую односторонность. Но съ другой стороны, полное, при наличности свободныхъ мѣстъ въ думахъ, пораженіе интеллигенціи, которую безъ труда «проваливали» на выборахъ из-

биратели купеческой партіи, наводитъ на грустныя мысли о нынѣшней обособленности культурной части городского населенія и о рѣшительномъ ея неумѣніи или нежеланіи войти въ непосредственное соприкосновеніе съ городскими интересами и нуждами, что одно только и могло бы обезпечить ея успѣхъ на выборахъ.

— 31-го января с. г., на основаніи примѣчанія 1 къ ст. 628 устава таможеннаго (св. зак., т. VI, изд. 1892 г. и прод. 1895 г.) и приложенія къ ней и въ силу предоставленнаго министру финансовъ, по всеподданнѣйшему докладу 31-го марта 1900 г. права, министръ финансовъ, по соглашенію въ подлежащихъ частяхъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, объявилъ правительствующему сенату для распубликованія «о примѣненіи къ нѣкоторымъ провенансамъ Соединенныхъ Штатовъ повышенаго таможеннаго тарифа». Повышены пошлины на 30% для нѣкоторыхъ желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій, инструментовъ и машинъ, кромѣ сельскохозяйственныхъ, и на 25%—для чугуна въ дѣлѣ. Открывается такимъ образомъ съ Соединенными Штатами таможенная война, вызванная тѣмъ, что американскія таможенныя власти задержали партію русскаго сахара по настоянію мѣстныхъ заводчиковъ, потребовавшихъ дополнительнаго обложенія этого сахара въ размѣрѣ скрытой вывозной преміи, которой онъ пользуется въ Россіи. Судя по настроенію, существующему въ промышленныхъ и правительственныхъ кругахъ Соединенныхъ Штатовъ, не одобряющихъ рѣшительнаго поступка американскаго министра финансовъ Гэджа, возникшее недоразумѣніе можетъ быть улажено, прежде чѣмъ начнется таможенная война, крайне невыгодная для американскихъ промышленниковъ и для русскаго потребителя.

— Къ той же области торгово-промышленныхъ отношеній относится торжественное обѣщаніе германскаго канцлера повысить таможенныя пошлины на привозимый изъ Россіи хлѣбъ. Это обѣщаніе, данное канцлеромъ въ угоду нѣмецкимъ аграріямъ, вызываетъ сейчасъ въ Германіи протестъ со стороны либеральныхъ и особенно соціалистическихъ партій, которыя смотрятъ на дѣло съ точки зрѣнія интересовъ народа, являющагося въ своей многомилліонной массѣ потребителемъ русскаго хлѣба. Осуществленіе обѣщанной канцлеромъ репрессивной мѣры по отношенію къ вывозимому въ Германію русскому хлѣбу грозитъ, повидимому, намъ таможенной войной немедленно же по истеченіи срока (въ 1903 г.) торговаго договора съ Германіей. Органъ русскаго министерства финансовъ категорически заявляетъ, что «если имперскій канцлеръ не видитъ лучшаго средства для охраны великихъ производительныхъ силъ своей страны, какъ новое удорожаніе насущнаго хлѣба, потребляемаго германскимъ рабочимъ, то отсюда еще далеко не слѣдуетъ, чтобы этотъ государственный дѣятель, хорошо освѣдомленный о современномъ экономическомъ положеніи державъ, своимъ заявленіемъ имѣлъ въ виду кому-либо внушить надежду, что именно Россія,—держава и независимая, и могущественная,—согласится на заключеніе такого договора, при которомъ она должна будетъ подвергать свои сельскохозяйственныя произведенія еще болѣе высокому таможенному обложенію, чѣмъ нынѣ».

— Циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 18-го января с. г. объявлено, что начиная съ 1-го марта возстановляется для *слѣдующихъ въ Сибирь переселенцевъ* дѣйствіе удешевленнаго желѣзнодорожнаго тарифа, временно прекращенное распоряженіемъ отъ 5-го іюля прошлаго года. При этомъ, однако, губернаторомъ сдѣланы указанія о недопущеніи выдачи разрѣшеній на переселеніе въ цѣлый рядъ мѣстностей Сибири частью за недостаткомъ тамъ свободныхъ участковъ, частью въ виду поразившаго Сибирь неурожая хлѣбовъ и травъ.

— О положеніи въ Сибири переселенцевъ даетъ представленіе слѣдующее воззваніе канцеляріи комитета министровъ, которое мы помѣщаемъ здѣсь въ извлеченіи:

«На-днях изъ печати вышелъ отчетъ о состояніи особаго благотворительнаго фонда для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ,—фонда, образованнаго при комитетѣ Сибирской желѣзной дороги по иниціативѣ Августѣйшаго Предсѣдателя комитета Государя Императора почти четыре года назадъ. Цѣль отчета ознакомить тѣхъ лицъ, которыя сдѣлали пожертвованія въ этотъ фондъ, съ тѣмъ, какъ были израсходованы средства этого фонда и указать на то печальное обстоятельство, что нынѣ, когда потребность въ фондѣ увеличилась болѣе чѣмъ когда-либо, пожертвованія въ пользу недостаточныхъ сибирскихъ переселенцевъ совсѣмъ прекратились и такимъ образомъ средства фонда изсякли.

«Средства исчерпаны въ то время, когда изъ Сибири неотступно просятъ о помощи для голодающихъ, которыхъ такъ много въ Акмолинской области, въ Каинскомъ уѣздѣ Томской губерніи и Тюкалинскомъ и Ишимскомъ уѣздахъ Тобольской губ. Эти мѣстности особенно пострадали въ минувшемъ году отъ недорода и положеніе населенія въ нихъ до ужаса бѣдственно. Суровая зима съ 35—40 градусными морозами, постоянными снѣжными буранами, заметающими пути сообщенія, усугубляетъ тягость положенія, увеличиваетъ нужду въ помощи для неокрѣпшаго въ экономическомъ отношеніи молодого населенія Сибири.

«Все, что оставалось въ фондѣ—восемь слишкомъ тысячъ рублей, переведено уже для организаціи помощи голодающимъ въ Акмолинской области. Но что значитъ эта сумма, когда однихъ не приписанныхъ переселенцевъ, т.-е. не получившихъ еще земли и не устроившихся на участкахъ,—особенно бѣдствующихъ, насчитывается въ Акмолинской области до 100.000 чел., а оставить ихъ безъ помощи вѣдь нельзя.

«Всѣ пожертвованія, которыя теперь поступятъ въ благотворительный фондъ (эти пожертвованія принимаются въ канцеляріи комитета министровъ, С.-Петербургъ, Маріинскій дворецъ), будутъ направлены именно на этотъ предметъ, и потому чѣмъ больше такихъ пожертвованій будетъ собрано, тѣмъ больше голодныхъ и холодныхъ бѣдняковъ-переселенцевъ будутъ одѣты и накормлены».

— Опубликовано также извѣщеніе министерства внутреннихъ дѣлъ о недостаткѣ продовольственныхъ средствъ на югѣ Россіи, что повлекло уже ассигновку отъ казны на продовольствіе. Отмѣчая далѣе полную невозможность бороться со всѣми послѣдствіями голода одними ассигнованными средствами, оффиціальное сообщеніе не обращается, однако, къ обществу съ приглашеніемъ помочь народной нуждѣ,—оно только «не отрицаетъ цѣлесообразности» общественной помощи. Равнымъ образомъ сообщеніе не выясняетъ отношенія къ различнымъ формамъ общественной благотворительности, а указываетъ лишь на оффиціальныя учрежденія, куда можно направлять пожертвованія. А между тѣмъ опыты прежнихъ лѣтъ показали, что общественное доброжелательство охотно направляется лишь туда, гдѣ оно находитъ просторъ для проявленія собственной иниціативы и самостоятельности, и въ минувшую кампанію частные кружки оказали дѣлу продовольственной организаціи настолько существенные услуги, что игнорировать ихъ участіе въ настоящее время—значило бы сильно ослабить размѣры возможной помощи пострадавшимъ.

— Бѣдствіе, угрожавшее юго-востоку Россіи въ формѣ остро-заразной болѣзни, признано окончившимся, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго оффиціальнаго сообщенія:

Государь Императоръ 25-го декабря 1900 г. Высочайше соизволилъ возложить на его высочество принца Александра Петровича Ольденбургскаго общее руководство всѣми мѣропріятіями по борьбѣ съ появившеюся въ юго-восточныхъ губерніяхъ Имперіи эпидеміею. Нынѣ, исполнивъ упомянутое порученіе, его высочество имѣлъ счастіе повергнуть на Всемилостивѣйшее Его Императорскаго

Величества благовоззрѣніе всеподданнѣйшій отчетъ свой по означенной командировкѣ. На означенномъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ Государю Императору благоугодно было, во 2-й день сего февраля, Собственноручно начертать: «Выражаю Мою искреннюю благодарность принцу А. П. Ольденбургскому за блестяще исполненное имъ порученіе. Поручаю Его Высочеству передать Мою особую похвалу всѣмъ потрудившимся, по его усмотрѣнію».

— Земства сильно встревожены дошедшимъ до ихъ свѣдѣнія проектомъ министерства народнаго просвѣщенія особаго «Наказа училищнымъ совѣтамъ». Общее направленіе «Наказа»,—какъ его характеризуютъ въ представленномъ харьковскому губернскому земскому собранію докладѣ члены училищнаго совѣта отъ земства,—заключается въ слѣдующемъ: 1) инспекторъ имѣетъ право наложить свое безапелляціонное veto на всякое рѣшеніе земства учредить школу; 2) земство совершенно отстраняется отъ выбора кандидатовъ на учительскія мѣста,—это право предоставляется инспектору; 3) установленіе размѣра содержанія училищъ передается изъ рукъ земства училищнымъ совѣтамъ, всѣми правами которыхъ, въ свою очередь, въ теченіе 359 дней въ году пользуется инспекторъ; 4) земство устраняется отъ всякаго участія въ выборѣ книгъ и учебныхъ пособій и даже въ исключеніи ихъ за ветхостью; 5) земство лишается права производить по собственной иниціативѣ врачебно-санитарный осмотръ школъ и учениковъ; 6) земство лишается права приступить къ постройкѣ дома для школы безъ одобренія проекта и 7) земство лишается права награждать учителей безъ разрѣшенія училищныхъ совѣтовъ или инспектора.

Къ этому надо добавить, что все сказанное о земствѣ распространяется также на городскія и общественныя учрежденія и на частныхъ лицъ, и что «Наказъ» отнимаетъ право у этихъ послѣднихъ отдавать дѣлу народнаго образованія свои труды безвозмездно. Такимъ образомъ, земство, города, общества и частныя лица проектомъ совершенно отстраняются отъ всякаго участія въ дѣлѣ народнаго образованія и приглашаются лишь къ денежнымъ пожертвованіямъ, которыми будутъ по своему усмотрѣнію распоряжаться агенты министерства. Всѣ воскресныя школы и многія школы общаго типа, въ которыхъ въ настоящее время преподаваніе ведется трудомъ лицъ, отдающихъ свои досуги дѣлу народнаго просвѣщенія безвозмездно, подлежатъ закрытію.

Узнавъ, можно сказать, совершенно случайно о существованіи проекта, который, не считаясь съ дѣйствующимъ законодательствомъ, грозитъ окончательно устранить. участіе общества въ великомъ дѣлѣ борьбы съ народнымъ невѣжествомъ, земскія учрежденія съ рѣдкимъ единодушіемъ спѣшатъ высказать свое отрицательное отношеніе къ «Наказу». Такое же отрицательное отношеніе къ «Наказу» высказываетъ и вся русская печать, безъ различія партій и направленій, и вотъ, что напримѣръ, въ унисонъ со всѣми остальными органами прессы говоритъ о «Наказѣ» органъ петербургской духовной академіи «Церковный Вѣстникъ»:

«Многолѣтній опытъ, показалъ, что правительство въ своихъ заботахъ о поднятіи народнаго образованія нисколько не ошиблось, ожидая существенной поддержки отъ самого общества, и съ этою цѣлью привлекая общество въ видѣ цѣлыхъ учрежденій или отдѣльныхъ лицъ къ живому участію въ дѣлахъ народной школы. Благодаря такому пріему, открывшему широкій просторъ общественной энергіи, народная школа получила такіе размѣры, какихъ она не въ состояніи была бы достигнуть единственно средствами казны. Положеніе казны и въ настоящее время не настолько блистательно, чтобы она могла снять съ учрежденій и частныхъ лицъ и принять на себя тяготу по содержанію существующихъ уже школъ, а на будущее время еще увеличивать расходы по открытію школъ новыхъ. Между тѣмъ, отнять у учрежденій и частныхъ лицъ ихъ права по отношенію къ школамъ—значитъ парализовать въ

нихъ всякій интересъ и всякое желаніе трудиться и жертвовать на пользу школъ. При такихъ условіяхъ не только немыслимо дальнѣйшее преуспѣяніе, но и поддержаніе достигнутыхъ уже успѣховъ является дѣломъ проблематичнымъ. Это—слишкомъ серьезная сторона, чтобы не принимать ея въ разсчетъ и съ легкимъ сердцемъ рѣшаться на ломку порядковъ, цѣлесообразность которыхъ оправдывается результатами. Отъ добра добра не ищутъ»...

Вопросъ объ организаціи общественнаго призрѣнія въ Черниговскомъ губ. земствѣ.

(Письмо изъ Чернигова).

Какъ извѣстно, въ земскихъ губерніяхъ дѣло общественнаго призрѣнія находится въ рукахъ земства. Но почти ни въ одной земской губерніи нѣтъ правильной организаціи дѣла общеественнаго призрѣнія, подобной, напр., хотя бы земской медицинской организаціи.

Въ черниговскомъ губ. земствѣ это дѣло также находится, можно сказать, въ самомъ хаотическомъ состояніи. Въ послѣдней сессіи черниговскаго губ. земскаго собранія вопросъ этотъ былъ, наконецъ, поставленъ на очередь по инціативѣ губ. зем. управы или, вѣрнѣе, ея предсѣдателя, который уже давно интересуется этимъ вопросомъ и которымъ въ разное время было представлено въ губ. зем. собраніе три доклада. Такъ какъ, обыкновенно, губ. зем. собранія не успѣваютъ разсмотрѣть и половины докладовъ, ограничиваясь лишь такъ называемыми «дѣловыми» докладами, то и названный выше вопросъ могъ дождаться своей очереди только въ эту сессію.

Содержаніе всѣхъ учрежденій, имѣющихъ отношеніе къ лѣченію и призрѣнію (больницы, богадѣльни, пріюты), обошлось бывшему черниговскому приказу общ. призрѣнія въ 1864 г. въ 45.891 р. 17 к. Губернское же земство на тотъ же предметъ израсходовало въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ минувшаго столѣтія 203.436 р., т.-е. почти въ пять разъ больше. Но, по совершенно вѣрному замѣчанію доклада губ. управы, для оцѣнки дѣятельности земства въ этомъ отношеніи необходимо сравнить то что сдѣлано съ тѣмъ, что остается еще сдѣлать. «Съ этой точки зрѣнія,—читаемъ мы въ докладѣ губ. управы,—дѣятельность земства является далеко недостаточной по сравненію съ задачей, которую ему пришлось взять на себя». Оказывается вотъ что: а) *дѣти*: изъ 1.177 душъ дѣтей (приблизительная цифра) въ Черниговской губ., нуждающихся въ призрѣніи, *только 207 душъ* получаютъ пособіе отъ земства въ размѣрѣ отъ $1^1/_2$ р. до 15 р. въ мѣсяцъ: они призрѣваются «въ благонадежныхъ семействахъ подъ надзоромъ попечителей и должны посѣщать сельскую школу». По свидѣтельству управы, по отношенію къ этимъ дѣтямъ «земство не имѣетъ достаточной увѣренности въ томъ, что они *дѣйствительно* призрѣны». Земскій (мужской) сиротскій домъ въ іюлѣ настоящаго года будетъ по постановленію собранія закрытъ, а дѣти размѣщены по школамъ (гимназіи, городскія училища, ремесленныя школы, с.-х—ныя и т. п.). Что же касается дѣтей, не попадающихъ въ сферу земскаго призрѣнія, то, по словамъ управы, положеніе ихъ остается на той же степени неудовлетворительности, на какой оно находилось десятки лѣтъ тому назадъ». Также печальна участь и др. лицъ, нуждающихся въ общественной помощи—неимущихъ стариковъ, вообще бѣдныхъ, больныхъ, калѣкъ, слѣпыхъ, лицъ обремененныхъ дѣтьми, вдовъ и т. п. Ихъ положеніе нисколько не улучшилось со времени учрежденія земства: помощь имъ—недостаточна, несвоевременна, а въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ и вовсе отсутствуетъ.

Эта—при настоящихъ условіяхъ обычная участь выбывшихъ изъ строя... «Все это будетъ неизбѣжно продолжаться до тѣхъ поръ,—говорится въ докладѣ губ. управы,—пока на мѣстѣ, въ каждомъ значительно населенномъ пунктѣ, изъ мѣстныхъ жителей, не будетъ образовано учрежденіе, обязанное и имѣющее возможность входить въ положеніе нуждающихся въ общественной помощи своей мѣстности и на мѣстѣ распоряжаться этой общественной помощью. Отсюда—необходимость учрежденія новыхъ органовъ надзора, дѣйствующихъ непосредственно—на самомъ мѣстѣ призрѣнія, т.-е. учрежденія мѣстныхъ попечительствъ, Пока не будетъ такого попечительства въ каждомъ селеніи и притомъ, пока въ этомъ попечительствѣ не будетъ участвовать мѣстный интеллигентный и состоятельный классъ, — общественная помощь будетъ обходиться дорого, расходоваться зря и, кромѣ всего этого, являться—въ одномъ случаѣ лишней, въ другомъ—недостаточной и запоздалой... Только мѣстное попечительство даетъ каждому возможность сознательно приложить свой личный трудъ на пользу ближняго, исполнить христіанскій долгъ не съ одной только формальной стороны, но дѣйствительной и разумной помощью страждующему человѣчеству. Вмѣстѣ съ этимъ, только путемъ попечительствъ, можетъ быть въ самомъ источникѣ (?) прекращено нищенство, устроенъ патронатъ надъ вышедшими изъ больницы, дѣтьми, отданными на воспитаніе въ семейства къ хозяевамъ и въ мастерскія, надъ лицами отбывшими наказаніе, или сосланными и ихъ дѣтьми, идіотами и падшими женщинами».

Въ заключеніе своего доклада губ. управа представила губ. земск. собранію «Проектъ нормальнаго устава мѣстныхъ благотворительныхъ попечительствъ». Губ. зем. собраніе отнеслось очень сочувственно къ этому предложенію губ. управы, при чемъ по этому поводу въ собраніи возникли самыя оживленныя пренія: одни поддерживали основную мысль управы, другіе же относясь также сочувственно къ предложенію управы, шли дальше. Они ставили вопросъ на болѣе твердую почву, признавая нужнымъ дѣло общественнаго призрѣнія сдѣлать *обязательнымъ* для земства,—чтобы это дѣло стало такимъ же *земскимъ* дѣломъ, какъ медицина, народное образованіе и т. п. Какъ земство *обязано* учить и лѣчить народъ, доказывалъ почтенный гл. Миклашевскій, который и былъ иниціаторомъ такой постановки вопроса—точно также оно *обязано* и призрѣвать всѣхъ тѣхъ, кто волею судебъ присужденъ обратиться къ общественной помощи... Гласный настаивалъ на томъ, что элементъ *благотворительности* долженъ быту здѣсь устраненъ... Онъ не надѣется, чтобы утвержденіемъ устава благотворительныхъ попечительствъ (что предлагали и управа, и коммиссія) это дѣло двинулось впередъ... Уже и теперь существуетъ нормальный уставъ подобнаго рода учрежденій, однако дѣло, достойное всякаго вниманія, не двигается впередъ... Земство только тогда можетъ разсчитывать на какіе-нибудь результаты, если *активно—на земскія средства*—возьмется за это дѣло... Въ заключеніе своихъ весьма убѣдительныхъ доводовъ, гл. Миклашевскій предлагалъ поручить губ. управѣ къ будущему губ. зем. собранію представить въ смыслѣ его предложеній соотвѣтственный докладъ, теперь же, пока не дѣлать никакихъ постановленій: серьезное дѣло требуетъ и самаго серьезнаго къ себѣ отношенія...

Никто изъ говорившихъ гласныхъ не отрицалъ, что постановка дебатируемаго вопроса, сдѣланная гл. Миклашевскимъ, заслуживаетъ полнаго сочувствія, но что *такой* путь—путь долгій, а между тѣмъ дѣло, жизнь не ждетъ... Между прочимъ, губ. управа, рѣшая данный вопросъ, если можно такъ выразиться, въ «полумѣрномъ» смыслѣ, въ то же самое время въ своемъ нормальномъ уставѣ вводила также принципъ обязательности въ дѣлѣ призрѣнія нуждающихся. Коммиссія же не согласилась съ этимъ мнѣніемъ управы, такъ какъ, по ея мнѣнію, «принудительный и обязательный характеръ благотворительныхъ учреж-

леній является нежелательнымъ и крайне неудобнымъ въ общественной жизни». (Своеобразная форма манчестерства на земской почвѣ). Затѣмъ, коммиссія признала нужнымъ замѣнить слова «*приходскія* попечительства»(какъ предлагала ихъ управа), выраженіемъ—«попечительства общественной благотворительности»,—ибо какъвполнѣ вѣрно объяснилъ докладчикъ смѣтной коммиссіи гл. Лизогубъ, со словомъ «приходъ» въ обыденной жизни соединяется понятіе о «*церковномъ приходѣ*»; между тѣмъ попечительства должны стоять внѣ разныхъ религіозныхъ сектъ и теченій и обращать свою дѣятельность на всѣхъ лицъ безъ различія вѣроисповѣданія, сословія *) и т. п. Управа не настаивала на этихъ двухъ пунктахъ, послѣ чего собраніе постановило: 1) утвердить выработанный коммиссіей проектъ устава мѣстныхъ попечительствъ общественной благотворительности въ Черниговской губерніи, поручивъ губ. управѣ представить его на утвержденіе министру внутреннихъ дѣлъ въ установленномъ порядкѣ и 2) въ виду предложенія гл. Миклашевскаго, собраніе выбрало коммиссію (куда вошла и губ. управа и гл. Миклашевскій), которой и поручило разработать къ будущему губ. земскому собранію вопросъ о болѣе дѣятельномъ участіи губернскаго и уѣздныхъ земствъ въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія.

Въ заключеніе нашей корреспонденціи приведемъ въ существенныхъ чертахъ содержаніе утвержденнаго губ. зем. собраніемъ проекта упомянутаго устава.

Цѣль проектируемыхъ попечительствъ—оказаніе матеріальной и нравственной поддержки бѣднымъ безъ различія пола, возраста, званій и вѣроисповѣданій, призрѣніе сиротъ, оказаніе неимущимъ медицинской помощи, устройство больницъ, пріютовъ, богадѣленъ, открытія общественныхъ столовыхъ, чайныхъ, дешевыхъ квартиръ, ночлежныхъ домовъ и домовъ трудолюбія и т. п. Членами попечительствъ могутъ быть лица совершеннолѣтнія обоего пола, безъ различія званій, состояній и вѣроисповѣданія. Попечительство открывается членами учредителями въ числѣ не менѣе трехъ лицъ, живущихъ въ предѣлахъ одного прихода, села, мѣстечка или города. Лица, желающія вступить въ члены попечительства, избираются въ собраніяхъ членовъ, по большинству голосовъ.—Утверждаются попечительства властью губернатора, по представленію уѣздныхъ земскихъ управъ. Средства попечительства слагаются изъ добровольныхъ пожертвованій деньгами и вещами, изъ доходовъ отъ концертовъ, лекцій, литературныхъ чтеній и т. п. Кромѣ того, попечительства могутъ пользоваться средствами губ. земства, ассигнуемыми въ распоряженіе уѣздныхъ земствъ въ размѣрѣ не свыше ассигновокъ на тотъ же предметъ уѣздныхъ земствъ. При закрытіи попечительства, всѣ наличныя средства поступаютъ въ распоряженіе уѣзднаго земства на дѣло общ. призрѣнія. Собранія членовъ происходятъ по мѣрѣ надобности. Дѣлами попечительства управляетъ правленіе и т. п.

Сравнивая этотъ проектъ устава попечительствъ общественной благотворительности съ изданнымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 1897 г., «примѣрнымъ уставомъ обществъ пособія бѣднымъ», должно отдать значительное преимущество только что изложенному уставу, ибо министерскій уставъ во-1-хъ какъ выразилась коммиссія зем. собранія, «вводитъ въ дѣло излишнюю регламентацію» и во-2-хъ общественная благотворительность, согласно этому уставу, будетъ опираться по выраженію доклада губ. управы, не на всемъ населеніи, а лишь на нѣсколькихъ лицахъ (земскіе начальники и т. п.) Затѣмъ, слѣдуетъ указать и на то, что правительственный уставъ требуетъ отъ членовъ взноса въ размѣрѣ не менѣе 3-хъ руб., что, безъ сомнѣнія, будетъ тормазомъ въ дѣлѣ развитія подобныхъ благотворительныхъ учрежденій.

---

*) Замѣтимъ. что управа, употребляя «приходъ» понимала его *только* въ административномъ смыслѣ.

Въ виду сказаннаго, можно надѣяться, что уставъ, выработанный черниговскимъ губ. земствомъ, нѣсколько двинетъ впередъ дѣло насажденія попечительствъ, въ особенности если земства будутъ приходить къ нимъ съ матеріальной помощью... Разумѣется, особенныхъ результатовъ въ этой сферѣ и при земскомъ уставѣ ожидать нельзя, ибо для этого требуется существованіе въ обществѣ извѣстной привычки къ общественной самодѣятельности, чего мы, русскіе, благодаря нашимъ чисто русскимъ условіямъ, къ великому сожалѣнію, не пріобрѣли еще. Какъ бы то ни было, къ только что приведенному постановленію черниговскаго губ. зем. собранія можно отнестись только сочувственно... Но еще большаго сочувствія заслуживаетъ предложеніе гл. Миклашевскаго, такъ какъ пора же признать, что люди, стоящіе на среднихъ и верхнихъ ступеняхъ общественно-экономической лѣстницы—а изъ нихъ только и состоитъ наше россійское земство—*обязаны* позаботиться о тѣхъ лицахъ, которыя, волею существующихъ общественно-экономическихъ отношеній, впали въ нищету и болѣзнь .. Обязаны потому, что эти стоящіе вверху люди—какъ ни какъ—пользуются благами современной цивилизаціи, имѣющей, какъ извѣстно, своего Пятницу... Кстати, вѣдь, это вполнѣ будетъ соотвѣтствовать матеріальнымъ интересамъ самихъ же земцевъ. Нечего добавлять, что проектированная черниговскимъ губ. земствомъ мѣра не можетъ «прекратить нищенство въ самомъ источникѣ», какъ о томъ фантазируетъ губ. зем. управа». Хорошо уже будетъ и то, что бѣдный и нищій найдутъ себѣ сколько-нибудь сносный пріютъ... I. Д—въ.

Борьба Вятскаго земства съ лубочными изданіями.

(Письмо изъ Вятки).

Одной и чуть ли не важнѣйшей функціей земскаго книжнаго склада среди другихъ (удешевленіе вообще книгъ, учебниковъ, учебныхъ пособій и т. д.), является *вытѣсненіе* съ сельскихъ рынковъ дешевыхъ, но ничего общаго съ цѣлями просвѣщенія народа не имѣющихъ лубочныхъ изданій нашихъ московскихъ издателей (Манухина, Брилліантова, Губанова и др.) и *замѣна* ихъ хорошей и дешевой книгой. Различныя «Загробныя жизни», «Школы секретныхъ болѣзней», «Новая памятная книга для влюбленныхъ», «Руководство какъ учить женъ, чтобы жить съ ними въ ладу», распространяемыя офенями въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ по обширному лицу нашей родины, конечно, вносятъ въ деревню и на фабрику цивилизацію, но какую?!.. А что эти книги страшно расходятся въ народѣ, позволю себѣ привести одинъ изъ тысячи примѣровъ. На Алексѣевской ярмаркѣ въ г. Котельничѣ Вятской губерніи въ 1900 г., было продано заѣзжими торгашами книгъ, картинъ духовнаго и свѣтскаго содержанія на 1.900 руб. («Сынъ Отеч.», № 115, 1900 г.). А такъ какъ главными читателями этой книжной макулатуры является юная наша деревня, прошедшая земскую школу, которая все же привила народу вкусъ къ книгѣ, то, судите сами, какъ велико зло отъ такого порядка вещей!.. Конечно, молодежь могла бы и обратиться за книгой въ библіотеки, но составъ ихъ, по общему признанію крестьянъ, крайне неудовлетворителенъ. И не мудрено. Каталоги сельскихъ библіотекъ и безъ того были и есть скудны, а въ нашей губерніи ихъ еще болѣе обездолили ревизіи. Эти ревизіи совершались по губерніи становыми въ концѣ 1896 г. и позже. Причемъ «чины полиціи допускали слишкомъ большое разнообразіе взглядовъ и усмотрѣній, послѣдствіемъ чего и было изъятіе значительнаго числа книгъ» (отъ 14-ти до 97-ми названій №№ въ

каждой библіотекѣ), какъ говоритъ губернская земская управа въ своемъ докладѣ (№ 70, стр. 6, 7 и 8) губернскому собранію XXXI очередной сессіи 1897 г.

Отбирались ревизорами между другими и слѣдующія вредныя для нравственности народа книги: «Житіе Зосимы и Савватія», «О Евлаліи», «Иванъ Гуссъ», «Бояринъ Орша», «Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ», «Кавказскій плѣнникъ», «Сочиненія Пушкина», «Русланъ и Людмила», «Сочиненія Лермонтова», «О повальныхъ болѣзняхъ», «Друзья», «По лѣсу», «Крестьянское хозяйство», «Кто выдумалъ желѣзную дорогу?» и «Удобреніе почвы», и т. п.

Вслѣдствіе этого новый читатель изъ народа съ жадностью набрасывается на все преподносимое ему на книжномъ рынкѣ и раскупаетъ. Крупные московскіе торговцы и издатели съ Никольской вполнѣ подтверждаютъ это, говоря, что «они даже не знаютъ, что такое залежавшееся, не нашедшее сбыта изданіе. Такихъ у нихъ не бываетъ. Что бы они ни издали, какъ бы плохо это изданіе ни было—оно, во всякомъ случаѣ, непремѣнно разойдется въ народѣ...» То же будетъ справедливо сказать по отношенію къ качеству лубочныхъ картинъ, громадной массой расходящихся по деревнямъ. Всѣ эти «Кавалеры» съ лакейскими физіономіями, декольтированныя «Розы», «Амаліи», «Сцены въ отдѣльныхъ кабинетахъ» до сихъ поръ (XX столѣтіе), выполняютъ свою культурную миссію—поднять эстетическое чувство, чувство художественной правды среди обитателей нашихъ Погорѣловокъ, Неѣловокъ, Неурожаекъ тожъ...

Вятское губернское земство давно уже выступило на путь возможно широкаго развитія въ народѣ образованія по иниціативѣ покойнаго предсѣдателя Губернской Земской Управы А. П. Батуева, организовало 3.000 сельскихъ библіотекъ, значительное число библіотекъ-читаленъ, безплатную раздачу книгъ грамотному населенію, народныя чтенія, воскресно-повторительные курсы, безплатно разсылаемую земскую «Вятскую Газету» и мн. др. Не могло оно, конечно, остаться безучастнымъ и къ вопросу: «что читаетъ народъ?» и не попытаться придти къ нему на помощь изданіемъ хорошей и дешевой книги. Къ такому рѣшенію земство пришло также и по соображеніямъ чисто, такъ сказать, экономическимъ. Обязанное заботиться о поднятіи матеріальнаго положенія населенія, земство предприняло и осуществляетъ уже цѣлый рядъ мѣропріятій экономическаго характера: агрономію, кустарные промыслы и т. п. При реализаціи своихъ мѣропріятій земство натолкнулось на препятствіе—на невѣжество, низкій уровень развитія народа. Исходя, главнымъ образомъ, изъ необходимости устранить этотъ серьезный тормазъ хотя въ будущемъ, и тѣмъ продуктивнѣе работать для поднятія матеріальнаго положенія народа, земство приступило, между прочимъ, къ изданію собственныхъ книгъ для чтенія по естествовѣдѣнію, гигіенѣ, отечественной географіи, исторіи, сельскому хозяйству, ветеринаріи, ремесламъ и Закону Божію.

Первая попытка изданія книгъ была сдѣлана вятскимъ книжнымъ складомъ въ 1897 году, когда выпущены были слѣдующія дешевыя земскія изданія: 1) «Преподобный отецъ Трифонъ, вятскій чудотворецъ». Дьякона Чемоданова. $4^5/_{16}$ листа Ц. 10 коп. 2) «Русланъ и Людмила». Поэма Пушкина. $3^3/_{16}$ л. Ц. 5 к. 3) «Сказки, Русалка и пѣсни западныхъ славянъ». Его же. $4^1/_{16}$ л. Ц. 6 коп. 4) «Капитанская дочка». Его же. 6 л. Ц. 10 коп. 5) «Полтава». Его же. $2^1/_2$ л. Ц. 5 коп. 6) «Стихотвореніе». Его же. $1^7/_{16}$ л. Ц. 3 коп. 7) «Бояринъ Орша». Лермонтова. $1^5/_{16}$ л. ц. 3 коп. 8) «Пѣсня про купца Калашникова». Его же. $^{11}/_{16}$ л. Ц. 1 коп. 9) «Мцыри». Его же. 1 л. Ц. 2 к. 10) «Бэла». Разсказъ. Его-же. $2^3/_{16}$ л. Ц. 4 коп. 11) «Стихотворенія». Его-же. 2 л. Ц. 3 коп. 12) «Приготовленія извести». Горностаева. $1^3/_8$ л. Ц. 4 к. 13) «Кирпичное производство». Горностаева и Шкляева. $2^3/_8$ л. Ц. 6 коп. 14) «На нивѣ народной». Разсказъ Блинова. 1 л. Ц. 2 коп. 15) «Трудовой

крестьянскій годъ». Блинова. $1^5/_8$ л. Ц. 5 коп. 16) «Недоросль». Фонвизина. $3^7/_{16}$ л. Ц. 5 коп. 17) «Робинзонъ Крузо», по сочиненію Дефо съ рис.

Попытка закончилась блестяще: всѣ книги быстро разошлись и потребовалось изданіе многихъ изъ нихъ повторить, въ виду сильнаго на нихъ спроса. Книжный складъ, имѣя въ своемъ распоряженіи ограниченныя оборотныя суммы (50 тыс. руб.), естественно, не въ силахъ платить авторамъ-писателямъ за перепечатку ихъ произведеній. А потому еще въ 1898 г. обратился письменно съ запросомъ, на какихъ условіяхъ они могли бы разрѣшить Вятскому земству перепечатку ихъ сочиненій для сельскихъ библіотекъ и для продажи народу. Получены слѣдующіе отвѣты: 1) Л. Толстой представилъ право это на всѣ свои сочиненія съ 1881 г. безплатно; 2) Вл. Короленко, Елпатьевскій, Горькій и Ивановичъ—тоже. Но въ виду недопущенія этихъ писателей въ библіотеки-читальни, ихъ разрѣшеніемъ земство пока не воспользовалось; 3) Н. Гусевъ разрѣшилъ безплатно издать его «Дѣти любите птичекъ»; 4) Врачъ Ивановскій свою брошюру «Худая болѣзнь»—тоже. 5) Станюковичъ разрѣшилъ, но безъ права продажи. 6) В. И. Водовозовъ, Слѣпцова и Харьковское Общество грамотности согласіе дали на безплатную перепечатку, но по цензурнымъ условіямъ складъ пока не могъ воспользоваться. Въ настоящемъ (1901 г.) приступлено къ изданію 41-й книги. Кромѣ того, въ нынѣшнемъ же году будутъ изданы дешевыя изданія для народа и школъ сочиненія Гоголя, въ виду того, что 21-го февраля 1902 г. исполнится 50 лѣтъ со дня смерти великаго писателя. На изданіе послѣднимъ губернскимъ собраніемъ отпущено 3 тыс. руб. Одно изданіе будетъ сверхъ 10-ти тысячъ экз. и даже съ иллюстраціями большое въ 2-хъ томахъ, ц. 55 коп., и второе сокращенное (школьное) цѣною въ 15 коп. Кромѣ этихъ двухъ изданій будутъ выпущены ко дню юбилея отдѣльныя дешевыя произведенія Гоголя: «Сорочинская ярмарка» — 4 коп., «Майская ночь или утопленница»—4 коп., «Ночь подъ Рождество»—6 коп., «Старосвѣтскіе помѣщики»—4 коп., «Тарасъ Бульба»—10 к., «Ревизоръ»—7 к.

Книжный складъ, имѣя въ настоящее время уже опытъ въ издательскомъ дѣлѣ, получая бумагу непосредственно съ фабрики и печатая книжки свои въ большемъ количествѣ, въ текущемъ году разсчитываетъ, что книжка-листовка (въ 32 стр. малаго формата) обойдется ему въ $^3/_4$ коп. или немного дороже, а при этихъ условіяхъ земскія изданія вполнѣ уже могутъ конкурировать съ лубочными. Что же касается изданій какъ собственныхъ, такъ имѣющихся въ складѣ для продажи, по цѣнѣ превышающихъ цѣну лубочныхъ обычно на 20 коп. на сотню, то складъ сдаетъ ихъ офенямъ (имѣется 30 лицъ) вольнымъ по цѣнѣ лубочныхъ. Получаемый складомъ дефицитъ покрывается изъ оборотовъ по др. отраслямъ торговли. Офени (не по найму) пользуются отъ склада и его 15 отдѣленій кредитамъ по 10 руб. на лицо. Такимъ путемъ складъ Вятскаго земства, кромѣ удешевленія хорошей книги, еще и приближаетъ ее къ народу. Хотя, несомнѣнно, все это капля въ морѣ, но вѣрно то, что земство серьезно выступило на этотъ путь, по нашему—единственно раціональный въ настоящее время и при настоящихъ условіяхъ, путь доставленія народу хорошей и дешевой книги, сравнявъ въ цѣнѣ ее съ лубочной для своей, по крайности, губерніи.

Вятичъ.

Изъ русскихъ журналовъ.

Педагогическіе идеалы буржуазіи. Г. *Н. Кудринъ* въ своемъ письмѣ изъ Франціи («Рус. Богатство», январь) характеризуетъ взгляды на образованіе современнаго французскаго общества. Между тѣмъ какъ организація начальнаго

образованія, повидимому, утвердилась прочно во Франціи, система средняго образованія является очень неустойчивой. Время отъ времени колебанія, недовольство, требованія реформъ въ средней школѣ обостряются, приводятъ къ пересмотру программъ и тѣмъ или другимъ измѣненіямъ. Въ послѣднее время Франція какъ разъ переживаетъ кризисъ въ вопросѣ о среднемъ образованіи: именно, въ 1899 г. была избрана парламентская комиссія для изученія сравнительныхъ выгодъ и невыгодъ классическаго и реальнаго образованія, а на дняхъ закончились засѣданія высшаго совѣта при министерствѣ народнаго просвѣщенія, вынесшія рѣшеніе произвести ломку программъ и классической, и, особенно, реальной школы, которой хотятъ придать болѣе практическій и профессіональный характеръ. Основаніемъ для настоящей статьи послужили г. Кудрину труды вышеупомянутой парламентской комиссіи изъ тридцати трехъ членовъ, работавшихъ подъ предсѣдательствомъ Рибо. Шесть томовъ этой «анкеты по среднему образованію» заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ, составленный изъ опросовъ различныхъ лицъ и учрежденій и даютъ возможность автору вывести вопросъ изъ сферы чисто педагогической и поставить тезу общественнаго характера: «каковы современные педагогическіе идеалы мѣщанства, какую цѣль преслѣдуетъ современная буржуазія при образованіи и воспитаніи молодыхъ поколѣній, на что, наконецъ, человѣчество можетъ разсчитывать, чего оно можетъ ждать отъ имущихъ и правящихъ классовъ на рубежѣ XIX и XX вѣковъ?» Прежде всего авторъ отмѣчаетъ необычайную пестроту и хаотичность во взглядахъ на образованіе: тутъ борются между собою и лицемѣрная идеологія, и матеріальные разсчеты, и вѣковыя традиціи,—буржуазія оказывается безсильной столковаться по капитальному вопросу о воспитаніи будущихъ поколѣній. Напр., сторонники классической системы въ защиту своихъ мнѣній высказываютъ цѣлый рядъ діаметрально-противоположныхъ соображеній: изученіе классицизма оказывается важнымъ то по своему внутреннему содержанію, то какъ формальная дисциплина ума; то оно вводитъ насъ въ міръ чуждый, совсѣмъ не похожій на нашъ, то, наоборотъ, знакомитъ съ жизнью, совершенно подобною современной; то учитъ альтруизму, то развиваетъ личный, эгоистическій интересъ и т. д., и т. д. Далѣе слѣдуютъ мнѣнія лицъ, скептически относящихся къ благодѣяніямъ классицизма и объясняющихъ высокое стояніе его въ современномъ обществѣ, главнымъ образомъ, практическими разсчетами: классическое образованіе даетъ баккалаврство (нѣчто въ родѣ нашего аттестата зрѣлости), а вокругъ баккалаврства сосредоточены всѣ помыслы громаднаго большинства буржуазіи, ибо званіе баккалавра даетъ доступъ въ высшія учебныя заведенія. Не только классическая, но и реальная средняя школа завершается экзаменомъ на баккалавра, съ тою, однако, разницею, что реалисту закрытъ путь на три факультета (юридическій, медицинскій и отчасти словесный). Это чисто практическое отношеніе къ образованію, не прикрытое никакими возвышенными соображеніями, всецѣло господствуетъ въ буржуазномъ большинствѣ, какія бы безкорыстныя и идеальныя стремленія не высказывались въ верхнихъ слояхъ, среди избраннаго меньшинства. Обычная буржуазная точка зрѣнія состоитъ въ томъ, что съ помощью образованія необходимо удержать политическое и экономическое господство класса. Средняя школа съ увѣнчивающимъ ее баккалаврствомъ создаетъ привилегированное положеніе для своихъ питомцевъ и обособляетъ ихъ отъ трудящихся массъ, ибо, согласно обычаю, большая часть государственныхъ должностей замѣщается лишь баккалаврами. Итакъ, значеніе средней школы состоитъ въ томъ, что она поднимаетъ буржуазію надъ простымъ народомъ, ограничивающимся по большей части первоначальной или профессіональной школой. Благодаря привилегіи на занятіе государственныхъ должностей, буржуазія поставляетъ огромную армію чиновниковъ, постоянно возрастающую въ числѣ и

поглощающую все большую и большую долю государственнаго бюджета: такъ, за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ народонаселеніе Франціи увеличилось на одну десятую, число служащихъ возросло на 100%, а сумма выплачиваемаго имъ содержанія на 150%. При такомъ непропорціональномъ размноженіи чиновничества, само собою разумѣется, количество труда, доставляемаго каждымъ чиновникомъ, является незначительнымъ. Такимъ образомъ, современный французскій бюджетъ все болѣе обнаруживаетъ тенденцію превращаться въ орудіе кормленія буржуазіи. При наплывѣ на доходныя чиновническія мѣста дипломъ баккалавра служитъ хорошимъ «паспортомъ»; притомъ, въ силу стариннаго предразсудка, именно классическое образованіе считается настоящимъ, высшимъ образованіемъ, передъ которымъ легче раскрываются врата чиновничьяго царства: вотъ истинный источникъ того поклоненія классицизму, которое еще крѣпко держится во Франціи. Споръ о сравнительной цѣнности классическаго и реальнаго образованія рѣшается опять-таки перевѣсомъ чисто практическихъ выгодъ. Классическій курсъ продолжается десять лѣтъ, реальный—девять, и вотъ въ послѣднее время (со времени реформы 1891 г., въ значительной степени уравнявшей права реальнаго и классическаго баккалаврства) замѣчается быстрое возрастаніе числа реалистовъ, тѣмъ болѣе, что правительство, при назначеніи на мѣста, все болѣе отступаетъ отъ предубѣжденія въ пользу классицизма. Впрочемъ, крупная буржуазія продолжаетъ сохранять тяготѣніе къ классической системѣ, какъ такой, которая придаетъ престижъ умственнаго превосходства и рѣзче отграничиваетъ отъ мелкаго, рядового мѣщанства; для этого послѣдняго крупная буржуазія находитъ неподходящею современную постановку реальнаго образованія: реальныя школы являются, по ея мнѣнію, плохими копіями классическихъ, программы ихъ преслѣдуютъ цѣли общаго, литературнаго образованія, а не практическаго и профессіональнаго, которое одно можетъ подготовить ей «подходящихъ помощниковъ», въ торговлѣ и промышленности. Итакъ, крупная буржуазія откровенно ставитъ служебную цѣль средней школѣ, отрицая ея общеобразовательное «интегральное» значеніе, и оставляя за собой привилегію классическаго образованія, поддерживающаго соціальныя преимущества богатаго класса. Такимъ образомъ, средняя школа во Франціи не можетъ выпутаться изъ двухъ противоположныхъ тенденцій: или предоставить ей общеобразовательную, самодовлѣющую роль, или сдѣлать изъ нея прикладной приготовительный курсъ для практическихъ профессій. Въ заключеніе, авторъ отмѣчаетъ оживленіе клерикальныхъ школъ во Франціи, поразительное возрастаніе числа учениковъ въ нихъ за послѣднее время. Это объясняется тѣмъ, что буржуазія, изъ страха передъ соціалистическимъ движеніемъ пролетаріата, вступила на путь примиренія съ клерикалами и заключила съ ними оборонительный и наступательный союзъ.

Заброшенныя учебныя заведенія. Г. *Богданъ Степанецъ* («Вѣстникъ Воспитанія», январь) раскрываетъ ненормальную постановку учебнаго дѣла въ учительскихъ семинаріяхъ и взываетъ къ необходимымъ и немедленнымъ реформамъ. Функцію учительскихъ семинарій составляетъ формированіе учителей для народныхъ школъ. Крестьянскій мальчикъ, взятый прямо съ почвы, въ три года долженъ превратиться въ учителя. Ради этого, въ этотъ короткій срокъ, онъ долженъ пройти обширную и сложную программу, въ которую входятъ не только всѣ учебные предметы средней школы, но и спеціально педагогическіе курсы методики, дидактики, кромѣ того—анатомія, физіологія, гигіена, минералогія, черченіе, логика, психологія. Само собою разумѣется, что всѣ усилія преподаванія сводятся къ возможно быстрому одолѣнію этого разнообразнаго матеріала; нечего и говорить, что при такихъ условіяхъ и учителя, и ученики добиваются только формальнаго прохожденія программы: о дѣйствительномъ усвоеніи, объ активной работѣ учениковъ, о развитіи самодѣятельности не мо-

жетъ быть и рѣчи. У учениковъ не хватаетъ даже времени перечитать классическія произведенія нашей литературы. При томъ весь трудъ преподаванія несутъ на себѣ пять лицъ: директоръ и четыре наставника. На нихъ, кромѣ того, возложена и инспекція, и секретарскія обязанности и, наконецъ, вся хозяйственная часть, а эта послѣдняя составляетъ далеко не маловажную заботу, такъ какъ ученики на свое содержаніе получаютъ по 95 руб. въ годъ каждый; эти деньги выдаются классному наставнику, который обязанъ слѣдить за экономнымъ расходованіемъ ученическихъ суммъ. Если прибавимъ сюда еще еженедѣльные педагогическіе совѣты и обязанность учителей вести народныя чтенія съ туманными картинами при участіи семинарскаго хора, то поймемъ, что нѣтъ физической возможности справиться со всѣми обязанностями. Учительскія семинаріи помѣщаются обыкновенно вдали отъ культурныхъ центровъ, свѣдѣнія о нихъ рѣдко проникаютъ въ печать, а между тѣмъ царящіе въ нихъ до-реформенные порядки отражаются очень тяжело на дѣлѣ народнаго образованія: учительскія семинаріи выпускаютъ недоучившихся, полу-образованныхъ юношей, которымъ поручается отвѣтственная работа — воспитаніе народныхъ массъ.

Новѣйшая польская литература. Г-жѣ *Л. Украинкѣ*. («Жизнь», январь) принадлежитъ общій очеркъ новѣйшей польской литературы. Въ силу особыхъ условій общественной жизни, главное содержаніе польской литературы вылилось въ беллетристикѣ. Сліяніе публицистики и поэзіи, поэтическій памфлетъ и и художественная полемика нигдѣ не достигла такого совершенства, какъ именно въ польской литературѣ. Расцвѣтъ романтической поэзіи и взлелѣянные ею идеалы были внезапно подавлены разгромомъ 1861—1863 годовъ; польское общество отвернулось отъ поэзіи, которая питаетъ возвышенными мечтами и не можетъ служить надежнымъ руководителемъ въ серьезномъ дѣлѣ; былъ брошенъ призывъ къ «органическому труду» на пользу родной страны, и литература усиленно стала пропагандировать этотъ новый лозунгъ; господство поэзіи прекратилось и на сцену выступили романъ и повѣсть. Вмѣсто романтическихъ героевъ, рыцарей, пророковъ, выдвинулись люди практическаго труда—инженеры, механики, агрономы и т. д. Научныя идеи позитивизма были вплетены къ эту страстную политическую полемику, и антагонизмъ между «отцами» и «дѣтьми» принялъ своеобразное выраженіе въ Польшѣ этого времени: именно молодое поколѣніе, съ точки зрѣнія позитивной теоріи органическаго развитія, отрицало «теорію катастрофъ», за которую продолжало держаться поколѣніе старыхъ патріотовъ; отцы бранили дѣтей за умѣренность и аккуратность, а дѣти упрекали отцовъ въ легкомысліи и расточительности своихъ собственныхъ и народныхъ силъ. Литература, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ разрабатывавшая идеалъ «органическаго труда», мало-по-малу выдѣлила изъ себя одно опредѣленное направленіе, именно народническое. Любопытно, что народническіе интересы и симпатіи возникли не на польской, а на малороссійской почвѣ, и польская народническая литература зародилась подъ прямымъ вліяніемъ украинской школы. Польскіе писатели, раньше чѣмъ замѣтили своего «хлопа», должны были обратить вниманіе на украинскаго «хлопа», который настойчиво заявлялъ о себѣ уже въ теченіе многихъ вѣковъ. Поэтому, первые польскіе народники—Ежъ и Корженевскій развиваютъ свои демократическія тенденціи во имя украинскихъ хлоповъ; они указываютъ на свѣжую, неиспорченную натуру и кроткій нравъ хлопа, который, только вслѣдствіе невыносимыхъ китейскихъ условій, иногда ожесточается до буйныхъ проявленій разбойничества. Въ результатѣ оба писателя требуютъ безотлагательныхъ реформъ крестьянскаго быта. Мало-по-малу, однако, польскіе народники перенесли свое вниманіе на родной народъ. Народническое направленіе сыграло важную роль въ польской литературѣ: оно оживило ее и вложило опредѣленное содержаніе въ идею «органическаго труда»:

органическій трудъ долженъ быть основанъ на принципѣ служенія народу, уплаты вѣковыхъ долговъ всѣми забытому польскому крестьянину. Время расцвѣта народничества совпадаетъ съ началомъ дѣятельности такихъ талантовъ, какъ Э. Ожешко, Болеславъ Прусъ, Генрихъ Сенкевичъ, Клеменсъ Юноша: они всѣ отдали дань народничеству, но потомъ отклонились отъ него и тѣмъ содѣйствовали упадку самаго направленія, процвѣтавшаго очень недолгое время. Мало-по-малу всѣ устои народничества начинаютъ распадаться, и литература «органическаго труда» вырождается въ нѣчто въ высокой степени буржуазное: въ нее проникаетъ восхваленіе капиталистовъ какъ культуртрегеровъ, проповѣдь эксплуатаціи другихъ, менѣе культурныхъ народовъ и т. п.—однимъ словомъ, правила, противорѣчащія не только духу демократизма, но даже общаго гуманизма. И другіе принципы народничества, именно реализмъ и позитивизмъ, тоже подвергались гоненію. Послѣ смѣлаго отрицанія и радикальной критики наступила реакція: сомнѣнія, страхи, сожалѣнія объ утраченныхъ традиціяхъ—все это вновь толкнуло людей на поклоненіе «догматамъ». Поэзія подхватила это настроеніе и передала его въ мрачныхъ образахъ: это какой-то хаосъ гордости, вызова судьбѣ и вмѣстѣ отчаянія, проклятій, кошмара смерти и, наконецъ, порываній къ таинственному. Этотъ пессимистическій бредъ, нашелъ себѣ спасительный исходъ только въ культѣ красоты. «Это первый членъ новаго credo модернистовъ, признающихъ религію красоты выше всѣхъ догматовъ». Среди современной польской «модерны» самое выдающееся мѣсто занимаетъ Пшибышевскій. Онъ—«поэтъ не въ техническомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ не пишетъ стиховъ и только изрѣдка снисходитъ къ ритмической прозѣ, но онъ поэтъ и притомъ поэтъ-импрессіонистъ по своимъ пріемамъ и по способу мышленія». Въ основу своей теоріи, служащей поэтическимъ регламентомъ для всей группы модернистовъ, Пшибышевскій кладетъ принципъ «искусство для искусства»; искусство есть возсозданіе сущности, т.-е. души, оно не должно служить ни цѣлямъ общественности, ни морали; оно должно чуждаться реализма и изображать не вещи, а только чувства, притомъ безсознательныя; темы искусства составляютъ исключительно любовь и смерть и т. п. Противъ этого декадентскаго теченія поднялась реакція. Въ драмѣ Киселевскій, въ романѣ Немоевскій («Письма безумнаго человѣка» *) подняли голосъ противъ разнузданныхъ инстинктовъ и притворства этой самодовольной, обоготворяющей себя кучки. Г-жа Украинка находитъ, что романъ Нѣмоевскаго, какъ всякій памфлетъ, страдаетъ сгущеніемъ красокъ и придаетъ одностороннее освѣщеніе «новой школѣ». Ей представляется болѣе правильнымъ объяснять чудачества модернистовъ стремленіемъ—«заглушить въ себѣ отчаяніе передъ страшными страданіями человѣчества и неразрѣшимыми загадками бытія», какъ они выражаются сами. Намъ кажется, что это объясненіе заключаетъ въ себѣ коренное противорѣчіе: источникомъ тупого, безчувственнаго эгоизма считается болѣзненная чуткость души къ бѣдствіямъ человѣческаго существованія. Вполнѣ естественно, что это возвышенное объясненіе подсказывается самими модернистами, такъ какъ это создаетъ имъ очень эффектную позицію, придающую глубокій и трагическій смыслъ всѣмъ ихъ вздорнымъ измышленіямъ, но вѣрить искренности подобныхъ признаній довольно трудно. Немоевскій и другой талантливый писатель Жеромскій (авторъ «Бездомныхъ»), измученные зрѣлищемъ человѣческихъ страданій, страстно жаждутъ «синтеза»; однако, отвѣтъ на эти запросы души они даютъ слабый: у Немоевскаго въ видѣ пожеланія—«пусть человѣчество будетъ счастливо!», а у Жеромскаго—въ видѣ проповѣди аскетизма, полнаго одиночества человѣка, обрекшаго себя на служеніе человѣчеству. «Синтеза» ищетъ критика и у Сѣрошевскаго, этого наиболѣе эмансипировавшагося отъ господ-

*) Русскій переводъ см. въ «Мірѣ Божіемъ» 1900 г.

ствующей польской манеры писателя, но напрасно: едва ли скоро найдетъ синтезъ польская литература, еще далеко не закончившая своей аналитической работы. А пока, заканчиваетъ свой очеркъ г-жа Украинка, чтобы парализовать подавленное и скорбное настроеніе новѣйшей польской литературы, лучше, вмѣсто синтеза, постараться вдохнуть въ нее свободу духа, бодрость, отвагу.

Самая передовая страна въ мірѣ. Г. *Д: Сатуринъ* («Жизнь») характеризуетъ общественный строй Новой Зеландіи. Новая Зеландія представляетъ удивительно счастливое сочетаніе условій для всякаго рода новаторскихъ попытокъ; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ сравнительно съ наиболѣе прогрессивными странами и является, такимъ образомъ, почвою для любопытныхъ соціальныхъ экспериментовъ, а съ другой стороны она въ конкретныхъ формахъ дѣйствительности показываетъ намъ слѣдующій этапъ соціальной эволюціи, еще не наступившій для старыхъ государствъ Европы и даже Америки. Извѣстно, что Новая Зеландія—страна молодая, колонизація ея началась только шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Она представляетъ изъ себя англійскую колонію, населенную преимущественно англичанами, съ сильнымъ преобладаніемъ шотландцевъ. Туземное племя—маори равняется лишь одной двадцатой части бѣлаго населенія и, въ виду своей малочисленности, никакого расового отпечатка не накладываетъ на общественный строй. Переселившіеся въ Новую Зеландію эмигранты принесли съ собою изъ Европы готовый запасъ культурности, привычку къ свободѣ и самоуправленію, но всѣ вѣковыя предубѣжденія, традиціи, классовая рознь—все это отпало на ихъ новой родинѣ, ибо совершенно не находило почвы въ мѣстныхъ условіяхъ. Конституція Новой Зеландіи отличается, во-первыхъ, тѣмъ, что предоставляетъ избирательныя права и женщинамъ (хотя женщина еще не имѣетъ права быть членомъ парламента) и, во-вторыхъ, тѣмъ, что не устанавливаетъ никакого имущественнаго ценза для избирателей: всякій мужчина или женщина старше 21 года имѣетъ право голосовать при выборахъ въ парламентъ. Мягкость климата и высокій уровень благосостоянія и культурности дѣлаютъ изъ Новой Зеландіи страну съ наименьшимъ процентомъ смертности на всемъ земномъ шарѣ, именно: на 1.000 человѣкъ въ Новой Зеландіи умираетъ 9,1 человѣкъ, между тѣмъ какъ въ Россіи—34,2. Торговля находится въ настолько блестящемъ положеніи, что въ среднемъ на каждаго жителя приходится ввоза и вывоза около 250 рублей въ годъ, между, тѣмъ какъ въ Россіи цѣнность внѣшней торговли на жителя выражается 10 рублями. Распредѣленіе богатствъ отличается необыкновенною равномѣрностью: нѣтъ ни одного милліонера, но зато нѣтъ и ни одного бѣдняка; заработокъ рабочаго въ среднемъ равняется 800 руб., а работницы—300 р. Все населеніе грамотно, на 780 тыс. жителей имѣется 304 библіотеки и издается 208 періодическихъ изданій. Интересно указать на одинъ замѣчательный фактъ—на непрерывное паденіе процента рождаемости въ Новой Зеландіи, параллельно съ возрастаніемъ числа браковъ: такъ процентъ рожденій упалъ съ 40 на тысячу (въ 1880 г.) до 25 (въ 1898 году). Обычное объясненіе этого явленія экономическими причинами совсѣмъ не имѣетъ мѣста по отношенію къ Новой Зеландіи, гдѣ земли много, и каждый лишній ребенокъ является орудіемъ обогащенія, а никакъ не обремененіемъ хозяйства. Замѣчательнымъ образцомъ реформаторской дѣятельности Новой Зеландіи является ея рабочее законодательство. Въ 1894 г. былъ проведенъ законъ о третейскихъ судахъ для устраненія конфликтовъ между хозяевами и рабочими. Значеніе этого акта измѣряется тѣмъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ вошелъ въ силу, въ Новой Зеландіи не было ни одной стачки, ни одного локоута (распущеніе рабочихъ). Хотя и въ другихъ странахъ (въ Англіи) существуютъ подобные третейскіе суды, но вездѣ они являются частными учрежденіями—только въ Новой

Зеландіи они регламентированы законодательнымъ порядкомъ. Эти промышленные третейскіе суды покоятся на трехъ принципахъ. Во-первыхъ, на принципѣ организаціи и союзовъ: государство находитъ гораздо болѣе удобнымъ имѣть дѣло не съ отдѣльнымъ лицомъ, а съ ассоціаціей и потому поощряетъ объединеніе рабочихъ съ одной стороны и предпринимателей съ другой въ трэдъюніоны и союзы. Во-вторыхъ, въ основу разсматриваемаго закона положено принужденіе, обязательность: какъ каждый хозяинъ, такъ каждый рабочій союзъ можетъ потребовать перенесенія спора въ мѣстный примирительный комитетъ. Въ-третьихъ, всякое рѣшеніе комитета по частному дѣлу имѣетъ обязательную силу для всѣхъ предпринимателей и рабочихъ данной отрасли промышленности въ данномъ округѣ. Въ члены комитета выбираются представители отъ капиталистовъ и отъ рабочихъ поровну. Государственный контроль надъ производственными отношеніями не только не задержалъ развитіе промышленности, какъ нѣкоторые опасались, но, наоборотъ, съ необычайною энергіею двинулъ дѣло впередъ: это ярко выражается въ цифрахъ быстраго возрастанія числа рабочихъ именно съ 1894 г., времени изданія этого закона. Правительственное вниманіе къ быту рабочихъ выработало слѣдующія нормы труда и заработка: рабочій день продолжается восемь часовъ, минимумъ заработной платы равняется $1^1/_2$ рублей за день. Всѣ фабрики находятся подъ контролемъ фабричной инспекціи; а такъ какъ, по закону, всякое помѣщеніе, гдѣ работаетъ по найму не менѣе двухъ человѣкъ, считается фабрикой, то фактически контроль фабричныхъ инспекторовъ распространяется почти на весь рабочій классъ. Такимъ образомъ, светерство можетъ найти себѣ пріютъ лишь въ домашнихъ мастерскихъ, гдѣ работаетъ не болѣе одного наемнаго рабочаго. Но и этого одинокаго рабочаго законъ не оставляетъ безъ своего покровительства: всякій товаръ, изготовленный въ мастерской, не подлежащей контролю инспектора, долженъ носить извѣстное клеймо, этимъ путемъ законъ предупреждаетъ публику, какія издѣлія не слѣдуетъ покупать. Кромѣ разсмотрѣннаго закона о третейскихъ судахъ нужно обратить вниманіе еще на замѣчательный законъ о пенсіяхъ старости, проведенный въ 1898 г. Дѣйствующіе въ Даніи и Германіи пенсіонные законы имѣютъ поощрительный характеръ: пенсія, въ ничтожномъ размѣрѣ, напоминающемъ милостыню, выдается тѣмъ инвалиднымъ рабочимъ, которые заслужили ее своею бережливостью и хорошимъ поведеніемъ. Новозеландскій же законъ о пенсіяхъ носитъ гуманитирный характеръ: пенсія выдается тѣмъ, кто въ ней болѣе всего нуждается, а не какъ награда за одобрительное поведеніе. Право на пенсію получаетъ всякій мужчина или женщина старше 65 лѣтъ, при слѣдующихъ условіяхъ: во-первыхъ, если онъ нуждается, т.-е. имѣетъ ежегоднаго дохода не болѣе 340 рублей, вовторыхъ, если онъ прожилъ въ Новой Зеландіи непрерывно въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ. Размѣръ пенсіи составляетъ 180 р. въ годъ. Проведеніе закона о пенсіяхъ приписывается рѣшительному вліянію женщинъ-избирательницъ, которыя своими голосами на выборахъ поддержали правительственную партію, предложившую законъ. Классовой борьбы и соціалистовъ-теоретиковъ въ Новой Зеландіи нѣтъ. Правительство называетъ свою партію рабочей либеральной партіей, уже въ теченіе десяти лѣтъ находится у власти и все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ довѣріе населенія.

Положеніе русской кустарной промышленности. *Г. М. Курчинскій* въ «Жизни» даетъ очеркъ русскихъ кустарныхъ промысловъ по даннымъ послѣднихъ лѣтъ: 1894—1899. По наблюденіямъ автора, кустарные промыслы, при измѣняющихся условіяхъ рынка и производства, неизбѣжно должны пойти по одному изъ двухъ процессовъ: или измѣнить постепенно свою организацію и слиться съ фабрикой, или же, мало-по-малу спустившись до крайнихъ степеней бѣдствія, окончательно упразднится. За немногими исключеніями, всѣ кустарные промыслы находятся въ состояніи неустойчиваго равновѣсія и понемногу начи-

наютъ склоняться по тому или другому изъ указанныхъ направленій. Самая среда кустарей не представляетъ однородной массы, живущей приблизительно въ одинаковыхъ условіяхъ существованія: въ ней уже произошла значительная дифференціація, проведшая рѣзкія границы между кустаремъ-одиночкой, не порвавшимъ связи съ землей, и крупнымъ промышленникомъ, работающимъ помощью капитала и наемнаго труда и составляющимъ переходную ступень къ фабричной формѣ производства. Помимо трансформаціи кустарныхъ промысловъ въ фабричные, внутри ихъ самихъ происходитъ разложеніе, заставляющее ихъ утрачивать тѣ своеобразныя черты, которыя вызывали особенное сочувствіе: кулаческое закрѣпощеніе кустаря не имѣетъ ничего общаго съ идиллическимъ образомъ самостоятельнаго мелкаго производства. Итакъ, главною причиною упадка кустарничества является поглощеніе его фабрикою. При этой неравной конкуренціи, кустарь долго не сдается, пытаясь бороться чрезвычайнымъ удлиненіемъ своего рабочаго дня, сведеніемъ своихъ жизненныхъ потребностей до минимума, и все-таки въ концѣ концовъ, ему приходится идти на ту же фабрику въ наемные рабочіе, или работать на нее у себя дома, при такъ называемой домашней системѣ крупной промышленности, или совсѣмъ бросать производство и искать другихъ занятій. Затѣмъ авторъ приводитъ примѣры постепенной концентраціи мелкой промышленности и превращенія кустарной формы въ заводскую и «мануфактуру», т.-е употребленія въ дѣло раздѣленія труда безъ примѣненія машинъ, и наконецъ, въ фабричную. При этомъ нужно замѣтить, что приготовленіе высшихъ сортовъ товара требуетъ болѣе усовершенствованной техники и болѣе развитой экономической организаціи поэтому въ такихъ случаяхъ побѣда фабрики надъ кустарничествомъ совершается быстрѣе. Для положенія кустарей безразлично, какой видъ капитала порабощаетъ ихъ—торговый или промышленный: кустари, работающіе дома на скупщиковъ, изъ матеріала послѣднихъ, едва ли самостоятельнѣе фабричныхъ рабочихъ. Характеризуя успѣхи капиталистической концентраціи въ различныхъ промыслахъ, авторъ останавливается на древообрабатывающей промышленности, которая обыкновенно признавалась чистымъ типомъ народнаго производства. И здѣсь, если не прямымъ, то косвеннымъ путемъ капиталъ овладѣваетъ промысломъ: такъ рогожные кули все болѣе вытѣсняются холщевыми и джутовыми мѣшками, приготовляемыми фабричнымъ способомъ. Большинство самостоятельныхъ рогожныхъ мастеровъ мало-по-малу переходитъ на положеніе наемныхъ рабочихъ и т. д. Также шерстобитный промыселъ, грубыя ювелирныя издѣлія, гулочное производство и др. все болѣе и болѣе теряютъ кустарный характеръ и переходятъ въ руки зажиточныхъ хозяевъ. Результатомъ этой новой экономической группировки населенія являются въ промысловыхъ селеніяхъ «двухъэтажные дома протенціозной архитектуры, чисто купеческій распорядокъ жизни нѣкоторыхъ поселянъ, а съ другой стороны—развивающійся съ годами особый промыселъ—отхожее нищенство. Благосостояніе однихъ выростаетъ на основаніи обнищанія другихъ». Старинный народный костюмъ также все больше замѣняется одеждой городскаго образца: это объясняется дешевизной ситцевъ, обходящихся въ 3—4 раза дешевле домотканнаго холста и пестряди. Далѣе авторъ объясняетъ одно явленіе, которое съ перваго взгляда представляется загадочнымъ. Вторженіе капиталистическаго хозяйства въ производство въ нѣкоторыхъ случаяхъ убиваетъ болѣе крупныя кустарныя единицы и, наоборотъ, умножаетъ мелкія мастерскія, имѣющія не болѣе пяти рабочихъ. Это явленіе совсѣмъ не означаетъ оживленія кустарнаго хозяйства, а только иную группировку производителей: болѣе крупныя единицы, будучи не въ состояніи выдерживать конкурренціи съ фабрикой, распадаются, освободившіяся такимъ образомъ рабочія силы пытаются работать въ одиночку или мелкими группами и на нѣсколько времени затягиваютъ процессъ умиранія

промысла. Итакъ, замѣна кустарнаго промысла фабрикой совершается или извнѣ силой конкуренціи, побивающей кустарничество, или извнутри, путемъ естественной эволюціи производства въ фабричную форму. Рѣшающимъ условіемъ при этомъ является техника производства: отсталые промыслы, неспособные прогрессировать, попросту уничтожаются фабрикой, жизнеспособные и развивающіеся естественнымъ образомъ переходятъ въ фабричное производство.

Итоги парижской выставки 1900 г. («Вѣстникъ Европы», февраль). По числу посѣтителей (50.860.893 входа) прошлогодняя парижская выставка превзошла всѣ предыдущія. Наибольшое число входовъ упало на осенніе мѣсяцы —сентябрь и октябрь, поднявшись до громадной цифры 652 тысячъ въ день. Этотъ наплывъ публики объясняется необычайной дешевизной входныхъ билетовъ, упавшихъ съ 1 франка до $12^1/_2$ сантимовъ (менѣе 5 коп.). На покрытіе расходовъ по выставкѣ было выпущено 65 милл. тикетовъ, соединенныхъ съ выигрышными билетами; такъ какъ это количество превышало спросъ, то цѣна на входные билеты быстро стала падать, и несмотря на это въ рукахъ публики остались неизрасходованными 18 милл. тикетовъ (въ кассы выставки обратно поступило 47 милл. тикетовъ). Выставка дала дефицитъ въ 2 милліона слишкомъ франковъ, который является въ сущности фиктивнымъ, такъ какъ Парижу достаются грандіозныя пріобрѣтенія—дворцы, мостъ Александра III и роскошный новый бульваръ. Громадный доходъ (около $8^1/_2$ милл. фр.) администрація выставки получила отъ мѣстъ, отданныхъ подъ рестораны, театры, панорамы и т. п.; мѣста подъ маленькія кіоски сдавались по неслыханнымъ цѣнамъ—въ 10—30 тыс. фр. Эта высота цѣнъ объясняется неожиданно крупными барышами, полученными всѣми подобными предпринимателями на предыдущей выставкѣ 1889 г. На этотъ разъ разсчитывали на гораздо большую наживу и ошиблись въ разсчетахъ: выставочная толпа оказалась гораздо серьезнѣе и не такъ легко соблазнялась приманками развлеченій; она обманула ожиданія и ресторатороовъ, ибо не соглашалась за неслыханныя цѣны получать плохую пищу. Развлеченія, дѣйствительно, носили балаганный характеръ: египтяне, тунисцы, алжирцы, турки и т. д. держали залъ, гдѣ восточныя красавицы танцовали «danse du ventre»; или публику зазывали безчисленные артистическіе кабачки съ болѣе или менѣе скабрезными пѣсенками, пьесками, живыми картинами. Толпа, упивавшаяся этими зрѣлищами въ 1889 г., теперь отнеслась къ нимъ холодно, и въ результатѣ всѣ эти антрепризы обанкрутились, Успѣхъ имѣли только представленія японской труппы съ знаменитой японской актрисой Сада-Якко. Выставочная толпа по духу явилась настоящей демократіей. Среди аристократическихъ снобовъ считалось «шикомъ» заявлять, что на выставкѣ нѣтъ ничего интереснаго, что она раздута, и потому высшій свѣтъ отсутствовалъ; такимъ образомъ, составъ публики опредѣлялся средними и рабочими классами; изъ иностранцевъ больше всего было нѣмцевъ. И громадное большинство этой міровой толпы стремилось на выставку съ любознательными цѣлями; чувствовалось, что публикой руководитъ жажда пріобрѣсти полезныя свѣдѣнія, поэтому всюду, гдѣ давали объясненія, показывали опыты, немедленно образовывалась толпа. Къ сожалѣнію, объясненій было слишкомъ мало, и слѣдующія выставки должны воспользоваться этимъ указаніемъ опыта и организовать систематическія чтенія и объясненія. Потребность въ объясненіяхъ вызвала обширную выставочную литературу, состоящую изъ массы самыхъ разнообразныхъ изданій, каталоговъ, рисунковъ, таблицъ, брошюръ, атласовъ, книгъ. Изъ интересныхъ новинокъ больше всего привлекалъ вниманіе телефонографъ, изобрѣтенный датчаниномъ Паульсеномъ. Приборъ этотъ есть новый фонографъ, въ которомъ звуки записываются не механически на восковомъ цилиндрѣ, а магнитно въ проволокѣ; аппаратъ этотъ даетъ возможность имѣть копію телефонной рѣчи и говоритъ одновременно нѣсколькимъ лицамъ на

*

одной проволокѣ. При множествѣ розданныхъ наградъ и медалей страннымъ образомъ былъ обойденъ русскій изобрѣтатель телеграфа безъ проводовъ—Поповъ, изобрѣтеніе котораго, черезъ годъ послѣ его опубликованія, присвоилъ себѣ Маркони и взялъ привилегію на телеграфію безъ проволокъ.

За границей.

Перемѣна царствованія въ Англіи. Вступленіе Эдуарда VII на англійскій престолъ сопровождалось, какъ всегда, цѣлымъ рядомъ церемоній, носящихъ архаическій характеръ, такъ какъ англичане въ отношеніи внѣшнихъ формъ отличаются чрезвычайною приверженностью традиціямъ. Король долженъ былъ самолично открыть парламентъ, и теперь, когда этотъ торжественный актъ уже совершенъ, англійскій народъ можетъ вернуться къ своимъ обычнымъ занятіямъ, на время прерваннымъ послѣдними событіями. Нельзя сказать, однако, чтобы путь Эдуарда VII, вступающаго на престолъ въ 60 лѣтъ, былъ свободенъ отъ терніевъ. И во внѣшней, и во внутренней политикѣ Англіи назрѣло много вопросовъ, завѣщанныхъ старымъ вѣкомъ, которые настоятельно требуютъ своего разрѣшенія, и уже первые шаги Эдуарда VII породили ожесточенную полемику въ печати. Согласно дѣйствующимъ въ Англіи законамъ, Эдуардъ VII, ранѣе отржественнаго открытія парламента, долженъ былъ прочесть въ присутствіи членовъ палаты лордовъ и общинъ и всего двора присягу, формула которой установлена разъ навсегда и въ которой онъ заявляетъ, что не признаетъ главныхъ догматовъ католической религіи и власти папы и называетъ нѣкоторые обряды римско-католической церкви проявленіями суевѣрія и идолопоклонства (idolatry). Эта торжественная присяга, установленная парламентскимъ актомъ, была прочитана въ свое время и королевою Викторіею, но это было такъ давно, что впечатлѣніе изгладилось, да и въ тѣ времена католическая партія не имѣла такой силы въ Англіи, какъ теперь; поэтому, какъ и слѣдовало ожидать, чтеніе этой присяги вызвало волненіе среди католиковъ Англіи и протестъ тридцати католическихъ пэровъ съ герцогомъ Норфолькскимъ во главѣ. Въ своемъ посланіи лорду канцлеру пэры заявляютъ, что такая форма присяги оскорбляетъ чувства католическихъ подданныхъ короля, лойяльность которыхъ, конечно, не можетъ подлежать сомнѣнію, поэтому они просятъ лорда канцлера отмѣнить или же измѣнить текстъ этой присяги. Лордъ канцлеръ отвѣчалъ на это, что только парламентскій актъ можетъ отмѣнить или измѣнить въ ней какое-нибудь выраженіе.

Этотъ протестъ католическихъ лордовъ снова выдвинулъ на сцену жгучій вопросъ о допущеніи нѣкоторыхъ католическихъ обрядностей въ программу англиканской церкви и затихшая по этому поводу полемика загорѣлась съ новою силою. Но англійскіе протестанты ни за что не допустятъ никакихъ измѣненій въ «Settlement Act», отнимающемъ право на престолъ у католической династіи Стюартовъ и устанавливающемъ порядокъ престолонаслѣдія, на основаніи котораго англійскій король обязанъ прочесть свою прясягу въ вѣрности англиканской церкви раньше вступленія своего въ парламентъ и коронованія. Внесеніе въ парламентъ законопроекта, измѣняющаго формулу декларации короля, выдвинуло бы на сцену конституціонный вопросъ, чего англичане желаютъ избѣгать, и поэтому лордъ канцлеръ счелъ нужнымъ заявить, во избѣжаніе распространенія ложныхъ слуховъ, что вопросъ этотъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поднятъ въ парламентѣ.

Тронная рѣчь короля также возбудила полемику и вызвала даже нѣкоторое разочарованіе въ англійскомъ обществѣ, ожидавшемъ какихъ-либо вполнѣ

опредѣленныхъ заявленій относительно южно-африканской войны и китайскихъ событій. Но въ рѣчи заключались только общія фразы и относительно Трансваальской войны было сказано лишь, что она «еще не вполнѣ окончена!» Это и такъ хорошо извѣстно всѣмъ англичанамъ,—замѣчаетъ «Daily News»,—но желательно было бы знать дальнѣйшія намѣренія правительства. Но намѣренія правительства были высказаны также въ довольно неопредѣленной формѣ. Король выразилъ надежду, что «буры *въ собственныхъ интересахъ* прекратятъ враждебныя дѣйствія и тогда явится возможность ввести въ *обѣихъ колоніяхъ* (Трансваалѣ и Оранжевой) такія учрежденія, которыя бы могли обезпечить равныя права всѣмъ обитателямъ бѣлой расы и оказывали бы защиту и справедливость туземному населенію». Такія заявленія, конечно, не могли удовлетворить страну, утомленную продолжительною войною, которой все еще не предвидится конца. Тѣмъ не менѣе, трудно ожидать какихъ-либо перемѣнъ въ этомъ отношеніи. Правительство, повидимому, рѣшило не измѣнять своего первоначальнаго образа дѣйствій, оппозиція же съ своей стороны рѣшила также по прежнему не щадить правительства, критикуя его за то, что оно начало войну въ южной Африкѣ, и за то, какъ оно вело ее. Однако, можно быть увѣреннымъ все-таки, что оппозиція не откажетъ правительству въ своей поддержкѣ, чтобы довести эту войну до конца.

Кромѣ южно-африканской войны, которая достается въ наслѣдіе Эдуарду VII, Англіи грозятъ еще и другія затрудненія во внутренней политикѣ. Въ Ирландіи агитація все возрастаетъ, а въ Индіи предвидится новый голодъ. Едва вступивъ на престолъ, Эдуардъ VII уже получилъ увѣдомленіе объ этомъ отъ вице-короля Индіи, лорда Керзона. Несчастную Индію три раза уже, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, посѣщаетъ голодъ. Шесть милліоновъ туземцевъ были прошлою зимой исключительно на иждивеніи общества и правительства и никогда, со временъ Великаго Могола, Индія не подвергалась подобнымъ бѣдствіямъ. Очень важнымъ симптомомъ является постепенное обѣднѣніе населенія страны. Въ 1882 г. валовой доходъ страны равнялся 525 милліонамъ рупій. Съ тѣхъ поръ были подвергнуты правильной обработкѣ еще 16 милліоновъ акровъ земли, 362 милліона рупій было истрачено на ирригацію, 1.500 милліоновъ—на желѣзныя дороги и, между тѣмъ, въ 1898—1899 г. валовой доходъ достигъ всего лишь 428 милліоновъ рупій. Эти данныя, опубликованныя англійскою печатью, порождаютъ нѣкоторое смущеніе и все чаще и чаще начинаютъ раздаваться голоса о необходимости коренныхъ преобразованій въ Индіи, баснословныя богатства которой скоро грозятъ превратиться въ миѳъ.

Таковы жгучіе вопросы, которые ждутъ своего разрѣшенія отъ новаго царствованія. Какъ къ нимъ относится самъ Эдуардъ VII—неизвѣстно, такъ какъ, во всякомъ случаѣ, ни тронная рѣчь, ни всѣ его формальныя декларацiи не могутъ служить выраженіемъ его личныхъ взглядовъ. Во всѣхъ статьяхъ, которыя появляются о немъ въ печати, говорится о его любезности, элегантности, веселомъ, сообщительномъ характерѣ, который стяжалъ ему популярность, но ничего не говорится о его политическихъ взглядахъ. Одна изъ радикальныхъ газетъ замѣчаетъ по этому поводу, что въ Сандрингэмскомъ замкѣ-резиденціи принца Уэллскаго, всегда царило самое беззаботное веселье и непринужденность. Въ застольныхъ рѣчахъ никто никогда не поднималъ ника, кихъ серьезныхъ вопросовъ. Принцъ Уэллскій былъ особенно изобрѣтателенъ по части разныхъ шутокъ со своими гостями и благодаря его выходкамъ веселью не было конца. Но никто и не ожидалъ отъ него ничего другого, такъ какъ королева Викторія намѣренно устраняла его отъ всякихъ государственныхъ дѣлъ, а умъ его вовсе не былъ направленъ ни на какую серьезную работу. Несомнѣнно, что съ его воцареніемъ произойдутъ прежде всего перемѣны въ строѣ придворной жизни; исчезнутъ чопорность и скука, которыя состав-

ляли отличительную черту всѣхъ пріемовъ королевы Викторіи, воцарится живость и простота, хотя, разумѣется, никто все-таки не ожидаетъ, чтобы Виндзоръ превратился въ Сандрингэмъ. Вѣроятно, этимъ ограничится все, что внесетъ новое царствованіе въ строй англійской жизни, а въ остальномъ, по мнѣнію большинства англійской печати, все пойдетъ по прежнему. Трудно ожидать въ самомъ дѣлѣ, чтобы человѣкъ въ 60 лѣтъ началъ живо интересоваться тѣмъ, чтъ до сихъ поръ оставляло его равнодушнымъ, и англичане надѣются только, что Эдуардъ VII, подобно своей матери, будетъ также свято хранить историческіе завѣты страны и не нарушитъ рамокъ, въ которыя конституція заключила королевскую власть въ Англіи.

Максъ фонъ-Петтенкоферъ. «Я имѣю полное право смотрѣть на себя, какъ на «corpus vile». Мнѣ 74 года, я уже давно страдаю сахарною болѣзнью, у меня нѣтъ ни одного зуба во рту и вообще я испытываю уже всѣ тягости престарѣлаго возраста».

Такъ говорилъ знаменитый современный гигіенистъ и химикъ Петтенкоферъ въ памятномъ засѣданіи общества врачей въ Мюнхенѣ 2-го ноября 1892 г., въ которомъ онъ объявилъ, что сдѣлалъ надъ собою опытъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что холерная бацилла сама по себѣ не можетъ вызвать заболѣванія, если не существуетъ для этого другихъ благопріятныхъ условій въ организмѣ.

— Если бы даже я ошибался, утверждая безвредность холерной бациллы внѣ такихъ благопріятныхъ условій,—прибавилъ Петтенкоферъ,—и мой опытъ представилъ бы опасность для моей жизни, то все же я спокойно смотрѣлъ бы въ глаза смерти. Это не было бы съ моей стороны легкомысленное или же малодушное самоубійство, нѣтъ! Я умеръ бы на службѣ науки, какъ солдатъ на полѣ битвы. Здоровье и жизнь—это, конечно, большія земныя блага, но все же они не составляютъ самаго главнаго для человѣка и тотъ человѣкъ, который хочетъ стоять выше животнаго, долженъ быть готовъ принести въ жертву высшимъ идеаламъ не только свое здоровье, но и свою жизнь... Я хотѣлъ сдѣлать опытъ съ холерною бациллой. Я получилъ изъ Гамбурга, гдѣ теперь свирѣпствуетъ холера, самыя чистыя разводки этой опасной бациллы. Въ одномъ кубическомъ сантиметрѣ такой культуры заключались, вѣроятно, милліарды бациллъ и я выпилъ это холерное питье 7-го октября 1892 г. въ присутствіи свидѣтелей. Нѣкоторые изъ нихъ очень за меня испугались и даже нашлись такіе, которые предлагали мнѣ принести себя въ жертву, вмѣсто меня, ихъ стараго учителя! Они предлагали мнѣ произвести свой опытъ на нихъ, но я уклонился. Но я хотѣлъ непремѣнно слѣдовать въ данномъ случаѣ старинному врачебному принципу: fiat experimentum in corpore vili... И мнѣ не оставалось ничего больше, какъ сдѣлать опытъ на самомъ себѣ!

Опытъ подтвердилъ тѣ выводы, которые сдѣлалъ Петтенкоферъ на основаніи своихъ пятнадцатилѣтнихъ наблюденій. Петтенкоферъ остался здоровъ и невредимъ и самъ прочелъ докладъ о своемъ опытѣ въ мюнхенскомъ собраніи врачей. Впечатлѣніе было громадное; 74-хъ-лѣтній старикъ поразилъ всѣхъ своею отвагою, твердостью духа и силою воли. Это былъ настоящій ученый—герой, невольно возбуждавшій къ себѣ поклоненіе и изумленіе... Но вотъ прошло девять лѣтъ и этотъ самый герой наложилъ на себя руки. Угасла жизнь, которая могла служить примѣромъ для многихъ поколѣній. Петтенкоферъ тихо сошелъ съ жизненной сцены, придя къ убѣжденію, что онъ уже становится лишнимъ и не можетъ больше, какъ прежде, удовлетворять запросамъ современной науки.

Самоубійство 83-хъ-лѣтняго ученаго, конечно, поразило все европейское интеллигентное общество. Сильный духомъ старикъ испугался мысли, что и онъ не избѣгнетъ общей участи, что вмѣстѣ съ физическими силами начнутъ

слабѣть и его умственныя силы и мало-по-малу онъ превратится въ безпомощнаго дряхлаго старика, который будетъ тягостью для всѣхъ. Больше всего онъ боялся впасть въ старческое слабоуміе. Эта мысль не давала покоя Петтенкоферу, а тутъ еще онъ подвергся случайному заболѣванію, послѣ котораго очень ослабѣлъ, и это обстоятельство вызвало у него такое угнетеное настроеніе, что онъ рѣшилъ покончить съ собой и, ловко обманувъ бдительность своихъ приближенныхъ, привелъ свое намѣреніе въ исполненіе.

Наука потеряла въ немъ одного изъ своихъ величайшихъ дѣятелей. Онъ родился въ 1818 году, учился въ Мюнхенѣ. Получивъ въ 1843 году дипломъ доктора медицины, Петтенкоферъ посвятилъ себя изученію химіи, такъ что въ 1847 г. приглашенъ былъ занять каѳедру медицинской химіи въ Мюнхенскомъ университетѣ. Помимо множества научныхъ работъ, которыми онъ стяжалъ себѣ безсмертное имя, Петтенкоферъ въ особенности прославился тѣмъ, что онъ возсталъ противъ чрезмѣрнаго увлеченія бактеріологическою теоріею эпидемическихъ болѣзней. Когда открытіе бациллъ положило начало новой эры въ медицинѣ, то Петтенкоферъ предостерегалъ отъ крайнихъ взглядовъ, приписывающихъ всякую болѣзнь и всякую эпидемію исключительно только бациллямъ. Онъ сталъ искать другихъ причинъ великихъ народныхъ эпидемій, изслѣдовалъ жилища, одежду, пищу народныхъ классовъ, воздухъ, которымъ они дышатъ, воду, которую они пьютъ, и т. д. Мало-по-малу онъ сосредоточилъ всѣ вопросы, касающіеся народнаго здоровья, въ своихъ изслѣдованіяхъ и ввелъ ихъ въ область гигіены, расширивъ рамки этой науки, такъ что его смѣло можно назвать «творцомъ современной гигіены». Онъ поставилъ эту науку на экспериментальную почву и примѣнилъ къ ней научные физико-химическіе методы. По его же иниціативѣ въ Мюнхенскомъ университетѣ была учреждена первая каѳедра гигіены и онъ былъ первый, занявшій ее. Съ теченіемъ времени Петтенкоферъ превратился въ настоящаго оракула по всѣмъ санитарнымъ вопросамъ и къ нему постоянно прибѣгали за совѣтами, касающимися оздоровленія городовъ и человѣческихъ жилищъ, не только члены мюнхенскаго муниципалитета, но и другіе, изъ разныхъ городовъ и странъ. Заслуги Петтенкофера въ этомъ отношеніи очень велики. Особенно важное значеніе имѣли его изслѣдованія, посвященныя вопросу объ отношеніи почвы и почвенной воды къ заразнымъ болѣзнямъ. Эти изслѣдованія возбудили такой громадный интересъ, что побудили и другихъ спеціалистовъ заняться этими вопросами и придали совершенно новый характеръ ученію о заразныхъ болѣзняхъ и эпидеміяхъ.

Но Петтенкоферъ не сразу выступилъ на эту дорогу. Жизнь его вначалѣ была полна превратностей. Онъ былъ сначала аптекаремъ, потомъ бросилъ это занятіе и сдѣлался актеромъ, но и на этомъ поприщѣ подвизался недолго. Бросивъ подмостки, онъ снова поступилъ въ университетъ и принялся изучать медицину. Но получивъ дипломъ, онъ все еще не могъ рѣшить, какую ему избрать спеціальность, врача или аптекаря и, оставаясь въ нерѣшительности, началъ заниматься химіею. Эти занятія привели его къ изобрѣтенію способа реставрированія старинныхъ масляныхъ картинъ. Вопросы гигіены обратили на себя особенное вниманіе Петтенкофера лишь послѣ того, какъ онъ заинтересовался условіями печной топки и занялся ихъ изученіемъ. Послѣ этого Петтенкоферъ уже нашелъ свое призваніе и вскорѣ весь міръ обратилъ вниманіе на его замѣчательныя изслѣдованія и опыты, которые произвели настоящій переворотъ въ наукѣ и даже вначалѣ возбудили ожесточенные протесты со стороны приверженцевъ старинныхъ воззрѣній.

Петтенкоферъ прекратилъ чтеніе лекцій по гигіенѣ лишь за нѣсколько лѣтъ до своей смерти, но до самаго конца продолжалъ работать и не задумываясь подвергалъ опасности собственную жизнь, когда нужно было произвести какой-нибудь рискованный опытъ. Два года тому назадъ на съѣздѣ естествоиспыта-

телей въ Мюнхенѣ Петтенкоферъ сидѣлъ за столомъ вмѣстѣ съ прочими почетными гостями и его имя было у всѣхъ на устахъ. Каждый докладчикъ непремѣнно упоминалъ о его великихъ открытіяхъ, такъ какъ не было той области общественной гигіены, которой не коснулись бы его изслѣдованія. Но самъ великій ученый всегда отличался величайшею скромностью; онъ какъ будто даже не сознавалъ того, какія великія заслуги онъ оказалъ человѣчеству своими научными работами и никогда самъ не говорилъ о нихъ. Чувствуя, что силы его уже уходятъ, и опасаясь, что скоро наступитъ такой моментъ, когда онъ уже не въ состояніи будетъ работать, когда умственныя способности его ослабѣютъ и прекратится кипучая дѣятельность его мощнаго ума, Петтенкоферъ въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни сдѣлался грустенъ и часто говорилъ своимъ близкимъ, что боится впасть въ идіотизмъ. Эта боязнь, принявшая, въ концѣ концовъ, характеръ навязчивой идеи, вложила въ руки великаго старца револьверъ, которымъ онъ покончилъ съ собою.

Вопросы общественной жизни и воспитанія во Франціи. Безъ шума и рекламы открыла недавно свою дѣятельность въ Парижѣ такъ называемая «Ecole de Morale»—маленькая Сорбонна, возникшая подъ сѣнью великой Сорбонны, такъ какъ надо только перейти улицу, чтобы попасть изъ одной въ другую. Въ этой маленькой Сорбоннѣ организуются лекціи по совершенно новому типу; онѣ не представляютъ систематическаго курса, но въ то же время не носятъ случайнаго характера, какъ это часто бываетъ съ публичными лекціями, устраиваемыми съ благотворительною или иною цѣлью. Для лекціи въ маленькой Сорбоннѣ выбирается какая-нибудь тема, носящая преимущественно общественный характеръ и имѣющая непосредственное отношеніе къ современной жизни. Къ такой именно темѣ надо причислить ту, которую выбралъ Анатоль Леруа Болье для своей первой лекціи. Онъ назвалъ свою лекцію «les doctrines de haine» (доктрины ненависти), подразумѣвая подъ этимъ антисемитизмъ, антипротестантизмъ и антиклерикализмъ и т. п. теченія, такъ широко распространившіяся въ послѣдніе годы XIX вѣка.

На слѣдующій день деканъ словеснаго факультета проф. Альфредъ Круазе прочелъ первую лекцію о нравственныхъ воззрѣніяхъ древнихъ грековъ. Программа другихъ лекцій еще неизвѣстна, но одинъ день въ недѣлѣ будетъ посвященъ преніямъ по разнымъ вопросамъ этики. Открытіе «Ecole de morale» вызвало сочувственный отзывъ во всей французской печати, привѣтствующей частную инціативу, давшую начало такому полезному учрежденію. Вообще за послѣднее время въ Парижѣ замѣчается усиленіе интереса ко всякаго рода опытамъ, имѣющимъ цѣлью распространеніе просвѣщенія. На международномъ конгрессѣ высшаго образованія Георгъ Кулонъ, вице-президентъ государственнаго совѣта, въ предложенной резолюціи формулировалъ желаніе, чтобы университеты не оставались въ сторонѣ отъ движенія, направленнаго къ популяризаціи знаній, выраженіемъ котораго служитъ организація народныхъ университетовъ. Общество высшаго образованія (Société de l'enseignement superieur), предсѣдателемъ котораго состоитъ Бруардель, деканъ медицинскаго факультета, присоединилось къ желанію, выраженному въ резолюціи, и рѣшило подвергнуть обсужденію вопросъ объ участіи въ движеніи народныхъ университетовъ. Участіе это было рѣшено въ практикѣ въ общемъ собраніи, на которомъ установлена была форма этого участія. Общество не намѣрено устраивать систематическихъ курсовъ, но лишь отдѣльныя лекціи по разнымъ предметамъ и притомъ составленныя такимъ образомъ, чтобы быть доступными пониманію массъ, не получившихъ достаточной подготовки. Устройство такихъ лекцій должно служить подспорьемъ народнымъ университетамъ и преслѣдовать одну и ту же цѣль—наивозможно болѣе широкое распространеніе знаній, и просвѣщеніе массъ.

Въ новооткрытомъ международномъ психологическомъ институтѣ проф. Дюкло, директоръ Пастеровскаго института, прочелъ лекцію, въ которой изложилъ цѣли новаго учрежденія и распространился о значеніи экспериментальной психологіи. Очень долго психическіе феномены вызывали неловѣріе въ людяхъ науки, отличавшихся большою нетерпимостью и узостью взглядовъ. По счастью, это пригодилось теперь и съ тѣхъ поръ, какъ ученые пришли къ убѣжденію, что наблюденіе психическихъ явленій очень важно для науки, экспериментальная психологія получила болѣе широкое развитіе. Это можно назвать ея первою большою побѣдою, но противники ея еще не сложили оружія и въ особенности съ недовѣріемъ относятся къ результатамъ экспериментальныхъ методовъ, примѣняемыхъ къ изслѣдованію психическихъ чудесъ.

Дюкло произвелъ огромное впечатлѣніе своею рѣчью. Онъ подробно и безпристрастно разобралъ основы вѣры и сомнѣній. До изобрѣтенія телескопа мы вѣдь ничего не знали о тѣхъ мірахъ, которые открылъ намъ телескопъ, хотя всѣ эти міры давно существовали. Точно также до открытія микроскопа мы могли сомнѣваться въ существованіи цѣлаго міра безконечно малыхъ организмовъ, такъ какъ этотъ міръ былъ недоступенъ нашимъ чувствамъ. Благодаря оптическимъ комбинаціямъ передъ нами открылись цѣлые міры. Зачѣмъ же мы будемъ заранѣе отрицать, что тутъ около насъ могутъ находиться еще неизвѣстные намъ элементы, которые недоступны нашему изслѣдованію вслѣдствіе несовершенства нашихъ вспомогательныхъ средствъ? Дюкло указалъ на то, что х—лучи были открыты недавно, а между тѣмъ они всегда существовали. То же самое надо сказать и о безпроволочномъ телеграфѣ и нѣкоторыхъ другихъ важныхъ открытіяхъ въ этой области. «Наука не знаетъ конечной цѣли!—воскликнулъ онъ въ заключеніе.—Пока существуютъ люди—будутъ существовать и ученые и они будутъ дѣлать открытія»!

Весною въ Парижѣ открывается новый музей, въ которомъ будутъ собраны разныя художественныя произведенія и другіе предметы, имѣющіе отношеніе къ дѣтскому возрасту, физическому и умственному воспитанію ребенка, уходу за нимъ и т. д. Но эта выставка будетъ имѣть, кромѣ того, историческій характеръ; всему, что имѣетъ какое-либо отношеніе къ исторіи ребенка, будетъ отведено обширное мѣсто. Въ историческомъ отдѣлѣ будутъ находиться картины и др. художественныя произведенія разныхъ вѣковъ, изображающія дѣтей, а также цѣлый рядъ дѣтскихъ портретовъ, игрушекъ и костюмовъ разныхъ временъ, начиная съ древнихъ до современныхъ. Особенный отдѣлъ будетъ посвященъ дѣтской литературѣ всѣхъ временъ и народовъ, а также работамъ дѣтей. Въ этомъ отношеніи главнымъ экспонентомъ являются Соединенные Штаты, такъ какъ изъ Америки прислано не только множество произведеній дѣтской литературы, но и масса литературныхъ и иныхъ работъ, сдѣланныхъ дѣтьми школьнаго возраста.

По словамъ французскихъ газетъ, въ Парижѣ обучаются въ настоящее время нѣсколько болѣе 300 студентокъ, изъ которыхъ больше половины числится на медицинскомъ факультетѣ. До этого времени главный элементъ женской учащейся молодежи въ Парижѣ составляли иностранки; француженки, несмотря на открытый доступъ на всѣ факультеты, только въ послѣднее время стали пользоваться этою привилегіею, и теперь уже французскія студентки не составляютъ исключенія въ средѣ молодежи, посѣщающей курсы и лекціи въ латинскомъ кварталѣ. Одной изъ бывшихъ студентокъ, а именно М-lle Геродіа, дочери академика, пришла въ голову благая мысль устроить такую же ассоціацію среди студентокъ, какая существуетъ среди студентовъ и, какъ извѣстно, процвѣтаетъ. Основательница этой ассоціаціи, главнымъ образомъ, имѣла въ виду создать связь между всѣми этими молодыми дѣвушками, пріѣзжающими въ Парижъ изъ разныхъ, иногда далекихъ мѣстъ, чтобы учиться. Конечно, эти

молодыя дѣвушки должны вначалѣ чувствовать себя очень одинокими и заброшенными въ огромномъ чужомъ городѣ, гдѣ ихъ никто не знаетъ. Вдали отъ своей родины, отъ родного угла и еще не привыкши ни къ нравамъ, ни къ языку чужой имъ страны, иностранныя студентки въ Парижѣ, по мнѣнію М-lle Геродіа, осуждены вести жизнь уединенную и скучную, если у нихъ нѣтъ знакомыхъ и друзей въ Парижѣ; если же будетъ существовать ассоціація студентокъ, то при ея посредствѣ онѣ сразу вступятъ въ общеніе со своими товарищами. Не останавливаясь передъ затрудненіями, М-lle Геродіа рѣшила, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, образовать ядро будущей ассоціаціи изъ нѣсколькихъ человѣкъ, сочувствующихъ ея идеѣ. Двадцать студентокъ соединились вмѣстѣ и наняли маленькое помѣщеніе, гдѣ онѣ могли собираться отъ времени до времени, знакомиться другъ съ другомъ, читать лекціи и совмѣстно обсуждать разные вопросы. Вскорѣ число этихъ членовъ-учредителей возросло до 60-ти и теперь онѣ уже располагаютъ хорошимъ удобнымъ помѣщеніемъ въ три большія комнаты, довольно комфортабельно устроенныя. Предсѣдательницею ассоціаціи выбрана, конечно, М-lle Геродіа, энергіи которой ассоціація обязана своимъ существованіемъ. Открытая еще очень недавно, ассоціація эта, разумѣется, ничѣмъ не успѣла зарекомендовать себя, но тѣмъ не менѣе, она уже теперь служитъ центромъ общенія всѣхъ студентокъ и заставляетъ ихъ жить товарищескою жизнью, тогда какъ до сихъ поръ онѣ были совершенно изолированы отъ всей остальной студенческой массы.

Въ годовомъ отчетѣ совѣта Парижскаго университета за 1900 г. указано, что общая цифра учащихся достигла 13.723; при нихъ 1.200 иностранцы, изъ которыхъ почти половина пріѣхала въ Парижъ изъ балканскихъ государствъ. Самый многолюдный изъ всѣхъ факультетовъ—юридическій; студентовъ на этомъ факультетѣ 4.405 человѣкъ, изъ нихъ 312 иностранцевъ (125 румынъ и 54 египтянина). Русскихъ студентовъ всего больше на медицинскомъ факультетѣ—70, затѣмъ на научномъ—67. Профессоръ протестантскаго богословскаго факультета, Боне Мори, составившій этотъ докладъ, обращаетъ, между прочимъ, вниманіе на то, что французскій студентъ отличается «сообщительностью и великодушіемъ» и, кромѣ того, онъ—«веселый товарищъ». Благодаря этимъ его качествамъ постоянно возникаютъ многочисленныя ассоціаціи, студенческія комитеты для оказанія помощи, стипендіи и т. п. Авторъ доклада перечисляетъ только нѣкоторыя изъ этихъ ассоціацій (L'Association générale des étudiants, la Solidarité universitaire, le Restaurant Coopératif и т. д), но онъ прибавляетъ, что общее число членовъ этихъ студенческихъ обществъ равняется въ настоящее время 10.000, такъ что почти $^4/_5$ всего студенческаго населенія Парижа состоитъ членами ассоціацій, главнымъ образомъ опирающихся на солидарность студенческой молодежи и на стремленіе ея къ общенію.

Въ Швеціи. Въ Стокгольмѣ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ рѣшенія вопроса относительно премій Нобеля, которыя должны быть выданы въ первый разъ въ этомъ году тѣмъ лицамъ, «которыя оказали наибольшія услуги человѣчеству». Проценты съ капитала, завѣщаннаго Нобелемъ, раздѣляются на пять равныхъ частей и образуютъ пять премій, которыя предназначаются: 1) за важнѣйшее открытіе въ области физики; 2) за важнѣйшее открытіе и его примѣненіе въ области химіи; 3) за важнѣйшее открытіе въ области физіологіи или медицины; 4) за лучшее литературное произведеніе идеальнаго направленія; 5) за труды, направленные къ распространенію идеи братства народовъ, къ уменьшенію арміи и организаціи конгрессовъ мира. Первыя двѣ преміи присуждаетъ шведская академія наукъ, относительно же третьей преміи право присужденія предоставлено Каролинскому медицинскому институту въ Стокгольмѣ. Четвертую премію, за литературное произведеніе, должна присудить Стокгольм-

ская литературная академія, а пятую—за дѣло мира, присудить комиссія изъ пяти членовъ, назначенныхъ норвежскимъ стортингомъ. Права кандидатовъ на полученіе преміи разсматриваются спеціально выбранными для этой цѣли «Нобелевскими комитетами» и рѣшеніе будетъ объявлено въ торжественномъ засѣданіи. Каждый, получившій премію, обязанъ въ теченіе шести мѣсяцевъ прочесть публичную лекцію о своемъ открытіи или произведеніи, за которое имъ получена премія. Первыя четыре лекціи должны быть прочтены въ Стокгольмѣ, а пятая, имѣющая отношеніе къ дѣлу мира, будетъ прочтена въ Христіаніи. Кандидаты на полученіе премій могутъ быть представлены кѣмъ-нибудь отъ членовъ шведской академіи или комитета Нобеля, профессорами физики и химіи въ университетахъ Упсалы, Лунда, Христіаніи, Копенгагена и Гельсингфорса, Каролинскаго медицинскаго института, высшей технической школы въ Стокгольмѣ и затѣмъ еще профессорами университетовъ и высшихъ школъ шести другихъ странъ, которыя будутъ указаны шведскою академіей, а также разными учеными, къ которымъ шведская академія обратится съ предложеніемъ указать своихъ кандидатовъ. Предложенія и заявленія кандидатовъ должны быть внесены до 1-го апрѣля этого года. Каждый присужденный къ преміи одновременно съ денежною наградою получаетъ и золотую медаль. Въ стокгольмскомъ обществѣ особенный интересъ возбуждаетъ пятая премія, т.-е. та, которая будетъ присуждена за содѣйствіе дѣлу мира. Въ мѣстной печати уже высказываются различныя предположенія по поводу вѣроятныхъ кандидатовъ, которые будутъ предложены для полученія преміи. Изъ русскихъ называютъ Льва Толстого и художника Верещагина. Изъ французовъ, повидимому, намѣренъ выступить кандидатомъ извѣстный проповѣдникъ мира Фредерикъ Пасси, который недавно еще разсказывалъ одному журналисту, что онъ написалъ письмо покойной королевѣ Викторіи, совѣтуя ей отречься отъ престола, такъ какъ не въ ея власти остановить трансваальскую войну, и выразить этимъ протестъ противъ политики своихъ министровъ. Конечно, письмо это не имѣло никакихъ выгодныхъ послѣдствій для буровъ, но тѣмъ не менѣе Пасси твердо увѣренъ, какъ онъ самъ сказалъ журналисту, что подобнаго рода демонстраціи всегда оставляютъ слѣдъ. Нельзя отрицать, впрочемъ, что дѣятельность Пасси въ дѣлѣ организаціи конгрессовъ мира была настолько замѣтна, что она съ полнымъ правомъ можетъ быть зачисленъ въ разрядъ кандидатовъ на соисканіе Нобелевской преміи. Члены Нобелевскаго комитета хранятъ упорное молчаніе насчетъ кандидатовъ и ихъ шансовъ на полученіе преміи, такъ что въ этомъ отношеніи возможны только одни предположенія.

Шведская академія готовится чествовать въ этомъ году трехсотлѣтіе смерти знаменитаго астронома Тихо-де-Браге. Къ этому времени предполагается напечатать факсимиле его знаменитаго сочиненія «Astronomiae Instauratae Mechanica», оригиналъ котораго хранится въ академіи.

Въ Швеціи существуютъ интересныя учрежденія, которыя называются «музеями на открытомъ воздухѣ». Въ Европѣ они совсѣмъ почти неизвѣстны. Первая мысль объ устройствѣ такого музея возникла у шведскаго ученаго доктора Гезеліуса. Его коллекціи послужили основаніемъ для музея въ Скансенѣ, у Стокгольма; этотъ музей имѣетъ цѣлью показать, какъ жили прежнія поколѣнія, какія у нихъ были жилища, утварь и т. п. предметы. Съ этою цѣлью, по почину доктора Гезеліуса, было закуплено старинное убранство хижинъ въ различныхъ мѣстахъ страны, затѣмъ, тамъ, гдѣ это было возможно, были также куплены хижины и перенесены въ мѣстность, гдѣ устроенъ музей. Обстановка хижинъ была, по возможности, сохранена въ своемъ первоначальномъ видѣ и для полноты иллюзіи окружающая мѣстность была также передѣлана такъ, чтобы напоминать ту, откуда взята хижина. Разведены были

растенія и животныя, совершенно такія, какія водились въ той мѣстности, откуда взята хижина, такъ что получалась полная картина прошлаго страны.

Музей въ Сканзенѣ занимаетъ пространство въ 236.820 кв. метровъ. На этомъ пространствѣ находятся цѣлые ряды крестьянскихъ хижинъ, домовъ, церквей, причемъ нѣкоторыя изъ этихъ строеній доставлены въ музей въ первоначальномъ видѣ, другія же представляютъ вѣрную копію. Чтобы пробудить интересъ къ стариннымъ обычаямъ, танцамъ, пѣснямъ и т. д., ежегодно въ Сканзенскомъ музеѣ устраиваются празднества, на которыя народъ сбѣгается толпами. Обыкновенно для этого выбирается какой-нибудь національный праздникъ и тогда въ музеѣ устраиваются историческія процессіи и концерты, на которыхъ исполняется старинная музыка. Окружающая обстановка, напоминающая старинныя времена, очень хорошо подходитъ для такихъ историческихъ празднествъ и въ народѣ они имѣютъ громадный успѣхъ. Благодаря имъ, интересъ къ прошлому Скандинавіи сильно выросъ въ послѣднее время.

Но Сканзенскій музей не единственное, въ своемъ родѣ, учрежденіе въ Швеціи. Въ старинномъ городѣ Лундѣ, который славится своимъ соборомъ и своимъ университетомъ, шведское этнографическое общество основало второй такой музей. Правда, онъ меньше Сканзенскаго, но сравнительно также богатъ. Старинныя постройки въ этомъ музеѣ представляютъ подлинные старинные дома, только реставрированные и перенесенные въ музей, также какъ и вся обстановка этихъ домовъ.

Успѣхъ этихъ музеевъ въ Швеціи побудилъ Норвегію послѣдовать ея примѣру въ этомъ отношеніи. Были сдѣланы попытки устройства такого музея на открытомъ воздухѣ въ Ригдо и еще другомъ городѣ, но по нѣкоторымъ причинамъ дѣло это остановилось въ самомъ началѣ. Въ одномъ мѣстѣ этнографическое общество Христіаніи соорудило три постройки, являющіяся самыми точными копіями старинныхъ норвежскихъ хижинъ со всею ихъ обстановкой; но дальше этого дѣло не пошло. Однако, сторонники идеи устройства такихъ музеевъ продолжаютъ очень дѣятельно свою пропаганду и, надо полагать, что имъ удастся достигнуть желаемаго и норвежскіе музеи станутъ на ряду со шведскими. Изъ другихъ странъ только одна Данія намѣрена повидимому, устроить такой же музей и съ этою цѣлью уже пріобрѣтенъ участокъ земли въ шести миляхъ отъ столицы.

Одинъ изъ нѣмецкихъ журналистовъ, посѣтившій Лундскій музей, съ восторгомъ отзывается о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ на него этотъ музей. «Никакія книги и учебники не могли бы мнѣ дать такого яснаго и наглядnаго понятія о прошломъ страны,—говоритъ онъ.—Я переселился за многомного лѣтъ назадъ, какъ только вошелъ туда—такъ велика была иллюзія! И если бы не посѣтители, расхаживающіе съ каталогомъ въ рукахъ, то я бы совершенно могъ забыть о томъ, что нахожусь на рубежѣ двадцатаго столѣтія».

Изъ жизни въ Америкѣ. За послѣдніе годы въ Соединенныхъ Штатахъ огромное развитіе получила система подвижныхъ библіотекъ. Первый опытъ былъ сдѣланъ въ 1892 г. библіотекаремъ Мельвилемъ Девеемъ. Онъ началъ съ устройства маленькихъ библіотекъ, въ сто томовъ каждая, которыя разсылалъ изъ Нью-Іорка въ разныя села, срокомъ на полгода. Но на слѣдующій же годъ дѣло это сильно разрослось и другіе американскіе города также стали устраивать странствующія библіотечки, по образцу той, которую устроилъ Девей. Въ настоящее время такія библіотечки устраиваются не только управленіемъ штатовъ, но и частными лицами. Такихъ частныхъ библіотекъ насчитывается болѣе 1.000, общее же число книгъ, находящихся въ обращеніи возросло до 11.500. Примѣру Нью-Іорка прежде всего послѣдовалъ Висконсинъ, затѣмъ Мичиганъ и

Іова, Огіо, Миннезота, Мэнъ, Нью-Джерсей и Пенсильванія. Успѣху этого дѣла очень много содѣйствовали женщины. Въ Нью-Джерсеѣ союзъ женскихъ клубовъ (Federation of woman's Clubs) оказалъ давленіе на законодагельное собраніе штата съ цѣлью заставить его ассигновать нужныя средства на устройство такой странствующей библіотеки. Въ другихъ штатахъ женскіе союзы на свой счетъ устроили такія библіотеки. Женщины въ городѣ Соленаго Озера разсылаютъ такія библіотечки въ самыя отдаленныя мѣста Утаха. Въ Тенесси, Кентукки и Алабамѣ распространеніе библіотекъ всецѣло обязано женщинамъ. Женскіе клубы въ Калифорніи, Идахо, Миннезонѣ, Небраскѣ, Канзасѣ, Иллинойсѣ, Миссури и въ разныхъ другихъ штатахъ, стараются посредствомъ распространенія такихъ библіотечекъ удовлетворить потребность умственной пищи и пробудить любознательность у горнорабочихъ, дровосѣковъ, матросовъ, крестьянъ и т. д. Однако, все-таки въ нѣкоторыхъ штатахъ считаютъ число существующихъ библіотекъ недостаточнымъ и въ законодательныя собранія вносятся предложенія объ устройствѣ еще новыхъ библіотекъ, а въ Вашингтонѣ образовалось нѣсколько союзовъ спеціально для снабженія книгами для чтенія моряковъ, пожарныхъ, желѣзнорожныхъ служащихъ и т. д.

Примѣръ Уильяма Джорджа, основавшаго въ штатѣ Нью-Іоркъ, въ 1895 г. дѣтскую республику (George Junior Republic) нашелъ подражателей въ другихъ штатахъ. Основатель этой курьезной республики преслѣдовалъ исключительно воспитательныя цѣли и успѣхъ настолько превзошелъ его ожиданія, что онъ теперь уже счелъ возможнымъ сложить съ себя званіе президента этой республики, обладающаго правомъ veto, и предоставить юнымъ гражданамъ полную свободу въ дѣлѣ самоуправленія. До сихъ поръ они оказывались на высотѣ требованій, предъявленныхъ имъ ихъ бывшимъ президентомъ и ни разу не потребовалось посторонняго вмѣшательства для улаженія недоразумѣній и споровъ относительно какихъ бы то ни было вопросовъ. Между прочимъ, граждане этой республики недавно разрѣшали жгучій вопросъ, касающійся избирательныхъ правъ женщинъ. Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ: дѣвочки позднѣе мальчиковъ начали вступать въ общину. Мальчики уже устроились въ ней и сначала дѣвочекъ было мало, такъ что онѣ не представляли значительной силы и не пользовались правомъ голоса въ правительствѣ юной республики. Впрочемъ, вначалѣ онѣ и не заявляли на это никакихъ претензій, только послѣ того, какъ онѣ убѣдились, что съ нихъ взимаютъ такіе же налоги, какъ и съ мальчиковъ, что онѣ должны подчиняться такимъ же точно законамъ и обязаны соблюдать девизъ республики «Ничего безъ труда» (Nothing without labour), дѣвочки начали со свойственною имъ горячностью требовать для себя избирательныхъ правъ. Наиболѣе горячія и смѣлыя изъ нихъ тотчасъ же организовали петицію и представили ее въ законодательное собраніе. Произошли весьма оживленные дебаты по этому поводу, говорили и за, и противъ; ораторы изощрялись въ краснорѣчіи, защищая или нападая на идею дарованія дѣвочкамъ избирательныхъ правъ. Но въ концѣ концовъ дѣвочки одержали побѣду и женскій вопросъ былъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Петиція была принята и оставалось только, чтобы ее подписалъ президентъ. Дѣвочки уже предвкушали окончательную побѣду, но дѣло сразу приняло другой оборотъ, когда на трибуну вышелъ одинъ изъ ораторовъ и сталъ разубѣждать дѣвочекъ, что онѣ дѣлаютъ величайшую глупость, добиваясь гражданскихъ правъ. Это принесетъ имъ только однѣ непріятности и никакой пользы. Онъ говорилъ такъ краснорѣчиво и убѣдительно, что дѣвочки поколебались, нѣкоторыя изъ нихъ уже готовы были отступить. Началось настоящее волненіе, устраивались митинги, опять произносились рѣчи и т. п. Вопросъ былъ снова возбужденъ въ слѣдующей сессіи законодательнаго собранія и на этотъ разъ онъ былъ разрѣшенъ положительнымъ образомъ, но и въ «Junior

Republic» проведеніе этой реформы произошло не безъ затрудненій. Мальчики всячески старались добиться ограниченій правъ дѣвочекъ, поэтому сначала имъ было дозволено только подавать голосъ, но никакихъ должностей въ администраціи республики онѣ занимать не могли. Но теперь и это измѣнилось. Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ, когда одна изъ дѣвочекъ была назначена на должность судьи для разбирательства дѣлъ, касающихся дѣвочекъ-преступницъ. Мало-по-малу, однако, всѣ преграды исчезли и положеніе дѣвочекъ совершенно сравнялось съ положеніемъ мальчиковъ, такъ что даже одна изъ дѣвочекъ была выбрана вице-президентомъ.

Въ одной изъ англійскихъ газетъ напечатана интересная статья о негритянской аристократіи въ Америкѣ. Негры составляютъ въ настоящее время 13 процентовъ всего населенія Соединенныхъ Штатовъ. Несмотря на порядочное число лѣтъ, которое прошло со времени освобожденія негровъ, лишь очень немногіе изъ нихъ достигли значительныхъ соціальныхъ успѣховъ. Выраженіемъ такихъ успѣховъ служитъ, между прочимъ, развитіе негритянской печати, которая защищаетъ интересы расы. Такихъ газетъ, которыя ведутъ борьбу съ бѣлою расою, продолжающею смотрѣть на негровъ какъ на низшую расу, расплодилось въ послѣднее время очень много; ихъ насчитываютъ не менѣе двухсотъ. Но, помимо газетъ, существуютъ и негритянскіе періодическіе журналы. Во главѣ негритянскихъ журналистовъ стоитъ Томасъ Фортунъ, который доставляетъ матеріалъ очень многимъ американскимъ литературнымъ газетамъ. Во всякомъ случаѣ, въ журналистикѣ негры несомнѣнно имѣютъ успѣхъ, точно такъ же, какъ и въ медицинѣ. Негровъ-врачей въ Соединенныхъ Штатахъ очень много, несмотря на всѣ препятствія, которыя имъ воздвигаютъ на пути, напримѣръ, въ видѣ запрещенія поступать въ больницы для бѣлыхъ. Негры обошли это препятствіе тѣмъ, что основали собственныя клиники, дѣла которыхъ идутъ очень хорошо. Лучшимъ примѣромъ какого успѣха могутъ достигнуть негры въ области медицины, служитъ докторъ Даніель Вилльямсъ въ Чикаго, имѣющій громадную практику. Паціенты стекаются къ нему со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ классовъ общества и не только негры, но и бѣлые.

Еще одна область, въ которой негры обнаруживаютъ большія способности, это—богословіе. Негры вообще очень религіозны и любятъ заниматься богословскими вопросами, такъ что многіе изъ нихъ пользуются репутаціей очень знающихъ богослововъ. Всѣхъ этихъ негровъ, какъ журналистовъ, врачей, также богослововъ и др., авторъ причисляетъ къ «негритянской аристократіи». Во всякомъ случаѣ, это—аристократія ума, а не рожденія и капитала.

Испанскій кризисъ. Въ Испаніи чуть-чуть не произошла революція. Движеніе удалось подавить въ самомъ началѣ, но тѣмъ не менѣе причины, вызвавшія его, остаются и несомнѣнно могутъ вызвать рано или поздно новый кризисъ. Клерикальный вопросъ принялъ острый характеръ въ послѣднее время какъ во Франціи, такъ и въ Испаніи. Но въ Испаніи католическіе монахи и духовныя конгрегаціи играютъ еще болѣе значительную роль, нежели во Франціи, и борьба съ ними труднѣе. Вражда клерикальной и антиклерикальной партіи гнѣздится очень глубоко и довольно небольшой искры, чтобы произвести взрывъ. Такою искрой была драма Переца Гальдоса «Electra», которая едва не сдѣлалась причиною серьезнаго возстанія. Конечно, авторъ этой драмы и не подозрѣвалъ, какое она произведетъ дѣйствіе. Но онъ коснулся жгучаго вопроса, составляющаго больное мѣсто испанской публики. Его героиня Электра, молодая дѣвушка, подпавшая подъ вліяніе фанатика монаха, убѣгаетъ изъ родительскаго дома въ монастырь, гдѣ ее встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями, такъ какъ она богатая наслѣдница. Надо же случиться, что представленіе этой драмы какъ разъ совпало съ разбирательствомъ судебнаго дѣла

семьи Убао, занимающей видное мѣсто въ мадридскомъ обществѣ. Въ этой семьѣ произошло то же самое, что въ драмѣ Переца Гальдоса. Молодая дѣвушка, невѣста, познакомилась съ однимъ монахомъ іезуитомъ, который скоро подчинилъ ее своему вліянію. Она бросила своего прежняго духовника и перешла къ іезуиту, который скоро совершенно завладѣлъ ея волей. Мать стала замѣчать перемѣну въ своей дочери, и когда узнала, что ея дочь отказала своему жениху, котораго, казалось, она очень любила прежде, то очень встревожилась и заподозрила въ этомъ вліяніе іезуита. Она потребовала отъ своей дочери, чтобы та прекратила всякія сношенія съ іезуитомъ и вернулась къ прежнему духовнику. Дочь какъ будто покорилась ея волѣ, но тайкомъ продолжала переписываться съ іезуитомъ и въ одинъ прекрасный день исчезла изъ дома. Іезуитскій патеръ помѣстилъ ее въ монастырь и всѣ мольбы и требованія матери вернуть ей дочь оставались тщетными. Молодая дѣвушка—наслѣдница богатаго состоянія и для монастыря она была большимъ пріобрѣтеніемъ.

Дѣло это взволновало весь городъ. Г-жа Убао въ отчаяніи обратилась въ судъ. Въ первой инстанціи она проиграла дѣло, но во второй судъ присудилъ вернуть ей дочь. Однако это оказалось не такъ легко. Молодая дѣвушка, всецѣло находящаяся подъ вліяніемъ монахинь, не хотѣла покидать монастырь и возвращаться въ родительскій домъ. Она категорически объявила, что не вернется къ матери, потому что она съ нею дурно обращалась. Это обвиненіе страшно взволновало общественное мнѣніе Мадрида, такъ какъ семья Убао всѣмъ хорошо извѣстна и пользуется весьма почтенною репутаціей въ городѣ. Мать молодой дѣвушки всѣ знаютъ, какъ добрую и благочестивую женщину, поэтому обвиненія, высказанныя противъ нея, приписываются внушенію монахинь. Въ мадридской печати и обществѣ возникла ожесточенная полемика по этому поводу, а на судѣ выяснились разныя подробности, указывающія на тлетворное вліяніе и коварство іезуитскихъ монаховъ. Постановка драмы Переца Гальдоса подлила масла въ огонь. Къ тому же, все это совпало съ бракосочетаніемъ принцессы Астурійской, которая можетъ наслѣдовать испанскій престолъ въ случаѣ смерти маленькаго Альфонса. Принцесса обручилась съ сыномъ графа Казерты, принцемъ Карломъ Бурбонскимъ, и этого было достаточно, чтобы вызвать настоящія народныя волненія. Съ водвореніемъ бурбонской линіи, извѣстной своими клерикальными симпатіями, въ Испаніи могло бы вернуться царство монаховъ. Эти опасенія, вмѣстѣ съ сильнымъ возбужденіемъ, вызваннымъ дѣломъ Убао и постановкою драмы «Электра», привели къ цѣлому ряду враждебныхъ манифестацій и къ уличнымъ безпорядкамъ, которые приняли въ концѣ концовъ настолько серьезный характеръ, что въ Мадридѣ было объявлено военное положеніе, введена строгая цензура для газетныхъ сообщеній и телеграммъ и приняты необычайныя мѣры строгости. Въ этихъ волненіяхъ принимало участіе все населеніе, вмѣстѣ съ учащеюся молодежью, которая воспротивилась тому, что ей хотѣли дать вакаціи по случаю бракосочетанія принцессы Астурійской, и объявила, что не считаетъ возможнымъ праздновать, такъ какъ подобнаго рода событіе должно было бы вызвать національный трауръ, а никакъ не ликованіе.

Спокойствіе теперь временно возстановлено, но клерикальная проблема еще не рѣшена и въ Испаніи всѣ убѣждены, что при первомъ же поводѣ снова вспыхнетъ непримиримая ненависть къ монахамъ, глубоко гнѣздящаяся въ народѣ. Въ Испаніи монашескіе ордена очень размножились, такъ что на 1.900 жителей приходится одинъ монастырь, а въ большихъ городахъ и того больше. Но самое главное то, что вліяніе католическаго духовенства даетъ себя чувствовать всюду въ Испаніи, во всѣхъ общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ и въ семьѣ. Кромѣ того, монастыри въ Испаніи обладаютъ громадными богатствами и, мало того, въ рукахъ монаховъ находятся важнѣйшія про-

мышленныя предпріятія и они состоятъ главными акціонерами различныхъ обществъ, банковъ и т. д. Въ политическомъ же отношеніи они принимали участіе въ разныхъ реакціонныхъ движеніяхъ, въ карлистскомъ возстаніи и т. п. Все это поддерживаетъ ненависть, которую питаютъ къ нимъ въ испанскомъ народѣ и никакія временныя мѣры не измѣнятъ такого положенія вещей.

Китайскій посланникъ въ роли публичнаго лектора. Въ то время, какъ въ Китаѣ продолжается неопредѣленное положеніе, которое нельзя назвать ни войною, ни миромъ, китайскіе посланники, въ Европѣ и Америкѣ, стараются примирить китайскіе взгляды съ европейскими и такимъ образомъ сдѣлать свое положеніе болѣе сноснымъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, впрочемъ, китайскій посланникъ не чувствуетъ себя до такой степени не у мѣста, какъ его другіе коллеги въ Европѣ. Онъ продолжаетъ также показываться всюду какъ и прежде, и недавно прочелъ публичную лекцію, въ которой провелъ параллель между «христіанствомъ и конфуціанизмомъ».

Лекція была организована «Обществомъ нравственнаго обученія», и привлекла массу публики. Вутингъ-Фу, явившійся въ своемъ китайскомъ одѣяніи, произвелъ огромный эффектъ. Онъ говорилъ по-англійски и сначала резюмировалъ сущность ученія обѣихъ религій, а затѣмъ сказалъ: «Конфуціанизмъ пользуется у насъ популярностью, потому что это религія живыхъ, тогда какъ таотизмъ и буддизмъ—это религія мертвыхъ. Это не мѣшаетъ однако китайцамъ приглашать священниковъ всѣхъ трехъ религій для совершенія похоронныхъ обрядовъ, китайцы—народъ практическій и такъ какъ они не знаютъ, что ихъ ожидаетъ послѣ смерти, то предусмотрительно прибѣгаютъ къ поддержкѣ всѣхъ трехъ религій. Если которая нибудь изъ нихъ не обѣщаетъ имъ царствія небеснаго, зато другая даетъ намъ право надѣяться на это и потому мы приглашаемъ на похороны священниковъ всѣхъ трехъ религій. Конфуціанизмъ ничего не обѣщаетъ людямъ послѣ ихъ смерти, ни наградъ, ни наказаній, не зная навѣрное, существуетъ-ли то или другое: Но такъ пріятно надѣяться на безсмертіе души, что я бы желалъ, чтобы это ученіе было справедливо!

«Изъ этого не слѣдуетъ впрочемъ, что Конфуцій совершенно отрицаетъ загробную жизнь, но онъ находитъ праздными всякія разсужденія на эту тэму. Его спросили однажды, что такое смерть?

«—Если вы не знаете, что такое жизнь, то какъ же вы хотите знать, что такое смерть? И то, и другое окружено тайной, покровъ которой человѣкъ приподнять не въ силахъ!» отвѣчалъ онъ.

«Конфуцій тоже говоритъ, что первая добродѣтель человѣка—это любовь къ истинѣ. Христосъ проповѣдывалъ то же самое. Въ Евангеліи говорится, что если васъ ударитъ кто-нибудь по правой щекѣ, то вы должны подставить ему лѣвую. Если человѣкъ взялъ вашъ плащъ, то отдайте ему и всю другую вашу одежду. Но это является выраженіемъ слишкомъ большого смиренія и я не думаю, чтобы нашелся хоть одинъ человѣкъ, который поступалъ бы подобнымъ образомъ. Человѣкъ, наносящій вамъ ударъ, поступаетъ дурно и, приглашая его еще разъ ударить васъ, вы только отягчаете его вину. Тотъ, кто похищаетъ у васъ плащъ—воръ, а вѣдь воровъ нельзя оставлять разгуливать на свободѣ. Я не думаю, что найдется хоть одинъ христіанинъ, который далъ бы себя ударить два раза.

«Конфуцій такъ же, какъ и Христосъ, учитъ любить и прощать своихъ враговъ. Это прекрасныя слова; но развѣ христіане ихъ выполняютъ? «Любите своихъ враговъ...», гласитъ евангельское ученіе, а между тѣмъ христіанскіе миссіонеры кричатъ теперь о мщеніи и требуютъ крови! Наша имперія переполнена христіанскими арміями, убивающими китайцевъ безъ пощады, не взирая

ни на возрастъ, ни на полъ, и отнимающими у нихъ всюду, гдѣ только можно, ихъ имущество!

«Развѣ же вы не видите, какая разница между вашею религіозною доктриной и ея примѣненіемъ въ жизни? Слышали ли вы когда-нибудь, чтобы кто-нибудь пригласилъ убійцу своихъ родныхъ войти къ себѣ въ домъ?—«Отвѣчайте добромъ за зло», говорятъ христіане. Конфуцій съ своей стороны говоритъ: «Отвѣчайте добротою на доброту, а на оскорбленіе—правосудіемъ».

Далѣе Вутингъ-Фу распространился о достоинствахъ религіи Конфуція и нѣсколько разъ подчеркивалъ противорѣчіе между христіанскимъ ученіемъ и поведеніемъ христіанъ въ Китаѣ. Онъ восхвалялъ миролюбіе китайцевъ и доказывалъ, что религія Конфуція значительно смягчила ихъ нравы. «Конфуціанизмъ покорилъ Японію и Корею,—прибавилъ онъ,—но эта побѣда была одержана не при помощи оружія, а при помощи убѣжденія. Введеніе христіанства въ Китай, такимъ образомъ, является совершенно излишнимъ и поэтому то, несмотря на дѣятельную пропаганду миссіонеровъ, они не могутъ похвастаться особеннымъ успѣхомъ своей дѣятельности!»

Несмотря на сдѣланное предсѣдателемъ собранія заявленіе, что всякія шумныя выраженія одобренія или недобренія воспрещаются, слушатели нѣсколько разъ прерывали рѣчь Вутингъ-Фу громкими аплодисментами; особенно тѣ мѣста удостоивались выраженій одобренія, въ которыхъ ораторъ дѣлалъ прозрачные намеки на поведеніе союзниковъ въ Китаѣ. Китайскій посланникъ могъ убѣдиться изъ этого, что китайская политика державъ далеко не вызываетъ одобренія въ народныхъ массахъ; поэтому и его лекція, весь смыслъ которой заключается въ слѣдующихъ словахъ: «Оставьте Китай въ покоѣ съ его культурой, религіей и нравами и предоставьте ему развиваться, какъ онъ хочетъ!», имѣла такой колоссальный успѣхъ.

Изъ области женскаго движенія. Въ недавно изданномъ одною берлинскою фирмою ежегодникѣ «Hilfe» 1901 г. (Buchferlag der «Hilfe» Berlin Schöneberg) помѣщено письмо Герлаха о женскомъ вопросѣ, въ которомъ, между прочимъ авторъ разсуждаетъ о томъ, какое случайное вліяніе могутъ оказать дочери министра на успѣхъ женскаго движенія. «Это было въ тѣ времена, когда Боссе занималъ въ Германіи постъ министра просвѣщенія, говоритъ, авторъ. Г. Боссе не имѣлъ никакого состоянія, но много взрослыхъ дочерей. Конечно, это его частное дѣло, но такъ какъ это было всѣмъ извѣстно, то мы не совершаемъ никакой нескромности, упоминая объ этомъ. Дочери его были способныя, энергичныя дѣвушки, которыхъ не могло удовлетворить одно только посѣщеніе баловъ и участіе въ благотворительныхъ базарахъ. Онѣ захотѣли учиться и одна изъ нихъ захотѣла сдѣлаться учительницей, а другая фармацевтомъ. Боссе, такимъ образомъ, въ собственной своей семьѣ убѣдился въ томъ, что женщины могутъ учиться не хуже мужчинъ и не хуже ихъ исполнять свои обязанности, какъ студенты. На какомъ же основаніи отказывать имъ въ одинаковыхъ правахъ съ мужчинами? Вопросъ этотъ возбуждался въ министерствѣ просвѣщенія и однажды однимъ изъ совѣтниковъ былъ прочитанъ министру проектъ допущенія женщинъ къ полученію ученыхъ степеней. Боссе отнесся къ этому проекту вполнѣ сочувственно, сказалъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ взгляды высказанные въ немъ, но такъ какъ дѣло идетъ объ очень важномъ нововведеніи, то, прежде, чѣмъ подписать эту бумагу министръ рѣшилъ хорошенько проштудировать ее и обдумать форму предложеній. Такимъ образомъ бумага осталась неподписанной на письменномъ столѣ министра до слѣдующаго дня, когда она доложна была сдѣлаться достояніемъ гласности. Но тутъ произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное. Словно вихрь ворвался въ каби-

нетъ министра профессоръ Бергманъ, который пронюхалъ, что затѣвается,—какъ это произошло—объ этомъ я не рѣшаюсь высказывать предположеніе даже въ письмѣ, такъ какъ знаю законы въ качествѣ юриста. Какъ бы тамъ ни было, но Бергманъ явился къ министру и такъ какъ почтенный профессоръ обладаетъ нѣкоторыми не совсѣмъ пріятными чертами характера, то можно себѣ представить, какое онъ доставилъ удовольствіе министру своимъ прибытіемъ. Во всякомъ случаѣ министръ не могъ сохранить объ этомъ свиданіи особенно пріятнаго воспоминанія. Бергманъ грозилъ, что онъ немедленно подаетъ въ отставку, «если онъ ему навяжетъ бабъ» и такъ неистово напалъ на бѣднаго министра, что тотъ сразу отмѣнилъ свой взглядъ на женское образованіе. На этомъ дѣло и остановилось».

Несмотря, однако, на такое неистовое сопротивленіе нѣкоторыхъ прусскихъ ученыхъ мужей и на то, что, повидимому, дочери другихъ германскихъ министровъ просвѣщенія не стремились къ высшему образованію, женщины въ Германіи добились все-таки огромныхъ успѣховъ въ сравнительно короткое время. Ихъ упорство, настойчивость и выдержка въ своихъ требованіяхъ могутъ служить примѣромъ для другихъ. Своимъ примѣромъ онѣ заразили и сосѣднюю Австрію, гдѣ женское движеніе начинаетъ сильно распространяться. Но, какъ мы уже имѣли случай говорить, женское движеніе проникаетъ и въ самыя отдаленныя страны земного шара. Напримѣръ, въ Японіи въ этомъ году предстоитъ открытіе женскаго университета. Разсчитываютъ на большое число студентокъ. Очень много молодыхъ японокъ, изъ хорошихъ семействъ, записались на курсы медицинскаго факультета и политехнической школы университета, такъ что, вѣроятно, черезъ нѣсколько лѣтъ въ Японіи будутъ женщины инженеры и врачи. Даже на мусульманскомъ Востокѣ обнаруживаются стремленія къ улучшенію положенія женщины по отношенію къ мужчинѣ. Какъ это было въ Европѣ въ самомъ началѣ, такъ и на Востокѣ, первыми проповѣдниками и поборниками идеи эмансипаціи женщинъ выступаютъ мужчины, а не женщины. Въ Читтѣ главнымъ защитникомъ правъ женщины является совѣтникъ туземнаго верховнаго суда Касимъ-бей-Аминъ, издавшій уже раньше книгу «Освобожденіе женщины» и теперь написавшій вторую—«Новая женщина». Касимъ-бей-Аминъ указываетъ, что и въ Европѣ прежде господствовали такія же воззрѣнія на женщину, какія теперь существуютъ на Востокѣ. Западные ученые философы, поэты и священники съ такимъ же пренебреженіемъ смотрѣли на женщину и считали лишнимъ учить ее чему-нибудь иному, кромѣ искусства угождать мужчинѣ, ухаживать за нимъ, и его дѣтьми, стряпать и хозяйничать. Когда измѣнились воззрѣнія мужчинъ, то они сами должны были сознаться въ томъ, что были виновны въ униженіи женщинъ и тогда они изъ всѣхъ силъ стали стараться поднять ее до себя. Усилія эти не остались безуспѣшными. Съ этого момента начался новый періодъ въ исторіи западной женщины. Она почувствовала себя человѣкомъ, имѣющимъ такое же право какъ и мужчина на свободу и развитіе. Мало-по-малу исчезли искусственно созданныя загородки между женщиною и мужчиною, женщины присоединились къ мужчинамъ для посѣщенія университетовъ и участія въ научныхъ конгрессахъ. «Вмѣсто самки, увѣшанной разными погремушками,—говоритъ Каисмъ-бей,—предъ нами предстала «новая женщина»—сестра и подруга мужчины, воспитательница его дѣтей, мы добиваемся теперь такого превращенія египетской женщины, хотимъ поднять ее изъ того положенія, въ которомъ она находится теперь, и когда наша цѣль будетъ достигнута, то мы смѣло можемъ сказать тогда, что эта эволюція была однимъ изъ величайшихъ событій исторіи Египта».

Касимъ-бей съ нѣкоторою гордостью говоритъ, между прочимъ, о томъ, что мусульманскіе законы опередили европейскіе въ томъ отношеніи, что они уже

давно признавали за женщиною право распоряжаться своимъ имуществомъ и управлять имъ и даже быть опекуншей мужчины и выполнять обязанности кади или муфти. Въ этомъ отношеніи женщина была совершенно равноправна съ мужчиной. Въ своемъ первомъ произведеніи Касимъ-бей доказываетъ также, что Коранъ признавалъ права женщины и женщинамъ разрѣшалось открывать лицо и руки и находиться въ обществѣ съ мужчинами, изъ этого слѣдуетъ, по его мнѣнію, что исламъ не можетъ служить препятствіемъ эмансипаціи женщинъ.

Докторъ Маркузе, въ «Medicinische woche» посвящаетъ статью исторіи женскаго медицинскаго образованія. Появленіе женщинъ—врачей, по его словамъ, вовсе не совпадаетъ съ эмансипаціей женщины. Въ средніе вѣка женщины занимались медициною, не ради того, чтобы сравняться съ мужчиной, а изъ чувства нравственности, источникомъ котораго надо считать естественное желаніе женщины обращаться за помощью въ нѣкоторыхъ страданіяхъ не къ мужчинѣ, а къ женщинѣ. Женщины—врачи для женщинъ существовали еще во времена Перикла и Гиппократа. Въ Римѣ женщины—врачи (mulieres medicae) занимали оффиціальное положеніе, установленное закономъ и обычаемъ. Изъ европейскихъ государствъ въ настоящее время только въ Пруссіи женщины-врачи до сихъ поръ еще не добились признанія своихъ правъ, и мужчины все еще не хотятъ разстаться со своими прерогативами въ этомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе, отказъ отъ этихъ прерогативъ неизбѣженъ и составляетъ только вопросъ времени.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Гаремъ султана.—Союзъ матерей.—Бурскія характеристики.—Воспоминанія объ Андре.—«Цивилизованные» европейцы и «нецивилизованный» Китай.

«Revues des Revues» помѣщаетъ интересную статью о гаремѣ султана. Ни одинъ мужчина не можетъ проникнуть въ гаремъ и поэтому авторъ статьи, вѣроятно, получилъ свои свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ, но тѣмъ не менѣе онъ очевидно черпалъ ихъ изъ довольно достовѣрнаго источника.

Прежде всего авторъ говоритъ о томъ, что полигамія приходитъ въ упадокъ въ турецкомъ государствѣ. Содержаніе гарема составляетъ роскошь, которую далеко не всѣ послѣдователя пророка могутъ себѣ позволить по нынѣшнимъ временамъ, такъ что въ данномъ случаѣ недостатокъ денегъ служитъ подспорьемъ прогрессу нравственности. Контингентъ султанскаго гарема пополняется почти исключительно представительницами черкесской расы, самой красивой изъ восточныхъ расъ. Обыкновенно черкешенки покупаются въ дѣтскомъ возрастѣ спеціальными агентами по поставкѣ этого товара, кромѣ того губернаторы различныхъ провинцій также поставляютъ красавицъ для султанскаго гарема. Отыскиваніемъ красавицъ занимаются также и различныя родственницы султана, соперничествующія другъ съ другомъ въ желаніи угодить султану.

Привезенныя въ гаремъ молодыя дѣвушки, переступая порогъ султанскаго дворца, должны навсегда разстаться со всѣми своими родственными привязанностями и обо всемъ позабыть... Но прежде чѣмъ вступить въ число одалисокъ гарема, кандидатки на это званіе получаютъ спеціальное воспитаніе. Онѣ должны развить свою грацію. выучиться танцовать, употреблять образныя поэтическія выраженія въ своей рѣчи и т. д. и по окончаніи этого обученія, которое обыкновенно длится два года, ихъ подвергаютъ торжественному экзамену въ

*

присутствіи главной султанши (валиде) и только послѣ того онѣ признаются достойными предстать предъ свѣтлыя очи султана.

Авторъ описываетъ скучное монотонное и безцѣльное существованіе бѣдняжекъ, осужденныхъ на пожизненное заключеніе въ раскошной тюрьмѣ, именуемой гаремомъ. Танцы, пѣніе, музыка составляютъ главное ихъ развлеченіе, также какъ игра въ куклы и разныя шуточки надъ невольницами-негритянками. Но все это не спасаетъ ихъ отъ смертельной скуки. Скука виситъ въ воздухѣ и все собою наполняетъ. По цѣлымъ днямъ одалиски лежатъ въ небрежныхъ позахъ на диванахъ и мягкихъ бухарскихъ коврахъ и скучающими взорами наблюдаютъ за дымомъ своихъ сигаретокъ или кальяна. Повелитель правовѣрныхъ не часто захаживаетъ въ свой гаремъ. Онъ посѣщаетъ его только тогда, когда онъ спокоенъ, не боится за свою безопасность и не ожидаетъ никакихъ тревожныхъ событій. Но такое настроеніе, конечно, бываетъ у него не часто и поэтому его посѣщеніе является событіемъ, вносящимъ нѣкоторое разнообразіе въ жизнь гарема. Иногда онъ удостаиваетъ разговоромъ своихъ фаворитокъ, въ глазахъ которыхъ ему не трудно выдавать себя за образованнаго человѣка. Ему нравится сознавать это. Онъ разсказываетъ имъ подчасъ политическія событія, разныя сплетни и сенсаціонные анекдоты, касающіеся иностранныхъ дворовъ и это единственные уроки исторіи, которые онѣ получаютъ.

Когда султанъ уходитъ, то скука и однообразіе снова начинаютъ безраздѣльно господствовать въ гаремѣ и такъ идутъ дни и годы, не внося никакихъ особенныхъ перемѣнъ въ жизнь гарема.

Докторъ Рене Ламберъ въ томъ же журналѣ развиваетъ свою идею организаціи такъ называемаго «союза матерей» (Alliance des Mères) который будетъ имѣть цѣлью улучшеніе во всѣхъ отношеніяхъ положенія женщины въ семьѣ. Программа этого новаго общества должна быть одновременно экономическая и соціальная, отчасти даже политическая. но въ высшемъ смыслѣ этого слова. Оно должно стремиться прежде всего къ реформѣ брачнаго законодательства и къ коренной реформѣ женскаго воспитанія, для того чтобы дѣвушки перестали быть тѣмъ, что онѣ представляютъ въ настоящее время. Конечно, надо выдвинуть на первой планъ повышеніе умственнаго уровня женщины, такъ какъ лишь въ такомъ случаѣ она будетъ тѣмъ, чѣмъ она должна быть и сумѣетъ устроить свой домашній очагъ. Но для этого, разумѣется, ей надо обладать многими свѣдѣніями которыя, однако она можетъ почерпнуть изъ книгъ и затѣмъ примѣнить ихъ на практикѣ. Для облегченія женщинѣ ея первыхъ шаговъ въ этомъ направленіи «союзъ матерей» предоставитъ въ ея распоряженіе библіотеку, которая должа будетъ заключать въ себѣ всѣ книги по домоводству гигіенѣ и т. п. наукамъ. Авторъ предлагаетъ даже выпускать дешевымъ изданіемъ, всѣ такія книги, нужныя женщинѣ для пополненія своего образованія, но, между прочимъ, подкрѣпляетъ свое предложеніе указаніемъ на Швейцарію, гдѣ «Общество женщинъ-дѣятельницъ», выпустило въ продажу по 10 сантимовъ маленькія поваренныя книги, которыя расходятся въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ. Федеральное правительство для поощренія такой иниціативы, направленной къ распространенію полезныхъ знаній, разрѣшило безплатную перевозку этихъ книгъ по всей Швейцаріи.

Авторъ прибавляетъ въ заключеніе, что о своемъ проектѣ организаціи такого союза матерей онъ говорилъ уже со многими выдающимися женщинами. Всѣ отнеслись очень сочувственно къ этой идеѣ. Авторъ надѣется также, что союзъ матерей не только будетъ содѣйствовать распространенію полезныхъ знаній среди женщинъ и будетъ поощрять ихъ заниматься своимъ домомъ, но кромѣ того побѣдитъ войну, развратъ и пьянство! Быть можетъ, этому союзу

удастся поднять нравственный уровень мужчины и такимъ образомъ содѣйствовать возрожденію человѣчества.

Въ «Monthly Review» напечатана статья Базиля Уильямса о бурахъ подъ заглавіемъ «Бурскія характеристики». Авторъ статьи видѣлъ буровъ на полѣ битвѣ и пришелъ къ заключенію, что всѣ обвиненія, которыя распространяются противъ буровъ, лишены всякаго основанія. Многіе англійскіе авторы изображали буровъ крайне нечистоплотнымъ, грубымъ народомъ, Уильямсъ опровергаетъ это. Онъ отзывается о бурахъ съ большою симпатіею, онъ говоритъ, что отличительная черта ихъ характера это ихъ набожность и въ этомъ отношеніи они также искренни, какъ были нѣкогда искренни англійскіе пуритане. «Каждый вечеръ, какъ только зажигаются лагерные огни,—говоритъ Уильямсъ,—начинается пѣніе священныхъ гимновъ, и это пѣніе, раздающееся въ ночной тиши, среди африканской степи, несомнѣнно, производитъ глубокое впечатлѣніе на душу человѣка. Буры очень гостепріимны, горячо любятъ свою родину и гордятся ею; эта черта, безъ всякаго сомнѣнія, очень симпатична и даже располагаетъ къ нимъ тѣхъ, кто готовъ всегда сразиться за свою собственную родину».

Относительно обращенія буровъ съ плѣнными Уильямсъ говоритъ: «Мнѣ пришлось постоянно встрѣчаться съ людьми, которые бывали въ плѣну у буровъ въ разныя времена и всѣ эти люди, принадлежавшіе къ самымъ различнымъ рангамъ въ британской арміи, единодушно заявляли, что буры прекрасно обращались съ ними и тогда, когда они должны были слѣдовать за Деветомъ и тогда, когда они были заключены въ Ватервалѣ. Ни одинъ изъ плѣнныхъ ни разу не пожаловался на обращеніе съ нимъ. Однажды только плѣнные стали роптать на недостатокъ пищи. Объ этомъ донесли Девету и онъ сказалъ имъ: «Подождите. Я знаю, что вамъ пришлось питаться впроголодь въ послѣднее время, но я скоро отниму обозъ у вашихъ и тогда пищи у насъ будетъ вдоволь!»

Что касается поведенія англичанъ въ Трансваалѣ, то, по словамъ Уильямса, оно во многихъ случаяхъ заслуживало порицанія, какъ, напримѣръ, сжиганіе и разореніе фермъ. «Такой методъ веденія войны,—прибавляетъ Уильямсъ—не только несправедливъ, но и неполитиченъ. Вмѣсто того, чтобы утомить буровъ борьбою и заставить ихъ пожелать мира, такіе поступки врага только подливаютъ масла въ огонь, усиливаютъ ненависть и вызываютъ отчаянное сопротивленіе. Видя, что ихъ дома разорены и сожжены, а жены и дѣти уведены въ плѣнъ, буры приходятъ къ убѣжденію, что у нихъ ничего больше не осталось въ жизни, что могло бы заставить ихъ идти на сдѣлку, которую они, во всякомъ, случаѣ считаютъ позорной для своей родины».

Судьба воздухоплавателя Андре, отправившагося на воздушномъ шарѣ къ сѣверному полюсу, до сихъ поръ продолжаетъ интересовать цивилизованный міръ, хотя никто уже не сомнѣвается въ его гибели. Въ европейской печати отъ времени до времени появляются разсужденія о его вѣроятной судьбѣ и сообщенія о взглядахъ разныхъ полярныхъ изслѣдователей на его экспедицію и ея участь. такъ какъ даже относительно того направленія, которое принялъ полетъ воздушнаго шара Андре, могутъ существовать одни только предположенія. Въ нѣмецкомъ журналѣ «Deutsche Revue» напечатаны личныя воспоминанія объ Андре. Авторъ этихъ воспоминаній, Г. Штадлингъ, говоритъ, что Андре уже въ дѣтствѣ отличался отъ всѣхъ своихъ сверстенниковъ. Онъ поражалъ домашнихъ серьезностью и своими выходками. Когда ему было шесть лѣтъ, то услышавъ, что его мать жалуется на то, что теперь трудно найти прислугу, Андре захватилъ лассо и отправился на базарную площадь съ

намѣреніемъ поймать въ лассо какую-нибудь служанку и притащить ее домой. Когда онъ подросъ, то поражалъ всѣхъ трудолюбіемъ. Получивъ званіе гражданскаго инженера, онъ занималъ разныя должности въ Швеціи и посвятилъ себя, главнымъ образомъ, изученію атмосфернаго электричества. Въ этой области онъ считался безспорнымъ авторитетомъ. Находясь на Шпицбергенѣ, онъ пожелалъ узнать, какое дѣйствіе на кожу и зрѣніе оказываетъ продолжительная темнота. Съ этой цѣлью онъ остался зимовать на Шпицбергенѣ, а когда опять показалось солнце, то Андре спрятался въ темный погребъ, куда не проникалъ ни малѣйшій лучъ дневного свѣта, на цѣлыхъ двѣ недѣли, для того, чтобы по истеченіи этого времени его товарищи, къ которымъ вернулось нормальное зрѣніе, могли констатировать разницу между нимъ и собой. Къ сожалѣнію, авторъ воспоминаній не говоритъ, каковы были результаты этого опыта.

Первая мысль объ экспедиціи на воздушномъ шарѣ къ сѣверному полюсу явилось у Андре въ то время, когда онъ былъ въ Америкѣ, но онъ долго откладывалъ свое намѣреніе и по возвращеніи изъ Америки совершилъ нѣсколько смѣлыхъ путешествій на воздушномъ шарѣ, причемъ дважды перелеталъ черезъ Балтійское море. Штадлингъ присутствовалъ при его отправленіи къ сѣверному полюсу и говоритъ, что какъ Андре, такъ и его спутникъ поражали всѣхъ своимъ хладнокровіемъ и увѣренностью въ благополучномъ исходѣ своей безумно-смѣлой попытки.

Докторъ Диллонъ, волновавшій нѣкогда всю Европу описаніями армянскихъ избіеній, описываетъ теперь въ «Contemprorary Review» дѣйствія *цивилизованныхъ* европейцевъ въ *нецивилизованномъ* Китаѣ. Диллонъ вступилъ въ Пекинъ вслѣдъ за освободительными отрядами и былъ очевидцемъ такихъ сценъ грабежей и избіеній, которыя врядъ ли встрѣчались на страницахъ современной европейской исторіи. Это было настоящее побоище, которое, по его словамъ, ложится неизгладимымъ пятномъ на европейскую цивилизацію. Плодородная долина Пейхо, по которой проходили европейскія войска, обращена ими въ настоящую пустыню. Города и деревни совершенно разрушены, а жители перебиты европейцами, безъ различія возраста и пола. На каждомъ шагу Диллонъ, слѣдуя по пятамъ освободительной арміи, натыкался на слѣды ея разрушительной дѣятельности и кровожадной жестокости. Въ Тянь-Цзинѣ происходило то же самое. Китайскія женщины страдали еще сильнѣе своихъ братьевъ и мужей. То, что разсказываетъ объ этомъ Диллонъ, вызываетъ невольное содроганіе. «Я зналъ одного китайца, — говоритъ онъ, — очень почтеннаго, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ, съ женою котораго было поступлено самымъ возмутительнымъ образомъ и которая затѣмъ была убита вмѣстѣ со своимъ маленькимъ ребенкомъ. Этотъ китаецъ всегда находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ европейцами, но теперь можно съ увѣренностью сказать, что онъ будетъ страшно мстить всѣмъ иностранцамъ, которые только попадутся къ нему въ руки. Я зналъ также многихъ китайцевъ, жены и дочери которыхъ утопились или повѣсились, чтобы избѣжать страшной участи. Я видѣлъ изуродованныя тѣла женщинъ и дѣтей въ Пекинѣ и Тунгчау. Одна миссіонерша въ Пекинѣ, вмѣстѣ со своими подругами, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ прятала у себя китайскихъ женщинъ и дѣтей, спасая ихъ отъ европейскихъ солдатъ, которые должны были бы по настоящему оказывать имъ покровительство»...

Въ заключеніе своего ужаснаго повѣствованія докторъ Диллонъ говоритъ, что даже кровавыя страницы исторіи Арменіи блѣднѣютъ передъ тѣмъ, что дѣлалось въ Китаѣ, такъ что невольно возникаетъ вопросъ, дѣйствительно ли Китай менѣе цивилизованъ, чѣмъ тѣ европейскія державы, которыя такъ хлопочутъ о его возрожденіи?

ДЖУЗЕППЕ ВЕРДИ.

(1813—1901 г.).

13-го января скончался популярнѣйшій и чрезвычайно любимый своею родиною итальянецъ и, вѣроятно, самый популярный въ свѣтѣ и наиболѣе любимый пѣвцами композиторъ—Джузеппе Верди.

Чрезвычайна курьезна музыкальная судьба Верди. Съ самаго начала его карьеры «ученые» критики старались убѣдить публику, что музыка Верди груба, пошла, что музыкальное образованіе Верди крайне недостаточно, а публика расхватывала билеты на его оперы и распѣвала его мелодіи по всему земному шару, чуть ли не отъ одного полюса до другого. По поводу постановки въ Петербургѣ въ 1856 г. «Травіаты» Сѣровъ, признавая у Верди замѣчательный талантъ, пишетъ: «Опера принадлежитъ рѣшительно къ слабымъ произведеніямъ Верди... и въ цѣломъ мелодическая изобрѣтательность, если и замѣчательна, то именно—бѣдностью своею». «Вообще эта музыка такого рода, что не будь превосходной исполнительницы для партіи Віолетты (Бозіо), «La Traviata» рѣшительно бы никому не понравилась, прошла бы слишкомъ незамѣтно». А между тѣмъ съ хорошими пѣвцами «Травіата» дѣлаетъ полные сборы и донынѣ, почти пятьдесятъ лѣтъ спустя.

Что за причина такого разногласія во взглядахъ публики и «серьезной» критики? Мнѣніе Сѣрова вовсе не стоитъ одиноко; какъ у насъ, такъ и за границей музыка Верди до послѣднихъ трехъ его оперъ встрѣчала очень рѣзкія порицанія со стороны критики, да и за послѣднія его, если хвалили, то едва ли не главнымъ образомъ за то, что въ нихъ слышно яко бы вліяніе Вагнера.

Что же именно въ талантѣ Верди покоряло себѣ массу, несмотря на протесты ученыхъ музыкантовъ?

Чтобы понять такое противорѣчіе, намъ приходится разсмотрѣть болѣе общій вопросъ: какими пользуется композиторъ средствами для того, чтобы вызвать въ слушателѣ то или другое настроеніе, для того, чтобы овладѣть толпой?

Изъ этихъ средствъ на первомъ планѣ стоитъ мелодія, т.-е. такая послѣдовательность звуковъ, которая вызываетъ въ слушателѣ впечатлѣніе художественнаго цѣлаго. Для сочиненія мелодіи не требуется отъ композитора никакой подготовки, никакихъ музыкальныхъ свѣдѣній, а только непосредственный Божій даръ: талантъ. Точно также для усвоенія мелодіи слушатель долженъ обладать только природнымъ музыкальнымъ слухомъ, и болѣе ничѣмъ. Народная музыка, дѣйствіе которой на слушателя неоспоримо, и состоитъ только изъ мелодій (народная пѣсня), почти всегда исполняемыхъ народомъ безъ гармонизаціи, т.-е. безъ аккордовъ.

Но подымаясь въ музыкальномъ искусствѣ на ступень выше, мы видимъ, что мелодія является здѣсь у композиторовъ уже всегда съ аккордами, гармонизованной, и въ такомъ видѣ дѣйствіе мелодіи на слушателя, помимо безконечнаго разнообразія, становится уже гораздо глубже и полнѣе. Для гармонизаціи мелодіи композитору одного природнаго таланта уже мало; отъ него требуются уже музыкальныя познанія. Чтобы дать понятіе читателю о томъ количествѣ труда и ученія, которое долженъ пройти композиторъ, чтобы развернуть всѣ стороны своего таланта, достаточно вспомнить, что Глинка, геніальнѣйшій композиторъ милостью Божіей, уже послѣ того, какъ написалъ «Руслана» и далъ образцы превосходнѣйшей музыкальной техники, счелъ необходимымъ поѣхать еще учиться контрапункту у своего прежняго учителя нѣмца Дена, о сочиненіяхъ котораго теперь никто не знаетъ.

Пользуясь общепринятымъ сравненіемъ музыки съ архитектурой, я сказалъ бы, что мелодія безъ гармоніи аналогична рисунку (чертежу) какой-нибудь

мелкой архитектурной формы, напр., часовни, мелодія гармонизованная аналогична самой часовнѣ, а высшая форма, напр. симфонія, построенная изъ мотивовъ нѣсколькихъ мелодій, аналогична храму, выстроенному по тѣмъ же архитектурнымъ мотивамъ, что и часовня.

Если требованія, предъявляемыя композитору, повышаются съ переходомъ къ высшимъ формамъ искусства, то также точно повышаются и требованія, предъявляемыя этими формами и къ слушателю. Прелесть мелодіи могутъ оцѣнить всѣ люди, не лишенные слуха; оцѣнить красоту гармоніи могутъ уже гораздо меньшее число людей: для этого требуется уже развитый музыкальный слухъ, могущій отличить въ аккордѣ отдѣльные составляющіе его звуки; а получить наслажденіе отъ симфоніи могутъ, сравнительно, весьма немногіе: для этого, кромѣ развитого слуха, необходимы и музыкальная память, и умѣніе слѣдить за развитіемъ мотивовъ, а это требуетъ уже музыкальной подготовки.

Теперь мы можемъ разсмотрѣть, въ чемъ состоитъ дѣйствіе, производимое на насъ музыкой. Источникъ этого дѣйствія двоякій: во-1-хъ, музыка, какъ и архитектура, дѣйствуетъ на насъ красотою своихъ формъ, и эта красота становится источникомъ наслажденія для насъ какъ въ простѣйшей мелодіи, такъ и въ самой сложной симфоніи. Во-2-хъ, музыка дѣйствуетъ на насъ, какъ слово, или вѣрнѣе сказать, какъ восклицаніе: когда у человѣка не хватаетъ словъ выразить свое душевное волненіе, онъ обращается къ музыкѣ. Музыка есть языкъ страсти, и можетъ быть, когда наши праотцы еще не умѣли говорить, они уже умѣли пѣть; во всякомъ случаѣ, животныя поютъ и теперь, хотя не умѣютъ говорить.

Чрезвычайно много споровъ о достоинствѣ той или другой музыки было бы устранено, если бы спорящіе имѣли всегда въ виду двоякій источникъ вліянія на насъ музыки: бываетъ музыка очень красивая, очень интересная, написанная съ величайшимъ знаніемъ дѣла, о ней и самый строгій критикъ ничего не сможетъ сказать дурного, а публика ея не слушаетъ—въ ней нѣтъ жизни, нѣтъ восклицанія, она насъ не волнуетъ.

А вотъ уличный пѣвецъ, никогда не учившійся, поетъ мелодію, созданную народомъ, даже не знающимъ, какъ пишутся ноты, и ваше сердце начинаетъ биться быстрѣе, вы готовы заплакать отъ восторга. Отчего? Оттого, что въ этой музыкѣ есть жизнь, есть восклицаніе души другого человѣка, вызывающее въ насъ сочувственный откликъ.

Переходя къ занимающему насъ вопросу, постараемся опредѣлить, какими средствами преимущественно пользуется композиторъ въ оперѣ.

Если опера вообще имѣетъ право на существованіе (а есть люди, которые такое право отрицаютъ), то смыслъ музыки въ ней—усилить впечатлѣніе, производимое на слушателя драматическимъ сюжетомъ оперы. Если не такова цѣль оперной музыки, то опера вообще была бы ни къ чему: вѣдь хорошая драма хороша и безъ музыки, которая только мѣшаетъ слышать слова. Какимъ же образомъ можетъ музыка усиливать дѣйствіе драматическаго сюжета.

Кромѣ дѣйствующихъ лицъ и ихъ голосовъ, какъ въ драмѣ, композиторъ имѣетъ еще въ своемъ распоряженіи оркестръ, хоръ и ансамбли дѣйствующихъ лицъ, чего не имѣетъ драма. Уже это обиліе средствъ показываетъ, что впечатлѣніе отъ оперы должно сильно отличаться отъ впечатлѣнія отъ драмы.

Роль дѣйствующихъ лицъ въ оперѣ по существу сходна съ таковою же въ драмѣ. Если музыка, которую поетъ дѣйствующее лицо, вызываетъ въ насъ настроеніе и чувства, соотвѣтствующія сценическому положенію его и смыслу его словъ, то цѣль оперы достигнута.

Еще большее значеніе имѣетъ оркестръ, какъ средство обрисовки сценическаго положенія, или же для изображенія какихъ-нибудь явленій природы, какъ гроза, буря и т. п. Въ особенности же для того, чтобы вызвать въ насъ впе-

чатлѣніе фантастическаго, мистическаго, или для возбужденія религіознаго чувства оркестръ владѣетъ волшебными данными, свойственными музыкѣ болѣе, чѣмъ какому-либо другому искусству. Прибавимъ, наконецъ, сюда хоръ и ансамбли голосовъ солистовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ требуется особенный подъемъ сценическаго дѣйствія, и мы получимъ приблизительное понятіе о величинѣ средствъ, которыми располагаетъ оперный композиторъ.

Теперь мы можемъ попробовать объяснить различное отношеніе къ Верди публики и ученыхъ музыкантовъ.

Верди написалъ всего 27 оперъ *). Первая опера «Oberto di San Bonifacio» поставлена была въ театрѣ «La Scala» въ Миланѣ въ 1838 г., послѣдняя «Фальстафъ» тамъ же въ 1893 г. Итого 55 лѣтъ композиторской дѣятельности, въ теченіе которой Верди испыталъ и величайшіе тріумфы и жесточайшіе провалы. Изъ 27 его оперъ имѣли успѣхъ и остались въ репертуарѣ до сихъ поръ только 7: «Риголетто» (17-я опера, поставлена въ 1851 г.) «Трубадуръ» (1853 г.), «Травіата» (1855 г.), «Маскарадъ» (1859 г.), «Аида» (1871 г.), «Отелло» (1887 г.) и «Фальстафъ» (1893 г.). Къ нимъ можно еще прибавить оперы «Ломбардцы» и «Эрнани», которыя долго имѣли успѣхъ, хотя теперь уже почти не даются.

Если просмотрѣть сюжеты этихъ оперъ и обратить вниманіе на ихъ музыкальную обработку, то главное, что обратитъ наше вниманіе, это то, что героями этихъ оперъ являются не боги или сверхъ-человѣки, какъ у Вагнера, не сказочные или народные герои, какъ у Глинки или Мейербера, а самые обыкновенные люди, съ страстями и страданіями яркими, но опять-таки свойственными каждому изъ насъ. Эта черта вердіевскихъ героевъ даетъ намъ ключъ къ пониманію близости Верди къ толпѣ: онъ показывалъ ей ея собственныя радости и горести. Благодаря тому же обстоятельству вы не встрѣтите у Верди ни фантастической музыки, ни мистической или религіозной, вы не видите у Верди того огромнаго участія хора въ оперѣ, которое даетъ Глинка или Мейерберъ, умѣвшіе дать толпѣ живую роль въ оперѣ. Наконецъ, оркестръ у Верди до «Отелло» играетъ роль, главнымъ образомъ, аккомпанимента пѣнію, самостоятельное значеніе его ничтожно, въ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ онъ не участвуетъ, хотя и здѣсь мы встрѣчаемъ иногда счастливые моменты, какъ, напр., два вступленія къ 1-му и 3-му акту «Травіаты», или изображеніе грозы въ послѣднемъ актѣ «Риголетто», или начало 3-го акта «Аиды». «Отелло» и «Фальстафъ» стоятъ совсѣмъ особнякомъ, къ тому же они вовсе не любимцы толпы.

Такимъ образомъ, намъ уже становится понятнымъ пренебреженіе передовой критики къ Верди: вспомните, что «Жизнь за Царя» поставлена въ 1836 г., «Гугеноты» въ 1836 г., «Тангейзеръ» въ 1845 г. и вы поймете, что оперы Верди должны были показаться ужасно маленькими для людей, желавшихъ видѣть движеніе оперной музыки впередъ, а не назадъ.

И тѣмъ не менѣе толпа была и остается правою въ своей любви къ Верди. Толпа любитъ видѣть на сценѣ свою душевную жизнь; хотя бы на сценѣ и двигались кажущіеся герцоги и бароны, но если они плачутъ и смѣются тѣми же слезами и смѣхомъ, что и толпа, какъ это мы видимъ у Верди, то толпа начинаетъ любить ихъ, какъ себя самое, и вотъ въ чемъ секретъ успѣха Верди. Онъ не владѣлъ искусствомъ строить музыкальные храмы, архитектура его слаба, но въ его дѣйствующихъ лицахъ есть музыкальная жизнь, ихъ восклицанія доходятъ до сердца слушателей, и «Травіата» съ ея простымъ, не сложнымъ аккомпаниментомъ до сихъ поръ привлекаетъ толпы

*) Кромѣ оперъ, Верди написалъ еще: струнный квартетъ, Requiem и нѣсколько духовныхъ сочиненій.

слушателей и вызываетъ у нихъ слезы. Какое имѣемъ мы право требовать отъ художника больше того, что онъ намъ предлагаетъ? Придетъ время, онъ самъ увидитъ новый идеалъ, а пока благо тому, кто можетъ шевелить сердца и тѣми ничтожными средствами, которыми пользовался вначалѣ Верди.

Въ прологѣ къ «Фаусту» Гете директоръ театра говоритъ поэту: «Ich sag euch, gebt nur mehr, und immer, immer mehr,

«So könnt ihr euch vom Ziele nie verirren»,

и поэтъ отвѣчаетъ:

«Wodurch bewegt er (der Dichter) alle Herzen»?
Wodurch besiegt er jedes Element?
«Ist es der Einklang nicht, der aus dem Busen dringt»,
Und in sein Herz die Welt zurücke schlingt»?

Это самое могъ-бы отвѣтить своимъ строгимъ критикамъ Верди.

Верди былъ человѣкъ толпы, толпы итальянской, необычайно экспансивной въ выраженіи своихъ чувствъ. Верди писалъ музыку для этой толпы. Верди умѣлъ найти доступъ къ сердцу толпы и не только своего народа, но и къ сердцу народовъ всѣхъ націй, и мы не поставимъ ему въ укоръ, что въ его операхъ встрѣчаются и грубости, и пошлости музыкальныя. Верди не писалъ музыку будущаго, онъ не писалъ для избранныхъ, онъ писалъ для всего народа и нашелъ откликъ въ милліонахъ сердецъ, и, право, одно стоитъ другого.

Верди не создалъ стиля, и не стремился стать учителемъ учениковъ *). Онъ хорошо зналъ свои недостатки, и когда въ 1870 г. ему предложили мѣсто директора Неаполитанской консерваторіи, онъ отвѣтилъ отказомъ по многимъ личнымъ соображеніямъ, среди которыхъ имѣло мѣсто и слѣдующее: «Желаю вамъ,—писалъ онъ въ отвѣтѣ,—найти знатока, строгаго въ обученіи. Вольности и заблужденія въ контрапунктѣ могутъ употребляться и даже иногда хороши въ театрѣ, но въ консерваторіи—никогда».

И этотъ человѣкъ, завоевавшій всемірную славу и огромное состояніе «шарманочными» операми, создалъ на склонѣ жизни, на седьмомъ десяткѣ лѣтъ, 2 оперы, въ которыхъ онъ показалъ, что живой талантъ учится всю жизнь, и въ которыхъ онъ обнаружилъ такое благородство и тонкое изящество стиля, которыя совершенно изумительны для его возраста, а впрочемъ, можетъ быть, скорѣе объясняются его возрастомъ. Вагнеріанцы, конечно, объяснили новый стиль Верди вліяніемъ Вагнера, но это грубое заблужденіе. Вагнеровскіе принципы и вагнеровская музыка не при чемъ въ этихъ операхъ Верди; онъ воспользовался только тѣми средствами оркестра, которыми пренебрегалъ до тѣхъ поръ, и съ ихъ помощью далъ чудесныя характеристики не только чувствъ и страстей, а и самихъ дѣйствующихъ лицъ. И эти двѣ оперы являются настоящими перлами въ оперномъ репертуарѣ, все болѣе и болѣе загромождаемомъ сверхъ-человѣческими операми Вагнера и безчеловѣчными операми позднѣйшихъ итальянскихъ композиторовъ: Леонкавало, Пуччини и др.

Мнѣ остается добавить еще нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія и нѣсколько чертъ для характеристики Верди, какъ человѣка.

Верди былъ сынъ трактирщика въ маленькой деревушкѣ Ронкола въ пяти верстахъ отъ города Буссето, Пармскаго округа. Онъ родился 10-го октября 1813 г. Музыкѣ онъ началъ учиться 6-ти лѣтъ у мѣстнаго органиста; 12-ти лѣтъ онъ переѣхалъ въ Буссето для продолженія музыкальныхъ занятій. Здѣсь онъ встрѣтилъ покровителя въ лицѣ Барецци, имѣвшаго винный складъ. Этотъ

*) Не мѣшаетъ вспомнить, однако, что заимствованія у Верди, главнымъ образомъ, мелодическія, а также и гармоническія, можно встрѣтить сплошь и рядомъ у современныхъ композиторовъ.

Барецци далъ ему занятія въ своемъ складѣ, а позже далъ ему средства поѣхать учиться въ Миланъ. Здѣсь восемнадцатилѣтній Верди не былъ принятъ въ консерваторію не то вслѣдствіе неспособности, не то вслѣдствіе великовозрастности, и занимался около 2-хъ лѣтъ у Лавинья, директора театра «La Scala», который былъ отъ него въ восторгѣ и предсказывалъ ему великую будущность. Затѣмъ Верди вернулся въ Буссето и до 1838 г. былъ здѣсь директоромъ филармоническаго общества, директоромъ и піанистомъ. Здѣсь же Верди женился на дочери Барецци и имѣлъ отъ нея 2-хъ дѣтей.

Первая опера Верди «Oberto di San Bonifacio» была поставлена въ «La Scala» въ Миланѣ въ 1838 г. съ большимъ успѣхомъ, партитура ея была куплена издателемъ Рикорди за 1.775 фр., и молодой композиторъ обязался писать для этого издателя по 3 оперы въ годъ съ платою по 3.500 фр. за оперу, съ прибавленіемъ половины денегъ за проданныя партитуры. Но условій этихъ Верди не удалось выполнить: 2-я опера, написанная при очень несчастныхъ семейныхъ обстоятельствахъ (въ короткій срокъ умерли жена и оба ребенка Верди), не имѣла успѣха. Все это вмѣстѣ привело Верди въ отчаяніе, такъ что онъ рѣшилъ бросить писать. Но уже въ 1842 г. въ томъ же театрѣ шелъ «Навуходоносоръ» съ необычайнымъ успѣхомъ, упрочившимъ окончательно имя автора. Роль Авигаили исполняла знаменитая пѣвица Жозефина Стреппони, сдѣлавшаяся черезъ нѣсколько лѣтъ женою Верди.

Дальнѣйшая музыкальная карьера Верди находится въ связи съ политическими обстоятельствами тогдашней Италіи. Мужество, съ которымъ Верди отстаивалъ свои оперы «Ломбардцы», «Эрнани» отъ притѣсненій австрійскихъ властей, доставило ему политическій ореолъ и много способствовало тогдашнему успѣху его оперъ. Изъ начальныхъ буквъ словъ Vittorio Emmanuele Re d'Italia составили слово Verdi, и крикъ «Viva Verdi» былъ синонимомъ запрещенныхъ криковъ «Viva Vittorio Emmanuele». Впослѣдствіи Верди былъ членомъ перваго итальянскаго парламента, какъ депутатъ отъ провинціи Буссето, пробылъ въ этой должности 3 года, при выходѣ въ отставку получилъ отъ Виктора Эммануила званіе сенатора, а въ 1893 года послѣ перваго представленія «Фальстафа»—титулъ маркиза де-Буссето.

Въ музыкальной карьерѣ Верди интересно отмѣтить два столкновенія его съ В. Гюго: первое по поводу постановки «Эрнани» (по драмѣ Гюго) въ Парижѣ, гдѣ В. Гюго, недовольный передѣлкою своей драмы въ либретто, допустилъ оперу къ постановкѣ только подъ другимъ названіемъ «Il Proscrito» и съ перемѣною всѣхъ именъ; второе столкновеніе было изъ-за «Риголетто», сюжетъ котораго также заимствованъ у В. Гюго. Поэтъ жаловался даже въ судъ и требовалъ недопущенія къ постановкѣ оперы въ Парижѣ, но получилъ отказъ за пропускомъ положеннаго для жалобы трехлѣтняго срока.

Постановка послѣднихъ оперъ Верди составляло чуть ли не европейское событіе. На постановку «Аиды» въ Каирѣ, въ 1871 г., были отправлены корреспонденты изъ Парижа, на постановкѣ «Отелло» въ Миланѣ въ 1887 г. были корреспонденты изъ Америки, Англіи, Германіи и Франціи. Еще бо́льшее возбужденіе вызвало первое представленіе «Фальстафа» въ Миланѣ, въ 1893 г., которое дало 7.500 франковъ сбора.

Какъ человѣкъ, Верди, прожившій 83 года, описывался весьма различно. Прозванный въ молодости за необузданный характеръ maestro frenetico (бѣшеный), подвергавшійся тогда жесточайшимъ насмѣшкамъ прессы за жадность къ деньгамъ, интриги и честолюбіе, Верди въ старости изображался привѣтливымъ, спокойнымъ мудрецомъ, мирно доживавшимъ вѣкъ въ своей роскошной виллѣ Sant Agata, обожаемымъ окружающимъ населеніемъ, которому Верди много помогалъ матеріально.

Изъ огромнаго своего состоянія Верди неоднократно оказывалъ пособія раз-

нымъ благотворительнымъ учрежденіямъ, но важнѣйшимъ дѣяніемъ Верди въ этомъ отношеніи остается учрежденный имъ въ Миланѣ пріютъ для престарѣлыхъ и безпомощныхъ музыкантовъ.

Викторъ Вальтеръ.

1-го февраля 1901 года.

Фантазія въ XIX столѣтіи.

Лордъ Эбердинъ сказалъ однажды Гизо: «Сила Англіи—въ томъ, что порядочные люди у насъ такъ же смѣлы, какъ мошенники».

На эту тему Георгъ Брандесъ написалъ небольшую остроумную статью, помѣщенную въ «Neue Freie Presse» отъ 12 февраля (фельетонъ). Въ большинствѣ странъ, говоритъ онъ, порядочные люди благородны, но простодушны. Обыкновенно они лишены фантазіи, необходимой для отваги, и оказываются такъ мало пригодными для активной дѣятельности, что общественная жизнь въ періоды своего «стоянія» (какъ выражаются астрономы) принимаетъ каррикатурныя формы. Лучшимъ пожеланіемъ, какое можно сдѣлать народамъ при вступленіи въ двадцатый вѣкъ, было бы, пожалуй, то, чтобы фантазія, смѣлость и энергія развились въ порядочныхъ людяхъ сильнѣе, чѣмъ онѣ теперь развиты въ мошенникахъ. Было бы любопытно прослѣдить исторію фантазіи въ истекшемъ столѣтіи.

Воображеніе гораздо болѣе руководитъ человѣчествомъ, чѣмъ разумъ: только тотъ увлекаетъ за собою, кто умѣетъ апеллировать къ воображенію людей, только тотъ незабвененъ, кто производитъ впечатлѣніе на ихъ фантазію. Обращаясь къ минувшимъ вѣкамъ, мы видимъ, что они какъ бы олицетворяются въ нѣкоторыхъ крупныхъ личностяхъ, сумѣвшихъ взволновать фантазію людей: около 1500 г.—въ Рафаэлѣ, нѣсколько позднѣе въ Лютерѣ, около 1600 въ Шекспирѣ и Сервантесѣ, въ семнадцатомъ вѣкѣ—въ Рембрандтѣ, въ восемнадцатомъ—въ Вольтерѣ, Фридрихѣ Великомъ, Моцартѣ, Вашингтонѣ, Мирабо. Способность производить впечатлѣніе на фантазію—особый даръ, котораго можетъ быть лишенъ и великій человѣкъ. При всемъ своемъ значеніи, Дидро, какъ индивидуальность, никогда не могъ пріобрѣсти той власти надъ воображеніемъ человѣчества, какую пріобрѣлъ Вольтеръ, ставшій своего рода символомъ.

Кто-же изъ дѣятелей девятнадцатаго вѣка произвелъ впечатлѣніе на фантазію? Прежде всего, Наполеонъ, который не только наполнилъ своею личностью первыя пятнадцать лѣтъ его, но и позднѣе многократно—въ 1830, 1850, 1890 г.г.—занималъ воображеніе людей. Изъ государственныхъ людей въ первую половину вѣка наиболѣе сильно интересовали общество двое: Талейранъ, считавшійся образцомъ дипломата, и Меттернихъ, который въ теченіе полутора поколѣній олицетворялъ собою могущество консервативной политической мудрости. Изъ поэтовъ въ первую четверть вѣка только двое плѣняли фантазію Европы. Одинъ—Байронъ, который своими произведеніями и жизнью привлекаетъ къ себѣ вниманіе всѣхъ, а послѣ своей смерти возбуждаетъ и окрыляетъ умственную жизнь во всей Европѣ и находитъ себѣ послѣдователей въ Россіи и Польшѣ, Франціи и Германіи, Италіи и Даніи. На его примѣрѣ всего яснѣе видно, что увлекаетъ за собою не просто талантъ, талантъ въ данной области, потому что англичане не безъ основанія ставятъ другихъ поэтовъ въ художественномъ отношеніи рядомъ съ Байрономъ и даже выше его. Но какъ Наполеонъ владѣлъ волшебнымъ даромъ заставлять весь міръ служить себѣ и идти на смерть за него, хотя цѣлью его было вовсе не благо людей, такъ и

Байрону была присуща та магическая сила, которая вызываетъ удивленіе и боготвореніе.

Второй поэтъ, которымъ опьянялось то поколѣніе, былъ старый Гете (ему было за пятьдесятъ въ началѣ вѣка), который въ глазахъ перваго поколѣнія вѣка сталъ земнымъ Зевсомъ, къ которому совершали паломничества, который послѣ своей смерти былъ вознесенъ надъ уровнемъ человѣчества и чѣмъ далѣе, тѣмъ все больше становился предметомъ благоговѣйнаго поклоненія. Ореолъ вокругъ головы Байрона поблѣднѣлъ, онъ признается только глашатаемъ страсти и любви къ свободѣ, тогда какъ Гете сталъ для народной фантазіи идеаломъ всеобъемлющаго духа.

Изъ мыслителей вѣка одинъ Гегель далъ пищу воображенію; между тѣмъ, его ученіе, по долѣ заключенной въ немъ истины, отнюдь не занимаетъ перваго мѣста. Въ наукѣ его слава значительно померкла, а изъ мыслителей ни одинъ не импонировалъ современникамъ и подростающему поколѣнію въ такой степени, какъ онъ. Онъ былъ властелинъ,—не ученый, какъ другіе, а самодержецъ въ царствѣ науки, который постигъ мірозданіе и къ которому стекались ученики изъ всѣхъ странъ. Онъ привлекалъ воображеніе своей неясностью и интриговалъ его, между прочимъ, многочисленностью своихъ адептовъ, тѣмъ, что у него были апостолы и ученики, какъ у Христа, маршалы и офицеры, какъ у Наполеона, и несмѣтная армія вѣрующихъ и воиновъ. Увлекали-ли когда-нибудь такъ фантазію Шопенгауеръ или Гербертъ Спенсеръ? Особенно сильное обаяніе производилъ онъ своей мнимой непонятностью. Во всей Европѣ переходило изъ устъ въ уста глупое изреченіе, которое онъ произнесъ будто бы на смертномъ одрѣ: «У меня былъ только одинъ ученикъ, который понялъ меня, да и тотъ понялъ меня превратно». Мыслитель, о которомъ нельзя разсказать чего-либо подобнаго, никогда не можетъ сдѣлаться популярнымъ.

Отчасти этому же очарованію былъ обязанъ своей славою въ концѣ вѣка Ибсенъ. Изъ позднѣйшихъ поэтовъ въ такой же степени непрерывно плѣняли воображеніе развѣ Гюго, магнитизмъ котораго былъ, впрочемъ, преимущественно мѣстнаго свойства и мало дѣйствовалъ за предѣлами Франціи, да еще Гейне, который особенно послѣ своей смерти покорилъ весь образованный міръ сочетаніемъ лиризма съ несравненнымъ юморомъ.

Изъ людей, волновавшихъ воображеніе народовъ въ 1848 году, никто не уцѣлѣлъ въ памяти Европы, какъ живой образъ. Кошутъ, чье имя нѣкогда было на всѣхъ устахъ, теперь только венгерскій герой. Лишь одному борцу за свободу донынѣ воздается благодарность и удивленіе всюду, гдѣ умѣютъ цѣнить истинную героическую отвагу: это Гарибальди. Благороднѣйшая человѣчность сочеталась въ немъ со стихійною отвагою и властностью, увлекающей массы.

Во вторую половину вѣка ни одинъ художникъ не производилъ такого сильнаго впечатлѣнія на фантазію культурнаго человѣчества, какъ Рихардъ Вагнеръ. Создавая въ своихъ операхъ не новую музыку, а новый родъ музыки, и воплотивъ въ своей личности новый принципъ, сначала возбудившій страстные споры, затѣмъ признанный, онъ взволновалъ своихъ современниковъ, какъ никогда ни одинъ композиторъ, и во всѣхъ странахъ пріобрѣлъ несмѣтное число страстныхъ приверженцевъ.

Какъ онъ, но въ другой области, наэлектризовалъ умы Фердинандъ Лассаль, который благодаря своей агитаторской дѣятельности сталъ основателемъ новѣйшаго соціализма въ Германіи и далъ массамъ ихъ новую религію—ту, съ которой онъ переступили порогъ новаго столѣтія. Ни одинъ изъ народныхъ вождей этого вѣка не плѣнялъ воображенія, какъ онъ. Марксъ, какъ политико-экономъ, стоялъ несравненно выше, и его ученіе вліяло чрезъ Лассаля. Но какъ личность, онъ не былъ въ состояніи проводить въ жизнь свои ученія; кабинетный ученый, онъ изложилъ ихъ въ объемистой, тяжеловѣсной книгѣ.

Напротивъ, Лассаль былъ въ изумительной степени одаренъ талантомъ увлекать воображеніе пролетаріата.

Наконецъ, между 1862 и 1890 гг. девятнадцатый вѣкъ сталъ вѣкомъ Бисмарка, поскольку образъ его полонилъ фантазію этого поколѣнія. Въ его лицѣ на историческую сцену выступилъ новый типъ государственнаго человѣка; на глазахъ всего человѣчества онъ перетасовалъ политическія силы міра, и сотни тысячъ нѣмцевъ по его образцу перекроили свое міровоззрѣніе.

Таковы люди, образы которыхъ наиболѣе ярко запечатлѣлись въ воображеніи человѣчества за истекшій вѣкъ. Характерно, что наряду съ этими реальными личностями невозможне поставить ни одного вымышленнаго, которое было бы создано этимъ столѣтіемъ. Его поэты были лишены силы, творящей могучіе образы. Около 1600 года это творчество было въ цвѣту. Образы Гамлета и Донъ-Кихота ярче въ нашемъ воображеніи, чѣмъ образъ какого-либо реальнаго человѣка нашихъ дней. Фаустъ, принадлежащій еще XVIII вѣку,—послѣдній великій духъ, созданный воображеніемъ поэта.

Лучше ли воспитывалась фантазія человѣчества въ истекшее столѣтіе, чѣмъ въ предшествующіе вѣка? Это болѣе, чѣмъ сомнительно. Достаточно было уже одного школьнаго образованія, чтобы окончательно заглушить ее. Страшно подумать, съ какой тяжелой кладью королей, папъ и епископовъ, генераловъ и адмираловъ долженъ пытаться современный человѣкъ пройти черезъ игольное ушко, ведущее въ царство свободы.

Трюмъ полонъ трупами—такъ переплываетъ корабль человѣчества въ новое столѣтіе. Мы всѣ вглядываемся въ этотъ новый вѣкъ и видимъ въ немъ, какъ во тьмѣ, лишь смутныя очертанія. Единственное, что мы достовѣрно знаемъ о немъ,—то, что это будетъ вѣкъ, въ который мы умремъ. «Здравствуй, цезарь! Идущіе на смерть тебя привѣтствуютъ». М. Г.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

О физическомъ строеніи планетъ.

Въ декабрѣ 1900 года, какъ бы въ ознаменованіе конца XIX столѣтія, почти во всѣхъ газетахъ появились статьи съ сенсаціонными извѣстіями о сигналахъ, которые подаютъ намъ жители Марса.

Поводомъ къ такого рода слухамъ послужила небольшая телеграмма профессора Пикеринга—директора знаменитой обсерваторіи Гарвардскаго колледжа, которая гласила, что астроному Дугласу (на частной обсерваторіи Лоуэлля въ Флагстафѣ, въ Сѣв.-Американскомъ штатѣ Аризонѣ) удалось замѣтить на краю фазы Марса у мѣстности, которая зовется на картахъ *Mare Icarium*, свѣтлый выступъ, повисшій надъ черной пропастью и продержавшійся 70 минутъ.

Газетные репортеры подхватили это извѣстіе и разнесли его по всему свѣту, съ своими комментаріями, взволновавшими общество. Опять оживились мечтанія—завязать сношенія съ жителями Марса путемъ какихъ-либо грандіозныхъ свѣтовыхъ сигналовъ,—мечтанія, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ вызвали (во Франціи) даже крупное денежное пожертвованіе на премію за установленіе этихъ сношеній.

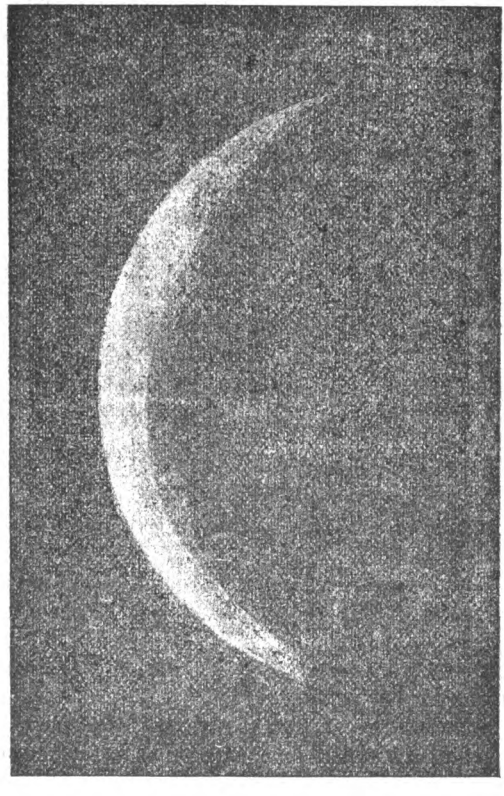
Несомнѣнно, въ людяхъ живетъ идея объ обитаемости многихъ небесныхъ тѣлъ. Ихъ интригуетъ вопросъ о формахъ, въ которыхъ воплощается жизнь на другихъ свѣтилахъ, они страстно желали бы что-нибудь знать объ этой далекой жизни.

Но астрономія, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не можетъ сказать ничего опредѣленнаго объ этомъ. Какъ ни велики за послѣднее время наши успѣхи въ изученіи физической природы небесныхъ тѣлъ и въ частности явленій на поверхности ближайшихъ планетъ, все-таки многое остается невыясненнымъ, спорнымъ, сомнительнымъ и мы еще очень далеки отъ того, чтобы судить о жизни на нихъ, воплощать послѣднюю въ какія-либо опредѣленныя формы.

Въ предостереженіе отъ соблазнительныхъ, но совершенно фантастическихъ попытокъ въ этомъ направленіи, а также желая подѣлиться съ читателями послѣдними крупными завоеваніями въ области физической астрономіи, я и рѣшилъ на этотъ разъ дать общій обзоръ современнаго знанія нашего о физической природѣ всѣхъ планетъ солнечной системы и ихъ спутниковъ.

Всего болѣе мы видимъ, конечно, на лунѣ—ближайшемъ сосѣдѣ нашей земли. Ея поверхность изучается давно: съ момента изобрѣтенія трубы. Составлены карты, передающія массу подробностей. Вотъ, напримѣръ, знаменитый трудъ аѳинскаго астронома Шмидта, представляющій результатъ 34-лѣтняго изученія. Его карта содержитъ до 33.000 кратеровъ, этихъ главнѣйшихъ образованій на лунной поверхности: круглыхъ кольцевыхъ горъ, для которыхъ, замѣтимъ кстати, болѣе удобно общее названіе «цирки». Мы имѣемъ на ней цѣлый рядъ горныхъ цѣпей, отдѣльныя горы, цѣлыя массы трещинъ въ раз-

личныхъ мѣстахъ и другія мельчайшія детали въ строеніи валовъ, окружающихъ цирки и ихъ окрестности. Сообразно съ масштабомъ этой карты, на ней можно отмѣтить даже протяженіе въ 200—300 метровъ, т. е. всего $^1/_4$ версты. Благодаря этому труду, въ связи съ другими подобными изслѣдованіями, мы имѣемъ довольно опредѣленное представленіе объ устройствѣ поверхности на лунѣ, знаемъ его, въ общемъ, можетъ быть, даже лучше, чѣмъ на землѣ. Предъ нами мертвая природа, отжившая, застывшая въ своихъ опредѣленныхъ формахъ. Мы не только не замѣчаемъ на лунѣ никакихъ измѣненій скоропреходящихъ, временныхъ, но даже по сравненію съ наиболѣе старыми наблюденіями не можемъ отмѣтить почти никакихъ разногласій. Притомъ всѣ формы на лунѣ довольно рѣзки, остры. Тамъ нѣтъ мѣста процессамъ вывѣтриванія, сглаживанія породъ водною массою...



Фотографія луны, полученная Парижской обсерваторіей.

Тѣни, бросаемыя высокими горами, совершенно черны, нѣтъ сумерекъ. Тамъ нѣтъ атмосферы, по крайней мѣрѣ такой плотной, какъ на землѣ.

Случайныя измѣненія вида различныхъ мѣстностей на лунной поверхности, наводятъ, правда, на мысль, что остались еще слѣды атмосферы, что въ нѣкорыхъ котловинахъ она, можетъ быть, довольно сгущена. Но, во всякомъ случаѣ, это только мѣстныя явленія.

Можетъ быть возможны на лунѣ, и большія катастрофы, какъ, напримѣръ, разрушеніе цирка, но внѣ сомнѣнія онѣ очень рѣдки, случайны и никогда непосредственно не наблюдались.

Только сравненіе картъ и описаній различныхъ наблюдателей обнаружило

нѣсколько загадочныхъ случаевъ, не нашедшихъ еще себѣ опредѣленныхъ объясненій. Значительныхъ услугъ въ раскрытіи такихъ процессовъ разрушенія на лунной поверхности можно ждать отъ фотографіи, успѣхи которой за послѣднее время чрезвычайно велики.

Лѣтъ пять тому назадъ параллельно на ликской и парижской обсерваторіяхъ начали печататься атласы лунной поверхности по фотографическимъ снимкамъ, которые по своему совершенству во много разъ превосходятъ всѣ прежніе опыты. Особенно красивы и изящны фотогеліогравюры парижской обсерваторіи, передающія необычайно отчетливо рельефъ лунной поверхности почти съ тѣми же подробностями, которыя различаемъ мы на лунѣ глазомъ при наблюденіи въ хорошую трубу. Передъ результатами визуальныхъ наблюденій онѣ имѣютъ, конечно, преимущество въ томъ отношеніи, что рисуютъ намъ картину объективно, документально и сразу захватываютъ широкое пространство.

Астрономы Laewy и Puisseux, которымъ принадлежитъ эта прекрасная работа, присоединили къ своему атласу и текстъ, въ которомъ, между прочимъ, пытаются, на основаніи своихъ фотографій, нарисовать картину послѣдовательныхъ смѣнъ различныхъ фазъ въ исторіи лунной поверхности.

Какъ извѣстно, луна обращена къ землѣ всегда одной и той же стороной. Мы видимъ всегда одну половину ея поверхности. Проф. Дарвинъ—сынъ знаменитаго естествоиспытателя, видитъ причину этого явленія въ такъ называемомъ приливномъ треніи. Высокая волна прилива, подъ дѣйствіемъ земли, поднималась на поверхности луны, когда та находилась въ расплавленномъ состояніи.

Вслѣдствіе вязкости, которая увеличивалась по мѣрѣ охлажденія этой жидкой массы, являлись взаимодѣйствія между приподнятой волной, удерживаемой притяженіемъ земли, и остальной массой, находящейся въ болѣе или менѣе скоромъ вращеніи. Результатомъ этого взаимодѣйствія явилось замедленіе времени вращенія, пока оно, въ концѣ концовъ, не дошло до своего предѣльнаго значенія, пока не стало равно времени обращенія луны около земли, вслѣдствіе чего къ намъ обращена всегда одна и та же сторона поверхности луны.

Такой же фактъ открытъ и для Меркурія. Это самый крупный результатъ, которымъ отмѣчено изученіе поверхности этой планеты. Меркурій, благодаря близости къ солнцу, обыкновенно тонетъ въ его лучахъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ онъ запаздываетъ своимъ заходомъ на $1^1/_2$ часа относительно солнца, и если утромъ предупреждаетъ восходъ послѣдняго, то также поднимается лишь не надолго раньше. Наблюдать его вообще трудно и выгоднѣе днемъ.

Только зоркій глазъ знаменитаго Скіапарелли подъ миланскимъ небомъ разсмотрѣлъ на поверхности Меркурія нѣжныя пятна, положеніемъ которыхъ онъ и долженъ былъ заключить, что планета всегда обращена одной стороной своей поверхности къ солнцу.

Отсюда слѣдуетъ, что время ея вращенія около оси равно времени обращенія около солнца, т.-е. въ 88 дней. На одной половинѣ ея поверхности господствуетъ страшный жаръ, на другой царитъ вѣчный холодъ.

Вопросъ объ атмосферѣ на Меркуріѣ не рѣшенъ. Но возможно, что ея нѣтъ совсѣмъ.

Меркурій—планета небольшая, сила тяжести на ней значительно слабѣе, чѣмъ на землѣ, она могла не удержать легкихъ газовъ, частицы которыхъ находятся въ вѣчномъ движеніи, выходятъ изъ вліянія планеты и разсѣиваются въ міровомъ пространствѣ.

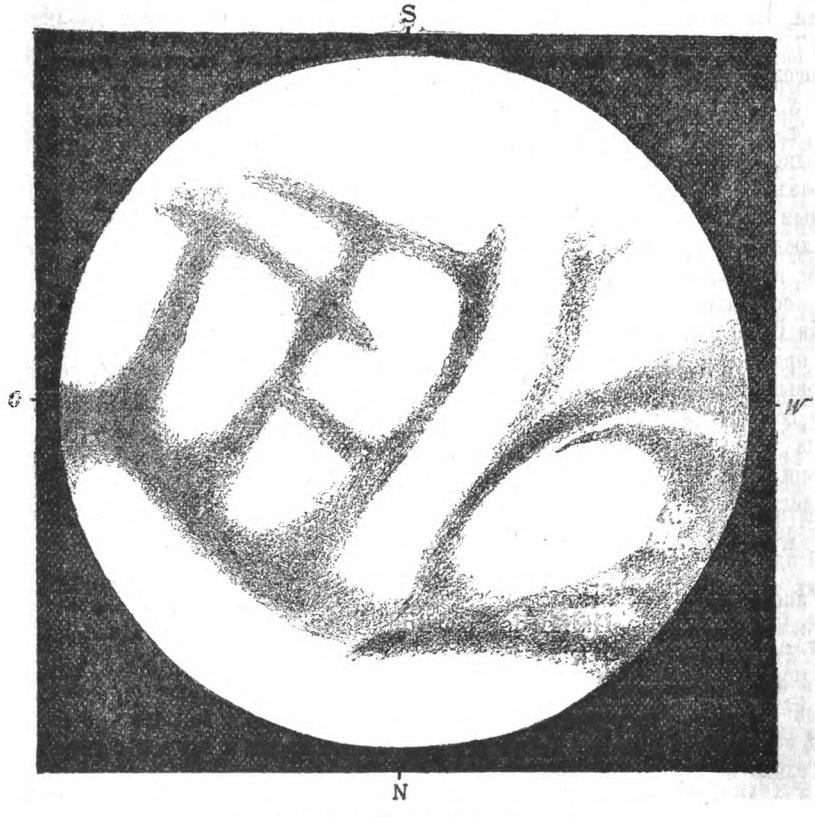
Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи Меркурій можетъ имѣть сходство съ нашей луной.

Вполнѣ естественнымъ казалось бы, что на Венерѣ мы должны видѣть больше подробностей, чѣмъ на какой-либо изъ другихъ планетъ—такъ красива она, эта вечерняя или утренняя звѣзда, такъ ярко она блеститъ!

Но какъ разъ обиліе свѣта и является помѣхой при наблюденіяхъ. Мы ничего почти не различаемъ на дискѣ этой планеты.

Иногда появляются какъ будто бы неясныя пятна, но они всегда неопредѣленны, даже сомнительны. Никакихъ надежныхъ заключеній по нимъ сдѣлать нельзя.

За послѣдніе годы г. Бреннеръ—директоръ частной обсерваторіи г-жи Маноры (на одномъ изъ Далматскихъ острововъ — Люсинѣ) опубликовалъ цѣлый



Карта Меркурія по Скіапарелли.

рядъ наблюденій различныхъ подробностей на дискѣ Венеры. Чрезвычайно благопріятныя атмосферныя условія и высокія качества трубы, съ которой производились наблюденія, заставляютъ обратить на нихъ вниманіе, но нельзя безъ оговорокъ принять всѣхъ выводовъ Бреннера. А попытка его составитъ карту поверхности Венеры съ опредѣленными названіями: Адріатическое море, Бельгійское, Нѣмецкое, Австрія, Британія, Испанія и пр. для тѣхъ мѣстностей, которыя будто бы онъ могъ различить, является во всякомъ случаѣ очень смѣлой.

Различить что-нибудь на дискѣ Венеры при ея яркости не только трудно, но даже почти невозможно. Планета окружена густой, плотной атмосферой, полной тумановъ и облаковъ. Ея необычайная яркость и обусловливается отраженіемъ солнечныхъ лучей этими туманами и облаками. Кому случалось смотрѣть въ яркій солнечный день съ высокой горы внизъ на глубокую долину,

полную тумана, тотъ пойметъ это. Яркія кучевыя облака даютъ намъ тоже указанія въ томъ же направленіи.

Присутствіе густой атмосферы около Венеры подтверждено и спектральными изслѣдованіями, которыя показали также, что по своему составу эта атмосфера подобна нашей.

Очень важное обстоятельство въ вопросѣ о жизни планеты составляетъ время вращенія ея.

Для Венеры мы и его не знаемъ, не только точно, но даже приблизительно. Впродолженіи двухъ сотъ лѣтъ мнѣнія астрономовъ склонялись больше къ тому, что оно близко къ времени вращенія земли, равняется 23 нашимъ часамъ съ минутами. Но вотъ въ 1890 году Скіапарелли опубликовываетъ свои наблюденія 1877 и 1878 годовъ, на основаніи которыхъ онъ приходитъ къ совершенно неожиданному результату. Какъ и для Меркурія, онъ склоненъ былъ допустить у Венеры вращеніе медленное, равное времени обращенія ея около солнца, т.-е. 225 днямъ. Какъ будто бы и эта планета обращена къ солнцу всегда одной и той же стороной своей поверхности. Осторожный ученый на этотъ разъ не рѣшился высказаться категорически, но онъ считалъ весьма вѣроятнымъ такое заключеніе.

Наблюденія другихъ наблюдателей подтверждали результатъ Скіапарелли, но были высказаны и противоположныя мнѣнія. Впродолженіи десяти лѣтъ вопросъ оставался вполнѣ неопредѣленнымъ и числа, представляющія время вращенія Венеры, давались въ справочныхъ таблицахъ всегда со знакомъ вопроса.

Въ прошломъ, 1900 году, вопросъ вступаетъ въ новую фазу: былъ примѣненъ новый методъ для его разрѣшенія. Чтобы быть болѣе понятнымъ, я позволю себѣ здѣсь маленькое отступленіе для разъясненія такъ называемаго принципа Допплера-Физо, оказавшаго за послѣдніе годы громадныя услуги астрономіи.

Представимъ себѣ, что между Петербургомъ и Москвой установилось правильное движеніе такого рода: каждый часъ изъ Петербурга выходитъ поѣздъ, который идетъ до Москвы ровно 24 часа, каждый часъ навстрѣчу изъ Москвы выходитъ тоже поѣздъ съ такою же скоростью. Мы выѣзжаемъ въ 12 часовъ дня изъ Петербурга. Сколько поѣздовъ мы встрѣтимъ на своемъ пути до Москвы, т.-е. за сутки?

На первый разъ можетъ показаться, что встрѣчъ будетъ 24, такъ какъ поѣзда идутъ изъ Москвы черезъ часъ. Но мы сами ѣдемъ. Произойдетъ комбинація движенія. Въ тотъ моментъ, когда мы трогаемся изъ Петербурга, въ него въѣзжаетъ поѣздъ, вышедшій за сутки раньше изъ Москвы. За нимъ на часовомъ разстояніи идетъ другой поѣздъ. Такъ какъ мы сами ѣдемъ съ такой же скоростью, какъ и этотъ поѣздъ, мы встрѣтимся съ нимъ черезъ полчаса. Еще черезъ полчаса встрѣтимъ третій поѣздъ и т. д. На половинѣ почти, черезъ 12 часовъ послѣ своего отъѣзда, мы встрѣтимъ тотъ поѣздъ, который вышелъ изъ Москвы одновременно съ нами; дальше будемъ встрѣчать тѣ поѣзда, которые отправились уже послѣ нашего отъѣзда, причемъ встрѣчи также будутъ происходить черезъ полчаса. Всего встрѣчъ за сутки будетъ 48. Въ тотъ моментъ, когда мы въѣзжаемъ въ Москву, трогается 49-ый поѣздъ.

Наоборотъ, если бы мы оставались въ Петербургѣ и выходили бы къ каждому поѣзду, какъ начальникъ станціи или его помощникъ, мы привѣтствовали бы за сутки 24 поѣзда изъ Москвы.

Представимъ себѣ дальше, что на якорѣ стоитъ судно, о борты котораго бьютъ волны. Сосчитаемъ число ударовъ въ секунду, поднимемъ якорь и направимъ судно противъ волненія. Теперь промежутки между ударами волнъ сдѣлаются меньше, число ихъ въ минуту будетъ больше. Если судно, наоборотъ, пойдетъ по тому направленію, какъ и волны, такъ что послѣднія будутъ

нагонять его, число ударовъ въ минуту будетъ меньше, промежутки между ними больше.

Выйдемъ дальше на полотно желѣзной дороги и прислушаемся къ тону свистка проносящагося мимо насъ поѣзда. Тонъ зависитъ отъ числа воздушныхъ волнъ, дошедшихъ до нашего уха въ секунду: чѣмъ больше ударовъ въ нашу барабанную перепонку, тѣмъ выше тонъ, чѣмъ меньше ихъ, тѣмъ тонъ ниже.

Если бы паровозъ, испускающій свистокъ, стоялъ, мы слышали бы опредѣленный тонъ. Но если онъ идетъ навстрѣчу къ намъ, число колебаній, дошедшихъ до нашего уха въ секунду, будетъ больше, тонъ будетъ *казаться* намъ повышеннымъ. При удаленіи источника звука, тонъ, наоборотъ, понижается.

Въ этомъ и заключается принципъ Допплера.

Свѣтъ обусловливается тоже колебаніями, какъ и звукъ, только нѣсколько другого рода, другой среды. Современная физика признаетъ, что въ міровомъ пространствѣ разлита особая, чрезвычайно упругая и въ то же время необыкновенно легкая матерія—такъ называемый эфиръ, извѣстныя колебанія котораго, доходя до нашего глаза и производя въ немъ нѣкоторыя раздраженія, производятъ впечатлѣнія свѣта и цвѣта. Отъ числа раздраженій, получаемыхъ глазомъ въ секунду, зависитъ цвѣтъ спектра, цвѣтная полоса, въ видѣ которой является на экранѣ пучокъ бѣлаго свѣта по прохожденіи черезъ узкую щель и стеклянную призму, есть ни что иное, какъ цвѣтная гамма. Въ каждомъ поперечномъ сѣченіи этой полосы мы имѣемъ изображеніе упомянутой щели для извѣстнаго сорта лучей, характеризующихся опредѣленнымъ числомъ колебаній въ секунду, опредѣленной длиной волны.

Въ виду этой аналогіи свѣта со звукомъ, Допплеръ думалъ, что его принципъ имѣетъ мѣсто и для свѣтовыхъ явленій. Онъ училъ, что всякая звѣзда, приближающаяся къ намъ, должна казаться болѣе синей, удаляющаяся отъ насъ—болѣе красной.

Но Допплеръ ошибся. Никакого измѣненія въ цвѣтѣ звѣзды мы вообще не можемъ наблюдать. Если бы звѣзда испускала лучи какого-нибудь одного сорта, напримѣръ, одни желтые, то, конечно, при приближеніи къ намъ, она показалась бы намъ болѣе зеленой. Но такъ какъ пучокъ лучей отъ звѣзды сложный, содержащій всѣ почти лучи спектра, всѣ цвѣта, то тутъ будетъ наблюдаться болѣе сложное явленіе. Конечно, при приближеніи источника свѣта, *всѣ* лучи его будутъ казаться намъ измѣнившимися: красные въ оранжевые, оранжевые въ желтые и т. д., но видимый спектръ останется все тотъ же, въ тѣхъ же предѣлахъ, съ тѣми же цвѣтами. Вѣдь передъ красными лучами въ спектрѣ есть невидимые инфракрасные лучи. Они также претерпятъ соотвѣтствующее измѣненіе, передвинутся въ спектрѣ, сдѣлаются красными, если источникъ свѣта приближается къ намъ. Видимая граница спектра съ краснаго конца останется все та же.

Точно такъ же и на фіолетовомъ краю нѣкоторая часть перемѣстится въ область невидимыхъ ультрафіолетовыхъ лучей, граница спектра останется прежняя и цвѣтъ звѣзды не измѣнится, какъ думалъ Допплеръ. Другое дѣло—темныя линіи, которыя пересѣкаютъ поперекъ спектры звѣздъ.

Какъ объяснилъ Кирхгофъ, онѣ представляютъ свидѣтельства, что звѣзды окружены газовыми атмосферами, которыя перехватываютъ, поглощаютъ нѣкоторые лучи изъ пучковъ, посылаемыхъ центральными тѣлами. Конечно, и эти линіи подчинены общему закону: при приближеніи звѣзды къ намъ, онѣ должны перемѣститься къ фіолетовому краю спектра, при удаленіи—къ красному концу; но онѣ не имѣютъ цвѣта, не измѣняются по виду, остаются темными и потому оказываются для наблюдателя *смѣщенными* относительно цвѣтовъ.

Такимъ образомъ, о движеніи источника свѣта по лучу зрѣнія мы судимъ

не по измѣненію его цвѣта и не по смѣщенію цвѣтовъ въ его спектрѣ, а по смѣщенію темныхъ (или въ нѣкоторыхъ случаяхъ интенсивно яркихъ) линій въ послѣднемъ. Это разъяснилъ Физо. Потому-то и принципъ Допплера въ примѣненіи къ свѣтовымъ явленіямъ называется двойнымъ именемъ: «принципъ Допплера-Физо».

На основаніи этого принципа сдѣлана за послѣднее время масса интересныхъ и важныхъ открытій. Между прочимъ, пытались опредѣлить и время вращенія солнца въ различныхъ поясахъ его отъ экватора. Понятно, что при вращеніи одна половина диска будетъ приближаться къ намъ другая удаляться. Сравнивая спектры отъ обоихъ краевъ диска, мы можемъ замѣтить уклоненіе темныхъ линій въ одномъ спектрѣ къ фіолетовому краю, въ другомъ къ красному концу, и по имѣющемуся смѣщенію судить о линейной скорости вдоль луча зрѣнія въ различныхъ параллеляхъ. То же, конечно, будетъ и для всякой планеты, только спектры будутъ слабѣе, да смѣщенія линій въ нихъ гораздо менѣе.

Нашему извѣстному астрофизику Бѣлопольскому въ Пулковѣ, удалось замѣтить подобныя смѣщенія въ спектрѣ края Венеры. Хотя онъ не могъ опредѣлить точно время вращенія планеты, тѣмъ не менѣе онъ рѣшился высказаться безусловно за короткое время вращенія.

Его телеграмма, извѣщающая о результатахъ наблюденія въ мартѣ прошлаго года, произвела большую сенсацію.

Вѣроятно, теперь дальнѣйшія изслѣдованія самого Бѣлопольскаго и другихъ спектроскопистовъ, имѣющихъ въ распоряженіи сильные инструменты, разрѣшатъ вопросъ о вращеніи Венеры окончательно и дадутъ для него опредѣленное число.

При одномъ взглядѣ на дискъ Юпитера мы сразу заключаемъ, что эта планета находится въ жидкомъ, расплавленномъ состояніи.

Рядъ бурыхъ полосъ тянется параллельно экватору. Онѣ клочковатаго, облачнаго строенія. По временамъ тутъ и тамъ появляются темныя и свѣтлыя пятна, которыя остаются нѣкоторое время на дискѣ, потомъ исчезаютъ. По ихъ смѣщенію можно судить о скоростяхъ различныхъ теченій въ густой атмосферѣ планеты на различныхъ высотахъ.

Интересенъ и тотъ фактъ, что Юпитеръ, подобно солнцу, вращается не какъ одно цѣлое, а поясами, которые имѣютъ различную скорость вращенія.

Узкая экваторіальная полоса вращается быстрѣе. Время ея оборота равняется 9 нашимъ часамъ и $50^1/_2$ минутамъ. Остальная часть поверхности какъ въ Сѣверномъ, такъ и въ южномъ полушаріи имѣетъ время вращенія 9 часовъ 55 минутъ.

Большое вниманіе астрономы отдали огромному красному пятну, появившемуся въ 1878 году въ южной части диска. Какъ выяснилось послѣ, оно было замѣчено однимъ наблюдателемъ еще въ 1861 году, но тогда оказалось слишкомъ блѣднымъ. Въ 1871 году лордъ Россъ также видѣлъ его густо красноватымъ, а въ 1878 году окраска достигла большей интенсивности. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ пятно это опять поблѣднѣло, на нѣсколько лѣтъ даже скрылось отъ наблюдателей, но потомъ вновь появилось въ девяностыхъ годахъ.

По суммарнымъ изслѣдованіямъ академика Бредихина, это пятно за семь лѣтъ (1879—1886) нѣсколько увеличилось въ своихъ размѣрахъ. Оно, несомнѣнно, смѣщалось само и за 6 лѣтъ отстало отъ унесившейся впередъ вращеніемъ окружающей его поверхности почти на $^1/_3$ оборота. Но въ то же время общая форма оставалась постоянной, такъ что признать его облачнымъ образованіемъ совершенно невозможно.

По мнѣнію Бредихина, это—твердая пленка, увлекаемая нижними теченіями атмосферы и скользящая по жидкой поверхности.

Мы наблюдаемъ, такимъ образомъ, интересную фазу въ жизни этой планеты—начало перехода отъ жидкаго состоянія къ твердому.

Сатурнъ также находится въ расплавленномъ состояніи. На это указываютъ полосы, подобныя Юпитеровымъ. Иногда на дискѣ видны пятна. Къ сожалѣнію эти подробности наблюдаются очень рѣдко, онѣ слабы и неопредѣленны.

Наибольшій интересъ, поэтому, имѣетъ не дискъ, а то кольцо, которое опоясываетъ планету, эта замѣчательная особенность Сатурна среди другихъ небесныхъ тѣлъ.

Это кольцо, какъ показалъ еще Лапласъ, не можетъ быть твердымъ. Многое говоритъ и противъ того, что оно жидкое. Наиболѣе вѣроятнымъ является предположеніе Максвелла, что это собраніе маленькихъ тѣлецъ, небольшихъ спутниковъ, которые, какъ рой метеоровъ, кружатъ вокругъ планеты.

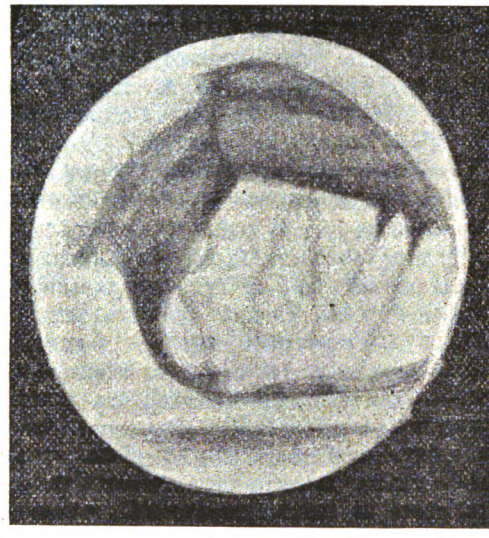
Спектрографическія наблюденія послѣднихъ лѣтъ Бѣлопольскаго въ Пулковѣ, Килера и Кэмбеля на обсерваторіи Лика и Деляндра въ Медонѣ (близъ Парижа) согласно показали, что кольцо вращается, и такъ именно, какъ требуетъ этого предположеніе Максвелла. Линейная скорость внутреннихъ точекъ кольца оказывается больше, чѣмъ наружныхъ.

О природѣ Урана и Нептуна мы совершенно ничего не знаемъ и можемъ только на основаніи нѣсколькихъ неопредѣленныхъ наблюденій предполагать, что они тоже находятся въ расплавленномъ состояніи. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ планетъ нашей солнечной системы лишь только на Марсѣ мы находимъ условія, которыя могутъ дать поводъ къ разговорамъ о жизни на небесныхъ свѣтилахъ.

Всѣ возможныя въ данномъ случаѣ предположенія, повторяю, будутъ скорѣе фантастичны, чѣмъ вѣроятны. Но самыя явленія, которыя мы наблюдаемъ на Марсѣ, достойны большого вниманія, чрезвычайно интересны. Не зная ничего о жизни на планетѣ, объ ея формахъ, мы, тѣмъ не менѣе, сразу видимъ, что предъ нами міръ живой, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Мы наблюдаемъ на немъ рядъ явленій, преходящихъ, смѣняющихъ одно другое, но несомнѣнно находящихся между собой въ связи, обусловливаемыхъ вообще опредѣленными причинами. Мы видимъ, напримѣръ, ясно на полюсахъ планеты бѣлыя пятна, правильно и постепенно уменьшающіяся по мѣрѣ приближенія солнца въ соотвѣтствующемъ полушаріи. Очевидно, это полярные снѣга, льды, какъ у насъ на землѣ. Можно еще спорить о природѣ ихъ, о томъ веществѣ, изъ котораго они состоятъ, но общее значеніе ихъ въ жизни планеты несомнѣнно и многое прямо говоритъ за то, что это просто замерзшая вода. Скіапарелли, астрономъ, наиболѣе извѣстный своими наблюденіями надъ Марсомъ, почти готовъ признать это категорически. Онъ картинно описываетъ и процессъ таянія. Вотъ широкое снѣжное поле начинаетъ уменьшаться съ краевъ, потомъ въ немъ внутри появляются темныя пятна, широкія щели, далѣе отдѣляются отъ главной массы большія, очень растянутыя пятна, которыя вскорѣ пропадаютъ. Это какъ разъ тѣ же подробности, которыя наблюдаются при таяніи полярныхъ снѣговъ на землѣ.

Мы видимъ на Марсѣ опредѣленныхъ очертаній темныя и свѣтлыя пятна, такъ называемыя моря и материки, мы различаемъ и подробности въ ихъ строеніи—заливы, бухты, озера, острова. Сравнительно съ землей Марсъ имѣетъ, повидимому, меньше влаги. Только $^1/_2$ его поверхности покрыта морями, тогда какъ на землѣ они занимаютъ $^2/_3$.

Южное снѣжное поле лежитъ въ серединѣ огромнаго темнаго пятна, главнаго океана Марса, какъ разъ такъ, какъ и на землѣ, но сѣверная приходится на материкѣ. Когда оно таетъ, вокругъ появляется темный поясъ, ширина котораго растетъ все болѣе и болѣе по мѣрѣ уменьшенія размѣровъ бѣлой шапки. Это влага, образовавшаяся отъ таянія снѣга. Она разливается по всему материку. Проводниками служатъ каналы—эти темныя прямыя черточки, которыя тянутся отъ темнаго кольца, окружающаго бѣлое пятно, по всему материку, образуя непрерывную замкнутую сѣть. Нѣтъ лучше слова для обозначенія этихъ образованій, какъ «каналы». Оно отвѣчаетъ и внѣшнему ихъ виду и, надо думать, значенію ихъ для планеты. Правда, отъ нашихъ каналовъ они очень отличаются. Они тянутся на громадныя пространства, длина отдѣльнаго колѣна иногда достигаетъ до 1.5000—2.000 километровъ, а ширина колеблется отъ 30 до 300 километровъ. Эти чудныя образованія, главнымъ образомъ, и послужили поводомъ къ смѣлымъ гипотезамъ о населеніи Марса разум-



Марсъ 6 іюля 1890 г.

ными существами. «Каналы» считали за произведенія искусныхъ инженеровъ, сумѣвшихъ провести влагу черезъ пустыни.

Кому не скучно, тотъ можетъ, конечно, мечтать и дальше: о баркахъ и корабляхъ, которые проходятъ по этимъ каналамъ, о торговлѣ городовъ, развлеченіяхъ жителей и пр., и пр. Точная наука пока не можетъ остановиться ни на какомъ объясненіи, не можетъ создать даже гипотезы, которая болѣе или менѣе вѣроятно объясняла бы происхожденіе этихъ образованій.

Особенно загадочнымъ является двоеніе каналовъ, которое, повидимому, происходитъ, главнымъ образомъ, до и послѣ большого наводненія сѣвернаго полушарія планеты.

Вмѣсто одной черты въ данномъ мѣстѣ диска иногда на нѣсколько дней, иногда на нѣсколько часовъ, мы видимъ двѣ одинаковой длины, одинаковой ширины, одинаковаго направленія, которыя идутъ правильно, какъ два рельса на желѣзнодорожномъ полотнѣ.

Часто одна изъ этихъ линій сохраняетъ въ точности положеніе прежняго канала, а другая идетъ параллельно ей на далекомъ, сравнительно, разстояніи.

Иногда же обѣ линіи идутъ по совершенно новому мѣсту, по обѣимъ сторонамъ прежняго канала. То разстояніе, на которое откинуты эти линіи, не всегда одинаково, оно колеблется приблизительно въ предѣлахъ 50—600 километровъ.

Трудно что-либо предложить для объясненія этихъ явленій.

Замѣчательно, что раздвояются не только каналы, но также и озера. Вмѣсто одного темнаго пятна появляются двѣ короткія, широкія, одинаковаго направленія темныя полосы, между которыми залегаетъ желтая линія. Изъ другихъ явленій, которыя мы наблюдаемъ на поверхности Марса, интересны, между прочимъ, измѣненія окраски нѣкоторыхъ мѣстностей. Особенно часто случается это для острововъ Южнаго океана и такъ называемаго Эритрейскаго моря.

Вмѣсто обычнаго красновато-желтаго цвѣта того или другого острова, появляются иногда коричневый или темный тоны. Возможно, что это обусловливается мѣстными наводненіями. Эти острова, по предположенію Скіапарелли, могутъ представлять собою зыбкія, болотистыя мѣста.

При повышеніи уровня воды, когда мы разсматриваемъ почву черезъ болѣе или менѣе толстый слой жидкости, она и является для насъ болѣе темной.

Иногда на островахъ близъ южнаго полюса и въ различныхъ мѣстахъ материка вокругъ сѣвернаго, спускаясь даже до широты 60 — 55 градусовъ, появляются временныя, неправильной формы свѣтлыя пятна, какъ будто бы это выпаденія снѣга, какія бываютъ и на землѣ.

Даже близъ экватора наблюдались небольшія бѣлыя пятна, которыя держались нѣкоторое время. По постоянству положенія одного изъ такихъ пятенъ для трехъ послѣдовательныхъ рядовъ наблюденій: въ 1877, 1880 и 1882 гг. Скіапарелли готовъ признать ихъ глетчерами на высокихъ горахъ. Интересно, что другіе наблюдатели на основаніи другихъ соображеній приходятъ къ предположенію о существованіи горной цѣпи въ данномъ мѣстѣ поверхности.

Для характеристики общихъ условій, которыя должны вліять на развитіе жизни на Марсѣ, прибавимъ еще, что тепла на немъ гораздо меньше, чѣмъ на землѣ, вслѣдствіе большого удаленія планеты отъ солнца, но относительное распредѣленіе его поверхности почти такое же, потому что наклонъ оси вращенія къ плоскости орбиты приблизительно такой же, какъ у земли.

На Марсѣ, слѣдовательно, должны существовать такіе же климатическіе пояса, какіе имѣютъ мѣсто на землѣ: тропическій, умѣренные и холодные.

Время обращенія Марса около солнца почти вдвое больше, чѣмъ для земли. Годъ на Марсѣ поэтому почти вдвое длиннѣе нашего, причемъ относительная продолжительность времени года опредѣляется слѣдующей табличкой:

	Весна.	Лѣто.	Осень.	Зима.
На землѣ . . .	93	93	90	89
На Марсѣ . . .	199	182	146	160

Спектроскопическія наблюденія указываютъ, что Марсъ окруженъ атмосферой, подобною по своему составу земной, только болѣе богатой водяными парами. Полярныя пятна и бѣлые, временные, повидимому, снѣжные покровы, о которыхъ только что упомянуто, подтверждаютъ этотъ выводъ.

Конечно, утверждать опредѣленно этого нельзя. Существуетъ мнѣніе, что на Марсѣ должна господствовать очень низкая температура, при которой вода не можетъ быть въ парообразномъ состояніи. Она составляла бы на поверхности планеты твердую крѣпкую породу. Измѣнчивыя тающія бѣлыя пятна въ этомъ случаѣ могутъ быть снѣга изъ угольной кислоты.

Во всякомъ случаѣ, атмосфера Марса очень прозрачна, дождей на немъ идетъ мало, а можетъ быть и совсѣмъ ихъ нѣтъ. Рѣдко появляются облака. Вслѣдствіе этого должны быть рѣзкія колебанія температуры дня и ночи.

Вотъ все существенное, что можно съ нѣкоторой опредѣленностью заключить изъ непосредственныхъ наблюденій надъ интересной планетой.

Трудно говорить объ устройствѣ поверхности малыхъ планетъ, объ ихъ природѣ. Никакихъ прямыхъ наблюденій въ этомъ случаѣ не имѣется, такъ какъ объекты очень ужъ малы. Только фотометрическія измѣренія яркости, особенно колебанія блеска могутъ дать намъ нѣкоторыя указанія въ этомъ отношеніи. Можно думать, что астероиды вообще не имѣютъ атмосферы или имѣютъ очень рѣдкую, такъ какъ для большинства изъ нихъ кривыя измѣненія яркости подобны кривымъ Меркурія и луны.

Какъ разъ нѣсколько дней тому назадъ, 9-го февраля нынѣшняго года, астрономъ Ег. Оппольцеръ въ Потсдамѣ констатировалъ интересное явленіе для астероида Эрота. Это та самая планетка, которая въ 1898 г., какъ только была открыта, привлекла вниманіе всего астрономическаго міра особенностями своей орбиты. Половина послѣдней, оказывается, заходитъ внутрь орбиты Марса, вслѣдствіе чего планетка можетъ приближаться къ землѣ на сравнительно очень малое разстояніе и тогда съ большой выгодой можетъ служить для опредѣленія разстоянія земли отъ солнца.

Оппольцеръ замѣтилъ, что яркость Эрота на нѣсколько часовъ уменьшается, а потомъ вновь возрастаетъ до своей обыкновенной интенсивности.

Какая причина этихъ колебаній, этого пока не знаютъ. Для уясненія явленія Оппольцеръ приглашаетъ наблюдателей послѣдить за планетой, опредѣляя ея яркость по отношенію къ окружающимъ звѣздамъ нѣсколько разъ въ ночь.

Значительные успѣхи за послѣднее время достигнуты при изученіи поверхности спутниковъ Юпитера. Это также тѣла малыя, и удалены они отъ насъ значительно, такъ что являются лишь звѣздочками 6-ой, приблизительно, величины, но уже Секки, Даусъ и другіе наблюдатели думали, что на такъ называемомъ третьемъ спутникѣ видны пятна. Въ началѣ 90-хъ годовъ В. Пикерингъ въ Арекиппѣ, въ горахъ Перу, при прекрасныхъ атмосферныхъ условіяхъ открываетъ цѣлый рядъ новыхъ подробностей, которыя на этотъ разъ выступаютъ уже болѣе или менѣе опредѣленно. Особенно поразило Пикеринга измѣненіе формы нѣкоторыхъ спутниковъ, по временамъ дискъ ихъ являлся не круглымъ, а эллиптическимъ. Пикерингъ продолжаетъ дальше свои наблюденія на обсерваторіи Лоуэлля и приходитъ къ такимъ интереснымъ заключеніямъ: первый спутникъ имѣетъ форму вытянутаго сфероида; онъ вращается около одной изъ малыхъ осей приблизительно въ 13 часовъ, причемъ эта ось вращенія почти перпендикулярна плоскости орбиты. Наибольшій діаметръ спутника, повидимому, наклоненъ къ плоскости орбиты подъ угломъ въ 4°. Въ сѣверной и южной части диска видны полосы, которыя часто являются загнутыми къ центру. Въ экваторіальной области по временамъ выступаетъ широкая свѣтлая полоса.

Второй спутникъ, оказывается, имѣетъ еще болѣе странную форму: онъ вытянутъ въ направленіи, перпендикулярномъ къ плоскости орбиты. Впрочемъ, наблюденія надъ этимъ спутникомъ чрезвычайно трудны, и времени вращенія его опредѣлить не удалось.

Третій спутникъ имѣетъ всѣ три оси разныя. Ихъ отношеніе равняется отношенію чиселъ 100 : 105 : 111. Вращается этотъ спутникъ около линіи, наклоненной подъ угломъ 25° къ наибольшей оси и составляющей уголъ въ 8 градусовъ съ перпендикуляромъ къ плоскости орбиты. Время вращенія равняется времени обращенія около Юпитера. На поверхности довольно явственно выступаютъ полосы, параллельныя экватору.

Четвертый спутникъ также представляетъ вытянутый сфероидъ, всегда

обращенный къ Юпитеру одной и той же стороной, такъ что время вращенія его оказывается равнымъ времени обращенія около планеты. Ось вращенія наклонена подъ угломъ въ 15° къ наибольшему діаметру и почти перпендикулярна къ плоскости орбиты. На поверности спутника видны пятна.

Эти результаты въ полной формѣ и съ соотвѣтствующими рисунками только что опубликованы.

Они являются въ нѣкоторомъ родѣ предѣломъ, до котораго дошло въ настоящее время изученіе поверхностей небесныхъ тѣлъ.

Интересно, что и въ этомъ случаѣ успѣхъ обусловливается, главнымъ образомъ, не размѣрами трубы, съ которой производились наблюденія, а благопріятными атмосферными условіями. К. Покровскій.

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Внезапное появленіе новой блестящей звѣзды «Nova Persei». 8-го февраля астрономъ Андерсонъ открылъ въ созвѣздіи Персея новую звѣзду. 9-го, независимо отъ Андерсона, ее наблюдали уже многіе другіе астрономы, въ томъ числѣ и г. Писаревъ въ Казани. Созвѣздіе Персея лежитъ къ западу отъ созвѣздія Возничаго, наиболѣе яркія звѣзды его обозначенные, какъ и въ многихъ другихъ созвѣздіяхъ, буквами греческаго алфавита—α, γ, β, δ и ε, видны весьма хорошо. Положеніе новой звѣзды, получившей названіе «Nova Persei» опредѣляется слѣдующими данными: прямое восхожденіе=3 ч. 24 м.; склоненіе $=+43°34'$. Ее легко найти: съ звѣздами своего созвѣздія (Персея) β и ε она образуетъ трехугольникъ. Интересно то, что на фотографическихъ пластинкахъ, снятыхъ съ этой части неба еще 6-го февраля, не было видно и слѣда какой-либо новой звѣзды, а 8-го февраля Андерсонъ опредѣлилъ ея яркость въ 2,7 звѣздной величины; затѣмъ уже идетъ быстрое возрастаніе ея яркости. 9-го февраля яркость ея была уже равна 1,6 звѣздной величины, 10-го въ 7 час. вечера «Nova Persei» стала столь же яркой, какъ Капелла (самая яркая звѣзда въ созвѣздіи Возничаго), а въ 12 ч. ночи этого же 10-го февраля уже превосходила послѣднюю. Послѣ 11-го февраля, видимо, началось уже ослабленіе силы свѣта новой звѣзды, такъ какъ 12-го февраля проф. Глазенапъ и астрономъ Юрьевскаго университета К. Покровскій оцѣнивали яркость ея уже нѣсколько ниже Капеллы.

Такое быстрое измѣненіе яркости новой звѣзды, также какъ и внезапное появленіе ея на нашемъ небѣ несомнѣнно указываютъ на какую-то міровую катастрофу. О томъ же говорятъ и спектральныя изслѣдованія. Директоръ обсерваторіи Гарвардскаго колледжа Пикерингъ 9-го февраля сфотографировалъ спектръ «Nova Persei»; спектръ былъ непрерывный съ 25 темными линіями; 10-го же февраля, по наблюденіямъ потсдамскаго астронома Фогеля, спектръ звѣзды былъ перерѣзанъ нѣсколькими широкими матовыми полосами; на основаніи этихъ, пока еще скудныхъ спекроскопическихъ данныхъ, все-же можно почти съ увѣренностью утверждать, что «Nova Persei» окружена плотной газовой оболочкой.

Почти три вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество въ послѣдній разъ наблюдало такое внезапное появленіе новой, видимой простымъ глазомъ, звѣзды—это было въ 1604 г., когда на небосклонѣ появилась новая гостья—получившая впослѣдствіи названіе звѣзды Кеплера. Еще раньше—въ 1572 г. возгорѣлась новая звѣзда, названная въ честь тогдашняго знаменитаго астронома Тихо-де-Браге звѣздой Тихо-де-Браге, столь яркая, что многими была различима

даже днемъ, но яркость ея, а также и окраска начала быстро мѣняться: изъ бѣлой она стала желтой, затѣмъ красной и, наконецъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ появленія окончательно потухла.

Послѣ звѣзды Кеплера до сего времени не появлялось новыхъ звѣздъ, различимыхъ простымъ глазомъ; въ исторіи астрономіи XIX вѣка отмѣчено появленіе нѣсколькихъ новыхъ звѣздъ, но то были звѣзды 7,8-й величины или еще менѣе значительныя.

Такое необычайное появленіе новой звѣзды «Nova Persei» произвело чрезвычайную сенсацію не только среди присяжныхъ астрономовъ и любителей, но и среди всѣхъ мало-мальски интересующихся природой—и въ настоящее время, вѣроятно, нѣтъ телескопа и даже простого бинокля, которые не наблюдали бы чудной гостьи, дивной издали и, вѣроятно, ужасной вблизи. Мы съ своей стороны не замедлимъ дать полный отчетъ о всѣхъ измѣненіяхъ, которыя претерпитъ «Nova Persei», и о всемъ томъ, чему она насъ научитъ при помощи астрономовъ.

Силы давленія лучистой энергіи. Русскій физикъ *П. Лебедевъ* сдѣлалъ на послѣднемъ международномъ конгрессѣ физиковъ въ Парижѣ, въ августѣ 1900 г. весьма интересное сообщеніе. Дѣло въ томъ, что знаменитый Максвелль въ своемъ «Трактатѣ объ электричествѣ и магнитизмѣ», исходя изъ чисто теоретическихъ соображеній, давно уже указывалъ, что пучокъ свѣтовыхъ лучей долженъ владѣть и механическими силами. «Въ средѣ, въ которой распространяются волны,—писалъ онъ,—существуетъ давленіе въ направленіи перпендикулярномъ къ волнѣ и численно равное количеству энергіи въ единицѣ объема». Къ тому же выводу, но совершенно инымъ путемъ пришелъ и Бартоли, также принимавшій, что лучистая энергія, падающая на отражающую поверхность, оказываетъ на послѣднюю нѣкоторое давленіе. Оба физика не только доказывали необходимость признать существованіе этого давленія, но даже вычислили и величину послѣдняго. Оно, конечно, весьма незначительно. Пучокъ солнечныхъ лучей, падая отвѣсно на поверхность въ 1 квадр. метръ, производитъ давленіе, которое для поглощающей черной поверхности равно 0,4 милиграмма, а для отражающей зеркальной—0,8 милиграмма.

Обоснованіе и подсчетъ указаннаго давленія, сдѣланные въ выводахъ какъ Максвелля, такъ и Бартоли, говоритъ г. Лебедевъ, заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя гипотетическія предположенія и потому вопросъ, существуютъ ли дѣйствительно силы давленія лучистой энергіи, такъ называемыя силы Максвелля-Бартоли, могъ быть разрѣшенъ только прямымъ опытомъ. Попытки поставить такой опытъ до сихъ поръ были неудачны, такъ какъ обнаруженіе этихъ силъ встрѣчаетъ многія затрудненія. «Опытъ показываетъ, что на тѣла, на которыя падаетъ лучистая энергія, начинаютъ дѣйствовать разныя силы, происходящія отъ *нагрѣванія* тѣла и обусловленныя газами и парами, окружающими тѣло. Эти добавочныя силы, которыя могутъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, значительно превосходить силы Максвелля-Бартоли, могутъ быть сведены къ двумъ независимымъ дѣйствіямъ. Во первыхъ это суть силы, обусловленныя *переносомъ* газа, который, нагрѣваясь вблизи тѣла, начинаетъ подыматься кверху и увлекаетъ тѣло въ ту или другую сторону, силы уже замѣченныя Френелемъ. Во—вторыхъ, это суть силы *радіометрическія*, которыя были открыты и изслѣдованы Круксомъ. Эти силы обусловлены *разностью температуръ* сторонъ тѣла, освѣщенной и находящейся въ тѣни, и зависятъ отъ кривизны поверхности тѣла и *непосредственнаго* сосѣдства другихъ поверхностей».

Мы не станемъ останавливаться здѣсь, какъ остроумнымъ расположеніемъ прибора и опытовъ г. Лебедеву удалось исключить эти возмущающія силы и поставить

опытъ такимъ образомъ, чтобы имѣть дѣло только съ силами Максвелля-Бартоли *). Упомянемъ только, что приборъ его состоялъ изъ большого стекляннаго балона, въ которомъ на тонкой стеклянной крутильной нити былъ подвѣшенъ стеклянный стержень; на послѣднемъ были прикрѣплены двѣ пары крылышекъ изъ *платиновой* жести; каждая пара состояла изъ двухъ кружковъ, одинъ изъ которыхъ былъ металлически блестящій съ двухъ сторонъ, другой также съ двухъ сторонъ былъ покрытъ платиновой чернью. На эти-то крылышки и направляли дѣйствіе пучка свѣта, благодаря чему происходило закручиваніе стеклянной нити; а это закручиваніе измѣрялось особою шкалою.

Опыты показали г. Лебедеву, что силы Максвелля-Бартоли дѣйствительно существуютъ и что благодаря имъ *пучокъ падающаго свѣта производитъ давленіе на крылышки прибора* при чемъ давленіе это въ два раза болѣе для отражающихъ крылышекъ, чѣмъ для поглощающихъ, и что, вообще, *это давленіе*, въ предѣлахъ погрѣшности наблюденія, *равно свѣтовому давленію, теоретически вычисленному Максвелемъ и Бартоли.*

Этотъ выводъ громадной важности г. Лебедевъ остроумно примѣняетъ къ вопросу о движеніи кометъ. Разъ существуютъ силы Максвелля-Бартоли, то солнце значитъ, не только притягиваетъ, но и отталкиваетъ, и эту отталкивательную силу легко вычислить; для тѣлъ большихъ размѣровъ она будетъ ничтожна, сравнительно съ силой притяженія солнца, но чѣмъ меньше размѣръ тѣла, тѣмъ соотношеніе этихъ двухъ силъ будетъ измѣняться все болѣе въ пользу отталкивательной силы, и при размѣрахъ тѣла меньшихъ 0,001 милиметра обѣ силы уравновѣсятся и тѣло будетъ двигаться по прямой ланіи. Такимъ образомъ, отталкиваніе, обусловленное лучистой энергіей солнца, должно явиться существеннымъ факторомъ въ движеніи кометъ, головы которыхъ представляютъ, какъ извѣстно, скопленіе *мелкихъ* метеоритныхъ камней. Голова кометъ будетъ безпрерывно деформироваться, такъ какъ нужно предположить, что камни составляющіе ее имѣютъ самые разнообразные размѣры и, слѣдовательно, неодинаковыя траэкторіи; наиболѣе мелкіе скоро разсѣятся въ міровомъ пространствѣ,—а сама періодическая комета, принимая все болѣе и болѣе продолговатую и изогнутую форму, можетъ наконецъ, превратиться въ кольцо метеоритовъ. Съ другой стороны, можно утверждать, что голова кометъ состоитъ не изъ космической пыли, которая подъ отталкиваемымъ дѣйствіемъ силъ Максвеля-Бартоли должна была разсѣяться въ міровомъ пространствѣ, а изъ болѣе значительныхъ метеоритныхъ частицъ.

О слезахъ и смѣхѣ животныхъ. Старые философы считали однимъ изъ отличій человѣка отъ животныхъ способность его плакать и смѣяться. Вольтеръ опредѣляетъ человѣка, какъ «смѣющееся животное» и пишетъ въ знаменитой Энциклопедіи: «Человѣкъ—единственное животное, которое плачетъ и смѣется». Этого взгляда многіе придерживаются и до сихъ поръ.

Дарвинъ первый въ своей книгѣ «О выраженіи ощущеній» собралъ столько наблюденій надъ смѣющимися обезьянами, что въ наше время никто не можетъ уже утверждать, что смѣхъ присущъ только человѣку.

Извѣстно, напр., что молодыя шимпанзе такъ же боятся щекотки, какъ и дѣти; если ихъ щекотать, то они начинаютъ смѣяться, причемъ ротъ, глаза и мышцы вокругъ глазъ принимаютъ такое же положеніе, какъ и у человѣка. У молодыхъ орангъ-утанговъ наблюдается то же самое. Ренгеръ, наблюдавшій въ теченіе 7-ми лѣтъ въ Парагваѣ пойманныхъ обезьянъ, описываетъ, какъ

---

*) Желающія болѣе подробно ознакомиться съ крайне интересной работой г. Лебедева найдутъ ее въ «Журналѣ русскаго Физико-Химическаго Общества» 1900 г. выпускъ 8.

Cebus Azarae при видѣ любимыхъ имъ лицъ выражалъ свою радость своеобразнымъ хихиканіемъ. То же наблюдалось въ европейскихъ зоологическихъ садахъ у павіановъ и мартышекъ. Гарнеръ, написавшій книгу о «Языкѣ обезьянъ» находитъ, что смѣхъ обезьянъ почти во всемъ сходенъ со смѣхомъ человѣка. Уоллесъ, Дюшенъ и многіе другіе утверждаютъ, что обезьяны улыбаются, если какимъ бы то ни было образомъ выказать имъ свое расположеніе, и улыбка ихъ совершенно походитъ на человѣческую, такъ какъ при этомъ приходятъ въ движеніе тѣ же мускулы, что и у человѣка. Такое улыбающееся или, по выраженію Краузе, «довольное лицо» наблюдалъ онъ также и у собакъ, гдѣ оно проявляется часто въ видѣ оскаливанія зубовъ; по его мнѣнію, у многихъ людей, которые сильно оскаливаютъ зубы при смѣхѣ, этотъ послѣдній скорѣе можно назвать «облагороженнымъ оскаломъ зубовъ», чѣмъ смѣхомъ; у собакъ мы при этомъ просто не замѣчаемъ «довольнаго лица», такъ какъ привыкли видѣть, что онѣ оскаливаютъ зубы, главнымъ образомъ, тогда, когда выражаютъ этимъ свое недовольство, но такое «сердитое оскаливаніе зубовъ» выглядитъ совсѣмъ иначе.

Плачущую обезьяну (Callithrix Sciureus) первый наблюдалъ Алекс. фонъ-Гумбольтъ. Рингеръ также разсказываетъ, какъ у обезьяны (Cebus Azarae) глаза каждый разъ наполнялись слезами, при сильномъ испугѣ, или же, когда ей отказывали въ предметѣ, который ей очень хотѣлось имѣть. Лондонскому зоологическому обществу принадлежалъ макакъ, плакавшій очень часто: стоило только пожалѣть его; иногда же онъ начиналъ тосковать и безъ видимой причины и тогда слезы въ изобиліи текли по его щекамъ. По мнѣнію Дарвина, этого макака нужно считать или исключеніемъ, или больнымъ, такъ какъ самому Дарвину не удалось наблюдать ни одного изъ макаковъ плачущимъ. Но вѣдь и между людьми замѣчаются индивидуальныя различія,—одни почти никогда не плачутъ, другіе проливаютъ слезы по самому ничтожному поводу; а у дѣтей и даже у избалованныхъ собакъ можно нерѣдко наблюдать, какъ они плачутъ, если имъ выражаютъ сожалѣніе.

Изъ другихъ животныхъ, способныхъ плакать, прежде всего нужно упомянуть о слонахъ. Теннентъ въ своей книгѣ о Цейлонѣ разсказываетъ, какъ пойманный и связанный слонъ лежалъ неподвижно на землѣ; единственнымъ проявленіемъ его горя были слезы, наполнявшія его глаза и стекавшія внизъ на землю. Другой слонъ точно также выражалъ свою глубокую тоску обильными слезами и вмѣстѣ съ тѣмъ громкимъ крикомъ. Служащіе въ лондонскомъ зоологическомъ саду увѣряютъ, что часто видѣли, какъ плакала старая слониха, когда отняли у нея дѣтеныша, съ которымъ ее привезли изъ Индіи.

Охотникамъ, по ихъ разсказамъ, часто приходится видѣть плачущихъ оленей, козулей, жирафовъ и другихъ родственныхъ имъ животныхъ. «Я никогда не забуду,—разсказываетъ Ламартинъ,—взгляда одной убитой мною козули; глаза ея были полны слезъ, взглядъ выражалъ удивленіе, боль, неожиданность близкой смерти и говорилъ такъ же ясно, какъ и слова».

Среди морскихъ млекопитающихъ—у дельфиновъ и тюленей, смертельно раненныхъ, не разъ видѣли обильно текущія слезы. Жоффруа-Сентъ-Илеръ и Кювье разсказываютъ, что когда малайцы захватываютъ дюгоговъ (морскихъ коровъ), то эти послѣднія испускаютъ громкій крикъ, а глаза ихъ наполняются слезами; эти слезы тщательно собираются малайцами, такъ какъ по вѣрованіямъ малайцевъ они являются магическимъ средствомъ, могущимъ надолго приворожить любимаго человѣка.

Основы игры физіономіи, несомнѣнно однѣ и тѣ же какъ у человѣка, такъ и у высшихъ млекопитающихъ, и конечно, зависятъ отъ совокупности многихъ явленій, полное объясненіе которыхъ потребуетъ еще многихъ изслѣдованій и изученія.

О симбіозѣ муравьевъ и гусеницъ. Профессоръ Томанъ сообщилъ швейцарскому обществу естествоиспытателей объ интересномъ случаѣ симбіоза муравьевъ и гусеницъ, наблюденномъ имъ на растеніяхъ Oxytropispilosa и Hippophae rhamnoides. Гусеницы принадлежали виду Lycaena argus, а муравьи къ обыкновенному виду муравьевъ (Formica cinerea). Муравьи во множествѣ прогуливались на спинахъ гусеницъ, безпрестанно схватывая ихъ челюстями, причемъ гусеницы не выказывали никакого неудовольствія за подобное обращеніе съ ними. Дѣло въ томъ, что у этихъ гусеницъ на 3-мъ членикѣ находится щель, въ глубинѣ которой виднѣется возвышеніе, откуда вытекаетъ прозрачная сладкая жидкость, питающая муравьевъ. Муравьи же за это защищаютъ гусеницъ отъ нападенія различныхъ враговъ, главнымъ образомъ Tachina и ихневмоновъ; гусеницы эти въ такомъ почетѣ у мураевьевъ, что нерѣдко можно встрѣтить куколокъ въ проходахъ и корридорахъ муравейника; молодыя бабочки выростаютъ здѣсь никѣмъ не потревоженныя.

До сихъ поръ симбіозъ между муравьями и гусеницами былъ извѣстенъ только въ Индіи и Америкѣ, но никто никогда не наблюдалъ его въ Европѣ, поэтому сообщеніе Томана имѣетъ особенный интересъ.

Химія въ археологіи. Французскому академику *Бертело*, благодаря цѣлому ряду произведенныхъ имъ анализовъ золота различныхъ эпохъ, которое предоставилъ въ его распоряженія Масперо—директоръ музея въ Bulak, возлѣ Каира, удалось установить нѣкоторыя стадіи въ исторіи добычи этого драгоцѣннаго металла. Въ древнѣйшія времена употребляли въ дѣло найденное въ розсыпяхъ золото, безъ предварительной очистки его отъ серебра, въ соединеніи съ которымъ оно обыкновенно встрѣчается. Если процентъ содержанія серебра довольно высокъ, то золото, какъ извѣстно, принимаетъ бѣловатый оттѣнокъ и въ такомъ видѣ было извѣстно въ Египтѣ подъ названіемъ asem, а въ Греціи—электрумъ. Только въ позднѣйшія времена научились отдѣлять серебро отъ золота и добывать послѣднее въ чистомъ видѣ. Самыя старыя золотыя монеты, извѣстныя намъ, были найдены въ Лидіи и по нимъ можно точно установить эпоху, когда научились работать съ чистымъ золотомъ. Это было во времена царя Креза, извѣстнаго своимъ богатствомъ. Въ болѣе старыхъ золотыхъ монетахъ всегда встрѣчается примѣсь серебра. Способъ отдѣленія золота отъ серебра состоялъ въ древности въ такъ называемой цементаціи, описанной еще Плиніемъ. Способъ этотъ заключался въ слѣдующемъ: электрумъ или вообще золото съ большимъ содержаніемъ серебра вальцовалось въ тонкія пластинки, которыя накаливались со смѣсью поваренной соли и желѣзнаго купороса, причемъ серебро, соединявшееся съ хлоромъ поваренной соли, въ видѣ хлористаго серебра оставалось въ шлакѣ, золото же благодаря этому, освобождалось въ чистомъ видѣ. Этотъ способъ «цементаціи» употреблялся въ Европѣ еще въ средніе вѣка. Только въ сочиненіяхъ XIV вѣка встрѣчаются первые намеки на способъ, отдѣленія золота отъ серебра мокрымъ путемъ, т.-е. обработкой кипящею сѣрною кислотою, растворяющей серебро, но не дѣйствующей на золото. Анализы золотыхъ египетскихъ монетъ принадлежащихъ эпохѣ между 6 и 12 династій показали Бертело, что чистое золото стало входить въ употребленіе въ Египтѣ только въ Персидскій періодъ.

Нельзя не привѣтствовать остроумнаго примѣненія знаменитымъ французскимъ академикомъ химическихъ методовъ къ рѣшенію вопросовъ археологіи и исторіи культуры.

В. Агафоновъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Мартъ. 1901 г.

Содержаніе: Беллетристика. — Публицистика — Исторія русская — Политическая экономія.—Естествознаніе.—Біологія и ботаника.—Гигіена и медицина.—Народныя изданія.—Справочныя изданія.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Н. М. Минскій. «Новыя пѣсни».—*П. П. Гнѣдичъ.* «Купальные огни».—*А. Н. Будищевъ.* «Лучшій другъ».—«Библіотека великихъ писателей. Шиллеръ. Т. I.».

Н. М. Минскій. Новыя пѣсни. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. «Новыя пѣсни» г. Минскаго не даютъ ничего новаго ни для характеристики автора. какъ поэта, ни для современныхъ теченій въ поэзіи. Предъ нами все тотъ же г. Минскій послѣднихъ лѣтъ, взвинченный и ходульный, манерный и высокопарный, холодный и дѣланный. Совершенно напрасно назвалъ онъ свои послѣднія стихотворенія «пѣснями», такъ какъ въ нихъ нѣтъ главнаго, что заключается въ пѣснѣ—чувства. Каждое стихотвореніе его есть болѣе или менѣе удачно риѳмованное размышленіе на ту или иную тему, преимущественно отвлеченнаго характера—о сущности жизни, о добрѣ или злѣ, о красотѣ вообще или о смерти и загробной жизни. Отъ этой разсудочной поэзіи вѣетъ холодомъ, какъ отъ пустого дома съ опустошенными окнами и выбитыми дверями. На протяженіи ста слишкомъ страницъ не сверкнетъ ни искры чувства, которая согрѣла бы эти холодныя слова, вытянутыя въ ровныя строчки, мѣстами съ неуклюжими риѳмами въ родѣ: «что подарить бы могъ имъ—боюсь, понравится немногимъ», «святынь—вершинъ», «гонимы жаждой правды, летимъ дней новыхъ аргонавты». Образчикомъ этой витіеватой поэзіи можетъ служить извѣстное стихотвореніе, которое появилось раньше какъ мотивъ трагедіи г. Минскаго «Альма»—«Нѣтъ двухъ путей добра и зла». Образы г. Минскаго такъ же вымучены, какъ и его натянутыя мысли, претендующія на сугубую глубину, вмѣсто которой получились пустыя слова. Снѣгъ, напр., онъ сравниваетъ съ «мавзолеемъ», а хлопья снѣга величаетъ «налетомъ алмазовъ небородныхъ». Есть два-три сонета, болѣе простыхъ и понятныхъ, въ которыхъ г. Минскій спускается до пониманія обыкновенныхъ смертныхъ. Въ нихъ нѣтъ такой вычурности и напыщенности, какъ во всѣхъ остальныхъ, хотя и они страдаютъ тяжеловѣсностью формы, чего именно въ сонетѣ не должно быть. Таковъ сонетъ «Ты жизни путь прошла. спокойна и блѣдна» и другой: «Портретъ»:

Ея глаза не жгутъ. Какъ въ тучѣ блѣдно-сѣрой,
Еще въ нихъ спитъ гроза и дремлетъ шумъ страстей,
Ея слова не льстятъ, но красотой и мѣрой
Ласкаютъ чуткій слухъ, усталый отъ рѣчей.

Она закалена гордынею и вѣрой,
Но видъ застѣнчивый хранитъ въ кругу людей.
И геній творчества не разъ являлся ей
То сфинксомъ вдумчивымъ, то рѣзвою химерой.

Ея душа была задумана Творцомъ
Весной, въ день облачный, предъ первою грозою,
Въ тотъ мигъ безвѣтренный, покуда надъ землею
Сверкнула молнія, но не раздался громъ.

Въ ней страшный кликъ борьбы мирится съ тишиною
И правды рѣзкій лучъ—съ туманно-грустнымъ сномъ.

Лучшимъ произведеніемъ въ сборникѣ намъ кажется первое стихотвореніе «Геѳсиманская ночь», изображающее Христа въ боренія съ одолѣвающей Его слабостью предъ окончательнымъ подвигомъ любви. Общій тонъ этой небольшой поэмы благороденъ и возвышенъ, напоминая произведенія прежняго г. Минскаго, когда онъ еще не шествовалъ на ходуляхъ къ «новой красотѣ», не мнилъ себя «непобѣднымъ» борцомъ за новыя слова и умѣлъ разбираться между двумя путями—добра и зла. И дѣйствительно, стихотвореніе это написано имъ давно, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, такъ что къ «новымъ пѣснямъ» оно не имѣетъ никакого отношенія и среди нихъ звучитъ рѣзкими диксонансомъ.

П. П. Гнѣдичъ. Купальные огни. Романъ. 1901 г. Ц. 2 р. Можно держать какое угодно пари, что ни одинъ читатель не угадаетъ, что означаетъ заглавіе этого весьма объемистаго романа. Авторъ, очевидно, въ восторгѣ отъ собственной замысловатости, и только въ самомъ концѣ романа, на 742-й страницѣ, онъ разъясняетъ свое мудреное заглавіе. Купальные огни это тѣ костры, которые зажигаютъ въ ночь на Ивана Купалы. По народному повѣрью, ихъ можно зажигать только «живымъ огнемъ», который получается отъ тренія кусковъ сухого дерева. Но какое все это имѣетъ отношеніе къ роману, становится понятнымъ только на страницѣ 743, гдѣ героиня поясняетъ, что «человѣкъ не можетъ жить, если въ немъ нѣтъ живого огня». Только добравшись до этого разъясненія, читатель начинаетъ понимать, что къ чему и въ какомъ смыслѣ понимать надлежитъ въ этой длинной исторіи, повѣствующей о любовныхъ приключеніяхъ нѣкоего князя Олсуфьева, избранницы его сердца—благородной дѣвицы Мери и одной купеческой дѣвицы Варвары. Мѣсто дѣйствія одно министерство, самое почтенное, по увѣренію автора, гдѣ министромъ служитъ дядя благородной дѣвицы. Послѣдняя ведетъ себя весьма таинственно, то привлекаетъ, то отталкиваетъ героя, даже пытается отравиться и наконецъ, чтобы окончательно его не то побѣдить, не то оттолкнуть, вручаетъ ему свой дневникъ. Изъ этого послѣдняго герой узнаетъ, что благородная Мери имѣла несчастье поскользнуться. Этотъ несчастный случай и потушилъ въ ней «живой огонь», послѣ чего она уже не могла ожить, не смотря на усилія двухъ благородныхъ героевъ оживить ее. Сначала эту попытку дѣлаетъ человѣкъ, по увѣренію автора, необычайной воли, и когда терпитъ неудачу, рѣшаетъ «поступить» въ священники, чтобы отдать свою жизнь на служеніе народу. Мы его встрѣчаемъ уже священникомъ во второй части романа. Судя по всему, авторъ, ни мало не смущаясь, списалъ своего героя съ извѣстнаго священника, бывшаго богатаго помѣщика, о. Т—го, одно время сильно нашумѣвшаго своей склонностью къ католицизму. Зачѣмъ понадобилось автору сдѣлать изъ извѣстнаго дѣятеля какого-то шута гороховаго—дѣло его. Намъ остается развѣ подивиться такой развязности, хотя пріемъ этотъ далеко не новый и носитъ онъ въ литературѣ вполнѣ опредѣленное, правда, далеко не почетное названіе. Вторую попытку оживить поскользнувшуюся дѣвицу дѣлаетъ нашъ князь, и тоже терпитъ неудачу. Дѣвица никакъ не хочетъ забыть о своемъ несчастіи, хотя оба героя, какъ оно и подобаетъ героямъ, не только великодушно относятся къ ея несчастію, но вполнѣ справедливо его оцѣниваютъ, убѣждая ее забыть прошлое, какъ нелѣпый сонъ. Дѣвица, пожалуй, и была бы согласна, и даже видимо склонна послѣдовать столь разумному совѣту, но

ревнивый авторъ всякій разъ тутъ какъ тутъ. Замогильнымъ голосомъ онъ не медля начинаетъ напѣвать ей а ля Мефистофель: «о, вспомни о дняхъ, какъ была ты невинна и какъ ангелъ чиста!»—и дѣвица моментально измѣняетъ свое рѣшеніе покрыть вѣнцомъ старый грѣхъ къ великому удивленію ничего не понимающаго читателя. Дѣло между тѣмъ очень простое,—согласись она на предложеніе того или другого претендента, не было бы и романа, и г. Гнѣдичъ не написалъ бы сорока листовъ печатнаго вздора, а «Недѣля», помѣстившая его у себя, не могла бы хвастать предъ прочими журналами, которые печатаютъ разныя тамъ повѣсти и повѣстушки, «а у меня романъ», какъ пренаивно заявляетъ объ этомъ ея журнальный обозрѣватель въ № 1 за 1901 г... А что же другая дѣвица изъ купеческаго сословія? спроситъ иной читатель. Это нѣчто совсѣмъ уже «недѣльное» и «несосвѣтимое», какъ говоритъ какой-то персонажъ у Гл. Успенскаго. При первомъ же выступленіи въ романѣ, она, не тратя лишнихъ словъ, отдается князю Олсуфьеву такъ, здорово живешь, безъ всякихъ резоновъ. Дальше узнаемъ, что сей счастливецъ былъ «второй и... послѣдній», и затѣмъ дѣвица благополучно выходитъ замужъ за англизированнаго купца. Вотъ и все, рѣшительно все, и если кто намъ не вѣритъ, пусть въ наказаніе за свой скептицизмъ прочтетъ увѣсистый романъ г. Гнѣдича. Тамъ онъ найдетъ еще разные плоды вдохновенія сего неунывающаго россіянина, въ родѣ, напр., литератора, беллетриста-народника, который по рекомендаціи своего пріятеля, того же князя Олсуфьева, поступаетъ на службу въ «лучшее изъ министерствъ» и дебютируетъ тамъ... рядомъ доносовъ. Есть еще благодѣтельный купецъ стараго типа Вобловъ, считающійся въ тридцати милліонахъ, доходы съ которыхъ тратитъ на добрыя дѣла. Есть... многое разное есть тамъ, нѣтъ только одного—«живого огня», отсутствіе котораго въ своей душѣ г. Гнѣдичъ блистательно доказалъ еще разъ, если только это требовалось доказывать.

Ал. Н. Будищевъ. Лучшій другъ. Романъ. 1901 г. Ц. 1 р. Въ одномъ изъ нашихъ обзоровъ мы замѣтили, что романъ куда-то исчезъ, и вмѣсто него пошли разсказы и очерки. Между тѣмъ вотъ уже второй романъ, хотя и не столь объемистый по размѣру, какъ только что нами указанный, за то «еще страшнѣй, еще чуднѣй»:

Вотъ ракъ верхомъ на паукѣ,
Вотъ черепъ на гусиной шеѣ
Вертится въ красномъ колпакѣ,
Вотъ мельница въ присядку пляшетъ,
И крыльями трещитъ и машетъ.

Въ «Лучшемъ другѣ» трещитъ и пляшетъ не одинъ, а два друга, изъ коихъ одинъ «сверхъ-человѣкъ», а другой—«сверхъ-мерзавецъ». Первый Опалихинъ, изъ дворянъ помѣщиковъ, бойко ведетъ свое хозяйство и разводитъ между дѣломъ рацеи о томъ, что онъ — сила и, какъ таковая, въ правѣ дерзать на все, а потому, за отсутствіемъ чего-либо болѣе существеннаго, посягаетъ на жену второго. Послѣдній, купецъ Кондаревъ, тоже малый не промахъ, и съ чисто русской смѣткой пускаетъ въ ходъ старое, но вѣрное средство: бьетъ того не коломъ, а рублемъ. Эту простую механику портитъ ему нѣсколько г. Будищевъ. Кондаревъ задумываетъ подсунуть Опалихину сорокъ пять тысячъ рублей въ карманъ, съ тѣмъ, чтобы обвинить его потомъ въ кражѣ этихъ денегъ. А г. Будищевъ, который, очевидно, только въ воображеніи видѣлъ такую уйму денегъ, заставляетъ его упрятать эту сумму подъ обложку записной карманной книжечки, куда и сотню рублей засунуть трудно. Въ самомъ дѣлѣ, пусть читатели представятъ себѣ сорокъ пять тысячъ хотя-бы въ сторублевыхъ бумажкахъ, получится увѣсистый томъ въ 450 листовъ плотной бумаги, не тоньше вселенской, и такой-то томище г. Будищевъ ухищряется спрятать подъ обложку карманной книжечки! Видимое дѣло, авторъ никогда не видѣлъ въ

дѣйствительности такихъ денегъ, а только осязалъ ихъ въ сладкихъ мечтаніяхъ. Съ такимъ же реализмомъ и такой же достовѣрностью, какъ и этотъ центральный пунктъ романа, описывается душевная жизнь и борьба двухъ героевъ—«сверхъ-человѣка» и «сверхъ мерзавца», около которыхъ сгруппированы разныя чудища, вполнѣ характеризованныя въ приведенныхъ выше стихахъ. Но что умѣстно въ чудномъ описаніи сна Татьяны, столь же мало подходитъ къ дѣйствительной жизни, которую яко-бы живописуетъ г. Будищевъ и вмѣсто которой получилась «сверхъ-чепуха». Жена Кондарева сходитъ съ ума, а Опелихинъ, извѣдавъ на опытѣ ловкость г. Будищева прятать по карманамъ цѣлые тома, спѣшитъ отдать себя въ руки правосудія. Чего добраго, авторъ, разохотившись, и не то бы еще съ нимъ сдѣлалъ!

Библіотека великихъ писателей. Шиллеръ. Т. I. Изд. Брокгауза и Ефрона. Спб. 1901 г. Подъ ред. С. А. Венгерова. Съ эстампами и рисунками. Ц. 6 р. Новое изданіе полнаго собранія сочиненій Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей представляетъ, какъ по внутреннимъ, такъ и по внѣшнимъ достоинствамъ, выдающееся явленіе на нашемъ книжномъ рынкѣ. Вышедшій недавно первый томъ, въ который вошли стихотворенія, небольшая драма «Семела» и двѣ драмы—«Разбойники» и «Заговоръ Фіеско», изданъ не только роскошно, но съ такой любовной тщательностью во всѣхъ мелочахъ, какой не дождался до сихъ поръ ни одинъ русскій писатель, не исключая и Пушкина. При общей редакціи такого внимательнаго и опытнаго редактора, какъ С. А. Венгеровъ, въ изданіи принимаютъ участіе лучшіе знатоки европейской литературы и спеціалисты, какъ-то профессора Кирпичниковъ, Зѣлинскій, Батюшковъ, Дашкевичъ, Карѣевъ, литераторы Горнфельдъ и Вейнбергъ. Біографическій очеркъ принадлежитъ проф. Кирпичникову, каждое крупное произведеніе сопровождается вступительнымъ очеркомъ, всѣ стихотворенія снабжены комментаріями, приводятся варіанты, новые переводы сопоставлены съ прежними, сдѣлана оцѣнка тѣхъ и другихъ, собрана литература о каждомъ и указаны *всѣ* существующіе на русскомъ языкѣ. Комментаріи, сдѣланныя самимъ редакторомъ и А. Г. Горнфельдомъ, составили почти десять листовъ петита въ два столбца, и сами по себѣ представляютъ огромный интересъ. Какъ любопытную подробность, считаемъ необходимымъ отмѣтить, что почтенный редакторъ снабдилъ свои примѣчанія портретами всѣхъ переводчиковъ Шиллера, среди которыхъ есть такіе рѣдкіе, какъ напр., Струговщикова, Мина, Михаила Михайлова, и всѣхъ новѣйшихъ. Довольно странно, впрочемъ, встрѣтить рядомъ съ портретами Жуковскаго и Лермонтова физіономію г.г. Льдова или Коринфскаго, но этотъ въ сущности невинный курьезъ объясняется излишней библіографической ревностью редактора. Примѣчанія помѣщены отдѣльно отъ текста, что значительно облегчаетъ чтеніе: заинтересовавшись тѣмъ или инымъ произведеніемъ, читатель найдетъ и самъ въ «Примѣчаніяхъ» нужныя ему поясненія, и въ тоже время никакіе «подстрочники» не отвлекаютъ его вниманія и не портятъ общаго художественнаго вида текста.

Главное, конечно, достоинство изданія—это текстъ, и въ этомъ отношеніи редакція сдѣлала далеко не все, что отъ нея зависѣло, чтобы удовлетворить болѣе или менѣе взыскательнаго читателя. Изъ 272 стихотвореній 81 переведены вновь, а въ примѣчаніяхъ даны лучшія изъ старыхъ, не вошедшихъ въ текстъ, и разные варіанты, нѣкоторые цѣликомъ, старые переводы тоже даны съ выборомъ, причемъ для сравненія даны опять варіанты, въ выдержкахъ и цѣликомъ, такъ что не только формы, но и духъ поэта получаютъ полное и всестороннее освѣщеніе. Это вѣрно, но выборъ стихотвореній въ текстѣ не всегда хорошъ. Въ текстъ попали переводы, которымъ скорѣе мѣсто въ примѣчаніяхъ: тяжеловѣсные и прозаическіе переводы Фета, напр., или совсѣмъ неудачные г. Случевскаго. Что касается новыхъ переводовъ, то, помимо языка ихъ, бо-

лѣе намъ близкаго, они отличаются близостью къ подлиннику, но не всѣ выдержанностью настроенія. Каждая драма сопровождается вступительной статьей, въ которой даны всѣ необходимыя поясненія, указаны источники для сюжета и приводится литература. Образцомъ такихъ статей можетъ служить вступительный этюдъ проф. Кирпичникова къ «Разбойникамъ».

Особую прелесть изданію даютъ чудесные эстампы и рисунки въ текстѣ. «Подборъ иллюстрацій,—говоритъ почтенный редакторъ изданія,—обусловленъ историко-литературными цѣлями. Выборъ остановился на тѣхъ, которыя либо даютъ внѣшній обликъ эпохи—костюмы, зданія, виды и т. п., либо особенно характерно выражаютъ *нѣмецкое пониманіе* Шиллера». Издатели воспользовались для этой цѣли фотогравюрами «Schiller-Gallerie» въ Мюнхенѣ, извѣстной больше подъ именемъ Каульбаховской. Выполненіе ихъ превосходно, въ особенности хороши эстампы къ «Пѣснѣ о колоколѣ». Всѣхъ эстамповъ около двадцати, а рисунковъ въ текстѣ масса. Они прекрасно дополняютъ общій колоритъ возвышенности и идеализма, отличающій поэзію Шиллера. *А. Б.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

М. Волкова и *В. Вольфсонъ*. «Бесѣды о здоровьи. Для народа». *А. П. Лукинъ*. «Отголоски жизни».

Бесѣды о здоровьи. Для народа. Составили женщина-врачъ Марія Волкова и канд. естеств. наукъ Владиміръ Вольфсонъ. Ц. 50 к. Изд. Губинскаго Спб. 1899 г. Пусть не удивляются читатели, что книгу, трактующую, повидимому, о здоровьѣ, мы помѣстили въ отдѣлѣ публицистики. Никакого отношенія къ гигіенѣ, какъ къ наукѣ, эта книга не имѣетъ, зато она преисполнена публицистическаго жара, съ которымъ авторы ниспровергаютъ установленныя наукой положенія и силятся поставить на ихъ мѣсто собственныя открытія совсѣмъ особаго рода. Такъ какъ книга, по словамъ предисловія, написана спеціально для народа и была предварительно напечатана въ приложеніи къ «Сельскому Вѣстнику»,—органу, издаваемому тоже исключительно для народа и разсылаемому *обязательно* во всѣ волостныя и сельскія управленія,—то пылъ и жаръ нашихъ авторовъ вполнѣ понятенъ. Какъ прежде дѣлались книги ad usum delphini, такъ женщина-врачъ Марія Волкова купно съ кандидатомъ естественныхъ наукъ Владиміромъ Вольфсономъ задались цѣлью сдѣлать особую гигіену для народа. Дѣлается это просто, и если, какъ увидимъ ниже, дѣлается весьма скверно, то это ужъ дѣло вкуса. Сами авторы, по крайней мѣрѣ, вполнѣ довольны собой и въ послѣсловіи скромно, но «твердо» заявляютъ: «мы твердо вѣримъ, что среди нашего многомилліоннаго населенія найдутся многіе, которые воспользуются нашей книгой для улучшенія своего быта».

Почти половина книги—77 изъ 174 стр.—отведена вопросамъ питанія, и авторы съ перваго абцуга смѣло берутъ быка за рога: «Напрасно думаютъ, что человѣкъ по мѣрѣ увеличенія своего достатка, долженъ перейти отъ растительной пищи къ мясной. Въ дѣйствительности (?) произошло обратное: много тысячъ лѣтъ тому назадъ, когда люди не занимались еще хлѣбопашествомъ (какъ и теперь еще многіе дикіе и кочевые народы), а главнымъ способомъ ихъ существованія была охота, а потомъ скотоводство, они питались исключительно мясной пищей; требовались цѣлые вѣка для того, чтобы люди поняли всѣ выгоды домашней осѣдлой жизни, обратились отъ охоты и скотоводства къ земледѣлію, т.-е. перешли отъ мясной пищи къ растительной. Если бы растительная пища была вредна, не сытна, то съ какой стати человѣкъ сталъ-бы

трудиться надъ землей, пахать, боронить, удобрять, сѣять, жать. молотить, когда стоитъ лишь взять оружіе, убить дичину и изжарить ее? Но если человѣкъ предпочелъ тяготу земли охотѣ, скотоводству и рыбной ловлѣ, то стало быть (?), растительная пища оказалось для него здоровѣе; иначе земледѣльческіе народы вымерли бы, а на самомъ дѣлѣ вымираютъ народы охотничьи, а также кормящіеся скотоводствомъ и рыбной ловлей исключительно» (стр. 32). Мы не будемъ останавливаться на этой курьезной соціологіи, гдѣ причины и слѣдствія перепутаны,—это превосходное «стало быть» наповалъ убиваетъ всѣхъ скептиковъ. Далѣе авторы еще и еще повторяютъ, что «мясную пищу надо признать пищей богатыхъ, а для народа это лакомство въ большіе праздники, и *горевать объ этомъ нечего*: мы увидимъ, что есть возможность питаться и сытно, и дешево, и вкусно, безъ всякаго мяса. Нужно только чуть-чуть измѣнить условія хозяйства и улучшить, хоть немного, способы приготовленія пищи» (стр. 42). Какъ же это сдѣлать? Такъ какъ растительной пищѣ посвящено главное вниманіе, то мы и перейдемъ къ ней, отмѣтивъ только любопытное открытіе, занесенное женщиной-врачемъ въ главу о молокѣ. Г-жа Марія Волкова пишетъ: «Давно также извѣстно, что молоко легко закисаетъ, когда его доила женщина во время мѣсячныхъ очищеній» (стр. 49—50). Кому это было до сихъ поръ извѣстно? «Богомолкамъ, бабамъ умнымъ» и ихъ послѣдователямъ, теперь же, благодаря авторитету *женщины-врача*, этотъ любопытный фактъ слѣдуетъ занести во всѣ курсы гигіены.

Какъ ни любопытно такое открытіе, оно все же ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ переворотомъ въ питаніи, какой долженъ произойти благодаря важнѣйшему, по истинѣ, мирового значенія, открытію все тѣхъ же благодѣтелей человѣчества. На стр. 57 констатируется, что питаніе хлѣбомъ «объясняется дешевизной его, а еще болѣе—*вѣками установившеюся привычкой, а не его питательностью*». Тогда какъ существуетъ другая, «болѣе питательная и удобоваримая растительная пища», и на послѣдующихъ страницахъ доказывается, что хлѣбъ плохая пища и по существу, и по тому, какъ его приготовляютъ, Напр., мы привыкли думать, что чѣмъ лучше хлѣбъ смолоть, тѣмъ онъ питательнѣе. Но на стр. 60 и 67 наши авторы утверждаютъ: «Самыя лучшія, стоющія многія тысячи рублей, паровыя мельницы хуже простыхъ ломашнихъ, такъ какъ эти послѣднія даютъ хотя и болѣе грубую, но болѣе питательную муку», и предлагаютъ потѣшную ручную мельницу, которая выбрасывала бы середину зерна, а молола кожуру. «Повторяемъ,—тверлятъ наши гигіенисты,—высокіе сорта муки бѣднѣе бѣлковиной и солями». Черный и бѣлый хлѣбъ *мало отличаются*. Хлѣбъ своего приготовленія изъ крупно смолотой или толченой муки авторы особенно рекомендуютъ, потому что «онъ тяжелый, крѣпкій, такъ что его надо хорошенько пережевывать, *что очень полезно*» (63 стр). Отруби и хлѣбныя ости *усиливаютъ пищеварительную дѣятельность* желудка и кишекъ. Овесъ оказывается удобоваримѣе и питательнѣе пшеницы и ржи, и люди только по невѣжеству уступили его лошадямъ. Послѣ того, какъ при помощи «Сельскаго Вѣстн.» нашъ многомилліонный народъ достаточно проникнется ученіемъ г.г. Волковой и Вольфсона, такое ненормальное положеніе вещей, конечно, измѣнится.

Доказавъ негодность хлѣба вообще, авторы, наконецъ, открываютъ истомленному народу, гдѣ лучшая и питательнѣйшая пища: это горохъ, бобы и чечевица. «Что за причина, что народъ нашъ такъ пристрастился къ хлѣбу, этой малопитательной, тяжелой и неудобоваримой пищи?.. Мы утверждаемъ: питанье хлѣбомъ можетъ быть оправдано развѣ давностью»,—говорятъ авторы и побѣдоносно ниспровергаютъ эту давность своимъ аттестатомъ, какой они выдаютъ бобовымъ растеніямъ. По ихъ увѣренію, «стручковые плоды по содержанію бѣлковины питательнѣе не только хлѣба, но даже мяса» (стр. 69). Го-

рохъ рекомендуется особливо, какъ такая пища, «которою человѣкъ можетъ также хорошо питаться, какъ мясомъ, съ тою *только* разницей... что гороха нужно съѣдать почти *втрое* больше, чѣмъ мяса». Это скромное «только втрое» ни мало смущаетъ нашихъ гигіенистовъ, которымъ ни почемъ опыты извѣстныхъ гигіенистовъ, доказавшихъ, что горохъ слишкомъ тяжелъ, мало питателенъ и плохо усвояется, почему *никогда* не можетъ замѣнить хлѣба, не говоря уже о мясѣ. Очевидно, г-жа Волкова и г-нъ Вольфсонъ пришли въ такой восторгъ отъ пресловутой гороховой колбасы, которою одно время кормили нѣмецкаго солдата, что позабыли справиться въ учебникахъ гигіены относительно пищевыхъ достоинствъ гороха и другихъ рекомендуемыхъ ими растеній. Говоря напр., о кукурузѣ, они ни однимъ словомъ не обмолвились насчетъ особой болѣзни, вызываемой ею—пелагры. То-же самое они забыли сдѣлать и относительно чечевицы, отъ которой во время голода 1892 г. у насъ перехворало масса народа. Въ заключеніе они предвидятъ цѣлый переворотъ отъ введенія стручковыхъ плодовъ въ пищевой обиходъ: «Если бы народъ перешелъ на иную пищу, а именно на стручковые плоды, главнымъ образомъ горохъ и русскіе бобы, требующіе, въ виду значительной питательности своей, гораздо меньшей посѣвной площади и гораздо болѣе выносливые, то, по нашему глубокому убѣжденію, благосостояніе народа поднялось бы въ высокой степени, и прекратились бы нескончаемые недороды и неурожаи, въ борьбѣ съ которыми безсильны и правительство, и земство, и народъ... Не знаемъ, скоро ли наступитъ это время, но что оно наступитъ, въ этомъ мы не сомнѣваемся. Когда нибудь должны же люди понять, что питаться хлѣбомъ и невыгодно, и неразумно, когда существуютъ растенія, несравненно болѣе выносливыя, чѣмъ хлѣбныя, и доставляющія пищу втрое, вчетверо болѣе питательную. Держаться вѣковыхъ привычекъ похвально только тогда, когда онѣ разумны; но держаться ихъ только потому, что онѣ давно укоренились, не слѣдуетъ» (стр. 83 — 85).

Теперь читатели поймутъ, почему мы отнесли книгу по гигіенѣ женщины-врача и кандидата естественныхъ наукъ—къ публицистикѣ. Наука тутъ рѣшительно не при чемъ. Авторы фальсифицируютъ науку въ цѣляхъ публицистики особаго сорта, что и выполнили въ разсчетѣ на невѣжество своихъ читателей. Если отбросить это предположеніе, то мы рѣшительно не можемъ понять, какъ женщина-врачъ могла наговорить такую кучу завѣдомыхъ нелѣпостей? Или это все легкомысліе, или грубѣйшее невѣжество. Предоставляемъ г-жѣ Маріи Волковой и г-ну Владиміру Вольфсону выбрать самимъ, что имъ больше нравится *). А. Б.

А. П. Лукинъ (Скромный наблюдатель). Отголоски жизни. Два тома. Москва 1901. Цѣна 2 р. 50 к. Изд. автора. Подъ такимъ многообѣщающимъ заглавіемъ г. Скромный Наблюдатель издалъ свои фельетоны, печатавшіеся на протяженіи 35 лѣтъ въ разныхъ столичныхъ изданіяхъ, въ послѣдніе годы въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Фельетонъ въ періодической печати занимаетъ очень видное мѣсто, служа дополненіемъ и развитіемъ тѣхъ мыслей и того направленія, которыя составляютъ сущность содержанія газеты. Но, какъ и сама газета, онъ является лишь однимъ моментомъ въ жизни литературы, одному лишь моменту посвященъ, съ нимъ живетъ и умираетъ. Отъ фельетона тре-

*) Въ № 48 «Врача» за 1900 г. мы нашли обстоятельную рецензію той же книги, принадлежащую профессору Г. Хлопину, который заканчиваетъ свой превосходный разборъ слѣдующими словами: «Бесѣды о здоровьѣ г-жи *Волковой* и г-на *Вольфсона* я считаю не только не пригодными для народа, но прямо вредными для всякаго читателя, не могущаго отнестись къ нимъ критически, и могу только пожалѣть, что они уже были напечатаны въ народномъ журналѣ». Въ цѣляхъ возможно широкаго распространенія свѣдѣній объ этой зловредной книгѣ, мы рѣшили помѣстить настоящую рецензію хотя и запоздалую по времени. *Ред.*

буется прежде всего живость и яркость въ изображеніи даннаго факта или общественнаго явленія, и, что въ особенности важно для фельетона, — *настроеніе* данной минуты. Это послѣднее дѣлаетъ его еще болѣе временнымъ и летучимъ, вслѣдствіе чего самый лучшій фельетонъ въ сравнительно короткое время теряетъ интересъ, выдыхается, что называется, такъ какъ улетучивается настроеніе, вызвавшее его, а вмѣстѣ съ тѣмъ тускнѣетъ и «отголосокъ жизни»— фельетонъ, вдохновленный этимъ настроеніемъ.

Въ свое время и на своемъ мѣстѣ въ газетѣ фельетоны «Скромнаго Наблюдателя» могли имѣть и имѣли нѣкоторое значеніе. Говоримъ «нѣкоторое», такъ какъ г. Лукинъ всегда былъ весьма посредственнымъ фельетонистомъ. У него нѣтъ ни блестящей, яркой, рѣзкой формы, ни остроумія, которое «безъ ножа рѣжетъ», ни глубины мысли, которая помогла-бы автору освѣтить явленіе, выяснить сущность факта и вылущить его общественное значеніе. Какъ писатель, г. Лукинъ не обладаетъ оригинальной физіономіей, у него нѣтъ индивидуальности, почему и все, имъ написанное, не выдѣляется на страницахъ органа, гдѣ онъ пишетъ. Его фельетонъ, по большей части, заключается въ расплывчатомъ и сѣромъ пересказѣ событія съ подобающей моралью отъ имени автора. Мы не помнимъ, чтобы когда-либо перо его загорѣлось огнемъ негодованія или чтобы его фельетонъ былъ проникнутъ убійственнымъ сарказмомъ, даже былъ просто веселъ и остроуменъ. Обыкновенно, это—приличная банальность, отъ которой читателю ни тепло, ни холодно, хотя читатель и готовъ согласиться почти всегда съ авторомъ, что данный фактъ—скверный фактъ, или что такой-то имя рекъ одобренія не заслуживаетъ. Тѣмъ болѣе всѣ эти недостатки г. Лукина сказываются теперь, когда описываемыя имъ явленія уже отошли назадъ, заслоненныя новыми, когда интересъ многаго изъ его фельетоновъ утраченъ совсѣмъ, а остальное въ его сѣромъ и скучномъ пересказѣ утратило всякую жизненность. Первый томъ, напр., открывается разсказомъ «изъ добраго стараго времени», эпохи до уничтоженія крѣпостного права. Разсказъ въ смыслѣ художественномъ прямо никчемный, а въ смыслѣ бытовомъ не прибавляетъ ни одной черточки къ тому, что такъ великолѣпно описано у Щедрина въ его «Пошехонской старинѣ» или у Терпигорева въ его «Потревоженныхъ тѣняхъ». Таковъ же ничтожный очеркъ «Тѣни минувшаго» и «новелла»—«Губернаторскій котъ». Далѣе идетъ рядъ «очерковъ» изъ судебной хроники, подъ общимъ заглавіемъ «На скамьѣ подсудимыхъ», гдѣ г. Лукинъ съ необычайной добропорядочностью казнитъ злодѣевъ и защищаетъ добродѣтель. Все это дѣлаетъ ему несомнѣнную честь, но кому интересенъ его мертвый пересказъ знаменитыхъ нѣкогда процессовъ, въ родѣ дѣла Струсберга, игуменьи Митрофаніи или Савы Мамонтова? Также мало затронутъ кого-либо и «Наши спеціальные корреспонденты», гдѣ вяло и неостроумно описано, какъ переругивались во время оно гг. Суворинъ и Баталинъ, или «О поврежденіи литературныхъ нравовъ»—исторія какихъ-то проходимцевъ братьевъ Идельсоновъ, надувшихъ нѣсколько редакцій своими якобы корреспонденціями «съ мѣста». Можетъ быть, все это въ свое время и на своемъ мѣстѣ и было нужно, даже интересно, но теперь-то кому какое дѣло до всего этого прошлаго? И зачѣмъ было извлекать его на свѣтъ Божій?

Не зачѣмъ—вотъ единственный отвѣтъ читателя, и потому не зачѣмъ, что никакой жизни въ «Отголоскахъ» г. Лукина нѣтъ. Эту жизнь придаетъ только талантъ, отсутствіе котораго составляетъ такой существенный недостатокъ въ фельетонахъ г. Скромнаго Наблюдателя вообще, а въ «Отголоскахъ жизни» этотъ недостатокъ усугубляется еще и временемъ, которое отдѣлило насъ отъ большей части излагаемыхъ имъ фактовъ. Можно быть и безъ особаго таланта полезнымъ газетнымъ или журнальнымъ работникомъ, каковымъ, несомнѣнно, является почтенный авторъ фельетоновъ «Русскихъ Вѣдомостей», но лишь въ ансамблѣ, въ ряду другихъ, дополняя ихъ и будучи дополняемъ ими. Выдѣ-

ливъ свои фельетоны въ отдѣльное изданіе, г. Скромный Наблюдатель лишилъ ихъ той обстановки, въ которой они только и могли имѣть значеніе.

А. Б.

ИСТОРІЯ РУССКАЯ.

Д. М. Лёвшинъ. «Т. Н. Грановскій».

«Т. Н. Грановскій», Д. М. Лёвшина. (Опытъ историческаго синтеза). Спб. 1901 г. Въ послѣднее время Грановскій довольно часто привлекалъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Послѣ извѣстной біографіи А. Станкевича (вышедшей въ 1869 г. и переизданной въ 1897 съ присоединеніемъ цѣлаго тома переписки) появился цѣлый рядъ частныхъ характеристикъ Грановскаго (профессоровъ: Карѣева, Виноградова, Мякотина, Милюкова) и популярная монографія г. Вѣтринскаго («Т. Н. Грановскій и его время»). Казалось бы, что и личность, и историческое міровоззрѣніе Грановскаго, и его значеніе въ нашей общественной жизни достаточно выяснены и, такъ сказать, безспорно зарегистрированы. Чѣмъ же вызвано появленіе книжки г-нъ Левшина? Повидимому, рѣшающимъ былъ чисто психологическій импульсъ: въ предисловіи авторъ разсказываетъ, какъ однажды въ Александринскомъ театрѣ, на представленіи драмы «Старый закалъ», онъ былъ свидѣтелемъ шумныхъ апплодисментовъ, вызванныхъ воспоминаніями одного актера о Грановскомъ. Г. Левшинъ по этому поводу задался вопросомъ, чѣмъ объясняется такое постоянное и единодушное отношеніе къ Грановскому, и его книжка должна была служить отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Объяснять возникновеніе ея появленіемъ новыхъ матеріаловъ не приходится, ибо новыми матеріалами, именно перепиской Грановскаго, г. Левшинъ спеціально не интересуется: детальное и конкретное воспроизведеніе жизни и личности Грановскаго его мало занимаетъ. Онъ преслѣдуетъ иныя цѣли. Онъ называетъ свою книгу «опытомъ историческаго синтеза» и ставитъ задачею представить «попытку синтеза взаимодѣйствія соціологическихъ и психологическихъ данныхъ». Въ чемъ же, по мнѣнію автора, долженъ состоять историческій синтезъ? Его синтезъ есть употребленіе въ дѣло того запаса разнохарактерныхъ свѣдѣній, который оказался въ наличности у автора, то есть чисто диллетантскій наборъ самыхъ пестрыхъ данныхъ, кое-какъ связанныхъ между собой. Его синтетическая картина русской общественности туго набита всевозможными отрывочными и случайными сообщеніями, часто совершенно некстати пристегнутыми одно къ другому. Такъ, напр., чтобы охарактеризовать положеніе крестьянъ при Николаѣ, онъ приводитъ выдержку изъ Беллами: «Будущій вѣкъ». затѣмъ мы постоянно встрѣчаемъ ссылки на самыя разнообразныя книги, и русскія, и иностранныя: какъ будто авторъ воспроизводитъ здѣсь свою записную книжку, отражавшую различные моменты его чтенія. Всѣ эти клочья, надерганныя изъ самыхъ разнородныхъ источниковъ, авторъ сближаетъ чисто внѣшнимъ образомъ; мысль его капризно слѣдуетъ за случайными ассоціаціями, за воспоминаніями, извлеченными изъ прочитанныхъ книгъ. Того организующаго распоряженія матеріаломъ, которое необходимо для синтеза. той творческой работы, не сближающей только, но претворяющей элементарныя научныя данныя,—нѣтъ и слѣда въ книгѣ г. Левшина. Чтобы внести нѣкоторый порядокъ въ свое изложеніе, онъ прибѣгаетъ или къ собственнымъ обобщеніямъ, носящимъ на себѣ явные слѣды своего эмпирическаго источника – того факта, изъ котораго они извлечены, или же онъ заимствуетъ чужія обобщенія. Для примѣра того, какъ онъ пользуется этого рода обобщеніями, приведемъ слѣдующее мѣсто. Характеризуя отца Грановскаго, г. Левшинъ пишетъ: «Таковъ былъ отецъ Грановскаго,

умершій 8 годами раньше своего сына, которому онъ, не желая того, портилъ, сколько могъ, жизнь и которому, по теоріи Шопенгауера, онъ долженъ былъ передать свой характеръ. Этого, къ счастью, на самомъ дѣлѣ не случилось». Что касается матери,—то, «по теоріи Шопенгауера, она должна была передать ему свой умъ, что какъ разъ и сдѣлала». Часто кажется, что многія обобщенія авторъ внесъ сюда изъ своихъ гимназическихъ тетрадокъ. Тою же наивною серьезностью отзывается стремленіе обставить работу аксессуарами учености: книжка пестритъ ссылками и цитатами. Г. Левшинъ находитъ нужнымъ указывать свой источникъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда приводитъ безспорный и общеизвѣстный фактъ, напр., «Грановскій родился 9 марта 1813 г.» (ссылка). Далѣе: «отъ литературы (ссылка), отъ философіи (опять ссылка на ту же страницу) они перешли къ національному вопросу» (еще ссылка) и т. п. Есть страницы въ этой маленькой книжкѣ, подъ которыми приведено отъ 7 до 10 ссылокъ на одну и ту же книгу и многія изъ нихъ—на одну ту же страницу.

Итакъ, литературный пріемъ автора — мозаическій составъ своей книжки (именно первой половины, заключающей въ себѣ общую характеристику времени) скрѣплять время отъ времени общими соображеніями, подводить подъ соціологическую терминологію, причемъ историческій матеріалъ предлагается читателю часто совершенно обезцвѣченнымъ благодаря пристрастію автора къ схематизаціи,—этотъ пріемъ едва ли можетъ оправдать претензію дать міру новый литературно-историческій жанръ—историческій синтезъ. Отъ этихъ замѣчаній методологическаго характера перейдемъ къ содержанію.

Первая глава, составляющая почти половину книги, посвящена изображенію «синтетической картины русской общественной жизни» во вторую половину царствованія Александра I, и за все царствованіе Николая I. Основное содержаніе этой главы можно выразить въ слѣдующей схемѣ: начиная съ 1812 года, въ русской общественной жизни возникаютъ и вступаютъ въ борьбу между собою два процесса—подражательный, представленный западниками, и творческій, представленный славянофилами, къ которымъ авторъ причисляетъ также и сторонниковъ оффиціальной народности. Теоретическую основу для этой схемы авторъ почерпнулъ у Тарда («Les lois de l'imitation»). «Подражаніе, свойственное дѣтямъ и юношамъ,—знакомитъ онъ читателя съ теоріей Тарда,—что отлично знаютъ родители и воспитатели, свойственно и отдѣльнымъ націямъ... Разъ только нація жизнеспособна и самобытна, она непремѣнно перейдетъ рубиконъ, отдѣляющій періодъ подражанія отъ періода самостоятельной творческой работы. Это законъ». Вооружившись этой формулой, авторъ производитъ смѣлыя операціи надъ русской общественной жизнью, прибѣгая къ насильственнымъ и искусственнымъ толкованіямъ. Такъ, напр., неудача декабрьскаго переворота объясняется тѣмъ, что декабристы воплотили въ себѣ тотъ моментъ, «когда подражательный процессъ не былъ еще настолько слабъ, чтобы уступить мѣсто творческому, а творческій—недостаточно силенъ, чтобы взять верхъ надъ подражательнымъ». Развивая свою схему дальше, г. Левшинъ пишетъ: «Подражательный процессъ продолжалъ расти. Что же касается творческаго процесса, то онъ съ той минуты, какъ имп. Николай объявилъ основаніемъ своей внутренней политики—самодержавіе, православіе и народность, получилъ возможность расти и онъ какъ бы рѣзче обозначился. Съ этой точки зрѣнія правительство было прогрессивно»...

Въ спорѣ между славянофилами и западниками, рѣшающая роль принадлежала Грановскому: онъ далъ молодежи отвѣтъ на вопросъ, «какой изъ двухъ прогрессовъ настоящій прогрессъ — заключающійся въ прекращеніи подражанія или же въ продолженіи его». Въ чемъ же состоитъ этотъ отвѣтъ? «Пятнадцать лѣтъ подъ рядъ профессоръ подъ разными формами повторялъ одно и то же: прогрессъ заключается въ нравственномъ совершенство-

ваніи, совершенствуйтесь сами и этимъ вы будете способствовать совершенствованію своего народа и даже всего человѣчества, которое неудержимо стремится къ осуществленію нравственнаго закона». Итакъ, дилемма между двумя девизами: *подражательнымъ* liberté, égalité, fraternité, конкретно выражавшимся въ требованіи отмѣны крѣпостнаго права и всякаго рода реформъ, и *самобытнымъ*, тоже трехчленнымъ девизомъ: самодержавіе, православіе, народность,—эта дилемма была разрѣшена Грановскимъ призывомъ къ нравственному совершенствованію. Молодежь послѣдовала этому совѣту и «тѣмъ подготовила себя къ дѣятельности шестидесятыхъ годовъ».

Вѣроятно, читатель недоумѣваетъ, по какому логическому процессу синтезъ двухъ *общественныхъ* теорій рождаетъ тезисъ чисто *моральнаго* характера. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, что же авторъ сдѣлалъ съ западничествомъ Грановскаго, которое тотъ несомнѣнно и очень опредѣленно исповѣдовалъ? Нельзя сказать, чтобы г. Левшинъ совсѣмъ не упоминалъ о западничествѣ Грановскаго, но онъ дѣлаетъ это вскользь, какъ бы въ видѣ оговорки, настаивая особенно на его примирительной роли. «Грановскій,—пишетъ онъ между прочимъ,—своимъ обаяніемъ, своимъ авторитетомъ поддержалъ развитіе подражательнаго процесса тогда, когда такой же, какъ и онъ, рыцарь, но царственный, угадавъ простымъ русскимъ сердцемъ существованіе творческаго процесса, рѣшился помочь его развитію державъ ходъ процесса, поддержаннаго московскимъ профессоромъ».

Авторъ заканчиваетъ книгу слѣдующимъ общимъ выводомъ: «Какое же, въ концѣ концовъ, завѣщалъ профессоръ наслѣдство? Фактическое подтвержденіе значенія нравственнаго въ соціальдой жизни вообще и, въ особенности тогда, когда оно соединено съ научнымъ и художественнымъ». Личная характеристика Грановскаго вообще сдѣлана иного лучше, чѣмъ характеристика общества: авторъ былъ связанъ здѣсь опремѣленностью темы, мѣшавшей ему расплываться вширь и вглубь; однако, и эта характеристика грѣшитъ абстрактностью: изъ живыхъ біографическихъ фактовъ авторъ извлекаетъ тѣ или другія черты характера и даетъ схематическое описаніе личности, менѣе всего поддающейся подобному абстрагированію Чтобы понять вліяніе Грановскаго на современниковъ, никакъ нельзя разлагать его живую душу на составляющіе ее элементы,—необходимо сохранить неприкосновеннымъ весь тотъ сложный комплексъ впечатлѣній, который Грановскій производилъ своею личностью непосредственно на всѣхъ, съ нимъ соприкасавшихся. *А. М.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

А. Скворцовъ. «Основы экономики земледѣлія».—«Законодательная охрана труда».—*Э. Вандервельде.* «Притягательная сила городовъ».

А. Скворцовъ. «Основы экономики земледѣлія». Руководство для студентовъ высшихъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Часть I. Ученіе о факторахъ земледѣльческаго хозяйства. 1901. Цѣна 3 рубля. Литература наша по сельскохозяйственной экономіи, или, какъ проф. Скворцовъ предпочитаетъ называть эту отрасль знанія, по «экономикѣ земледѣлія» такъ бѣдна, что настоящая работа не являлась бы ни въ какомъ случаѣ излишней, даже помимо ея огромныхъ положительныхъ достоинствъ.

Проф. Скворцовъ достаточно уже извѣстенъ своими прежними работами («Вліяніе парового транспорта на селькое хозяйство»; «Экономическія причины голодовокъ въ Россіи»; «Основанія политической экономіи»), что бы самое имя его не удостовѣряло того экономическаго направленія, которое выражается и въ настоящей книгѣ, тѣсно примыкающей къ прежнимъ работамъ автора (больше

всего къ труду о «Вліяніи парового транспорта», сокращеннымъ изложеніемъ котораго являются нѣкоторыя главы ея).

Авторъ въ основу всего изложенія кладетъ понятіе «экономики земледѣлія», какъ *науки*, и какъ науку стремится ее излагать. Она по его опредѣленію наука, изучающая взаимодѣйствіе *общественно экономическихъ* и естественно-историческихъ условій земледѣльческаго хозяйства; она изслѣдуетъ *законы* образованія ренты при различныхъ естественныхъ и общественныхъ условіяхъ и указываетъ пріемы, съ помощью которыхъ, при каждой данной комбинаціи условій хозяйства, получается наивысшая, возможная въ данномъ случаѣ рента.

Являясь такимъ образомъ промежуточнымъ звеномъ между двумя обширными группами наукъ, экономія земледѣлія все же остается отраслью обществовѣдѣнія, такъ какъ разсматриваетъ сельскохозяйственный промыселъ съ точки зрѣнія экономическаго результата его. Авторъ считаетъ экономику земледѣлія единственною наукою изъ всѣхъ, преподаваемыхъ въ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ *спеціальныхъ* отраслей знаній, такъ какъ всѣ эти отрасли являются простыми ученіями объ искусствѣ, разсматриваютъ приложеніе къ практикѣ добытыхъ естественными науками разультатовъ, а не устанавливаютъ новыхъ законовъ.

Изложеніе экономики земледѣлія, какъ общественной науки, и составляетъ характерную черту настоящаго труда, отличающую его отъ другихъ подобныхъ работъ на русскомъ языкѣ. Дѣйствительно, оставляя въ сторонѣ недурное въ свое время, но сильно теперь устарѣвшее руководство Людоговскаго, мы, напримѣръ, въ болѣе современномъ учебникѣ Шишкина видимъ сначала шаблонное изложеніе вліяющихъ на организацію сельскаго хозяйства «внутреннихъ» факторовъ—природы, труда и капитала, а затѣмъ мало связанное съ предыдущими разсужденіями описаніе различнаго рода способовъ организаціи частныхъ сельскохозяйственныхъ предпріятій. Лекціи по экономіи сельскаго хозяйства Кабмукова несравненно шире разсматриваютъ предметъ, но то общественное направленіе, котораго придерживается ихъ авторъ мѣшаетъ ему связать отдѣльные вліяющіе на сельское хозяйство элементы въ одну общую картину, выясняющую причинную связь происходящей въ немъ неизбѣжной эволюціи.

Такимъ образомъ, проф. Скворцовъ совершенно правъ, когда въ предисловіи къ своей работѣ говоритъ, что «характеръ той связи, которая существуетъ между общественно-экономическими условіями производства и земледѣльческой техникой и обусловленность однихъ явленій другими, кажется, никогда не были ясно формулированы». «Обыкновенно,—продолжаетъ онъ,—констатируется только самый фактъ засисимости,—фактъ, слишкомъ рѣзко бьющій въ глаза, чтобы онъ могъ остаться незамѣченнымъ, но не указываются причины, благодаря которымъ неизбѣжнымъ результатомъ этой зависимости является тотъ, а не иной характеръ земледѣльческаго производства».

Приступая къ своей задачѣ, авторъ различаетъ факторы сельскохозяйственнаго производства двоякаго рода. Во-первыхъ, факторы внѣшніе (по отношенію къ каждому отдѣльному хозяйству) или общественно экономическіе; во-вторыхъ, внутренніе или техническіе; послѣдними и являются природа, трудъ и капиталъ. Сопоставленіемъ выражающихся въ этихъ факторахъ законовъ экономическихъ и законовъ природы и должны получиться новые законы экономики земледѣлія или образованія ренты.

Лежащій передъ нами томъ и посвященъ изученію въ отдѣльности факторовъ, опредѣляющихъ ту или иную форму раціональнаго хозяйства, т.-е. хозяйства, дающаго при данныхъ условіяхъ наивысшую ренту. Для характера всей книги важно именно то преобладаніе, которое она даетъ внѣшнимъ факторамъ производства. Такъ какъ современное сельское хозяйство является мѣновымъ, т.-е. цѣнность продуктовъ его выражается только во внѣшнихъ отноше-

ніяхъ, овеществляющихся для хозяина въ видѣ цѣны продуктовъ, то такое преобладаніе представляется вполнѣ соотвѣтствующимъ сущности того историческаго періода, который переживаетъ земледѣліе, въ отличіе отъ болѣе первобытныхъ формъ, когда преобладали техническіе факторы и еще болѣе древнихъ временъ натуральнаго, подчиненнаго одному вліянію природы хозяйства.

Первымъ изъ внѣшнихъ факторовъ, по значенію его, авторъ ставитъ паровой транспортъ, вліянію котораго онъ и посвящаетъ наиболѣе интересныя главы книги. Подъ паровымъ транспортомъ онъ подразумѣваетъ то измѣненіе, происшедшее въ теченіе XIX в. въ путяхъ сообщенія, которое допускаетъ перевозку съ одного конца свѣта въ другой даже наиболѣе громоздкихъ продуктовъ, доставило окончательное торжество мѣновому хозяйству, повело къ быстрому росту крупной промышленности и вообще послужило основой для той быстрой эволюціи, которая произошла въ этотъ вѣкъ какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ и въ промышленности. Авторъ даетъ картину того, какъ подъ вліяніемъ мірового обмѣна исчезали старыя системы хозяйства и на ихъ мѣсто возникали новыя, складываясь въ извѣстномъ закономѣрномъ порядкѣ, въ зависимости отъ условій сбыта, отъ близости или отдаленности *рынка* и отъ способовъ сообщенія съ нимъ. Такимъ образомъ, та или иная система хозяйства цѣликомъ обусловливается рынкомъ, требованія котораго опредѣляютъ способы сочетанія внутри хозяйства элементовъ техническихъ—природы, труда и капитала.

Захватывая все новыя страны въ общій круговоротъ, паровой транспортъ вызвалъ послѣдовательную, одинаковую во всѣхъ странахъ эволюцію земледѣлія. Усиливъ сначала интенсивность сельскаго хозяйства въ Англіи, заставивъ ее перейти ступень самаго интенсивнаго хлѣбнаго производства и достичь теперешняго ея состоянія высококультурнаго скотоводства, онъ постепенно двигаетъ въ томъ же направленіи и другія болѣе культурныя и близкія къ городскимъ рынкамъ страны (Францію, Германію, часть Соединенныхъ Штатовъ и даже Россію), «тдавая понемногу ихъ прежнее хозяйственное мѣсто какъ производителей хлѣба болѣе новымъ странамъ, постепенно выходящимъ, въ свою очередь, изъ пережитой ими наиболѣе первобытной формы хозяйства—дикаго скотоводства. Въ этой, зависящей отъ измѣненія всѣхъ условій мірового производства, эволюціи формъ сельскаго хозяйства и кроется причина переживаемаго почти всѣми странами земледѣльческаго кризиса, происходящаго отъ невозможности для сельскаго хозяйства данной страны сразу приспособиться къ новымъ условіямъ рынка и произвести ту эволюцію, въ результатѣ которой должно получиться во всемъ мірѣ «размѣщеніе всѣхъ отраслей хозяйства въ районахъ, наиболѣе благопріятныхъ (съ экономической точки зрѣнія) для производства продуктовъ каждаго рода».

Мы остановились подробнѣе на вліяніи парового транспорта на сельское хозяйство, какъ на части книги проф. Скворцова, являющейся основой для всего его труда и представляющей наибольшій общій интересъ. Авторъ даетъ намъ въ ней полную картину развитія формъ сельскаго хозяйства, поучительную для каждаго лица, желающаго имѣть ясное понятіе о совершающейся вокругъ насъ хозяйственной эволюціи. Изслѣдовавъ значеніе этого «внѣшняго» фактора хозяйства, авторъ переходитъ къ другимъ: къ отношенію хозяйствующаго субъекта къ объекту хозяйства, т.-е. къ вліянію на строй хозяйства формъ землевладѣнія, къ распредѣленію населенія на территоріи и къ мѣрамъ государственной экономической политики. Отмѣтимъ у него подробный анализъ вліянія общины на сельскохозяйственный прогрессъ. Изложеніе вліянія этихъ факторовъ болѣе сжато, отчасти въ виду ихъ меньшаго значенія, отчасти, конечно, и потому, что сами они являются по существу факторами вторичными, зависящими отъ тѣхъ же условій міровыхъ хозяйственныхъ отношеній производства, изложенныхъ въ главахъ о паровомъ транспортѣ.

Во второмъ (меньшемъ) отдѣлѣ книги авторъ разсматриваетъ техническіе факторы земледѣльческаго производства, т.-е. природу и два внутренніе экономическіе фактора хозяйства—капиталъ и трудъ. Отдѣлъ этотъ по самому существу своему болѣе спеціаленъ, хотя и въ немъ имѣются мѣста, представляющія общій интересъ. Таково изслѣдованіе значенія почвы, на ближайшемъ анализѣ свойствъ которой авторъ отчасти строитъ критику существующихъ теорій ренты и выставляетъ вмѣсто нихъ свою собственную теорію, опредѣляющую ренту какъ «избытокъ прибавочной цѣнности надъ суммою прибыли на капиталы хозяйства, которая получается въ земледѣліи благодаря преобладанію въ немъ перемѣннаго капитала надъ постояннымъ» (самая теорія ренты изложена авторомъ не въ настоящей работѣ, а въ его «Основаніяхъ политической экономіи»). По поводу посвященныхъ почвовѣдѣнію параграфовъ книги надо сказать, что предлагаемая авторомъ упрощенная классификація почвъ, несмотря на оговорку его объ исключительно практическомъ ея значеніи, едва ли представляется удовлетворительной, такъ какъ техническая классификація примѣнимая въ практикѣ, возможна только въ предѣлахъ однородныхъ экономическихъ и климатическихъ условій (авторъ самъ указываетъ на то, какимъ успѣхомъ пользовались и пользуются въ Германіи, гдѣ условія эти, въ виду незначительности территоріи, болѣе однородны, самыя грубыя изъ такихъ классификацій); у насъ въ Россіи, именно, благодаря присутствію этихъ усложняющихъ дѣло условій, и возникло стремленіе къ классификаціи научной, разсматривающей почву какъ естественное тѣло, независимо отъ разнородныхъ требованій, предъявляемыхъ къ ней практикою, Съ этой точки зрѣнія надо пожалѣть, что не удѣлено достаточно мѣста неудачной, но весьма поучительной попыткѣ проф. Докучаева построить экономическую бонитировку почвъ на ихъ естественной классификаціи.

Мы изложили содержаніе вышедшей пока первой части труда проф. Скворцова. Въ дальнѣйшемъ онъ предполагаетъ разсмотрѣть сочетаніе внѣшнихъ и техническихъ факторовъ сельскаго хозяйства и результатъ такого сочетанія—различныя системы хозяйства, а затѣмъ перейти къ прикладной части экономики земледѣлія (ученію объ организаціи, администраціи хозяйства, и пр.). Наибольшій интересъ будетъ конечно представлять то, какъ справится авторъ съ такимъ сочетаніемъ столь разнородныхъ факторовъ, какъ общественно-экономическіе и естественно-научные. Изложенное имъ пока вліяніе ихъ въ отдѣльности является только введеніемъ къ этой трудной задачѣ—представить полную картину того, какъ внѣшнія, опредѣляющія размѣръ ренты мѣновыя отношенія отражаются на сложной техникѣ сельскаго хозяйства.

Замѣтимъ нѣкоторую неполноту и устарѣлость приводимыхъ авторомъ цифровыхъ данныхъ. Въ одной изъ своихъ прежнихъ работъ онъ указывалъ на затруднительность имѣть на мѣстѣ (въ Новой Александріи) всѣ необходимые литературные матеріалы; вѣроятно, таже затруднительность отразилась и на настоящемъ трудѣ его. *Б. В—ръ.*

«Законодательная охрана труда». Статьи изъ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften». Переводъ подъ редакціеи М. Туганъ-Барановскаго. Изданіе М. И. Водовозовой. С.-Петербургъ. 1901 г. Цѣна 1 р. 60 к. Настоящая книга является уже седьмымъ, выпускаемымъ издательницей, сборникомъ статей изъ извѣстнаго нѣмецкаго «Словаря государственныхъ наукъ» и представляетъ по своему содержанію не меньшій, чѣмъ предшествовавшіе сборники, интересъ. Она является переводомъ, главнымъ образомъ, одной статьи словаря (Arbeiterschutzgesetzgebung) съ добавленіемъ трехъ болѣе мелкихъ статей (рабочее время, нормальный рабочій день и воскресный трудъ).

Соотвѣтственно всему характеру словаря, изложеніе книги строго фактическое, сжатое, нѣсколько академическое, но дающее читателю, котораго не

остановитъ сухая форма, полную картину рабочаго законодательства въ различныхъ странахъ Европы и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Правда, значительнымъ пробѣломъ является недостатокъ критическаго освѣщенія вопроса, отсутствіе опредѣленнаго угла зрѣнія, вообще необходимаго для полнаго выясненія всѣхъ сторонъ явленій общественной жизни, но и одна фактическая картина дѣла даетъ очень много. «Такъ какъ вполнѣ понять значеніе какого-либо общественнаго явленія,—говорится въ предисловіи редактора,—можно лишь путемъ сравненія его съ другими сходными явленіями, то сравнительное изученіе законодательства необходимо для пониманія законодательства своей родной страны».

Нечего, конечно, говорить объ огромномъ соціально-политическомъ значеніи законодательной охраны труда, этого важнѣйшаго пункта положительной практической программы, выставляемой наиболѣе отрицательно относящимися къ современному порядку вещей партіями. Но въ рабочемъ законодательствѣ, собственно говоря въ исторіи его, есть еще одна въ высшей степени интересная сторона.

Обыкновенно исторія этого законодательства изображается слѣдующимъ образомъ. Съ сознаніемъ противоположности интересовъ хозяевъ и рабочихъ, особенно развившимся со введеніемъ машинъ, возникло два ученія о мѣрахъ къ устраненію ненормальнаго, по безправности и беззащитности, положенія рабочихъ. Первое стояло за невмѣшательство государства и за защиту рабочихъ посредствомъ развитія собственной самодѣятельности и самопомощи. Второе отстаивало необходимость такого вмѣшательства. Съ теченіемъ времени послѣднее воззрѣніе все болѣе одерживало верхъ, въ виду безсилія рѣшить при помощи одной самодѣятельности многіе важнѣйшіе вопросы, и такое государственное вмѣшательство, нынѣ уже почти всюду признанное, вызвало, между прочими мѣрами, и рабочее законодательство.

Все это совершенно вѣрно съ точки зрѣнія освѣщенія господствовавшихъ въ области этого законодательства идей. Въ самой исторіи его, однако, не видно такой противоположности между ролью самодѣятельныхъ рабочихъ и государства, подобно тому, какъ и вообще нельзя противоставлять государство, представляющееся совокупностью всѣхъ существующихъ въ странахъ партій, одной какой-либо изъ нихъ. Въ дѣйствительности, защитникамъ рабочаго законодательства можно противоставлять скорѣе тѣхъ, кто подъ самопомощью рабочихъ подразумѣваетъ самопомощь индивидуальную, и отрицаетъ солидарность ихъ интересовъ и даже право ихъ на такую солидарность. Такой взглядъ существовалъ въ самомъ начальномъ періодѣ возникновенія рабочаго класса, когда послѣдній былъ, такъ сказать, въ зародышевомъ состояніи; теперь его раздѣляютъ лишь противники этого класса, напр., часть французской буржуазіи, старающаяся подъ лозунгомъ свободы труда провести самыя нежелательныя мѣры.

Сами рабочіе очень быстро отказались отъ такого пониманія самопомощи и замѣнили его взглядомъ о самопомощи и самодѣятельности *коллективной*, достигаемой союзами и организаціями. Союзы эти, даже въ странахъ наиболѣе несклонныхъ къ государственному вмѣшательству, какъ Англія, гдѣ они зачастую высказывались противъ правительственной регулировки условій труда, все же играли, если и не непосредственно, то косвеннымъ путемъ, огромную положительную роль въ ростѣ рабочаго законодательства. Конечно, программы ихъ и путь, по которому они шли, сильно отличаютъ ихъ отъ тѣхъ политическихъ рабочихъ партій, которыя добиваются непосредственно отъ государства урегулированія отношеній между хозяевами и рабочими, но все же въ результатѣ дѣятельности какъ тѣхъ, такъ и другихъ организацій явилась необходимость для хозяевъ считаться съ ихъ интересами и сдѣлать значительные уступки, частью въ исполненіе ихъ прямыхъ требованій, частью; чтобы не поставить ихъ въ непримиримую вражду со всѣмъ современнымъ обще-

ствомъ. Такимъ образомъ, можно сказать, что почти все современное фабричное законодательство повсюду является плодомъ дѣятельности—въ той или иной формѣ—самихъ заинтересованныхъ въ немъ лицъ и поэтому тѣсно связано съ исторіей трудовыхъ отношеній.

Въ разсматриваемой нами книгѣ далеко не вездѣ, къ сожалѣнію, ясно проведена эта связь (она, напримѣръ, прослѣжена въ отдѣлѣ о Россіи), но все же она во многихъ мѣстахъ даетъ себя замѣтить. Во всякомъ случаѣ, надо помнить, что законодательство, о которомъ мы говоримъ, развилось не самопроизвольно, что оно явилось слѣдствіемъ дѣйствія извѣстныхъ силъ, что каждому шагу впередъ въ этомъ направленіи предшествовала горячая, упорная борьба, и при такомъ взглядѣ, многія сухія страницы исторіи рабочаго законодательства оживятся и пріобрѣтутъ яркое значеніе. *Б. В—ръ.*

Э. Вандервельде. «Притягательная сила городовъ». Переводъ Л. Винци. Изданіе товарищества «Знаніе». С.-Петербургъ. 1901 г. Цѣна 40 коп. Брошюра извѣстнаго бельгійскаго писателя и дѣятеля весьма интересна и поучительна. Она изображаетъ вліяніе города, или, вѣрнѣе, сосредоточивающагося въ немъ крупнаго промышленнаго производства на патріархальныя условія сельской жизни. Подъ конкуренціей его гибнутъ мелкія деревенскія отрасли обрабатывающей промышленности, часть населенія эмигрируетъ въ города и происходятъ радикальныя перемѣны въ самомъ сельскомъ хозяйствѣ. Земледѣліе мало-по-малу принимаетъ характеръ обрабатывающей промышленности, переживая аналогичную съ ней эволюцію: съ одной стороны «культура земли дѣлается болѣе интенсивной, развивается примѣненіе машинъ, капиталъ, вложенный въ почву пріобрѣтаетъ все больше и больше значенія», увеличиваясь въ размѣрѣ гораздо быстрѣе капитала перемѣннаго, т.-е. числа занятыхъ рабочихъ; съ другой—уменьшается число земельныхъ участковъ всѣхъ категорій: мелкихъ, среднихъ и крупныхъ, одновременно съ увеличеніемъ размѣровъ этихъ послѣднихъ.

На основаніи тщательнаго анализа статистическихъ данныхъ, авторъ приходитъ къ заключенію о происходящей концентраціи земельной собственности. Онъ указываетъ на то, что кажущійся ростъ числа земельныхъ собственниковъ зависитъ отъ огромнаго увеличенія мелкихъ «рабочихъ» участковъ, владѣтели которыхъ работаютъ въ городахъ, занимаясь обработкою своихъ клочковъ земли развѣ только въ видѣ подсобнаго промысла. Но къ такимъ участкамъ «нельзя, если только не злоупотреблять терминами, примѣнять названіе земледѣльческихъ участковъ».

Основная мысль брошюры та, что если эволюція земледѣлія и не вполнѣ аналогична съ эволюціей обрабатывающей промышленности, то все же нельзя отрицать существованія тѣхъ дѣйствительно глубокихъ аналогій, которыя встрѣчаются въ развитіи отдѣльныхъ отраслей капиталистическаго хозяйства. Будущее, по мнѣнію Вандервельде, благопріятно деревнѣ; въ нее отхлынетъ обратно, какъ въ болѣе здоровое для жизни мѣсто, рабочее населеніе, когда исчезнутъ тѣ общественныя условія, которыя вызываютъ насильственное сосредоточиваніе его въ городахъ. Но теперешній періодъ городской централизаціи является необходимымъ условіемъ возможности децентрализаціи въ будущемъ. «Жители деревень съ ихъ узкимъ кругомъ понятій, съ неразвитымъ мышленьемъ должны будутъ испытать всѣ прелести капиталистической дрессировки, пройти черезъ горнило городской жизни и испытать всемогущее вліяніе городскихъ агломерацій, раньше, чѣмъ они войдутъ, какъ граждане, въ государство будущаго».

Указанная Вандервельде эволюція является для другихъ странъ дѣломъ далекаго будущаго; существующая уже теперь въ Бельгіи тѣсная связь города и деревни, выражающаяся въ томъ, что десятки тысячъ городскихъ рабочихъ живутъ на своихъ мелкихъ участкахъ, ежедневно возвращаясь на нихъ по окончаніи работъ, возможна лишь при густой населенности страны, обилію

промышленныхъ центровъ, идеальному развитію путей сообщенія. Но это не умаляетъ интереса разбираемой брошюры, указывающей на явленія, тенденціи къ повторенію которыхъ существуютъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, и дающую, на основаніи реальныхъ фактовъ, понятіе объ одномъ изъ возможныхъ рѣшеній въ будущемъ аграрнаго вопроса. Ей можно было бы желать поэтому самаго широкаго распространенія.

Къ сожалѣнію, при очень высокой цѣнѣ—40 коп. за 60 стр. малаго формата, брошюра издана крайне небрежно; въ ней встрѣчается масса опечатокъ (напр. «мѣновóй» вмѣсто «мѣловой», «Цискани» вмѣсто Тосканьи), подчасъ искажающихъ смыслъ. Кромѣ того, переводчикъ, начавъ было переводить на русскій языкъ названія различныхъ городовъ, провинцій и собственныхъ именъ, потомъ, затруднившись, повидимому, ихъ обиліемъ, махнулъ рукою и сталъ просто на просто переписывать ихъ по французски. Это во-первыхъ, дѣлаетъ невозможнымъ чтеніе брошюры для лицъ, не знающихъ французскаго алфавита, (а при ея популярномъ изложеніи, слѣдовало бы имѣть въ виду, какъ читателей, и такихъ лицъ), во-вторыхъ, ведетъ къ удвоенному числу опечатокъ въ этихъ словахъ. Увлекшійся переводчикъ распространилъ свой упрощенный способъ перевода и на слова нарицательные: онъ пишетъ «минеры» вмѣсто рудокопы, «кольва» вмѣсто рапсъ, «фобурги» вмѣсто предмѣстья, и пр.

Б. В—ръ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ, БІОЛОГІЯ И БОТАНИКА.

Э. Вильсонъ. «Роль клѣтки въ развитіи и наслѣдственности». *С. Ростовцевъ.* «Какъ составлять гербарій». — *Конъ.* «Популярныя лекціи изъ области ботаники».

Эдмундъ Вильсонъ, проф. геолог. университета «Columia» въ Нью Іоркѣ. Роль клѣтки въ развитіи и наслѣдственности (The Cellin developement and Inheriatance). Пер. съ англійскаго Владиміра Линдемана, приватъ-доцента общей патологіи Императорскаго московскаго университета. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1900 г. Цѣна 2 р. 50 к. Появленію книги Э. Вильсона въ русскомъ переводѣ можно только порадоваться, такъ какъ въ ней всякій, кто пожелаетъ ознакомиться съ извѣстными сторонами жизни клѣтки, элементарнаго организма, найдетъ много интереснаго. Авторъ книги подробно и въ доступной формѣ излагаетъ главнымъ образомъ строеніе и процессъ размноженія (дѣленія) клѣтокъ вообще и въ частности останавливается преимущественно на описаніи свойствъ и особенностей половыхъ клѣтокъ, т.-е. яйца и сѣменныхъ нитей, сперматозоидовъ. Кромѣ того, въ своей книгѣ онъ посвящаетъ нѣсколько главъ вопросамъ, касающимся оплодотворенія яйца, химіи и физіологіи клѣтки, а равно теоріи наслѣдственности и развитія. Въ послѣдней главѣ авторъ обстоятельно изглагаетъ главнѣйшія изъ теорій наслѣдственности, какъ, напр., теорію зародышевой локализаціи, теорію идіоплазмы, теоріи Ру-Вейсманна и др., и подвергаетъ ихъ критической оцѣнкѣ. Цѣнность сочиненія увеличивается еще и тѣмъ, что въ немъ приводится довольно тщательно собранная литература по указаннымъ отдѣламъ біологіи клѣтки, и тѣмъ, что текстъ иллюстрируется многочисленными, частью оригинальными рисунками. Правда, русскій переводъ книги Э. Вильсона нѣсколько опоздалъ, такъ какъ оригиналъ появился въ печати въ 1896 г., но тѣмъ не менѣе она составляетъ весьма желательное дополненіе къ имѣющемуся въ русскомъ переводѣ сочиненію О. Гертвига «Клѣтка и ткани», которая въ настоящее время требуетъ уже довольно значительныхъ исправленій и дополненій.

Къ сожалѣнію, нужно сказать, что переводъ книги Вильсона сдѣланъ весьма небрежно и неумѣло и указываетъ на недостаточное знакомство переводчика съ

конструкціей русской рѣчи, несмотря на то, что переводчикъ состоитъ приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ «общей патологіи» въ московскомъ университетѣ. Чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго, достаточно обратить вниманіе на предисловіе, въ которомъ фразу въ 11 строкъ читателю приходится прочесть безъ передышки. «Явленіе» почему-то переводится словомъ «феноменъ», «волокна» называются «фибрами» и пр. Фразы въ родѣ, напр., такихъ, какъ «результаты этихъ изслѣдованій привели къ окончательному крушенію заключеній Фоля и такимъ образомъ былъ очищенъ путь для возвращенія къ прежнимъ и болѣе вѣрнымъ взглядамъ и т. д.» (стр. VIII), или «...Немыслимо написать имѣющее сколько-нибудь продолжительное значеніе сочиненіе касательно общихъ вопросовъ этой науки...» (стр. X), встрѣчаются почти что на каждой страницѣ русскаго перевода. «Функціи лучей звѣзды,—говоритъ переводчикъ,—становятся все болѣе и болѣе загадочными—одни изслѣдователи считаютъ ихъ за сократительные элементы... другіе ригидными поддерживающими волокнами, аналогичными центральному веретену», (стр. 105). Благодаря неправильной конструкціи приведенной фразы, совершенно искаженъ смыслъ ея, такъ какъ функціи не могутъ быть сократительными элементами, а волокна нельзя считать за образованія, аналогичныя центральному веретену. Ко всему сказанному слѣдуетъ еще прибавить, что и г. Солдатенковъ, видимо, мало заботился объ изданіи книги Э. Вильсона. Она напечатана на плохой бумагѣ, вслѣдствіе чего рисунки потеряли значительную долю своей красоты и отчетливости, а изъ орѳографическихъ ошибокъ можно бы составить къ книгѣ порядочное приложеніе.

Проф. *Догель*.

С. Ростовцевъ. Какъ составлять гербарій? Краткое руководство по собиранію тайнобрачныхъ и явнобрачныхъ растеній. Съ 14 рис. въ текстѣ. 3-е исправленное и значительно дополненное изданіе Московскаго сельскохозяйственнаго института. М. 1900, цѣна 30 коп., 117 стр. 16°. Эта книга выходитъ въ свѣтъ уже въ третій разъ, причемъ предыдущее изданіе разошлось цѣликомъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, что уже само по себѣ достаточно говоритъ о достоинствахъ сочиненія. Разбираемое руководство распадается на три отдѣла. Во введеніи подробнымъ образомъ, съ указаніемъ размѣровъ, матеріала и т. под., списываются приборы, необходимые при гербаризаціи, такъ что даже начинающій будетъ въ состояніи смастерить ихъ лично; для болѣе сложныхъ приборовъ указаны адреса магазиновъ, торгующихъ ими; затѣмъ идетъ перечень пособій для научнаго опредѣленія собраннаго матеріала, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ (послѣднее особенно важно въ виду, напр., полнаго отсутствія на русскомъ языкѣ опредѣлителей лишайниковъ, водорослей и др.), указанія относительно заготовки матеріала для сушки растеній, рецепты, практическіе совѣты для экскурсантовъ и т. под. Второй отдѣлъ трактуетъ о сборѣ растеній на ботаническихъ прогулкахъ, экскурсіяхъ и экспедиціяхъ (время, мѣсто, качество и характеръ сбора), сушкѣ и опредѣленіи собраннаго матеріала, распредѣленіи высушенныхъ растеній по системѣ и составленіи списковъ и каталоговъ растеній, находящихся въ гербаріи. При составленіи этого отдѣла, какъ и всей, впрочемъ, книжки, авторъ, очевидно, руководствовался латинскимъ правиломъ—non multa sed multum—и не смотря на незначительный объемъ изданія съумѣлъ дать тщательныя указанія по поводу сбора споровыхъ растеній и тѣхъ изъ сѣмянныхъ, которыя въ зрѣломъ возрастѣ мѣняютъ свой первоначальный habitus, или же цвѣтутъ до появленія листьевъ, или, наконецъ, отличаются способностью легко давать помѣси. Такъ же подробно разрабатываются до самыхъ незначительныхъ мелочей всѣ вопросы, касающіеся сушки матеріала и обработки его. Многочисленность указаній на отдѣльные пріемы сбора, сушки, опредѣленія и т. под. растеній, не укладывающихся въ общія рамки, масса рецептовъ, изъ которыхъ нѣкоторые могутъ быть рекомендованы и записнымъ

флористамъ (желатиновая бумага, ватные матрасики и т. под.) дѣлаютъ книгу своего рода vade mecum'омъ для каждаго начинающаго гербаризатора. Книга выиграла бы, если бы замѣнила третій отдѣлъ (списокъ растительныхъ семействъ Евр. Россіи и наиболѣе обыкновенныхъ растеній средней Россіи), занимающій почти треть ея (стр. 75—117) краткой характеристикой растительныхъ порядковъ, классовъ, подклассовъ и семействъ; а также ключемъ къ опредѣленію семействъ и родовъ. Это принесло бы не малую пользу дѣйствительно начинающимъ флористамъ и болѣе соотвѣтствовало-бы самому характеру руководства г. Ростовцева.

Ф. Конъ. Растеніе. Популярныя лекціи изъ области ботаники. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія подъ ред. академика С. И. Коржинскаго, изданіе А. Ф. Девріена въ 6-ти выпускахъ. Вып. I. Спб. 1900, цѣна 1 р. 20 коп. 160 стр. 8°. Имя не такъ давно скончавшагося бреславльскаго профессора Фердинанда Кона въ достаточной уже степени является ручательствомъ за достоинства научной стороны сочиненія. Что же касается изложенія, то трудно найти ученаго, болѣе мастерски владѣющаго перомъ, болѣе поэтично, но отнюдь не въ ущербъ ясности и точности, выяснившаго явленія растительнаго міра, какимъ являлся Конъ, любившій прозу естествознанія соединять съ поэзіей Гете, Шиллера, Данте и др. Это дѣлаетъ точный переводъ сочиненія Кона очень труднымъ, такъ какъ достаточно малѣйшаго, не совсѣмъ удачнаго, оборота рѣчи, чтобъ лишить блестящую фразу ученаго ея силы или придать ей оттѣнокъ напыщенности; не менѣе затрудненій доставляютъ въ изобиліи разбросанныя цитаты изъ вышеупомянутыхъ поэтовъ. Съ обѣими этими задачами переводчица въ первой части сочиненія, редактированной С. И. Коржинскимъ, судя по первому выпуску, справилась совершенно успѣшно и Конъ въ русскомъ изложеніи сохраняетъ все свое обаяніе. Такъ какъ имя автора не нуждается въ комментаріяхъ, то остается перейти къ внѣшности изданія; послѣднее представляетъ почти полную (кромѣ нѣкоторыхъ виньетокъ) перепечатку со 2-го нѣмецкаго изданія со всѣми его примѣчаніями, предисловіемъ и изящными иллюстраціями, по цѣнѣ же (6 р. 50 коп. по подпискѣ) почти вдвое дешевле послѣдняго. *И. Барановскій.*

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

А. Филипповъ. «Гигіена дѣтей».—«Труды коммиссій по вопросу объ алкоголизмѣ».—«Отчеты санитарныхъ врачей с.-петербургскаго земства».

«Гигіена дѣтей». Прив.-доц. дѣтскихъ болѣзней А. П. Филиппова съ предисловіемъ проф. Н. Ѳ. Филатова. Москва. 1901 г. Цѣна 2 р. Въ общемъ богатая медицинская литература не можетъ назвать много книгъ, посвященныхъ научной разработкѣ гигіены дѣтскаго возраста и поэтому книга д-ра Филиппова является полезнымъ пріобрѣтеніемъ не только для врачей и спеціалистовъ, но и для той части образованнаго общества, которая хочетъ осмысленно вести физическое воспитаніе своихъ дѣтей. Оставляя въ сторонѣ всякія недоказанныя теоріи и гипотезы, авторъ, на основаніи современныхъ научныхъ данныхъ, выводитъ гигіеническія правила, причемъ преимущественное вниманіе обращаетъ на тѣ пріемы, которые отличаются общедоступностью и наибольшей дешевизной. Въ книгѣ, состоящей изъ 328 страницъ, подробно разобрано все, что касается гигіены дѣтскаго возраста и, между прочимъ, имѣются очень подробныя и крайне цѣнныя свѣдѣнія объ искусственномъ вскармливаніи дѣтей и вообще объ діэтетикѣ дѣтей послѣ отнятія отъ груди до 16-лѣтняго возраста. Врачъ *В. Б—ъ.*

«Труды коммиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ». Подъ редакціей М. Н. Нижегородцева. Выпускъ V. Спб. 1900 г. Цѣна 1 р. 25 к. Труды «алкогольной» коммиссіи все разростаются и передъ нами лежитъ объемистый, пятый выпускъ этихъ трудовъ. Кромѣ журналовъ засѣданій самой коммиссіи и состоящихъ при ней цѣлаго ряда субкоммиссій, въ составъ V выпуска вошли слѣдующіе доклады: П. В. Путилова—«О спиртномъ отравленіи арміи, бытовыя причины этого»; А. М. Коровина—«Движеніе трезвости въ Россіи»; А. С. Виреніуса—«Мѣры борьбы съ алкоголизмомъ путемъ школы»; Гр. М. Б. Скаржинскаго—«Антиалкоголизмъ въ школахъ»; Н. К. Невзорова—«Борьба школы съ пьянствомъ»; свящ. Д. Г. Булгаковскаго—«Роль православнаго духовенства въ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ»; П. И. Полякова—«Православное духовенство въ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ»; свящ. А. В. Рождественскаго—«Что сдѣлало православное духовенство для борьбы съ народнымъ пьянствомъ». Всѣ эти доклады, далеко не равноцѣнные, представляютъ въ общемъ большой интересъ, такъ какъ стараются всесторонне освѣтить сложный вопросъ объ алкоголизмѣ.

Въ свое время докладъ свящ. Д. Г. Булгаковскаго вызвалъ большой шумъ въ печати, такъ какъ о. Булгаковскій крайне отрицательно отнесся къ дѣятельности духовенства въ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ. Докладъ свящ. А. Рождественскаго пытается смягчить мрачную картину, нарисованную о. Булгаковскимъ. Докладъ г-на Н. Невзорова, директора седьмой гимназіи въ Петербургѣ, о борьбѣ школы съ алкоголизмомъ интересенъ въ томъ отношеніи, что даетъ образцы того, какъ при преподаваніи разныхъ предметовъ въ гимназіяхъ, можно незамѣтно для учащихся проводить идеи трезвости.

Врачъ *В. Б—ъ.*

«Отчеты санитарныхъ врачей С.-Петербургскаго губернскаго земства за 1899 годъ». С.-Петербургское губернское земство на свои средства содержитъ во всѣхъ уѣздахъ губерніи, за исключеніемъ Петербургскаго уѣзда, гдѣ имѣется свой санитарный врачъ, и въ близко лежащихъ къ столицѣ пригородахъ особыхъ санитарныхъ врачей, на обязанности которыхъ лежитъ санитарный надзоръ за данной мѣстностью и изученіе всѣхъ условій жизни даннаго района въ санитарномъ отношеніи. Собирая и публикуя отчеты санитарныхъ врачей, земство получаетъ, конечно, интересную картину санитарнаго состоянія губерніи и, на основаніи полученныхъ врачами данныхъ, можетъ принимать тѣ или другія мѣры. Всѣ отчеты за 1899 г. констатируютъ печальный фактъ бездѣятельности санитарныхъ попечительствъ, о чемъ, впрочемъ, намъ уже приходилось говорить на страницахъ нашего журнала въ январьской книжкѣ по поводу Петропавловскаго попечительства въ Одессѣ. Попечительства эти, наскоро созданныя въ холерное время, теперь почти нигдѣ и никогда не собираются и, такимъ образомъ, само общество никакого интереса къ санитарному дѣлу не обнаруживаетъ. Почти всѣ отчеты указываютъ на недоброкачественное состояніе питьевой воды, усердно загрязняемой всякаго рода фабриками, заводами и вообще обывателями.

Для столицы имѣютъ особый интересъ отчеты врачей пригородныхъ участковъ, такъ какъ, благодаря тѣсному общенію пригородовъ съ городомъ, санитарное неблагополучіе первыхъ отзывается на послѣднемъ и наоборотъ.

Оказывается, напр., что для нивеллировки улицъ въ Петергофскомъ участкѣ Петербургскаго уѣзда домовладѣльцы пользуются почти безнаказанно слѣдующимъ оригинальнымъ способомъ: углубленное мѣсто постепенно засыпается нечистотами, пока не выравняется съ остальной поверхностью, затѣмъ утрамбовывается, засыпается строевымъ мусоромъ и гарью—и усадьба готова. Дешево и мило!

Во многихъ отчетахъ указывается на неудовлетворительное состояніе школьныхъ помѣщеній и большую заболѣваемость учениковъ.

Врачъ *В. Б—ъ.*

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

«Новая библіотека». Изданіе М. Орѣхова. Спб. 1900 г. Н. Кобринская. Якимъ Мачукъ. Разсказъ изъ жизни галиційскихъ крестьянъ. Переводъ Л. Васильева. Съ 7 рисунками. Стр. 44. Ц. 8 к. Русинско-малорусская писательница Н. Кобринская принадлежитъ къ тому общественному направленію и къ той литературной школѣ «молодыхъ русиновъ», самымъ выдающимся представителемъ которой является Иванъ Франко, писатель, знакомый русскимъ читателямъ по многочисленнымъ переводамъ его произведеній, появляющимся въ журналахъ и народныхъ изданіяхъ. По своему настроенію и по литературной манерѣ эта группа писателей наиболѣе близка русскимъ читателямъ, несмотря на то, что изображаемая въ ея произведеніяхъ жизнь, по своимъ соціально-политическимъ условіямъ и отличается значительно отъ условій русской жизни. То-же можно сказать и о разсказѣ г-жи Кобринской, появляющемся въ изданіи «Новая библіотека». Хотя самая тема разсказа—изображеніе выборной агитаціи и отношенія средняго русина-крестьянина къ своимъ политическимъ правамъ и обязанностямъ—чужды русской дѣйствительности, тѣмъ не менѣе это не мѣшаетъ разсказу быть вполнѣ понятнымъ и интереснымъ какъ для сельскаго, такъ и для городского читателя. Вмѣстѣ съ тѣмъ подобное изображеніе чужой жизни расширяетъ кругозоръ читателя и направляетъ его вниманіе на свои несложныя общественныя обязанности, побуждая его отнестись къ нимъ болѣе сознательно. Поэтому книжку «Якимъ Мачукъ» можно безусловно рекомендовать для распространенія въ народной средѣ, причемъ она должна быть особенно доступна пониманію читателей малороссовъ, этнографически родныхъ изображаемымъ въ разсказѣ русинамъ. Издатель «Новой библіотеки» и на этотъ разъ обнаруживаетъ очень внимательное отношеніе къ читателямъ. Всѣ непонятныя слова и термины въ текстѣ поясняются въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, кромѣ того разсказъ снабженъ особымъ предисловіемъ, авторъ котораго, г. Дорошенко, сообщаетъ краткія свѣдѣнія о русинскомъ народѣ, о его прошломъ и настоящемъ экономическомъ и политическомъ положеніи. Несмотря на чрезвычайную краткость предисловія, автору его удалось передать наиболѣе существенныя черты соціально-политической жизни Галиціи и этимъ облегчить читателю пониманіе разсказа. Напрасно только г. Дорошенко такъ идеализируетъ русинское духовенство, распространяя прекрасныя качества отдѣльныхъ его представителей на все сословіе. *М. Б.*

Изданіе О. Поповой. Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ. «Заря новой жизни». Сцены изъ войны за освобожденіе негровъ въ Америкѣ. По роману Герштеккера составила О. Н. Попова. Спб. 1900 г. Стр. 48. Ц. 10 к. Новая библіотека. Изданіе М. Орѣхова. Освобожденіе негровъ въ Америкѣ. Изъ романа Герштеккера «Заря новой жизни». Сокращено А. О. Спб. 1900 г. Съ 7 рис. Стр. 60. Ц. 10 к. Передѣлки и сокращенія всевозможныхъ романовъ и повѣстей, предназначающіяся для читателей, которымъ почему-либо недоступны эти произведенія въ ихъ полномъ видѣ, занимаютъ все больше мѣста въ нашей народной литературѣ. Не говоря уже о сокращеніяхъ произведеній такихъ писателей, какъ Диккенсъ, Викторъ Гюго и др., даже историческому роману такого сравнительно мало извѣстнаго писателя, какъ Герштеккеръ, посчастливилось появиться въ сокращенномъ видѣ одновременно въ двухъ изданіяхъ: г-жи Поповой и г. Орѣхова.

Въ книжкѣ, составленной г-жею Поповой, сохранены сцены: охота на бѣглаго негра, совѣщаніе рабовладѣльцевъ въ Бельвилѣ, появленіе сѣверныхъ войскъ подъ начальствомъ генерала Шермана, сходка негровъ и разыскиваніе однихъ членовъ разлученныхъ негритянскихъ семействъ другими. Послѣдняя глава представляетъ собою краткій историческій очеркъ движенія противъ невольничества

*

и хода междоусобной войны, которая и послужила матеріаломъ для романа Герштеккера. Очеркъ этотъ, составленный не безъ воодушевленія, преисполненъ однако трудныхъ оборотовъ и иностранныхъ словъ, какъ «конституція», «оппозиція», «косность» и т. п. выраженій, равно недоступныхъ какъ дѣтямъ, такъ и взрослымъ не вполнѣ интеллигентнымъ читателямъ; между тѣмъ всякая подобная передѣлка романа, очевидно, предназначена именно для читателей такого рода.

Въ сокращеніи г. *А. О.* (изданіе г. Орѣхова) эпизодамъ изъ романа Герштеккера предшествуетъ введеніе, въ которомъ сообщаются краткія свѣдѣнія о Соединенныхъ Штатахъ и ихъ государственномъ устройствѣ, о причинахъ развитія рабовладѣнія и о движеніи въ пользу уничтоженія его, причемъ возникновеніе междоусобной войны объясняется вполнѣ раціонально. Написано введеніе очень дѣльно, вполнѣ доступно и даетъ не меньше свѣдѣній, чѣмъ заключительная глава въ книжкѣ г-жи Поповой. Притомъ же гораздо цѣлесообразнѣе подобныя объясненія къ тексту помѣщать въ началѣ книги, а не въ концѣ ея, какъ у г-жи Поповой. Для своего извлеченія изъ романа Герштеккера г. А. О. воспользовался приблизительно тѣми же эпизодами, какъ и г-жа Попова, но его вниманіе больше останавливается на сценахъ, характеризующихъ настроеніе двухъ враждебныхъ общественныхъ классовъ — рабовладѣльцевъ и рабовъ, тогда какъ г-жа Попова удѣляетъ больше мѣста трогательной исторіи одной негритянской семьи. Къ сожалѣнію, однако, въ изложеніи г. А. О. допущена очень нежелательная небрежность языка; такія выраженія, какъ напримѣръ: «я полагаю, что самъ разсудокъ долженъ васъ остановить и не раздражать безпокойную толпу чернокожихъ явною несправедливостью» (стр. 27), или «такъ мы стоимъ съ вами въ такихъ отношеніяхъ» (стр. 35), или же «господа... увидѣли отрядъ солдатъ въ сопровожденіи негровъ, гнавшій цѣлое стадо быковъ и лошадей, пастбища которыхъ выдали, по всей вѣроятности, ихъ же рабы» (стр. 56) и т. д., и т. д., не должны были бы попасть на страницы книжки, принадлежащей къ серіи «Новой библіотеки», вообще очень тщательно редактируемой.

Объ передѣлки романа Герштеккера, какъ составленная г. А. О., такъ и г-жею Поповою, могутъ служить въ качествѣ эпилога къ «Хижинѣ дяди Тома» и будутъ прочтены съ интересомъ читателями изъ народной среды.

Но изъ двухъ одновременно появившихся книгъ предпочтеніе должно быть отдано изданію г. Орѣхова, какъ болѣе полно, тщательно и серьезно составленному, притомъ снабженному иллюстраціями. *М. Б.*

Новая библіотека. Изданіе М. Орѣхова. А. Яблоновскій. Удружилъ. Старый панъ. Осѣдлость. Съ 5-ю рисунками. Спб. 1900 г. Стр. 32. Ц. 8 к. Всѣ три очерка г. Яблоновскаго проникнуты добродушнымъ юморомъ и отличаются жизненностью изображаемыхъ характеровъ. Въ первыхъ двухъ: «Удружилъ» и «Старый панъ» авторъ рисуетъ отношеніе господъ къ подневольнымъ имъ слугамъ, а въ третьемъ: «Осѣдлость» касается вопроса о тѣхъ лишеніяхъ и страданіяхъ, какія причиняетъ евреямъ законъ о чертѣ еврейской осѣдлости. *М. Б.*

СПРАВОЧНЫЯ ИЗДАНІЯ.

«Первый женскій календарь 1901 г.» — «Другъ матери. Календарь на 1901 г.».

«Первый женскій календарь на 1901 годъ» (годъ третій). Составила П. Н. Аріанъ. Спб. Складъ въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени». Невскій. 45. 1901. Ц. 1 р. (стр. 476). Въ № 3 прошлаго года нашего журнала (см. рецензія) мы указали на эту книгу, какъ на удачный и интересный опытъ,

такъ сказать, женской энциклопедіи, обнимающей женскую жизнь въ разныхъ фазахъ и моментахъ. Цѣль этаго изданія дать женщинѣ разныхъ положеній справочную книгу на разные случаи обыденной жизни (напр., свѣдѣнія медицинскія, пріюты, бюро, убѣжища). Планъ изданія остался тотъ же, но въ этомъ году сильно увеличенъ матеріалъ справочный, и внесено много интереснаго и новаго въ другіе отдѣлы. Въ главѣ *Права и обязанности женщинъ и дѣтей по русскому праву* (стр. 107—170) приведены законы, относящіеся къучастію женщинъ въ выборныхъ собраніяхъ, законы уголовные, относящіеся къ женщинѣ, и положеніе о наймѣ женщинъ на сельскія работы. Въ отдѣлѣ *Женское образованіе*, кромѣ провѣренныхъ и исправленныхъ свѣдѣній прошлаго года, прибавлены свѣдѣнія о высшихъ сельско-хозяйственныхъ курсахъ, высшихъ курсахъ въ Москвѣ, объ Археологическомъ институтѣ, принимающемъ нынѣ и женщинъ, о гимназіи Фишеръ въ Москвѣ, фармацевтическихъ курсахъ и др. Въ главѣ *Высшія учебныя заведенія за границей* прибавлены въ высшей степени интересныя свѣдѣнія (программы, условія пріема) о Брюссельскомъ *новомъ университетѣ*, а также подробности относительно женскаго образованія во Франціи и Гейдельбергскомъ университетѣ. *Хроника женскаго образованія* за 1900 годъ полна и составлена по первоисточникамъ, а столь нужный отдѣлъ медицинскій расширенъ и даетъ цѣлую массу свѣдѣній женщинѣ, какъ матери. Любопытна *Статистика женскаго труда*, къ которой прибавлена статья «Хроника женскаго труда», отмѣчающая экономическія завоеванія, сдѣланныя женщинами въ послѣднее время. Въ главѣ *Женскія и смѣшанныя общества*, помѣщенъ портретъ графини Ламбертъ, основательницы Россійскаго общества защиты женщинъ, а въ главѣ *Движеніе женскаго дѣла за границей*— портретъ и біографія Де - Вивіани, проведшаго во Франціи законъ объ адвокатской практикѣ женщинъ. Хороши также портреты А. В. Потаниной (путешественница) С. А. Давыдовой (дѣятельница по женскимъ кустарнымъ промысламъ), Н. П. Сусловой (врачъ), Е. М. Бемъ (художница) и Н. А. Вышнеградскаго (основатель женскихъ гимназій), съ живо написанными ихъ біографическими очерками. Особенно пріятно намъ было прочесть горячо составленную біографію Н. А. Вышнеградскаго, которому такъ много обязано женское образованіе и котораго русское общество такъ неблагодарно забыло. Вообще нужно сказать, что календарь совершенствуется съ каждымъ годомъ, и по своей полнотѣ, разнообразію матеріала и не только спеціальному, но и общему интересу вполнѣ желателенъ и очень полезенъ для семьи. *В. О—скій.*

«Другъ матери». Календарь на 1901 г. д-ра Л. Я. Якобсона, подъ редакціей проф. Н. П. Гундобина. Спб. Ц. 1 руб. 25 коп. Изданная, со многими рисунками, книга д-ра Л. Я. Якобсона содержитъ въ себѣ, помимо обычныхъ общекалендарныхъ свѣдѣній, кромѣ записной книжечки, цѣлый рядъ очень интересныхъ статей, относящихся къ вопросамъ объ уходѣ и первоначальномъ воспитаніи новорожденныхъ и грудныхъ дѣтей. Кромѣ статей, посвященныхъ уходу за дѣтьми, имѣется обстоятельно составленная статья о первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ д-ра Гориневскаго, статья редактора календаря о дѣтскихъ лѣчебныхъ колоніяхъ. Въ педагогическомъ отдѣлѣ помѣщенъ рядъ статей П. Ѳ. Каптерева и Н. И. Познякова. Особая статья объ юридическихъ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ составлена І. В. Гессеномъ. Уже краткій перечень интереснаго содержанія календаря даетъ право рекомендовать его всякой семьѣ. Издана книга, какъ уже сказано, очень хорошо и цѣна ея должна быть признана невысокой. *Врачъ В. Б—ъ.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го января по 15-ое февраля 1901 г.).

А. Лори. Приключенія на сушѣ и на морѣ. Сочин. въ 9-ти том. для юношества. Изд. Сойкина. Спб. 1901 годъ. Ц. 4 р. въ роскошн. переплетѣ.

С. М. Дубковъ. Всеобщая исторія евреевъ. Т. I. Одесса. 1901 г. Ц. 50 к. Грамотность дѣтей сельск. насел. въ Смол. губ. Изд. губ. зем. упр. Смоленскъ. 1901 г. Обзоръ сельскохозяйств. въ Таврич. губ. за 1899 г. Изд. губ. земств. 1901 г. Ц. 1 р.

Н. А. Гредескулъ. Соціологич. изученіе права. Спб. 1900 г. Изд. Мин. Юст.

А. Герасимовъ. Подарокъ неизгнан. неба рожокъ-самъ-гудокъ. М. 1901. Ц. 50 к.

Е. Уманецъ. Бары и народъ. Разсказы. Тифлисъ. 1901 г. Ц. 1 руб.

А. А. Ѳедоровъ - Давыдовъ. Котъ - баюнъ. Сказки и разсказы. Изд. журн. «Дѣтское Чтеніе». М. 1901 г. Ц. 35 к.

Ал. Новиковъ. Сборникъ статей 1899—1900 г. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб.

Д-ръ И. И. Пантюховъ. Алкоголизмъ на Кавказѣ. Тифлисъ. 1901 г.

В. И. Немировичъ-Данченко. Поднебесный аулъ. М. 1901 г. Изд. журн. «Дѣтское Чтеніе». М. 1901 г. Ц. 75 к.

А. и Ф. Гербертсонъ. Человѣкъ и его трудъ. Изд. Орѣхова. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

А. О. Сократъ. Освобожденіе негровъ по Герштеккеру. Изд. то же. Ц. 10 к.

И. Н. Потапенко. Рѣдкій праздникъ. Изд. Его же. Ц. 10 к. Географическія чтенія. Европа. Съ англ. М. 1901 г. Ц. 50 к.

Н. Анненкова-Бернаръ. Разсказы и очерки. Изд. журн. «Русская Мысль». М. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Сѣверовой. Эта (повѣсть) Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. Новиковъ. По закону (ром. изъ дерев. жизни). Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Лесажа. Хромой бѣсъ (романъ). Спб. Изд. Суворина. 1901 г. Ц. 60 к.

Б. Нѣмцовой. Бабушка (повѣсть). Перев. съ чешск. Лялиной. Изд. то же.

Н. И. Позняковъ. Мечтатель. Спб. Изд. то же.

Прокопій Хохолушка. Историч. разсказы изъ южно-славянск. быта. Перев. съ чешск. Лялиной. Спб. Изд. то же.

Докладъ Уфимск. губ. зем. управы о положеніи начальнаго народн. образов. въ Уфим. губ. Уфа. 1900 г.

Эдвардъ-Мартинъ. Исторія кусочка каменнаго угля. Перев. съ англ. Спб. 1901 г. Изд. Суворина.

Р. Мутеръ. Исторія живописи. Перев. съ нѣм. К. Бальмонта. Изд. Т-ва «Знаніе». 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

А. Л. Волынскій. Царство Карамазовыхъ. Н. С. Лѣсковъ. Замѣтки. Спб. 1901 г. Ц. 2 руб.

Д. В. Агаповъ. Искусствен. способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвѣстными. Оренбургъ. 1901 г.

М. Чайковскій. Жизнь П. И. Чайковскаго. Изд. Юргенсона. Т. I. Вып. III. Ц. 40 к.

Б. Глаголинъ. Новое въ сценическомъ искусствѣ (очеркъ). Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Пѣсни родины. Сборн. стихотв. Изд. Тихомирова. Вып. III. Ц. 5 коп.

М. Туганъ-Барановскій. Перев. съ нѣм. Законодательная охрана труда. Спб. Изд. М. И. Водовозовой. 1901 г. Ц. 1 р. 60 к.

Труды Императ. Об-ва судоходства. 25-лѣтняя дѣятельность Спб. отдѣл. Императ. Об-ва для содѣйствія русскому торг. мореходству. Спб. 1900 г.

С. Бурэ. Разсказы изъ жизни животныхъ. Изд. Іогансона. Ц. 35 к.

Н. Овсяного. Болгарія и болгары. Спб. 1900 г. Ц. 2 руб.

Перев. **А. А. Ѳедоровъ-Давыдовъ.** Приключенія и путешествія барона Мюнхаузена. Изд. кн. магаз. Лидертъ. М. 1901. Ц. 1 руб.

А. А. Сапожниковъ. Судьбы Китая. Спб. 1901 г. Ц. 35 коп.

Теобальдъ Циглеръ. Умствен. и обществен. теченія XIX вѣка. Изд. Б. Н. Звонарева. Спб. 1901 г. Ц. 3 руб.

Н. Муравлевъ. Упрощен. пріемы для про-

изводства умствен. вычисленій. М. 1900 г. Ц. 35 коп.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Страшные дни. Послѣднее искушеніе. Изд. М. Д. Орѣхова. Спб. 1900 г. Ц. 10 коп.

И. С. Рутковскаго. Стихотворенія. Могилевъ. 1900 г. Ц. 50 коп.

А. Р. Уоллесъ. Оспопрививаніе есть заблужденіе. Перев. съ англ. Л. Лакгера. Спб. 1901 г. Ц. 40 коп.

Д-ръ Шабанова. О первой помощи въ несчастн. случ. до прибытія врача. Спб. 1901 г. Ц. 60 к.

М. Б. Карскій. Старь и Новь. Спб. 1901 г.

А. Шпиръ. Очерки критической философіи. Перев. съ франц. Н. А. Бракеръ. М. 1901 г. Изд. «Посредника». Ц. 75 к.

Д-ръ У. Б. Сапиръ. Исторія и сущность сіонизма. Изд. кн. магаз. Э. Шерманъ. Одесса. 1901 г. Ц. 25 коп.

— Русскій астрономическій календарь. 1901 г. Ц. 75 коп.

А. Ю. Стихотворенія. Кронштадтъ. 1900 г. Ц. 75 коп.

С. Булгаковъ. Капитализмъ и земледѣліе. Спб. 1900 г. Т. I и II. Ц. за II т. 5 р.

Въ степяхъ. Разсказы. Изд. журн. «Дѣтское Чтеніе». М. 1901 г. Ц. 10 к.

К. Д. Носиловъ. Таня Логай. М. Изд. журн. «Дѣтское Чтеніе». Ц. 10 к.

Отчетъ о дѣйствіяхъ комитета по сбору пожертвованій и устройства зданій для Екатеринославск. высш. горн. учил. Екатеринославъ. 1900 г.

У. Сибирцевъ. Мореходная школа въ Холмогорахъ въ XVIII вѣкѣ. М. 1901 г.

— Думы и пѣсни русскихъ поэтовъ. Сборн. стихотвор. М. 1900 г. Ц. 50 к.

С. Г. Ручъ. Орѳографическій словарь. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб.

Н. Кабринской. Якимъ Мачукъ. Изд. М. Д. Орѣхова. Спб. 1900 г. Ц. 8 к.

Проф. Е. Варминга. Ойкологическая географія растеній. Спб. 1901 г. Ц. 3 р. 50 к.

Г. М. Тумановъ. Характеристики и воспоминанія. Тифлисъ. 1901 г. Ц. 50 к.

Графъ П. И. Капнистъ. Собраніе сочиненій въ 2-хъ томахъ. М. 1901 г. Ц. 3 руб.

А. А. Яблоновскій. Удружилъ. Старый панъ. Осѣдлость. Изд. М. Д. Орѣхова. Спб. 1900 г. Ц. 8 к.

Отчетъ Одесскаго отдѣленія комитета врачебн. продовольствен. помощи VII съѣзда Об-ва рус. врачей въ память Пирогова за 1900 г. Одесса. 1900.

М. Гродецкій. Бельгія на порогѣ XX вѣка. Житомиръ. 1901 г. Ц. 75 к.

— Проектъ устава русскаго акціонерн. Об-ва санаторій и курортовъ. М. 1901 г.

— Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1898—1899 г. Спб. 1901 г.

— Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1899—1900 г. Спб. 1901 г.

А. О. Кони. Ѳ. П. Гаазъ. Спб. Изд. Маркса. 1901 г. Ц. 50 к.

Ивановичъ. Степанъ Ежикъ. Разсказъ. Харьковъ. Изд. Раппъ и Потапова. 1901 г. Ц. 10 к.

Е. Чириковъ. Бродячій мальчикъ (Разсказъ). Харьковъ. Изд. то же. Ц. 7 к.

Дмитріевой. Баклановъ. Очеркъ. Харьковъ. Изд. то же. Ц. 6 к.

Л. Вовенаргъ. Афоризмы. Перев. Первовъ. Изд. Суворина. Спб. 1901 г. Ц. 20 к.

Н. Н. С. Разсказы изъ исторіи грековъ. М. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. П. Охитовичъ. Новый (неопредѣленный) методъ рѣш. алгебраическ. уравненій. Казань. 1900 г. Ц. 2 р. 50 к.

Д-ръ И. И. Пантѣховъ. Ингуши (очеркъ). Тифлисъ. 1901 г. Ц. 25 к.

Д-ръ Черниховъ. Вопросъ о евреѣ въ еврейскомъ вопросѣ. Одесса. 1901 г. Ц. 25 к.

В. Виндельбандъ. Исторія и естествознаніе. Перев. съ нѣм. Ѳ. Лембергъ. М. 1901 г. Ц. 20 к.

С. Г. Москаленко. Поддѣльная сцена въ трагедіи В. Шекспира «Гамлетъ». Спб. 1901 г. Ц. 30 к.

— Сборникъ свѣдѣній по Саратовск. губ. за 1899 г. Вып. II-ой. Саратовъ. 1900 г.

Антонъ Чеховъ. Разсказы. Т. III. Спб. Изд. Маркса. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к

— Обзоръ податнаго состоянія Курск. губ. за 1899 г. Курскъ. 1900 г.

И. Табилевичъ. Бурлакъ (драма въ 5-ти дѣйст.). Кіевъ. 1900 г. Ц. 7.

В. Саводникъ. Поэзія Вл. Соловьева. М. 1901 г. Ц. 25 коп.

А. Я. Ефименко. На Украинѣ (очерки и разсказы). Изд. журн. «Дѣтское Чтеніе». М. 1901 г. Ц. 30 к.

Д. Д. Солодовниковъ. Въ Московскомъ царствѣ. Изд. то же. Ц. 30 к.

Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ. Душевные люди. Изд. то же. Ц. 50 к.

А. А. Ѳедоровъ-Давыдовъ. Грозный царь Иванъ Васильевичъ. Изд. то же. Ц. 30 к.

Ф. Риндеръ. Японскія легенды. Перев. съ нѣм. Ѳедорова. Изд. то же. Ц. 25 к.

Подземный міръ (очерки). Изд. тоже. Ц. 15 к.

Т. Шторма. Дочь кукольнаго комедіанта. Пер. Е. Б. подъ ред. Горбунова-Посадова. М. 1901 г. Ц. 25 к.

Д. А. Коропчевскаго. Желтый вопросъ. Изд. то же. Ц. 15 к.

Д-ръ Фишеръ. Какъ дѣйствуютъ спиртные напитки на человѣка. Изд. Сытина. М. 1901 г. Ц. 5 к.

А. П. Колтоновскій. Врачи и паціенты. Пер. съ итал. Спб. Изд. Ф. Павленкова. 1901 г. Ц. 75 к.

И. Тодгентеръ. Координатная геометрія на плоскости. Перев. съ англ. Предтеченской. Спб. Изд. Павленкова. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Южные сосѣди Китайцевъ. Изд. жур. «Русская Мысль». М. 1901 г. Ц. 25 к.

Д-ръ Фишеръ. Какъ кровь движется по нашему тѣлу и какая намъ отъ нея польза. М. 1901 г. Изд. Сытина. Ц. 5 к.

Его же. Чѣмъ и для чего мы питаемся. Изд. то же. Ц. 5 к.

— Что такое хирургія или какъ лѣчатъ людей ножомъ. Изд. то же. Ц. 5 к.

— Что такое чахотка и какъ отъ нея уберечься. Изд. то же. Ц. 5 к.

— Что такое зараза и какъ должно отъ нея оберегаться. Изд. то же.

— Отъ чего болѣютъ и мрутъ наши дѣти. Изд. тоже.

— Наши пять чувствъ. Изд. то же.

— Чѣмъ и для чего человѣкъ дышетъ. Изд. то же.

Л. Уманецъ. Жизнь и труды Эдиссона. Изд. журн. «Русская Мысль». М. 1901 г. Ц. 20 к.

Д-ра В. Ф. Вислиценжа. Астрофизика. Перев. съ нѣм. Н. Синеонова. Изд. А. Е. Ермолаевой. Спб. 1901 г. Ц. 40 к.

— Отчетъ по Керченскимъ дѣтскимъ садамъ за 1900 г. Керчь. 1901 г.

Н. И. Герасимовъ. Ницшеанство. М. 1901 г. Ц. 1 р. 25 к.

Генрихъ Дернбургъ. Пандекты. Перев. Соколовскаго. М. 1900 г. Ц. 2 р. 50 к.

Профес. А. Трачевскаго. Учебникъ древней средней и новой исторіи въ 3-хъ том. Спб. 1901 г. Ц. 6 руб.

М. Ю. Лермонтовъ. Мцыри. Демонъ. Изд. Вятск. губ. земства. 1901 г. Ц. 6 к.

Отчетъ Комитета Самарск. частн. кружка помощи дѣтямъ крестьянъ Сам. губ. пострадавш. отъ неурож. 1898 г. Самара. 1900 г.

Т. Паркеръ. Лекціи по элементарной біологіи. Перев. съ англ. Львова. М. Изд. Сабашниковыхъ. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

Л. Е. Оболенскій. Исторія мысли. Спб. Изд. Гервей. 1901 г. Ц. 1 р. 25 к.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

ИТАЛЬЯНСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

(Критико-біографическіе очерки М. Ватсонъ).

Цѣль изданія—познакомить русскихъ читателей съ выдающимися итальянскими писателями и поэтами.

№ 1. Ада Негри (съ портретомъ). Цѣна 50 коп.
№ 2. Джозуэ Кардуччи (съ портретомъ). Цѣна 50 коп.
№ 3. Джузеппе Джусти (съ портретомъ). Цѣна 50 коп.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

№ 4. Алессандро Манцони.
№ 5. Джакомо Леопарди и др.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*The Prolongation of Life*» *by D-r. R. E. Dudgeon. London* (*Chatto and windus*). (*Продолжительность жизни*). Авторъ этой книги, восьмидесятилѣтній старикъ, англійскій докторъ, разсматриваетъ съ практической точки зрѣнія вопросъ о продолжительности жизни. Какъ опытный врачъ, самъ достигшій такого почтеннаго возраста, онъ подкрѣпляетъ свои разсужденія и совѣты собственнымъ примѣромъ, вслѣдствіе чего они получаютъ особенное значеніе въ глазахъ читателей. Во всякомъ случаѣ, онъ говоритъ «по собственному опыту». Но его книга написана такъ живо и такимъ увлекательнымъ слогомъ, что никакимъ образомъ нельзя предположить, что авторъ ея—глубокій старикъ. «Моя цѣль,—говоритъ онъ въ своемъ предисловіи,—указать, какимъ образомъ мы можемъ сохранить способности и главныя функціи нашего организма, такъ, чтобы стоило жить, даже достигнувъ весьма почтенныхъ лѣтъ». Авторъ очень много распространяется о радостяхъ, которыя доступны старости и заканчиваетъ свою замѣчательно интересную книгу словами: «А когда придетъ смерть, которая будетъ просто безболѣзненнымъ угасаніемъ жизни, наступающимъ подъ конецъ здоровой старости, то человѣку, который можетъ искренно сказать себѣ: «Non inutilis vixi!» — не будетъ страшно умирать!»

(Review of Rewiews).

«*The Great Famine*» *by Vanghan Nash* (*Longmans*). (*Великій голодъ*). Въ этой книгѣ заключается не только трогательный разсказъ о томъ, что происходитъ въ Индіи, которую терзаетъ голодъ и различныя эпидеміи, но изъ нея можно почерпнуть много свѣдѣній, касающихся экономическаго положенія Индіи и ея будущаго. Авторъ этой книги объѣздилъ всѣ мѣстности Индіи, пораженныя голоднымъ бѣдствіемъ и разсказъ его, какъ очевидца, производитъ сильное впечатлѣніе.

(Reviews of Rewiews).

«*La Marine et le Progrés; les luttes de l'Avenir, par la Science, par les Millions*» *par M. Maurice Lois et Gaston de Caqueray.* (*Librairie Hachette*). *Pris: 3 fr. 50* (*Флотъ и прогрессъ*). Морскіе вопросы начинаютъ выступать на первый планъ и пріобрѣтаютъ все большее и большее значеніе и всѣ націи міра за послѣднія десять лѣтъ стремятся къ увеличенію своего флота. Въ названной книгѣ изображается эволюція флота со времени появленія перваго парохода.

(Journal des Débats).

«*Lepcha Land: or six wleks in the Sikhim Himalayas*» *by Florence Donaldson. London* (*Sampson Low, Marston and C°*). *Ov. 6 d.* (*Шесть недѣль въ Гималаяхъ*). Авторъ этой книги, мистриссъ Дональдсонъ, описываетъ свое продолжительное путешествіе по Гималаямъ, которое она называетъ «затянувшимся пикникомъ». Она выѣхала вмѣстѣ со своими спутниками изъ Калькутты сначала по желѣзной дороги, а затѣмъ на лошадяхъ, а далѣе уже путешествовала пѣшкомъ. Конечно, путешествіе въ Гималаяхъ было богато всякаго рода приключеніями и авторъ описываетъ ихъ съ большимъ увлеченіемъ. Очень хороши иллюстраціи, приложенныя къ книгѣ, фотографическіе снимки съ мѣстностей Бутана и Сиккима, которые даютъ понятіе о величественной красотѣ этой части Гималаевъ.

(Daily News).

«*Napoleon prisonnier*». *Mémoires d'un médecin de l'empereur à Sainte élène, par Paul Frémeaux.* (*Flammarion*). (*Наполеонъ плѣнникъ*). Авторъ этихъ воспоминаній, англійскій хирургъ Джонъ Стокё, служившій на военномъ суднѣ, «Conqueror» нѣсколько разъ подавалъ медицинскую помощь знаменитому плѣннику. Соблюдая корректную сдержанность, какъ подобаетъ англійскому офицеру, англійскій хирургъ относился къ своему паціенту съ чрезвычайною гуманностью, о чемъ можно заключить изъ его дневника, откуда Поль Фреми беретъ извлеченія для своей книги, изображающей жизнь императора Наполеона на островѣ Св. Елены. Между прочимъ, англійскій хирургъ своимъ разсказомъ еще разъ подтверждаетъ некрасивое поведеніе Гудсона Лоу и англичанъ, о которыхъ говорится рѣшительно во всѣхъ воспоминаніяхъ, относящихся къ плѣну Наполеона.

(Journal des Débats).

«*Au Pays des Castes*». *Voyage à la Côte de la Pêherie.—Par Stephen Coubé. Nouvelle edition. 3 fr. 50.* (*Въ странѣ кастъ*). Въ этой книгѣ авторъ разсказы-

ваетъ очень живо и интересно всѣ разнообразныя приключенія своего путешествія по Бэнгаліи тринадцать лѣтъ тому назадъ. Читатель знакомится съ нравами и обычаями различныхъ мелкихъ племенъ, населяющихъ эту часть Индіи.

(Journal des Débats).

«*An Essay on western Civilisation*» *by W. Cunningham. Cambridge. University Press.* (*Очерки западной цивилизаціи*). Этотъ ученый трудъ написанъ, однако, такимъ образомъ, что его съ удовольствіемъ прочитаютъ даже и не спеціалисты. Авторъ изслѣдуетъ западную цивилизацію съ экономической точки зрѣнія, и всѣ историческія событія выводитъ изъ экономическихъ фактовъ, такъ что политическая эволюція Европы представляется въ совершенно новомъ свѣтѣ. (Daily News).

«*The Boys' Club*» *by B. Paul Neuman* (*David Nutt*). (*Клубъ мальчиковъ*). Авторъ чрезвычайно сочувственно относится къ клубамъ мальчиковъ, какъ къ воспитательному средству, и доказываетъ, что посредствомъ этихъ клубовъ можно достигнуть очень многаго въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія и исправленія мальчугановъ. Въ книгѣ описана организація нѣкоторыхъ клубовъ для мальчиковъ, устроенныхъ въ Лондонѣ.

(Bookseller).

«*A History of Chinese Literature*» *by Herbert A. Giles.* (*Heinemann*). (*Исторія китайской литературы*). Китайская литература мало извѣстна европейцамъ. Авторъ этой книги старается познакомить съ ней своихъ читателей и въ сжатомъ очеркѣ изслѣдуетъ исторію развитія китайской изящной словесности.

(Bookseller).

«*The Power of womanhosd, or Mothers and Sous*» *A. Book for parents by Ellise Hopkins* (*Wells Gardner*) *Third Edition.* (*Сила женщины*). Авторъ подробно изучаетъ роль, которую играютъ матери въ дѣлѣ воспитанія своихъ сыновей, и вліяніе, которое онѣ могутъ имѣть на образованіе ихъ характера. Книга эта заслуживаетъ полнаго вниманія. (Daily News).

«*Das Papsttum in seiner social-kulturellen Wirksamkeit*» *Graf von Hoensbroech.* (*Breitkopf und Härtel*). *Leipzig.* (*Папство и его соціально-культурная дѣятельность*). Авторъ этой книги—воспитанникъ іезуитовъ, отрекшійся впослѣдствіи отъ католической церкви. Его произведеніе представляетъ грозный обвинительный актъ противъ католицизма. Въ первомъ томѣ онъ говоритъ объ инквизиціи, суевѣріяхъ, процессахъ вѣдьмъ и т. п., второй же исключительно посвященъ изслѣдованію соціально-культурной дѣятельности папства и его вліянія на нравственность, главнымъ образомъ на семью, а также на литературу, искусства и экономическія условія современной жизни. Авторъ затрогиваетъ очень жгучій вопросъ современной европейской политики, говоря о политической пропагандѣ, и такъ какъ его книга полна разоблаченій, то, разумѣется, она сразу произвела сильное впечатлѣніе и первое изданіе разошлось очень быстро, такъ что книга эта выходитъ уже вторымъ изданіемъ. (Frankfurt. Zeit.).

«*The Men who made the Nation*» *by D-r Edwin Erle Sparks* (*Macmillan*). (*Люди, создавшіе націю*). Для иллюстраціи перехода Америки отъ чрезмѣрнаго индивидуализма восемнадцатаго вѣка къ коллективизму XX вѣка, авторъ избралъ форму біографій. Выборъ оказался очень удачный. Въ цѣломъ рядѣ біографическихъ очерковъ авторъ даетъ полную картину образовательнаго періода исторіи Америки. Всѣ эти очерки написаны очень талантливо и образы героевъ—«творцовъ націи» выступаютъ въ нихъ какъ живые, вызывая въ душѣ читателя невольное сочувствіе въ своей дѣятельности. (Daily News).

«*Oliver Cromwell*» *by John Morley. London (Macmiclan) London.* (*Оливеръ Кромвель*). Лѣтъ пять тому назадъ Джонъ Морлей предлагалъ англійскому парламенту поставить на государственный счетъ памятникъ Кромвеллю въ парламентскомъ зданіи. Тогда консервативные депутаты провалили это предложеніе, но лордъ Розберри впослѣдствіи воздвигъ на свой счетъ этотъ памятникъ въ Вестминстерскомъ скверѣ. Теперь Джонъ Морлей, въ своей превосходной монографіи, воздвигаетъ самый лучшій памятникъ великому англійскому пуританину, хотя и старается быть безпристрастнымъ и изображать не только его хорошія качества, но и всѣ его дурныя стороны и заблужденія, тѣмъ не менѣе образъ Кромвелля выступаетъ ярко на страницахъ этой біографіи, изъ которой читатель можетъ почерпнуть очень интересныя свѣдѣнія объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ періодовъ англійской исторіи. (Morning Post).

«*Chîna from within: or the Story of the Chinese crisis*» *by Stanley P. Smith. London* (*Marshall, brothers*). (*Китай внутри; исторія китайскаго кризиса*). Книга составлена изъ статей, мѣстныхъ газетъ и корреспонденцій съ цѣлью представить постепенный ходъ событій и развитіе китайскаго кризиса.

(Manchester Guardian).

«*Educational aims and Methods*» *by sir Joshua Fitch. Cambridge* (*University Press*) *Price: 5s.* (*Воспитательные методы и цѣли*). Каждый учитель и воспитатель непремѣнно долженъ прочесть эту книгу, представляющую сборникъ лекцій на разныя жгучія темы современнаго воспитанія. Особенно заслуживаетъ вниманія лекція подъ заглавіемъ «Эволюція характера», въ которой указывается на громадное значеніе образованія характера въ дѣлѣ воспитанія.

(Morning Post).

«*Philosophische Erzählungen*» *von Theodor Herzl. Berlin* (*Gebr. Paetel*), *Философскіе разсказы*). Теодоръ Герцль тонкій наблюдатель и разсказы его блещутъ юморомъ, хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ слышится «смѣхъ сквозь слезы». Въ каждомъ изъ этихъ разсказовъ заключается этическое содержаніе.

(Berliner Tageblatt).

«*Ein Afrikanischer Millionär*» *Grant Allen. Episoden aus dem Leben. Zeipzig* (*Philipp Reclam*). (*Африканскій милліонеръ*). Очень занимательная книга, преисполненная юмора и даже напрашивающаяся на сравненіе съ великими произведеніями такого рода литературы, какъ, напр., «Жиль Блазомъ» Лесажа. Но книга эта во всякомъ случаѣ представляетъ современный интересъ, такъ какъ герой ея—владѣлецъ золотыхъ копей въ Кимберлеѣ и дѣйствіе происходитъ въ южной Африкѣ.

(Frankfurt Zeitung).

«*Aphorismenschatz der Weltliteratur*» *Gesammelt von Fritz Hoddiek. Berlin* (*Weidling* (*Сокровище афоризмовъ міровой литературы*). Эта книга заключаетъ въ себѣ очень богатый матеріалъ. Читатель можетъ найти въ ней афоризмъ для каждаго настроенія и ни одинъ современный міровой вопросъ не остается въ ней не затронутымъ.

(Frankfurt Zeit.).

«*Die Religion des mitteren Amerika*» *von Konrad Häbler. Münster* (*Aschendorfsche Buchhandlung*). (*Религія средней Америки*). Это четырнадцатый томъ серіи, издаваемой подъ общимъ названіемъ «Darstellungen aus dem Gebiete der nichtchristlichen Religionsgeschichte», въ которомъ читатель знакомится съ новѣйшими изслѣдованіями древней культуры въ центральной Америкѣ. Въ главѣ «Частные культы» превосходно изложено постепенное возникновеніе и происхожденіе народныхъ обрядовъ и подчиненіе отдѣльныхъ индивидовъ религіозной идеѣ. (Frankfurt Zeit.).

«*Thomas Alva Edison—der Erfinder*» *von Franz Pahl* (*Biographische Volksbücher*). *Leipzig* (*Эдисонъ-изобрѣтатель*). Герой этого біографическаго очерка—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей своего времени, приводящій въ изумленіе весь міръ своими великими изобрѣтеніями и открытіями. Его исторія интересна въ томъ отношеніи, что онъ, то что называется въ Америки «Self-mademan»—человѣкъ, собственными силами добившійся всего. Онъ началъ свою трудовую жизнь въ такомъ возрастѣ, когда обыкновенно еще сидятъ на школьной скамьѣ. Ему пришлось самому заработывать себѣ кусокъ хлѣба и въ то же время учиться. Біографія написана очень живо и читается съ большимъ интересомъ.

(Frankfurt Zeit.).

«*Ideals in Ireland*» *Edited by Lady Gregory. Written by A. E. D. P. Moran, George Moore, Douglas Hyde, Standmeh O'Grady and W. B. Ueats* (*Unicorn Press*) (*Идеалы въ Ирландіи*). Истинная ирландская литература начала зарождаться только въ послѣднія десятилѣтія. Исторія Ирландіи въ теченіе всего XIX вѣка была исторіей народа, борющагося за право самому управлять своими дѣлами и жить собственною жизнью, это обстоятельство, конечно, не могло не отразиться на ирландской литературѣ и въ ней можно поэтому прослѣдить постепенную эволюцію ирландской идеи. Въ этомъ сборникѣ заключается шесть очерковъ по ирландской литературѣ, написанныхъ шестью ирландскими писателями, изображающими развитіе въ ирландской литературѣ ирландской идеи. Особенно хорошо написанъ очеркъ подъ заглавіемъ «Борьба двухъ цивилизацій».

(Daily News).

НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ.

Русскій демократъ г. Сурковъ и прусскій монархистъ Лассаль. (Къ характеристикѣ Лассаля).—Въ чемъ смыслъ моего «призыва».

Въ ноябрьской книгѣ «Міра Божія» за прошлый годъ я напечаталъ замѣтку о Лассалѣ, внѣшнимъ образомъ пріуроченную къ 75-лѣтію со дня его рожденія. Въ этой замѣткѣ мнѣ хотѣлось почтить память знаменитаго дѣятеля и въ то же время подчеркнуть въ его духовномъ обликѣ то, что, на мой взглядъ, составляло внутреннюю мощь его личности и дѣятельности.

Маленькая замѣтка, оканчивавшаяся призывомъ, подѣйствовала какъ вызовъ къ полемикѣ. На нее появились послѣдовательно два возраженія въ журналѣ «Жизнь». Это нисколько неудивительно: взгляды мои не нравятся нѣкоторымъ журналистамъ и нѣкоторымъ «профанамъ», такъ же какъ ихъ взгляды, долженъ сознаться, не удовлетворяютъ меня. Странно вотъ что. Полемическое увлеченіе заходитъ такъ далеко, что одному изъ моихъ оппонентовъ, г. Суркову, написавшему въ отвѣтъ мнѣ довольно большую замѣку, понадобилось для опроверженія моихъ взглядовъ и, очевидно, въ ознаменованіе юбилея Лассаля, взвести на него явную неправду, а редакціи «Жизнь»—повидимому въ интересахъ своеобразной объективности—напечатать таковую неправду безъ всякихъ оговорокъ.

Г. Сурковъ цитируетъ слѣдующее мѣсто изъ книги Бернгарда Беккера («Enthüllungen über das tragische Lebensende Ferdinand Lassalle's») объ извѣстной брошюрѣ Лассаля «Итальянская война и задачи Пруссіи». «Лассаль въ этой брошюрѣ покидаетъ демократическую точку зрѣнія и разсматриваетъ все дѣло такъ, какъ разсматривалъ его любой изъ приверженцевъ готской программы. Онъ пишетъ не какъ демократъ, а какъ прусскій монархистъ... Порицая самымъ рѣзкимъ образомъ ненавистнаго для демократіи Луи-Наполеона, онъ въ то же время благоразумно умалчиваетъ о Викторѣ Эммануилѣ, тогда какъ послѣдній только и дѣлалъ, что проводилъ въ Италіи политику Бонапарта. Если бы Лассаль говорилъ на самомъ дѣлѣ отъ имени демократіи и держался бы демократической точки зрѣнія, то онъ долженъ былъ бы писать о борьбѣ Савойскаго дома, какъ писали истинные демократы Италіи. Столь же мало Лассаль имѣлъ основаній, будучи демократомъ, утверждать, что неудачу нѣмецкаго движенія 1848 г. нужно приписать неосуществленію единодержавія прусскаго королевства, достигнутаго разгромомъ Австріи, точно такъ же какъ (онъ) не имѣлъ права въ качествѣ демократа побуждать прусскій королевскій домъ къ подражанію бонапартистско-сардинской политикѣ и требовать отъ него осуществленія созданія единства Германіи».

«Такимъ образомъ, взгляды Лассаля, проводимые имъ въ указанной брошюрѣ, ни въ какомъ случаѣ не были демократическими. Наоборотъ, они построили единство, отдѣляя его отъ свободы и не принимая во вниманіе того, что единство, выкроенное Пруссіей, навсегда должно было оставаться крайне проблематичнымъ и означало поглощеніе Германіи пруссицизмомъ».

Лассалю не мало уже пришлось страдать отъ несправедливости Маркса и марксистовъ отъ Бернгарда Беккера до Бернштейна включительно. Г. Сурковъ

не первый и, быть можетъ, не послѣдній правовѣрный марксистъ, уличающій Лассаля въ недостаточномъ демократизмѣ. Но напрасно только г. Сурковъ взялъ себѣ въ руководителя по демократической критикѣ Лассаля такого подозрительнаго автора, какъ Беккеръ. Этотъ маленькій человѣчекъ, по завѣщанію Лассаля, но не исторіи ставшій его преемникомъ изъ злобы къ лассальянцамъ, прямо клеветнически лягалъ своего великаго предшественника, а г. Сурковъ, желающій поразить пишущаго эти строки, съ радостью ухватывается за клеветы Беккера и свиваетъ изъ нихъ своеобразный юбилейный вѣнокъ Лассалю.

Кстати, г. Сурковъ даже толкомъ не знаетъ, кто такой былъ Бернгардъ Беккеръ. Онъ воображаетъ, что этотъ Беккеръ былъ впослѣдствіи оберъ-бургомистромъ города Кельна. Но «красный Беккеръ» (Германъ Беккеръ) нѣкогда кельнскій коммунистъ и товарищъ Маркса, бывшій потомъ оберъ-бургомистромъ Кельна и либеральнымъ депутатомъ прусской палаты депутатовъ, совсѣмъ другое лицо, чѣмъ Бернгардъ Беккеръ *). Послѣдній былъ при жизни Лассаля его послѣдователемъ. Лассаль рекомендовалъ въ своемъ завѣщаніи избраніе Беккера своимъ преемникомъ на должность президента «Всеобщаго Германскаго союза» и благодаря такой авторитетной и, можно сказать, непререкаемой для лассальянцевъ рекомендаціи этотъ маленькій во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ сталъ во главѣ основаннаго Лассалемъ крупнаго общественнаго движенія. Но быть рекомендованнымъ Лассалемъ не значило быть призваннымъ исторіей къ крупной и отвѣтственной роли. Ни интриги Германа Беккера, ни званіе «президента человѣчества», которымъ онъ себя украшалъ не помогли ему: онъ долженъ былъ уступить мѣсто болѣе энергичнымъ, дѣльнымъ и умнымъ людямъ. Послѣ того, какъ Беккеръ порвалъ съ лассальянцами или вѣрнѣе послѣ того, какъ они порвали съ нимъ, онъ примкнулъ къ другой фракціи нѣмецкаго рабочаго движенія, къ руководимымъ Бебелемъ и Либкнехтомъ въ духѣ Маркса «эйзенахцамъ», которые, какъ извѣстно, были на ножахъ съ лассальянскимъ движеніемъ, предводительствуемымъ фонъ-Швейцеромъ. Любопытно, что въ свое время Беккеръ, будучи президентомъ лассальянскаго союза, выливалъ помои на Маркса, Энгельса и Либкнехта, пользуясь для этого памфлетами Фогта противъ Маркса и другими «грязными» источниками **). Будучи эйзенахцемъ-марксистомъ, Беккеръ написалъ свои «злобныя сочиненія», которыя любопытны и даже весьма цѣнны по сообщаемымъ въ нихъ впервые подлиннымъ документамъ, но содержатъ, по свидѣтельству Франца Меринга, «хамскія вылазки» и «отвратительныя глоссы», направленныя противъ Лассаля ***). Литературная дѣятельность Беккера, въ качествѣ редактора эйзенахскаго органа «Braunschweiger Volksfreund» и автора книгъ о Лассалѣ, много содѣйствовала, по указанію Меринга, поддержанію братоубійственной свары и взаимной травли между двумя фракціями одного и того же движенія. Въ концѣ концовъ положеніе Бернгарда Беккера и среди эйзенархевъ стало невозможно: онъ долженъ былъ удалиться въ Швейцарію, гдѣ въ нуждѣ покончилъ жизнь самоубійствомъ. Я нарочно ссылаюсь на мнѣніе Меринга, этого, быть можетъ, самаго ортодоксальнаго и фанатичнаго изъ всѣхъ современныхъ марксистовъ, о трудахъ и дѣятельности Беккера ****). Сколько-нибудь справедливые, вдумчивые и свѣдущіе

*) Г. Сурковъ не сдѣлалъ бы своей курьезной ошибки, если бы сколько-нибудь внимательно прочелъ имъ же самимъ цитируемую книгу Меринга. Я, впрочемъ, не ручаюсь, что эпитетъ «красный» относится къ Герману Беккеру, товарищу Маркса по демократическому движенію на Рейнѣ и потомъ оберъ-бургомистру Кельна, а не къ Августу Беккеру, ученику Вейтлинга, дѣйствовавшему въ Швейцаріи и окончившему свои дни также, какъ Вейтлингъ, эмигрантомъ въ Америкѣ.

**) См. объ этомъ у Меринга «Geschichte» etc. II, 144.

***) Тамъ же, II, 306, 562, 563.

****) Мерингъ вообще къ Лассалю и лассальянцамъ отнесся справедливо и по достоинству оцѣниваетъ ихъ значеніе.

марксисты въ настоящее время не станутъ и оспаривать того, что оцѣнка Лассаля, сдѣланная въ свое время Беккеромъ, крайне несправедлива и не можетъ быть повторяема. Я не понимаю вообще, какъ г. Сурковъ могъ, ничтоже сумняся, ссылаться на поистинѣ «неправеднаго» судью Беккера, такъ грубо, прямо аляповато *) раздѣлывающаго Лассаля. Это было и вовсе не нужно, потому что для строгаго марксистскаго суда надъ Лассалемъ, если таковой судъ вообще былъ для чего-нибудь нуженъ—можно было привлечь болѣе умнаго и ученаго, а потому и болѣе авторитетнаго автора, чѣмъ Беккеръ. Таковый имѣется въ лицѣ не безъизвѣстнаго Эдуарда Бернштейна. Г. Сурковъ ссылается правда, на его строгое сужденіе о берлинской рѣчи Лассаля. Но почему же г. Сурковъ умалчиваетъ о томъ анализѣ и о той оцѣнкѣ брошюры объ «итальянскомъ вопросѣ и задачахъ Пруссіи», которые даетъ Бернштейнъ и которые опираются у него на совершенно новый матеріалъ, на переписку Лассаля съ Марксомъ и Энгельсомъ? Не потому ли, что тогда огульное и аляповатое обвиненіе Беккера пришлось бы замѣнить гораздо болѣе сложнымъ сужденіемъ, въ главномъ и цѣломъ подрывающимъ клевету Беккера? Г. Сурковъ, быть можетъ, скажетъ, что Бернштейнъ для него слишкомъ «остороженъ». Но съ какихъ поръ осторожность въ сужденіяхъ о событіяхъ и людяхъ стала порокомъ? Осторожность въ общемъ крайне пристрастнаго п р о т и в ъ Лассаля Бернштейнъ **) есть лишь проявленіе обязательной для всякаго писателя добросовѣстности и обдуманности сужденія, и то обстоятельство, что г. Сурковъ предпочелъ преподнести русскимъ читателямъ вмѣсто «осторожнаго» сужденія Бернштейна огульно-обвинительное Беккера, свидѣтельствуетъ о недостаточно серьезномъ отношеніи самого г. Суркова къ дѣлу. Простая писательская добросовѣстность предписывала г. Суркову сообщить своимъ читателямъ слѣдующее: Бернштейнъ, опираясь на переписку Лассаля съ Марксомъ и отчасти Родбертусомъ, неопровержимо доказалъ, что Лассаль никогда не покидалъ демократической точки зрѣнія, и что выводы, которые дѣлались въ этомъ отношеніи о взглядахъ Лассаля, на основаніи его брошюры объ итальянской войнѣ, по существу не вѣрны и объясняются полнымъ игнорированіемъ своеобразныхъ литературно-публицистическихъ пріемовъ, употребленныхъ въ этой брошюрѣ Лассалемъ. Теперь, послѣ того, какъ Бернштейнъ въ 1892 г. опубликовалъ относящіяся къ тому же времени письма Лассаля къ Марксу, повторять сужденія Беккера значитъ либо умышленно игнорировать истину, либо съ непростительной небрежностью относиться къ ея установленію и распространенію. Г. Сурковъ имѣлъ право критиковать и даже осуждать литературно-публицистическіе пріемы Лассаля, но игнорировать его истинные взгляды и вмѣсто нихъ повторять росказни Беккера это, по меньшей мѣрѣ, было н е п о з в о л и т е л ь н о.

Въ письмахъ Лассаля къ Марксу, которыя цитируетъ Бернштейнъ, съ удивительною ясностью выраженъ взглядъ Лассаля на тѣ событія и дѣла, которымъ посвящена его брошюра объ итальянской войнѣ. Лассаль высказывается въ этихъ письмахъ какъ пламенный демократъ и рѣшительный врагъ прусскаго правительства, врагъ объединенія Германіи подъ руководительствомъ и гегемоніей Пруссіи, т.-е. врагъ той самой «малонѣмецкой» точки зрѣнія (или «готской» программы), въ приверженности къ которой г. Сурковъ устами Беккера обвиняетъ Лассаля. Всѣ эти истинные взгляды Лассаля въ яркихъ и энергичныхъ по стилю выдержкамъ изъ его писемъ къ Марксу (и Родбертусу) schwarz auf weiss доступны теперь всякому, кто возьметъ въ руки извѣстноевведеніе

*) Г. Сурковъ съ удовольствіемъ перепечатываетъ даже пошлыя сужденія Беккера о Кантѣ и Фихте.

**) Бернштейнъ въ 1892 г. въ качествѣ ортодоксальнаго марксиста и ближайшаго ученика Энгельса, находившагося подъ его личнымъ вліяніемъ, былъ крайне пристрастенъ не въ пользу Лассаля. Теперь, я думаю, Бернштейнъ иначе высказался бы о многомъ.

Бернштейна къ «Собранію рѣчей и сочиненій» Лассаля. И г. Сурковъ, имѣя въ рукахъ это введеніе, посмѣлъ поучать читателя «хамскими вылазками» Беккера! Что это? Небрежность?...

Достаточно привести одно мѣсто изъ письма Лассаля. Къ Родбертусу онъ пишетъ: «Если я что нибудь въ моей жизни ненавидѣлъ, такъ это—малонѣмецкую партію... 1½ года тому назадъ у меня было собраніе моихъ друзей въ которомъ я формулировалъ дѣло такъ: мы всѣ должны желать: «grossdeutschland moins les dynasties» (т.-е. единую нѣмецкую республику со включеніемъ нѣмецкихъ земель Австріи).

Въ своей брошюрѣ Лассаль обращался къ прусскому правительству, предлагая ему стать въ главѣ объединительнаго движенія Германіи. Повидимому между брошюрой и письмами—огромное противорѣчіе. Но противорѣчіе между брошюрой и письмами было въ концѣ концовъ лишь кажущееся. Тамъ гдѣ Лассаль въ брошюрѣ говоритъ что-нибудь такое, что не совпадаетъ съ развитыми въ письмахъ идеями, тамъ онъ пускаетъ въ ходъ всегда большое «если», и этому «если» онъ въ концѣ противопоставляетъ: «а если нѣтъ», «*тогда*» формулируетъ это «тогда» такъ: «Этимъ лишь снова и снова доказывается, что правительство въ Германіи не способно болѣе ни на какой національный подвигъ» (Бернштейнъ, Введеніе къ «Reden und Schriften», I, 57). Несомнѣнно, такимъ образомъ, что брошюра Лассаля была написана съ заднею мыслью, прямо въ ней невыраженной. Она заключала въ себѣ такой, обращенный къ прусскому правительству вызовъ, принятія и осуществленія котораго прусскимъ правительствомъ Лассаль, какъ послѣдовательный нѣмецкій демократъ, не могъ желать. И этотъ пріемъ можно осуждать или находить цѣлесообразнымъ и одобрять, но нельзя какъ это дѣлаетъ г. Сурковъ, утаивать отъ читателя, что то былъ именно литературно-публицистическій пріемъ, нельзя выдавать этотъ пріемъ за существо взглядовъ Лассаля.

Марксъ и Энгельсъ въ то время смотрѣли на положеніе международныхъ дѣлъ и на желательный ходъ политики совсѣмъ иначе, чѣмъ Лассаль. Лассаль исходилъ изъ мысли, что вмѣшательство Пруссіи въ пользу Австріи въ ея борьбѣ съ Наполеономъ и сардинскимъ домомъ было бы преступленіемъ противъ демократіи, Марксъ и Энгельсъ, ослѣпленные ненавистью къ Бонапарту и бонапартизму, повидимому, желали войны соединенной Германіи (т.-е. Австріи и остальной Германіи) противъ второй имперіи изъ-за ея не безкорыстнаго вмѣшательства въ итальянскія дѣла. Нападеніе Наполеона на Австрію они считали нападеніемъ бонапартизма противъ всей нѣмецкой націи, и требовали національнаго отпора Германіи противъ французской имперіи, которую они къ тому же подозрѣвали въ поползновеніяхъ на Рейнъ. Такимъ образомъ, они теоретически считали желательнымъ національное объединеніе Италіи и освобожденіи сѣвера ея отъ австрійскаго владычества, практически считали необходимымъ рѣшительную борьбу нѣмецкой націи противъ той силы, въ союзѣ и компромиссѣ съ которою при данныхъ обстоятельствахъ только и могло осуществиться объединеніе Италіи и изгнаніе изъ нея австрійцевъ—противъ французскаго императора.

Мы не можемъ не сказать, что взгляды Лассаля на европейскій кризисъ 1859—1860 гг. вызываютъ въ насъ гораздо больше сочувствія и представляются намъ гораздо болѣе дальновидными, чѣмъ взгляды Маркса и Энгельса, продиктованные исключительно ненавистью къ наполеоновскому режиму. Въ этомъ отношеніи мы рѣзко расходимся съ Бернштейномъ, который, очевидно, писалъ свое введеніе 1892 г. подъ сильнымъ вліяніемъ Энгельса. Удивительно странное впечатлѣніе производитъ попытка Бернштейна скомпрометировать точку зрѣнія Лассаля, показавъ ея совпаденіе со взглядами писателей, завѣдомо писавшихъ въ интересахъ политики Наполеона III. Точно такія совпаде-

нія что-нибудь доказываютъ! Карлъ Фогтъ или кто-нибудь другой могъ писать по заказу Наполеона и въ его интересахъ,—Лассаль выражалъ *свое* демократическое убѣжденіе и совпаденіе ихъ въ тѣхъ или другихъ взглядахъ не дѣлаетъ бонапартистовъ искренними демократами и нисколько не компрометируетъ и не опровергаетъ такого демократа, какъ Лассаль. Въ разногласіи по вопросу объ европейскомъ кризисѣ 1859—1860 гг. Лассаль явился выразителемъ живого непосредственнаго взгляда на вещи. Марксъ и Энгельсъ же представляли въ своемъ лицѣ болѣе обдуманную и разсчетливую, но въ то же время нерѣдко и *доктринерски-надуманную*, лишенную живой связи съ дѣйствительностью точку зрѣнія. Такъ было во всемъ. Едва успѣлъ сойти въ могилу борецъ за всеобщую подачу голосовъ, Лассаль, какъ въ 1865 г. Энгельсъ опубликовалъ брошюру, въ которой—съ демократической точки зрѣнія и съ ссылкой на опытъ Франціи—скептически и холодно отзывался о всеобщемъ избирательномъ правѣ, какъ бы предостерегая германскую демократію отъ увлеченія этимъ краеугольнымъ пунктомъ политической программы Лассаля.

Одно, во всякомъ случаѣ, вѣрно. Въ 1859 г., когда Марксъ и Энгельсъ, тоже изъ честныхъ демократическихъ побужденій, но ослѣпленные ненавистью къ наполеоновскому режиму, если не прямо высказывались за національную войну Германіи противъ наполеоновской Франціи, то, во всякомъ случаѣ, склонялись въ пользу такой войны и ставили ея необходимость въ зависимость отъ такихъ условій, которыя никакихъ серьезныхъ угрозъ противъ германскаго народа не составляли, Лассаль заявилъ протестъ противъ національной войны между двумя великими націями средней Европы. Въ то время какъ Энгельсъ въ качествѣ спеціалиста по военнымъ дѣламъ, высчитывалъ стратегическія выгоды, которыя Бонапартъ пріобрѣтетъ отъ присоединенія Ниццы и Савойи и оцѣнивалъ опасности, которыя грозятъ правому берегу Рейна отъ усиленія военнаго могущества французскаго императора, Лассаль рисовалъ послѣдствія войны между Германіей и Франціей для *европейской культуры*.

Оцѣнка послѣдствій этой войны, сдѣланная Лассалемъ въ обруганной Беккеромъ и г. Сурковымъ брошюрѣ въ 1859 году, т.-е. за 11 лѣтъ до ея объявленія, навсегда останется въ политической литературѣ памятникомъ политической проницательности. Лассаль называетъ эту войну «культурно-историческимъ бѣдствіемъ». «Какъ возможно, будучи *демократомъ*,—говоритъ онъ,—не видѣть, что эта война была бы самымъ *враждебнымъ культурѣ событіемъ*, какое только можно представить себѣ?!»

Въ своихъ заподозрѣваніяхъ демократизма Лассаля г. Сурковъ ссылается не только на брошюру объ итальянской войнѣ и на авторитетъ Беккера. Онъ указываетъ, кромѣ того, на берлинскую и ронздорфскую рѣчи Лассаля и на одно его письмо къ графинѣ Гатцфельдъ. Послѣднее, впрочемъ, никакого отношенія къ вопросу о демократизмѣ Лассаля не имѣетъ. Въ этомъ изліяніи сказывается только утомленіе отъ мелкой борьбы и потеря вѣры въ скорое наступленіе великихъ событій.

Въ берлинской защитительной рѣчи 1864 г. Лассаль говорилъ не столько по адресу судей и публики, сколько по адресу прусскаго правительства и въ частности самого Бисмарка. Всеобщему избирательному праву онъ справедливо придавалъ огромное значеніе для будущности демократіи. Геніально прозрѣвая въ намѣренія Бисмарка—дать объединенію Германіи, проводимому желѣзомъ и кровью, демократическую санкцію, всеобщую подачу голосовъ, онъ самъ всячески стремился укрѣпить въ правительствѣ эти намѣренія. Защитительная рѣчь 12-го марта 1864 г. заключала въ себѣ не болѣе, не менѣе какъ подстрекательство прусскаго правительства къ крупной политической реформѣ въ духѣ демократіи, на введеніе всеобщей подачи голосовъ. Какъ правильно замѣтилъ Бернштейнъ, 12-го марта Лассаль черезъ головы судей говорилъ съ Бисмаркомъ.

Вопросъ о томъ, нужно ли было такое подстрекательство, есть вопросъ факта. Весьма вѣроятно, что Лассаль былъ правъ, считая свое подстрекательство чрезвычайно полезнымъ. Въ такомъ случаѣ, онъ своею рѣчью оказывалъ крупную услугу дѣлу демократіи. Разъ Лассаль хотѣлъ увлечь прусское правительство на путь демократическихъ политическихъ реформъ, то *понятны* становятся тѣ выраженія, въ которыхъ онъ говорилъ о прусской монархіи и борьбѣ ея съ буржуазіей, замѣтимъ кстати, рѣзко оттолкнувшей отъ себя Лассаля и созданное имъ движеніе. Нельзя же забывать, что Лассаль былъ практическимъ политическимъ дѣятелемъ, не только увлекавшимся, но и увлекавшимъ, т.-е. убѣждавшимъ, сознательно воздѣйствовавшимъ извѣстнымъ образомъ на психику своихъ слушателей или читателей. Такой человѣкъ не могъ не говорить подчасъ *ad hominem*. Я нисколько не оправдываю всего сказаннаго Лассалемъ, я объясняю точно, что тѣ слабыя стороны, которыя можно найти въ его литературно-политической дѣятельности, стоятъ въ необходимой психологической связи съ ея содержаніемъ, характеромъ и размахомъ. Нельзя оправдать, напримѣръ, того, что онъ, говоря комплименты правительству, руководителемъ котораго былъ Бисмаркъ, позволилъ себѣ прусскую либеральную оппозицію называть кликой—это было несправедливо и находилось въ кричащемъ противорѣчіи съ его собственными заявленіями. Вообще на совѣсти (личной и политической) Лассаля есть рядъ заявленій, фразъ и оборотовъ, сказанныхъ исключительно ad hominem и объективно совершенно невѣрныхъ. Это—либо ловкіе удары виртуознаго политическаго борца, либо просто увлеченія агитатора, самолюбіе котораго шло вровень съ его блестящими дарованіями. Но прежде чѣмъ обвинять этого человѣка въ недостаточномъ демократизмѣ, какъ это дѣлаетъ г. Сурковъ, не лучше ли будетъ вспомнить, что каждое слово, исходившее изъ его устъ, говорилось въ интересахъ демократіи и въ безграничномъ увлеченіи ея дѣломъ *)?

Впрочемъ, когда я призывалъ къ «несгибаемому» *идеализму* Лассаля, я имѣлъ въ виду не только эту непреклонную преданность его демократическимъ идеаламъ. Она казалась мнѣ стоящей во всѣхъ отношеніяхъ внѣ спора. Безспорной казалась мнѣ какъ ея цѣнность, такъ и ея бытіе, въ качествѣ историческаго факта. Я не ожидалъ, что найдется русскій журналистъ, который поспѣшитъ, какъ это сдѣлалъ г. Сурковъ, росписаться за счетъ Лассаля въ своемъ демократизмѣ. Мнѣ въ моей замѣткѣ хотѣлось напомнить, что демократизмъ Лассаля сливался во-едино съ широкимъ міровоззрѣніемъ, покоившимся на основѣ идеалистической метафизики. Я лично нисколько не сомнѣваюсь, что своею практически-политическою силою и смѣлостью Лассаль былъ обязанъ не только неукротимому темпераменту, но и той—какъ у насъ любятъ выражаться—«идеологіи», въ которой онъ выросъ, той смѣлой и широкой метафизикѣ, въ которой онъ былъ ученикомъ Гегеля и Фихте. Мнѣ хотѣлось напомнить объ этой связи и подчеркнуть ея цѣнность. Я противопоставилъ поэтому идеалиста Лассаля не только матеріалистамъ Марксу и Энгельсу, но и неокантіанцу Ланге, на котораго указалъ Бернштейнъ. Этимъ всего лучше, мнѣ казалось, характеризовалась независимость моей точки зрѣнія какъ отъ ортодоксальнаго марксизма, такъ и отъ критики Бернштейна. **П. Струве.**

---

*) Г. Сурковъ находитъ, что Лассаля «скорѣе можно упрекнуть въ недостаточной готовности (къ чему?), поспѣшности (sic!) и преданности дѣлу» («Жизнь» 1900 г., декабрь, стр. 375). О г. Сурковъ, г. Сурковъ!! Право, вамъ слѣдовало бы быть менѣе.. поспѣшнымъ.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый Государь, г. Редакторъ!

По поводу помѣщеннаго въ январьскомъ нумерѣ Вашего уважаемаго журнала отзыва о переведенной подъ моею редакціею «Книгѣ о здоровомъ и больномъ человѣкѣ» проф. Бока, прошу не отказать напечатать, что ни въ составленіи, ни въ разсылкѣ упомянутаго въ рецензіи «листка» я никакого участія не принималъ, и что я самъ объ этомъ, столь же оригинальномъ, какъ и, по меньшей мѣрѣ, неприличномъ, издательскомъ пріемѣ впервые узналъ изъ Вашего же журнала.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи.

Д-ръ С. Б. Орѣчкинъ.

стр

17. ВОПРОСЪ ОБЪ ОРГАНИЗАЦІИ ОБЩЕСТВЕННАГО ПРИЗРѢНІЯ ВЪ ЧЕРНИГОВСКОМЪ ГУБ. ЗЕМСТВѢ. (Письмо изъ Чернигова). І. Д—ва. 22
18. БОРЬБА ВЯТСКАГО ЗЕМСТВА СЪ ЛУБОЧНЫМИ ИЗДАНІЯМИ. (Письмо изъ Вятки). Вятича. 25
19. Изъ русскихъ журналовъ. Педагогическіе идеалы буржуазіи.—Заброшенныя учебныя заведенія.—Новѣйшая польская литература.—Самая передовая страна въ мірѣ.—Положеніе русской кустарной промышленности.—Итоги парижской выставки 1900 г. 27
20. За границей. Перемѣна царствованія въ Англіи.—Максъ фонъ-Петтенкоферъ.—Вопросы общественной жизни и воспитанія во Франціи.—Въ Швеціи.—Изъ жизни въ Америкѣ.—Испанскій кризисъ.—Китайскій посланникъ въ роли публичнаго лектора.—Изъ области женскаго движенія. 36
21. Изъ иностранныхъ журналовъ. Гаремъ султана.—Союзъ матерей.—Бурсія характеристики.—Воспоминанія объ Андре.—«Цивилизованные» европейцы и «нецивилизованный» Китай. 51
22. ДЖУЗЕППЕ ВЕРДИ. (1813—1901 г.). Виктора Вальтера. . . 55
23. ФАНТАЗІЯ ВЪ XIX СТОЛѢТІИ. М. Г. 60
24. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ О физическомъ строеніи планетъ. К. Покровскаго. 63
25. НАУЧНЫЯ НОВОСТИ. Внезапное появленіе новой блестящей звѣзды «Nova Persei».—Силы давленія лучистой энергіи.—О слезахъ и смѣхѣ животныхъ.—О симбіозѣ муравьевъ и гусеницъ.—Химія въ археологіи. В. Агафонова. 74
26. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ» Содержаніе: Беллетристика.—Публицистика.—Исторія русская.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Біологія и ботаника.—Гигіена и медицина.—Народныя изданія.—Справочныя изданія.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію 79
27. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 105
28. НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ. Русскій демократъ г. Сурковъ и прусскій монархистъ Лассаль. (Къ характеристикѣ Лассаля).—Въ чемъ смыслъ моего «призыва». П. Струве 108
29. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. Д-ра Орѣчкина. 114

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

30. ВЪ СТРАНУ ЛАМЪ. Путешествіе по Китаю и Тибету. В. В. Рокхиля. Перев. съ англійскаго подъ редакціей В. К. Агафонова съ предисловіемъ и примѣчаніями Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Съ рисунками и картой 61
31. ОБЕЗДОЛЕННЫЕ. Романъ Самуэля Гордона. Перев. съ англ. А. Каррикъ. (Продолженіе) 67

При этомъ № разсылаются объявленія: книгоиздателя А. Ф. Девріена «Животный міръ» и Т-ва «Знанія» — «Исторія живописи въ XIX вѣкѣ» Р. Мутеръ.

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(28 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

для

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ — въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25 — 8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской*, Петровскія линіи, и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи*, присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается смой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя, статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица*, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

6) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

7) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

8) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

9) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 25 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

10) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

11) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час. *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

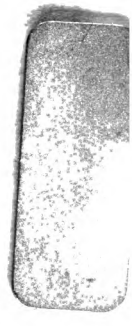
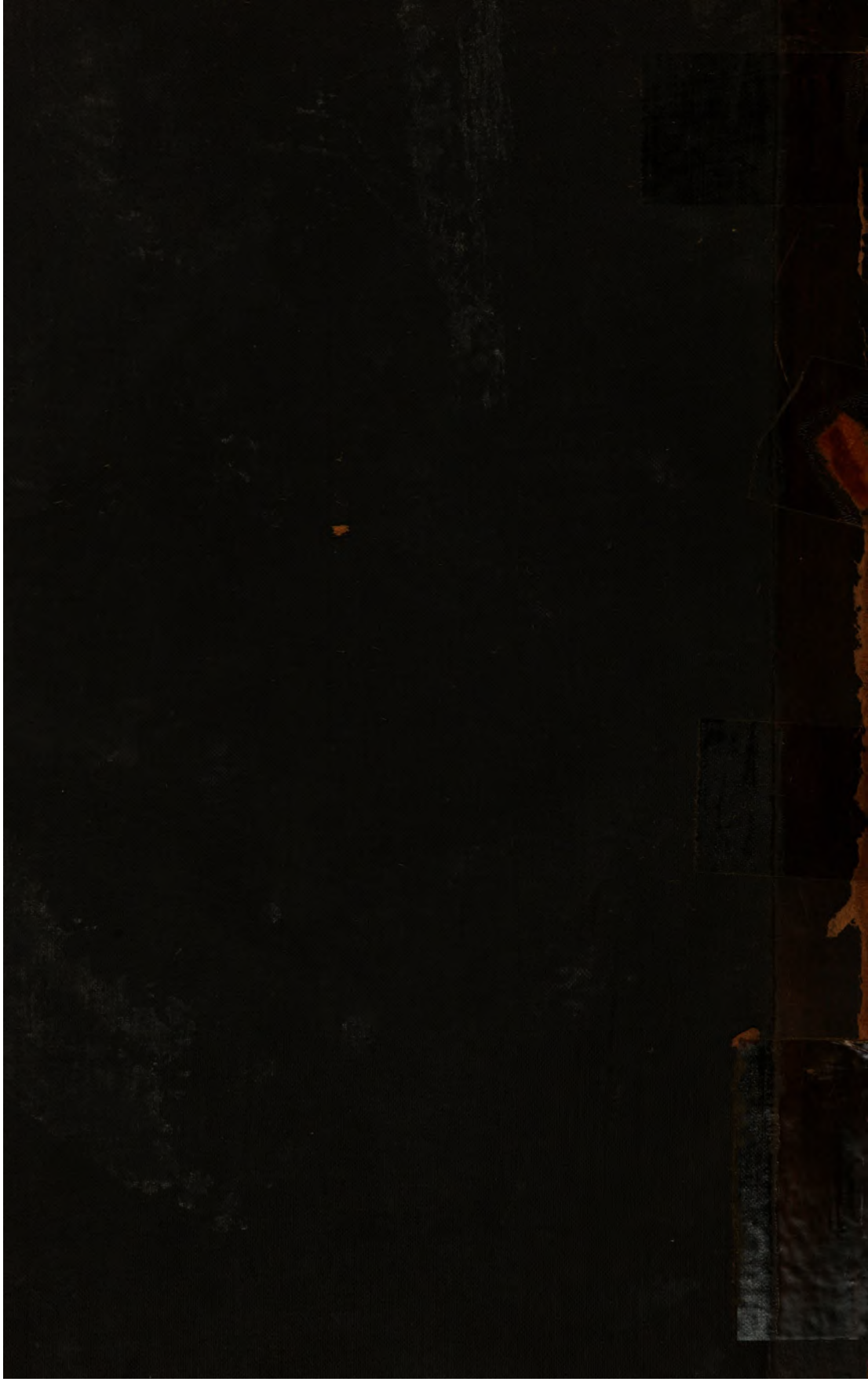
FOURTEEN DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED

LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

26Jun'56HJ	
SEP 09 1993	
AUTO DISC CIRC OCT 05 '93	

LD 21-100m-2,'55
(B139s22)476

General Library
University of California
Berkeley

U.C. BERKELEY LIBRARIES
C022830233